

ISSN 2223–2982



**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№6 2026 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

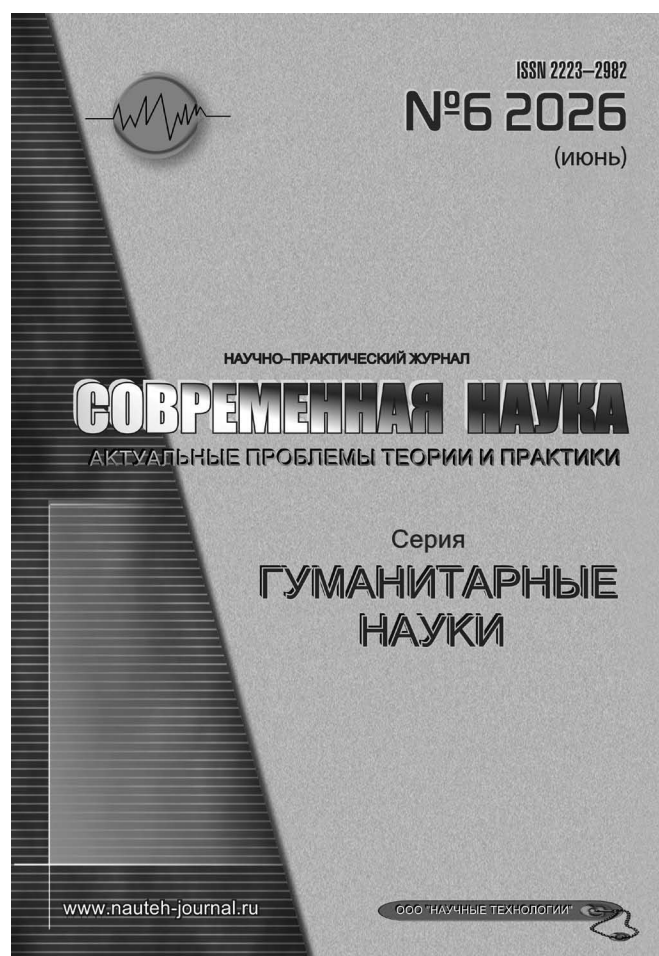
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №6 (июнь) 2026 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)



В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 12.06.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982



Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ
им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент,
Дагестанский государственный медицинский университет
Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ

История

Алимова Л.Б., Абакумов Е.В. – Оренбургское губернское правление как институт адаптации имперского законодательства в системе управления приграничным регионом Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX века)
Alimova L., Abakumov E. – The Orenburg provincial board as an institution for the adaptation of imperial legislation in the administration of a border region of the Russian empire (late 18th – first half of the 19th century) 8

Берлов А.В. – Эвакуация промышленности и населения в годы великой отечественной войны в исторической памяти
Berlov A. – Evacuation of industry and population during the great patriotic war in historical memory 13

Долгов В.В. – «Историографические аутсайдеры» сер. XIX в. о развитии поземельной собственности в России
Dolgov V. – "Historiographical outsiders" of the mid-19th century on the development of landed property in Russia 18

Иванов Н.В., Карпов А.В., Карпова О.В. – Кадровый состав органов советской милиции Чувашии в 1920-е годы
Ivanov N., Karpov A., Karpova O. – Personnel of the Chuvashia soviet militia institutions in the 1920s 26

Кондалова Н.А. – Региональные практики предотвращения и преодоления последствий эпизоотий в Российской империи в XIX в. (на материалах Пензенской губернии)
Kondalova N. – Regional practices for preventing and overcoming the consequences of epizootics in the Russian Empire in the 19th century (based on materials from the Penza province) 30

Макарова М.Б., Синегубов С.Н., Воронина Д.М., Воронин В.А., Касаткина А.А. – Берлинские кризисы как фактор трансформации советско-американских отношений в условиях холодной войны (1958–1971 гг.)
Makarova M., Sinegubov S., Voronina D., Voronin V., Kasatkina A. – Berlin crises as a factor in the transformation of Soviet-American relations during the cold war (1958–1971) 39

Никитин А.К. – Принципы работы Н.М. Карамзина с историческими источниками: между летописной традицией и критическим методом
Nikitin A. – Principles of N.M. Karamzin's work with historical sources: between the chronicle tradition and the critical method 43

Оганян В.А. – Институциональные условия развития клиометрики в современной России: возможности и препятствия
Ohanyan V. – Institutional conditions for the development of cliometrics in modern Russia: opportunities and obstacles 48

Попов Г.Г., Бианкина А.О. – Комплектование сухопутных войск вермахта на отдельных этапах великой отечественной войны
Popov G., Biankina A. – Recruitment of the wehrmacht ground forces at certain stages of the great patriotic war 53

Шевельков А.И. – К проблеме продовольственного обеспечения населения СССР в 1950–1980-е годы
Shevelkov A. – To the problem of food security of the USSR population in the 1950s–1980s 58

Педагогика

Асейкина Л.С., Кашина Л.Г. – Особенности работы с военно-техническими текстами по языку специальности на занятиях с иностранными военнослужащими

Aseykina L., Kashina L. – Features of working with military-technical texts in specialty languages in classes with foreign military personnel 63

Ван Юйтин – Учет этнопсихологических особенностей кандидатов как один из ведущих принципов разработки теста по русскому языку как иностранному второго уровня для китайских студентов
Wang Yuting – Taking into account the ethnopsychological characteristics of candidates as one of the leading principles in developing a test in Russian as a foreign language at the second level for Chinese students 68

Виноградова А.П., Олейник Ю.П. – Профессиональные затруднения педагогов в образовательной игропрактике
Vinogradova A., Oleinik Ju. – Professional difficulties of teachers in educational game practice 73

Иневаткина С.Е., Семакина И.И., Чадина С.В., Дмитриева О.П., Ульянова Ю.А. – Исследование уровня сформированности навыков коммуникации у дошкольников с расстройствами аутистического спектра
Inevatkina S., Semakina I., Chadina S., Dmitrieva O., Ulyanova Yu. – A study of the level of development of communication skills in preschool children with autistic spectrum disorders 79

Иневаткина С.Е., Фимушкина А.Е., Юрасова К.А., Рыженкова Т.А. – Исследование особенностей детско-родительских отношений в семьях младших школьников с нарушением интеллекта
Inevatkina S., Fimushkina A., Yurasova K., Ryzhenkova T. – A study of the characteristics of parent-child relationships in families of primary school children with intellectual disabilities 83

Казинец В.А. – Информация и проблемы содержания подготовки учителей математики и информатики
Kazinets V. – Information and problems of the content of training teachers of mathematics and computer science 87

Каримова К.С. – Теории усвоения лексики иностранного языка (гипотеза входного материала, интервальное повторение) и их применение в вузовском курсе английского
Karimova K. – Theories of vocabulary acquisition of a foreign language (hypothesis of input material, interval repetition) and their application in the university English course 92

Копрева Л.Г., Данелян Г.В. – Применение ролевых игр как действенный способ формирования профессионально-коммуникативной компетенции на разных этапах обучения
Kopreva L., Danelyan G. – Implementation of role-play games as an effective way of developing professional communicative competence at different stages of educational process 97

Котельникова О.А., Бессонова А.В. – Гуманитарные дисциплины в образовательных организациях высшего образования системы МВД России как основа профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел
Kotelnikova O., Bessonova A. – Humanitarian disciplines in higher education institutions of the ministry of internal affairs of Russia as a basis for professional training of law enforcement officers 107

Курганов Д.В. – Ризоматический подход в проектировании системы повышения квалификации преподавателей корпоративного университета
Kurganov D. – A rhizomatic approach to designing a corporate university faculty development system 111

Марчук С.А., Марчук В.А. – Паспорт психофизической готовности как инструмент контроля эффективности профессионально-прикладной подготовки студента в вузе
Marchuk S., Marchuk V. – Passport of psychophysical readiness as a tool for monitoring the effectiveness of a student's professional and applied training at a university 116

Никитин А.Ю., Федяшина М.А., Гулева Л.В. – Методика применения технологий виртуальной реальности при изучении курса «инженерная графика» в условиях гибридного обучения
Nikitin A., Fedyashina M., Guleva L. – Methodology of applying virtual reality technologies to study the course "engineering graphics" in a hybrid learning context120

Пугачева Е.В. – Искусственный интеллект и педагогика сердца: что может технология и что остается человеку в образовании
Pugacheva E. – Artificial Intelligence and the pedagogy of the heart: what technology can do and what remains human in education125

Рабданова П.М., Астарханова Н.Р., Гаджимагомедова Т.И. – Педагогические основания формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов медицинских вузов
Rabadanova P., Astarkhanova N., Gadzimagomedova T. – Pedagogical foundations for the formation of a life safety culture among medical university students.129

Сытина Н.А., Ладонина Е.Ю. – Обучение иностранному языку студентов-математиков с учетом нейропсихологических факторов
Sytina N., Ladonina E. – Teaching a foreign language to mathematics students taking into account neuropsychological factors.....134

Сычев И.А., Колосова Т.Ю., Иванычева Ю.Н., Лаксаева Е.А. – Новая образовательная технология преподавания дисциплины биоорганическая химия для студентов – выпускников медицинских колледжей и первые итоги ее внедрения
Sychev I., Kolosova T., Ivanycheva Yu., Laksaeva E. – A new educational technology for teaching the discipline of bioorganic chemistry for medical college graduate students and the first results of its implementation139

Тютюков В.Г., Галицын С.В., Бородин П.В., Долматова Е.И., Усаяева Д.Е. – Взгляд на создание передовой инженерной школы в вузе физической культуры
Tyutyukov V., Galitsyn S., Borodin P., Dolmatova E., Usyaeva D. – A look at the creation of an advanced engineering school at a physical education university.....144

Фазулзянова А.И., Гаврилина А.З., Саглам Ф.А., Ханмурзина Р.Р. – Интеграция формирования эмоционального интеллекта и логического мышления младших школьников на уроках английского языка
Fazulzyanova A., Gavrilina A., Saglam F., Khanmurzina R. – Integrating the development of emotional intelligence and logical thinking in primary school students during English language lessons150

Фокин Р.Р., Абиссова М.А. – О содержании обучения в вузах случайным процессам
Fokin R., Abissova M. – About the content of teaching random processes in universities154

ФИЛОЛОГИЯ

Амосов Н.В. – Анализ речевых особенностей игры Starcraft: Brood War (психолингвистический аспект)
Amosov N. – The analysis of the speech features of the game Starcraft: Brood War (psycholinguistic aspect)160

Бескромный В.О., Перминов А.О., Водоветов С.В. – Трансформация медиапотребления в спорте под воздействием массовой культуры
Beskromny V., Perminov A., Vodopetov S. – Transformation of media consumption in sports under the influence of popular culture.....167

Бурдина С.В., Чжан Цзюань – Образ Китая в пьесе С.М. Третьякова «Рычи, Китай!»
Burdina S., Zhang Jiyuan – The Chinese text in S. M. Tretyakov's play "Roar, China!".....171

Ван Кэ – Стратегии перевода русских деепричастий в научно-технических новостях на китайский язык
Wang Ke – Strategies for translating Russian adverbial participles in scientific and technical news into Chinese.176

Гаджихмедов Н.Э., Магомедова С.А. – Лицо как культурный код во фразеологической картине мира даргинского и русского языков
Gadzhikhmedov N., Magomedova S. – Face as a cultural code in the phraseological worldview of the Dargin and Russian languages181

Егорова Л.Г., Сурган М.А., Абдулкадыров А.А. – Лексико-семантические средства конструирования медиаобраза республики Крым в публикациях «Крымской газеты»
Egorova L., Surgan M., Abdulkadyrov A. – Lexico-semantic means of mediaconstruction of the image of the republic of Crimea in publications of "Krimskaya gazeta".186

Егорова М.Р., Коротеева К.Е. – Имплицитность как механизм смыслообразования в современном медиадискурсе
Egorova M., Koroteeva K. – Implicitness as a meaning-making mechanism in contemporary media discourse191

Коломейцева Е.Б. – Использование полисенсорных описаний для создания иммерсии в литературе ужасов
Kolomeytseva E. – The use of multisensory descriptions for horror literature's creation of immersion199

Куделько Т.А. – Устойчивые синтаксические модели как источник каузативной семантики: опыт применения русского конструктива к диалогам с ИИ
Kudelko T. – Fixed syntactic patterns as a source of causative semantics: applying the Russian constructicon to human-ai dialogues.203

Мокаева И.Р. – Этическая концептосфера карачаево-балкарской лингвокультуры: лексические репрезентанты
Mokaeva I.R. – The ethical conceptosphere of the Karachay-Balkar linguoculture: lexical representatives208

Семенова С.Н., Жандарова А.В. – Систематизация примеров художественных средств выразительности (на материале новеллы О. Генри «Пиминские блинчики»)
Semenova S., Zhandarova A. – Systematization of examples of artistic means of expression (based on O. Henry's short story "Pimienta pancakes").....211

Симонова Е.П. – Функции числительных в художественном тексте (на материале англоязычного перевода рассказа Лю Цысиня "The Village Teacher")
Simonova E. – Functions of numerals in a literary text (based on the English translation of Liu Cixin's short story "The Village Teacher").....219

Степанова О.М. – Обобщающие утверждения в монологической речи англоязычного подростка (на материале романа Д.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»)
Stepanova O. – Generalized statements in the monologue of an english-speaking teenager (based on J.D. Salinger's novel "The catcher in the rye").....225

Фомина П.С. – Передача стилистических особенностей кинотекста при переводе (на примере англоязычных и франкоязычных исторических художественных фильмов)
Fomina P. – Conveying stylistic features of texts in film translation (based on translation of English-language and French-language historical feature films)234

Фэн Цзиньбо – Сопоставительное исследование китайских и русских культурных символов растений в лингвокультурологическом аспекте
Feng Jinbo – A comparative study of Chinese and Russian cultural symbols of plants in the linguoculturological aspect239

Хлопкова М.В. – Диахроническая вариативность политической метафоры
Khlopkova M. – Diachronic variability of political metaphors243

Хуан Шаофэй – Формулы прощания в русской и китайской лингвокультурах
Huang Shaofei – Farewell formulas in Russian and Chinese linguistic cultures.....247

Четина Е.М., Герцен А.А. – Фильм-проповедь «Мальчики» как творческая интерпретация классического романа
Chetina E., Herzen A. – The sermon-film "Boys" as a creative interpretation of the classic novel254

Чжан Юй – Деконструкция классического любовного канона в русском постмодернистском рассказе
Zhang Yu – Deconstruction of the classical love canon in the Russian postmodern short story.....261

Шевчук Е.В., Никифорова Ж.А., Вацковская И.С. – Нейросетевой перевод и постмашинное редактирование в маркетинговых коммуникациях: вызовы, возможности и перспективы
Shevchuk E., Nikiforova Zh., Vatskovskaya I. – Neural translation and post-editing in marketing: challenges and opportunities.....266

Шлыкова Н.В. – Оказиональные фразеологические единицы в английском кинодискурсе
Shlykova N. – Occasional phraseological units in English film discourse.....273

Информация

Наши авторы. Our Authors.....277

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....280

ОРЕНБУРГСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ АДАПТАЦИИ ИМПЕРСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫМ РЕГИОНОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

THE ORENBURG PROVINCIAL BOARD AS AN INSTITUTION FOR THE ADAPTATION OF IMPERIAL LEGISLATION IN THE ADMINISTRATION OF A BORDER REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE (LATE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

L. Alimova
E. Abakumov

Summary: The article examines the evolution of the Orenburg Provincial Board as a key institution that adapted imperial legislation to the governance of a multi-ethnic border region. Based on legislative acts, archival materials, and previous scholarship, it shows that the Board's activity developed under the constant tension between normative unification and regional specificity. Special attention is paid to the military-civil dualism of power, the personnel structure of the institution, office-work practices, and the Board's role in regulating relations with indigenous populations and confessional institutions. It is concluded that the Orenburg Provincial Board acted as the most important administrative intermediary between the imperial center and borderland society.

Keywords: Russian Empire, public administration, Orenburg province, provincial board, border region, military governor.

Алимова Лилия Баторгалиевна

Доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российский государственный социальный университет, г. Москва
AlimovaLB@rgsu.net

Абакумов Евгений Владимирович

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Уфимский университет науки и технологий
Abakumov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается эволюция Оренбургского губернского правления как ключевого института, обеспечивавшего адаптацию общеимперского законодательства к условиям управления приграничным полиэтническим регионом. На основе законодательных актов, архивных материалов и трудов предшествующих исследователей показано, что деятельность правления развивалась в условиях постоянного противоречия между нормативной унификацией и региональной спецификой. Особое внимание уделено военно-гражданскому дуализму власти, кадровому составу учреждения, особенностям делопроизводства и участию правления в регулировании отношений с коренным населением и конфессиональными институтами. Делается вывод, что Оренбургское губернское правление выступало важнейшим административным посредником между имперским центром и пограничным обществом.

Ключевые слова: Российская империя, государственное управление, Оренбургская губерния, губернское правление, приграничный регион, военный губернатор.

Изучение механизмов интеграции приграничных территорий в имперское пространство составляет одно из актуальных направлений современной историографии. В центре внимания исследователей оказываются институты-медиаторы, осуществлявшие перевод общеимперских норм в практику локального управления. Особый интерес представляет опыт Оренбургского края, где на протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. пересекались задачи военно-стратегического обеспечения, хозяйственного освоения и регулирования отношений с полиэтническим населением. В этих условиях Оренбургское губернское правление выступало не просто органом гражданской администрации, но ключевым звеном, обеспечивавшим адаптацию унифицированной модели управления, заданной «Учреждениями» 1775 г., к реалиям пограничья.

В основе исследования лежит понимание региона как динамичной контактной зоны, где формируются особые управленческие практики, что сближает его с современными подходами Border Studies и концепцией «пространственного поворота» (spatial turn) [1, с. 208–215]. В работе применяются принципы историзма и системности, историко-генетический и историко-сравнительный методы, элементы институционального анализа. Хронологические рамки охватывают период от губернской реформы 1775 г. до середины XIX в., когда Оренбургская губерния существовала в своих классических границах. Территориальные рамки ограничены административными границами губернии. Источниковая база включает законодательные акты, делопроизводственные материалы из фондов Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО), Национального архива

Республики Башкортостан (НА РБ), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также справочные издания.

Цель статьи — выявить институциональные и региональные особенности функционирования Оренбургского губернского правления и определить его роль как механизма адаптации имперского законодательства к условиям приграничного управления. Научная новизна работы состоит в комплексном анализе правления именно в качестве института-медиатора, что до настоящего времени не становилось предметом специального исследования.

Реформаторский курс Екатерины II, зафиксированный в «Учреждениях для управления губерний» 1775 г., заложил правовой фундамент унифицированной системы местного управления в Российской империи. Губернские (первоначально — наместнические) правления легитимировались как высшие коллегиальные органы, обеспечивающие реализацию закона, поддержание фискальной, полицейской и хозяйственной стабильности на местах. Однако для Оренбургского края, обладавшего ярко выраженной приграничной спецификой, реализация этой модели с самого начала сопровождалась существенными коррективами. Опираясь на современные теоретико-методологические подходы, в частности на провозглашённый в науке «пространственный поворот» (*spatial turn*), необходимо подчеркнуть, что историческое пространство России выступало не пассивным физико-географическим фоном, а сложным социально-культурным и политическим континуумом, активно влияющим на процессы администрирования [1, с. 209]. Оренбургское приграничье представляло собой гибридную контактную зону, требующую от бюрократического аппарата постоянной перекодировки смыслов.

В административной системе Российской империи Оренбургское губернское правление занимало уникальное и непрерывно эволюционирующее положение. Формально, сохраняя преемственность от екатерининского «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., оно декларировалось как высший коллегиальный орган гражданского управления в регионе, действующий «в силу законов именем императорского величества» и подчиненный непосредственно Правительствующему Сенату, а позднее — Министерству внутренних дел [2]. Однако реальный институциональный статус, компетенция и, что особенно важно, внутренняя повседневная организация правления претерпели глубинную трансформацию. Сравнительный анализ исторического опыта показывает, что Российская империя использовала разные модели управления окраинами. Если в Сибири власть генерал-губернатора, в силу отдалённости региона и слабой связи с центром, приобрета-

ла чрезвычайные полномочия, а его реальный статус во многом определялся личными качествами [3, с. 30–33], то на Оренбургском южноуральском фронтире государство пошло по пути адаптации коронного бюрократического аппарата.

Институциональный генезис Оренбургского губернского правления наглядно демонстрирует переход от простого коллегиального совещания к сложной, многоуровневой бюрократической машине. По замыслу реформы 1775 г., наместническое (затем губернское) правление представляло собой узкую коллегию из председателя и двух советников [2, ст. 103]. Документальным подтверждением реализации этой законодательной модели в Оренбургском крае служат данные Адрес-календарей. В записях за 1776–1778 гг. состав присутствия строго соответствует норме: губернатор И.А. Рейнсдорп, два губернаторских товарища (В.Я. Старов-Милюков и И.М. Мясоедов), прокурор и два секретаря [4, с. 45; 5]. Показательно, что в 1779 году состав расширяется за счет появления должности казначея, что отражало усложнение финансово-хозяйственных функций аппарата на местах [6, с. 51].

Согласно штатам 1797 г., канцелярия насчитывала 1 секретаря, 1 протоколиста, 6 канцеляристов, 6 подканцеляристов и 12 копиистов. В штате была закреплена должность переводчика – нетипичная для внутренних губерний, но необходимая для работы с тюркоязычным населением [7, л. 84].

Правление организационно делилось на три неформальные экспедиции (казенную, судебную, хозяйственную). Уже на этом этапе обозначилась региональная специфика: казенная экспедиция занималась пограничной безопасностью, судебная учитывала нормы обычного права, а хозяйственная – горнозаводской промышленностью [8, л. 23–25, 34–36].

Внедрение министерской системы (с 1802 г.) спровоцировало колоссальный рост бумажного потока, так как правление стало координационным узлом всех местных ведомств. Первое серьезное структурное усложнение произошло в 1806 году, когда из ведения казенной палаты в губернское правление была передана строительная экспедиция (наряду с ассессором и профильными служащими) [9]. В 1821 г. в Оренбургское правление был добавлен третий советник, а в 1822 г. — второй секретарь с окладом 350 руб. В 1826 г. оклады были несколько увеличены, а внутри канцелярии намечилось внутреннее деление на «столы» сообразно роду поступающих бумаг [10; 11].

Качественный скачок в структурной дифференциации произошел с принятием «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях» и новых

общеимперских штатов 1837 года. Канцелярия была разделена на четыре профильных отделения, ведавшие кадрами, полицией, тюрьмами и благоустройством. По смете для губерний 3-го разряда на содержание 58 чинов выделялось 52 000 руб. [12]. «Общее учреждение губернских правлений» 1845 г. перевело Оренбургское правление в первый (высший) разряд, ввело автономный ревизионный стол и типографию [13]. Дела делились на судные (коллегиальные) и административные (единоличные) [14, с. 141]. В 1844 г. началось внедрение унифицированных форм делопроизводства, включая реестры, журналы передачи и процедуру «понуждения» низших инстанций с семидневным сроком [15, л. 1–7].

Однако, выстроив логичную и глубоко эшелонированную архитектуру правления на бумаге, государственная власть столкнулась с жесточайшим институциональным сопротивлением среды — катастрофической нехваткой кадровых и финансовых ресурсов для обслуживания этой громоздкой машины.

Эффективность правления зависела от низшего канцелярского звена. На рубеже XVIII–XIX вв. служба носила полузакрытый характер, должности передавались по наследству. Государство прикрепляло детей чиновников «не из дворян» к приказной работе с 11–12 лет; указом 1827 г. возраст поступления повышен до 16 лет [16, с. 66–75]. В Оренбургской губернии эта проблема накладывалась на нехватку дворянства.

Жалование канцелярских чиновников составляло 70–120 руб. в год [17, л. 1]. Министр внутренних дел А.А. Закревский докладывал, что рядовой делопроизводитель получает 30 руб., что вело к «рубищам с печатью нищеты» и лихоимству. Министр финансов Е.Ф. Канкрин отклонил просьбы об увеличении штатов, предложив лишь канцелярскую оптимизацию [18, с. 128–129].

Материально-финансовая база правления находилась в перманентном кризисе. Если в конце XVIII в. хозяйственные вопросы решались оперативно (дело о ремонте часов в Уфе заняло две недели [19, л. 3–6]), то в XIX в. процесс выделения средств парализовался. Дело о меблировке губернских учреждений Оренбурга длилось восемь лет (1844–1852 гг.) [20].

Провал унифицированной системы обнажился после пожара в Уфе 1821 г. Делопроизводство остановилось, тысячи документов превратились в завалы. Указом Сената от 12 мая 1824 г. при правлении учреждена Временная экспедиция «для разбора нерешенных старых дел» с особым бюджетом и штатом [21, л. 2–5].

Опись дел 1827 г. показывает масштаб коллапса: тысячи нерешенных дел, некоторые не получили движения с 1815–1820 гг. [22]. Личный состав экспедиции

формировался путём мобилизации из других ведомств; формулярные списки фиксируют молодых чиновников из непривилегированных слоёв, в том числе 16-летних недорослей [21, л. 21–25, 100, 209–234]. За 1825 г. только по одному отделу было передано на утверждение 840 дел, решено 369 [21, л. 42]. Опись завалов (л. 397–404) показывает, что в числе нерешённых были рапорты земских исправников, межведомственная переписка, разбирательства с казачьим войском и прошения башкирских кантонов, что доказывает перегрузку правления функциями, выходящими за рамки гражданского администрирования.

Трудности канцелярского механизма породили в до-революционной историографии стереотип о правлениях как о бессильных «бумажных мельницах» [23, с. 23–25]. Фактически присутствие не заседало как дискуссионный орган, советники получали готовые громоздкие журналы, составленные на основе заранее испрошенной резолюции губернатора, и лишь ставили свои подписи. Компаративные исследования показывают, что попытки членов правления воспользоваться дарованным им по закону правом на «особое мнение» жестко подавлялись [24, с. 13–26]. Оренбургские советники прекрасно осознавали, что в системе государственного управления безоговорочный приоритет отдается авторитарному единоначалию, и добровольно принимали роль безгласных статистов.

Тем не менее, эта вынужденная покорность позволяла правлению осуществлять важнейшую социальную миссию — выступать барьером на пути окончательного поглощения общества военной машиной. Выступая высшей судебной-следственной инстанцией (на которую приходилось около 25% ресурсов), ведомство боролось со злоупотреблениями земских исправников [25; 26; 27; 28] и саботажем магистратов [26, л. 40]. Принципиальной линией работы стало выведение обывателей из-под армейской юрисдикции. В 1846–1847 гг. правление, опираясь на метрические книги и ревизские сказки, добились исключения сыновей отставных солдат Ф. Богомолова и Г. Десяткина из разряда военных поселян и кантонистов, вернув их в гражданское правовое поле [25, л. 35; 26, л. 20].

Асимметричный характер учреждения наиболее выпукло проявился в управлении полиэтничным обществом и конфессиональной среде. Если для центральных губерний инородческие вопросы были второстепенными, то в Оренбуржье они росли в геометрической прогрессии (с 10–15% в конце XVIII в. до доминирующих значений к 1820-м гг.). В условиях реализации реформ О.А. Игельстрома и В.А. Перовского правление арбитражировало тяжелейшие земельные тяжбы между башкирами-вотчинниками, тептярями и помещиками-колонизаторами [29; 30; 31]. Чиновники вынужденно сочетали

нормы Свода Законов со степным правом. Когда в 1837 году военный губернатор запретил свободную аренду (кортом) башкирских земель без личного дозволения во избежание бунтов, правление беспрекословно внедрило эту антиюридическую норму в практику, ставя безопасность выше свободы договора [28].

Аналогичный синтез наблюдался в конфессиональной и сословной инженерии. Значимой и нетипичной для внутренних регионов функцией стал прямой контроль гражданского правления над исламскими институтами. Действуя в тандеме с Оренбургским магометанским духовным собранием, чиновники правления проверяли благонадежность мулл, организовывали экзамены для претендентов и санкционировали назначения имамов (как это было осуществлено по указу о мечети в Караван-Сарае в 1847 г.) [26, л. 41, 84–86]. Религиозное управление стало формой превентивной контрразведки. Более того, конфессиональные процессы напрямую подчинялись военной субординации: правление оформило приказ 1830 г. о запрете приема новокрещеных татар в национальные полки для недопущения конфессионального раскола в иррегулярной армии [32].

В своей повседневной деятельности правление сталкивалось с динамичной реальностью приграничного региона, где происходили интенсивные процессы культурного взаимодействия. Как отмечали современники, русские переселенцы в Сибири и на Урале перенимали язык, одежду и хозяйственные практики местных народов. В.Л. Дедлов писал об оренбургских казаках, что они «считают особенно шикарным говорить между собой не по-русски, а на местных инородческих наречиях» [33, с. 23]. Оренбургское губернское правление, утверждая мулл и разбирая земельные споры, выступало институциональным регулятором этих процессов, имея дело с гибридной реальностью, где грань между «своим» и «чужим» размывалась.

Разрыв между имперским стандартом и невозможностью его исполнения привёл к сенаторским ревизиям. Ревизия А.Н. Пещурова 1842–1843 гг. вскрыла 9 854 нерешённых дела, утерю документов, дела, тянувшиеся более 20 лет. Итогом стали суд над 22 чиновниками и отстранение 15 лиц [34, л. 430–431].

Реформа 1845 г. с её строгими сроками прохождения бумаг породила феномен бюрократической симуляции. Не имея возможности решить сложные дела, чиновники массово снимали их с баланса, перебрасывая ответственность на нижние учреждения [35, с. 98]. В Оренбургском правлении подавляющая масса нерешённых дел числилась «за не доставлением исполнительных донесений» [36, л. 251–252]. Губернские чиновники генерировали лавину формальных «напоминаний», переводя документы из графы «нерешённых правлением» в графу «неисполненных другими местами» [35, с. 100]. Дела осо-

бой политической важности (волнения башкир, стычки на границе) выводились из гражданского оборота в военно-походные канцелярии.

Заключение

Исследование структуры, штатного расписания, внутренней организации и повседневного делопроизводства Оренбургского губернского правления в конце XVIII – первой половине XIX века позволяет сделать комплексный вывод: канцелярский механизм учреждения не являлся пассивным отражением нормативно-правовых актов империи.

Архитектура правления, задуманная изначально как совещательная коллегия, под гнетом объективных факторов (гигантские масштабы Оренбургской губернии, полиэтничность, кантонная система, перманентный финансовый и кадровый дефицит) трансформировалась в жестко иерархизированную исполнительную машину. Иррационально усложненный порядок прохождения делопроизводственных бумаг, закреплённый государственным законом, приводил к хроническим заторам, которые невозможно было преодолеть в рамках обычных гражданских процедур.

В ответ на этот вызов местная бюрократия выработала адаптивные механизмы функционирования. Коллегиальность была полностью выхолощена и подменена губернаторским единоначалием — практикой, которая негласно поощрялась самим имперским центром, ставившим оперативность выше законности. Для защиты от министерского надзора и сенаторских ревизий правление освоило тактику бюрократической симуляции, мастерски перебрасывая формальную ответственность на нижестоящие уездные инстанции. Наконец, в периоды глубочайшего инфраструктурного и документационного коллапса (как это было продемонстрировано на примере создания Временной экспедиции 1824 года) гражданское правление могло восстановить свою работоспособность только через прямое подчинение и использование ресурсов военной власти края.

Таким образом, мнимая неэффективность и искажение канцелярских регламентов были не просто следствием чиновничьего умысла, а формой выживания аппарата, стремящегося обеспечить управляемость фронтирной окраины стандартными, но структурно неадекватными инструментами империи. Выступая механизмом институционального «перевода» авторитарных военных решений в формат имперского бюрократического права, правление сформировало уникальную модель пограничного компромисса. Именно эта адаптивность позволила интегрировать Южный Урал в государственное пространство и обеспечить относительную стабильность региона в изучаемый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цинцадзе Н.С. Пространственный поворот в исторических исследованиях: теоретические основания и практики применения // Журнал «Фронтирных исследований». 2026. № 1. С. 208–215.
2. ПСЗ I. Т. 20. № 14392.
3. Гергилев Д.Н., Дуреева Н.С. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 30–33.
4. РГИА. Адрес-календарь российский на 1776 год. СПб., 1776.
5. РГИА. Адрес-календарь российский на 1777 год. СПб., 1777.
6. РГИА. Адрес-календарь российский на 1779 год. СПб., 1779.
7. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10988.
8. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 189.
9. ПСЗ I. Т. 29. № 22114.
10. ПСЗ I. Т. 37. № 28768.
11. ПСЗ I. Т. 44. Ч. 2. № 30116.
12. ПСЗ II. Т. 12. № 10304.
13. ПСЗ II. Т. 20. № 18580.
14. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. СПб., 1910. 282 с.
15. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1977.
16. Попов Н.С. Формирование нового административного аппарата губернского правления в период создания Рязанской губернии // Материалы Девятой межрегиональной научно-практической конференции. 2024. С. 66–75.
17. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7607.
18. Семенова Н.Л. Донесение министра внутренних дел А.А. Закревского «О недостатках губернского правления» // Инновационная наука. 2017. № 01–2. С. 128–129.
19. НА РБ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3.
20. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1997.
21. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 549.
22. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 703.
23. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. 235 с.
24. Ефимова В.В. «Война с советниками»: о конфликте олонечского губернатора П.А. Лачинова с губернским правлением (1820-е годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 44. С. 10–30.
25. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 254.
26. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 300.
27. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1218.
28. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1429.
29. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 429.
30. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 508.
31. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1125.
32. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 939.
33. Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места: путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и Ко, 1894. 201 с.
34. РГИА. Ф. 1284. Оп. 27. Д. 7.
35. Балова М.Б. «Означенные подтверждения оставляются без внимания и исполнения»: Архангельское губернское правление в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 98–100.
36. НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1758.

© Алимова Лилия Баторгалиевна (AlimovaLB@rgsu.net), Абакумов Евгений Владимирович (Abakumov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Берлов Артур Валерьевич

доктор исторических наук, доцент, Московский
авиационный институт (национальный
исследовательский университет)
berlovav@mos.ru

EVACUATION OF INDUSTRY AND POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN HISTORICAL MEMORY

A. Berlov

Summary: The article discusses the organization of work on the evacuation of industry and population during the Great Patriotic War, both from the territories of the western regions and republics of the USSR, and from Moscow. The focus is on preserving the memory of this process as a significant milestone in achieving Victory.

Keywords: historical memory, evacuation, industry, rear, victory.

Аннотация: В статье рассматривается организация работы по эвакуации промышленности и населения в годы Великой Отечественной войны, как с территорий западных областей и республик СССР, так и из Москвы. Главное внимание уделяется сохранению памяти об этом процессе как значимой вехе в достижении Победы.

Ключевые слова: историческая память, эвакуация, промышленность, тыл, победа.

Наследие Победы – мощный моральный ресурс развития современной России. В результате победы в Великой Отечественной войне неизмеримо вырос авторитет СССР в мире, расширились его связи с другими государствами. Советский Союз вышел из войны окрепшей и могучей сверхдержавой, оказавшей определяющее влияние на весь облик послевоенного мира в сложившейся системе биполярного противостояния второй половины XX столетия. Социальное и политическое сплочение советских людей, дружба народов и национальностей, населявших страну, вера в Победу нашли свое отражение и среди тружеников тыла.

Сегодня изучение советского тыла в годы войны остается одним из приоритетных направлений научных исследований, связанным с эпохальными сдвигами в общественном сознании граждан СССР. В последние годы разработка этой темы претерпела значительную трансформацию. Если ранее фокус исследований был сосредоточен на экономических аспектах эвакуации [13, с. 757–772], то сейчас наблюдается явный сдвиг в сторону социальных: исследуются повседневная жизнь эвакуированных, их взаимодействие с местным населением, бытовые трудности и т. д. Помимо передвижения военных контингентов значимым процессом начального этапа войны стала эвакуация населения, промышленных, сельскохозяйственных ресурсов, объектов культуры, партийно-государственных учреждений. В той или иной степени она затронула практически все западные территории СССР вплоть до Москвы.

Несмотря на чрезвычайную сложность этой задачи, колоссальными усилиями на восток страны были эвакуированы миллионы граждан и значительное количество материальных ценностей. Хотя эвакуация во время Второй мировой войны проводилась и в других воюющих странах, ни одна из них не осуществила перемещение населения и промышленности в таких масштабах, с таким охватом различных социальных групп и в столь сжатые сроки. Советское руководство еще не забыло недавний опыт Первой мировой войны, который показал, что в тотальной войне решающую роль играет экономика, для поддержания которой требуется мобилизация всех имеющихся у государства ресурсов. Из этого следовало, что исход войны будет определяться не только на фронтах, но и в тылу, где гражданское население должно внести свой значимый вклад в успех военных усилий [18, р. 19–22]. Проработка отдельных планов эвакуации на случай большой войны велась в предвоенное десятилетие.

Планирование эвакуации столицы СССР велось накануне войны. Это подтверждается и тем, что она началась с первых дней войны [18, р. 24–26]. Уже 24 июня 1941 г. Совет народных комиссаров СССР (далее – СНК) и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О создании Совета по эвакуации» под председательством секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника [6, с. 40]. Для регулирования процесса эвакуации, руководством страны был подготовлен ряд постановлений. Одним из первых было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Первостепенное внимание уде-

лялось вывозу промышленных объектов, оборудования, ресурсов и других материальных ценностей, а также эвакуации квалифицированных рабочих, инженеров, партийных кадров, военнослужащих и членов их семей.

5 июля 1941 г. СНК принял специальное постановление «О порядке эвакуации населения в военное время» из прифронтовой полосы. Согласно документу, основную ответственность по эвакуации Правительство возлагало на местные советские органы власти, которые должны были определять контингент эвакуированных и очередность их отправки. Советом по эвакуации был разработан список республик, краев и областей, которые должны были принять предприятия и население. Регионы делились на две группы по очередности. В первую очередь эвакуированные предприятия и людей должны были принимать в Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Пензенской, Саратовской, Сталинградской областях, Мордовской, Башкирской, Удмуртской и Татарской АССР; во вторую – в Чкаловской, Молотовской, Челябинской, Свердловской, Омской и Новосибирской областях, Алтайском крае, Казахской и Узбекской ССР [1, с. 18].

Масштабы перевозки людей из охваченных войной регионов в тыл, поражают воображение. В первые дни войны из Белоруссии и Прибалтики эвакуировали более 2 млн чел., из Молдавии – 300 тыс. С Украины удалось эвакуировать 3,5 млн чел., 1,7 млн человек вывезли из Ленинграда и 2 млн из Москвы [16]. Если рассматривать эвакуацию через призму территориального деления, то необходимо отметить, что РСФСР стала важной экономической базой воюющей страны, что в целом объясняется вполне логично ее размерами и ресурсными возможностями. Решающим фактором перестройки всей жизни РСФСР на военные рельсы стала перестройка ее экономического уклада, в которой можно выделить три направления:

1. Расширение производства военной продукции непосредственно на предприятиях военной промышленности.
2. Перевод на выпуск военной продукции предприятий гражданской промышленности.
3. Перемещение предприятий и персонала из угрожаемых районов в тыловые районы страны с немедленным развертыванием производства на новых местах.

Огромное значение в этом отношении имел подготовленный комиссией Госплана СССР и одобренный СНК и ЦК ВКП(б) военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Был утвержден план выпуска военной продукции на IV квартал 1941 г. и на 1942 г., включая артиллерийское и стрелковое вооружение, боеприпасы, самолеты, авиамоторы, авто-

бронетанковое вооружение, военное судостроение, а также план производства таких видов промышленной продукции, как уголь, нефть, цветные металлы, машиностроение и др. Для скорейшего развертывания производственной базы в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии и для обеспечения выполнения утвержденного военно-хозяйственного плана было признано необходимым перевести в указанные районы промышленные предприятия Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомавиапрома и других наркоматов с передачей им соответствующих помещений [10, с. 61].

Ключевую роль в этом сыграл железнодорожный транспорт, с помощью которого было эвакуировано более 10 млн чел. и миллионы тонн различных грузов, на перевозку которых потребовалось 1,5 млн вагонов [14, с. 144]. К февралю 1942 г. в тыловые районы страны было эвакуировано около 2,6 тыс. предприятий, в том числе 1523 крупных. Большинство предприятий (1215 из 1523) было размещено в восточных районах РСФСР – в Поволжье, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, а остальные – в Казахстане и Средней Азии [15, с. 101]. Перемещение производительных сил осуществлялось также летом и осенью 1942 г., но уже в значительно меньших масштабах и лишь из южных регионов РСФСР. На этом этапе было эвакуировано более 150 крупных предприятий [1, с. 140].

Столь масштабное перемещение промышленных мощностей и рабочей силы на первых порах не могло не сказаться негативно на объемах выпускаемой продукции. К концу 1941 г. объем промышленного производства на предприятиях республиканской промышленности уменьшился в 1,8 раза [10, с. 80]. Сказались оккупация, нехватка сырья, топлива и электроэнергии, рабочих кадров и т. п. Перелом в работе промышленности наступил весной 1942 г. Восточные районы РСФСР (Поволжье, Урал, Западная и Восточная Сибирь) превратились в главную базу снабжения не только фронта, но и всего военного хозяйства СССР. Так, за четыре года войны выпуск промышленной продукции на Урале вырос в 3,6 раза, в Сибири – в 2,8 раза, в Поволжье – в 2,4 раза [7, с. 23].

С конца мая 1942 г. военная обстановка вновь вызвала необходимость проведения эвакуации. Правда, она проходила на этот раз с более ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах, охватив преимущественно Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ. 22 июня 1942 г. постановлением ГКО при нем была образована комиссия по эвакуации, куда вошли Н.М. Шверник (председатель), А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, М.З. Сабуров, Б.Н. Арутюнов, П.А. Ермолин и В.Н. Меркулов. Опираясь

на опыт по перемещению производительных сил 1941 г., комиссия обеспечила возобновление работы эвакуунктов, эвакуобаз и эвакукомитетов, созданных на местах в первые месяцы войны [11, с. 7].

Экономическая структура целых регионов кардинально изменилась за годы войны. Например, Поволжье стало одним из центров металлообрабатывающей промышленности, доля которой выросла здесь втрое. Здесь возникли новые отрасли: самолетостроение, автомобилестроение, шарикоподшипниковое и кабельное производства и т.д. Центральное место в экономической структуре восточных районов республики занимал Урал, принявший наибольшее число эвакуированных из западных регионов страны крупных промышленных предприятий – 667. За время войны он превратился в самый мощный промышленный район в Советском Союзе. Здесь выросли гиганты индустрии – Уралмаш, Уралвагонзавод и др. [17].

Если говорить об опыте Москвы, то стоит отметить, что летом 1941 г. она еще находилась далеко от линии фронта, однако эвакуационные мероприятия, касающиеся отдельных категорий населения, предприятий, учреждений и материальных ценностей, начались с самого начала войны. В июне 1941 г. Политбюро утвердило постановление о немедленной эвакуации из Москвы коллекций Алмазного фонда и Оружейной палаты Московского Кремля, а также денежных знаков из хранилищ Госбанка и Гознака. В числе первых было принято решение о вывозе тела Ленина из Мавзолея в Тюмень. Вскоре за этим последовали приказы об эвакуации центральных правительственных и партийных архивов.

Уже 29 июня 1941 г. СНК постановил эвакуировать в тыл авиационные заводы Москвы вместе с рабочими и служащими [11, с. 90]. В конце июля, с началом первых бомбардировок Москвы, ГКО начал издавать все больше постановлений об эвакуации столичных предприятий. Так, предписывалось эвакуировать заводы Наркомата судостроительной промышленности, которые должны были быть вывезены в течение 20 дней. Для этого были выделены 1650 вагонов для перевозки оборудования, 105 – для работников и служащих, еще 207 – для членов их семей. Вскоре было принято постановление об эвакуации металлургических заводов «Серп и Молот» и «Электросталь» [15, с. 72, 102]. С приближением гитлеровских войск, такие распоряжения становились все более частыми, и под эвакуацию попадало все больше предприятий города.

Одновременно с предприятиями было принято решение эвакуировать центральные органы власти. 29 июня 1941 г. СНК и ЦК ВКП(б) постановили полностью перевести из Москвы все наркоматы. Тем не менее вплоть

до октября 1941 г. большая часть аппаратов органов правительства во главе с наркоматами продолжали работать в Москве. В июле последовали распоряжения об эвакуации значительного количества различных учреждений Москвы. Например, 26 июля ГКО издал постановление о переводе 150 сотрудников ТАСС вместе с оборудованием и архивом в Куйбышев [9, с. 44, 50]. 23 августа 1941 г. Совет по эвакуации принял решение перебазировать предприятия Наркомпищепрома СССР в тыловые районы, в том числе, в республики Волго-Вятского региона [2, с. 334].

За несколько месяцев 1941 г. население Москвы сократилось почти вдвое: по приблизительным оценкам, из более чем 4 млн жителей 1 млн 223 тыс. были эвакуированы и 790 тыс. мобилизованы в Красную армию. Несмотря на эвакуацию 523 крупных предприятий, 54 тыс. единиц оборудования, в том числе трех четвертей станочного парка и 564 тыс. работников [8, с. 29], уже в 1943 г. был почти достигнут довоенный объем выпуска продукции. При этом многие московские предприятия и после войны остались в местах эвакуации, создав основу для развития крупных машиностроительных и инструментальных предприятий на востоке страны. На базе московских заводов были созданы Уральский автозавод, Челябинский кузнечнопрессовый завод, подшипниковые заводы в Куйбышеве (Самаре), Саратове, Томске, инструментальные заводы в Томске, Челябинске и т.д.

В июле 1941 г., когда немецкие войска рвались к Москве, в музейных залах полным ходом шла упаковка бесценных сокровищ. Под грохот зенитных орудий и вой сирен начиналась одна из самых масштабных операций по спасению культурного достояния – эвакуация музеев и театров. Более 12 тыс. экспонатов Третьяковской галереи отправились в Новосибирск, где их разместили в недостроенном здании Оперного театра. Особую сложность представляла транспортировка грандиозного полотна Александра Иванова «Явление Христа народу» — картину пришлось наматывать на вал и везти на двух открытых железнодорожных платформах [12]. Сокровища Московского Кремля нашли приют в Свердловске, где их укрыли в подземных хранилищах. 14 октября 1941 г. Большой театр был эвакуирован в Куйбышев, где продолжил выступать для рабочих оборонных заводов. Малый театр отправился в Челябинск, театры Вахтангова и Моссовета – в Омск и Алма-Ату.

Эвакуация охватила также интеллектуальную и духовную сферы жизни общества. В тыл были вывезены сотни научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений. Основным центром науки в годы войны стала Казань, куда переехал Президиум Академии наук СССР, ведущие учреждения и лаборатории. Московский государственный университет имени М.В. Ломоно-

сова прошел через сложный путь эвакуации: в октябре 1941 г. он был перебазирован в Ашхабад, а в 1942 г. – в Свердловск. Несмотря на тяжелейшие условия, студенты продолжали обучение, а профессора вели научные разработки для нужд фронта. Основной артерией эвакуации стала железная дорога. За июль — октябрь 1941 г. через московские вокзалы прошли тысячи эшелонов с оборудованием эвакуированных заводов и миллионы людей.

В декабре 1941 г. все еще продолжалась эвакуация московских и подмосковных предприятий, однако после стабилизации ситуации на фронте, возникла необходимость остановить этот процесс, поскольку сборка заводов на новом месте могла занять слишком много времени, что создавало угрозу срыва производства жизненно необходимых в условиях войны ресурсов и оборудования. Например, Наркомат нефтяной промышленности 30 декабря 1941 г. обратился в ГКО с просьбой прекратить эвакуацию Московского нефтеперерабатывающего завода в Краснокамск Молотовской области и вернуть из эвакуации 25 вагонов оборудования. Наркомат заверил, что в таком случае завод можно будет запустить уже в мае 1942 г., в то время как запуск на новом месте был бы возможен не ранее 1943 г. Аналогичная ситуация сложилась с двумя пороховыми заводами Москвы и Московской области. В обоих случаях ГКО принял решение вернуть оборудование и разрешить реэвакуацию отдельных рабочих этих предприятий.

Процесс восстановления работы после эвакуации требовал не только героического труда рабочих, но и филигранной точности от организаторов. Кооперация эвакуированных мощностей с местными ресурсами привела к созданию новых индустриальных центров, таких как «Танкоград» в Челябинске. Успех этого гигантского проекта был отмечен высшими наградами. Н.М. Шверник за руководство Советом по эвакуации был награжден орденом Ленина. А.Н. Косыгин получил орден Ленина за организацию вывоза людей и ценностей из блокадного Ленинграда и налаживание логистики в тылу. Народный комиссар боеприпасов Б.Л. Ванников, сумевший организовать бесперебойный выпуск снарядов на новых местах, был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Народный комиссар танковой промышленности В.А. Малышев также был награжден орденом Ленина за создание мощной бронетанковой базы на Урале. Тысячи железнодорожников и инженеров получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Таким образом, благодаря общим усилиям и проявленному трудовому героизму за годы войны труженики тыла РСФСР произвели около 490 тыс. орудий, свыше 102 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, около 137 тыс. боевых самолетов [4, с. 26]. Огромное

значение в этих достижениях играл трудовой энтузиазм и самопожертвование советских граждан. При почти полном исчерпании людских ресурсов и сокращении станочного парка росла производительность труда и качество продукции за счет экономии материалов, энергии и рабочей силы, внедрения передовых методов, например, поточного производства и т.п. Это приводило к видимым результатам. Например, на предприятиях, производивших вооружение, за все годы войны численность рабочей силы выросла лишь на 13 %, в то время как выпуск валовой продукции увеличился в 2,5 раза; на такой же показатель выросла и производительность труда [4, с. 175–176]. Повсеместно ширилось движение «двухсотников» и «трехсотников», то есть, рабочих, перевыполнявших планы выпуска продукции вдвое и втрое. Было немало мастеров-«скоростников», перевыполнявших план на 500, 600 и более процентов.

И хотя эвакуация в СССР в 1941–1942 гг. сопровождалась многими, зачастую неизбежными потерями, ее главная цель – спасти от фашистских захватчиков миллионы советских граждан, основную часть промышленных, сельскохозяйственных ресурсов и других материальных ценностей – была успешно достигнута. Если вся страна в годы войны работала на Победу, принимала заводы и людей, то и память об этом сложном процессе отражается в сознании тех, ради которых все это делалось. В России есть несколько памятных дат, которые определили перелом в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками – годовщина военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г., день начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой, победа в Сталинградской и Курской битвах и ряд других.

В честь военного парада на Красной площади ежегодно в столице проходит комплекс мероприятий, в том числе в музее под открытым небом на Красной площади. В 2025 г. в честь 84-й годовщины этого парада уже по традиции на Красной площади была организована работа музея в соответствии с общей концепцией «Город живых историй». Ключевое место в экспозиции заняли истории представителей военных династий. В музее было представлено 10 тематических зон, объединенных в живую историю. В зоне «Авиационный щит столицы» были размещены уникальные снимки авиазаводов и авиадетали времен Великой Отечественной войны. Одним из самых интересных и привлекающих внимание посетителей музея стал раздел «Операция Эвакуация», которая рассказывала о масштабном перемещении предприятий на Восток. Статистические сведения, подлинные фотографии и истории ветеранов, не оставили равнодушными ни одного гостя мероприятия. В других разделах через личные истории и судьбы был показан повседневный подвиг тысяч людей.

Открываются памятники и мемориалы в память об эвакуации промышленности и населения. Последним на данный момент стал монумент в Перми, посвященный эвакуации мирных жителей из Ленинграда в Молотов и Молотовскую область (ныне Пермь и Пермский край) во время Великой Отечественной войны.

Подводя итог, следует особо отметить, что в наши дни особенно актуальным является формирование па-

триотического сознания граждан с учетом открывающихся фактов с использованием эффективных методов донесения информации. Наш долг – сохранить правду о решающей роли Советского Союза и Красной Армии в достижении Победы, не позволить фальсификаторам переписать историю, не предать память о погибших на фронтах Великой Отечественной войны и тружениках тыла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоносов И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы // Эшелоны идут на восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1966. С. 15–30.
2. Богатырев О.С., Тимофеев В.В. К вопросу о работе эвакуированных предприятий (на примере Чувашии) // Личность. Культура. Общество. 2010. Том XII. Вып. 2 (№№ 55–56). С. 331–337.
3. В штабах Победы. 1941–1945: В 5 кн. Кн. 1. 1941. «Вставай страна огромная» / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Научно-политическая книга, 2020. 576 с.
4. Гладков И.А. Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М.: Знание, 1970. 46 с.
5. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, 1941–1945 гг.: аннотированный каталог: В 2 т. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 1222 с.
6. Каримов В.И. Они отстояли Москву. Московская битва. День за днем. М.: Планета, 2019. 399 с.
7. Косыгин А.Н. В едином строю защитников Отчизны. М.: Политиздат, 1980. 47 с.
8. Мозохин О.Б. Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1(12). С. 28–37.
9. Московская битва в постановлениях Государственного Комитета Обороны: документы и материалы / сост. В. Филатов и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. 175 с.
10. Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941–1945 / под общей ред. академика РАН А.О. Чубарьяна; сост. А.Ю. Безугольный, Т.С. Мельниченко. М.: Наука. 2025. 584 с.
11. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.
12. Отечественная война. Третьяковская галерея в Москве и в Сибири. URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/about/history/otechestvennaya-voyna/> (дата обращения: 07.05.2026).
13. Потемкина М.Н., Климанов А.Ю. Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 3. С. 757–772.
14. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М.: Наука, 1982. 328 с.
15. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Наука, 1977. 734 с.
16. Трофимов А.А. Эвакуировать Советский Союз: как спасли промышленность // История РФ: официальный сайт. URL: <https://history.ru/read/articles/evakuirovat-sovetskii-soiuz-kak-spasli-promyshlennost> (дата обращения: 07.05.2026).
17. Яшин С.В. Эвакуационные перевозки в годы Великой Отечественной войны // rzd.ru: офиц. сайт. М., 2008. Компания. Пресс-центр. СМИ об РЖД. Журнал «Железнодорожный транспорт». URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=67371> (дата обращения: 07.05.2026).
18. Manley R. To the Tashkent Station, Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca–Londres: Cornell University Press, 2009. 304 p.

© Берлов Артур Валерьевич (berlovav@mos.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АУТСАЙДЕРЫ» СЕР. XIX В. О РАЗВИТИИ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Долгов Вадим Викторович

Доктор исторических наук, профессор, Удмуртский
государственный университет, г. Ижевск
dolgov@ya.udm.ru

"HISTORIOGRAPHICAL OUTSIDERS" OF THE MID-19TH CENTURY ON THE DEVELOPMENT OF LANDED PROPERTY IN RUSSIA

V. Dolgov

Summary: Drawing on the examples of three "historiographical outsiders" of the mid-19th century – Professor F.L. Moroshkin, Prince A.I. Vasilchikov, and Professor N.N. Khlebnikov – this article examines the development of historical conceptions of landed property and tenure in Ancient and Muscovite Russia. The author analyzes the original ideas of these semi-forgotten thinkers, their strengths, and weaknesses, as well as the reasons for their marginalization within the academic community (social background, style of reasoning, insufficient command of sources, and the ideological biases of their opponents). Special attention is paid to the criticism leveled by B.N. Chicherin and V.I. Ger'e, and to the influence of the Slavophile-Westernizer polemic on the reception of scholarly ideas. The author concludes that, despite logical inconsistencies and certain amateurish traits, Moroshkin and Vasilchikov proposed valuable distinctions between property and tenure that were later reclaimed by historical scholarship, whereas Khlebnikov's legacy proved the least productive due to a paradoxical combination of logical rigor and disengagement from source material.

Keywords: historiographical outsiders, landed property, possession/tenure, F.L. Moroshkin, A.I. Vasilchikov, N.N. Khlebnikov, B.N. Chicherin, Russian history, 19th-century historiography, votchina, pomestie, allod, feud.

Аннотация: В статье на примере трех «историографических аутсайдеров» середины XIX века – профессора Ф.Л. Морошкина, князя А.И. Васильчикова и профессора Н.Н. Хлебникова – рассматривается развитие исторических представлений о поземельной собственности и владении в Древней и Московской Руси. Автор анализирует оригинальные концепции этих полузабытых мыслителей, их сильные и слабые стороны, а также причины их маргинализации в академической среде (социальное происхождение, стиль мышления, недостаточное владение источниками, идеологические предпочтения оппонентов). Особое внимание уделяется критике со стороны Б.Н. Чичерина и В.И. Герье, а также влиянию славянофильско-западнической полемики на восприятие научных идей. Делается вывод, что, несмотря на логические нестыковки и дилетантизм, Морошкин и Васильчиков предложили ценные различия между собственностью и владением, которые позже были востребованы наукой, тогда как наследие Хлебникова оказалось наименее продуктивным из-за парадоксального сочетания логичности и отрыва от источников.

Ключевые слова: историографические аутсайдеры, поземельная собственность, владение, Ф.Л. Морошкин, А.И. Васильчиков, Н.Н. Хлебников, Б.Н. Чичерин, история России, историография XIX века, вотчина, поместье, аллод, феодал.

Ретроспективный взгляд на развитие исторической науки часто выхватывает из темноты минувших веков только те фигуры, которые оказались «в луче света». Как правило, это великие ученые, чей вклад определил дальнейшее развитие исследований на десятилетия и столетия вперед. Однако история не всегда бывает справедлива. Нередко в тени остаются фигуры, может быть, и не столь блестящие, но тоже весьма достойные – авторы интересных мыслей и оригинальных идей. Порой они оказались «задвинуты за шкаф» не по объективным показателям, а силой неблагоприятного стечения обстоятельств или даже в результате сознательных усилий конкурентов (наука порождает весьма конкурентную среду). Иногда суд истории бывает по большому счету праведным, но и тогда внимание к этим полузабытым ученым приносит познавательную пользу. В многотрудном процессе формирования знаний о по-

земельных отношениях в Древней Руси есть как свои звезды (к их числу, несомненно, принадлежат Б.Н. Чичерин, И.Д. Беляев, М.В. Довнар-Запольский и пр.), так и свои аутсайдеры. Трем «затененным» мыслителям, историкам, которых можно назвать «историографическими аутсайдерами» посвящена настоящая статья: это профессор Ф.Л. Морошкин, Н.Н. Хлебников и князь А.И. Васильчиков.

Все они были современниками, Морошкин – старшим. Следующим – князь Васильчиков. Самым молодым из этой троицы был Хлебников. В таком порядке мы их и рассмотрим.

Ф.Л. Морошкин – русский учёный-правовед, профессор Московского университета; действительный статский советник предложил весьма аналитичную теорию

происхождения и развития земледелия. Как отмечает В.В. Пузанов, его идеи были незаслуженно забыты, хотя содержали добротный научный инструментарий¹. Морошкин по строю мысли был не историк, а юрист, или даже философ права. Книга его – философская по сути обсуждаемых вопросов. Философско-юридический взгляд на проблему был для него не просто следствием полученного образования, но осознанной методологической позицией. Стиль мысли соответствовал жанру: «должно определить юридическое отношение воли ко внешнему миру вообще, и в частности к его особым явлениям, показать интересы, кои полагает в них дух человеческий для проявления себя во внешних действиях. Но далее предстоит еще труднейшая задача: определить отношение сознания и воли к переменам, коим подвергаются вещи в их непрестанном движении от одного лица к другому, из бытия самостоятельного в бытие, зависимое от других вещей»².

Можно еще раз прочитать эту цитату. Не для того, чтобы глубже ее понять, а лишь для того, чтобы в полной мере ощутить витиеватый стиль рассуждения экстраординарного профессора, претендовавшего этой работой на получение более высокого статуса профессора ординарного.

Использованная Морошкиным «теория Римских юриспрудентов» дала свои плоды. Самой важной для него была идея разграничения понятий «владения» и «собственности». Сейчас разницу между этими категориями понимает и хорошо успевающий школьник. Но тогда это была новаторская тема. Профессор показал на доходчивых примерах, как можно владеть вещью, но при этом не быть ее собственником. Для него владение – это, прежде всего, пользование вещью (в том числе и землей), а собственность – такое положение, когда это пользование санкционировано обществом³.

Через призму этой теоретической конструкции Морошкин разглядывает историю владельческого права.

Концепция его вкратце такова:

В Европе в средние века сложилось два вида земельной собственности: 1. родовая-вотчинная – аллод, полное земельное владение, ограниченное только коллективным его характером; 2. жалованная от верховного государя, условная – феоде. Земли свободных малых владельцев были или насильно введены в состав крупных

владений или сами попросились по крыло «сильным» для спасения от общего беззакония и угроз.

Далее у Морошкина в рассуждениях небольшой «прыжок» или сбой. Он пишет, что при такой системе настоящим собственником, то есть «вотчинником»-аллодистом является лишь верховных правитель-государь. Куда деваются остальные, он не поясняет. Можно предположить, рассуждая в русле его концепции, что крупные владельцы аллодов тоже оказались сравнительно мелкими рядом с государем, и он их поглотил.⁴

В России явившийся по приглашению местного населения Рюрик обнаружил повсеместно лишь вотчинное владение. Он бы и рад был укоренить на полученной территории более знакомые ему феодальные порядки, но не смог. Вотчинный обычай оказался сильнее. А раз так, то и Рюрик с потомством взял его себе в обыкновение: государство стало вотчиной его и его потомства. Государство как вотчина князя включало в себя собственность на землю и государственные права/обязанности по отношению к местному населению, которое «судом и данью тянуло по земле и воде»⁵.

При этом удельный князь становился столь же полноправным собственником в своем уделе, сколь полноправным собственником был и князь великий.

Затем, с развитием Московской Руси, великий князь лишил мелких князей их собственнических прав, прибрал все вотчинные права себе. Если сначала удельные князья заключали с великими князьями почти равноправные договоры, скрепляемые взаимным целованием креста, то с Ивана III великий князь уже никому креста не целовал. Присяга мелких князей стала односторонней. То есть, вотчинные права на их государства были у них великим князем отобраны.

То же происходит и с боярской собственностью. Однако здесь (не вполне последовательно) Морошкин пишет, что бояре, будучи «иммедиатизированы к Москве» и безусловно подчинившись «Самодержавным Московским Государям» права собственности все-таки сохранили. Более того, всякий свободный человек (не обязательно даже дворянин) сохранил возможность хранить право собственности на земли. Затем эти права были отобраны Екатериной II и возвращены Александру I.

Далее снова Морошкин демонстрирует некоторую

1 Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1995. 194 С. 16.

2 Морошкин Ф.Л. О владении по началам российского законодательства: Рассуждение экстра-орд. проф. Федора Морошкина для получения степ. д-ра прав. М.: Унив. тип., 1837. С. III.

3 Там же. С. 15.

4 Там же. С. 184.

5 Там же. С. 191.

непоследовательность и описывает русские поместья как феодальные условные владения, а дворян как вассалов⁶. Начало такого состояния владельческого права он относит к началу княжеской власти на Руси (явно противореча сам себе). По его мнению, в XII в. «*vasalli*» на Руси назывались «милостниками», а в XV–XVI вв. эти феодалы (*fe-ôdal*) получили название кормлейщиков, путников, путных бояр, дворецких с путём и пр. Влияние на формирование поместной системы Морошкин приписывает почему-то и монголо-татарскому игу.

Мы обратили внимание на нестыковки в концепции Морошкина не для того, конечно, чтобы дезавуировать его наследие. Сын сельского священника, выслуживший своим умом и трудолюбием чин действительный статского советника и профессора, Морошкин уже, конечно, не сможет ничего исправить или ответить на критику нахальных потомков. Однако историографическая точность требует не придавать концепции той стройности, которой она не обладала при рождении. Несмотря на нестыковки его книга содержала важную мысль, которая смогла бы спрямить зигзаги научной дискуссии по вопросам истории поземельных отношений в России.

Морошкин писал: «для нас гораздо важнее знать, существовало ли *владение* крестьян землями, принадлежащими их Государю? – и мы находим, что оно действительно существовало, и что сии крестьяне владеемые ими земли называли своими Великого Князя землями, т.е. состоящими у них во владении, и принадлежащими в собственность Великому Князю. По праву владения они защищали и отыскивали сии земли судом от своего имени, Государю своему в собственность, а себе во владение»⁷.

Если бы Чичерин, публикуя свою знаменитую статью, написанную по поводу книги барона Гакстгаузена, не был столь увлечен желанием высказаться по поводу модного издания, а почитал бы книгу, изданную относительно недавно, его суждения были бы весомей. Однако он, будучи студентом Морошкина, относился к своему профессору с обычным для него аристократическим презрением, хотя признавал за ним некоторые таланты:

«Гораздо выше Лешкова и Баршева стоял по таланту Морошкин. Его «Речь об Уложении» свидетельствует о несомненном даровании и живом взгляде на предмет. Но у него воображение преобладало над умом, а образование было самое скудное. Поэтому рядом с светлыми мыслями являлись у него самые дикие фантазии. Он во всем любил картинность, часто вовсе не соображаясь

с действительностью. Про него рассказывали смешные анекдоты, обличающие его незнание жизненных условий и невнимание к окружающему. Так, например, познакомившись с А.Н. Поповым и узнавши, что он из Рязани, он тотчас воскликнул: «А, рязанцы! Это люди рослые, мачтовые!» Но вдруг заметив, что его собеседник необыкновенно маленького роста, он поспешил прибавить: «Впрочем, вы еще не развились!» Грановский, который любил анекдоты, рассказывал с большим юмором, как однажды Морошкин, купаясь в Москве-реке, вдруг услышал крик и увидел утопающую воспитанницу Меровы Александровны Новосильцевой, жены тогдашнего московского вице-губернатора. Будучи отличным пловцом, он вытащил девицу, но ужасно сконфузился, увидев на берегу вице-губернаторшу, окутанную в простыню. Одержимый чинопочитанием, он стал рассыпаться в извинениях, что он перед столь высокопоставленной особой против воли принужден предстать в такой первобытной форме. Курс его был пересыпан всякими картинными выходками; но основательности и последовательности было очень мало, а так как он в это время значительно обленился, то недоставало и той живости, которая способна иногда заменить другие качества и возбудить интерес в слушателях. Курс был скучный и бесполезный. Читая гражданское судопроизводство, он приносил нам разные дела, распределял между студентами всякие канцелярские должности, заставлял нас делать выписки и доклады; но и это все служило больше для забавы. Дельного знакомства с судопроизводством мы не могли из этого вынести»⁸.

Понятно, что Морошкин как выходец из низов не мог быть светским человеком. Он был, наверное, неловок и временами даже смешон. Став действительным статским советником, он, вполне возможно, обленился. Всех этих обстоятельств хватило Чичерину, чтобы пренебречь его научными результатами. Пренебречь примерно так же, как он пренебрегал доводами Беляева по тем же самым причинам.

Современный читатель, конечно, с удовольствием прочтет воспоминания Чичерина, с удовольствием посмеется над созданными им сатирическими образами коллег. Однако возникающая при чтении чичеринских текстов симпатия к нему как к остроумному литератору и природному аристократу не должна все-таки затенять для нас его недостатки как мыслителя и исследователя. И в этом случае барственная ироничность сыграла с ним злую шутку. Он просмотрел важную идею.

Как справедливо отмечает Пузанов, со временем от-

6 Там же. С. 202.

7 Там же. С. 221.

8 Чичерин Б.Н. Воспоминания. В 2-х тт./ Предисл., примеч. С. В. Бахрушин. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2010. С. 496. С. 182–183.

ечественная историческая наука придет к подобной расстановке акцентов и осознает, что собственность и владение не одно и то же. Почему отечественные историки (многие из которых тоже на самом деле были не историками в строгом смысле слова, а юристами) не заглянули в весьма содержательную работу Морошкина? Очевидно, по той же причине, по которой и сейчас многие ученые пренебрегают вдумчивым знакомством с работами коллег.

Другим недооцененным автором был князь А.И. Васильчиков, чья книга сразу по выходе была столь яростно и не вполне справедливо раскритикована тем же Чичериным, что и ценные мысли князя были надолго приданы забвению. В отличие от Морошкина, светскости князю было не занимать. Князь был хорошо образован, мыслил широко. Поэтому и пострадал, как ни курьезно.

Ко II пол. XIX в. история русской вотчины получила хотя и не очень подробное, но разностороннее рассмотрение. Материалы историков «пошли в народ» и стали использоваться для формирования концепций более высокого уровня.

То, как идеи, разработанные историками, воспринимались образованной публикой мы можем судить как раз по книге князя А.И. Васильчикова⁹, многим известного как секунданта М.Ю. Лермонтова на роковой для поэта дуэли. Сам князь был примером классического аристократа с истинно аристократическим пренебрежением относившегося к чиновничьей службе и вообще – к достижению «личных успехов». У него и так было всё, о чем мог мечтать подданный русского царя. Он стоял в первом ряду знатнейших людей Империи. Обычно в такой ситуации аристократы принимались в поисках неизведанных удовольствий проматывать родовые состояния. Но князь Васильчиков распорядился жизнью иначе. Он оказался истинным некрасовским «человеком сороковых годов», который добр, честен, не согласен служить «дурному делу», а «за добрым рад не есть, не пить», хотя вместе с тем отнюдь не революционер. Его размышления были направлены на поиск пути преодоления кризисов, с которыми столкнулась Россия во II пол. XIX века, путем грамотных осмысленных реформ. Его обширное сочинение – системный анализ того, что мы бы сейчас назвал экономической социологией поземельных отношений в России.

Профессор Московского университета В.И. Герье и

Б.Н. Чичерин откликнулись на труд кн. Васильчикова обширной язвительной (даже ядовитой) рецензией с говорящим названием «Русский дилетантизм и общинное землевладение»¹⁰. В рецензии они в самых ехидных фразах продемонстрировали читателю, как и в чем ошибался князь.

В деталях и конкретике ошибался Васильчиков действительно немало. Однако нам это не важно. Книга Васильчикова важна нам как свидетельство результата работы историков. Ибо сам он себя историком не считал, а был социальным философом. Труды историков для него были исходным материалом. Его с некоторой долей условности можно назвать «конкретным потребителем» исторических фактов. Историки были для него «поставщиками». По его труду можно оценить характер доставляемого материала: его отражение в глазах образованной публики, коей князь являлся превосходным представителем.

Поскольку анализ предполагался, как было сказано, весьма фундаментальный и системный, Васильчиков начал его с подробного воссоздания исторической ретроспективы. Эта мыслительная операция не имела для него самостоятельного значения, а только готовила почву для дальнейших умозаключений. Поэтому он сразу оговорился, что не будет глубоко касаться источников, а будет основывать свои выводы на сочинениях «исторических писателей», в числе которых называет «Чичерина, Неволина, Градовского, Беляева, Самарина»¹¹.

Увы, среди авторитетов, упомянутых князем, нет одного из первых историков-экономистов – А.В. Лакиера. Меж тем первый тезис Васильчикова, с которого он начинает свое рассуждение о поземельных отношениях в России, напоминает идею Лакиера о медленном формировании «идеи собственности», изложенную еще в 1848 г.¹² Васильчиков писал: «Понятие о поземельной собственности, которое служило в других странах краеугольным камнем общественности, в русской земле было издревле и до новейших времен так шатко и смутно, что едва проникало в сознание народа и правителей»¹³.

При этом Васильчиков разделял «собственность» и «владение», утверждая, что при неразвитости представлений о собственности, представления о владении существовали на Руси с глубокой древности. Он писал: «Владение как факт, как заимка земель, лежащих впусте, составляло, по-видимому, очень твердую основу; дав-

9 Васильчиков А. И., кн. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. В 2-х тт. СПб., 1876. Т. 1. 564 с.

10 Герье В.И. Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор кн. А. Васильчикова Землевладение и земледелие. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1878. 250 с.

11 Васильчиков А.И., кн. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. С. 296.

12 Лакиер А.Б. О вотчинах и поместьях. СПб.: тип. кн. маг. П. Крашенинникова и К°, 1848. 230 с.

13 Васильчиков А.И., кн. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. С. 297.

ность освещала это право, земля считалась принадлежностью того обывателя-хлебопашца, рыболова, или зверолова, который на ней сидит, и пространство владения определялось тоже фактическим пользованием, объемом эксплуатации. Очевидно, что эта черта не составляет особенности нашего русского быта и что она встречается у всех народов при первобытном их водворении в ненаселенных местах; но нигде, как в России, она не сохранилась так долго, не пережила в смутном сознании народа эпоху гражданского и государственного устройства, нигде право собственности не было так шатко, а право владения, напротив, так твердо как у нас»¹⁴.

Далее Васильчиков пишет, что и современные ему русские крестьяне вполне могут называть своей землю, которую они, например, арендуют. При этом аренду они вполне могут называть покупкой, и говорить, что это их земля, и она куплена, хотя, с формальной стороны, она принадлежит на праве собственности помещику, а ими только арендована.

Такое противопоставление «собственности» и «владения», с одной стороны, может быть оспорено с точки зрения социологической и экономической теории. Во-первых, этот крестьянин, беседу с которым изобразил князь, не только владеет землей, но и пользуется. И значит реализует два из трех правомочий. Поэтому говорит о собственности и владении как о противоположных явлениях все-таки странно. Во-вторых, начатую князем воображаемую беседу с крестьянином следовало бы продолжить, не останавливаясь на шокирующих юриста определениях. Возможно, крестьянин, даже называя землю своей, а аренду – покупкой, всё-таки осознает невозможность реализовать последний пункт «триады полномочий» – распоряжение (за исключением возможность «продать» – переуступить аренду). Его ответы, возможно, обусловлены не фундаментальным заблуждением по поводу реального положения вещей, а лишь недостатком доступных его языку терминов. Недостаток же терминов, в свою очередь, обусловлен практической ориентированностью активного словарного запаса. У него нет нужды в этих тонкостях. И здесь следовало бы не противопоставлять собственность и владение, а отождествлять. Отождествлять так, как они отождествлялись самим языком, которому так удивлялся князь, закончивший юридический факультет университета.

Впрочем, при всех оговорках, концепция Васильчикова была вполне логичной, гибко отражала реальность. Несмотря на ехидные (и часто справедливые) замечания Чичерина и Герье, его концепция становления землевладения на Руси имеет право на существование.

Герье и Чичерин критиковали Васильчикова за незнание источников. Но сама суть их критики обращена вовсе не на это. Они критикуют его историософские выводы тоже не как историки, а как социальные теоретики. Например, они придрались (да, именно придрались) к утверждению Васильчикова, что крестьянин видит в княжеской/царской/государственной собственности всей Русской земли фактическое признание её общенародным достоянием¹⁵. Меж тем, это довольно тонкое наблюдение, подтверждённое впоследствии и советским периодом нашей истории.

Иногда выпады критической пары выходят на уровень политической провокации. Это интересные сюжеты. Так, утверждение князя, что в России монаршие права являют собой «грубое смешение» прав державных и вотчинных, они распространяют на современную им эпоху, и вопрошают: «неужели он признает то же самое и в настоящее время?». Меж тем сами критики убеждены, что распоряжения государя стоят выше всех частных прав: это признается во всех государствах в мире»¹⁶.

Во многих утверждениях Васильчикова, Герье и Чичерина слышны отзвуки теоретических и идеологических споров, гремевших и в аристократических гостиных, и на студенческих мансардах в 70-х гг. XIX в. При чтении возникает желание вскочить из-за стола, отодвинуть стул и, поправляя пенсне, воскликнуть:

– Но позвольте, господа!

Такова и печальная, и радостная участь историка. Работа позволяет оказаться среди людей, которых уж давно нет, проникнуться эмоцией дискуссии, жарко полыхавшей в позапрошлом столетии. Однако мы в воображаемой гостиной одни. Речи оппонентов слышны, но они нас никогда не услышат.

Поэтому оставим интеллектуалов 70-х гг. спорить, и оценим дискуссию в целом. Князь не силен был в том, что называется «исторической конкретикой». Он размышлял широко, в философском ключе. Герье и Чичерин критиковали его за многочисленные неточности. За неточности и невнимания к историческим источникам много критиковали и самого Чичерина. В этом отношении они друг друга стоили. Если бы дело было только в этом, то спор можно было бы записать по разряду ученого злословия и не принимать во внимание.

Однако корень их разногласий был в ином. Он почти полностью базировался на разнице в трактовке понятий. Васильчиков утверждал, что «собственности» не

14 Там же. С. 298.

15 Герье В.И. Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение. С. 188.

16 Там же. С. 189.

было, но было «владение». Ему радикальное противопоставление этих понятий видится интересной находкой. Герье и Чичерин приводили примеры, когда исследователи, на которых ссылался Васильчиков (К.А. Неволин, И.Д. Беляев), прямо употребляли слово «собственность» для описания соответствующего древнерусского социального-экономического феномена. Очевидным образом критика была не вполне корректна, и имела целью выставить Васильчикова искателем дешевого эффекта. Если бы Герье и Чичерин сами в меньшей степени увлеклись процессом создания ровно такого же эффекта, они бы могли отметить, что и Васильчиков, и Беляев разными словами говорят почти об одном и том же: о формировании отношения к земле как к «своей» из факта ее хозяйственной разработки, о наличии большого фонда «ничейной» земли, которая в конечном итоге считалась собственностью государя, о княжеском, боярском и общинном праве на землю, на владение, пользование и распоряжение. Разница была, пожалуй, лишь в терминах и расстановке акцентов.

Если изначально обсуждение вопросов общинного и вотчинного землевладения осуществлялось на относительно «ровной воде», то затем дискуссия вошла в полосу жесточайших идеологических штормов. Развернувшееся мировоззренческое противостояние «славянофилов» и «западников» создало весьма неровную сетку координат. Провести по ней прямую линию логического рассуждения было практически невозможно. Над всяким исследователем довлели историософские предубеждения: был ли русский народ издревле «общинным»? Насколько русская цивилизация способствовала развитию личного, а насколько – коллективного начала? Отличался ли в самой своей сути «русский путь», от пути европейского? И какова была миссия «русского народного духа», которую непременно следовало определить, ибо так учил всеми почитаемый великим Гегель.

Понятно, что в глазах славянофилов русский народ – издревле общинный народ-коллективист, идущий своим, не западным путем. А для западников – наоборот. Поэтому если Беляев указывал на документы, освещающие древнюю историю русской общины, всем казалось, что это он нарочно льет воду на мельницу славянофилов. И тем самым вгоняет Россию в какое-то тупиковое ответвление человеческой истории. Всеобщее одобрение славянофилов (среди которых большинство было художественно мыслящими писателями) вызывало ироничную усмешку западников – в основном, учёных историков. В результате выводы Беляева воспринимались хуже, чем могли бы.

Выходила наука из этой полосы идеологической предвзятости долго и трудно. Возможно, не вполне вы-

шла еще и сейчас.

И, наконец, Н.Н. Хлебников – профессор Варшавского, а затем Киевского университетов, статский советник, ученик Чичерина.

С большей частью его выводов нельзя согласиться, но сказать о нем необходимо как об авторе концепции, отличающейся от общепринятой. Князя у него не были земельными магнатами, а бояре – основной землевладельческий класс – получили свои владения не от князя, а сами – путём стяжания.

Он писал: «Общество состояло из тех же элементов, из которых состояли и княжеские войска, т.е. из бояр, мужей дружины и простых воев, свободных людей. Бояре были землевладельцами, но эту землю они приобретали не от князей, а собственными трудами; это были разбогатевшие жители княжеских областей. До завоевания монголами русские князья имели слишком мало власти и слишком мало средств, чтобы раздавать земли своим дружинникам; у них самих едва было по несколько сел, населенных рабами или смердами»¹⁷.

То есть, Хлебников отверг идею о княжеских пожалованиях. Они казались ему невозможными потому, что и сами княжеские владения выглядят в источниках относительно небольшими (об этом позже писал и Довнар-Запольский). Значит, по мысли Хлебникова, раз у князя у самого сел было немного, значит, он и жаловать ничего не мог.

Рассуждение это, внутри себя вполне логичное, видится все-таки не вполне логичным в целом, ибо вдумчивый читатель, конечно, должен понимать, что князь не обязательно жалует земли из своего собственного наличного фонда. Обладая политической властью, князь может создавать новые земельные владения и жаловать их. Однако Хлебников иначе представлял себе и пределы княжеской власти, и источник боярского землевладения. По его мнению, бояре – это разбогатевшие члены древнерусского общества. То есть, их поземельные права не отличались по своему социальному и юридическому статусу от прав мелкого индивидуального владельца, различие носило только количественный характер.

«Нельзя себе представить, чтобы князья в это время, занятые постоянными войнами, истощая свои необходимые средства на жалование дружинникам, “наймами” половцев, чехов, угров и ляхов, были в состоянии своим дружинникам земли. Наоборот, зная, что дружины и – еще более – главные силы состояли в земском ополчении, весьма естественно думать, что богатейшие земцы, имевшие, конечно, огромное влияние на народ, сдела-

17 Хлебников Н.Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. С.-Пб., 1872. С. 223.

лись знатнейшими дружинниками. Изяслав, любимец киевлян, в войсках которого состояли постоянно знаменитые бояре, вероятно за то был любим киевлянами, что в его дружине совсем не было никого не из Киева»¹⁸.

Таким образом, по Хлебникову получалось, что близость ко княжескому двору была источником богатства знати, а наоборот: накопленное богатство открывало двери в старшую дружину и к боярскому статусу.

И здесь снова рассуждения Хлебникова, логичные сами по себе, выглядят несколько по-дилетантски в историческом контексте. Дилетантизм Хлебникова отмечал в финале посвященной ему статьи «Биографического словаря» Д.А. Корсаков: «Его учёно-литературные произведения несомненно доказывают большую умственную даровитость, но вместе с тем носят на себе печать отсутствия серьезной научной школы. Ум Хлебникова – по преимуществу ум синтетический, широко обнимающий вопросы и обобщающий, но лишённый своевременной и строгой научной подготовки, не имеет возможности должным образом ориентироваться в фактах. Работы его отличаются широкими задачами, обширными планами, ненужными отступлениями и не осуществляются им на деле; он мало доказывает в своих учёно-литературных трудах, но высказывает очень много весьма дельных мыслей, которые могут принести большую пользу, будучи разработаны научно»¹⁹.

Корсаков называл Хлебникова «самоучкой», и связывал описанные им (весьма точно, надо сказать) качества его учёных рассуждений с тем, что Хлебников не имел регулярного образования. Это последние вряд ли можно считать справедливым, ибо хотя и не вполне гладко, но Хлебников прошел весь полагающийся ученому образовательный маршрут: от гимназии до университета. Дело было в самом методе его рассуждений, в которых развитая способность к логическому конструированию соседствовала с недостаточным погружением в работу с конкретными историческими источниками.

Хлебников шел за собственной мыслью, следя только за ее стройностью, но почти не уделяя внимания согласованию с летописным материалом. Иначе, конечно, он заметил бы, что древнерусские князья сплошь и рядом перемещались из одного стольного града в другой в сопровождении своей дружины. И, напротив, связь видных представителей старшей княжеской дружины с местным населением не проявляется нигде, хотя, конечно, случаи

такие умозрительно вполне вероятны.

Кроме того, довольно странным был сюжетный поворот, в котором Хлебников связывал отсутствие земельных пожалований с бедностью князей. У князей могло не хватать злата и серебра на награду дружинникам, но уж обеднение земельного фонда русским князьям точно не грозило. Конечно, в идеях Хлебникова были и здравые моменты. В данном случае достойной внимания выглядит мысль о связи общественного устройства с организацией древнерусского войска, но эта важная мысль почти терялась на фоне общих весьма шатких рассуждений. Как писал о нём проф. А.В. Романович-Славатинский, его коллега по Киевскому университету и обществу Нестора-Летописца, в Хлебникове сильна была склонность «к широкому обобщению, не всегда считающимся с фактами, наклонность к парадоксу, бок о бок с меткой мыслью, тонким соображением, остроумной оценкой»²⁰. Пожалуй, из героев статьи Хлебников – единственный ученый, чье положение на обочине исторической науки оправдано. Он действительно мыслил беспорядочно, с фактами обращался небрежно и поэтому для науки его идеи практически ничего не дали. Но сказать о нем было необходимо, поскольку почти всеми этими чертами (нелогичностью и пренебрежением данными источников) обладал и признанный авторитет Чичерин. Однако идеи Чичерина были более чем плодотворны, а идеи Хлебникова – нет. Это, пожалуй, следует считать парадоксом. Разрешение которого, пожалуй, заключается в том, что беспорядок беспорядку рознь. Беспорядочная мысль Чичерина обладала магией красоты и поэтому была убедительна. Мысль Хлебникова, увы, этим почти неуловимым качеством не обладала. Поэтому столь различны их историографические судьбы.

Итак, историческая наука, как и любая сфера интеллектуального труда, подвержена не только логике доказательств, но и социальной динамике, иерархиям и личным симпатиям. Судьба научного наследия редко бывает пропорциональна действительной ценности высказанных идей. В случае с Ф.Л. Морошкиным, А.И. Васильчиковым и Н.Н. Хлебниковым мы видим, как случайные обстоятельства — происхождение, манеры, стиль изложения, репутационные ярлыки — подчас перевешивают содержательные аспекты работы.

Показательно, что признание или забвение учёного нередко определяется не столько качеством его аргументации, сколько тем, кто берётся его оценивать. Чи-

18 Там же.

19 Корсаков Д. А. Хлебников, Николай Иванович // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб., 1901. Т. 21: Фабер–Цявловский. С. 344–346.

20 Романович-Славатинский А.В. Хлебников, Николай Иванович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834–1884) / сост. В.С. Иконников. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1884. С. 682–689.

черин, обладавший бесспорным литературным даром и аристократическим весом, смог одним язвительным пассажем практически уничтожить репутацию Морошкина, хотя в своих исследовательских привычках сам был далёк от образца аккуратности. Ирония судьбы в том, что именно Чичерин, высмеявший «дилетантизм» князя Васильчикова, сегодня во многом разделяет с ним участь фигуры, интересной скорее для историков историографии, чем для актуальных теоретических дискуссий.

Особого внимания заслуживает феномен «отложенного признания». Идеи, отвергнутые современниками как наивные или эксцентричные, могут обрести вторую жизнь в изменившемся интеллектуальном контексте. Морошкинское различие владения и собственности, высмеянное как трюизм или педантизм, спустя десятилетия стало общим местом. Это напоминает о том, что историческая наука движется не только через накопление фактов, но и через возвращение к забытым различиям, которые были высказаны «не вовремя» или «не теми» людьми.

Наконец, случай Хлебникова демонстрирует, что маргинализация может быть и вполне заслуженной. Однако и здесь есть урок: блестящий стиль и «магия красоты» мысли Чичерина сделали его более убедительным, чем содержательно более слабый Хлебников, хотя методологические изъяны у них были схожими. Это ставит перед историографом неудобный вопрос: в какой мере наша собственная оценка прошлого определяется эстетикой интеллектуального жеста, а не строгостью доказательства?

В конечном счёте изучение «аутсайдеров» полезно не столько для реабилитации их конкретных тезисов, сколько для коррекции оптики самой исторической науки. Оно напоминает, что сегодняшний мейнстрим – это тоже чей-то выбор, сделанный не всегда по объективным основаниям. И кто знает, какие из сегодняшних «звёзд» через полтора столетия будут числиться в аутсайдерах, а чьи отвергнутые рукописи станут источником новых прозрений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: в 2 т. – СПб., 1876. – Т. 1. – 564 с.
2. Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение: Разбор кн. А. Васильчикова «Землевладение и земледелие». – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1878. – 250 с.
3. Корсаков Д.А. Хлебников, Николай Иванович // Русский биографический словарь: в 25 т. – СПб., 1901. – Т. 21: Фабер – Цявловский. – С. 344–346.
4. Лакиер А.Б. О вотчинах и поместьях. – СПб.: тип. кн. маг. П. Крашенинникова и К°, 1848. – 230 с.
5. Морошкин Ф.Л. О владении по началам российского законодательства: Рассуждение экстра-орд. проф. Федора Морошкина для получения степ. д-ра прав. – М.: Унив. тип., 1837. – 237, III с.
6. Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1995. 194 с.
7. Романович-Славатинский, А.В. Хлебников, Николай Иванович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834–1884) / сост. В.С. Иконников. – Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1884. – С. 682–689.
8. Хлебников Н.Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872. – 552 с.
9. Чичерин Б.Н. Воспоминания: в 2 т. / предисл., примеч. С.В. Бахрушина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2010. – (1-й том).

© Долгов Вадим Викторович (dolgov@ya.udm.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ЧУВАШИИ В 1920-Е ГОДЫ

PERSONNEL OF THE CHUVASHIA SOVIET MILITIA INSTITUTIONS IN THE 1920S

**N. Ivanov
A. Karpov
O. Karpova**

Summary: This article examines the formation of the staff of the Soviet militia in Chuvashia in the 1917–1920s. Based on materials from the State Historical Archives, the State Archives of Modern History, and the Ministry of Internal Affairs of Chuvashia, the article reveals the main changes in the quantitative and qualitative composition of the local militia. It also identifies the main structural, organizational, and functional transformations in the system of personnel support for the militia.

Keywords: militia, Soviet militia, personnel, staff, Chuvashia, Chuvash Autonomous Region – Chuvash ASSR.

Иванов Николай Васильевич

доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары
Ivanov.N.V58@mail.ru

Карпов Алексей Валентинович

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары
alekkarp@yandex.ru

Карпова Ольга Владимировна

старший преподаватель,
ФГБОУ ВО Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары
karp_olya@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрен вопрос формирования кадрового состава советской милиции на территории Чувашии в 1917–1920-е гг. В ходе исследования, основанного на материалах Госистархива, Госархива современной истории и МВД Чувашии раскрыты основные изменения в количественно-качественном составе органов милиции на местах. Также определены основные структурно-организационные и функциональные преобразования в системе кадрового обеспечения органов милиции.

Ключевые слова: милиция, советская милиция, кадры, кадровый состав, Чувашия, Чувашская автономная область – Чувашская АССР.

Революционные потрясения 1917 г. вызвали необходимость формирования новой системы государственного управления и его кадрового обеспечения. Это напрямую коснулось и вопросов, связанных с поддержанием в стране общественного правопорядка, включая борьбу с разного рода преступными элементами. В качестве такого органа исполнительной власти в советской России стала Рабоче-Крестьянская милиция, образованная по решению Постановления НКВД РСФСР от 10 ноября (28 октября – по старому стилю) 1917 г. [1].

Институционализация органов советской милиции на территории Чувашии в 1917–1918 гг. проходила в сложных условиях начавшейся в стране гражданской войны. Отсутствие нормативно-правовой базы в отношении деятельности органов милиции в центре и на местах также отрицательно сказывалось на процессе ее формирования. Кроме того, революционные потрясения 1917 г. напрямую повлияли на обострение криминогенной ситуации в стране, вызванной широкой амнистией не только в отношении политических, но уголовных заключенных.

К сожалению, вплоть до настоящего момента, вос-

становить полную картину институционализации органов милиции на территории Чувашии в первые годы с момента установления советской власти, из-за ряда обстоятельств невозможно. Большая часть трудностей связано с тем, что в архивах такого рода данные зачастую носят эпизодический характер и распылены в составе различных фондов.

Анализ выявленных к настоящему времени архивных материалов за заявленный период позволяет сделать два основных вывода. Во-первых, начало образования органов милиции в Чувашии происходил в условиях правовой и структурно-организационной и функциональной неопределенности. Во-вторых, отсутствие продуманной кадровой политики в отношении новых органов правопорядка существенно сказывалось на количественно-качественном составе органов милиции и результатов их деятельности в деле установления общественного правопорядка и борьбы с преступностью на местах.

Прямым следствием названных обстоятельств стало то, что существенные кадровые количественно-качественные изменения в составе органов советской

милиции были вызваны поиском оптимальной модели их организационного устройства с учетом быстро меняющихся общественно-политической и социально-экономической ситуации как в стране в целом, так и на территориях Чебоксарского, Ядринского и Цивильского уездов, вошедших после 24 июня 1920 г. в состав Чувашской автономной области. В течение всего рассматриваемого периода такого рода изменения происходили с завидной регулярностью и были связаны как с резким сокращением, так и увеличением личного состава.

Несмотря на такого рода изменения, общая численность органов милиции в разрезе количества населения, проживающего на определенной территории, было относительно невелико. За рассматриваемый период максимальное количество сотрудников милиции в Чувашии достигло к 1921–1922 гг. в количестве 526 сотрудников [6, д. 44, с. 35; д. 168, с. 30]. Во многом это было обусловлено тем, что в 1921 г. из Симбирской и Казанской губерний на территорию Чувашии были прикомандированы военизированные части милиции, использовавшиеся для подавления массовых беспорядков в ходе так называемого «чапанного восстания». После их откомандирования в места постоянной дислокации численность сотрудников милиции вплоть до конца 1920-х гг. варьировалась в пределах 180–250 сотрудников. При этом получалось, что каждый милиционер в Чувашии в среднем обслуживал 16–19 тыс. его населения, а агент уголовного розыска – около 35 тыс. [9, д. 17, с. 4]. В месте с тем по некоторым местностям эти показатели также варьировались даже в пределах одного уезда. Например, в середине 1920-х гг. Если в 1925 г. на одного милиционера Ядринского уезда в среднем приходилось по 12 тыс. жителей, а в отдельно взятой Тойсинской волости этого же уезда – по 18 тыс. жителей [9, д. 78, с. 38.]. Общая высокая нагрузка на одного сотрудника НКВД республики и его местных органов привела в конечном итоге к тому, что с осени 1929 г. милицейские органы на местах перешли на семидневную рабочую неделю [13].

Начальный период институционализации органов советской милиции на территории Чувашии сопровождался частой сменой руководящего состава и высокой текучестью кадров среди личного состава. Так, в Цивильской уездной милиции только за 1918–1920 гг. поменялось 11 начальников [11, с. 1]. За этот же период в Чебоксарской городской милиции сменилось 3 начальника [10, с. 13, 182]. За один год, с ноября 1919 г. по ноябрь 1920 г., только во втором районе Чебоксарской уездной милиции поменялось три начальника (В.С. Шигалеевский, С.И. Борзов, А.Н. Соснин) [7, д. 51, с. 64].

Об актуальности проблемы с обеспечением кадрами органов советской милиции Чувашии в 1920-е гг. наглядно иллюстрируются архивными данными за отдельные периоды. Так, с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 гг., те-

кучесть кадров среди всего личного состава милиции Чувашии составила 132 %. Наименьшим этот показатель в этот период были среди сотрудников уголовного розыска – 108% [9, д. 17, с. 168].

Такие трехзначные показатели текучести кадров на местах были характерны и до конца рассматриваемого периода. Например, по состоянию на 1 февраля 1927 г. в управлении Чебоксарской уездной милиции в штате числилось 45 чел. При этом, за предшествующий год, текучесть кадров в подразделениях составила 197%. Согласно имеющимся архивным данным, за это время через органы уездной милиции прошли службу разной временной продолжительности в общей сложности 177 чел. [8, с. 22–23] Высокая текучесть кадров одновременно сопровождалась наличием постоянного недокомплекта органов милиции.

Частая ротация среди личного состава милиции была обусловлена рядом причин. Во-первых, это было связано с низким уровнем дисциплины среди сотрудников, сопровождавшиеся злоупотреблениями служебным положением и иными трудовыми, административными и уголовными правонарушениями [8, с. 22–23].

Во-вторых это было обусловлено условиями труда и рядом сопутствующих материальных факторов: круглосуточный режим работы, низкая заработная плата с частыми случаями ее задержки, плохая обеспеченность жильем, элементарная нехватка продуктов питания в виде довольствия и др. [7, д. 164, с. 17] Ситуация с материально-техническим обеспечением особенно осложнилась с января 1923 г., когда содержание милиции и уголовного розыска Чувашии было переведено на местный бюджет. Так по состоянию на октябрь 1926 г. только 50 % работников милиции и уголовного розыска были обеспечены обмундированием и 70 % – обувью [9, д. 17, с. 168].

В-третьих, еще один фактор, оказавший существенное влияние на частую смену кадров, связан с постоянными организационно-структурными изменениями органов милиции на местах, вызванные в свою очередь рядом административно-территориальных преобразованиями в уездно-районном составе Чувашии. Например, по приказу заведующего губернской советской милиции при отделе управления Казани и Казанской губернии от 3 января 1920 г. «в интересах дела» в Чебоксарском уезде были соединены 4-й район с 1-м районом, а 5-й район со 2-м. В результате этого вместо существовавших ранее 5 районов было образовано 3: 1-й в г. Чебоксары, 2-й – в г. Мариинский Посад и 3-й в дер. Козловке [7, д. 108, с. 15].

В-четвертых, нельзя не учитывать и политико-идеологический фактор этого периода, который выразился в частых «чистках» среди личного состава от «неблаго-

надежных» по отношению к советской власти элементов. Одним из регулярно применявшихся инструментов такой кадровой политики в рассматриваемый период стали аттестации среди сотрудников. Например, по результатам аттестации сотрудников уголовного розыска, проходившей с 1 по 15 мая 1924 г. по тем или иным основаниям было уволено 8 работников [2, д. 59, с. 40].

Раскрытие темы кадрового состава милиции Чувашии в рассматриваемый период будет неполным без анализа ряда качественных характеристик, определявших облик его работников. Имеющиеся архивные данные позволяют реализовать эту задачу по таким ключевым показателям как: 1) национальный состав; 2) социальное происхождение; 3) профессионально-образовательный уровень; 4) стаж (опыт) работы; 5) партийно-комсомольская принадлежность.

Имеющиеся данные по названным показателям позволяют выстроить общую картину качественного кадрового состава милиции на уровне Чувашии в целом, так и уровне отдельных местностей, имеющих ряд отличительных особенностей. Кроме того, в некоторых случаях также возможно воссоздать облик работников милиции на уровне центральных и периферийных структурных подразделений.

В национальном отношении на общереспубликанском уровне преобладали представители коренной чувашской национальности. Так по состоянию на март 1925 г. из 255 сотрудников милиции и уголовного розыска Чувашской автономной области представителей чувашской национальности было 183 чел. (или 71,7%). Вторая по национальности группа работников милиции – русские – 72 чел. (или 28,3%). Представители других национальностей в статистике за этот год не фигурировали [7, д. 658, с. 100]. Такое же примерное соотношение между этими двумя группами национальностей характерно и до конца рассматриваемого периода.

Вместе с тем, имеющиеся данные в разрезе отдельных районов и местностей позволяют увидеть и некоторые различия в национальном составе сотрудников. Например, в составе третьего района Чебоксарской уездной милиции по состоянию на август 1921 г. из 36 работников 35 были чувашами по национальности. Только 1 чел. числился по национальности русским [7, д. 180, с. 12]. А на уровне всего уезда из 170 работников чуваша составляли 162 чел., русские – 4 чел., мордва – 3 чел., мари – 1 чел. [7, д. 180, с. 14] Такая же картина наблюдалась во всех остальных чувашских уездах и волостях, вошедших в состав Чувашской автономии в июне 1920 г.

В июне 1925 г. в состав преобразованной в апреле этого же года Чувашской АССР были включены населенные преимущественно русскими Алатырская, Поречская

и Кувакинская волости и г. Алатырь, которые ранее входили в состав Симбирской губернии. В последующем на базе этих волостей был образован Алатырский уезд и Алатырское управление милиции численностью 62 чел. Национальный состав данного управления выглядел следующим образом: русские – 51 чел. (или 82,2%), мордва – 9 (или 14,5%), прочие – 2 чел. [12, д. 29, с. 180б] Очень интересной в национальном разрезе выглядит состав центрального аппарата НКВД Чувашии в конце 1929 г., где представителей чувашской национальности не смотря на все предпринятые со стороны руководства меры по его коренизации было всего лишь в районе 45-50% [5, д. 155, с. 65].

Социальный состав работников милиции также отражал общий аграрный уровень социально-экономического развития республики в рассматриваемый период. По состоянию на март 1926 г. из 255 сотрудников милиции Чувашии по показателю социального происхождения цифры выглядели следующим образом: 227 чел. – из крестьян (или 89 %); 9 чел. – из рабочих (2,5%); из прочих категорий – 19 чел. (8,5%) [7, д. 658, с. 100]. При этом, в отдельно взятом 1-м районе Чебоксарского уезда из 8 штатных работников по происхождению все были выходцами из крестьян [7, д. 385, с. 241]. А в Алатырском уезде по состоянию на 1925 г. доля рабочих среди сотрудников составляла 9,6%. Кроме того, здесь была отмечена такая отдельная категория социального происхождения как «служащие». Таковых работников было 10 чел. (или 16,6%) [12, д. 29, с. 180б].

Общий образовательно-профессиональный уровень сотрудников милиции в рассматриваемый период был довольно низким. Это признавалась и на республиканском руководящем уровне НКВД Чувашии. В докладе народного комиссара НКВД Чувашской АССР И.Я. Морозова от 20 мая 1926 г. заслушанном на расширенном бюро обкома партии отмечалось, что «...квалификация значительной части работников милиции и уголовного розыска очень слабая, что более 50% работников уголовного розыска не имеют никакой специальной подготовки» [3, с. 42, 43]. С точки зрения уровня общеобразовательной подготовки обобщающие цифры на республиканском уровне выглядели следующим образом. По состоянию на 1 января 1924 г. из 184 сотрудников высшего образования не было ни у кого. Среднее образование имели всего 10 чел. Низшее образование и менее имели 174 чел. (или 94,5%) [2, д. 59, с. 40].

В разрезе отдельных территорий и структурных подразделений эти цифры также различались. Так, на 1 июля 1925 г. во 2-м районе Чебоксарского уезда из 8 сотрудников не было ни одного, кто бы имел хотя бы среднее образование. Все они числились, как представители категории с образованием «низшее и грамотные» [7, д. 385, с. 242]. В тоже время по состоянию на 1 февраля 1925 г. в

управлении милиции Чебоксарского уезда 4 чел. имело милицейское специальное образование, которое выразилось в том, что трое из них окончили областные милицейские курсы, а один - школу комсостава милиции [7, д. 525, с. 12].

Высокая ротация кадров среди личного состава сильно сказывалось на наличии соответствующего стажа (опыта) работа в сфере профессиональной деятельности работника милиции. По состоянию на 1 января 1924 г. из всего личного состава стаж работы до 6 месяцев имели 62 чел. (33,7%); до 1 года – 38 чел. (20,6%); до 3 лет – 49 (26,6%); более 3 лет – 34 чел. (19,1%) [2, д. 59, с. 40]. При этом в Алатырском уезде стаж работников милиции в середине 1920-х гг. заметно отличалась в сторону того, что здесь большая сотрудников имели стаж работы 3 и более лет (46,7%) [12, д. 29, с. 180б].

В отношении партийно-комсомольской принадлежности сотрудников милиции Чувашии по состоянию на март 1925 г. из всего личного состава сотрудников 67 чел. числились: членами и кандидатами в РКП (б) – 45 чел. (17,6%); членами РКСМ – 6 чел. (2,4%); беспартийными – 204 чел. (80%) [7, д. 658, с. 100]. Органами власти Чувашии с середины 1920-х гг. ставилась задача по увеличению партийно-комсомольской прослойки среди со-

трудников милиции и уголовного розыска. Эти попытки дали некоторые результаты. Например, к 1926 г. число членов-партии и комсомола в органах милиции статистическим данным увеличилось на 47,9%, а в уголовном розыске 73,3% [9, д. 79, с. 60, 114]. Но в числовом выражении это было довольно мало – всего лишь 14 чел. [4, с. 158, 182, 209, 226] Решить проблему по повышению партийно-комсомольской прослойки среди сотрудников милиции Чувашии к концу рассматриваемого периода так и не удалось. Даже среди сотрудников центрального аппарата НКВД Чувашии по состоянию на 1929 г. только 5 чел. являлись членами партии [5, д. 155, с. 65].

Таким образом, проведенная количественно-качественная характеристика кадрового состава органов советской милиции Чувашии в 1920-е гг. позволяет делать вывод о том, что институционализация новых органов правопорядка на территории республики проходила в сложных условиях острой нехватки кадров и их частой сменяемости. Отсутствие хорошо организованной материально-технического и финансового обеспечения органов милиции существенно сказывалось на результатах их деятельности. Общий облик работника милиции Чувашии во многом соответствовал действительному общему уровню общественно-политического и социально-социального развития Чувашии в 1920-е годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление по народному комиссариату по внутренним делам «О рабочей милиции» от 28 октября 1917 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 30 октября.
2. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 6.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 7. Д. 9.
4. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 11.
5. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 10.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-2. Оп. 4.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-2. Оп. 1.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 427.
9. ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 2.
10. ГИА ЧР. Ф. Р-429. Оп. 2. Д. 1.
11. ГИА ЧР. Ф. Р-599. Оп. 1. Д. 1.
12. ГИА ЧР. Ф. Р-599. Оп. 7.
13. Красная Чувашия. 1929. 19 октября.

© Иванов Николай Васильевич (ivanov.N.V58@mail.ru), Карпов Алексей Валентинович (alekkarp@yandex.ru), Карпова Ольга Владимировна (karp_olya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ЭПИЗООТИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Кондалова Наталья Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО МИРЭА – Российский технологический
университет, г. Москва
natalja-kondalova@rambler.ru

REGIONAL PRACTICES FOR PREVENTING AND OVERCOMING THE CONSEQUENCES OF EPIZOOTICS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY (BASED ON MATERIALS FROM THE PENZA PROVINCE)

N. Kondalova

Summary: The subject of the study is a set of measures aimed at combating epizootics in the Penza province in the 19th century. Factors that complicated the prevention of mass infectious diseases are considered. Particular attention is paid to the formation and development of methods for the prevention of contagious animal diseases. The author reveals such areas in the field of anti-epizootic measures as administrative and police practices, professional veterinary medicine, and the implementation of folk methods. The main approaches to compensation of losses to the affected population are distinguished and analyzed. It was concluded that the maximum effectiveness in the fight against epizootics was shown by veterinary sanitary and quarantine measures, the destruction of sick and suspicious animals. In the field of developing unified scientifically based measures to combat especially dangerous infectious diseases, research by local veterinary doctors has taken a prominent place. A significant role in reducing the negative consequences of epizootics was played by the introduction of compensation payments in the event of livestock slaughter. The main conclusion is that security measures have developed in the direction of consistency, but their implementation has not yet received a systematic nature. Nevertheless, an important achievement was the cessation of rinderpest in the province by the end of the 19th century.

Keywords: internal security, epizootics, anti-epizootic measures, veterinary sanitation, zemstvo institutions, insurance, Penza province.

Аннотация: Предметом исследования является комплекс мероприятий, направленных на борьбу с эпизоотиями в Пензенской губернии в XIX в. Рассматриваются факторы, осложнявшие предотвращение массовых инфекционных заболеваний. Особое внимание уделяется становлению и развитию методов профилактики заразных болезней животных. Автор раскрывает такие направления в сфере противоэпизоотических мероприятий, как административно-полицейские практики, профессиональная ветеринария, реализация народных методов. Выделяются и анализируются основные подходы к компенсации убытков пострадавшему населению. Сделан вывод о том, что максимальную результативность в борьбе с эпизоотиями показывали ветеринарно-санитарные и карантинные мероприятия, уничтожение больных и подозрительных по заболеванию животных. В области разработки единых научно-обоснованных мероприятий борьбы с особо опасными инфекционными заболеваниями видное место заняли исследования местных ветеринарных врачей. Значительную роль в уменьшении негативных последствий эпизоотий сыграло введение компенсационных выплат в случае убоя скота. Основным выводом является то, что меры безопасности развивались в направлении системности, однако их реализация систематического характера еще не получила. Тем не менее важным достижением стало прекращение в губернии эпизоотий чумы рогатого скота к концу XIX в.

Ключевые слова: внутренняя безопасность, эпизоотии, противоэпизоотические меры, ветеринарная санитария, земские учреждения, страхование, Пензенская губерния.

На протяжении XIX в. жизнь российского общества находилась под влиянием общественных бедствий, вызванных сочетанием природных и антропогенных факторов. Как отмечал А.В. Дулов, разрабатывать проблему истории взаимодействия природы и общества можно различными путями, начиная с ее детального изучения с целью решения достаточно узких в смысловом, хронологическом и локальном отношении задач [1, с. 3]. Нечасто охватывали значительные территории, но так или иначе присутствовали в разных местностях практически постоянно массовые заболевания животных, или эпизоотии. Комплексных исследований,

посвященных предотвращению и преодолению последствий эпизоотий на материалах Пензенской губернии XIX в., не проводилось. В региональной историографии рассматривались чаще всего отдельные аспекты проблемы: преимущественно в контексте изучения, во-первых, крестьянских хозяйств и, во-вторых, деятельности земских учреждений. Так, в исследовании А.Е. Ульянова показано негативное воздействие эпизоотий на эволюцию скотоводства крестьян (Ульянов А.Е. Крестьянское хозяйство Пензенской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004). Различные направления деятельности земств, включая раз-

витие ветеринарии, нашли отражение в исследованиях Н.Р. Евграфова [2], В.В. Гошуляка [3], С.Н. Полосина [4]. В статьях Е.В. Мойко рассмотрены необходимость создания ветеринарной земской организации и условия работы ветеринарных врачей [5; 6]. Народной ветеринарии мордвы посвящено исследование Е.А. Гагаркиной (Гагаркина Е.А. Этноветеринария в социокультурном мире мордвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006). Таким образом, проблема борьбы с эпизоотиями не раз поднималась в региональной историографии (подробнее всего изучена в контексте истории ветеринарии), однако осуществляемые местным обществом меры не рассматривались во взаимодействии, в системе, а проблема не выходила на уровень самостоятельного предмета исследования.

Изучение эпизоотий и защиты местного общества от них определяется состоянием источников. В первой половине XIX в. рапорты земских судов являются краткими сообщениями о числе погибшего скота за тот или иной отрезок времени с указанием на необходимость введения карантинных мер. Они позволяют выявлять степень распространения заболеваний скота, приблизительные размеры ущерба. Ценными источниками, в которых данные по губернии систематизируются, с 1840-1850-х гг. становятся отчеты пензенского губернатора, а также военно-статистические описания. Однако, как отмечалось К.И. Крамаренко в работе «Пензенская губерния в животноводственном отношении», «... вопрос текущей статистики на местах стоит настолько ненадежно, что показания разных источников так расходятся между собой, что остается заподозрить самые способы учета совершенно несостоятельными» [7, с. 17]. Схожие суждения, с одним важным замечанием, находим в работе В.И. Никольского, посвященной санитарному состоянию губернии: «... данные эти, разумеется, далеко не могут претендовать на точность; тем не менее за неимением более точных данных нам кажется и эти сведения могут быть полезны особенно для сравнения одного уезда с другим и одного года с другим» [8, с. 11].

Действительно, в пореформенное время, когда выходит работа Никольского, сведения о состоянии дел в животноводстве аккумулировались, как и прежде, административно-полицейскими органами. В количественном отношении они нередко расходились с данными еще одного органа, собиравшего статистические данные, – губернской земской управы. Но в рамках качественной оценки существовал заметный параллелизм. И позднее, в начале XX в., когда сведения о количестве скота в Пензенской губернии собирались ветеринарным инспектором, губернским статистическим комитетом и губернской земской управой, статистика, несмотря на значительный прогресс, все еще демонстрировала значительные расхождения – в ряде случаев более 100 %. Поэтому нередко в абсолютном выражении статистиче-

ские данные носят приблизительный характер, однако изучение документов в сравнении позволяет делать надежные выводы о тенденциях в сфере противоэпизоотической безопасности.

При рассмотрении проблемы противоэпизоотической безопасности следует обратить внимание на некоторые обстоятельства, связанные с расположением региона. Пензенская губерния занимала территорию между 52° и 55° северной широты и между 60° и 64° восточной долготы, была окружена с севера Нижегородской, с востока Симбирской, с юга Саратовской и с запада Тамбовской губерниями и являлась типичным земледельческим регионом [9, с. 1]. Пензенскую губернию в статистике и официальной сельскохозяйственной литературе относили к двум районам: центральному (среднему) земледельческому (черноземному) или району среднего Поволжья. В исследуемый период животноводство в Пензенской губернии не выделилось в самостоятельную отрасль сельского хозяйства. Условия для занятия животноводством считались неблагоприятными. Согласно исследованию И.Д. Ковальченко, в 1840-1850-е гг. наименьшее количество рогатого скота на 100 чел. в Российской империи было в Центрально-черноземном (29,9 и 24,9 соответственно по десятилетиям) и Средневолжском районах (30,7 и 21,9) [10, с. 177]. Относительное количество рогатого скота здесь было примерно в полтора раза меньше, чем в среднем по Европейской России. В 1842–1850 гг. население губернии – 1058 тыс., лошадей – 312 тыс., рогатого скота – 243 тыс., овец – 574 тыс., свиней – 218 тыс. В 1851-1860 гг. население – 1189 тыс., лошадей – 338 тыс., рогатого скота – 235 тыс., овец – 548 тыс., свиней – 238 тыс. Средние показатели по Пензенской губернии на 100 чел. в 1842-1850 гг. следующие: лошадей – 29,5, рогатого скота – 23, овец – 54,3, свиней – 20,6. В 1851–1860 гг. лошадей – 28,4, рогатого скота – 19,8, овец – 46,1, свиней – 20. [10, с. 182]. Исследование уже упоминаемого врача Никольского, охватившее 1880–1889 гг., показало, что скотоводство в губернии упало в течение взятого 9-летнего периода. Т.к. в течение этих 9 лет не было больших неурожайных годов, какие постигли губернию в последнее десятилетие XIX в., то это уменьшение скотоводства было следствием упадка земледельческого хозяйства в целом. Так, в 1880 г. на 100 чел. населения приходилось лошадей – 24,4, голов рогатого скота – 17,7, овец – 70,8, свиней – 14,6, коз – 0,16. В 1888 г. лошадей – 23, рогатого скота – 17,6, овец – 61,2, свиней – 13,1, коз – 0,14 [8, с. 11]. В 1899 г. в губернии при населении 1651120 чел. числилось всего 1496296 голов разного скота (указаны данные из отчета губернатора; по нашим подсчетам небольшая корректировка – 1496289 голов): лошадей – 302260, рогатого скота – 260840, овец простых и тонкорунных – 810471, свиней – 120835, коз – 1883 [11, с. 6-7]. Средние показатели на 100 чел. следующие: лошадей – 18,3, рогатого скота – 15,8, овец – 49, свиней – 7,3, коз – 0,11.

Стоит обратить внимание еще на один аспект: скот был малорослым и слабосильным [12, с. 206]. Вследствие этого он рано становился непригодным и легко поддавался болезням: чуме крупного рогатого скота и свиней, сибирской язве, ящуру, бациллярной роже, оспе овец, сапу, инфлюэнце лошадей и ряду других. Наибольшая частота отличала чуму рогатого скота. От нее и был наибольший урон [13, с. 16; 14]. По данным статистики конца XIX в., преобладающая эпизоотия – сибирская язва; из всех сельскохозяйственных животных наибольшая величина заболеваний приходилась на лошадей, затем овец и свиней. Что касается распределения эпизоотий по месяцам, то делать вывод о ежегодных закономерностях следует с осторожностью. Встречаются различия по годам, особенно для лета и зимы. Так, эпизоотии возникали в 1879 г. 11 раз зимой, 5 весной, 12 летом, 9 осенью [15, с. 81], в 1881 г. 2 раза зимой, 7 весной, 18 летом и 7 осенью [13, с. 16]. Однако ряд закономерностей с наибольшей долей вероятности возможно проследить. Определенные заболевания были характерны для конкретного времени года. Согласно исследованию Мойко, самыми неблагоприятными в ветеринарно-санитарном отношении месяцами были июнь-сентябрь, наиболее благоприятными декабрь-апрель [5, с. 20]. Добавим, что в засуху среди лошадей распространялась сибирская язва – спутница летних жаров. В наиболее затруднительном положении оказывались самые животноводческие уезды: Пензенский, Чембарский, Городищенский, Мокшанский, Инсарский, Краснослободский [8, с. 15].

Падежи численностью в несколько тысяч голов скота можно с уверенностью назвать постоянным явлением в истории животноводства губернии. Отсутствие благоустроенных хлевов для зимнего содержания скота, слабое заготовление кормов впрок приводили к весьма ощутимому урону. Незначительное исключение составляла небольшая часть зажиточного крестьянства и дворян, предпринимавшая попытки к улучшению существующих пород скота. В литературе указывается на 1803, 1828, 1831, 1833, 1845 и 1848 гг. как годы с суровыми зимами, вызывавшими падежи [16, с. 205]. Такие непростые для животноводства годы, как 1876 г. [17, с. 71], 1884 г. [18, с. 9], отметились серьезным ущербом. В последнем случае при оценке лошади в 30 руб., коровы или быка в 20 руб., мелкого скота в 2 руб. оказывалось, что от падежа население теряло убытками как минимум 163754 руб. [18, с. 9]. Такой убыток для крестьянского хозяйства в целом становился причиной значительного разорения. Однако эпизоотии приводили не только к значительным материальным потерям, в них таилась и иная угроза: по причине постоянного падежа скота уменьшалось потребление мяса [19, л. 13]. Домашний скот был важен для населения как единственный почти источник получения хоть изредка мясных продуктов продовольствия (преимущественно овцы и свиньи), а главным образом молока (от коров, а в мусульманском обществе от коз).

Кроме того, рост ряда заболеваний среди населения губернии зависел от заболеваемости домашних животных. Так, 1865 г. в Мокшанском уезде было зарегистрировано более 20 случаев сибирской язвы среди местных жителей. Первым заразившимся стал пономарь Плещев из с. Свинухи. За пять дней до появления болезни он долго стоял в воде, утаптывая ногами намоченную кожу, снятую с павшей от неизвестной причины коровы. В ноябре в с. Никольском нулевым пациентом, заразившим 14 человек, стал крестьянин Козин. По расспросам выяснилось, что в селе пало несколько лошадей и Козин снимал кожу с одной из них [20].

Хотя сведения о масштабах и последствиях падежей скота неполны, высокая периодичность, с которой эта проблема поднималась в источниках, позволяет судить об эпизоотиях как повседневном явлении деревенской жизни. Причины складывания подобной ситуации нужно видеть не только в недостатках, вынужденных ошибках и просчетах хозяйственной деятельности жителей губернии, но и в особенностях устройства, функционирования и контролирования общероссийской системы скотопрогонных трактов. По дорогам гнали на север из донских, саратовских и астраханских степей многочисленные гурты волов, коров и телят. Эти стада заносили сибирскую язву и другие болезни, которые влекли за собой массовые падежи скота [12, с. 207]. Подобные передвижения недостаточно контролировались местными властями. Продавцов товара интересовало определение маршрута, сроков перегона, извлечение прибыли, а не правильное содержание и захоронение в установленных местах животных. И конечно же, подобные вопросы практически не заботили перегонщиков, простых исполнителей порученной им работы.

Представив актуальную для XIX в. эпизоотическую ситуацию, обратимся к мерам борьбы с эпизоотиями. В 1801 г. после четырехлетнего упразднения была восстановлена Пензенская губерния, и с начала XIX в. к прекращению эпизоотий принимались меры со стороны местных административно-полицейских органов власти, подчиненных пензенскому губернатору. Среди наиболее распространенных мер – введение карантин и последующий контроль. Обязанности сельской администрации в области предотвращения эпизоотий были весьма обширными. Они включали в себя изоляцию заболевших животных, уход за ними и захоронение погибших особей, дезинфекцию как в тех помещениях, где содержались больные животные, так и в местах, где были закопаны трупы. Преодоление последствий болезни, не выходящей за пределы одного сельского населенного пункта, было вверено сотским и сельским старостам. В инструкции сотским Мокшанского нижнего земского суда 1820-х гг. определялись следующие задачи: «... смотреть накрепко... паче падали и мертвечины в дворах и на улице, около гумен и речек отнюдь не было, а всю

оную нечистоту отвозили бы в отдаленные места и бросали в буераки или ямы» [21, л. 108 об]. В случае более масштабного распространения болезней в работу включались земские исправники.

Вместе с тем в рамках вотчинной политики, проводимой до отмены крепостного права, помещики прилагали усилия к профилактике массовых заболеваний. Трактовки этой политики неоднозначны: от оценки ее как вотчинно-полицейского режима до более мягкой как владельческого патронирования крестьян. В одном из приказов по управлению с. Пушкина Инсарского уезда граф Н.С. Мордвинов указывал на необходимость регламентированной уборки навоза с определением конкретных мест («за деревнями») и наказания за нарушение нормы («за каждый воз, вывезенный ослушными, заставить десять возов свести с улицы за деревню») [22, с. 778]. В.А. Александров, исследовавший сельскую общину, характеризует как жесткий порядок полицейской регламентации приказы, данные П.А. Шепелевым, помещиком с. Аргамаково Чембарского уезда. Бурмистру в поместье подчинялись старосты и десятские, контролировавшие хозяйственную жизнь крестьян и для этого освобожденные от барщинных работ [23, с. 65].

Ранее упоминалось, что распространение болезней часто связывали с прогоняемым через губернию скотом. Примечательно, что на ярмарках Пензенской губернии (подобно Воронежской, Казанской и Симбирской губерниям) хлеб практически не был предметом торговли, в то время как важным товаром выступали сельскохозяйственные животные. Поскольку гуртовый скот часто являлся источником какой-либо болезни, в случае обнаружения последней приходилось принимать чрезвычайные меры: временно приостанавливался выгон городского скота в стада, отводился в обход Пензы особый путь для прогона гуртов, следующих из Саратовской губернии в Симбирскую, воспрещался прогон для продажи на городские базары скота из селений. В июне 1876 г. незадолго до открытия Петровской ярмарки в Пензе ввиду появившейся чумы рогатого скота в некоторых селениях Пензенского уезда было сделано распоряжение о воспрещении пригона рогатого скота на продажу в город, равно и выгон городского скота в составе стад на пастбище. Эта ветеринарно-полицейская мера исполнялась в течение двух недель и была распространена на прогоняемые гурты, для которых отводился обходной путь мимо губернского города [17, с. 82]. В дальнейшем правительство идет по пути расширения практики перевозки скота по железным дорогам: применительно к Пензенской губернии с середины 1880-х гг. [24, с. 244].

Повсеместно крестьяне обращались к практикам, передаваемым из поколения в поколение для лечения и профилактики болезней. В представлении обывателей их проведение сдерживало распространение инфекции,

защищало сельскохозяйственных животных от гибели. Выделим опашивания вокруг селения, сопровождаемые шумом с целью «выгнать» болезнь, развешивание выполненных из рябины крестов на дверях сараев и использование амулетов. Местные жители читали молитвы, проводили молебны с последующей раздачей милостыни. Нередко крестьяне обращались к знахарям, лечившим посредством заговоров. Наряду с последними практиковались рациональные методы лечения, основанные на знании лечебных свойств тех или иных трав, а также лечебные приемы, которыми были обучены коновалы. Так, например, промывание гнойных ран и свищей у животных проводилось с помощью прыскала, походившего по своему устройству на шприц.

Предотвращение эпизоотий осложняло несколько природно-хозяйственных факторов. Недостаток местного климата заключался в разности температуры между теплом и холодом, особенно при быстром переходе. В конце марта или сентября в полдень термометр нередко показывал +5 °С. Ночью и особенно к утру следующего дня потепление сменялось похолоданием в 10 градусов. Вскоре – повторение того же тепла и холода. Скот не выдерживал такую закалку. Среди причин, затруднявших профилактику, следует назвать также недостаток и низкое качество кормовой базы вследствие ограниченности площади земли, находящейся под лугами и выгонами, отсутствие искусственных лугов. Подготовке кормов уделялось незначительное внимание по причине загруженности полевыми работами летом. Такое положение было следствием отсталой системы земледелия с ее чересполосицей, совмещения земледельческих работ и подготовки соломы, а также в длительном периоде – до 7–8 месяцев в год использования «дворового корма». По обеспечению сенокосными угодьями в худших условиях в империи находились наиболее плотно заселенные районы, среди которых Центрально-черноземный, Центрально-нечерноземный, Юго-западный и Средневожский. Например, в 1850-х гг. в Южном степном районе на 100 чел. приходилось 220,5 дес. сенокосов, в Центрально-черноземном – всего 33,9 дес. При этом больше всего скота на 100 дес. сенокосов было в Центрально-черноземном, Центрально-нечерноземном, Средневожском и Северном районах. В конце XVIII в. на 100 чел. сенокосов в Центрально-Черноземном районе – 106,1 дес., в Средневожском – 100,6, в 1850-е гг. – 33,9 и 36,1 соответственно. Количество скота на 100 дес. сенокосов в 1850-е гг. соответственно по районам: 193,6 и 160,8 голов. В конце XVIII в. в Пензенской губернии на 100 чел. населения приходилось 60,9 дес. сенокосов, в 1850-е гг. – 42,1. Количество скота на 100 дес. сенокосов в 1850-е гг. – 130,1 голов [10, с. 191]. Указанные явления говорят о том, что общий уровень развития скотоводства определялся взаимным влиянием конкретных обстоятельств – обеспеченностью района сенокосно-пастбищными угодьями и интенсивностью скотоводства. При этом в Средневож-

ском и Центрально-черноземном районах обеспеченность сенокосами ухудшалась в значительно большей мере, чем пашней [10, с. 189]. В среднем требовалось за пасти на каждую голову корма на 200 дней стойлового содержания [25, с. 214]. У крестьян физически отсутствовала возможность заготовить необходимое количество корма для большого числа животных. Часто крестьяне еще осенью продавали хорошее сено, поэтому крупный рогатый скот им почти никогда и не питался. В качестве корма использовались остатки молотыбы хлеба и солома, то есть гуменные и полевые отходы.

Отчасти компенсировать сложившуюся негативную ситуацию было призвано развитие ветеринарии. В течение XIX в. складывается многослойная структура ветеринарной службы, включавшая по стране земскую, правительственную, военную, коннозаводскую и частную ветеринарию. Для Пензенской губернии это была прежде всего земская ветеринария. До открытия земских учреждений при палате государственных имуществ состоял ветеринарный врач. В дальнейшем сохранялась должность губернского ветеринарного врача [2, с. 337–339]. Первые попытки создать ветеринарную часть при содействии земств стали предприниматься в 1860-х гг. Переломным моментом для земской ветеринарии в империи стал закон от 3 июня 1879 г. «Об обязательном убивании зачумленных животных из местного скота», после чего наступает следующая стадия развития ветеринарии [26, с. 362]. Однако попытки приглашения ветеринарных врачей и фельдшеров в большинстве случаев в Пензенской губернии пока еще заканчивались упразднением только что учрежденных должностей, и только в Нижне-Ломовском уезде успешно сложилась организация ветеринарной части. Наибольшие успехи в губернии были достигнуты к 1887 г., когда закон 1879 г. получил постоянное распространение на Пензенскую губернию. Были образованы четыре ветеринарных участка. Первый участок составляли уезды Пензенский и Городищенский, второй – Мокшанский, Саранский и Инсарский, третий – Краснослободский и Наровчатский, четвертый – Чембарский, Керенский и Нижне-Ломовский. Для каждого участка назначался ветеринарный врач, для каждого уезда – ветеринарный фельдшер [2, с. 342]. Происходил плавный рост участков и ветеринарного персонала. Так, в 1889 г. количество участков было увеличено до семи (с сопутствующим ростом числа ветеринарных врачей) [2, с. 346] и в дальнейшем доведено до двенадцати [5, с. 3]. В обязанности ветеринарного персонала входили реализация задач профилактики и ликвидации инфекционных заболеваний, профессиональный контроль над скотобойнями, на рынках, ярмарках, кожевенных предприятиях, проведение и проверка оценки скота, исполнение поручений губернской управы по добровольному страхованию скота. Осуществлялось врачевание скота по частным приглашениям. Выделим также зондирование ветеринарными врачами темы открытия в губернском

городе центральной скотобойни. В империи действовало строгое законодательство относительно забоя скота и правил торговли мясом, однако реальной надзор в этой сфере большую часть столетия отсутствовал [27, с. 175].

Необходимо подчеркнуть, что успешность ветеринарного дела зависела от решения нескольких задач. Во-первых, наиболее острым становится кадровый вопрос, решение которого происходило более медленными темпами, чем требовалось. На каждый участок приходилось несколько тысяч квадратных верст и десятков тысяч голов скота. Как показывает исследование Мойко, регион к началу XX в. занимал последнее место по численности ветеринарных врачей среди сопредельных губерний [6, с. 4]. Во многом по этой причине земские учреждения обращали внимание на необходимость подготовки фельдшерского персонала. В реализации этой задачи Пензенская губерния превосходит соседние [5, с. 3]. Открывается Пензенская фельдшерская школа, выпускники которой успешно работали в уездах губернии. Приезжали тамбовские и саратовские ветеринары, что вело к обмену опытом, росту профессионализма врачей и фельдшеров. Повышению уровня ветеринарного дела способствовали состоявшиеся в период с 1893 по 1899 гг. специальные съезды врачей, на которых обсуждались вопросы в т. ч. общей постановки ветеринарного дела, его дальнейшего развития, систематизации накопившегося опыта [28, л. 1–3].

Во-вторых, достаточно сложно проходило внедрение в повседневную практику таких новшеств, как уничтожение кож больных животных на специальных пунктах, прививание, являвшееся и профилактическим средством, и вынужденной мерой в очагах наиболее сильного распространения эпизоотий. С конца 1880-х гг. чумные эпизоотии в империи становились редкими [29, с. 108] и земства ориентируются в первую очередь на борьбу с сибирской язвой и сапом лошадей. Для их предотвращения земские учреждения практиковали издание нормативных актов, регламентирующих зарывание трупов павших животных и дезинфекцию помещений. С введением предохранительных прививок были созданы условия к переходу на новый уровень предотвращения эпизоотий. Впервые в Пензенской губернии сибироязвенная предохранительная прививка была сделана в 1896 г. В этот год количество привитых животных составило 1,1 тыс. голов, достигло же оно своего максимума в 1898 г. (22,6 тыс. голов), а затем вновь уменьшилось до 6,5 тыс. [30, л. 5–14]. Первый экспериментальный пункт, своего рода небольшая бактериологическая станция, где существовала возможность готовить вакцины, проводить опыты с прививками, был открыт в 1899 г. Организационные сложности тормозили процесс адаптации достижений ветеринарии под местные условия. Поэтому продолжала сохраняться высокая

смертность, несвоевременность и неравномерность прививаний по годам. Препятствием к более массовому распространению прививок служили, кроме того, и их платность, предубеждение населения.

В целом же, в 1896 г. в отчете губернатора П.Д. Святополк-Мирского констатировалось: «В последнее время стало заметно, что население обращается охотно к ветеринарной помощи» [32, с. 40].

Отмечая преобразования пореформенного периода, необходимо все же подчеркнуть, что одним из наиболее результативных методов борьбы с эпизоотиями на всем протяжении XIX в. оставались ограничительные мероприятия (карантины). В одном из ветеринарных наставлений отмечалось: «Когда возникает чума, необходимо изолировать больных особей от здоровых. Однако если в стаде еще не проявились признаки заболевания, следует удерживать скот в домашних условиях не только до полного прекращения болезни, но также до тех пор, пока выздоровевшие животные не будут полностью очищены и вымыты» [31]. Согласно ветеринарной отчетности, к концу исследуемого периода устоялся своего рода стандарт блокирования эпизоотии: отведение загонов для больных животных за пределами села, вдали от пастбищ и дорог; ежедневный осмотр скотины; выезд жителей в крайних случаях без соломы и сена. Ветеринарные работники действовали в тандеме с полицией, следившей за соблюдением карантинных мероприятий [31].

Рассмотрим на примере борьбы с сибирской язвой алгоритм действий населения, определявшийся нормативными актами (с учетом профессионального мнения врачей и сложившегося народного опыта). Меры «к предохранению скота» от болезни включали регулирование выпаса (ограничение выпаса в сырых местах около болот, в раннее время до высыхания росы и в вечернее до ее появления), водопоя (поение неключевой водой, дезинфекция нечистой воды солью), мытья (купание в чистой воде, обливание непотных животных), времени работы (отдых в наиболее жаркое время). Хозяева или пастухи обязывались осматривать у каждой лошади и коровы те места, на которых чаще появляются опухоли, и если последняя обнаружится, то немедленно животное отделять и уведомлять старосту или сотского. Здоровых лошадей и другой скот предписывалось держать по домам. Помещение для больных животных (вроде лазарета для целого селения и притом огороженное) следовало определить в отдалении от жилых мест, пастбищ и дорог, например, за гумном. Инструкция определяла подход к имуществу, связанному со снаряжением и содержанием животных: «Сбрую, бывшую на больных и павших лошадях, всегда лучше уничтожать, то есть сжигать или зарубить и закопать. Если жалко уничтожить ее, то нужно хорошо вымыть в горячем щелоке и после того каждую смазать хорошо чистым дегтем. Конюшни и хлева, в кото-

рых захворали и пали лошади или коровы, должны быть вычищены и проветрены. Навоз нужно вывести в поле и закопать. Посуду и ясли вымыть горячим щелоком, где есть известка, то хорошо ясли и стены выбелить» [31]. К уходу за заболевшими животными надлежало допускать людей с руками без ран от порезов, заноз или царапин. В каждом случае, когда нужно дотрагиваться до больных или павших животных, следовало смазывать руки постным маслом, дегтем, а после контакта с животным руки хорошо вымыть холодной водой с мылом, а где есть уксус и известка, то немного прибавлять в воду того или другого. Умерших животных требовалось сжечь (предпочтительно) или захоронить на отведенном месте подальше от деревни, дороги и пастбища. В последнем случае оговаривался порядок: «Зарывать нужно глубоко в землю на три аршина и не снимать кожи, и чтобы другой кто-нибудь после не содрал кожи, то перед зарытием нужно кожу порезать. Но лучше всего павшее животное перед зарытием в яму обжигать, а после уже закапывать. Зарывая, нужно плотно укатывать землю и сверху наваливать дерн или хворост, а где можно, то камни» [31]. Определялись действия по лечению до прибытия врача, в частности, надлежало пустить кровь в полный гарнец, разрезать небольшие опухоли и смазать купоросным маслом.

Как можно заметить, возрастала роль просветительской деятельности в предотвращении и преодолении последствий эпизоотий. В случае открывшейся болезни ветеринарные врачи принимали на месте меры, указанные циркулярами и инструкциями Министерства внутренних дел, Уставом медицинской полиции. Словесно разъяснялась сущность эпизоотии, ее заразительность и те пути, которыми «поражающее начало передается здоровым», указывалось, «как сберегать здоровый скот от заражения» [31].

Другим важным направлением была исследовательская деятельность врачей. Со страниц периодической печати и на съездах они выступали с предложениями по оптимизации профилактических мер и развитию методов лечения. Отметим, что газета «Пензенские губернские ведомости» регулярно публиковала объявления о начавшихся эпизоотиях с указанием уездов и селений. На страницах периодического издания выходили статьи и заметки, посвященные борьбе с массовыми инфекционными заболеваниями. Большое количество публикаций было посвящено мерам по пресечению чумы рогатого скота. Также газета способствовала популяризации методов лечения сибирской язвы и страхованию скота от заразных болезней. Публиковались как научные методики, так и народные приемы, среди которых, например, лечение сибирской язвы лягушкой. Последний подход, как правило, оценивался авторами критически.

В значительной мере результатом предложений вра-

чей стало открытие в конце XIX в. в Пензе на средства города центральной скотобойни. До этого времени, по отзывам современников, бойни находились «в самом первобытном состоянии» [33, с. 9]. Существовало около двадцати боен, принадлежавших мясникам. Правильный ветеринарный надзор в таких бойнях был невозможен. Каждый хозяин резал скот в своей бойне, когда ему было удобно без ветеринарного врача. В силу этого иногда убивали больной скот, в чем приходилось не раз убеждаться во время эпизоотий в Пензе. Кроме того, частные бойни были крайне неудовлетворительны в гигиеническом отношении. Следующее их описание приведено в работе П.В. Иванова: «Деревянные полы, устроенные во всех бойнях, пропитывались во время убоя кровью и нечистотами, а существовавшие между досками полов щели пропускали жидкие части, которые проникали в почву... Воды не доставало, она привозилась бочками из ближайших рек. Такое невозможное, с санитарной точки зрения, устройство боен вызывало порчу туш, которые обыкновенно висели в бойцах несколько часов до охлаждения их. Вследствие зловония от нечистых стен перекладин и полов мясо быстро подвергалось разложению» [33, с. 9].

Эта проблема оставалась острой длительное время. В 1889 г. в Пензенской городской думе был поднят вопрос об устройстве общественной скотобойни. Представлено было несколько проектов. Через пять лет приступили к постройке бойни. Для образца была взята скотобойня г. Орла, устроенная по типу московских скотобоен. В 1895 г. работы были окончены, бойня была открыта для пользования. Центральная городская скотобойня включала несколько специализированных зданий. В каменном корпусе для убоя полы были асфальтовые, непроницаемые; вода была проведена из артезианского колодца, пробуровленного тут же около бойни. Сток воды устраивался под полами по широким трубам в большую выгребную яму, находящуюся в поле за бойней. Оттуда нечистоты вывозились бочками в свалочное место. На центральной скотобойне с 19 марта 1895 г. осуществлялся убой идущего на продовольствие жителей скота. Частные скотобойни подлежали закрытию. На базарной площади города было устроено небольшое здание с огороженной вокруг него площадью, на которую загонялся весь скот, приводимый в город для битья и продажи. Тут скот осматривался ветеринарным врачом и выдавалась квитанция, с которой предназначенный для убоя скот отправлялся на бойню. Здесь же осматривалось мясо, привозимое крестьянами от убитого скота в деревнях. При центральной скотобойне во время битья скота присутствовал постоянно ветеринарный врач, осматривающий пригоняемый живой скот и туши убитых животных. Кроме того, был устроен и открыт микроскопический кабинет. Свиное мясо и окорока исследовались микроскопически перед Рождеством и Пасхой. На бойне в течение 1895 г. было убито до 14 тыс. голов крупного

рогатого скота и 20154 свиней и баранов. На базарной площади осмотрена 1095 стягов крупного рогатого скота, 4043 бараньих и свиных туш и 4194 пуд. солонины. Выручено в пользу города от скотобойни 13651 руб. 10 коп. и от осмотра туш 4234 руб., всего 17885 руб. 10 коп. За 1898–1900 гг. в среднем ежегодно осмотрено на площадке было 12700 пуд. крупного и мелкого рогатого скота и 8646 пуд. свиного мяса, причем за осмотр этого мяса взималось по 10 коп. с пуда. Кроме того, осмотрено было 1978 окороков и 9453 пуд. солонины. За освидетельствование бралось с окорока весом менее 10 фунт. 10 коп. и с окорока весом более 20 фунт. 15 коп. Собираемые суммы (до 19 тыс. руб. в год) покрывали расход как «по администрации», так и проценты на погашение капитала, затраченного на постройку бойни [33, с. 9–12].

Одной из перспективных мер в борьбе с эпизоотиями и их негативными последствиями, помимо уже рассмотренных ветеринарных мер, признавались компенсации за убитых животных. Как правило, карантинные меры приводили к значительным расходам для крестьян. Обычно падеж животных быстро распространялся, т. к. владельцы скота скрывали симптомы болезни и продолжали выводить животных на пастбища. Это происходило из-за страха, что им запретят пасти скот на общественных угодьях, в результате чего крестьянским семьям пришлось бы кормить животных скошенной травой и обеспечивать их водой. Так, например, для того чтобы население не скрывало кож от павших заразных животных, владельцам согласно постановлению губернского земства в 1899 г. было выдано по 3 руб. вознаграждения за каждую кожу животного, павшего от сибирской язвы, и не свыше 30 руб. за лошадь, погибшую от сапа [11, с. 60].

Как уже подчеркивалось, 3 июня 1879 г. был принят закон об уничтожении зараженных чумой животных с компенсацией за них [34]. В соответствии с данным правовым актом все расходы покрывались за счет общего земского бюджета, однако при нехватке средств разрешалось вводить специальный сбор с владельцев скота. Пензенское губернское земское собрание, обсуждая вопрос о мерах против скотских падежей и «гибельных их последствиях» для сельского хозяйства, ходатайствовало о введении в губернии в действие закона 1879 г. Вместе с тем земство просило о распространении меры вознаграждения за животных не только убиваемых, но и павших как от чумы, так и других повальных скотских болезней, а также о введении подобного страхования не в одной лишь губернии, но на большом пространстве, заключающем по меньшей мере до 3 млн голов рогатого скота, чтобы таким образом страхование сделать более доступным для небогатых скотовладельцев. Ходатайство губернского земского собрания по этому предмету было предоставлено губернатором Министру внутренних дел в 1881 г. [13, с. 17]. В итоге закон 1879 г.

был распространен на Пензенскую губернию в 1886 г. как временная мера, а в 1887 г. уже как постоянная. Владельцам полагалось вознаграждение за каждое убитое животное, размер которого зависел от оценки комиссии. На расходы по прекращению чумы рогатого скота было ассигновано на 1888 г. 14450 руб. и был установлен особый полупроцентный сбор со скотовладельцев [2, с. 343]. Размер сбора колебался. В частности, на 1889 г. он был установлен в размере 3 % с оценки застрахованного скота. Размер оценки варьировался. Так, например, на рубеже 1880-1890-х гг. был установлен следующий размер: для крупного рогатого скота от 1 до 2 лет – 5 руб., от 2 до 15–15 руб. По распоряжению министра внутренних дел вознаграждение за животных, павших от чумы, следовало выдавать в половинном размере оценки. Некоторые сельские общества уклонялись от платежа сбора и не допускали волостное начальство к описи скота. Располагаем данными, что в 1888 г. поступило сбора 30099 руб., израсходовано было 8567 руб., в 1889 г. поступило 23911 руб., произведено расхода на 9662 руб. [2, с. 347]. Примечательно, что сбор удержался не во многих губерниях (кроме Пензенской, также в Санкт-Петербургской, Бессарабской и Екатеринославской).

Поскольку сбор вызвал неоднозначную реакцию в обществе, земство стремилось к введению добровольного страхования скота. Показательно, что в Пензенской губернии оно было введено. Почин в этом вопросе принадлежал московскому земству (1883 г.). До 1893 г. к страхованию присоединилось десять губерний. Этот вид страхования в Пензенской губернии продержался недолго – с 1890 по 1898 гг., завершившись убытком. Оценка ущерба признавалась низкой – от 3 до 15 руб. (для сравнения: в Московской губернии – до 25 руб.). Количество застрахованных животных хотя и выросло в три раза за указанный период (с 5587 в 1890 г. до 15798 голов в 1898 г.), все же оставалось мизерным [35, л. 30 об].

Итак, подводя итог, можно заключить, что в Пензенской губернии регулярно случались массовые заболевания животных, наносившие ущерб сельскому хозяйству. К факторам, которые вели к массовым инфекционным заболеваниям, относились неблагоприятные погодные условия, недостаток корма, пренебрежение санитарно-гигиеническими нормами в содержании скота, распространение болезней скотопогонными гуртами и введение в хозяйственный оборот сырых кож, снятых с больных животных. Мешали борьбе с распространением эпизоотий растущие негативные тенденции в крестьянском землепользовании. Природные и антропогенные причины эпизоотий требовалось свести к минимуму, повышая общую культуру и уровень знаний о ведении животноводства среди крестьянства, развивая ветеринарное дело, проводя своевременные санитарные и лечебные мероприятия.

В исследуемый период оформились направления и меры ликвидации эпизоотий, признанные повсеместно базовыми в империи. Можно сделать вывод о постепенной эволюции санитарно-эпидемиологических мероприятий, сходствах и различиях в дореформенное и пореформенное время. В процессе борьбы с эпизоотиями на протяжении всего исследуемого периода большое значение придавалось административно-полицейским мерам. Их реализация сопровождалась ужесточением правового режима и значительными издержками. На бытовом уровне широко практиковались методы народного врачевания. В дореформенный период дворяне в рамках своих земельных владений, населенных крепостными крестьянами, прилагали усилия к предотвращению массовых заболеваний. В пореформенное время сложились наиболее благоприятные условия к эволюции противоэпизоотических мероприятий в направлении развития ветеринарной деятельности. Для процесса становления и развития профессиональной ветеринарии в Пензенской губернии был характерен недостаток врачей и большие размеры ветеринарных участков в сравнении с соседними регионами. Однако многие мероприятия, начатые в исследуемый период, а именно развитие уездной ветеринарии, совершенствование лаборатории, перешли как наиболее перспективные направления в XX в. Определенно, новшеством пореформенного периода стало вакцинирование животных. Как превентивная мера в борьбе с сибирской язвой, оспенной лимфой и некоторыми другими болезнями в ряде имений проводились прививки. Выделим также открытие в губернском городе центральной городской скотобойни.

В 1887 г. на Пензенскую губернию распространяется на постоянной основе закон об обязательном убою животных, заболевших чумой рогатого скота. Несмотря на сопротивление части местного общества, сбор, позволявший владельцам получать возмещение за убитый скот, удержался в губернии. Подчеркнем, что высоким результатом комплексного проведения противоэпизоотических мер стало искоренение к концу века эпизоотий чумы рогатого скота.

Что касается развития добровольного страхования, то Пензенская губерния стала одной из немногих губерний, где оно было введено. Однако при наступлении страхового случая осуществлялось недостаточное возмещение, и страхователи сталкивались с убытками, которые не могли быть компенсированы. К основной причине неудачи в страховании скота следует отнести влияние общих экономических условий, которые зачастую приводили к быстрому ухудшению хозяйственной устойчивости населения, что делало организацию страхования на рациональных условиях крайне затруднительной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дулов А.В. Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. Москва: Наука, 1983. 255 с.
2. Двадцатипятилетняя деятельность земских учреждений Пензенской губернии, 1865–1889 годы / [сост. Н. Евграфов]. Пенза: Типолиитография В.Н. Умнова, 1894. 394 с.
3. Гошуляк В.В. Пензенское земство. Пенза: Российская академия социальных наук. Пензенское региональное отделение, 1995. 70 с.
4. Полосин С.Н. Мероприятия Пензенского земства по развитию ветеринарной медицины // Исторические записки: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. Пенза: Издательство ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2004. С. 285–290.
5. Мойко Е.В. О деятельности ветеринарной земской организации Пензенской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Наука. Общество. Государство. 2013. № 2(2). С. 19–27.
6. Мойко Е.В. Особенности развития земской сельской медицины в Пензенской губернии в 60-е годы XIX века // Наука. Общество. Государство. 2013. № 3(3). С. 25–33.
7. Крамаренко К.И. Пензенская губерния в животноводственном отношении: отдельные оттиски из «Вестника Пензенского земства» 1915 г. Пенза: Паровая типо-лит. Товарищества А.И. Рапопорт и М.А. Гольдштейн, 1916. 90 с.
8. Никольский В.И. Санитарное исследование Пензенской губернии. Пенза: Типолиитография В.Н. Умнова, 1893. 325 с.
9. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. Т. 13, ч. 4: Пензенская губерния. Санкт-Петербург: Типография Департамента Генерального штаба, 1849. 111 с.
10. Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России первой половины XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник 4. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 173–204.
11. Обзор Пензенской губернии за 1899 год: приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. [Б.м.: б.и., б.г].
12. Дружинин Н.М. Государственная деревня Центрального черноземного района в середине XIX в. / Вопросы экономики, планирования и статистики: сборник статей. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 179–218.
13. Обзор Пензенской губернии за 1881 год: приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. [Б.м.: б.и., б.г].
14. Пензенские губернские ведомости (далее – ПГВ). 1864. № 35.
15. Обзор Пензенской губернии за 1879 год: приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. [Б.м.: б.и., б.г].
16. Карагодин А.И. К истории развития скотоводства Астраханского края в первой половине XIX в. / Актуальные вопросы ленинской национальной политики партии: тематический сборник научных статей преподавателей кафедры общественных наук. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 1974. С. 204–214.
17. Обзор Пензенской губернии за 1876 год: приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. [Б.м.: б.и., б.г].
18. Обзор Пензенской губернии за 1884 год: приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. [Б.м.: б.и., б.г].
19. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 5024.
20. ПГВ. 1865. № 24.
21. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1504.
22. Граф Н.С. Мордвинов в его сельскохозяйственной деятельности. Письма и приказы в Пензенскую деревню // Русский архив. 1874. № 3. С. 772–800.
23. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). Москва: Наука, 1976. 323 с.
24. Мельникова Д.А. Ветеринарно-санитарный надзор на скотопрогонных трактах в Российской империи в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3(51). С. 231–256. DOI 10.32516/2303–9922.2024.51.14.
25. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. Москва: Росспэн, 1999. 573 с.
26. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4-х т. Т. 2. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909. 703 с.
27. Ульянова Г.Н. Торговля мясом в Москве в первой половине XIX века: доставка, продажа, цены // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой: сборник научных статей. Москва: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (Исторический факультет), 2023. С. 168–186.
28. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6915.
29. Коропов В.М. История ветеринарии в СССР. Москва: Сельхозгиз, 1954. 368 с.
30. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6171.
31. ПГВ. 1864. № 31.
32. Обзор Пензенской губернии за 1896 год: приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. [Б.м.: б.и., б.г].
33. Иванов П.В. Материалы к изучению города Пензы в медико-статистическом отношении. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1903. 159 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 54. № 59739.
35. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6043.

© Кондалова Наталья Алексеевна (natalja-kondalova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БЕРЛИНСКИЕ КРИЗИСЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1958–1971 ГГ.)

BERLIN CRISES AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF SOVIET-AMERICAN RELATIONS DURING THE COLD WAR (1958–1971)

M. Makarova
S. Sinegubov
D. Voronina
V. Voronin
A. Kasatkina

Summary: The article examines the role of the Berlin crises of 1958–1971 as the main factor influencing the dynamics and nature of Soviet-American relations during the Cold War. The article analyzes how the conflicts over the status of Berlin contributed to the evolution of the mechanisms of diplomatic interaction between the USSR and the United States, as well as the search for ways to defuse international tension.

Keywords: Berlin crisis, cold war, Soviet-American relations, Khrushchev, West Berlin, GDR, international law, occupation regime, Berlin wall, four power agreement of 1971.

Макарова Мария Борисовна

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(филиал) Тюменский государственный университет
marijamakarova2004@gmail.com

Синегубов Станислав Николаевич

Доктор исторических наук, доцент, Ишимский
педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал)
Тюменский государственный университет
globus_75@inbox.ru

Воронина Дарья Максимовна

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(филиал) Тюменский государственный университет
stud0000274085@study.utmn.ru

Воронин Владимир Алексеевич

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(филиал) Тюменский государственный университет
stud0000292985@utmn.ru

Касаткина Анастасия Александровна

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(филиал) Тюменский государственный университет
akasatkina775@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается роль Берлинских кризисов 1958–1971 гг. как основного фактора, повлиявшего на динамику и характер советско-американских отношений в период холодной войны. Анализируется, каким образом конфликты вокруг статуса Берлина способствовали эволюции механизмов дипломатического взаимодействия между СССР и США, а также поиску путей разрядки международной напряжённости.

Ключевые слова: Берлинский кризис, холодная война, советско-американские отношения, Хрущев, Западный Берлин, ГДР, международное право, оккупационный режим.

В истории холодной войны берлинские кризисы занимают важное место потому, что соединяли локальный территориальный конфликт и глобальное стратегическое соперничество. Город оказался включен в логику противостояния между СССР и США, где любой шаг одной стороны интерпретировался другой как попытка изменить баланс сил. Берлин был узлом, через который проходили вопросы германского урегулирования, признания ГДР, будущего ФРГ, легитимности западного присутствия в Центральной Европе и пределов применения силы в ядерную эпоху.

Второй Берлинский кризис начался в 1958 году, но его политические последствия выходили далеко за пределы 1963 года. Линия, открытая советским ультиматумом, завершилась не в момент возведения стены, а в

ходе длительной адаптации обеих сверхдержав к новому режиму сосуществования вокруг Берлина. По этой причине хронологические рамки анализа логично доводить до 1971 года, когда Четырехстороннее соглашение придало конфликту институционально оформленные пределы. Именно в этот период произошел переход от попыток резкого пересмотра статуса города к признанию необходимости процедурного регулирования [8].

После выступления Н.С. Хрущева 10 ноября 1958 года и последующей ноты от 27 ноября того же года конфликт перешел в режим открытой юридической конфронтации. Советское руководство впервые столь прямо поставило под сомнение правомерность западного присутствия в Западном Берлине и предложило пересмотреть весь комплекс соглашений, регулировавших германский во-

прос [1]. Дипломатическая борьба вышла за пределы обычного обмена протестами и превратилась в форму давления на основы международно-правового порядка.

Хрущевская инициатива была связана с более широкой стратегией укрепления восточноевропейского блока. СССР стремился зафиксировать итоги войны в форме, выгодной для социалистической системы, добиться признания ГДР и остановить процесс ее международной изоляции. Берлин в этой стратегии выполнял функцию рычага давления на ФРГ, НАТО и западные переговорные позиции по германскому вопросу. Обращение к правовой аргументации показывало, что советская дипломатия пыталась перевести проблему из сферы фактического контроля в сферу толкования договорных оснований.

Мотивация советского руководства в 1958–1961 годах определялась и представлениями Хрущева о стратегическом соотношении сил. В этот период он исходил из того, что СССР обладает растущим ракетным потенциалом, который позволяет вести более рискованную политику давления на Запад. Уверенность в ракетном превосходстве, частично подпитываемая завышенными оценками собственных возможностей и внешним эффектом советских ракетно-космических успехов, усиливала готовность Кремля к ультимативной дипломатии [11]. Берлинский вопрос рассматривался в Москве как участок, где можно добиться политических уступок без прямого перехода к войне. После венской встречи с Дж. Кеннеди в июне 1961 года этот расчет получил дополнительный психологический импульс. Хрущев воспринял нового американского президента как менее устойчивого и более подверженного давлению, чем его предшественник, что способствовало дальнейшему ужесточению линии в берлинском вопросе [12].

Советская нота от 27 ноября 1958 года строилась на нескольких взаимосвязанных тезисах. Центральным было утверждение о нарушении западными державами Потсдамского соглашения. В советской интерпретации именно Потсдам являлся наиболее полным выражением обязательств союзников перед Германией. Отсюда выводилось обвинение в адрес США, Великобритании и Франции в восстановлении военной мощи ФРГ, ее включении в НАТО, отказе от создания общегерманских административных органов и срыве подготовки мирного договора. СССР не ограничивался политической критикой. Он утверждал, что западные державы утратили юридическое основание ссылаться на договоренности, поскольку сами систематически их нарушали.

Вторым элементом советской позиции был тезис о временном характере оккупации. Москва настаивала, что оккупационный режим не может сохраняться бессрочно и что отсутствие мирного договора после тринадцати лет с окончания войны объясняется политикой

западных стран. Этот аргумент был направлен на делегитимацию западного присутствия в Берлине как исторически и юридически исчерпанного [2]. Упоминание Лондонского протокола 1944 года и ссылка на утрату им силы подчинялись той же задаче. СССР стремился показать, что правовая база западной администрации устарела, а структура контроля над Берлином не соответствует новому распределению сил в Европе.

Третьим компонентом советской инициативы стала конструкция «вольного города». Западный Берлин предлагалось демилитаризовать, вывести оттуда иностранные войска и ограничить то, что советская сторона квалифицировала как подрывную деятельность. В этой схеме город должен был получить особый международный статус и поддерживать внешние связи через соглашение с ГДР. Такая модель демонстрировала попытку СССР предложить собственную форму урегулирования. При этом она строилась на признании решающей роли ГДР, что было неприемлемо для Запада, поскольку означало фактическое подтверждение восточногерманского суверенитета над линиями доступа к Западному Берлину.

Американская реакция была оформлена не менее последовательно. Меморандум Государственного департамента от 20 декабря 1958 года дал развернутое правовое возражение советской позиции. Вашингтон настаивал, что основанием его присутствия в Берлине являются не Потсдамские договоренности, а более ранние соглашения, достигнутые в Европейской консультативной комиссии в 1944–1945 годах. Лондонский протокол рассматривался как юридически самостоятельный документ, вступивший в силу до Потсдамской конференции и не аннулируемый последующими советскими действиями. Эта аргументация позволяла США вывести свои права в Берлине за пределы пересмотра Потсдама и тем самым нейтрализовать ключевой советский тезис [3].

Американская правовая позиция строилась и на принципе недопустимости одностороннего отказа от обязательств. Соединенные Штаты утверждали, что договоренности не могут утратить силу только потому, что одна из сторон изменила их политическую трактовку. Для Вашингтона советская нота представляла собой попытку силового пересмотра согласованных обязательств под видом юридического толкования. В этой логике СССР обвинялся в нарушении международного права, а не в его защите. Такой поворот превращал международное право в ресурс взаимных обвинений и стратегического позиционирования.

Восточная Германия оставалась наиболее уязвимым звеном социалистической системы в Европе. Массовый исход населения через Западный Берлин разрушал экономическую основу ГДР. Возведение Берлинской стены

стало результатом кризиса. За первые месяцы 1961 года из ГДР через Берлин ушли сотни тысяч человек [5].

Американская реакция на строительство стены оказалась сдержанной в военном отношении, но жесткой в дипломатической. Государственный департамент и западноберлинские власти заявили протест, однако прямое силовое разрушение стены не произошло. Это решение определялось пониманием риска неконтролируемой эскалации. К 1961 году в Вашингтоне и в НАТО уже существовало ясное представление о том, что любой локальный инцидент в Берлине способен вызвать цепную реакцию с непредсказуемым исходом. Поэтому западные правительства ограничились демонстрацией присутствия и правовыми заявлениями.

Психологический фактор при этом играл заметную роль. Венская встреча 1961 года укрепила у Хрущева впечатление, что Кеннеди склонен избегать немедленного силового обострения. Строительство стены стало проверкой этой оценки. Американская реакция показала, что Вашингтон готов жестко защищать права доступа и политический статус западных секторов, но не намерен начинать войну из-за перекрытия восточногерманской границы внутри города. Для советского руководства такой результат означал частичное подтверждение эффективности политики давления, хотя он не привел к юридическому признанию советских требований [12].

Восточная позиция исходила из необходимости юридически закрепить уже созданную реальность. В советской и восточногерманской трактовке стена была инструментом защиты границ, а не наступательным актом [6].

Инцидент на КПП «Чарли» в октябре 1961 года продемонстрировал степень опасности, достигнутой к этому моменту. Танковое противостояние советских и американских частей стало символом того, что локальный спор мог перерасти в прямую конфронтацию сверхдержав.

Военное планирование Запада в этот период было существенно развито. Создание группы LIVE OAK, а затем включение ее в координационные структуры НАТО показало, что доступ в Западный Берлин рассматривался как обязательство [7].

Берлинская стена развязала Хрущеву руки в том смысле, что сняла немедленную угрозу внутренней дестабилизации ГДР и позволила сместить главный участок риска к Карибскому бассейну [11; 15]. В работах В. Зубка такая связь между берлинским и карибским направлениями рассматривается как часть единой советской стратегии давления, опиравшейся на завышенные представления о возможности принудить Вашингтон к

политическим уступкам [15].

Берлинский и Карибский кризисы образуют общую последовательность и по линии изменения американской политики. Опыт 1961 года показал администрации Кеннеди пределы символической демонстрации твердости без четко выстроенных механизмов коммуникации и контроля эскалации.

Берлинский кризис 1961 года существенно повлиял на развитие международно-правового мышления. Он показал, что классические нормы оккупационного режима недостаточны для регулирования ситуации, в которой спор о территории связан с идеологическим противостоянием и ядерным потенциалом.

Четырехстороннее соглашение по Берлину 1971 года не отменило прежние противоречия, но зафиксировало правила их ограничения. Документ признавал существование четырехсторонних прав и обязанностей и исходил из необходимости поддерживать стабильность без попыток одностороннего изменения статус-кво [8].

Для советской дипломатии берлинский вопрос оставался инструментом давления на Запад в германской политике. Для американской дипломатии он превратился в испытание способности сохранить союзнические обязательства без перехода к войне. Обе стороны использовали Берлин для демонстрации принципиальности [9].

Берлинские кризисы показали, что в условиях холодной войны международное право не функционировало как автономная нейтральная система. Оно служило языком легитимации, инструментом давления и способом фиксации политических границ. Советская сторона использовала правовые аргументы для подрыва западного присутствия. Запад использовал те же нормы для защиты своих прав и сохранения доступа. Норма в этом конфликте не устраняла силу, а сопровождала ее. Поэтому история Берлина в 1958–1971 годах представляет собой модель взаимодействия двух систем, где каждое юридическое утверждение включалось в стратегический расчет [10].

В более широком измерении берлинские кризисы способствовали переходу советско-американских отношений от жесткой послевоенной конфронтации к режиму кризисного управления. Этот переход не означал смягчения идеологического конфликта. Он означал формирование механизмов, ограничивающих его разрушительный потенциал. Женевские переговоры, танковое противостояние у «Чарли», Карибский кризис как продолжение логики берлинского давления, последующие дипломатические контакты и соглашение 1971 года образуют единую линию. В этой линии Берлин стал местом выработки правил противостояния. Здесь сверхдержа-

вы были вынуждены признать, что локальный кризис в Европе может стать точкой запуска глобальной катастрофы.

Берлинский кризис завершил этап, на котором границы были предметом прямого силового оспаривания, и открыл этап процедурно ограниченного соперничества. Изменение было вызвано не ростом доверия, а опытом

предельного риска. Именно поэтому берлинский фактор следует рассматривать как один из главных механизмов трансформации советско-американских отношений в эпоху холодной войны. Он не снял противоречий, но заставил обе державы встроить их в более жесткую систему ограничений. Этим определяется его историческое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lee Burcham, Air Bridge to Freedom / The United States Army: [сайт] URL: https://www.army.mil/article/41235/air_bridge_to_freedom
2. Parliament of the United Kingdom: EUROPEAN ADVISORY COMMISSION. Hansard, 1945 30 May: [сайт] URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1945/may/30/european-advisory-commission>
3. Parliament of the United Kingdom: FOREIGN MINISTERS' CONFERENCE AT GENEVA. Hansard, 1959 24 June: [сайт] URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1959/jun/24/foreign-ministers-conference-at-geneva#S5LV0217P0_19590624_HOL_89
4. The Secretary of State to the Soviet Ambassador (Panyushkin) / Historical Documents - Office of the Historian. Washington, 1948 July 6: [сайт] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v02/d575>
5. Hans Keisen, Is a Peace Treaty with Germany Legally Possible and Politically Desirable? / ResearchGate: [сайт] URL: https://www.researchgate.net/publication/364836061_Is_a_Peace_Treaty_with_Germany_Legally_Possible_and_Politically_Desirable
6. Jochen A Frowein, Berlin (1945-91) / Max Planck Encyclopedia of Public International Law: [сайт] URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1257?rkey=Er4UvR&result=243&prd=MPIL>
7. MEETING OF FOREIGN MINISTERS PALAIS NATIONS / Historical Documents - Office of the Historian. Geneva, 1959: [сайт] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v08/d317>
8. Parliament of the United Kingdom: MR. KHRUSHCHEV AND WEST BERLIN. Hansard, 20 June 1961: [сайт] URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1961/jun/20/mr-khrushchev-and-west-berlin>
9. NATO marks 50 years since the 1961 Berlin Crisis / NATO News: [сайт] URL: <https://www.nato.int/en/news-and-events/articles/news/2011/08/13/nato-marks-50-years-since-the-1961-berlin-crisis?selectedLocale=ru>
10. Jochen A Frowein, Potsdam Conference (1945) / Oxford Public International Law: [сайт] URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e379>
11. Fursenko A., Naftali T. Khrushchev's Cold War: The Inside Story of an American Adversary. New York: W.W. Norton, 2006.
12. Beschloss M. The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960-1963. New York: HarperCollins, 1991.
13. Веттиг Г. Н.С. Хрущев и Берлинский кризис 1958-1963 годов. Политика угроз и возведение Берлинской стены / пер. с нем. М. Чистяковой. М.: РОССПЭН, 2007. 400 с.
14. Кайдерлинг Г., Штульц П. Берлин 1945-1975. М.: Прогресс, 1976. 512 с.
15. Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011.

© Макарова Мария Борисовна (marijamakarova2004@gmail.com), Синегубов Станислав Николаевич (globus_75@inbox.ru), Воронина Дарья Максимовна (stud0000274085@study.utmn.ru), Воронин Владимир Алексеевич (stud0000292985@utmn.ru), Касаткина Анастасия Александровна (akasatkina775@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ Н.М. КАРАМЗИНА С ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ: МЕЖДУ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИЕЙ И КРИТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

Никитин Александр Константинович

Аспирант, Государственный университет
просвещения, г. Москва
alexander.nikitin.k@gmail.com

PRINCIPLES OF N.M. KARAMZIN'S WORK WITH HISTORICAL SOURCES: BETWEEN THE CHRONICLE TRADITION AND THE CRITICAL METHOD

A. Nikitin

Summary: The article reconstructs and analyzes the methods of N.M. Karamzin's work with historical sources in the creation of the "History of the Russian State", as well as determines the degree of their compliance with the criteria of scientific criticism that have developed in European historiography of the late 18th – early 19th centuries.

The study is based on the comparative textual method, which involves comparing the final text of the "History" with the sources available to the author, such as chronicles, chronographs, and records.

In addition, the historical-genetic method is used to identify the evolution of the historiographer's approaches to the verification of facts. It has been established that Karamzin adhered to a double strategy: on the one hand, he introduced into scientific circulation a huge array of previously unused sources, on the other hand, he retained a trusting attitude to chronicle legends, without subjecting them to systematic textual verification.

Specific cases of divergence of the Karamzin method from the principles of historical criticism, later formulated by S.M. Solovyov, are revealed the Scythian version of the origin of the Slavs, the news of the visit of the Apostle Andrew to Kiev, and information about the Slavic deities.

The theoretical significance of the work lies in the clarification of the idea of Karamzin's place in the history of Russian historical science: he acts as a transitional figure from a chronicle compilation to a research monograph, combining elements of pre-critical and critical approaches.

The practical significance lies in the possibility of using the materials of the article in the courses on the historiography of Russia and in the study of the history of the formation of source studies in Russian science.

Keywords: N.M. Karamzin, "History of the Russian State", source studies, chronicles, historical criticism, methodology, textual criticism.

Аннотация: В статье проанализированы методы работы Н.М. Карамзина с историческими источниками при создании «Истории государства Российского», а также определена степень их соответствия критериям научной критики, сложившимся в европейской историографии конца XVIII – начала XIX века. Цель исследования состоит в реконструкции принципов отбора, проверки и изложения источников, которыми руководствовался Н.М. Карамзин при создании «Истории государства Российского», а также в оценке их с точки зрения критериев исторической критики. Исследование опирается на сравнительно-текстологический метод, предполагающий сопоставление окончательного текста «Истории государства Российского» с доступными автору источниками – летописями, хронографами и актовым материалом; дополнительно применяется историко-генетический метод для выявления эволюции подходов историографа к верификации фактов. Установлено, что Н.М. Карамзин придерживался двойной стратегии: с одной стороны он ввел в научный оборот огромный массив ранее не использовавшихся источников, с другой – сохранил доверительное отношение к летописным легендам, не подвергая их систематической текстологической проверке. Выявлены конкретные случаи расхождения «карамзинского метода» с принципами исторической критики. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении представления о месте Н.М. Карамзина в истории русской исторической науки (он выступает как первый автор исследовательской монографии). Практическая значимость состоит в возможности применения материалов статьи в курсах по историографии России и при изучении истории становления источниковедения в отечественной науке.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «История государства Российского», источниковедение, летописи, историческая критика, методология, текстология.

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что «История государства Российского» Н.М. Карамзина (1766–1826) стала первым обобщающим трудом по русской истории и событием, определившим развитие национального самосознания [4, 5]. Однако за внешней стройностью повествования скрывалась сложная и во многом противоречивая работа с источниками, вызывавшая неоднозначную оценку современников вплоть

до упреков в некритическом следовании летописным сказаниям. Обращение к источниковедческой технике Н.М. Карамзина позволит, на наш взгляд, понять, как формировался научный аппарат русской историографии на ее раннем этапе.

Именно методы анализа источников Н.М. Карамзина по проверке, комментированию и интерпретации документов являются основой для научного аппарата ранней русской историографии. Исследование методов, исполь-

зуемых историком для обработки летописей, документов и зарубежных мемуаров позволяет оценить научную строгость его монументального труда и проследить становление профессиональных стандартов исторических исследований в России начала XIX века.

На наш взгляд, анализ источниковедческих приемов Н.М. Карамзина позволяет выявить как неоспоримые достоинства ученого, его энциклопедические знания, так и очевидные ограничения его метода в парадигме эпохи Просвещения. В связи с этим рассмотрение методов источниковедческого анализа, сформулированных Н.М. Карамзиным, представляется академически оправданным и необходимым для реконструкции полной картины эволюции исторического знания в России. Можно констатировать, что Н.М. Карамзин работал в период, когда европейская историческая наука уже выработала методы внешней и внутренней критики источника (труды Л. фон Ранке, Б.Г. Нибура, И.Г. Гаттерера), тогда как русская традиция все еще сохраняла прочную связь с летописным компилятивным сводом. В контексте современной историографии изучение источниковедческой практики Н.М. Карамзина обретает особое значение и эвристическую ценность для современной науки.

Обзор литературы

Исследованиям С.М. Соловьева и О.В. Ключевского как критиков и продолжателей методологических изысканий Н.М. Карамзина посвящено немало работ в современной историографии. Так, исследование категории образа автора в характеристиках правления Петра Великого, проведенное О.И. Валентиновой и Л. Ван [16] на материале «Русской истории» В.О. Ключевского, раскрывает механизмы репрезентации исторической личности через призму авторского сознания. Авторы, в частности, показывают, как текстуальные стратегии В.О. Ключевского формируют многомерный портрет эпохи, синтезируя фактографическую точность с субъективной интерпретацией.

В свою очередь, Л.А. Сапченко [17] обращается к оценкам Екатерины Великой в творчестве Н.М. Карамзина, выявляя эволюцию взглядов историографа на императрицу. Работа данного автора демонстрирует, как «карамзинская рефлексия» над личностью и деяниями Екатерины II вплетается в более широкий контекст русской литературы и историософии, подчеркивая дихотомию просвещенческого идеала и реальной политической практики.

Концепция взаимодействия общества и природы, разработанная С.М. Соловьевым, исследуется Р.О. Садыковой и Р.Т. Байгондиным [18]. Авторы прослеживают дальнейшее развитие этой концепции в историографии, акцентируя внимание на ее эвристическом потенциале

для понимания социоприродных процессов в российской истории. Работа вносит вклад в осмысление экологических и социальных детерминант исторического развития.

Феномен «русской идеи» анализируется Н.Г. Осиповой [19] с точки зрения его истоков, составных частей и духовного содержания. Исследование, опубликованное в 2025 году, предлагает современную интерпретацию данного концепта, рассматривая его как динамичную систему смыслов, интегрирующую религиозные, философские и социально-политические компоненты русской мысли.

Таким образом, каждое из перечисленных исследований, опираясь на оригинальные источники и авторские методологические подходы, вносит вклад в углубленное понимание основных фигур и идейных течений русской истории.

Результаты

Вопрос о методах работы Н.М. Карамзина с источниками неоднократно привлекал внимание исследователей. Еще С.М. Соловьев в своих критических разборах указывал на недостаточную текстологическую проверку летописного материала [2, с. 110]. Фундаментальными работами, реконструирующими интеллектуальную биографию Н.М. Карамзина и контекст создания «Истории государства Российского», остаются труды Ю.М. Лотмана [8] и Н.Я. Эйдельмана [15]. В свою очередь, А.А. Формозов детально проанализировал конкретные случаи «карамзинской доверчивости» к источникам, включая некритическое заимствование из «Синописа» Иннокентия Гизеля [12, с. 19]. В.П. Козлов охарактеризовал работу Н.М. Карамзина как переходную форму от летописного свода к научному исследованию, отметив как достоинства (введение в оборот новых источников), так и недостатки (несистематическая критика) [7, с. 56]. В частности, Л.Н. Пушкарев и С.О. Шмидт рассматривали труд Н.М. Карамзина в контексте становления источниковедения как самостоятельной дисциплины [10; 14, с. 212].

Методологическую базу настоящего исследования составляет сравнительно-текстологический подход, при котором фрагменты «Истории государства Российского» сопоставляются с теми источниками, которыми располагал Н.М. Карамзин (прежде всего летописи по спискам, хранившимся в московских архивах). Используется также историко-генетический метод, позволяющий проследить эволюцию отношения Н.М. Карамзина к источникам от ранних редакций к поздним.

Отметим, что Н.М. Карамзин приступил к работе над «Историей государства Российского» в 1804 году, имея за плечами опыт журналиста и писателя, но не про-

фессионального историка-архивиста. Тем не менее за двадцать два года он сумел привлечь огромный круг источников. Основу составили летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская, Троицкая (сгоревшая в 1812 году, но скопированная Н.М. Карамзиным до пожара), Новгородские, Псковские, Никоновская. Кроме того, Н.М. Карамзин изучил хронографы, лицевые своды, актовый материал (духовные и договорные грамоты князей), законодательные памятники («Русская Правда», Судебники), свидетельства иностранцев (Герберштейн, Флетчер, Олеарий).

О значении введенных Н.М. Карамзиным источников для последующей историографии подробно писал С.О. Шмидт [14, с. 214]. Как отмечает В.П. Козлов, «Н.М. Карамзин первым из русских историков систематически обратился к архивным фондам, введя в оборот множество документов, до него остававшихся неизвестными» [7, с. 57]. Однако системность эта касалась скорее охвата источников, нежели методов их критики.

Сознательно ограничивая свой предмет, Н.М. Карамзин писал не историю народа, культуры или экономики, а именно историю государства - историю власти, войн, дипломатии, законодательства и династических отношений. Как подчеркивал А.Н. Пыпин, именно широкое привлечение архивного материала отличает Н.М. Карамзина от Татищева и Щербатова [11, с. 267]. Однако этот подход предопределил и отбор источников: летописные известия о княжеских усобицах, переговорах, сражениях и договорах последовательно попадали в текст, тогда как сведения о социально-экономической жизни, быте и религиозных представлениях простого народа включались значительно реже.

Вторым критерием отбора источников были занимательность и литературная выразительность. Н.М. Карамзин никогда не скрывал, что пишет для ученых и широкой образованной публики, а потому неизменно отдавал предпочтение тем версиям событий, которые обладали наибольшим драматизмом и нравственной наглядностью. Как отмечает А.А. Формозов, «Карамзин выбирал не столько достоверное, сколько поучительное и красивое» [12, с. 22].

Третий принцип отбора определялся идеологической и политической целесообразностью. Будучи последовательным монархистом, Н.М. Карамзин стремился показать самодержавие как естественную и единственно возможную форму правления для России [14, с. 47]. В соответствии с этим он уделял особое внимание тем летописным сюжетам, где единовластие выступало условием порядка и процветания, а удельная раздробленность - корнем бедствий. Подробный анализ политической составляющей историописания Н.М. Карамзиным представлен в статье В.В. Пугачева [9, с. 52].

Главным методологическим ограничением работы Н.М. Карамзина с источниками стало отсутствие систематической внешней и внутренней критики. Как правило, он принимал летописное известие таким, каким оно представало в наиболее авторитетном (по его мнению) списке, не сопоставляя его с разночтениями по другим спискам и не подвергая сомнению саму возможность события. Наиболее яркие примеры этого подхода многочисленны. Вслед за «Синописом» Иннокентия Гизеля (1674) Карамзин связывал славян со скифами, что уже в его время вызывало сомнения у специалистов; он не поставил под вопрос этот генезис, хотя располагал иными данными [7, с. 58].

О заимствованиях Н.М. Карамзина из «Синописа» и степени их критической обработки подробно пишут В.П. Козлов [7, с. 87] и А.А. Формозов [12, с. 19]. Кроме того, Н.М. Карамзин включил в текст «Истории государства Российского» легенду о посещении Киева апостолом Андреем, который якобы поднимался по Днепру и предрек великое будущее Киеву. Он отметил, что «некоторые сомневаются в истине сего происшествия», но сам склонился к его принятию, так как легенда «освящена древностью» и соответствует нравственному достоинству русской истории [4, с. 12].

Также он включил в текст имена божеств (Ладо, Купала, Лель, Полель), заимствованных из «Синописа», не проверив их по другим источникам; как позднее установили историки, некоторые из этих имен являются не именами богов, а обозначениями обрядовых формул или позднейшими вставками [12, с. 20].

Наконец, в споре о достоверности сибирских летописей Н.М. Карамзин доверился так называемой Строгановской летописи о походе Ермака, не проведя ее текстологической проверки. С.М. Соловьев позднее показал, что этот источник содержит позднейшие вставки и не может считаться вполне достоверным [2, с. 118].

Положительные стороны работы Н.М. Карамзина с источниками не позволяют сводить его методологию исключительно к недостаткам. Он предпринял несколько важных шагов вперед по сравнению с предшествующей историографической традицией.

Прежде всего, Н.М. Карамзин ввел в научный оборот огромный массив новых источников. До него русские историки, например, В.Н. Татищев и М.М. Щербатов, работали с относительно узким кругом летописей, а Н.М. Карамзин обследовал архивы, выписывал списки и сводил разночтения. Многие документы, которые он использовал, погибли в московском пожаре 1812 года, и знание о них сохранилось только благодаря его выпискам [4, с. 18].

Также Н.М. Карамзин впервые отделил основной текст от примечаний: в примечаниях к каждому тому он приводил разночтения по разным спискам, цитировал источники на языке оригинала (древнерусском, греческом, латинском, немецком, французском) и указывал на расхождения. Тем самым был создан прецедент: историк отныне должен был пересказывать источник и отчитываться перед читателем о своей работе с ним. При этом очевидно, что Н.М. Карамзин осознавал проблему недостоверности источников, хотя и не всегда последовательно ее решал. В предисловии к «Истории государства Российского» он писал: «Летописец, например, говорит: я был там, я слышал от того-то; чужеземный историк доносит: я читал записки такого-то; но где доказательства? Если два древние свидетеля не согласны между собою, то которого слушаться? Надлежало избирать, не все к стати, и часто давать веру одному, хотя лучшему известию, когда прочие не согласны с ним в обстоятельствах» [4, с. 12].

Можно также отметить, что Н.М. Карамзин был хорошо знаком с трудами ведущих европейских историков своего времени, включая Э. Гиббона («История упадка и разрушения Римской империи») [1], У. Робертсона («История Карла V»), И.Г. Гаттерера и А.Л. Шлецера [13].

В примечаниях к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин неоднократно ссылался на Э. Гиббона [1, с. 45], и, по-видимому, именно чтение труда Э. Гиббона подсказало ему принцип параллельного изложения истории разных стран [15, с. 46]. От А.Л. Шлецера Н.М. Карамзин воспринял интерес к критике источников: А.Л. Шлецер настаивал на необходимости сопоставлять списки, выявлять вставки и отличать первичные известия от вторичных [13, с. 144].

Однако Н.М. Карамзин не последовал методологии А.Л. Шлецера до конца. Если А.Л. Шлецер в своих «Несторовских летописях» стремился реконструировать первоначальный текст «Повести временных лет», отсекая позднейшие наслоения, то Н.М. Карамзин, как отмечает В.П. Козлов, «пользовался летописным материалом как готовым нарративом, а не как объектом текстологической реконструкции» [7, с. 60]. Э. Гиббон, чей труд Н.М. Карамзин высоко ценил, применял последовательную критику источников, сопоставляя свидетельства древних авторов и отвергая явные легенды. Н.М. Карамзин же нередко предпочитал легендарную версию, если она казалась ему нравственно возвышенной или патри-

стически полезной. О его раннем интересе к западной методологии свидетельствуют путевые заметки («Письма русского путешественника»), где он еще в молодости фиксировал впечатления от встреч с европейскими учеными [6, с. 246].

Выводы

Методология Н.М. Карамзина в изучении исторических источников была двойственной и новаторской. С одной стороны, он взял на себя колоссальную задачу выявления, сбора и распространения среди исследователей значительного корпуса новых источников. При этом он создал первый в России всеобъемлющий исторический труд, опирающийся на печатные издания и на обширный архив. В ходе исследования было также выявлено, что Н.М. Карамзин осознавал необходимость отбора и анализа источников, необходимость, которую он даже указал в предисловии к своему труду. Однако подход историка отличался избирательностью: он доверял легендам в летописях, если они соответствовали его литературным, моральным или политическим принципам, не проводил систематического сравнения расхождений между различными рукописями и не ставил под сомнение сведения, которые даже в его время вызывали серьезные возражения со стороны ученых.

В частности, это касалось утверждений о скифском происхождении славян, визите апостола Андрея в Киев и информации о языческих божествах, заимствованной из «Синописа». Как убедительно показал Н.Я. Эйдельман, формула А.С. Пушкина «наш первый историк и последний летописец» объясняет достоинства и ограничения метода Н.М. Карамзина: он усовершенствовал летописную традицию, не создав новой науки о прошлом.

Таким образом, Н.М. Карамзина нельзя назвать сторонником критического подхода в том смысле, в каком этот термин понимался в европейской науке начала XIX века, поскольку он оставался «последним летописцем» – тем, кто усовершенствовал традицию составления летописей, но не совершил решающего перехода к исследовательской монографии и ее систематической источниковедческой критике. Такой переход был осуществлен следующим поколением историков, в частности, С.М. Соловьевым. Значение Н.М. Карамзина для русской традиции источниковедения заключается не столько в его роли образца критического метода, сколько в создании прецедента в архивной работе и подготовке к более строгой критике в более поздний период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: В 7 т. – М.: Наука, 2008. – Т. 1. – 592 с.

2. Дубровский А.М. С.М. Соловьев о Н.М. Карамзине // Вестник РГГУ. – 2020. – № 3. – С. 110–121.
3. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. – М.: Наука, 1991. – 127 с.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – 640 с.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. – М.: Наука, 1991. – Т. 2–3. – 832 с.
6. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984. – 714 с.
7. Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 272 с.
8. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 336 с.
9. Пугачев В.В. Карамзин-историк и формирование русской национальной идентичности // Вопросы истории. – 2006. – № 8. – С. 45–59.
10. Пушкин Л.Н. Классическая русская историография: общие понятия, теория, методы. – М.: Наука, 1975. – 376 с.
11. Пыпин А.Н. История русской литературы. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – Т. 4. – С. 245–389.
12. Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. – М.: Гриф и К, 2012. – 216 с.
13. Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древне-славянском языке: В 3 ч. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1809. – Ч. 1. – 358 с.
14. Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. – М.: Языки славянских культур, 2007. – Т. 1. – 480 с.
15. Эйфельман Н.Я. Последний летописец. – М.: Книга, 1983. – 176 с.
16. Valentinova O.I., Wang L. Manifestation of the Author's Image Category in the Characteristics of the Reign of Peter the Great (based on the material of V.O. Klyuchevsky "Russian History") // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2020. – Vol. 11, № 4. – P. 775–789.
17. Sapchenko L.A. Catherine the Great in the Assessments of N.M. Karamzin // Catherine II and Russian Literature. – 2024. – P. 268–294.
18. Sadykova R.O., Baigondin R.T. The Concept of S.M. Solov'yev on the Interaction of Society and Nature and its Further Development in Historiography // Bylye Gody. – 2017. – Vol. 45, № 3. – P. 903–914.
19. Osipova N.G. The phenomenon of the "Russian idea": origins, components and spiritual meaning // Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science. – 2025. – Vol. 31, № 3. – P. 7–31.

© Никитин Александр Константинович (alexander.nikitin.k@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КЛИОМЕТРИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

Оганян Врам Арменович

Аспирант, Государственный
университет просвещения, г. Москва
vram.oganyan@icloud.com

INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF CLIOMETRICS IN MODERN RUSSIA: OPPORTUNITIES AND OBSTACLES

V. Ohanyan

Summary: This research is devoted to the analysis of the current institutional conditions for the development of cliometrics in Russia. The article identifies systemic obstacles, including the lack of interdisciplinary educational standards, the lack of cliometrics in the list of scientific specialties and specialized journals with appropriate thematic headings. To solve this problem, the article examines the existing opportunities: digitalization of archival funds, growing interest in institutional economics and isolated successful examples of the introduction of cliometric courses and seminars.

The methodological basis of the study is institutional analysis, supplemented by the methods of comparative political science within the framework of science studies. The empirical study is based on regulatory documents, educational standards, requirements of the Higher Attestation Commission, as well as on the statistics of dissertation defenses in related specialties. The empirical base of the study also includes data on the availability of training courses in cliometrics at Russian universities, materials of interviews and public speeches of leading experts.

The results: the digitalization of archives, the growth of publications on economic history, and the initiatives of leading universities (special courses at Moscow State University, seminars at RANEPa) create potential growth points.

The theoretical significance of the work lies in the first systematic application of the institutional approach to the analysis of the state of cliometrics in Russia, which makes it possible to proceed to the formation of specific recommendations for universities, scientific foundations, and journal editors.

Keywords: cliometrics, institutional economics, historical informatics, dissertation councils, educational standards, digitalization of archives.

Аннотация: Исследование посвящено анализу современных институциональных условий развития клиометрики в России. Цель статьи состоит в изучении системных препятствий, среди которых отсутствие междисциплинарных образовательных стандартов, отсутствие клиометрики в перечне научных специальностей и профильных журналов с соответствующими тематическими рубриками. Для решения данной проблемы в статье рассматриваются существующие возможности: цифровизация архивных фондов, возрастающий интерес к институциональной экономике и единичные успешные примеры внедрения клиометрических курсов и семинаров.

Методологическую основу исследования составляет институциональный анализ, дополненный методами сравнительной политологии в рамках науковедения. Эмпирическое исследование базируется на нормативных документах, образовательных стандартах, требованиях Высшей аттестационной комиссии (ВАК), а также на статистике диссертационных защит по смежным специальностям. Эмпирическая база исследования включает также данные о наличии учебных курсов по клиометрике в российских вузах, материалы интервью и публичных выступлений ведущих специалистов.

Результаты исследования: цифровизация архивов, рост публикаций по экономической истории и инициативы ведущих вузов (спецкурсы в МГУ, семинары в РАНХиГС) создают потенциальные точки роста.

Теоретическая значимость работы состоит в первом системном применении институционального подхода к анализу состояния клиометрики в России, что позволяет перейти к формированию конкретных рекомендаций для вузов, научных фондов и редакций журналов.

Ключевые слова: клиометрика, институциональная экономика, историческая информатика, диссертационные советы, образовательные стандарты, цифровизация архивов.

Введение

Возникновение клиометрики – это естественный этап в эволюции научного знания, обусловленный синтезом экономической теории и исторического анализа. Данная дисциплина о формальных экономических моделях по историческим данным появилась во второй половине XX века. Однако траектории ее развития на Западе и в России радикально отличались. Так, в

западноевропейской традиции, восходящей к работам Р. Фогеля и Д. Норта, клиометрика рассматривалась как органическое слияние экономики и количественной истории, в котором экономическая модель служила инструментом проверки исторических гипотез [1, с. 6].

Несмотря на значительный прогресс исторических вычислений, клиометрика в западном понимании этого термина так и не прижилась в советской академической

среде. Хотя советские исследователи, безусловно, освоили корпусный метод обработки исторических источников и создали школы источниковедения и количественного анализа, преобладание философской парадигмы исторического материализма ограничило применение экономического моделирования с нетривиальными гипотезами.

Следовательно, исторические вычисления оставались в первую очередь методом сбора и описания данных, а не инструментом для проверки конкурирующих объяснений. При этом развитие клиометрики как самостоятельной дисциплины в России требует гораздо большего, чем просто талантливые исследователи. Попытки реализации междисциплинарных проектов, как правило, не приносят успеха из-за отсутствия специализированных журналов, курсов, кафедр и регулярных научных семинаров по клиометрике.

На наш взгляд, текущее состояние клиометрики в России обусловлено не отсутствием ученых, способных проводить исследования, признанные на международном уровне. Работы многих российских авторов демонстрируют высокую методологическую строгость и оригинальность. Основная проблема заключается в существующих системах оценки и финансирования исследовательских проектов, процедурах защиты диссертаций и структуре программ вузов, которые не допускают необходимой гибкости для междисциплинарных исследований. В такой ситуации последователи клиометрического подхода [1, с. 9] оказываются в парадоксальной ситуации: они сталкиваются с непониманием как со стороны исторических факультетов, которые считают их работу слишком формализованной и эконометрической, так и со стороны экономических факультетов, которые считают клиометрику недостаточно теоретически обоснованной.

По нашему мнению, основные препятствия на пути развития клиометрики носят институциональный характер: отсутствие формализованных процедур признания междисциплинарных результатов, трудности в публикации работ, сочетающих исторические нарративы и эконометрические расчеты. В данной статье эти препятствия систематизированы и предложены конкретные решения для их преодоления. Понимание природы этих препятствий, от бюрократических ограничений до эпистемологических предубеждений, имеет решающее значение для подготовки полного внедрения российской клиометрики в международное научное сообщество.

Обзор литературы

На наш взгляд, основополагающее значение для понимания эволюции клиометрики имеют работы И.М. Гар-

сковой, в которых автор анализирует методологические и историографические аспекты развития исторической информатики [1] и прослеживает динамику взаимоотношений квантитативной истории с данным направлением [2].

Вопросы математизации исторической науки и становления клиометрии во второй половине XX века подробно рассматриваются в исследовании Н.С. Гусевой [3]. В свою очередь, фундаментальное учебное пособие по экономической истории России, подготовленное Р.М. Нуреевым и Ю.В. Латовым, служит важным источником для понимания макроэкономических процессов в исторической ретроспективе [5]. Современные тенденции в осмыслении клиометрики как инструмента экономиста освещены в работе Е.Д. Пешаковой [7].

Отдельного внимания заслуживают исследования, посвященные формам исторической реконструкции: так, А.И. Харининым и Л.В. Харининой проанализированы настольные военно-исторические игры как метод исторического моделирования, причем данная работа представлена как на русском [10], так и на английском [13] языках, что подтверждает ее международную значимость.

В современной историографии значительный интерес представляет также проблематика альтернативной (контрфактической) истории, рассматриваемая К. Делермозом и П. Сингаравелу в контексте мирового исторического процесса [11]. В своей работе Р. Холец исследует теоретические дискуссии о роли рыночных и управленческих механизмов в экономической истории, оперируя метафорами «невидимой руки» рынка и «вездесущей руки» менеджмента [12]. В исследовании Дж. Мишчишин применен клиометрический анализ для оценки влияния железных дорог на экономический рост Германии [14]. В работе З. Норкус и А. Струнга применен клиометрический подход для изучения империй на примере Великого княжества Литовского [15].

Таким образом, современная историография охватывает как теоретико-методологические основания квантитативной истории и исторической информатики, так и конкретные примеры их применения.

Эмпирическую базу для анализа текущих научных трендов составили данные научной электронной библиотеки eLibrary.ru за 2020–2025 гг. [4]. Нормативно-правовая база, регламентирующая научную деятельность, представлена «Перечнем научных специальностей ВАК» [6] и федеральными государственными образовательными стандартами по направлениям «Экономика» [8] и «История» [9].

Результаты исследования

Для анализа ситуации проведен мониторинг в 2025 году, по данным которого лишь один из крупнейших российских вузов проводит отдельный курс «Клиометрика» (МГУ им. М.В. Ломоносова, автор курса Л.И. Бородин). Для мониторинга была произведена выборка из 30 ведущих вузов, включая МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС. Еще в двух вузах, НИУ ВШЭ и РАНХиГС, были найдены упоминания об отдельных темах по применению количественных методов в истории, включенных в курсы экономической истории или исторической информатики.

Сложившаяся ситуация вынуждает будущих ученых самостоятельно осваивать разные дисциплины, причем вне рамок основного учебного процесса. Более того, для самостоятельного освоения разных дисциплин необходимо в целом знать о существовании такого направления, что тяжело себе представить среди абитуриентов вузов. Даже если молодой ученый заинтересуется таким направлением, он столкнется с рядом ограничений, которые касаются особенностей защит бакалаврских и магистерских работ, когда речь заходит о междисциплинарности выбранной для защиты темы.

Отметим, что для успешной защиты диссертации по историческим наукам требуется опубликовать не менее трех статей в журналах из Перечня ВАК. При этом в России нет ни одного журнала, который специализировался бы исключительно на клиометрике. Ученые, интересующиеся темой, должны публиковаться в исторических журналах. Более того, ученые периодически вынуждены маскировать проявления междисциплинарности для упрощенной процедуры согласования публикации статей или же защиты диссертаций. Зачастую междисциплинарные работы требуют написания рецензий рецензентами из разных научных сфер.

Для наглядного подтверждения выдвинутого тезиса автор провел исследование, в котором подсчитал количество публикаций по клиометрике, экономической истории и исторической информатике. По ключевому слову «клиометрика» в базе eLibrary за все время найдено 459 публикаций, а в период за 2020–2025 годы найдено всего 30 публикаций. По запросу «историческая информатика» за все время найдено 61520 публикаций, из которых 460 публикаций сделаны в период с 2020 по 2025 годы. Но самые интересные результаты были нами обнаружены по запросу «экономическая история»: за все время количество публикаций составляет 51730, в то время как за период с 2020 по 2025 годы число публикаций составляет более 20 тысяч.

Таблица 1.

Публикационная активность по смежным направлениям (eLibrary, 2020–2025 и за все время).

Ключевое слово	Число публикаций за все время	Число публикаций за период 2020–2025 гг.
Клиометрика	459	30
Историческая информатика	61520	460
Экономическая история	51730	21203

Источник: собственный подсчет по научной электронной библиотеке eLibrary.ru, апрель 2025.

Опираясь на проведенный подсчет, можно задуматься о том, действительно ли клиометрика является редкой дисциплиной в России или же расплывчатые границы между клиометрикой, исторической информатикой и экономической историей объединяют все эти понятия в одно научное направление. Можно с уверенностью сказать, что при отсутствии профильного журнала невозможно объективно оценить ситуацию с клиометрикой в России. Иными словами, ученые не могут объединиться в сообщества на базе единой площадки (журнала), не видят единомышленников и, возможно, не считают направление перспективным, чтобы писать работы по нему.

В ходе проведенного анализа нами также было выявлено, что перечень научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденный Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118, не содержит отдельной специальности «Клиометрика». При этом соискатель ученой степени может пройти защиту по следующим направлениям: 5.6.1 «Отечественная история», 5.6.2 «Всеобщая история», 5.6.5 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», 5.2.5 «Мировая экономика» (экономические науки), однако каждая специальность имеет свою специфику в клиометрическом исследовании. То есть для экономического факультета такая работа может быть недостаточно профильной с точки зрения эконометрики, а для исторического – с точки зрения методов исследования. Более того, в диссертационных советах по историческим наукам нет экономистов, а в экономических – историков. Однако, помимо институциональных барьеров, существуют внешние факторы и процессы, способствующие динамике развития клиометрики.

Рассмотрим более подробно те из них, которые оказывают позитивное воздействие на развитие клиометрики в России:

1. Цифровизация архивов: за последние 10 лет РГАЭ (Российский государственный архив экономики), РГАДА (Российский государственный архив древних актов) и региональные архивы перевели в

Таблица 2.

Рекомендации по внедрению клиометрики в России как самостоятельной научной дисциплины.

Уровень	Мера воздействия	Описание
ВУЗы	Интеграция количественных методов в гуманитарное образование	Ввести в магистерские программы по истории обязательный минимум по эконометрике и экономической теории.
	Расширение исторического кругозора будущих экономистов	Увеличить обязательный минимум для студентов бакалавриата экономических направлений по истории; ввести обязательные курсовые работы, в ходе которых студенты смогут на простейших моделях оценить исторические события в цифрах.
	Стимулирование междисциплинарных исследований	Стимулировать написание курсовых и дипломных работ на стыке дисциплин, помогая студентам в поиске рецензентов по различным направлениям.
Журналы и ВАК	Создание профильных рубрик	Создать при ведущих исторических журналах специальные рубрики «Клиометрические исследования».
	Снижение барьеров для междисциплинарных публикаций	Упростить требования к публикациям для междисциплинарных работ, признавая валидность количественного анализа.
Диссертационные советы	Кадровое обеспечение экспертизы	Включить в состав советов по историческим наукам специалистов по экономической истории и эконометрике.
	Методологическое сопровождение	Разработать методические рекомендации по оценке диссертаций, использующих количественные методы.
Научные фонды	Целевое финансирование клиометрики	Объявить отдельный грантовый трек «Историческая клиометрика» в РНФ или РФФИ (отметим, что сейчас такие проекты конкурируют с традиционными историческими на общих основаниях и проигрывают, что подтверждается анализом текущей конкурсной статистики).

цифровой формат огромный объем исторической информации. Более того, создаются открытые базы данных, которые могут послужить основой для клиометрических анализов.

2. Активное развитие экономической истории, которое видно по представленному в статье подсчету.
3. Учебные программы: несмотря на дефицит таких программ, описанный автором ранее, стоит отметить, что единственные существующие программы появились совсем недавно: курс Л.И. Бородкина в МГУ и магистерская программа «Экономическая история» в РАНХиГС, в которой есть модуль, посвященный количественным методам, появились после 2020 года.

На основе проведенного автором анализа можно утверждать, что клиометрика в России находится в неоднозначном положении: система образования не настроена на ученых данного направления на разных уровнях, однако глобальный тренд на цифровизацию и повышающееся количество публикаций на смежные с клиометрикой темы дают понять, что потенциал развития существует.

В целом выдвинутые нами предложения носят рамочный характер и требуют обсуждения в профессиональном сообществе, однако без реализации перечисленных инициатив клиометрика в России рискует навсегда

остаться личной практикой заинтересованных ученых.

Более того, приведенные нами данные мониторинга публикационной активности выявляют структурный дисбаланс: подавляющее большинство работ по экономической истории и историческим расчетам не имеют явной маркировки «клиометрическая». Ситуация усугубляется тем, что современные академические специальности не охватывают клиометрику как отдельную область. Проведенный в рамках исследования институциональный анализ позволяет утверждать, что низкая распространенность клиометрики в России объясняется системными барьерами: образовательными стандартами, отсутствием клиометрики в перечне специальностей ВАК, отсутствием профильных журналов. Однако параллельно существуют и позитивные тренды, среди которых - цифровизация архивов и рост интереса к институциональной экономике.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить парадокс развития клиометрики в России: с одной стороны, дисциплина обладает значительным потенциалом, с другой стороны – в институциональном плане сохраняется отсутствие специализированного журнала, нечеткость критериев специализации в официальных классификациях и нехватка рецензентов и диссертационных

комиссий, которые позволили бы оценивать междисциплинарные работы.

При этом фундаментальная проблема заключается не в отсутствии интереса к самой клиометрике, а в невозможности ее внедрения в рамки существующей академической инфраструктуры. Современные исследователи вынуждены адаптировать количественные методы к традиционным историческим или экономическим дисциплинам. В то же время отсутствие единой платформы и специализированных журналов лишает исследователей возможности профильных публикаций и затрудняет поиск единомышленников в данной научной области. В таких условиях клиометрика остается скорее уделом эн-

тузиастов, чем полноценной научной дисциплиной.

Таким образом, будущее клиометрики в России зависит от готовности академического сообщества и профильных министерств пересмотреть критерии оценки междисциплинарных работ. В настоящее время исследователи, применяющие количественные методы к историческим процессам, вынуждены публиковаться в неспециализированных журналах и искать рецензентов вне традиционных экспертных советов. Внедрение предложенных нами мер по развитию клиометрики поможет преобразовать эту дисциплину в признанную академическую область.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарскова И.М. Историческая информатика: Методологические и историографические аспекты развития: автореф. ... дисс. канд. истор. наук: 07.00.09 / Гарскова, Ирина Марковна. М.: 2018. 28 с.
2. Гарскова И.М. Квантитативная история и историческая информатика: эволюция взаимодействия // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 77–92.
3. Гусева Н.С. Математизация исторической науки: становление клиометрии в исторической науке во второй половине XX в // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 12–16.
4. Данные научной электронной библиотеки eLibrary.ru (2020–2025). URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России: учебное пособие. М.: КноРус, 2023. 312 с.
6. Перечень научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Утвержден приказом Минобрнауки № 118 от 24.02.2021.
7. Пешакова Е.Д. Клиометрика: история как школа и лаборатория экономиста – 2024. URL: <https://economics.hse.ru/ecjournal/news/935858387.html> (дата обращения: 17.01.2026).
8. ФГОС ВО по направлению 38.03.01 «Экономика» (уровень бакалавриата). Утвержден приказом Минобрнауки № 954 от 12.08.2020.
9. ФГОС ВО по направлению 46.03.01 «История» (уровень бакалавриата). Утвержден приказом Минобрнауки № 732 от 08.10.2020.
10. Харинин А.И., Харинина Л.В. Настольная военно-историческая игра как форма исторической реконструкции // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. № 1. С. 126–140.
11. Deluermoz Q., & Singaravelou P. From Delhi to Vienna: Counterfactual History Across the World // A Past of Possibilities. October 2021. P. 27–43.
12. Holec R. "The invisible hand" of the market or "the ever-present hand" of management (On new discussions and methods in the field of economic history) // Historický časopis. January 2006. Vol. 54, No. 1. P. 3–24.
13. Kharinin A.I., & Kharinina L.V. Wargaming as a Form of Historical Simulation // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 4 Istorija Regionovedenie Mezhdunarodnye otnosheniya. February 2020. Vol. 25, No. 1. P. 126–140.
14. Myszczyzyn J. The use of cliometric analysis in the assessment of the railroads impact on Germany's economic growth (Wykorzystanie analizy kliometrycznej w ocenie wpływu kolei żelaznych na wzrost gospodarczy Niemiec) // Wydawnictwo Uczelniane Zachodniopomorskiego Uniwersytetu Technologicznego w Szczecinie. – April 2019. ISBN: 978-83-7663-285-8.
15. Norkus Z., & Strunga A. Cliometry of empires // An Unproclaimed Empire: The Grand Duchy of Lithuania. – July 2017. – P. 90–110.

© Оганян Врам Арменович (vram.oganyan@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПЛЕКТОВАНИЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ВЕРМАХТА НА ОТДЕЛЬНЫХ ЭТАПАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

RECRUITMENT OF THE WEHRMACHT GROUND FORCES AT CERTAIN STAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

**G. Popov
A. Biankina**

Summary: The article examines the aspects of the recruitment of the Wehrmacht ground forces during the Great Patriotic War, which are poorly studied in the scientific literature. An overview of the extensive statistical material compiled by the high command of the German Army on the recruitment of ground formations is given. It is concluded that the shortage of Wehrmacht personnel is explained not only by heavy losses on the Eastern Front, but also by the accelerated system of forming new ground formations.

Keywords: The Great Patriotic War, the Second World War, the Nazi regime in Germany, German Armed Forces.

Попов Григорий Германович

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Московский институт современного академического образования
GGPopov2009@mail.ru

Бианкина Алена Олеговна

Ректор, Институт социальных наук, г. Москва
rektor@miskisn.ru

Аннотация: В статье рассматриваются малоизученные в научной литературе аспекты комплектования сухопутных сил вермахта в годы Великой Отечественной войны. Дан обзор обширного статистического материала, составленного высшим командованием германской армии по комплектованию личным составом сухопутных соединений. Сделан вывод о том, что нехватка личного состава вермахта объясняется не только большими потерями на Восточном фронте, но и ускоренной системой формирования новых сухопутных соединений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, нацистский режим в Германии, вооруженные силы Германии.

В научной литературе продолжается дискуссия по вопросу о том, почему Великая Отечественная война при очевидном превосходстве стран Антигитлеровской коалиции над нацистской Германией и ее союзниками продолжалась целых четыре года. Разумеется, следует учесть, что главный противник СССР в Великой Отечественной войне имел более подготовленные офицерские кадры, и это, на первый взгляд, значительно отличало вермахт от РККА, чьи командирские кадры понесли в конце 1930-х гг. немалые потери от сталинских «чисток» и в первые военные месяцы. Тем не менее, Красная армия сохранила боеспособность в кампанию 1941 г. и смогла перейти к серии широкомасштабных контрнаступлений в первом квартале 1942 г., что является одной из «загадок» истории Второй мировой войны, ответ на который надо искать в статистике личного состава противоборствовавших армий. Большие потери РККА в ходе Сталинградской и Ржевской битв также не привели к переходу к обороне, напротив, Красная армия перехватила у врага стратегическую инициативу.

Цель работы – выявить по немецким архивным документам степень нехватки личного состава сухопутных сил вермахта и войск СС на отдельных этапах Великой Отечественной войны. Целостное представление по данному вопросу составить достаточно сложно из-за утраты многих немецких документов в последние дни Второй мировой войны. Авторы ставят перед собой следующие задачи: обобщить ряд документов Верховного

командования вермахта (ОКВ) и дать системное представление о движении личного состава сухопутных сил на отдельных этапах Великой Отечественной войны; 2) выявить нормативы комплектования личным составом сухопутных сил вермахта и степень отклонения от них. В работе нашли отражение историко-проблемный и нормативный методы (последний чаще применяется в экономике и статистике, но он особенно подходит для настоящего исследования). Базой источников послужили в основном трофейные документы из фонда № 500 Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, а также зарубежные издания и материалы.

В ходе Второй мировой войны численность вооруженных сил Германии вышла за пределы приблизительно определенного до 1939 г. планового показателя – 5 млн человек. Это объясняется в первую очередь войной против СССР. Но были и другие факторы: необходимость держать крупные оккупационные силы на Балканах, в Норвегии и Дании, поддерживать Финляндию, а также вести бои в Северной Африке, а затем в Италии. Свою роль сыграла и борьба ведомств за ресурсы. Немало людских резервов оттянули на себя люфтваффе и военно-морской флот. Тем не менее, нельзя сказать, что положение сухопутных сил вермахта с комплектацией личным составом было очень неудовлетворительным. На 1 июля 1942 г. дефицит личного состава составил 650 000 от расчетной численности. «Разреженность» сухопутных дивизий сохранилась и к 1 июля 1943 г., когда сухопут-

ные силы вермахта насчитывали 5 100 000 человек, что на 620 000 меньше расчетной численности, согласно количеству дивизий. Правда, как отмечал ОКВ, проблема несоответствия численности личного состава нормам была решена в 1942 г. за счет перевода пехотных дивизий с девятибатальонного на шестибатальонный состав, а также привлечения к службе коллаборационистов. В немецком трофейном документе указано, что численность личного состава вермахта на Восточном фронте была доведена до 5,5 млн. человек в первой половине осени 1943 г., что на 200 тыс. человек больше, чем в ноябре 1942 года, когда, по оценкам ОКХ, Красная армия насчитывала в начале ноября 1942 г. 13,2 млн. человек и столько же – в середине октября 1943 г. [1, л. 4, 5].

Переход на шестибатальонный состав пехотных дивизий не столь значительно снизил наступательную мощь вермахта в целом, так как к 1942 году она в основном зависела от танков и штурмовой авиации. На фоне сокращения численности батальонов в пехотной дивизии вермахта на Восточном фронте их огневая мощь сохранялась на достаточно высоком уровне. Кроме того, у ряда дивизий имелся дополнительный инженерный батальон [7, л. 5–6]. В 1943 г. ОКВ уже закладывало в свои планы комплектования частей на Восточном фронте еще большее привлечение коллаборационистов в действующую армию. Летом того же года дефицит личного состава в сухопутных войсках, задействованных на Восточном фронте, составил 194 000 (только граждане Германии, или официально «подданные третьего рейха») и 140 000 «добровольцев» (коллаборационистов) [1, л. 4].

На дефицит личного состава сухопутных войск на Восточном фронте оказывали влияние в первую очередь боевые потери. До лета 1943 г. пополнение вермахта осуществлялось за счет планового призыва. После июля основными источниками стали запасные войска и выздоровевшие после ранений. Поступления в части составляли примерно 185000 человек в месяц, что соответствовало норме Первой мировой войны [1, л. 4], но при этом следует учесть, что Германия в 1914–1917 гг. вела интенсивные боевые действия на Западном и Восточном фронтах одновременно.

Общие потери сухопутных сил вермахта в период с 22 июня 1941 по 30 июня 1943 гг. насчитывают 3965000 человек [1, л. 5]. После выздоровления в армию вернулось 1470000 человек, то есть, безвозвратные потери вермахта за указанный период составляли 2495000 человек, од-

нако надо учесть, что не все они являлись подданными третьего рейха, а также не все после ранения попали в разряд абсолютно негодных к службе в армии. До завершающего этапа войны большой процент мобилизованных и добровольцев надолго задерживался перед отправкой на фронт в запасных частях и учебных центрах. По состоянию на 1 июля 1943 г. там проходили службу 500 тыс. человек. 1100000 человек были направлены на формирование новых дивизий за период с 22 июня 1941 по 30 июня 1943 г. К 1944 г. лимит людских ресурсов для создания новых формирований был исчерпан. Тем не менее, ОКВ продолжал настаивать на создании новых дивизий. Срок пребывания в учебных центрах был определен по норме в 4 месяца, однако от 80 до 100 тыс. молодых призывников там задерживалось из-за болезней либо требований специальной подготовки [1, л. 5, 6].

Нельзя утверждать, что сухопутные силы вермахта переживали к концу войны ощутимую «инфляцию» тыловых служб. По состоянию на конец ноября 1943 г., в действующей армии находились 4340063 человека, из них в тыловых фронтовых службах было 1343827 человек. В запасных войсках было в тот момент 2905652 человек, но почти 40% из них – это раненые и проходившие восстановление в санаториях. Гарнизонную службу в конце Второй мировой войны несли 306701 человек. Войска СС насчитывали в конце 1943 г. 281409 человек и не имели тыловых фронтовых служб, их обеспечение на фронте было возложено на вермахт. Об «инфляции» личного состава тыловых частей мы можем говорить с уверенностью относительно зимы 1945 г. Например, в блокированной советскими войсками группировке «Курланд» в начале февраля 1945 г. 53% личного состава не находились в боевых частях. В группе армий «Центр» этот показатель составил 54% [1, л. 22, 51, 55].

До завершающего этапа войны в сухопутных силах вермахта преобладали лица в возрасте более 30 лет, т.е. 60% личного состава [1, л. 34]. Это было связано с политикой призыва в армию, когда до конца 1942 г. в армию старались не призывать молодежь, оставляя лиц моложе 30 лет для работы на заводах и обучения профессиям. Основной расчетной единицей вермахта оставалась дивизия, хотя в конце Второй мировой войны предпринимались попытки на отдельных театрах военных действий перейти к бригадному разделению войск.

Как и в Первую мировую войну, германские пехотные дивизии подразделялись на линии, или очереди. Всего

Таблица 1.

Структура пополнения сухопутных сил вермахта в середине 1941 – середине 1943 гг. [1, л. 5].

Общая численность пополнений (чел.)	За счет призыва	За счет запасной армии	За счет выздоровевших
Середина июня 1941–30 июня 1942 г.	1470000	430000	620000
1 июля 1942–30 июня 1943 г.	1500000	-----	850000

их существовало 14 (последние 12 составляли резервисты, в первую линию входили 26 наиболее боеспособных дивизий [3, л. 1], создание которых фактически началось еще в конце периода Веймарской республики). Помимо дивизий, в сухопутных войсках имели место многочисленные службы, получившие статусы полков или батальонов, иногда рот. Они могли подчиняться как дивизионному командованию, так и корпусному и даже армейскому. По расчетам Генштаба вермахта потери германских вооруженных сил на начальном этапе операции «Барбаросса» должны были составить 275 тыс. человек, именно столько на начало июля 1941 г. имелось в запасных батальонах, чтобы пополнить потери боевых частей, однако реальные потери составили около 50 тыс. человек, среди них большинство раненых [8, с. 50]. Во втором полугодии 1941 г. Германия располагала крупными резервами для пополнения сухопутных сил, в конце осени 1941 г. вермахту потребовалось лишь 340 тыс. человек для восполнения убыли боевых пехотных частей.

Вермахт и войска СС потеряли за период 22.06.1941 – 30.06.1942 279518 солдат и офицеров убитыми, 1002782 – ранеными, 67164 – пропавшими без вести [2, л. 91]. Германия также развернула много войск в оккупированных странах. Крис Бишоп насчитал 35 дивизий вермахта и СС, в разное время принимавших участие в операциях против партизан на Балканах. Согласно документам ОКВ, на 2 января 1942 г. в Норвегии находились 702, 199, 196, 181, 69, 214, 710 дивизии, осуществлявшие в основном оккупационные функции, горные дивизии № 2 и № 6 противостояли Красной армии под Мурманском, 169 пехотная дивизия в составе армии Финляндии воевала на Карельском фронте.

В то же самое время Германия держала в Нидерландах 82 и 719 пехотные дивизии, для оккупации Бельгии и Франции были выделены 15 пехотных и три легкие дивизии, танковая бригада №100 и 23 танковая дивизия, которая была в стадии формирования, 18 пехотных дивизий вермахта были заняты оккупацией Балкан, в дополнении к этой балканской группировке был придан пехотный полк и 22 танковая дивизия. Командование в Дании имело под своим началом две пехотные дивизии [11]. Таким образом, ОКВ располагал 50 пехотными и легкими дивизиями, двумя танковыми дивизиями и одной танковой бригадой в европейских странах и еще двумя танковыми и одной легкой дивизией в Африке. Наступление в СССР группы армий «Юг» планировалось ОКВ с применением больших масс иностранных контингентов, планировалось даже привлечь нестойкие и плохо вооруженные болгарские дивизии, но царь Борис категорически отказался от реализации этой идеи.

Распределение пехотных дивизий по качеству между очередями призыва не изменилось практически до переломного этапа во Второй мировой войне. 26 дивизий

первой очереди сохранили свой статус к февралю 1942 г. К этому моменту Германии удалось сформировать 20 танковых дивизий, но к лету того же года некоторые из них фактически представляли собой бригады. Количество пехотных дивизий к этому времени было доведено до 145 единиц [3, л. 1]. Управление ОКХ состояло из четырех уровней: первый – штаб сухопутных сил, второй – группы армий, третий – армии, четвертый – командования (региональные штабы, дублировавшие функции командований групп армий).

Штаб группы армий как структура возник в годы Первой мировой войны, не играя, впрочем, в то время большой роли, чего нельзя сказать о Второй мировой войне, в конце которой его слишком большие полномочия в сфере распределения ресурсов и военного планирования приведут к фатальным катастрофам на Восточном фронте. ОКХ свел роль командования армий к функциям чисто технического исполнения, что противоречило опыту Первой мировой войны. Таким образом, командир и штаб армии стали инстанциями, напоминавшими командование дивизии или корпуса. Всего к зиме 1941 года ОКХ удалось сформировать 13 армий, четыре группы армий и пять военных командований. Помимо этого, существовали танковые группы, которые не вписывались в привычную структуру.

После призыва осени 1935 г. в вермахте были отменены старые рейхсверовские порядки отбора кандидатов в офицеры, рядовому солдату или унтер-офицеру достаточно было показать лидерские качества в течение прохождения срочной службы. Офицерский корпус вермахта к 1939 г. представлял собой достаточно пеструю массу людей из совершенно разных социальных слоев и разного уровня подготовки, профессиональные качества уже не играли ведущей роли в отборе кандидатов, главным была способность к лидерству – достаточно расплывчатая и субъективная категория. В вермахт были возвращены находившиеся на пенсии офицеры-ветераны Первой мировой войны, уволившиеся из рейхсвера, бывшие офицеры армии Австрийской Республики. Однако вермахт отличался от многих армией мира тем, что в нем сохранялся принцип жесткого ограничения по времени присвоения звания, получить звание досрочно до войны было практически невозможно для офицера среднего звена.

С сентября 1939 г. по июнь 1941 г. германская армия увеличилась по численности личного состава почти на 40%, а количество дивизий возросло со 110 до 207, но при этом изменений в правилах продвижения по службе было сделано очень мало. За заслуги в ходе боевых действий во время кампаний 1939 и 1940 гг. получили внеочередное повышение около 1500 офицеров из 10700 заявленных командованием кандидатов [10, р. 807]. Это означало, что к 1942 г. после крупных потерь, понесен-

ных вермахтом, германские вооруженные силы должны были испытывать дефицит офицеров среднего звена, и функции командира роты или батальона вынуждено распределялись среди младшего комсостава.

В связи с резким ростом в 1930 г. численности германских вооруженных сил уже в первые два года Второй мировой войны возникла другая серьезная проблема: младший комсостав не всегда соответствовал предъявлявшимся требованиям, что перекладывало нагрузку во время боя на офицеров уровней от фельдфебеля до майора. К 1942 году офицер среднего звена превратился в главную фигуру в своем подразделении. В период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. вермахт потерял 4656 офицеров из 145609 [10, р. 807]. В Первую мировую войну ежегодные потери офицеров германской армией составляли примерно 12500 человек, но интенсивность боевых действий в тот период была в несколько раз выше, чем в 1939 – начале 1941 гг.

В период с 22 июня по 10 июля 1941 г. вермахт потерял 2500 офицеров убитыми, пропавшими без вести и пленными, из них более трети были кадровыми [9]. Даже во время зимнего кризиса на Восточном фронте в конце 1941 г. – начале 1942 г. офицерские потери были ниже. Это говорит о том, что в летнюю кампанию 1941 г. основную нагрузку по командованию на передовой взяли на себя офицеры среднего звена. В августе 1942 г. ОКХ определил дефицит офицеров в 14219 должностей, что уже было критично для германских соединений, действовавших на Восточном фронте. Уже в январе 1942 г. почти все обер-лейтенанты занимали должность командира батальона [10, р. 810], поэтому в тылу после зимы 1942 г. развернулась ускоренная подготовка офицеров.

Растянутость Восточного фронта и необходимость поддерживать союзников третьего рейха заставляли ОКВ с каждым месяцем наращивать свои силы как на Севере, так и на Балканах. В Румынии и Молдавии в период кризиса режима Й. Антонеску и перехода страны на сторону Антигитлеровской коалиции находились 574308 немецких военнослужащих, а также 968000 румынских солдат и офицеров, из них в оперативных войсках были 381000 немцев и 538000 румын, 398 000 румын проходили службу в тылу в качестве обучаемых или обучающего персонала, а также в гарнизонах и госпиталях, в то же время в румынском тылу числилось 64626 германских военнослужащих. Таким образом, большие потери плохо подготовленной к войне румынской армии заставили нацистскую Германию развернуть на северо-востоке Балкан достаточно большую группировку войск к лету 1944 г., сократив пополнения для группы армий «Центр». Из почти 64,6 тысяч немцев в румынском тылу подавляющее большинство находились на излечении в госпита-

лях, в то же время 128682 германских военнослужащих были размещены в прифронтовой зоне, выполняя роль заслона на случай прорыва фронта [6, л. 1, 3].

Пример неудачной обороны Румынии показывает, что вермахт в конце Второй мировой войны был в состоянии создавать достаточно крупные группировки войск, имея для этого немало резервов личного состава. Для завершающего этапа войны была характерна тенденция к уменьшению численности обычных пехотных дивизий и замене их фольксштурмом и народно-гренадерскими дивизиями, а также дивизиями СС. Зимой 1944 г. Германия располагала на всех фронтах 175–180 пехотными дивизиями, причем некоторые из них находились в стадии формирования. 24 дивизии, включая несколько танковых, были в резерве ОКВ. Кроме этого, в вермахте числились 20 полевых дивизий люфтваффе (из них одна «Герман Геринг» фактически являлась танковой) [4, л. 2–4]. Этому типу войск в нацистской Германии в конце войны уделялось особое внимание, на формирование дополнительных парашютных дивизий в первом полугодии 1944 г. были выделены значительные ресурсы.

К январю 1944 г. в вермахте числились 11 егерских, 7 горных и 24 танковые дивизии. 10 «панцергренадерских» дивизий были близки по насыщенности техникой к танковым. К январю 1944 г. в вермахте сохранились 12 охранных дивизий, несмотря на потерю большей части восточных оккупированных территорий. К так называемым, внутренним дивизиям относились три парашютно-десантные дивизии люфтваффе, а также штурмовая дивизия «Родос», 1-я казачья дивизия и 18-я артиллерийская дивизия, формировалась также лыжная бригада. Кроме дивизий вермахта, ОКВ развернуло создание в 1943 г. нескольких дивизий СС. Всего на начало января 1944 г. у нацистской Германии имелись 18 подобных дивизий [4, л. 2–5].

Поражение Германии во Второй мировой войне объясняется не только большими потерями вермахта и войск СС на Восточном фронте. Система ускоренного комплектования новых соединений вела к ухудшению качества офицерских кадров и личного состава. Оккупационная политика третьего рейха, а также необходимость защиты недостаточно подготовившихся к войне союзников заставляли вермахт расплывать свои силы на растянутом Восточном фронте, обеспечивая его тыловые коммуникации. Вместо отправки пополнений во фронтовые части нацистский режим в большей степени заботился о комплектовании новых соединений СС, которые являлись его гвардией. Надо также принять во внимание отвлечение больших людских ресурсов на формирование соединений люфтваффе и ВМС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12450. Д. 184.
2. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 214.
3. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 120.
4. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 130.
5. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 298.
6. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 399.
7. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 350.
8. Эйлсби К. План «Барбаросса». Вторжение фашистских войск на территорию СССР. 1941. М.: Центрполиграф, 2010. 253 с.
9. Ausfaelle an Offiziere (Heer) (ohne Waffen-SS) an Toten, Vermissten und Kriegsgefangenen nach H.P.A. OKW/AWA/WvW (V), 241/44 22 August 1944 // Imperial War Museum. London. MI 14/217.
10. Knox MacGregor. 1 October 1942: Adolf Hitler, Wehrmacht Officer Policy, and Social Revolution // The Historical Journal. 2000. Vol. 43. No. 3. P. 801–825.
11. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtfuehrungsstab). I. Januar 1942 – 31 Dezember 1942. Band 2. Oldenburg: Graph. Betriebe Druckerei GmbH, 1962. [Электронный ресурс]. URL: // https://znaci.org/zb/7_2_1.htm (date of access: 01.05.2026).

© Попов Григорий Германович (GGPopov2009@mail.ru), Бианкина Алена Олеговна (rektor@mskissn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ПРОБЛЕМЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1950–1980-Е ГОДЫ

Шевельков Анатолий Иванович

кандидат исторических наук, доцент, Национальный
исследовательский Московский государственный
строительный университет
shevelkovanatoly@yandex.ru

TO THE PROBLEM OF FOOD SECURITY OF THE USSR POPULATION IN THE 1950S–1980S

A. Shevelkov

Summary: Throughout the second half of the twentieth century, agriculture in the USSR, including the Non-Chernozem zone of the RSFSR, continued to experience difficulties in financial and logistical resources, which could not but affect the level of agricultural production, profitability and output volumes for the population. As a result, in terms of consumption of certain types of food per capita, our country was significantly inferior to the leading European countries and the United States. To meet the needs of the population in bread, bread products, to ensure the minimum reserves of state reserves, and animal husbandry with feed, the USSR began importing grain in 1962. In the 1960s alone, the volume of its purchases abroad amounted to 37.7 million tons.

Keywords: agriculture, agricultural production, food supply, grain import, food products.

Аннотация: На протяжении всей второй половины XX в. сельское хозяйство СССР, включая Нечерноземную зону РСФСР, продолжало испытывать трудности в финансовых и материально-технических ресурсах, что не могло не сказаться на уровне сельскохозяйственного производства, рентабельности и объемах выпуска продукции для населения. В итоге по уровню потребления отдельных видов продовольствия на душу населения наша страна значительно уступала ведущим европейским государствам и США. С целью удовлетворить потребности населения в хлебе, хлебобулочных изделиях, обеспечить минимальные запасы государственных резервов, а животноводство кормами, с 1962 г. СССР начинает импортировать зерно. Только в 1960-е гг. объемы его закупок за рубежом составили 37,7 млн т.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственное производство, продовольственное обеспечение, импорт зерна, продукты питания.

В августе 1953 г. в преддверии сентябрьского пленума ЦК КПСС под грифом «Совершенно секретно» ЦСУ СССР направило на имя секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева «Справку о размерах производства основных сельскохозяйственных продуктов, необходимых для удовлетворения потребностей населения», из которой следовало, что в 1952 г. против довоенного 1940 г. потребление продуктов питания на душу населения, за исключением макарон, муки, круп, овощей и бахчевых культур, выросло. К примеру, потребление сахара увеличилось почти в 2 раза, а молока и молочных продуктов – более чем на 50%. Однако в сравнении с потреблением продуктов на душу населения в США и Англии наша страна значительно отставала. Так, если в СССР на душу населения годовое потребление мяса и сала составляло 24 кг, то в США и Англии 81 и 51 кг соответственно. Если в СССР потребление молока и молочных продуктов на душу населения в 1952 г. составляло 159 кг, то в США в 1949 г. – 345 кг, в Англии в 1951 г. – 355 кг, то есть более чем в два раза больше [7, с. 388, 389].

На протяжении всей второй половины XX в. наше государство постоянно испытывало напряженность в продовольственном обеспечении населения. Это было связано не только с увеличением численности жителей и наращиванием объемов поставок продовольствия в целый ряд социалистических стран, оказанием без-

возмездной помощи отдельным африканским странам. Следует также учесть тяжелые для сельского хозяйства последствия Великой Отечественной войны, низкий уровень развития сельскохозяйственного производства, слабость материально-технической базы, административно-командная система, ограничения в развитии личного подсобного хозяйства. Кроме того, это было и результатом бесхозяйственности, роста непроизводительных затрат, неэффективного расходования финансовых и материальных ресурсов, низких закупочных ценами на сельскохозяйственную продукцию и т. д. В итоге высокая себестоимость продукции делала производство основных видов продовольствия нерентабельным и даже убыточным для сельскохозяйственных предприятий.

Нарушение принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства, в увеличении его доходности, извращение принципа исчисления обязательных поставок колхозами продуктов полеводства и животноводства с каждого гектара пашни или земельной площади, закрепленной за этими сельхозпредприятиями, были названы на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС важнейшими причинами низкой эффективности хозяйств. Вместе с тем ЦК признавал, что отставание в развитии животноводства, производстве овощей и картофеля было вызвано и недостаточным

уровнем стимулирования со стороны государства. Было также подчеркнуто, что в животноводстве сохраняется неудовлетворительное обеспечение поголовья скота помещениями и кормами, существует низкая механизация трудоемких процессов на фермах, плохой уход за скотом. Отставание в производстве картофеля рассматривалось как тормоз в деле дальнейшего подъема животноводства.

Принимая во внимание то обстоятельство, что существующая система взимания натуроплаты за работы машинно-тракторных станций не стимулирует передовые колхозы в борьбе за высокий урожай, сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК принял решение перейти с 1954 г. на твердые дифференцированные по зонам ставки натуральной оплаты услуг МТС по видам выполняемых ими работ в колхозах с применением поощрительных премий за высокие урожаи [3, с. 335]. Меры по подъему сельского хозяйства, принятые в 1953 г., давали определенный эффект лишь в течение нескольких лет, а надежды на создание гарантированных фондов из целинного хлеба не оправдались. За первые десять лет освоения и использования целинных и залежных земель, план производства и заготовок зерновых выполнялся только дважды. И поэтому страна постоянно испытывала трудности, прежде всего в хлебе.

Наиболее острая проблема на протяжении всей второй половины XX в. сохранялась в производстве животноводческой продукции, главным образом в обеспечении населения мясом. Первоначально закупки мяса за рубежом имели незначительные объемы, большей частью производились на условиях обмена продукцией. Например, в феврале 1954 г. А.И. Микоян представил в ЦК КПСС записку «О напряженном положении с обеспечением установленного плана мясо-снабжения реальными ресурсами мяса». Предложенный им план дополнительной закупки 32 тыс. т мяса в Китае и Польше был принят Президиумом ЦК КПСС, а затем утвержден СМ СССР в марте того же года. В обмен на эти объемы мяса государство поставило в Польшу 100 тыс. т пшеницы [8, с. 32, 33]. Рассматривая зерно как продукт обмена на животноводческую продукцию с зарубежными производителями, Н.С. Хрущёв и «продавливал» продолжение целинной «эпопеи» [15, л. 10]. И в дальнейшем постоянная отсталость животноводческой отрасли не позволяла в достаточных объемах удовлетворить потребности населения.

22 мая 1957 г. на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада Нечерноземной зоны РСФСР (г. Ленинград) Н.С. Хрущёв сравнил показатели производства трех видов продовольствия на душу населения в СССР и США в 1956 г. Если в СССР на душу населения было произведено 32,3 кг мяса, то в США – 102, 3 кг; молока – 245 и 343 кг,

сливочного масла – 2,8 кг и 3,8 кг. По его расчетам, СССР способен догнать и перегнать США по производству мяса, молока и сливочного масла на душу населения, увеличив производство мяса в 3,5 раза к 1960–1961 гг., а по молоку – даже в более короткие сроки. Для этого, по убеждению Н.С. Хрущёва, потребуется всего за 3–4 года [6, с. 100–102].

Однако существующий экономический потенциал сельского хозяйства не позволял даже форсированными методами достичь желанного уровня производства и потребления мяса, молока и сливочного масла. Стремление во что бы то ни стало продемонстрировать высшему начальству высокие результаты приводило не только к припискам, но и к более изощренным способам «очковитительства». И свидетельство этому – «рязанский метод» перевыполнения заданий по сдаче государству мяса, когда была вырезана большая часть молочного стада, нанесён огромный ущерб животноводческой отрасли и индивидуальному крестьянскому хозяйству Рязанской области. И это не было единичным случаем, подобная практика применялась и в других регионах страны [16, л. 469].

Наиболее сложная ситуация с обеспечением населения продовольствием сложилась в Нечерноземной зоне РСФСР. Выступая на заседании Президиума ЦК КПСС в феврале 1961 г., Н.С. Хрущёв информировал его участников, что РСФСР «сама себя не прокармливает». Годом позже он заявил, что мы еще находимся на очень низком уровне сельскохозяйственного производства [18, л. 6]. Следствием этого были закупки в 1962 г. за рубежом первых 100 тыс. т зерна [22, л. 198]. Засуха 1963 г. стала серьезным испытанием для сельского хозяйства, руководства и населения страны. В этот год план производства зерна был выполнен лишь на 66%, а план государственных закупок – на 68% [19, л. 80]. В связи с этим в 1963 г. было импортировано уже 8 млн т зерна, а в 1964 г. урожайном году – 3,5 млн т, в 1965 г. – 8,9 млн т. В целом, в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) за рубежом было закуплено 10 млн т зерна [22, л. 198].

По-прежнему не изменилось положение и в животноводческой отрасли, где производство продукции в большинстве сельскохозяйственных предприятий оставалось нерентабельным. Продуктивность скота не только не возрастала, но даже снижалась. Например, удой молока на фуражную корову в 1964 г. составил в Нечерноземной зоне РСФСР 1853 кг против 2147 кг в 1960 г. В колхозах и совхозах Волго-Вятского района этого региона за 1961–1965 гг. удой молока снизился на 527 кг, в Рязанской области – на 1000 кг, в Удмуртии – на 868 кг [21, л. 45]. Низкие закупочные цены, недостатки в содержании и уходе скота, его систематический недокорм, высокая доля физического труда – являлись основными причинами низкой продуктивности молочного стада Не-

черноземья.

Как отмечалось на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС, за период 1959–1965 гг. рост валовой продукции сельского хозяйства составил всего 10%, а не 70%, как планировалось. Замедлился рост урожайности зерновых культур [5, с. 7]. Недовыполнение плана составило: по зерну – 14%, по картофелю – 38%, сахарной свекле – 19%, мясу (в убойном весе) – 27%, молоку – 24%, яйцу – 11%. В 1964 г. на 101% было выполнено только задание по производству сахарной свеклы, а по закупкам – лишь по зерну (9, л. 58). Как результат – в 1965 г. по сравнению с 1960 г. потребление хлеба и хлебопродуктов на душу населения снизилось с 164 до 156 кг. Но особенно тяжелое положение сохранялось в животноводстве, где темпы прироста поголовья крупного рогатого скота сократились в два раза [11, л. 7]. Намеченный руководством «крутой» подъем сельского хозяйства не состоялся. Принятые пленумом ЦК решения по дальнейшему подъему сельского хозяйства представляли собой полумеры. Например, создав материальную заинтересованность хозяйств по продаже государству сверхплановых объемов зерна, правительство не уделило должного внимания стимулированию животноводства. В результате эта отрасль в большинстве хозяйств по-прежнему оставалась нерентабельной или низкорентабельной. Из-за перебоев в снабжении населения государство было вынуждено прибегать к закупкам импортного продовольствия, хотя само продолжало экспортировать мясо, зерно, растительное масло и другие виды продуктов. Во второй половине 1960-х гг. в ГДР ежегодно поставлялись по заниженным ценам десятки тысяч тонн мяса, а в Венгрию – до 200 тыс. т фуражного зерна [17, л. 44].

О том, что задания восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) по производству большинства видов сельхозпродукции не будут выполнены, и в том числе из-за недофинансирования, руководству страны пришлось признать на декабрьском (1969 г.) пленуме ЦК КПСС. В 1966–1969 гг. аграрный сектор недополучил около 12 млрд руб. или почти 25% от принятого плана. В животноводческой от-

расли, где отсутствовали нормальные условия содержания скота, за несколько лет количество КРС сократилось на десятки миллионов голов [11, л. 17]. Это произошло не только по причине низких зимних температур и бесхозяйственности, но и в результате реализации форсированными методами политики специализации и кооперации сельхозпроизводства. Ликвидация мелких молочных ферм не сопровождалась строительством крупных помещений для содержания скота.

В мае 1970 г. были подведены итоги потребления основных видов продовольствия на душу населения в 1960-е гг. (Таблица 1).

Из приведенных в таблице данных мы видим, что в 1960-х гг. происходило постоянное снижение потребления на душу населения только хлеба и картофеля. По всем остальным основным видам продукции оно увеличивалось. Но по сравнению с потреблением продовольствия в ведущих европейских странах и США наша страна существенно отставала. Руководство стремилось не предавать этот факт гласности, поэтому из «рабочего варианта» доклада ЦК на июльском (1970 г.) пленуме ЦК КПСС была изъята таблица с данными об уровне потребления наиболее важных продуктов [11, л. 7].

Наряду с другими партийно-советскими руководителями не получил возможность выступить на июльском (1970 г.) пленуме ЦК и первый секретарь Тульского обкома партии И.Х. Юнак, так как в его докладе, предварительно представленном в ЦК «для согласования», говорилось: «Наше государство имеет лишь 2-х месячный запас хлеба, просто тяжело, и не скрою, как-то страшно в душе, осознавать это» [13, л. 283, 285]. В докладе Политбюро ЦК на июльском (1970 г.) пленуме ЦК, было заявлено о том, что в годы восьмой пятилетки сельское хозяйство не получит почти четвертую часть от запланированных на восьмью пятилетку (1966–1970 гг.) объемов финансирования. Кроме того, в колхозы и совхозы не будет поставлено свыше 300 тыс. тракторов, более 80 тыс. зерноуборочных комбайнов, свыше 13 тыс. экскава-

Таблица 1.

[18, л. 8]. Потребление основных продуктов питания на душу населения СССР (в кг).

	1960 г.	1965 г.	1969 г.
Хлеб и хлебопродукты в пересчете на муку	164	156	151
Картофель	143	142	133
Овощи и бахчевые культуры	70	72	79
Сахар	28	34,2	38,5
Масло растительное	5,3	7,1	6,7
Мясо и мясопродукты	40	41	47
Молоко и молочные продукты	240	251	304
Яйца (штук)	118	124	149

торов для мелиораторов, на 1,7 млрд руб. сельскохозяйственных машин и около 400 тыс. автомобилей. В итоге из-за нехватки автомашин в период уборочной кампании приходилось привлекать транспорт из промышленности, строительства и армии, что не всегда помогало избежать больших потерь хлеба. Только из-за позднего начала уборки зерновых культур ежегодные потери составляли 15–16 млн т [10, л. 4].

Среди причин низкой эффективности сельскохозяйственного производства были названы ошибки в планировании, которые привели к тому, что за четыре года восьмой пятилетки регулярно не выполнялись сельхозпредприятиями твердые планы продажи зерна государству одними и теми же колхозами и совхозами РСФСР [10, л. 5]. На пленуме был поднят вопрос о рациональном использовании кормового зерна и комбикормов. В 1969 г. из 80 млн т зерна, выделенных для животноводства, только четвертая часть пошла на приготовление комбикормов, а остальное использовалось в несбалансированном виде [10, л. 6 об.]. Решения июльского (1970 г.) пленума ЦК КПСС также не смогли серьезно повлиять на увеличение производства сельхозпродукции. В 1971 г. в РСФСР собрали 104,7 млн т зерновых, что было на 8,7 млн т меньше урожая 1970 г. Государственный план закупок зерна был выполнен только на 81%, а размер чистого дохода хозяйств сократился на 15%. Вследствие этого в 1971 г. в страну было импортировано 7,7 млн т зерна [22, л. 198].

Среди основных причин низкого уровня сельскохозяйственного производства вновь стало недофинансирование сельского хозяйства как в масштабах всей страны, так и в отдельных республиках. Наряду с низкими закупочными ценами на большинство видов сельхозпродукции, это приводило к росту численности экономически слабых хозяйств. Например, в РСФСР в 1970 г. насчитывалось 2368 убыточных колхозов и 3300 убыточных и низкорентабельных совхозов [2, л. 141]. Их положение усугубилось из-за неблагоприятных погодных условий во второй год девятой пятилетки. В связи с тем, что зима 1971–1972 гг. выдалась малоснежной, с низкими температурами, озимые культуры вымерзли на площади около 11 млн га. Поэтому с дополнительными затратами весной пришлось засеивать эти площади яровыми культурами. Из-за продолжительной весенне-летней засухи 1972 г., последовавшей за тяжелым зимним периодом, был нанесен огромный ущерб как пастбищам, так и посевам корнеплодов и картофеля.

Летом 1972 г. не только участились перебои с поставками молока и мяса населению, но и обострилась проблема с урожаем «второго хлеба» – картофеля. За первое полугодие 1972 г. 39 областей, краев и автономных республик РСФСР не выполнили планы по производству продукции животноводства. Правительство было вы-

нуждено принимать экстренные меры не только для формирования продовольственных фондов сельхозпродукции, но и заботиться об урожае 1973 г. Аграрные предприятия обязали в срочном порядке приобретать картофель у населения и сдавать его в счет государственного плана закупок. Все это потребовало не только дополнительного финансирования сельского хозяйства и ускорения разработки долгосрочной программы развития Нечерноземной зоны РСФСР, но и новой финансовой поддержки (в виде краткосрочных и долгосрочных кредитов) сельскохозяйственных предприятий, а также списания долгов по ссудам Госбанка СССР.

В во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. сельское хозяйство испытывало те же проблемы, что и в предшествующие пятилетки. Но радикальных мер государство не принимало. По-прежнему сохранялась диспропорция цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, усиливалась монополия предприятий в установлении цен на сельхозтехнику, минеральные удобрения, услуги для хозяйств. В этот период уже активно функционировала государственная система изъятия средств, заработанных сельхозпредприятиями. Через налоги на землю, обязательное страхование, амортизационные отчисления, ценовую политику – у сельскохозяйственных предприятий изымалась значительная часть прибыли. Что не могло не отражаться на выполнении планов госзакупок. Например, в 1976–1977 гг. на 16 млн т не был выполнен план государственных закупок зерна, а скота и птицы – на 1,8 млн т. В 1977 г. 22% хозяйств страны, то есть, каждый пятый колхоз или совхоз не выполнили установленные задания по сдаче государству мяса скота и птицы, а 21% хозяйств – по молоку [12, л. 4]. И вновь руководству пришлось прибегнуть к увеличению импорта зерна, мяса, сахара и других продовольственных товаров сверх предусмотренного на пятилетку плана. Это осложнило платежный баланс страны в свободно конвертируемой валюте и потребовало дополнительного экспорта нефти [14, л. 4].

Начало 1980-х гг. также не принесло желаемых результатов в производстве сельскохозяйственной продукции, в том числе в Нечерноземной зоне РСФСР. Вновь сказались неблагоприятные погодные условия. Засушливая погода в весенне-летний период 1981 г. негативно отразилась на урожайности и валовом сборе основных культур, особенно на заготовках кормов для скота. Средняя урожайность зерна составила 8,3 ц/га, тогда как в первой половине 1970-х гг. – 13,3 ц/га [20, л. 11]. В 1981 г. большинство областей и автономных республик Нечерноземной зоны РСФСР не выполнили планов производства и государственных закупок продукции земледелия и животноводства. Закупки зерна составили 1,9 млн т (30% установленного задания), картофеля – 4,2 млн т (60%), овощей – 2,3 млн т (86%). Кроме яиц, сократились закупки животноводческой продукции. План закупок

скота и птицы, был выполнен 88%, молока – на 82%, шерсти – на 93% [1, л. 11].

Продовольственная программа, принятая в 1982 г. и рассчитанная на период до 1990 г., была провалена уже к середине 1980-х гг. Системный экономический кризис особенно тяжело отразился на сельхозпроизводстве. Поставленная в программе задача – добиться к 1990 г. среднегодового потребления на душу населения: мяса и мясопродуктов – 70 кг, молока и молокопродуктов – 330 – 340 кг, яиц – 260–266 шт., растительного масла – 13,2 кг, сахара – 45,5 кг, хлебопродуктов – 135 кг, вновь ока-

залась несбыточной мечтой [4, с. 72–74]. Таким образом, несмотря на принимаемые государством меры по развитию сельского хозяйства, укреплению материально-технической базы колхозов и совхозов, увеличения объемов их финансирования, в 1950–1980-е гг. радикальных изменений в повышении объемов производства продовольствия не произошло. В стране постоянно существовала проблема обеспечения населения продуктами питания, а промышленности – сельскохозяйственным сырьем. Поэтому в 1980-е гг. был увеличен импорт зерна, мяса, рыбы и картофеля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-262. Оп. 17. Д. 398.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 6276.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8: 1946–1955. М.: Политиздат, 1985. 544 с.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 14: 1981–1984. М.: Политиздат, 1987. 639 с.
5. Мартовский пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1965. 243 с.
6. Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: В 2-х т. Т. 2. М.: МДФ, 2009. 880 с.
7. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2002. 656 с.
8. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954–1958. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006. 1120 с.
9. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 768.
10. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 2. Оп. 3. Д. 173.
11. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 2. Оп. 3. Д. 191.
12. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 2. Оп. 3. Д. 192.
13. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 2. Оп. 3. Д. 195.
14. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 2. Оп. 3. Д. 454.
15. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 8. Д. 86.
16. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 12. Д. 182.
17. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1000.
18. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1001.
19. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 478.
20. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 63. Д. 249.
21. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 64. Д. 342.
22. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 80. Оп. 1. Д. 324.

© Шевельков Анатолий Иванович (shevelkovanatoly@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИМИ ТЕКСТАМИ ПО ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

FEATURES OF WORKING WITH MILITARY-TECHNICAL TEXTS IN SPECIALTY LANGUAGES IN CLASSES WITH FOREIGN MILITARY PERSONNEL

**L. Aseykina
L. Kashina**

Summary: The article presents the features of working with educational military-technical texts in specialized language classes. It identifies the types and specifics of texts that are most in demand in the practice of teaching foreign military personnel. From the perspective of certain methodological approaches, the article examines the use of the communicative and pragmatic potential of texts and tasks aimed at developing the speech professional competence of foreigners. The communicative and regulatory function of pragmatic educational material stimulates the motivation of cadets to learn and develops their competence in solving really professional and communicative tasks.

Keywords: professional language, foreign military personnel, pragmatic military-technical texts, and speech professional competence.

Асейкина Лариса Степановна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
laraaseykina@yandex.ru

Кашина Лариса Георгиевна

Старший преподаватель,
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков

Аннотация: В статье представлены особенности работы с учебными военно-техническими текстами на занятиях по языку специальности. Выявлены типы и специфика текстов, наиболее востребованных в практике обучения иностранных военнослужащих. С позиций определенных методологических подходов рассмотрено использование коммуникативно-прагматического потенциала текстов и заданий к ним, нацеленных на формирование речевой профессиональной компетенции иностранцев. Благодаря коммуникативно-регулятивной функции прагматического учебного материала стимулируется мотивация курсантов к обучению, формируются компетенции в решении реальных профессионально-коммуникативных задач.

Ключевые слова: язык специальности, иностранные военнослужащие, прагматические военно-технические тексты, речевая профессиональная компетенция.

При обучении иностранных военнослужащих языку специальности всегда остро стоит вопрос отбора учебного материала, который должен соответствовать целям обучения, уровню подготовки обучающихся и их профессиональным потребностям. Он должен отражать специфику будущей профессии и коммуникации, содержать специальную терминологию и конструкции научного стиля речи. Все это реализуется в содержательно-смысловой структуре военно-научных и военно-технических текстов. И если первые связаны с вопросами военной теории и практики, содержат элементы анализа и синтеза, то вторые имеют прикладной характер и свою специфику в содержании и методическом обеспечении обучения.

В научно-методической литературе (Карташова Е.А., Попова Т.Г. и др.) научно-технические и военно-технические тексты рассматриваются как прагматические по своей структуре и содержанию, описываются их функции и свойства, особенности перевода на иностранные языки. Коммуникативно-информационное содержание текстов выражает «актуальное для автора научное знание, а прагматический компонент реализует функцию воздействия» [10, с. 104].

В большинстве исследований [2, 4, 7, 8, 12] доказывалась эффективность использования прагматических текстов для формирования социокультурной и межкультурной компетенций, предлагается методика обучения иностранному языку школьников и студентов на базе определенных видов прагматических текстов [6, 7, 12].

В широком плане прагматические тексты квалифицируются как тексты «информационного, регулятивного, инструктирующего характера, которые окружают человека в сфере его социальной активности» [12, с. 10], «включающие в себя как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, способствующие достижению определенной цели, содержащейся в речевом акте» [2, с. 442]. Обращается внимание на то, что «прагматический текст всегда ориентирован на адресата, содержит практическую, прикладную информацию, которая может быть моментально использована реципиентом в зависимости от целей» [7, с. 220].

В соответствии с основной информативно-регулятивной функцией прагматические тексты «побуждают слушателя/читателя выбирать стратегию поведения, исходя из содержания полученной информации» [6]. Поз-

тому профессиональная информативность и регулятивность таких текстов является большим преимуществом по сравнению с другими видами текстов при обучении военно-технических специалистов. Практико-ориентированная информация текстов рапортов, приказов, уставов, справочных материалов, расписаний, карт, планов, технических инструкций используется ими для решения реальных профессионально-коммуникативных задач. Тем не менее, при утверждении несомненной важности прагматических текстов справедливо отмечается, что их «обучающий потенциал остается не реализованным в достаточной степени» [7, с. 215].

Попытаемся рассмотреть особенности работы с учебными военно-техническими текстами, определить их роль в формировании речевой профессиональной компетенции иностранных военнослужащих (ИВС). В задачи исследования входит выявление наиболее востребованных типов учебных прагматических военно-технических текстов, специфики их коммуникативного потенциала, а также выяснение особенностей работы с таким учебным материалом в процессе формирования у ИВС речевой профессиональной компетенции.

В современной практике обучения иностранных курсантов языку специальности особенно актуальными являются тексты-инструкции предписывающе-долгностного характера; тексты-повествования о случаях отказа оборудования; тексты-описания тактико-технических характеристик (ТТХ) военной техники.

Тексты-инструкции отражают несколько граней понятия «инструкция»: техническая инструкция для конкретных групп специалистов по эксплуатации видов вооружения, оборудования, механизмов, снаряжения и др. или описание комплекса требований к оборудованию, или правила обслуживания техники для обеспечения безопасности полетов. Этим текстам свойственна высокая информативная насыщенность, обязательность и директивность за счет использования средств модальности, инфинитивных и императивных конструкций.

У прагматических текстов-инструкций большой потенциал для развития у ИВС речевой профессиональной компетенции в устном и письменном виде. Начиная с вопросов о требованиях, предъявляемых к типу оборудования относительно его параметров и работоспособности, до выяснения компетенций, меры ответственности специалистов, желающих получить допуск к эксплуатации техники. На завершающем этапе обучения ИВС не только создают аннотации, объясняют алгоритм действий специалистов при подготовке техники к полетам, послеполетной проверке и текущем контроле ее состояния, но и выражают свое мнение о целесообразности требований, необходимости их выполнения для устранения угроз безопасности полетов.

В текстах-повествованиях о случившихся авиапроисшествиях описано развитие ситуации в результате отказа техники во время полета и действия экипажа. Синтаксис текстов изобилует сложноподчиненными, безличными и неопределенно-личными предложениями, использованием пассивного залога, что позволяет сосредоточиться на фактах и действиях. Прагматический текст не просто информирует, но и дает возможность анализировать решения экипажа, принятые в экстремальной ситуации, выявлять причинно-следственную связь допущенных ошибок и отказов техники. В речевых высказываниях курсанты выражают мнение о возможности предотвращения авиакатастрофы, дают оценку подготовке самолета к полету и выполнению требований инструкций.

Тексты-описания ТТХ представляют «совокупность качественных и количественных параметров изделия военной техники или вооружения, которая описывает его эксплуатационные и боевые свойства» [11] и позволяет «понять его потенциал, ограничения, место в общей системе военной техники или вооружений». Эти тексты близки к военно-технической документации, где обязательны абсолютная точность и однозначность, объективность и безличность, поскольку «каждое слово или цифра имеет прагматическое значение и напрямую влияет на понимание и использование военной техники, на результат боевых действий или безопасность личного состава» [11].

Архитектоника текстов на основе универсальной логической схемы (тезис – аргументы – вывод) с параллельной связью частей текста, а также каждый языковой элемент функционально обусловлены и направлены на решение коммуникативных задач. Аутентичность прагматических текстов проявляется при анализе фактов военно-технического характера. Особенно активно они отрабатываются в конструкциях «квалификации», «размещения», «назначения», «состава» техники, целесообразно также преобразование (компрессия и развертывание) и создание вторичных текстов (план, конспект, аннотация, реферат).

Тексты о модернизации ТТХ, расширении эксплуатационных и боевых возможностей военной техники позволяют организовать сравнение, а тексты о проверке ТТХ на учениях, в реальном бою или в обучении курсантов инициируют выбор лучшего летательного аппарата или оборудования, а на основе анализа и предложенных критериев позволяют построить рассуждения о технических недостатках и преимуществах.

Работа с таким учебным материалом требует соответствующей организации и определения методики обучения ИВС с целью формирования у них речевой профессиональной компетенции, поэтому исследование особенностей этой работы нужно рассматривать с пози-

ций методологических подходов: текстоцентрического, функционально-коммуникативного, компетентностного и дифференцированного.

Преподавание языка специальности для иностранных военнослужащих основано на текстоцентрическом принципе, следовательно, военно-технический текст является основной лингводидактической и технологической единицей обучения. Текст становится объектом восприятия и понимания через чтение и аудирование, а также сферой функционирования языковых явлений, продуктом порождения устной и письменной речи. В отборе текстового материала следует исходить из методической значимости, актуальности, прагматической и профессиональной ценности текстов в соответствии с рекомендациями и последующей экспертизой специальных кафедр.

Работа с текстом включает предтекстовую подготовку (знакомство с научно-профессиональной терминологией, конструкциями научного стиля речи), притекстовую работу (первичный анализ содержания и структуры текста), послетекстовые задания (контроль понимания и интерпретация, отработка изученного материала, совершенствование навыков). Характерной особенностью прагматического текста является экономия пространства и скорость передачи информации, что требует сокращений, максимально сжимающих объем информации без потери точности и однозначности. «Аббревиация становится не просто удобным, но и жизненно важным способом терминообразования» [11].

Компонентами коммуникативно-прагматической структуры военно-технических текстов выступают так называемые «прагматические установки», выполняющие функцию воздействия на адресата. В доказательствах точности информации приводятся цифровые данные, цитация, даты открытий и создания техники, вводные предложения с дополнительной информацией. «Авторитетное мнение привлекается для подтверждения правильности положений научной работы самого автора» [10, с. 110], а невербальные средства воздействия используются в качестве наглядности.

В рамках функционально-коммуникативного подхода для решения коммуникативных задач моделируются ситуации профессионального общения, а у курсантов формируется способность использовать различные функциональные средства.

Важной частью информационного содержания текста (особенно в описаниях ТТХ) является сочетание вербальных, графических и табличных элементов, повышающих его точность и эффективность. С одной стороны, описание словами сложной технической системы или множества параметров может быть трудным для вос-

приятия, даже привести к неточностям, а неязыковые средства наглядности (фотографии, рисунки) помогают визуализировать объекты, дают мгновенное понимание. С другой стороны, схемы, таблицы взаимодействуют с текстом. Текст может указывать на конкретные элементы на рисунке или давать краткие пояснения к изображению. Если текст описывает, как осуществляется процесс в механизме (например, работа двигателя), то схема показывает основные элементы его конструкции и последовательность происходящих действий. Текст может предварять таблицу, анализировать какие-то значимые параметры, представленные в ней, а потом резюмировать выводы.

При обучении ИВС профессиональному общению таблицы и схемы позволяют компактно и систематизировано представить большой объем количественных или качественных параметров и, избегая перегрузки текста, извлекать из него нужные данные для заполнения таблицы. Например, из текста об учебно-боевом самолете выписываются показатели, чтобы потом сравнивать их с имеющимися в таблице ТТХ учебно-тренировочного самолета. Предлагаются опоры (предлоги, сравнительные конструкции и предикаты) для построения предложений. Задания на извлечение нужной информации из письменного источника или из аудиотекста, запись ее в таблицу ориентируют на выборочное восприятие текста и частичное преобразование его. Так, выписывая особенности конструкции штурмовика или элементы модернизации истребителя поколения 4++, курсанты должны выявить имеющиеся преимущества и записать их кратко, используя аббревиатуры, краткие причастия или существительные.

Информация, представленная в разных форматах, облегчает восприятие, лучше усваивается и запоминается. Визуализация информации в виде таблицы или схемы «увеличивает точность, исключает двусмысленность, которая иногда может возникнуть при словесном описании» [11]. Практически все тексты о классификации предметов предполагают преобразование их в схемы с последующим структурированием текстов. Схема приборного оборудования в кабине позволяет повторить терминологию, назначение приборов, определить зоны их размещения, а схема шлема летчика служит наглядным пособием для рассказа об основных элементах системы целеуказания на нем. Сравнение двух схем компоновки управляемой и неуправляемой ракеты становится поводом для создания микротекста.

Коммуникативный потенциал военно-технических текстов открывает возможности для использования интерактивных технологий в обучении ИВС, которые актуализируют их субъектный опыт, стимулируют мыслительную и творческую активность, формируют адекватное поведение в коммуникации. В послетекстовой работе

языковые модели согласия, возражения или дополнения помогают выяснить степень достоверности услышанных или увиденных утверждений, восстановить их в полном объеме. В «мозговом штурме» решается проблема ликвидации короткого замыкания в электросети или проблема расчета расходуемого топлива в разных режимах полета. Диалоги в ролевых играх моделируют профессиональное общение в заданных ситуациях между опытным и начинающим специалистом, летчиком и техником, командиром и подчиненным и др. На базе текстов используются компьютерные технологии (мультимедийные материалы, видеофрагменты), усиливающие коммуникативный потенциал обучения, индивидуализируя его, делая более наглядным и интерактивным.

Учебные материалы на основе прагматических текстов ориентированы на формирование компетенций во всех видах профессиональной речевой деятельности, особенно в аудировании и говорении. По мнению многих ученых и методистов (Н.И. Гез, Н.В. Елухина, З.А. Кочкина, А.Р. Лурия, Е.И. Пассов и др.), развитие речевых навыков обучающихся осуществляется в основном через слуховое восприятие, что говорит о доминировании роли аудирования в процессе коммуникации. Аудиотексты служат основой для устного и письменного воспроизведения содержания, создания комплексных заданий, которые, в свою очередь, являются средством обучения другим видам речевой деятельности с сочетанием вербальных, графических и табличных элементов. Более сложный формат профессиональных аудиотекстов – тексты-диалоги проблемного характера, например, диалог журналиста и летчика об актуальности пилотажного мастерства в современных условиях, который предполагает аргументированное участие в диалоге и выражение собственной позиции.

Кроме того, понимание основной функции языка специальности как «дисциплины сопровождения» означает максимальное приближение учебного языкового материала к лексико-грамматическим средствам специальных дисциплин и содействие формированию всех предметных компетенций. Разноуровневые задания предметной и профессиональной направленности, сопровождающие специальные тексты, позволяют проводить диагностику уровня компетенций ИВС.

К созданию и предъявлению прагматических текстов и заданий необходим дифференцированный подход, т.е. учет индивидуально-психологических, когнитивных и ментальных особенностей иностранных курсантов (знание элементов интернациональной лексики, свойства памяти и анализаторов информации, необходимость визуальной опоры и др.), уровня их владения русским языком. Аутентичные тексты могут оказаться мало-

ступными для некоторых групп ИВС, затруднить восприятие ими информации, а затем и выполнение действий, принятие каких-либо решений. Понадобится методическая обработка (адаптация) всех учебных материалов [1].

Считается, что «предметно-дидактическая дифференциация в обучении обеспечивает индивидуальный подход и связана с системной организацией научных знаний, учетом их содержания, объективной трудности, новизны, уровня интегрированности» [9, с. 11]. Для этого создаются варианты текста, содержательно-когнитивно связанные с первоисточником, сохраняющие его информационное ядро и понятийный аппарат. [1]. При этом ставится задача обеспечить выполнение программных требований, сохранение базового уровня знаний и умений, а также постепенное усложнение учебного материала, регулирование объема текста и заданий, системы вербальных и наглядных опор. По уровню сложности дифференцируются сами задания, которые выполняются в группах с высоким уровнем языковой подготовки или с дополнительной помощью преподавателя. Задания являются дидактическим средством управления и активизации обучения, наиболее эффективно служат самоконтролю самостоятельной работы курсантов.

Подводя итоги данному исследованию, необходимо заметить, что коммуникативно-прагматическое содержание и структура учебных военно-технических текстов полностью отвечают задачам обучения иностранных курсантов языку специальности. Знание специфики коммуникативного потенциала текстов позволяет осуществить их отбор, организовать работу с текстами в рамках указанных подходов, чтобы обеспечить формирование речевой профессиональной компетенции ИВС. Достигнутый в процессе обучения результат соответствует «критериям владения ИВС русским языком в рамках профессионально ориентированного обучения»: владение языком профессии, готовность к речевому профессиональному взаимодействию и творческой деятельности» [5, с. 255]. При этом учитываются реальные профессиональные и коммуникативные возможности и потребности ИВС, планы их индивидуального развития.

Работа с прагматическими военно-техническими текстами поможет активизировать межпредметное взаимодействие и решение проблем преемственности в обучении, в соблюдении «единого языкового режима». Благодаря своей коммуникативно-регулятивной функции прагматический учебный материал по языку специальности стимулирует мотивацию иностранных военнослужащих к обучению, поскольку он обеспечивает овладение компетенциями в решении реальных профессионально-коммуникативных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асейкина Л.С., Кашина Л.Г. Комплексный подход к организации дифференцированного обучения иностранных военнослужащих языку специальности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 10. – С. 53–57.
2. Борходоева Л.А. Прагматический текст как средство формирования социокультурной компетенции студентов языкового вуза. Автореферат дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Улан-Удэ. – 2002. – 24с.
3. Вабищевич К.И. Прагматические свойства текста: читабельность, информативность, новизна, ценность / К.И. Вабищевич, Д.А. Полешук // Научный потенциал молодежи – будущему Беларуси: материалы XVII международной молодежной научно-практической конференции, Пинск, 14 апреля 2023 г.: в 2 ч. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В.И. Дунай [и др.]. – Пинск: ПолесГУ, 2023. – Ч. 1. – С. 442–443. [Электронный ресурс]. URL: https://rep.polesu.by/bitstream/123456789/29695/1/Pragmaticheskie_svoistva.pdf (Дата обращения: 3.04.2026).
4. Гончарова В.А. Социокультурный потенциал прагматического текста на иностранном языке на этапе основного общего образования / В.А. Гончарова, Ю.Ш. Юнусова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11. – С. 201–204.
5. Казачкова М.Б. Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры: Монография. М: «Оргсервис – 2000», Одинцово. – 2010. – 112с.
6. Карташова Е.А., Крашенинникова Н.Н., Шаховнина Ю.Б. Методика работы с технической инструкцией на иностранном языке в военных учебных заведениях // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2024. – № 9 (98). [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/metodika-raboty-s-tehnicheskoy-instruktsiej-na-inostrannom-yazyke-v-voennykh-uchebnykh-zavedeniyakh.html> (Дата обращения: 3.04.2026).
7. Кечерукова М.А. Прагматический текст в методике обучения иностранным языкам / М.А. Кечерукова, А.М. Тевелевич // Научный диалог. – 2016. – № 5 (53). – С. 214–224.
8. Корнеева М.Р. Прагматический текст как один из приемов обучения межкультурному общению / М.Р. Корнеева // Восток-запад: взаимодействие языков и культур: материалы III Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ. – 2015. – С. 174–177.
9. Логинова Л.А. Комплексное дифференцированное обучение как средство повышения качества профессиональной подготовки курсантов военно-инженерных вузов (на примере преподавания математики). Автореферат дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08 – Челябинск. – 2008. – 26с.
10. Попова Т.Г., Руднева М.А. Коммуникативно-прагматическая организация научно-технического текста. Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 105–113.
11. Стилистические особенности военно-технических текстов: комплексный анализ описания тактико-технических характеристик боевой техники. [Электронный ресурс]. URL: <https://referatbooks.ru/diplomnay-rabota/stilistika-voenno-tehnicheskikh-tekstov-na-materiale-tekstov-soderzhashih-opisanie-taktiko-tehnicheskikh-harakteristik-edinit-boevoy-tehniki/> (Дата обращения: 3.04.2026)
12. Чичерина Ю.В. Методика обучения чтению прагматических текстов как основа формирования межкультурной компетенции старших школьников (французский язык). Автореферат дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Нижний Новгород. – 2009. – 24 с.

© Асейкина Лариса Степановна (laraaseykina@yandex.ru), Кашина Лариса Георгиевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УЧЕТ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАНДИДАТОВ КАК ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ ПРИНЦИПОВ РАЗРАБОТКИ ТЕСТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ ВТОРОГО УРОВНЯ ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Ван Юйтин

Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
wangyuting123@yandex.ru

TAKING INTO ACCOUNT THE ETHNOPSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CANDIDATES AS ONE OF THE LEADING PRINCIPLES IN DEVELOPING A TEST IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE SECOND LEVEL FOR CHINESE STUDENTS

Wang Yuting

Summary: This article substantiates the need to consider candidates' ethnopsychological characteristics when developing the "Writing" test for the TORFL-II. A survey was conducted to assess Chinese students' difficulties in passing the Writing subtest of the TORFL-II. Typical ethnopsychological characteristics of Chinese students are described. A new version of the "Writing" subtest items for the TORFL-II was developed, taking into account the ethnopsychological characteristics of Chinese students. Data from an experimental study is presented, confirming the effectiveness of the test developed by Chinese students based on the principle of taking into account the ethnopsychological characteristics of Chinese students.

Keywords: test, testing, Russian as a foreign language, ethnopsychological characteristics, Chinese students, subtest "Writing", experiment.

Аннотация: В данной статье обосновывается необходимость учета этнопсихологических особенностей кандидатов при разработке теста по Письму в ТРКИ-II. Проведено анкетирование для диагностики трудностей китайских студентов при сдаче субтеста «Письмо» ТРКИ-II. Описаны типичные этнопсихологические особенности китайских студентов. Разработан новый вариант тестовых заданий субтеста «Письмо» ТРКИ-II с учетом этнопсихологических особенностей китайских студентов. Представляются данные экспериментальной проверки, подтвердившей эффективность сдачи китайскими студентами теста, разработанного на основе принципа учета этнопсихологических особенностей китайских студентов.

Ключевые слова: тест, тестирование, русский язык как иностранный, этнопсихологические особенности, китайские студенты, субтест «Письмо», эксперимент.

В настоящее время тестирование на знание иностранного языка приобрело широкое распространение. Сертификат о сдаче ТРКИ – важный документ, подтверждающий уровень владения русским языком, и его наличие является очень серьезным преимуществом при устройстве на работу, при поступлении в различные вузы. «Особую значимость приобретают тесты по русскому языку повседневного, профессионально-делового, учебно-профессионального общения» [1, с. 43]. По мере углубления торгово-экономических отношений между Россией и другими странами все больше людей приезжают в Россию для учебы и работы, и им необходимо сдать тест по русскому языку как иностранному (РКИ). Система тестирования по русскому языку как иностранному существует уже много лет, созданию тестов и проведению тестирования посвящено множество работ: «Абитуриент-тест: русский язык для иностранцев. Типо-

вой тест по русскому языку для иностранцев, поступающих в вузы России» [2], «Российская система тестирования по РКИ: современное состояние и перспективы развития» [3], «Сопоставительный анализ ошибок иностранных и российских студентов при выполнении субтеста «Письмо» (второй уровень владения русским языком)» [4], «Сертификационное тестирование в практике подготовки иностранных специалистов в техническом вузе» [5] и др. Исследования в области тестирования по РКИ затрагивают множество вопросов: методика разработки тестов [6; 7; 8; 9], особенности проведения тестирования, подготовка тестов [10; 11], оценивание речевого продукта [12; 13; 14], тестирование школьников [15; 16], тестирование билингвов [17], тестирование при помощи компьютерных технологий [18] и др. Интересными и важными на настоящем этапе являются исследования, затрагивающие специфику тестируемых, их коллектив-

ные и личные особенности [19; 20; 21] и др. Исследователи отмечают наличие определенных трудностей у различных студентов при сдаче тестов по продуктивным видам речевой деятельности. Все это говорит о том, что вопрос обращения к анализу существующих тестов по Говорению и Письму очень актуален.

Наше исследование посвящено субтесту «Письмо» Второго уровня (ТРКИ-II), критическому анализу заданий субтеста, сложностям, которые возникают у студентов по причинам. Основой которых являются факторы этнопсихологического характера. Среди основных особенностей национально обусловленного поведения китайских студентов мы хотели бы обратить внимание на следующие: 1) Китай является страной с высокой дистанцией власти, в связи с чем китайцы четко соблюдают правила поведения в ситуациях устного и письменного общения с вышестоящими по статусу людьми, не имея культурного права отказать им или не выполнить приказания и др.; 2) в случае необходимости присутствовать на какой-либо серьезной встрече по просьбе вышестоящего лица или представителя власти не отказываются сделать это; 3) китайские студенты не выражают недовольство и не ругают кого-либо в официальных ситуациях; никогда не дают негативных характеристик кому-либо; стараются избегать оценивать чье-либо поведение и жизнь; почти никогда не проявляют инициативу и не дают советы не близким людям; не пишут жалобы [22, с. 153; 23, с. 113; 24, с. 81 и др.].

При анализе субтеста «Письмо» [25, с. 20–22] мы выделили следующие сложности, которые могут влиять на успешность сдачи теста китайскими студентами:

Задание 1: студенту предлагается написать личное письмо на основе предложенной рекламной информа-

ции. Такое задание не должно вызвать особенных проблем при выполнении, но вызывает вопрос адресата письма – он не конкретен. Трудно назвать данное задание актуальным с точки зрения применимости его в реальной жизни, но нельзя сказать, что оно противоречит культурным установкам кандидатов.

Задание 2: требуется написать официального письма на имя какого-либо должностного лица. Это задание для китайских студентов очень трудно. Для китайцев невозможно даже представить ситуацию, когда они могли бы написать начальнику отделения полиции письмо с объяснением неявки на прием по его вызову. Китаец сделает все возможное и невозможное, но придет на встречу с таким должностным лицом. Однако отметим, что такие возможные жанры писем, которые можно было бы использовать, как жалобы и благодарности, также не стоит вводить в данное задание. Жалобы и благодарности, выражаемые от одного физического лица, в Китае не приняты, так как китайцы не выражают недовольство и не хвалят подробно.

Задание 3: необходимо написать неформальное письма рекомендательного характера и оценить качества человека. Данное задание также трудно, так как в Китае не принято хвалить кого-либо очень подробно. Также не принято рассказывать о событиях своей или чужой личной жизни.

Для того, чтобы узнать трудности, присутствующие у китайских студентов при выполнении тестовых заданий в субтесте «Письмо» ТРКИ-II, было проведено анкетирование среди 65 студентов, которые учатся в Санкт-Петербургском государственном университете и других университетах Санкт-Петербурга. Результаты анкетирования показаны ниже (табл. 1).

Таблица 1.

Результаты исследования отношения китайских студентов к трудностям, с которыми они столкнулись при сдаче теста ТРКИ-II (Письмо).

	Задание 1	Задание 2	Задание 3
Трудности при выполнении заданий			
Было трудно понять задание	4,62%	29,23%	4,62%
Было трудно найти нужную информацию	69,23%	7,69%	4,62%
Такой ситуации не бывает в жизни	40%	80%	38%
Были трудности в грамматике и трудно было найти слова, чтобы написать содержание	63,08%	41,54%	61,54%
Было трудно вспомнить форму и структуру такого письма	15,38%	93,46%	15,38%
Было трудно найти слова и конструкции	15,38%	93,85%	6,15%
Было трудно представить роль, которая была предложена в задании	7,69%	3,08%	60%
Было трудно отвечать, потому что китайская культура не позволяет писать то, что требует задание	3,54%	3,54%	63,8%
Было трудно написать назначенное количество слов	1,54%	40%	3,08%

Таблица 2.

Результаты выполнения студентами субтеста «Письмо».

Субтест	Тестирование КГ	Тестирование ЭГ-1	Тестирование ЭГ-2
Письмо	51,2%	79%	76%

Результаты анкетирования:

- 1) несмотря на то, что около 30% студентов испытывали трудности в понимании заданий в задании 2, в общем они все же справились с этой проблемой во всех трех заданиях;
- 2) почти 70% студентов считали, что трудно было найти нужную информацию в задании 3, так как в настоящее время в китайской культуре существует тенденция к избеганию раскрытия личной информации в письменной форме;
- 3) 40%–60% студентов столкнулись с трудностью в грамматике и подбором слов для написания заданий 1, 2 и 3;
- 4) более 90% студентов считали, что им было сложно вспомнить форму и структуру официального письма в задании 2, в то время как по сравнению с этим заданием почти не было такой проблемы при выполнении заданий 1 (15,38%) и 3 (15,38%). Кроме того, 40% студентам было трудно написать назначенное количество слов в задании 2. Это свидетельствует о необходимости развивать лексико-грамматические навыки для написания письма официального характера;
- 5) 60% студентов отметили, что им было трудно представить роль, которая была предложена в задании 3, в то время как в заданиях 1 (7,69%) и 2 (3,08%) большинство студентов не испытывало таких затруднений;
- 6) 63,8% студентов испытывали трудности в задании 3, так как китайская культура не позволяет им писать то, что требует задание, в то время как при выполнении заданий 1 и 2 у них почти не было таких проблем.

Вышеуказанные результаты показали, что наряду с трудностями, с которыми сталкиваются все иностранные студенты, китайские студенты встречаются еще со сложностями этнопсихологического спектра. В связи с этим китайским студентам очень трудно выполнять тестовые задания субтеста «Письмо» ТРКИ-II.

Именно поэтому мы сделали попытку создания теста по Письму ТРКИ-II на основе **принципа учета этнопсихологических особенностей кандидатов**, заключающийся в знании и использовании знаний о специфических чертах психики, особенностях менталитета, культуры, ценностей, мотивах и моделях речевого и неречевого поведения определенной этнической группы.

В связи с этим был разработан новый вариант субте-

ста «Письмо» ТРКИ-II.

Заданием 1 является написание информационного письма личного характера по предложенной рекламной информации (в «Типовых тестах» предлагается информация о разных специальностях).

С нашей точки зрения, стоит обратиться к более актуальным ситуациям, например: выбор учебных курсов, программы дополнительного образования и др.

В Задании 2 мы предлагаем в качестве требуемых для написания такие жанры, как объявление о событии (например, культурный фестиваль); информационное письмо (например, о новой политике компании); запрос информации (например, об университетских мероприятиях); объяснительная записка преподавателю (например, о своем отсутствии на занятии).

В Задании 3 в качестве объекта описания и оценки предлагаем выбрать не человека и его качества, а организацию, мероприятие, место (например, ресторан, экскурсионный тур, агентство и др.).

Эффективность принципа учета этнопсихологических особенностей китайских студентов для разработки и совершенствования тестов по ТРКИ-II проверялась в процессе эксперимента, проведенного в Санкт-Петербургском государственном университете в мае 2024 г., сентябре-декабре 2025 г. и январе 2026 г.

В нашем эксперименте всего три группы (42 человека): 1) контрольная группа (далее – КГ) – магистранты первого курса и бакалавры четвертого курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (24 человека); 2) экспериментальная группа-1 (далее – ЭГ-1) – те же студенты, которые входили в контрольную группу; 3) экспериментальная группа-2 (далее – ЭГ-2) – магистранты первого курса и бакалавры четвертого курса филологического факультета и факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (18 человек). Всего 3,6 ак. ч.

В КГ использовался Типовой тест по ТРКИ-II [25, с. 20–22], а в группах ЭГ-1 и ЭГ-2 был использован созданный автором тест.

Для расчета среднего балла в трех группах был использован метод дескриптивной статистики программы Jamovi и показан ниже (табл. 2).

Результаты, полученные студентами в КГ — 51,2%, что меньше ЭГ-1 на 27,8%, ЭГ-2 на 24,8%. Это показывает, что студенты экспериментальных групп лучше выполнили созданные автором тестовые задания субтеста «Письмо» ТРКИ-II, чем студенты контрольной группы. Все это

доказывает эффективность принципа учета этнопсихологических особенностей кандидатов при разработке и совершенствовании теста по русскому языку как иностранному Второго уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитченко А.В. Тестирование в обучении русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы // Педагогический вестник. — 2021. — № 18. — С. 42–44.
2. Клобукова Л.П. Абитуриент-тест: русский язык для иностранцев. Типовой тест по русскому языку для иностранцев, поступающих в вузы России / Л.П. Клобукова, Е.А. Зелинская, В.В. Добровольская, И.В. Одинцова, Г.А. Битехтина. — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет, 1994. — 70 с.
3. Балыхина Т.М. Российская система тестирования по РКИ: современное состояние и перспективы развития / Т.М. Балыхина, Л.П. Клобукова, Е.Л. Корчагина, Н.М. Румянцева, Е.Е. Юрков // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Пленарные заседания: сб. докладов. В 2 т. / под ред. Е.Е. Юркова, Н.О. Рогожиной. — СПб.: Политехника, 2003. — Т. 2. — С. 127–140.
4. Аверьянова Н.А. Сопоставительный анализ ошибок иностранных и российских студентов при выполнении субтеста «Письмо» (второй уровень владения русским языком) // Тестовые формы контроля по русскому языку как иностранному (РКИ): II Всерос. научно-практич. конф. Доклады и сообщения / под ред. Н.П. Андриюшиной, О.А. Усковой; ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова. — Москва, 2005. — С. 116–125.
5. Аверьянова Н.А. Сертификационное тестирование в практике подготовки иностранных специалистов в техническом вузе // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. — 2013. — Т. 12, № 2(105). — С. 32–36.
6. Ерофеева И.Н., Попова Т.И. Реализация современных принципов в разработке субтеста «Чтение и использование языка» ТРКИ-II // Русистика. — 2021. — Т. 19, № 2. — С. 207–221.
7. Магомедова М.А. Лингводидактическое тестирование как средство управления процессом овладения русским языком как иностранным: специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. — Москва, 2007. — 19 с.
8. Цао Но Создание банка тестовых заданий по РКИ с учетом национально-ориентированной модели обучения в Китае: специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. — Москва, 2018. — 257 с.
9. Андриюшина Н.П., Макова М.Н. Актуальные проблемы разработки тестовых материалов Второго уровня общего владения русским языком как иностранным // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2019. — № 2(831). — С. 35–45.
10. Ерофеева И.Н. Лингводидактическое тестирование. Процедура и методика проведения тестирования в рамках Российской государственной системы тестирования (элементарный уровень (ТЭУ), базовый уровень (ТБУ), первый уровень (ТРКИ-1)). — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2016. — 58 с.
11. Аутлева Ф.А. Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2009. — № 3. — С. 99–101.
12. Беликова Л.Г., Ерофеева И.Н. Параметры, критерии, категории оценивания — как сделать оценку объективной/ Материалы докладов и сообщений XXI международной научно-методической конференции. СПб.: ФГБОУВО «СПГУТД», 2016. — С. 288–292.
13. Ващекина Т.В. Критерии оценки тестовых заданий открытой формы в системе тестирования по русскому языку как иностранному (продуктивные виды речевой деятельности) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Том Выпуск 2. — Москва: "КДУ", Университетская книга, 2018. — С. 253–256.
14. Андриюшина Н.П. Объекты контроля в тестах по русскому языку как иностранному // Международная научно-практическая конференция. Русский язык как иностранный. Проблемы изучения, преподавания, оценки в свете общеевропейских компетенций владения иностранным языком. 13–14 мая 2005 г., г. Хельсинки. — М., 2005. — С. 13–21.
15. Дубинина Н.А., Птюшкин Д.В. Уровни тестирования по русскому языку как иностранному в аспекте возрастной специфики школьников // Русистика. — 2021. — Т. 19, № 2. — С. 222–234.
16. Доктор Р.М., Бюхнер Э.А., Дубинина Н.А., Ильичева И.Ю. Опыт подготовки школьников к ТРКИ // Русский язык за рубежом. — 2017. — № 5. — С. 30–33.
17. Корепанова Т.Э., Каленкова О.Н. К вопросу о тестировании русскоговорящих детей-билингвов // Русский язык за рубежом. — 2014. — № 3. — С. 40–44.
18. Юй Тичжуан Методические основы лингводидактического тестирования по РКИ с помощью компьютерных технологий (в условиях китайского языкового вуза): специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. — Москва, 2008. — 154 с.
19. Ельникова С.И. Национальные, возрастные, социокультурные особенности как фактор создания дополнительных сложностей при проведении сертификационного тестирования по русскому языку как иностранному // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2010. — № 4. — С. 27–32.

20. Балыхина Т.М., Румянцева Н.М. Учет национальных и личностных особенностей тестирующихся при создании адаптационных тестов по РКИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2013. — № 3. — С. 78–85.
21. Беликова Л.Г. Ерофеева И.Н., Игнатъева П.Ю. Учет особенностей современного субъекта тестирования в тестах по русскому языку как иностранному (на примере субтеста "Письмо" ТРКИ-II) // Тестология. — 2020. — № 2(14). — С. 5–12.
22. Фу Ямэй. Синонимические ряды русских глаголов речевого воздействия с доминантами хвалить и ругать на фоне китайского языка: функционально-семантический аспект: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 2023. — 198 с.
23. Коновалова Ю.О. Китайский национальный характер и этнические стереотипы / Ю.О. Коновалова, М.В. Симакова, Д.П. Соловьева // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2014. — № 2(25). — С. 110–115.
24. Чеснокова Н.В. Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2012. — № 1 (20). — С. 80–86.
25. Аверьянова Г.Н., Беликова Л.Г., Ерофеева И.Н. и др. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение. — М.; СПб.: Златоуст, 1999. — 112 с.

© Ван Юйтин (wangyuting123@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ПЕДАГОГОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИГРОПРАКТИКЕ

PROFESSIONAL DIFFICULTIES OF TEACHERS IN EDUCATIONAL GAME PRACTICE

**A. Vinogradova
J. Oleinik**

Summary: The article presents the results of a study on professional difficulties experienced by teachers in the field of educational game practices. The aim of the study is to identify and systematize teachers' professional difficulties at various stages of using games in the educational process: selection, modification or design, facilitation of an educational game, self-analysis of one's own activities, and organization of reflection on the experience gained by participants. The article compares empirical data with the theoretical model of game-technical competence, which made it possible to identify the nature of these difficulties. The authors also traced the relationship between difficulties and teaching experience and formulated recommendations for supporting effective game-technical activities of teachers, considering andragogical conditions.

Keywords: teachers' professional difficulties, educational game, game-technical competence, andragogical conditions.

Виноградова Антонина Петровна

Кандидат педагогических наук, методист,
ГБУ Информационно-методический центр
Красносельского района Санкт-Петербурга
vinogradova@imc.org.ru

Олейник Юлиана Павловна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Санкт-Петербургская академия постдипломного
педагогического образования им. К.Д. Ушинского
kyuliana@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования профессиональных затруднений педагогов в сфере образовательной игропрактики. Цель исследования: выявить и систематизировать профессиональные затруднения учителей на различных этапах применения игры в образовательном процессе: выбор, модификация или разработка, ведение образовательной игры, анализ собственной деятельности и организация осмысления полученного опыта участниками. В статье сопоставлены экспериментальные данные с теоретической моделью игротехнической компетентности, позволило выявить характер затруднений. Также авторам удалось проследить зависимость затруднений от стажа и сформулировать рекомендации по сопровождению результативной игротехнической деятельности педагогов с учётом андрагогических условий.

Ключевые слова: профессиональные затруднения педагога, образовательная игра, игротехническая компетентность, андрагогические условия.

Введение

Современный этап развития отечественного образования характеризуется поиском эффективных инструментов для достижения метапредметных и личностных образовательных результатов, зафиксированных в федеральных государственных образовательных стандартах. Одним из таких инструментов всё чаще признаётся образовательная игра — вид деятельности, способный объединить чёткие правила и возможность творчества, определённую сюжетную линию и непредсказуемую ситуативность, эмоциональный заряд и активизацию разнообразных психических процессов.

Как отмечает М.В. Кларин: «...игра в процессе обучения — явление внутренне противоречивое» [цит. по 3], так как полное подчинение игрового процесса дидактическим целям ведёт к риску потери самой игры, «растворения» её в обучении. Это противоречие актуализирует проблему профессиональной готовности педагога к реализации педагогического потенциала игры, что возможно лишь при условии овладения педагогом игротехнической компетентностью.

Теоретический анализ показывает, что профессиональные затруднения учителей в процессе образовательной игропрактики до сих пор остаются малоизученной областью. Основные затруднения современного учителя в построении образовательного процесса связаны с несформированностью умений решать задачи развития и закрепления положительной мотивации и самостоятельности учащихся в процессе образования. Среди причин затруднений выделяются неумение систематически анализировать собственную деятельность, а также наблюдается недостаточное развитие делового взаимодействия учителей и ориентация на формальное повышение квалификации без учёта конкретных дефицитов педагога [1]. Однако данные выводы требуют уточнения в контексте игровой деятельности, где мотивационная задача является критически значимой, а рефлексия процесса и результата имеет специфику.

Структуру игротехнической компетентности, необходимой педагогу для работы с игрой, предложила Е.Ю. Игнатьева [3]. В этой модели игротехническая компетентность рассматривается как интегрированная метакомпетентность и включает четыре компонента: знает (сущность игрового обучения, классификации игр,

методы проектирования и конструирования игр, требования к ведущему игры, то есть игротехнику), умеет (выбирать игровую форму, разрабатывать или модифицировать игровой сценарий под педагогические задачи, организовывать игровое взаимодействие и рефлексию), владеет (игровыми техниками, приёмами работы с аудиторией) и проявляет стремление к полной реализации возможностей игры, выстраивая соответствующие отношения с участниками. Для нашего исследования компетентностная модель предоставляет аналитическую рамку для диагностики профессиональных затруднений на каждом из этапов применения образовательной игры.

Цель данной статьи — представление результатов исследования профессиональных затруднений педагогов в практике применения образовательных игр, а также размышлений о путях преодоления таких затруднений с учётом андрагогических условий сопровождения педагогической деятельности.

Для достижения цели решались следующие задачи:

1. На основе анкетирования педагогов (количество педагогов $n=202$) определить этапы применения образовательной игры педагогом, вызывающие наибольшие затруднения.
2. Выявить связь характера затруднений с педагогическим стажем.
3. Сопоставить полученные данные с компонентами игротехнической компетентности.
4. Сформулировать практические рекомендации по андрагогическому сопровождению учителей в образовательной игропрактике с учётом этапа их профессионального развития.

Материалы и методы

Исследование проводилось с октября 2024 по апрель 2026 года. Для выявления профессиональных затруднений учителей применялся метод анкетирования. В анкетировании приняли участие 202 педагога: слушатели курсов повышения квалификации, тематически связанных с применением образовательных игр, а также участники семинаров по образовательной игропрактике. Указанная особенность выборки объясняет высокий процент респондентов, применяющих игры в своей практике (168 человек, 83,2%), так как в исследование вошли ответы педагогов, уже проявивших интерес к данной теме. Таким образом результаты характеризуют затруднения мотивированных к применению игры педагогов, что позволяет выявить затруднения без учёта низкой мотивации в этой области. Распределение по педагогическому стажу: 0–5 лет — 38 человек (22,6%), 6–10 лет — 28 человек (16,7%), 11–25 лет — 58 человек (34,5%), более 25 лет — 44 человека (26,2%). Среди респондентов, применяющих игры, представлены учителя-предметники (математика, русский язык, история, английский язык,

физика, информатика, начальные классы), воспитатели групп продлённого дня, педагоги дополнительного образования, социальные педагоги, педагоги-психологи.

Анкета включала следующие блоки вопросов:

1. Цели применения игр (оценка по шкале 0–7): мотивация, развитие познавательного интереса, привлечение внимания к содержательным вопросам курса, закрепление материала, активизация мыслительных операций, отдых.
2. Частота применения игр.
3. Предпочтительный источник образовательных игр (оценка по шкале 0–5): разрабатываю самостоятельно, модифицирую известные игры, подбираю из готовых разработок, использую шаблоны с заменой содержания.
4. Затруднения по этапам применения игры (множественный выбор): конструирование игры, поиск готовой игры, модификация, ведение игры, анализ хода и результатов игры с точки зрения своей деятельности, рефлексия с участниками.
5. Открытые вопросы о том, что помогает преодолеть профессиональные затруднения.

Статистическая обработка данных включала вычисление процентных соотношений, средних арифметических значений балльных оценок и сравнительный анализ групп с разным педагогическим стажем.

Результаты исследования

1. Общая характеристика применения игр

Среди 168 педагогов, применяющих игры, распределение по контексту следующее: 87% применяют игры в урочной деятельности, 65% — во внеурочной, 52% — в организованной досуговой (возможен множественный выбор).

Частота применения игр распределилась следующим образом: «каждое занятие» — 18% (преимущественно воспитатели групп продлённого дня и учителя начальных классов), «один раз за тему/курс (примерно 1 раз в 15 занятий)» — 52% (наиболее типичный ответ учителей-предметников 5–11 классов), «один раз в полугодие/год» — 15%, «один раз в 3–4 встречи» — 15%. Таким образом, для большинства учителей игра является эпизодическим, а не системным средством.

2. Цели применения игр в образовательном процессе

Респондентам предлагалось оценить частоту применения игр в образовательном процессе для различных целей по шкале 0–7, где 7 означало самую часто выбираемую цель, 0 — не используемую цель. Полученные

средние баллы представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Цели применения игр в образовательном процессе.

Цель	Средний балл
Развитие познавательного интереса	6,2
Мотивация учащихся	5,9
Закрепление пройденного материала	5,7
Привлечение внимания к содержанию	5,5
Активизация мыслительных операций	5,1
Отдых / смена деятельности	3,8

Полученные данные в более раннем исследовании одного из авторов статьи подтверждают, что основные затруднения современного учителя заключаются в неформированности умений решать задачи развития и закрепления у школьников положительной мотивации к обучению [1]. Высокий балл в выборе мотивационных целей для применения игры (6,2 и 5,9) при одновременном дефиците средств для их достижения (64% испытывают затруднения в поиске готовой игры, 58% — в конструировании) образует ключевое противоречие профессиональной деятельности учителя: педагог осознаёт необходимость мотивировать учащихся через игру, но не обладает достаточными ресурсами (знаниями, умениями, готовыми материалами) для реализации этой задачи.

3. Предпочтительный источник образовательных игр

Респондентам предлагалось оценить, с каким видом деятельности педагоги сталкиваются чаще при подготовке к применению образовательных игр, какой источник образовательных игр для них является предпочтительным: подбор игры из готового набора, модификация или самостоятельная разработка игры. Оценить частоту выбора каждого источника предлагалось по шкале 0–5, где 5 — это самый частый источник. Результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

Выбор источника образовательной игры.

Источник игры	Средний балл
Модифицирую известные игры под свою задачу	3,8
Подбираю из готовых разработок	3,4
Разрабатываю самостоятельно	2,7
Другое (цифровые платформы, шаблоны и т.п.)	1,5

Наблюдается явный перевес в сторону модификации и подбора игры из готовых вариантов, что может подтверждать наличие затруднений в разработке игры.

4. Профессиональные затруднения по этапам игровой деятельности

Респондентам предлагалось выбрать этапы применения игры в образовательном процессе, вызывающие у них наибольшие затруднения (множественный выбор). Результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3.

Профессиональные затруднения по этапам применения игры в образовательном процессе.

Этап	% отметивших
Поиск готовой игры для моих задач	64%
Конструирование (разработка) игры	58%
Анализ хода и результатов игры (с точки зрения своей деятельности)	47%
Ведение игры (в реальном времени)	31%
Рефлексия игрового опыта с участниками	28%
Модификация существующей игры	22%

Наиболее проблемными этапами оказались поиск готовой игры (64%) и конструирование игры (58%). Обращает на себя внимание, что ведение игры как процесс (живое взаимодействие в реальном времени) вызывает затруднения лишь у 31% респондентов, что может свидетельствовать о том, что педагоги не столько боятся проводить игру, сколько не имеют подготовленного, качественного игрового содержания.

Рефлексивный анализ своей деятельности оказался затруднительным для 47% педагогов. Это согласуется с выделенной причиной профессиональных затруднений — неумением учителя систематически анализировать собственную профессиональную деятельность в контексте содействия развитию учащихся [1].

5. Связь затруднений с педагогическим стажем

Для выявления связи между стажем работы и характером затруднений респонденты были разделены на четыре группы по стажу работы, а также выбраны этапы, на которых зафиксирован наиболее высокий процент затруднений (поиск, конструирование, рефлексивный анализ, ведение). Этапы «модификация» и «рефлексия с участниками» в таблицу не включены ввиду незначительной вариативности по стажу. Результаты представлены в Таблице 4.

Выявлена отчётливая тенденция: молодые педагоги (0–5 лет) демонстрируют более высокие показатели затруднений в поиске готовой игры (71%) и конструировании (68%). Это может быть связано с отсутствием у них наработанной методической «копилки» и недостаточным опытом проектирования игровых занятий. При

Таблица 4.

Связь этапа, на котором есть затруднения, с педагогическим стажем.

Этап затруднения	0–5 лет (n=38)	6–10 лет (n=28)	11–25 лет (n=58)	>25 лет (n=44)
Поиск готовой игры	27 (71%)	17 (61%)	35 (60%)	26 (59%)
Конструирование игры	26 (68%)	15 (54%)	30 (52%)	23 (52%)
Рефлексивный анализ	14 (37%)	12 (43%)	27 (47%)	22 (50%)
Ведение игры	17 (45%)	8 (29%)	15 (26%)	10 (23%)

этом они меньше испытывают трудностей с рефлексией (38%), возможно, благодаря лучшей освоенности рефлексивных практик в процессе вузовской подготовки или недостаточного внимания к данному этапу организации и ведения игры.

Опытные педагоги (>25 лет) демонстрируют противоположную тенденцию: они лучше справляются с поиском и конструированием (накопленный методический арсенал), но заметно чаще испытывают затруднения с рефлексивным анализом проведённой игры (51%). Это созвучно выводу М.Г. Ермолаевой и Е.Н. Верстуковой о том, что педагоги на этапе интеграции (более 3 лет) нуждаются в иных формах сопровождения, нежели на этапе адаптации [2].

Затруднение на этапе «ведение игры» максимально у молодых педагогов (44%) и минимально у самых опытных (22%), что может объясняться как накоплением опыта управления группой учащихся, так и снижением тревожности перед публичными выступлениями и организацией различного рода групповых работ активного формата.

6. Что помогает преодолеть затруднения (открытые вопросы)

Контент-анализ ответов (количество ответивших на этот вопрос n=156) на открытый вопрос «Что может помочь педагогу преодолеть затруднения в организации и ведении образовательной игры?» позволил выделить следующие категории:

1. «Готовые разработки, банк игр, шаблоны» — 43% ответов.
2. «Мастер-классы, посещение уроков коллег, обмен опытом» — 38%.
3. «Практика, опыт, желание» — 22%.
4. «Курсы повышения квалификации, семинары» — 18%.
5. «Методические рекомендации, литература» — 15%.

Примечательно, что запрос на курсы повышения квалификации находится лишь на четвёртом месте. Это подтверждает наш более ранний вывод о том, что организация помощи учителю, ориентированная на повышение

квалификации в системе формального образования без учёта имеющегося опыта учителя и анализа конкретных затруднений, недостаточно эффективна, а также вывод о том, что курсы не в полной мере помогают учителям справиться с существующими у них затруднениями, а непрерывное профессиональное образование чаще оказывает информационные услуги и значительно реже — практико-ориентированные [1].

Группа педагогов, не применяющих игры

Из 34 респондентов, указавших, что не применяют игры, причины распределились следующим образом: «достигаю всех планируемых результатов без использования игры» — 47%, «испытываю затруднения в подборе, организации или ведении игры» — 41%, «объективные причины организации учебного процесса не позволяют» — 12%.

Важно, что из 34 педагогов 28 человек (82%) ответили положительно на вопрос «Хотели бы вы применять образовательные игры?». Это указывает на наличие потенциального запроса на поддержку развития игротехнической компетентности в этой группе.

Обсуждение результатов

Проанализируем выявленные затруднения через призму структуры игротехнической компетентности, предложенной Е.Ю. Игнатъевой [3].

- Затруднение на этапе «поиск готовой игры для моих задач» (64%) относится к блоку «знает». Педагог не обладает знанием о том, где искать качественные игровые разработки, соответствующие его предмету, возрастной группе и дидактическим задачам. Это дефицит не методический, а информационно-навигационный.
- Затруднение на этапе «конструирование игры» (58%) относится к блоку «умеет». Педагог не владеет методами и алгоритмами проектирования игр, не может самостоятельно разработать игровой сценарий «с нуля». Этот дефицит частично компенсируется модификацией готовых игр (3,8 балла), но не решается полностью.

- Затруднение на этапе «анализ хода и результатов игры с точки зрения своей деятельности» (47%) относится к блоку «владеет». Недостаточное владение рефлексивными практиками, неумение анализировать собственную игротехническую деятельность и её результаты.
- Затруднение на этапе «ведение игры» (31%) — наименее проблемная зона, что может быть интерпретировано двояко: либо педагоги действительно хорошо справляются с динамическим аспектом ведения игры, либо они просто редко доходят до этого этапа из-за проблем с конструированием и поиском.
- Затруднение на этапе «рефлексия игрового опыта с участниками» (28%) относится одновременно к блокам «умеет» и «владеет» в структуре игротехнической компетентности. Педагог испытывает трудности не с собственным анализом (47% — отдельное затруднение), а с организацией рефлексивной беседы, вовлечением участников в осмысление игрового опыта. Относительно низкий процент (28%) может свидетельствовать о том, что многие педагоги либо не выделяют этот этап как самостоятельный, либо упрощают его до формальных вопросов («понравилось — не понравилось»).

Интерпретация связи затруднений со стажем через андрагогическую модель

М.Г. Ермолаева и Е.Н. Верстукова выделяют два основных этапа вхождения в профессию: адаптацию (до 1 года, условно до 3 лет) и интеграцию (от 1–3 лет и далее) [2]. Полученные данные хорошо согласуются с этой моделью.

Педагоги на этапе адаптации (0–5 лет) демонстрируют максимальные затруднения в поиске и конструировании игр. Им необходимы готовые решения, индивидуальное наставничество, банки игр. Запрос на «готовые разработки» (43% в открытых ответах) — это запрос именно этой группы.

Педагоги на этапе интеграции (>25 лет) демонстрируют максимальные затруднения в рефлексии. Им необходимы профессиональные сообщества для обмена опытом, мастер-классы, совместный анализ видеозаписей уроков. Запрос на «мастер-классы и обмен опытом» (38%) — в равной степени значим для этой группы.

Причины затруднений и условия их преодоления

Проведённое исследование подтверждает причины профессиональных затруднений: неумение учителя си-

стематически анализировать собственную деятельность, недостаточное развитие делового взаимодействия учителей, организация помощи через систему формального повышения квалификации без учёта конкретных затруднений педагога. Каждая из этих причин находит эмпирическое подтверждение в нашем исследовании: рефлексивный анализ вызывает затруднения у 47% педагогов, 38% называют мастер-классы и обмен опытом ключевым способом преодоления трудностей, и лишь 18% ориентированы на курсы повышения квалификации.

Разрабатывая практические рекомендации, мы опирались на выводы исследования о том, что продуктивное содействие преодолению затруднений учителя предполагает организацию неформального внутришкольного взаимодействия, создание среды поддержки и развитие опыта через обучение решению профессиональных задач, включающее такие формы, как посещение уроков, практикумы и открытые уроки. [1] Опыт одного из авторов ведения курсов повышения квалификации в области повышения игротехнической компетенции на базе СПБАППО им. К.Д. Ушинского позволяет сделать вывод о том, что подобный клуб может быть и межшкольным. Главной его составляющей являются устанавливаемые горизонтальные связи между педагогами, желающими развиваться в области образовательной игропрактики. В контексте нашего исследования это означает создание предметно-ориентированных клубов игропрактиков, организацию взаимопосещения уроков с применением игровых технологий и проведение рефлексивных практикумов по анализу проведённых образовательных игр при непосредственном присутствии или видеозаписи.

Заключение

На основе полученных данных и с опорой на исследование андрагогического сопровождения учителей М.Г. Ермолаевой и Е.Н. Верстуковой [2] предлагаются следующие рекомендации для методических служб и системы дополнительного профессионального образования педагогов.

1. Создание открытого банка игр с методическими комментариями и алгоритмом модификации образовательных игр

Разработка и публичное распространение базы образовательных игр с возможностью фильтрации по предмету, классу, типу игры и дидактическим целям. Это прямой ответ на запрос 64% педагогов, испытывающих затруднения в поиске готовых решений. Банк игр должен сопровождаться шаблонами для конструирования и алгоритмами конструирования и модификации. Такой алгоритм разработан одним из авторов статьи [4].

2. Индивидуальное наставничество на этапе адаптации

Для педагогов 0–5 лет — персональное сопровождение с фокусом на совместный подбор, модификацию и адаптацию игр под конкретные учебные ситуации. Наставничество должно быть направлено не на «передачу опыта мастера», а на формирование у начинающего учителя умения самостоятельно решать профессиональные задачи.

3. Профессиональные сообщества педагогов-игропрактиков на этапе интеграции

Для педагогов с опытом (6–25+ лет) — организация клубов, мастер-классов, взаимопосещения игровых уроков или уроков с встроенной игрой с последующим аналитическим разбором проведённых игр. Основная цель

— развитие рефлексивных умений, которые, согласно данным исследования, являются наиболее проблемной зоной для опытных педагогов (51% затрудняются в анализе своей игровой деятельности).

4. Переориентация курсов повышения квалификации, посвящённых совершенствованию игротехнической компетенции педагога, с информационной на практико-ориентированную модель

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку и апробацию конкретных инструментов андрагогического сопровождения, учитывающих выявленные затруднения, а также на сравнительный анализ эффективности различных моделей повышения игротехнической компетентности педагогов (курсы, клубные формы, наставничество).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова А.П. Профессиональные затруднения учителей и пути их преодоления / А.П. Виноградова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена - Санкт-Петербург, 2016. - № 182. - С. 85–92.
2. Ермолаева М.Г., Верстукова Е.Н. Андрагогическое сопровождение молодых педагогов на этапах адаптации и интеграции в профессию // Человек и образование. — 2024. — № 2 (79). — С. 80–88.
3. Игнатъева Е.Ю. Педагог в пространстве игры: игротехническая компетентность педагога // Перспективы науки и образования. — 2024. — № 1 (67). — С. 691–710.
4. Олейник Ю.П. Алгоритм конструирования и модификации коллективных игр // Научное мнение: научный журнал/ Санкт-Петербургский университетский консорциум.-СПб., 2014. - №8.- С. 315–323.

© Виноградова Антонина Петровна (vinogradova@imc.org.ru), Олейник Юлиана Павловна (kyuliana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ КОММУНИКАЦИИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА¹

A STUDY OF THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATION SKILLS IN PRESCHOOL CHILDREN WITH AUTISTIC SPECTRUM DISORDERS

**S. Inevatkina
I. Semakina
S. Chadina
O. Dmitrieva
Yu. Ulyanova**

Summary: In this article, the authors present the results of a theoretical analysis of domestic literary sources and data from a study aimed at studying the level of development of communication skills in preschool children with autism spectrum disorders.

Keywords: communication, interaction, preschoolers with autism spectrum disorders.

Иневаткина Светлана Евгеньевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск
svetlaj23@mail.ru

Семакина Ирина Игоревна

Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск

Чадина Светлана Витальевна

Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск

Дмитриева Ольга Петровна

Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск

Ульянова Юлия Анатольевна

Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск

Аннотация: В данной статье авторами представлены результаты теоретического анализа отечественных литературных источников и данные исследования, направленного на изучение уровня сформированности навыков коммуникации у дошкольников с расстройствами аутистического спектра.

Ключевые слова: коммуникация, взаимодействие, дошкольники с расстройствами аутистического спектра.

В литературе авторы разнообразно трактуют понятие коммуникация. Это и обмен мыслями, информацией, процесс кодирования информации и передачи между собеседниками, совместная деятельность собеседников. Современная трактовка данного термина позволяет характеризовать коммуникацию как тип активного взаимодействия между объектами, в результате которого происходит информационный обмен.

Отечественные исследователи коммуникацию определяют в качестве значимого условия развития ребенка. В свою очередь, наличие ограниченных возможностей здоровья у человека значительно осложняет процесс овладения коммуникацией. Особая ситуация складывается при расстройствах аутистического спектра (РАС).

В.В. Лебединский отмечал, что характерной особен-

ностью детей с аутизмом является совокупность нарушений при установлении контакта с окружающими, общая дезадаптация, которая проявляется в когнитивном развитии, в формировании произвольности, целостных и связных представлениях об окружающем [2, с. 95].

Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг, О.С. Никольская рассматривают ранний детский аутизм как аффективное развитие, при котором нарушены способы организации активных отношений с окружающим миром [1; 3].

В отечественной науке представлена психологическая классификация, разработанная О.С. Никольской. Данная классификация выделяет четыре группы детей с аутистическими проявлениями и разделяет их по степени нарушения взаимодействия с внешней средой. Так, первая группа объединяет самые тяжелые проявления

¹ Статья публикуется в рамках научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности Мордовского государственного педагогического университета имени М.Е. Евсевьева и вузов-партнеров (2026 г.) по теме «Научно-методические основы коррекции психических процессов, коммуникации и детско-родительского взаимодействия в инклюзивной образовательной среде»

дезадаптации от внешнего мира, характеризующиеся абсолютной отрешенностью ребенка от окружающего. Полевой характер поведения, отсутствие избирательности, мутизм – это основные характеристики развития представителей данной группы. Вторая группа включает детей, способных к построению взаимоотношений со средой в рамках немногих освоенных ими стереотипных ситуаций, в форме привычных действий и слов. Для таких детей характерны речевые штампы, избирательность, отягощенность страхами, строгое соблюдение стереотипности, специфические аутостимуляции. Основным патопсихологическим синдромом является отвержение окружающей реальности. Дети третьей группы способны к выстраиванию еще более активных отношений с миром, они стремятся к достижению успеха, характеризуются большей произвольностью в поведении. Характерны захваченность собственными переживаниями, сложные формы аффективной защиты (патологические влечения, фантазии), стремление к постоянству, неизменности собственной программы действий, развернутая речь. Основным синдромом проявления аутистических расстройств является замещение с целью противостояния аффективной патологии. Четвертую группу представляют дети способные вступить в действенный и речевой диалог с миром и людьми, у них в меньшей степени проявляются патологии в аффективной и сенсорной сферах. Характерными чертами являются тормозимость, робость и пугливости, повышенная ранимость при установлении контакта с окружающими [4;5].

Итак, анализ теоретических источников позволяет констатировать при РАС наличие нарушений в области коммуникации, а именно, задержанное или искаженное развитие экспрессивной коммуникации, задержка развития понимания речи и восприятия обращений (отсутствие реакции на имя, на обращения, трудность восприятия речевых инструкций), нарушение прагматической стороны речи (значительные трудности при использовании речи для общения с другими людьми).

Представим результаты констатирующего эксперимента. В исследовании принимали участие 12 детей в возрасте 5–7 лет с расстройствами аутистического спектра, проживающие и получающие помощь в рамках психолого-педагогического сопровождения на базе центров в г. Саранске.

Подробный анализ данных констатирующего эксперимента позволил разделить выборку на четыре группы и представить особенности речевого, общего развития и уровня сформированности навыков коммуникации. Рассмотрим специфику реакций и характеристику участников эксперимента подробнее.

В первую группу вошли дошкольники с РАС (33,3%),

вариант развития навыков коммуникации и социального взаимодействия, которых возможно обозначить как «избегание общения». Так, при организации ситуации взаимодействия представители данной группы не взаимодействуют с окружающими, не реагируют на изменения в обстановке, на обращения, избегают совместной деятельности, держатся отрешенно. Дети данной группы не устанавливают зрительный контакт, избегают тактильного взаимодействия, не проявляют социального поведения. Дошкольники данной группы иногда реагируют протестом на запреты «нет» или «нельзя». В большинстве случаев просьбы проявляют в виде самонападения и истерик. Большинство испытуемых не выражают просьбы словами и жестами, не просят о помощи. Речь не сформирована. Отмечаются спонтанные вокализации. Деадаптивное поведение детей представленной группы выражено в проявлении агрессивного, стереотипного поведения, прерывании деятельности и дефиците поведения. Стереотипное поведение у дошкольников выражается в раскачивании, потряхивании и взмахивании руками, вращениях, ходьбе по кругу. Наблюдается чрезмерный интерес к необычным игровым предметам (различные предметы быта, веревочки и т.п.). При вовлечении детей в совместное взаимодействие отмечается проявление бурных эмоциональных реакций, выражающихся в громком крике, плаче, истериках, самонападения, вокализациях. Представители данной группы транслируют полную отрешенность от происходящего и активное отвержение (первая и вторая группы по классификации раннего детского аутизма К.С. Лебединской и О.С. Никольской).

Во вторую группу вошли дошкольники с РАС (33,3%), уровень развития навыков коммуникации и социального взаимодействия, которых возможно обозначить как «избирательное общение». Представители данной группы избирательно устанавливают контакт, взаимодействие с окружающими носит формальный характер. Со слов родителей иногда реагируют на свое имя, редко и спонтанно устанавливают зрительный контакт с тем, кто к ним обращается. В зависимости от отношения к человеку реакция на обращение может быть разной, от улыбки до протеста, выражающегося нежелательным поведением (убегание, громкий крик, плач). На запреты реагируют в основном в виде протеста, редко в виде подчинения. Просьбу выражают, как правило, в виде указательного жеста или спонтанных вокализаций. Избирательность проявляют в отношении окружающих и окружения (третья группа по классификации раннего детского аутизма К.С. Лебединской и О.С. Никольской).

Третью группу составили дошкольники с РАС (25%), уровень развития навыков коммуникации и социального взаимодействия, которых возможно обозначить как «изолированное общение». Социальное поведение испытуемых данной группы проявляется в наличии реак-

ции на обращенную речь, иногда дети могут игнорировать слова взрослого, проявляя нежелание выполнять поручения. Дошкольники данной группы отзываются на имя, избирательно устанавливая зрительный контакт, при желании что-либо получить, смотрят в лицо человека. Спокойно реагируют на появление нового взрослого, не проявляют интереса. На запреты реагируют эмоционально, либо ведут себя так, будто не слышат. Для получения желаемого предмета дети вступают во взаимодействие с взрослыми, подходят, устанавливают зрительный контакт, могут обратиться с просьбой, назвав желаемый объект или действие (например, ребенок говорит слово «дуть», при желании получить мыльные пузыри) или использовать жесты. Либо самостоятельно стремятся к удовлетворению потребности в чем-либо: могут подойти и открыть шкаф, чтобы достать печенье; самостоятельно взять игрушку с верхней полки. Представители данной группы в совместной деятельности со сверстниками участвуют редко. Поручения взрослых понимают, выполняют не всегда, в зависимости от настроения ребенка и его желания. Коммуникация дошкольников представленной группы ограничивается проявлением определенных эмоций и реакций при взаимодействии с хорошо знакомым человеком: могут улыбнуться при похвале, установить разделенное внимание, но оно носит кратковременный характер и организуется только по инициативе взрослого. Способны выражать отказ и согласие, используя слова «да» и «нет», кивком головы. В диалог дети не вступают, социальные слова и фразы («извините», «пожалуйста» и другие) не используют. Могут ответить на вопрос «Как тебя зовут?».

В четвертую группу вошли дошкольники с РАС (8,4%), уровень развития навыков коммуникации и социального взаимодействия, которых возможно обозначить как «частичное общение». Представители данной группы в комфортной для них ситуации устанавливают контакт, как с взрослыми, так и со сверстниками, не избегают взгляда в глаза. На обращения по имени реагирует не сразу, после нескольких повторений. Редко, но обращаются с просьбой, используя слова или жесты. Выполняют некоторые поручения, по инициативе взрослого вступают в диалог, поддерживают его кратко. Отвечают на вопросы взрослых, но быстро уходят от основной темы разговора, говорят о своем. Ярко выражено нали-

чие ритуалов и сохранение постоянства (располагают предметы определенным образом, например, задвигают стулья, раскладывают карандаши в определенном порядке), не допускают нарушения его пространства другими людьми. Иногда отмечается стереотипное повторение слов, например, когда ребенок голоден, может повторять название блюда, которое он хотел бы съесть.

Таким образом, результаты констатирующего эксперимента позволяют объединить дошкольников с РАС в четыре группы, в соответствии со схожими показателями развития коммуникации и навыками, необходимыми для взаимодействия с окружающими. Так, участники первой группы транслируют в качестве варианта коммуникации и взаимодействия «избегание общения», которое характеризуется тем, что дошкольники данной группы не вступают во взаимодействие самостоятельно, не реагируют на инициативу со стороны другого, держатся отстраненно. При настойчивой инициативе со стороны собеседника активно отвергают общение, реагируют протестами, агрессией. Представители второй группы демонстрируют вариант коммуникации и взаимодействия «избирательное общение». При указанном варианте дошкольники с РАС крайне избирательны при установлении взаимодействия с окружающими. Также избирательны в еде, маршруте и т.д. Дошкольники из третьей группы показывают в ситуациях взаимодействия «изолированное общение», а именно, избирательно устанавливают зрительный контакт, выборочно с некоторыми собеседниками вступают во взаимодействие. Участники четвертой группы транслируют «частичное общение». Представители данной группы в комфортной для них ситуации устанавливают контакт, как с взрослыми, так и со сверстниками, не избегают взгляда в глаза. Иногда обращаются с просьбой, выполняют некоторые поручения, кратко поддерживают диалог, возникший по инициативе взрослого.

С опорой на полученные результаты возможно утверждать о наличии специфики в формировании навыков коммуникации и взаимодействия с окружающими и говорить о необходимости создания соответствующей программы, учитывающей разный уровень указанных выше навыков у дошкольников с РАС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баенская Е.Р. Особенности раннего аффективного развития аутичного ребенка в возрасте от 0 до 1,5 лет / Е.Р. Баенская. — Текст: непосредственный // Альманах Института коррекционной педагогики. — 2001. — № 3. — С. 1–7.
2. Лебединский В.В. Нарушения психического развития в детском возрасте: учебное пособие для студентов психологических факультетов высших учебных заведений / В.В. Лебединский. — Москва: Академия, 2003. — 144 с. — ISBN 5-7695-1033-1. — Текст: непосредственный.
3. Никольская О.С. Аутичный ребенок. Пути помощи / О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг. — Москва: Теревинф, 2017. — 288 с. — ISBN 978-5-4212-0060-4. — Текст: непосредственный.

4. Никольская О.С. Аффективная сфера человека. Взгляд сквозь призму детского аутизма / О.С. Никольская. – Москва: Центр лечебной педагогики, 2000. – 361 с. – ISBN 5-88707-018-8. – Текст: непосредственный.
5. Никольская О.С. Структура нарушения психического развития при детском аутизме / О.С. Никольская. Текст: электронный // Альманах Института коррекционной педагогики. – 2014. – № 18. – URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-18/struktura-narushenija-psiicheskogo-razvitija-pri> (дата обращения: 02.02.2026).

© Иневаткина Светлана Евгеньевна (svetlaj23@mail.ru), Семакина Ирина Игоревна,
Чадина Светлана Витальевна, Дмитриева Ольга Петровна, Ульянова Юлия Анатольевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА¹

A STUDY OF THE CHARACTERISTICS OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS IN FAMILIES OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

**S. Inevatkina
A. Fimushkina
K. Yurasova
T. Ryzhenkova**

Summary: This article examines the theoretical aspects of developing parent-child relationships in families of primary school students with intellectual disabilities. It presents the results of an analysis of domestic research, examines the concept of "parent-child relationships," identifies the specific developmental characteristics of primary school students with intellectual disabilities, and identifies the characteristics of parent-child relationships in families of students of this age. The methodology and results of a definitive experiment are presented.

Keywords: parent-child relationships, interaction, primary school students with intellectual disabilities.

Иневаткина Светлана Евгеньевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск
svetlaj23@mail.ru

Фимушкина Алена Евгеньевна

Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск

Юрасова Ксения Александровна

Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск

Рыженкова Татьяна Алексеевна

Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические аспекты формирования детско-родительских отношений в семьях младших школьников с нарушением интеллекта. Представлен результат анализа отечественных исследований, рассмотрено понятие «детско-родительские отношения», указана специфика развития младших школьников с нарушением интеллекта и особенности детско-родительских отношений в семьях обучающихся указанного возраста. Представлена методика и результаты констатирующего эксперимента.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, взаимодействие, младшие школьники с нарушением интеллекта.

Ключевую роль в жизни каждого ребенка играет семья, которая способствует его всестороннему развитию, а также помогает успешно социализироваться в обществе. Именно в процессе взаимодействия ребенка с родителями происходит формирование основных моделей его поведения, системы ценностей, а также представлений о социальных ролях. Это особенно важно для детей с нарушением интеллекта, у которых процессы адаптации и социализации значительно осложнены.

Полноценное развитие ребенка невозможно без его взаимодействия с окружающими и, в первую очередь, родителями. Именно они выступают для него наиболее значимыми фигурами, от которых он получает эмоциональную поддержку, а также учится понимать как себя,

так и других. При этом, отношения, возникающие между ребенком и родителями, становятся для него основой построения социальных связей, успешной адаптации и личностного становления в целом.

Важно отметить, что понятие «детско-родительские отношения» довольно многогранное. Его изучением занимались многие исследователи. Например, А.Я. Варга и В.В. Столин под детско-родительскими отношениями понимают сложную систему, включающую совокупность эмоций и чувств родителей по отношению к ребенку, особенности восприятия, интерпретации и оценки его индивидуально-личностных качеств, а также способы их взаимодействия с ним, а именно стиль воспитания, привычные формы общения, реакции на его поступки [2; 6].

¹ Статья публикуется в рамках научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности Мордовского государственного педагогического университета имени М.Е. Евсевьева и вузов-партнеров (2026 г.) по теме «Научно-методические основы коррекции психических процессов, коммуникации и детско-родительского взаимодействия в инклюзивной образовательной среде».

Е.Н. Васильева рассматривает детско-родительские отношения не как простое взаимодействие, возникающее между взрослыми и детьми, а в качестве сложной системы эмоциональных, когнитивных и поведенческих связей, от которых зависят личностное развитие ребенка, а также качество семейного климата в целом [1, с. 9].

Несомненно, в ситуации воспитания младшего школьника с нарушением интеллекта будет наблюдаться специфика детско-родительских отношений, которая, с одной стороны, оказывает влияние на развитие ребенка, с другой стороны, особенности развития ребенка влияют на детско-родительские отношения. Всестороннее личностное развитие младших школьников с нарушением интеллекта, а также их успешное включение в общество во многом зависит от характера их взаимодействий с родителями. При этом семьи, воспитывающие данную категорию детей, довольно часто сталкиваются как с бытовыми, так и психологическими трудностями, что нарушает их нормальное функционирование.

Развитие младших школьников с нарушением интеллекта характеризуется определенной спецификой, а именно, значимо снижен уровень сформированности познавательных процессов: мышления, восприятия, воображения, памяти, внимания, речи. Отмечаются нарушения эмоционально-волевой сферы. Представленные особенности приводят к трудностям понимания детьми других, а также построения более зрелых отношений как со сверстниками, так и взрослыми, в том числе и с родителями.

В семьях, воспитывающих младших школьников с нарушением интеллекта довольно часто наблюдаются искажения детско-родительских отношений. Причиной этого является множество факторов, а именно: высокий уровень стресса, связанный с появлением в семье ребенка с нарушениями развития; ухудшения супружеских взаимоотношений; генетическая предрасположенность; особенности психофизического развития ребенка, трудностей в его обучении и воспитании; неэффективные модели внутрисемейного взаимодействия.

По результатам анализа теоретических источников была предпринята попытка исследования особенностей детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих младших школьников с нарушением интеллекта.

В исследовании приняли участие 11 обучающихся с нарушением интеллекта и их родители. Возраст обучающихся – 8–9 лет, проживающие и получающие помощь в рамках психолого-педагогического сопровождения на базе центров в г. Саранске.

Методика констатирующего эксперимента состоит из двух блоков. Первый блок включает в себя методики, позволяющие определить родительские установки,

стиль воспитания в семье, осознаваемые и неосознаваемые ожидания по отношению к ребенку и к себе в роли родителя (методика изучения родительских установок PARI, опросник детско-родительского взаимодействия ОДРЭВ, методика «Семейная социограмма», методика «Родительское сочинение») [3;4; 5].

Ко второму блоку относятся методы, позволяющие определить отношение детей к своим родителям, заметить проявления и реакции, возникающие при взаимодействии с ними (методика «Три дерева», тест «Сказка», проективная игра «Почта») [3;4; 5].

По результатам количественной и качественной обработки матерей (от каждой семьи в констатирующем, формирующем и в контрольном экспериментах приняли участие матери) младших школьников с нарушением интеллекта удалось разделить на две группы: 1) противоречивая родительская позиция, 2) активная родительская позиция.

Большая часть родителей (82 %) транслировали противоречивую родительскую позицию, при которой, с одной стороны, матери транслируют в своих ответах по отношению к ребенку раздражительность, вспыльчивость, излишнюю строгость, придирчивость к незначительным неудачам и ошибкам. С другой стороны, отмечают наличие слияния с ребенком, которое проявляется в чрезмерной заботе о нем, в невозможности снизить контроль, в том числе по тем задачам, которые ребенок в младшем школьном возрасте способен выполнить самостоятельно (например, самостоятельно одеться, застегнуть пуговицы). Соответственно, устанавливаются зависимые отношения: ребенок лишается возможности обрести самостоятельность, а мать реализуется как незаменимая; ребенок зависим от матери в реализации ежедневных потребностей, а мать зависима от ребенка, так как нуждается в возможности быть для него незаменимой. Также специфика родительского отношения у матерей указанной группы проявляется в том, что полностью подавляются негативные переживания как свои собственные в сторону ребенка, так и негативные переживания ребенка в сторону родителей. Воля ребенка подавляется, что влияет на особенности эмоционально-волевой сферы. При этом контроль со стороны родителя осуществляется жестко, страдает эмоциональная составляющая взаимодействия между матерью и ребенком. Родители данной группы противоречиво описывают и свои представления о детско-родительских отношениях, а именно, с одной стороны, транслируют способность к эмпатии, замечают актуальное эмоциональное состояние ребенка, понимают причины плохого или хорошего настроения, стремятся к взаимодействию с ребенком, проявляют заботу, с другой стороны, замечая особенности актуального эмоционального состояния, игнорируют их, продвигая решение актуальных задач (например, плохое самочувствие ребенка не является причиной для

отсутствия на уроках), взаимодействуя с ребенком не учитывают его желание/нежелание к общению с родителями в конкретный момент времени.

Незначительную часть родителей (18%) по результатам исследования отнесли к группе «активная родительская позиция». Они демонстрировали стремление побуждать активность ребенка, ответы представителей данной группы дают возможность предполагать наличие попыток строить партнерские отношения с ребенком. Функция контроля присутствует, реализуется с учетом актуального эмоционального состояния ребенка: настойчиво, но аккуратно. Ребенок побуждается к самостоятельным действиям, в случае неудачной попытки, от родителей получает поддержку. Также родители данной группы проявляют способность к сопереживанию, не только замечают актуальное эмоциональное состояние своего ребенка, но и учитывают его как в процессе взаимодействия, так и в процессе решения актуальных повседневных задач. Также выбирают ответы, которые возможно трактовать как безусловное принятие ребенка. Стремятся к контакту с ребенком, но учитывают и его желание/нежелание взаимодействовать с родителями, не воспринимая это как нелюбовь со стороны ребенка.

Обобщая данные, полученные с помощью методик первого блока важно отметить, что выделилось две группы родителей: группа с противоречивой родительской позицией и группа с активной родительской позицией. Большая часть родителей (матерей) транслировали противоречивую родительскую позицию. Учитывая, что в опытно-экспериментальной работе приняли участие матери младших школьников с нарушением интеллекта, возможно полученный результат трактовать как сложившийся паттерн поведения и эмоционального реагирования из-за многолетнего пребывания в ситуации непонятного прогноза развития ребенка, из-за сложностей родительского выбора во всех ежедневных ситуациях: выбор эмоционального благополучия ребенка или результата в его развитии. Группа матерей с активной родительской позицией на совместных тренингах откликнулись похожими прожитыми ситуациями, делились сложившимися вариантами реагирования, которые изначально зарождались на фундаменте реализованных ошибок. Исходя из вышесказанного, возможно предположить, что совокупность сложностей при реализации родительской роли в семьях, воспитывающих младших школьников с нарушением интеллекта способствует

формированию противоречивой родительской позиции, которая под влиянием благоприятных факторов может быть трансформирована в активную родительскую позицию.

На следующем этапе констатирующего этапа были обработаны и проанализированы данные методик второго блока. Младшие школьники разделились на три группы: 1) группа со сложными эмоциональными и поведенческими реакциями, 2) группа с низкой активностью к взаимодействию, 3) группа с высокой активностью к взаимодействию.

Была обнаружена взаимосвязь, которая заключалась в следующем. При противоречивой родительской позиции у родителей большая часть детей демонстрировали сложные эмоциональные и поведенческие реакции, незначительная часть – низкую активность к взаимодействию. При активной родительской позиции у родителей дети проявляли высокую активность к взаимодействию.

По результатам констатирующего эксперимента все родители (матери) младших школьников с нарушением интеллекта разделились на две группы: с противоречивой родительской позицией и с активной родительской позицией. Дети разделились на три группы: со сложными эмоциональными и поведенческими реакциями, с низкой активностью к взаимодействию, с высокой активностью к взаимодействию. Существует авторское предположение, что совокупность сложностей при реализации родительской роли в семьях, воспитывающих младших школьников с нарушением интеллекта способствует формированию противоречивой родительской позиции, которая под влиянием благоприятных факторов может быть трансформирована в активную родительскую позицию.

Таким образом, результаты констатирующего эксперимента позволяют говорить о специфике проявления не только родительской позиции, но и позиции со стороны младших школьников с нарушением интеллекта по отношению к родителям (матерям), которая формируется в зависимости от родительской позиции, эмоциональных и поведенческих реакций. Так, при противоречивой родительской позиции у детей формируются либо сложные эмоциональные и поведенческие реакции, либо низкая активность к взаимодействию. В ситуации с активной родительской позицией у детей формируется высокая активность к взаимодействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Е.Н. Ролевая структура детско-родительских отношений: монография / Е.Н. Васильева. – Нижний Новгород: Высшая школа экономики, 2022. – 196 с. – ISBN 978-5-00036-120-7. – Текст: непосредственный.
2. Варга А.Я. Структура и типы родительских отношений: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Варга Анна Яковлев-

- на; Московский ордена Ленина, ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2006. – 206 с. – Текст: непосредственный.
3. Истратова О.Н. Диагностика и коррекция детско-родительских отношений: практикум / автор-составитель О.Н. Истратова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. – 316 с. – ISBN 978-5-222-24291-9. – Текст: непосредственный.
 4. Мухордова О.Е. Изучение детско-родительских отношений: методические рекомендации / составители О.Е. Мухордова, Т.В. Шрейбер. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 124 с. – Текст: непосредственный.
 5. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах, 2019. – 672 с. – ISBN 978-5-94648-092-5. – Текст: непосредственный.
 6. Столин В.В. Общая психодиагностика. Основы психодиагностики, немедицинской психотерапии и психологического консультирования: учебное пособие / В.В. Столин, А.А. Бодалев. – Санкт-Петербург: Речь, 2022. – 440 с. – ISBN 978-5-9268-0026-1. – Текст: непосредственный.

© Иневаткина Светлана Евгеньевна (svetlaj23@mail.ru), Фимушкина Алена Евгеньевна,
Юрасова Ксения Александровна, Рыженкова Татьяна Алексеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ И ИНФОРМАТИКИ

Казинец Виктор Алексеевич

Доцент, ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный
университет, г. Хабаровск
vakazinec@mail.ru

INFORMATION AND PROBLEMS OF THE CONTENT OF TRAINING TEACHERS OF MATHEMATICS AND COMPUTER SCIENCE

V. Kazinets

Summary: The article discusses the problem of updating the content of training for future teachers of mathematics and computer science in the context of the development of artificial intelligence and digital transformation of education. The relevance of the study is due to the need for teachers to form ideas about the theoretical foundations of artificial intelligence, including the concepts of data, information, knowledge, as well as mathematical methods used in the construction and training of neural networks. The purpose of the article is to justify the need to strengthen the theoretical, information and mathematical components in the training of teachers of mathematics and computer science. As research methods, an analysis of scientific literature, regulatory documents, and existing approaches to formalizing the concept of information in computer science and artificial intelligence was used. It has been shown that the development of neural network technologies requires future teachers to understand the basics of information theory, probabilistic statistical methods, linear algebra, methods of optimization and data analysis. It was concluded that it is advisable to introduce the discipline "Theory of Information" into educational programs for training teachers of mathematics and computer science.

Keywords: teacher, artificial intelligence, neural networks, machine learning, mathematics.

Аннотация: В статье рассматривается проблема обновления содержания подготовки будущих учителей математики и информатики в условиях развития искусственного интеллекта и цифровой трансформации образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования у педагогов представлений о теоретических основаниях искусственного интеллекта, включая понятия данных, информации, знаний, а также математические методы, применяемые при построении и обучении нейронных сетей. Цель статьи — обосновать необходимость усиления теоретико-информационной и математической составляющих в подготовке учителей математики и информатики. В качестве методов исследования использованы анализ научной литературы, нормативных документов и существующих подходов к формализации понятия информации в информатике и искусственном интеллекте. Показано, что развитие нейросетевых технологий требует от будущих педагогов понимания основ теории информации, вероятностно-статистических методов, линейной алгебры, методов оптимизации и анализа данных. Сделан вывод о целесообразности введения дисциплины «Теория информации» в образовательные программы подготовки учителей математики и информатики.

Ключевые слова: подготовка учителей, искусственный интеллект, теория информации, нейронные сети, машинное обучение, математическая подготовка.

Введение

В настоящее время, в связи с реформой образования, многие авторы отмечают несоответствие подготовки учителей математики и информатики современным требованиям, вызванным цифровой трансформацией общества. Развитие информационных технологий в первую очередь искусственного интеллекта показало, что успешность информационных и интеллектуальных систем существенно зависит от формализации таких понятий, как данные, знания, информация, а также от математического аппарата, на основе которого описывается функционирование таких систем. В силу разнообразия моделей искусственного интеллекта необходимо определить разделы математики, значимые для понимания принципов работы ИИ, обосновывающие и определяющие работу и развитие ИИ. В связи с успехом нейронных

сетей с глубоким обучением представляется необходимым обеспечить знакомство будущих учителей с математическим аппаратом и методами глубокого обучения, при этом отмечая новый подход к формализации информации как развитие ранее существующих. Следует отметить, что мы уже наблюдали изменение математического образования под влиянием формализации понятий информации как в вузе, так и в школе. Так как мы находимся в начале процесса построения и использования ИИ, то при определении содержания подготовки учителей целесообразно акцентировать внимание на информации и, следовательно, на данных и знаниях.

Материалы и методы исследований

В данной работе в основном используются стандартные материалы и методы исследования, в первую оче-

редь обзор литературы и анализ существующих методов построения и обучения нейронных сетей. Рассматривается математика, как язык для описания и решения задач искусственного интеллекта и определяется на какие разделы математики необходимо сделать акцент при подготовке учителей математики и информатики в области искусственного интеллекта. Анализируя математические методы и модели, связанные с созданием и обучением систем искусственного интеллекта, автор предлагает в предстоящей реформе высшего образования изменить содержание подготовки учителей математики и информатики.

Результаты и обсуждения

Любое научное направление содержит понятия, которые сложно определить, тем более формализовать. Понятие «информация» относится именно к таким, то есть его сложно определить через другие базовые понятия заданного научного направления. В зависимости от научного направления и решаемых в его рамках задач предлагаются различные подходы к определению информации. Данный термин как научный стал применяться в исследованиях по библиотечному делу и в теории журналистики в начале XX века, понимая информацию как сведения и сообщения, которые воспринимаются человеком или некими устройствами и являются отражением материального мира в рамках коммуникаций. Фактически в то же время физики предложили рассматривать это понятие как антиэнтропию. Так как энтропия является мерой беспорядка термодинамической системы, мера упорядоченности и сложности этой системы, определяется поступающей из внешней среды информацией. То есть изменение энтропии определяет изменение количества информации. Процессы, увеличивающие информацию, свойственны открытым системам, обменивающимся энергией и веществом с окружающей средой. При этом в неживой природе информацию связывали с отражением многообразия, в процессе которого происходила передача информации. То есть информация — это результат отражения. Параллельно с развитием науки возникли технические задачи, связанные с передачей сигналов по тем или иным коммуникационным каналам. В своей основной работе К. Шеннон (в ней он не использовал термин информация, а рассматривал сигналы) фактически положил основы теории информации, рассматривая не любые сведения, а лишь те, которые изменяют существующую неопределенность. Каждому сигналу К. Шеннон поставил в соответствие вероятность его появления, а информацию в дальнейшем стали рассматривать как сведения, которые уменьшают уровень неопределенности и неполноты знаний об объектах окружающей среды. (Существует мнение что аналогичный подход предлагал Колмогоров в работах, предназначенных для секретных служб). Почти одновременно с работой К. Шеннона появились работы Н. Винера связываю-

щие понятие информации с понятием управления жизнедеятельностью любой системы живой или неживой. При этом процесс управления состоит из передачи, хранения, получения и преобразования информации. А информация обозначает содержание сигнала из внешнего мира в процессе адаптации к нему. Данный подход не позволяет ответить на ряд вопросов, например, является ли информацией неиспользованные знания. Для уточнения предыдущего понятия В.Г. Афанасьев ввел понятие «информационные данные» как сообщения, которые приобретают характер информации тогда, когда они получают форму и содержание, необходимые для управления и могут быть использованы в управлении. В дальнейшем математический подход к понятию и изменению информации получил развитие в работах А.Н. Колмогорова, Р. Карнапа, И. Бар-Хиллела, Ю.А. Шнейдера и других. В этих работах информация не связывается с содержанием сообщения. В биологии понятие информации связывают с наследственным механизмом и с генетической информацией. В социологии, психологии, политологии и других социальных науках под информацией понимают отраженные в сознании знания, данные, сведения и понятия, которыми обмениваются и с помощью которых формируют общественное сознание (социальная информация). Отдельное описание понятия информации существует в документалистике. Обычно под информацией в быту понимают все сведения обо всем, что нас окружает, все что нас радует, печалит и т.п. В настоящее время обычно рассматриваются следующие подходы. Обыденный подход, в котором информация рассматривается в соответствии со словарем русского языка. Статистический подход, в основе которого лежит работа К. Шеннона, семиотический подход, определяющий аксиоматическое определение информации. Элиминирующий, отрицающий существование информации как таковой. Абсолютизирующий, рассматривающий информацию как универсум всего существующего. Функциональный, предполагающий, что информация — результат деятельности живых существ. Атрибутный рассматривающий информацию как меру изменений происходящих процессов и являющейся свойством материи любой формы. То есть ответить на вопрос, что такое информация в настоящее время не представляется возможным, тем более что развитие информатики и информационных технологий (особенно искусственного интеллекта) ставит перед нами задачи, требующие новых подходов к понятию информации и ее измерению. Но на наш взгляд все подходы необходимо изучать, уделяя внимание в первую очередь тем свойствам информации, которые необходимы для решения поставленных задач, что требует мобильности в изменении системы образования и ее ориентации на подготовку квалифицированных педагогических кадров, в первую очередь учителей математики и информатики. В настоящее время основной акцент при обучении школьников и студентов информация рассматривается не с точки зрения со-

держания, а как мера изменения неопределенности. В этом подходе она не отвечает на вопрос, что передается. Несколько расширенный такой подход к понятию информации положен в основу всех современных информационных систем, включая системы искусственного интеллекта. Модель ИИ, реализованная с помощью нейронных сетей, не знает содержания сообщения, она оперирует различиями между ними и имеет количественные характеристики. То есть информация в ИИ определяется структурой различий, выраженной через числовые значения вероятностей, частот и паттернов. Следовательно, на уровне нейросетей информация – не значение, а форма, позволяющая различить новое состояние от существующего. То есть если нет новых данных, то нет информации. При этом нейросеть не умеет работать с данными напрямую, пока не сформирует нужную внутреннюю структуру. Заметим, что формирование структуры достаточно сложная математическая задача. Следует помнить, что модели искусственного интеллекта, построенные на основе нейросетей, имеют полуэмпирический характер, что предполагает их дальнейшее развитие и возможно изменение точки зрения на информацию, развиваются квантовые вычислительные системы, ведутся работы по созданию нейрокомпьютера, опирающиеся на свою формализацию понятия информации. В настоящее время студенты педагогических вузов будущие учителя математики и информатики знакомятся с теорией информации только в рамках курса «Теоретические основы информатики» при изучении информатики. Информатика, в последнее время становясь фундаментальной наукой, является базовой составляющей многих систем научного познания и в значительной степени определяет формирование информационного общества, основанного на знаниях. В связи с этим происходит постоянный пересмотр места информатики в научных исследованиях и в современных технологиях, при этом повышается интерес к ее фундаментальным основам и историко-философским аспектам. К сожалению, в подготовке научных кадров высшей квалификации в системе образования как в России, так и во многих других странах все еще преобладает инструментально-технологический подход к изучению проблем и понятий информатики, а ее базовые понятия и фундаментальные аспекты воспринимаются и рассматриваются как второстепенные. На наш взгляд научно-методологические, семиотические и философские основания информатики (особенно в связи с развитием искусственного интеллекта) становятся все более актуальными, поэтому именно на них опирается формирование новой информационной культуры общества, и именно они нужны для подготовки качественных научных кадров и специалистов, способных ответить на вызовы XXI века. Следует отметить, что в США в рамках этих проблем информатика выделяется как важнейшее направление науки и практики, необходимое для развития высоких технологий экономики и промышленности, что определяет необходимость соответствующего профес-

сионального образования и подготовку научных кадров и все это должно обеспечить национальную безопасность. В настоящее время развитие технологий происходит настолько быстро, что, начав обучение в рамках одного информационно-технологического пространства по окончании учебы мы попадаем в другой мир, то есть возникает потребность в последовательном, непрерывном образовании. Заметим, что меняется не только технологическое пространство, но и происходят глубокие изменения во взаимоотношениях между социумом, человеком и техническими средствами. То есть стандартный способ обучения, связанный с передачей знаний и предыдущего опыта, должен быть расширен до подготовки к жизни в изменившихся технологических условиях. На фоне информационного взрыва (фактически экспоненциальный рост объема информации) и неупорядоченности информации выяснилось, что информационный подход оказался полезным как в технической области, так и во многих социальных и гуманитарных науках. Использование информационных методов и моделирование систем информационных технологий позволило сформироваться новым направлениям в научных исследованиях таких как биоинформатика, социальная информатика, экономическая и т.п. и привело к активизации развития теории связи, кибернетики и других направлений, связанных с понятием информации и информационных технологий. В настоящее время в рамках различных педагогических исследований предприняты попытки разобраться во взаимодействии информационных процессов с обучением и воспитанием. Заметим, что желание использовать искусственный интеллект в образовательном процессе еще более усложнили задачу по методике использования информационных технологий в системе образования, так как выясняется, что появляется потребность анализа больших данных, в частности, образовательных. Но во всех этих направлениях использования информационных технологий необходимо описать процессы работы с информацией, при этом каждое направление предполагало свой подход к формализации этого понятия. При подготовке учителей в педагогических вузах исходят из бытового описания понятия информации, уделяя основное внимание концепции К. Шеннона. Его работа «Математическая теория связи» отражает представление об информации в термодинамике того времени. При этом сам Шеннон не использовал слово информация и не поддерживал распространение этого подхода на другие научные направления. Несмотря на это его работа повлияла на развитие теории информации и на различные ее приложения. Так как данный подход относится не столько к информации, сколько к передаче сигнала, и в общем-то не отражает ее содержательные характеристики (заметим, что при использовании формулы К. Шеннона для вычисления количества информации мы получаем дробные числа и под разными предлогами удаляем дробную часть, сохраняя один бит как наименьшее количество информации).

В последнее время во многих публикациях об информации и информационных методах данные понятия приобретают междисциплинарный характер. Осознавая важность информационного подхода, как метода научного познания, во многих технических, экономических и даже философских факультетах вопросы, связанные с информацией представлены в отдельном курсе «Теория информации». Мы считаем, что аналогичный курс необходим для учителей и в первую очередь для учителей информатики и математики. В рамках которого информационный подход рассматривался бы как метод научного познания, а для этого необходимо иметь точный научный аппарат и научный подход к понятию информации и процессам с ней связанными, так как образовательный процесс связан с информацией и основан на этом понятии. С нашей точки зрения информатизация образования должна опираться на научное исследование процессов хранения, передачи, преобразования и использования информации в образовательной деятельности, что требует методологического анализа понятий и их описаний, позволяющих сформировать необходимый научный, понятийный аппарат. Необходимо при этом помнить - все образовательные технологии основаны на передаче информации обучающимся, а это предполагает ее соответствующую подготовку, основанную на современных информационных технологиях, что делает понятие информации важнейшим в образовательном процессе понятием. Следует отметить, что глубокое обучение нейросетей, основанное на информационно-теоретическом подходе предоставляет новые инструменты для оценивания информации, а также новые подходы к ее получению и обобщению. При этом возникает возможность точной оценки информационно-теоретических величин. На основе методов машинного обучения развивается новая область педагогики, связанная с анализом образовательных данных. В настоящее время выделяют следующие методы:

1. Методы прогнозирования, например, позволяющие прогнозировать результаты контрольных мероприятий и другие достижения школьников и студентов, основываясь на их предшествующей деятельности.
2. Методы обнаружения структуры, например, позволяющие выявить структуру организации обучения студентов и школьников с разными мотивациями.
3. Методы выявления взаимосвязей, например, между темами образовательных программ и результа-

тами развития компетентностей. Все эти методы с успехом применяются в машинном обучении нейросетей и в силу своего подхода к понятию информации позволяют качественные оценки информации оцифровать и формировать образовательный контент, в соответствии заранее определенными требованиями.

То есть в настоящее время тема обучения глубоких нейронных сетей является одним из важнейших направлений исследования в области машинного обучения. В контексте обучения глубоких нейронных сетей теория информации сыграла важную роль в оптимизации и объяснении полученных результатов. В настоящее время, необходимо обратить внимание на взаимосвязь глубоких нейронных сетей и теории информации, которая открывает новые возможности понимания, развития и построения систем искусственного интеллекта. Для понимания этого необходимо привлечь теорию вероятности, математическую статистику, методы оптимизации, математический анализ, линейную алгебру и т.д. То есть чем больше внимания мы будем уделять использованию искусственного интеллекта в образовательном процессе и его связи с теорией информации, тем острее встанет вопрос о математической подготовке учителей математики и информатики, привлеченных к этому процессу. На наш взгляд введение дисциплины «Теория информации» позволяет сформулировать требования к содержанию математической подготовки учителей математики и информатики и позволит лучше понимать процессы работы интеллектуальных систем.

Выводы

1. Необходимо привести систему подготовки учителей математики и информатики в соответствии с требованиями времени и с учетом развития информационных технологий.
2. Создать необходимые условия для переподготовки и повышения квалификации учителей в области информационных технологий, в частности в области искусственного интеллекта.
3. Необходимо определить содержание дисциплины «Теория информации» и ввести ее в учебные планы подготовки учителей.
4. Необходимо обратить особое внимание на связь теории информации и математической подготовки учителей математики и информатики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бетелин В.Б., Галкин В.А. Математические задачи, связанные с искусственным интеллектом и искусственными нейронными сетями. Успехи кибернетики. 2021. Т. 2. № 4. С. 6–14. <https://doi.org/10.51790/2712-9942-2021-2-4-1>.
2. Зенкина С.В., Герасимова Е.К., Федосеева М.В. Организация учебно-проектной деятельности студентов по созданию чат-ботов как фактор формирования

- цифровых компетенций будущих педагогов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2022. Т. 19. № 3. <https://doi.org/10.22363/2312-8631-2022-19-3-224-238>.
3. Кондратьева В.А. Подготовка будущих учителей информатики к преподаванию основ искусственного интеллекта / В.А. Кондратьева // Теория и практика проектного образования. – 2020 – № 3 [15]. – С. 19–21.
 4. Казинец В.А. Изменение парадигмы математического образования в цифровом обществе / В.А. Казинец, Е.А. Редько // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 7. – С. 16–19.
 5. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. N 1632-р Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://digital.gov.ru/target/nacionalnaya-programma-cifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii>.
 6. Розов К.В. Проектирование содержания рабочей программы дисциплины «Технологии искусственного интеллекта» для бакалавров педагогического образования в компетентностной парадигме // Педагогическое образование: вызовы XXI века. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти академика В.А. Сластёнина. Новосибирск: НГПУ, 2019. С. 431–436.
 7. Розов К.В. Формирование профессиональной готовности будущих учителей информатики к применению технологий искусственного интеллекта / К.В. Розов // Информатика и образование. – 2022. – № 2. – С. 50–63.
 8. Тихонова Н.В., Сабирова Д.Р. Грамотность педагога в области искусственного интеллекта: теоретический анализ понятия. Образование и наука. 2025; 27(6): 180–206. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-6-180-206>.
 9. Указ Президента РФ от 10.10.2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/
 10. Шобонов Н.А. Искусственный интеллект в образовании / Н.А. Шобонов, М.Н. Булаева, С.А. Зиновьева // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79–4. – С. 288–290.
 11. Ivan Butakov, Alexander Tolmachev, Sofia Malanchuk, Anna Neopryatnaya, Alexey Frolov, and Kirill Andreev. Information bottleneck analysis of deep neural networks via lossy compression. In The Twelfth International Conference on Learning Representations, 2024.
 12. Ivan Butakov, Aleksander Tolmachev, Sofia Malanchuk, Anna Neopryatnaya, Alexey Frolov. Mutual information estimation via normalizing flows. arXiv preprint arXiv:2403.02187, 2024.

© Казинец Виктор Алексеевич (vakazinec@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРИИ УСВОЕНИЯ ЛЕКСИКИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (ГИПОТЕЗА ВХОДНОГО МАТЕРИАЛА, ИНТЕРВАЛЬНОЕ ПОВТОРЕНИЕ) И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ АНГЛИЙСКОГО

Каримова Ксения Сергеевна

Старший преподаватель, Северо-Западный институт
управления – филиал, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
karimova-ks@ranepa.ru

THEORIES OF VOCABULARY ACQUISITION OF A FOREIGN LANGUAGE (HYPOTHESIS OF INPUT MATERIAL, INTERVAL REPETITION) AND THEIR APPLICATION IN THE UNIVERSITY ENGLISH COURSE

K. Karimova

Summary: The article is devoted to a comparison of the theories of mastering the vocabulary of a foreign language - meaning-oriented input material and interval repetition - as applied to a university English course. The necessity of integrating the mechanisms of primary semantic consolidation and distributed extraction for the formation of stable academic lexical competence is substantiated. The results of modern meta-analytical and experimental studies describing the influence of input modality, digital environment, and extraction direction on vocabulary growth and retention are analyzed. A two-circuit model of the educational cycle organization is proposed, combining work with text and systematic interval anchoring. The methodological principles of designing a course focused on academic communication are formulated. article is devoted to a comparison of the theories of mastering the vocabulary of a foreign language - meaning-oriented input material and interval repetition - as applied to a university English course. The necessity of integrating the mechanisms of primary semantic consolidation and distributed extraction for the formation of stable academic lexical competence is substantiated. The results of modern meta-analytical and experimental studies describing the influence of input modality, digital environment, and extraction direction on vocabulary growth and retention are analyzed. A two-circuit model of the educational cycle organization is proposed, combining work with text and systematic interval anchoring. The methodological principles of designing a course focused on academic communication are formulated.

Keywords: higher school pedagogy, teaching a foreign language, lexical competence, meaning-oriented input, interval repetition, memory extraction.

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению теорий усвоения лексики иностранного языка - смыслоориентированного входного материала и интервального повторения - в применении к вузовскому курсу английского языка. Обоснована необходимость интеграции механизмов первичного семантического закрепления и распределённого извлечения для формирования устойчивой академической лексической компетентности. Проанализированы результаты современных метааналитических и экспериментальных исследований, описывающих влияние модальности входа, цифровой среды и направления извлечения на прирост и удержание словаря. Предложена двухконтурная модель организации учебного цикла, сочетающая работу с текстом и систематическое интервальное закрепление. Сформулированы методические принципы проектирования курса, ориентированного на академическую коммуникацию.

Ключевые слова: педагогика высшей школы, обучение иностранному языку, лексическая компетентность, смыслоориентированный вход, интервальное повторение, извлечение из памяти.

Введение

Лексическая компетентность в вузовском курсе английского языка определяет скорость чтения и точность понимания научных текстов, качество академического письма, устойчивость устного высту-

пления и способность к аргументированной дискуссии. При ограниченном времени аудиторной работы и при высокой насыщенности учебных программ вопрос о механизмах усвоения лексики приобретает методическое значение: выбор теории прямо влияет на отбор учебных действий, на распределение нагрузки по семестру, на

виды контроля и на цифровые инструменты поддержки самостоятельной работы.

В современной лингводидактике выделяются два теоретических направления, задающих разные механизмы накопления словаря. Первое опирается на идею усвоения через смыслоориентированный входной материал: лексика формируется как побочный продукт понимания сообщений, когда внимание обучающегося направлено на смысл, а словарные единицы закрепляются через многократные встречи и связность с содержанием. Второе направление опирается на интервальное повторение и извлечение из памяти: долговременное удержание обеспечивается распределением повторений во времени и регулярными актами восстановления слова по подсказке, что усиливает прочность следов памяти и повышает вероятность переноса в продуктивную речь.

Цель работы - сопоставить современные эмпирические подтверждения обеих линий и предложить модель их объединения в вузовском курсе английского языка, ориентированном на академическую и учебно-профессиональную коммуникацию. Задачи работы охватывают:

- 1) анализ масштабных синтезов об эффективности инцидентного усвоения из входного материала;
- 2) рассмотрение данных о модальностях входа (чтение, аудирование, комбинированные режимы);
- 3) анализ доказательств интервального повторения и извлечения; выделение факторов, меняющих эффект;
- 4) разработку принципов внедрения в курс.

Материалом послужили публикации последних пяти лет, где представлены метаанализы, вторичные метааналитические обзоры и контролируемые исследования, привязанные к измеряемым показателям прироста и удержания словаря.

Методы и материалы

Материальную базу исследования составили современные метааналитические и экспериментальные публикации, посвящённые инцидентному усвоению и интервальному повторению.

По мнению S. Webb, T. Uchihara и A. Yanagisawa [8], инцидентное освоение из смыслового входа демонстрирует значимые первичные и отсроченные эффекты при высокой вариативности результатов. E. Firestone, S. McLean и A. Dabrowski [1] предложили сопоставление чтения, аудирования и комбинированного режима при входо-согласованном контроле измерений. Z. Jin и S. Webb [3] обобщили данные о конспектировании как факторе углубления обработки входного материала. В исследовании H.S. Hassan Saleh Mahdi и др. [2] систематизированы результаты о мультимодальных глоссах как средстве

усиления усвоения. T. Zhu, Y. Zhang и D. Irwin [10] выявили эффекты цифрового чтения при анализе большого массива эмпирических данных. S.K. Kim и S. Webb [4] представили доказательства распределённой практики и интервалов повторения. По мнению S. Lo [5], режим повторного просмотра видео влияет на показатели немедленного и отсроченного тестирования. Z. Zarrati и др. [9] исследовали цифровые карточки для академической лексики в мобильной и компьютерной среде. R. Teymouri [7] описал алгоритмы мобильного интервального повторения как механизм долговременного удержания. M. Terai, J. Yamashita и K.E. Pasich [6] проанализировали влияние направления извлечения при парном заучивании слов.

Для написания статьи применялись анализ и синтез научных источников, сравнительный метод, интерпретация статистических показателей и моделирование дидактической интеграции.

Результаты

Метаанализ инцидентного усвоения словаря из смыслоориентированного входного материала выявил крупные средние эффекты по первому тесту (Hedges's $g = 1,14$) и по отсроченному тесту ($g = 0,93$), при высокой неоднородности эффектов; расчёт долей усвоения показал различие по видам знаний, где распознавание формы давало более высокий первичный прирост с резким падением в удержании, а извлечение значения демонстрировало меньший первичный прирост при более устойчивой динамике [8].

Исследование с «входом согласованным» контролем измерений сравнило чтение, аудирование и комбинированный режим чтения при аудировании; при численности 104 участника установлено отсутствие различий между чтением и комбинированным режимом по тестам распознавания при большей эффективности комбинированного режима с точки зрения затраченного времени, тогда как по тестам воспроизведения значения преимущество фиксировалось за чтением [1].

Метаанализ конспектирования при работе с входным материалом показал общий положительный эффект малого-среднего размера (g около 0,56) при включении 21 исследования и совокупной выборке 1992 участника; модераторный анализ выявил рост эффекта при обязательности конспектирования, при наличии обучения технике записей и при возможности пересмотра записей, а при аудировании без дополнительных опор эффект снижался [3].

Вторичный метааналитический обзор мультимодальных глоссов обобщил результаты семи первичных метаанализов за период 2008–2023 и охватил 136 ори-

гинальных исследований; подобная конструкция источников уровня повышает устойчивость выводов о пользе мультимодальных подсказок и уточняет границы эффекта в зависимости от дизайна исследования и вида теста [2].

Метаанализ цифрового чтения как среды усвоения лексики агрегировал 77 эффектов и показал значимые эффекты немедленного прироста как в внутригрупповых сравнениях (взвешенный d около 1,39), так и в межгрупповых сравнениях (взвешенный d около 1,45), при различной траектории отсроченных эффектов и при статистически значимых модерациях по уровню владения языком, формату теста и типу цифрового ресурса [10].

Метаанализ интервального распределения практики в обучении второму языку извлёк 98 эффектов из 48 экспериментов при суммарной численности 3411 участник и показал средний-крупный эффект распределения по сравнению с «сжатыми» повторениями; обнаружено снижение отсроченного результата при слишком коротких интервалах и отсутствие статистической разницы между равномерным и расширяющимся графиками при контроле методических модераторов [4].

Эксперимент с просмотром видео с двойными субтитрами на выборке 60 студентов показал систематическое превосходство немедленного повторного просмотра над разнесённым повторением по немедленным тестам распознавания и воспроизведения значения; оба режима повторения превосходили однократный просмотр, а в отсроченных тестах сохранялась иерархия «немедленное повторение - разнесённое повторение - без повторения» с заметными различиями средних баллов [5].

Рандомизированное контролируемое исследование цифровых карточек для академической лексики в течение пяти недель при объёме 50 единиц выявило значимые приросты во всех группах, при превосходстве мобильного режима над режимом работы за компьютером и над контрольной группой; дизайн измерения опирался на пред- и посттест и статистическое сравнение групп [9].

Краткий обзор мобильного освоения словаря с фокусом на цифровые карточки описал интервальные алгоритмы повторения как механизм снижения забывания и как фактор долгосрочного удержания, а эмпирические публикации связывались с ростом автономности обучающихся и с улучшением переноса в продуктивные задания при регулярном использовании инструментов [7].

Эксперимент по направлению извлечения при парном заучивании слов выявил зависимость результата от уровня владения языком: при более низком уровне преимущество фиксировалось за режимом «иностранный

слово → родной эквивалент», а при более высоком уровне – за режимом «родной эквивалент → иностранное слово», что интерпретируется как эффект соотношения когнитивной трудности и успешности извлечения [6].

Обсуждение

Сопоставление результатов показывает, что теоретическая линия входного материала и линия интервального повторения описывают разные фазы формирования лексики. Смыслоориентированный вход формирует семантические связи, вероятностные ожидания сочетаемости и закрепление слов в когнитивной сети предметного знания. Интервальное повторение и извлечение повышают прочность следов и стабилизируют доступ, к слову, при продуктивном использовании. При проектировании вузовского курса продуктивной выглядит схема «сначала смысл – затем закрепление», где первичное знакомство со словом происходит во входном материале, а устойчивость обеспечивается разнесёнными циклами извлечения.

Данные метаанализа инцидентного усвоения указывают на существенную неоднородность эффектов и на разную динамику формальных и семантических компонентов знания. Для вузовской практики из этого следует методическое требование разделять цели измерения: распознавание формы, распознавание значения и воспроизведение значения ведут себя по-разному, а универсальный «лексический тест» маскирует механизм изменения. Наблюдаемое падение удержания по распознаванию формы при отсрочке требует систематического закрепления, иначе входной материал даёт значимый первичный прирост без гарантии долговременного сохранения.

Результаты по модальностям входа уточняют пространственную установку о безусловном приоритете чтения. Комбинированный режим чтения при аудировании способен повышать эффективность при совпадении режима предъявления и режима теста, что удобно для вузовских курсов, где аудирование лекций и просмотр учебного видео сочетаются с чтением статей. При переходе к воспроизведению значения преимущество чаще сохраняется за чтением, что согласуется с большей точностью визуального контроля и с возможностью саморегуляции темпа.

Конспектирование выступает мостом между «входом» и «извлечением». Метааналитические данные показывают усиление эффекта при обучении технике записей и при обязательности выполнения, что интерпретируется как управляемое углубление обработки и подготовка опор для будущего извлечения. С точки зрения автора, в вузовском курсе целесообразно использо-

вать конспектирование не как механическую фиксацию, а как преобразование: выделение терминов, формулирование определений собственными словами, построение примеров употребления в академических фразах.

Линия интервального повторения демонстрирует высокую обобщаемость эффекта, но эффект зависит от условий успешного извлечения. При слишком высокой трудности извлечения обучающийся получает серию ошибок и снижает мотивацию; при слишком низкой трудности извлечение превращается в распознавание без укрепления памяти. Поэтому практическое внедрение требует адаптивного управления трудностью: выбор направления перевода, дозирование подсказок, переход от распознавания к воспроизведению, добавление продуктивных микрозаданий (собственное предложение, перефразирование, включение в аргумент).

Результаты по видео с двойными субтитрами демонстрируют нестандартный для когнитивной психологии вывод: немедленное повторение превосходит разнесённое повторение при «контекстуализированном» аудиовизуальном материале на выборке низко среднего уровня. Для вузовского курса подобный результат интерпретируется как указание на значение насыщенности сигнала и на ограничения внимания: при первичном просмотре значительная часть ресурсов уходит на понимание сюжета, а немедленная «вторая встреча» снижает нагрузку понимания и высвобождает ресурсы для закрепления формы значения. Следовательно, принцип интервалов в аудиовизуальном обучении целесообразно задавать иначе, чем в карточках: допустимо сочетать «плотное» повторение для первичного закрепления с последующим разнесённым извлечением через карточки и мини квизы.

С практической позиции интегрированная модель вузовского курса английского по лексике может строиться как два синхронизированных контура. Первый контур – смыслоориентированный вход: тематические блоки чтения и аудирования с заданиями на понимание и обсуждение, где новые слова встречаются в устойчивых академических конструкциях. Второй контур – интервальное извлечение: карточки, короткие квизы, ку-

мулятивные проверки и микрописьмо, распределённые по семестру. Согласование контуров достигается через общий список целевых единиц, привязку карточек к текстам недели и управление направлением извлечения по уровню группы.

Ограничения обсуждаемой доказательной базы связаны с вариативностью дизайнов и с различием метрик «знания слова». Универсальный перенос выводов в любой учебный план недопустим без локальной проверки: требуется пилотирование, калибровка тестов и настройка графика повторений под плотность курса и под уровень группы.

Заключение

Эмпирические исследования последних лет подтверждают высокую результативность смыслоориентированного входного материала для первичного прироста словаря и подтверждают значимость интервального повторения с извлечением для долговременного удержания. На уровне проектирования вузовского курса рационально соединять обе линии, распределяя функции: входной материал формирует семантические связи и жанровую уместность, интервальное извлечение стабилизирует доступ, к слову, и повышает вероятность продуктивного использования.

Метааналитические данные по модальностям входа и по цифровому чтению показывают, что цифровая среда при грамотном дизайне не снижает результат и способна усиливать его за счёт ресурсов (гlossы, персонализация, гиперссылки), при обязательном контроле качества измерений. Данные по направлению извлечения подтверждают необходимость адаптации режимов тренировки под уровень владения языком, что особенно актуально для разноуровневых вузовских групп.

Практическая значимость выводов связана с переходом от разрозненных «словников» к инженерии учебного цикла: целевые слова вводятся через тексты и задачи, затем закрепляются через разнесённые циклы извлечения, а контроль строится на разделении видов знания и на согласовании формата теста с форматом обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Firestone E., McLean S., Dabrowski A. Towards accurate measurement of incidental vocabulary acquisition: input-matched assessments of reading, listening, and reading-while-listening // *Language Testing in Asia*. 2025. Vol. 15. Article 34. DOI: 10.1186/s40468-025-00367-8.
2. Hassan Saleh Mahdi H.S., Mohsen M.A., Almane M. Multimedia glosses and second language vocabulary learning: A second-round meta-analysis // *Acta Psychologica*. 2024. Vol. 248. Article 104341. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104341.
3. Jin Z., Webb S. The effectiveness of note taking through exposure to L2 input: A meta-analysis // *Studies in Second Language Acquisition*. 2024. Vol. 46, № 2. P. 404–426. DOI: 10.1017/S0272263123000529.
4. Kim S.K., Webb S. The effects of spaced practice on second language learning: A meta-analysis // *Language Learning*. 2022. Vol. 72. P. 269–319. DOI: 10.1111/

- lang.12479.
5. Lo S. Vocabulary learning through viewing dual-subtitled videos: Immediate repetition versus spaced repetition as an enhancement strategy // *ReCALL*. 2024. Vol. 36, № 2. P. 152–167. DOI: 10.1017/S0958344024000053.
6. Terai M., Yamashita J., Pasich K.E. Effects of learning direction in retrieval practice on EFL vocabulary learning // *Studies in Second Language Acquisition*. 2021. Vol. 43, № 5. P. 1116–1137. DOI: 10.1017/S0272263121000346.
7. Teymouri R. Recent developments in mobile-assisted vocabulary learning: A mini review of published studies focusing on digital flashcards // *Frontiers in Education*. 2024. Vol. 9. Article 1496578. DOI: 10.3389/educ.2024.1496578.
8. Webb S., Uchiyama T., Yanagisawa A. How effective is second language incidental vocabulary learning? A meta-analysis // *Language Teaching*. 2023. Vol. 56, № 2. P. 161–180. DOI: 10.1017/S0261444822000507.
9. Zarrati Z., Zohrabi M., Abedini H., Xodabande I. Learning academic vocabulary with digital flashcards: Comparing the outcomes from computers and smartphones // *Social Sciences & Humanities Open*. 2024. Vol. 9. Article 100900. DOI: 10.1016/j.ssaho.2024.100900.
10. Zhu T., Zhang Y., Irwin D. Second and foreign language vocabulary learning through digital reading: A meta-analysis // *Education and Information Technologies*. 2024. Vol. 29. P. 4531–4563. DOI: 10.1007/s10639-023-11969-1.

© Каримова Ксения Сергеевна (karimova-ks@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ РОЛЕВЫХ ИГР КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ

IMPLEMENTATION OF ROLE-PLAY GAMES AS AN EFFECTIVE WAY OF DEVELOPING PROFFESIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE AT DIFFERENT STAGES OF EDUCATIONAL PROCESS

**L. Kopreva
G. Danelyan**

Summary: The article describes the application of role-play games at various stages of learning. The objectives, functions, and requirements for conducting role-play games are discussed. The relevance of the topic lies in the search for new approaches to integrating this phenomenon into the educational process. The study utilizes role-play games and tasks developed to optimize their practical application. The authors emphasize the specifics and analysis of work at each stage, presenting a concept for implementing role-play games aimed at enhancing students' cognitive activity. The function of the teacher in preparing and implementing role-play scenarios is also considered.

Keywords: role-play game, functions of role-play game, requirements for conducting role-play game, professional and communicative competence, implementation of role-play game.

Копрева Лариса Геннадиевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
successalways42@mail.ru

Данелян Гаянэ Варленовна

Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
gayde_dan@mail.ru

Аннотация: Статья описывает процесс применения ролевых игр на разных этапах обучения. Рассматриваются цели, функции и требования к проведению ролевых игр. Актуальность темы работы связана с поиском новых резервов для внедрения исследуемого феномена в учебный процесс. Материалом исследования послужили ролевые игры и разработанные задания с целью оптимизации их использования на практике. Особое внимание авторы акцентируют на специфике и анализе работы на каждом этапе обучения, представляя концепцию внедрения ролевых игр, направленных на активизацию познавательной деятельности обучающихся. Также рассматривается роль преподавателя в подготовке и **реализации сценариев ролевых игр**.

Ключевые слова: ролевая игра, функции ролевой игры, требования к проведению ролевой игры, профессионально-коммуникативная компетенция, применение ролевой игры.

В современном образовательном пространстве все большее внимание уделяется активным методам обучения, способным не только передавать знания, но и формировать компетенции, развивать личностные качества и готовить обучающихся к реалиям профессиональной деятельности. В этом контексте ролевая игра выступает как один из наиболее эффективных и многогранных инструментов, чья значимость подтверждается как теоретическими изысканиями, так и практическим опытом ведущих педагогов.

Целью данной статьи является рассмотреть роль и место ролевых игр, требования для их реализации, процесс оптимизации данного явления в обучении языку в неязыковом вузе. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) уточнить понимание термина «ролевая игра»; 2) проанализировать функции исследуемого феномена; 3) охарактеризовать требования к проведению ролевых игр; 4) описать собственный опыт организации ролевых игр в условиях военного авиационного вуза.

Актуальность использования ролевых игр в обучении иностранному языку заключается в их функциональности, поскольку они повышают когнитивную деятельность обучающихся, расширяют их коммуникативные возможности, стимулируют интеллектуальное осмысление изучаемого языка, знакомят с лингвистическими явлениями, способствующими созданию мотивации, приобщая тем самым к индивидуальному внедрению данных средств в речи. «Ролевые игры позволяют сделать обучающихся активными участниками педагогического процесса, формировать и развивать их познавательную активность в рамках коммуникативного и личностного подходов обучения иностранному языку» [3, с.86].

Исследуемый аспект нашел свое отражение в работах таких ученых, как Н.К. Ахметова, Н.И. Гез, И.В. К.Б. Драгомирецкий, И.Я. Зимняя, О.А. Калашникова, Г.А. Китайгородская, А.В. Кобышева, Р.П. Мильруд, М.Ф. Стронин, Д. Турнер, В.В. Хрипко и др.

Рассмотрим дефиниции термина. Ролевая игра, по мнению Г.А. Китайгородской, является «ключевым элементом учебного процесса» [8]. По мнению исследователя, именно ролевые игры позволяют наилучшим образом реализовать принципы воспитывающего обучения. В свою очередь, Н.К. Ахметов полагает, что «ролевые игры играют важную роль в формировании у обучающихся самостоятельности при выполнении учебных заданий, а также служат мощным инструментом для их интеллектуального развития» [1, с. 66].

М.Ф. Стронин рассматривает игру как «...вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением» [12, с. 3]. Известные методисты Е.И. Пассов и М.Н. Скаткин высказывают мнение, что «игра – это форма, содержанием которой должно быть учение, овладение видами речевой деятельности» [11].

Согласно определению Н.И.Гез, ролевая игра при обучении иностранному языку служит «моделью взаимодействия партнеров по общению в обстановке имитационных условий будущей профессиональной деятельности, в ходе реализации которой участники игры развивают и совершенствуют профессионально-ориентированные умения» [2, с. 21].

И.А. Зимняя характеризует исследуемое понятие как «прием организации ролевого общения, игровых ситуаций, непосредственно направленный на приведение в действие механизмов мотивации и тем самым на повышение эффективности обучения иноязычному говорению» [6, с. 98].

Ролевая игра в методическом аспекте представляет собой особый подход к обучению, который сочетает в себе компоненты учебной и профессиональной деятельности. Так, Д. Турнер определяет ролевую игру как «специфический методический принцип обучения, подчеркивая её значимость в организации учебного процесса» [13, с.35]. С другой стороны, И.В. Драгомирецкий, называя её «ситуационно-имитационной игрой, выделяет данный феномен как эффективное средство формирования профессиональных навыков, в частности речевого общения на иностранном языке» [4]. По мнению известного российского лингвиста, методиста и педагога Р.П. Мильруд ролевая игра – «методический прием, относящийся к группе активных способов обучения практическому владению иностранным языком» [10, с. 8].

Рассмотрим детально функции ролевых игр профессиональной направленности. А.В. Конышева выделяет следующие:

- 1) мотивационно-побудительная. Как известно, процесс порождения любого действия, а тем более речевого высказывания, начинается с мотивационно-побудительного уровня. Именно мотив является той внутренней силой, которая запускает и направляет активность человека. В контексте ролевых игр профессиональной направленности, данная функция играет ключевую роль, создавая условия для осознанного и целенаправленного участия обучающихся, побуждая их к активному взаимодействию и проявлению профессиональных качеств. Содержательная часть указанной функции предполагает наличие целого комплекса взаимосвязанных элементов, которые в совокупности формируют мощный стимул к деятельности:
 - наличие цели;
 - установки-инструкции;
 - правила игры;
 - обязанности игроков.
- 2) информационно-обучающая. В контексте профессиональной подготовки ролевые игры выступают как действенный инструмент передачи и усвоения знаний, формирования умений и навыков. Указанная функция реализуется через несколько ключевых аспектов:
 - актуализация и систематизация знаний (в ходе игры участники получают необходимую информацию, которая затем реализуется на практике);
 - отработка профессиональных навыков (выполнение действий, характерных для конкретной профессии);
 - развитие коммуникативных умений (обучение эффективному взаимодействию в команде, ведению диалога, аргументации);
- 3) воспитательная. Данная функция заключается в воспитании таких качеств, как чувство взаимопомощи и поддержки, умение отстаивать собственную точку зрения, проявлять инициативу, находить оптимальное решение в предложенных обстоятельствах;
- 4) коммуникативная. Она основывается на создании атмосферы иноязычного общения, объединения коллектива обучающихся, установления новых эмоционально-коммуникативных отношений, основанных на взаимодействии на иностранном языке [9, с.52].

Общими характеристиками ролевых игр являются: наличие правил и вариативность, творческий и активный характер деятельности, эмоциональность, дух соперничества и коллективизма, удовольствие от процесса.

Отметим, что ролевая игра служит мощным дидактическим средством в потенциале преподавателя, по-

звляющим обучающимся не только практиковать языковые навыки в безопасной и увлекательной среде, но и развивать уверенность в себе, спонтанность и умение применять язык в реальных жизненных ситуациях. Однако, чтобы ролевая игра принесла максимальную пользу, она должна быть тщательно спланирована и соответствовать определённым требованиям. Далее остановимся на ключевых аспектах, которые необходимо учитывать при подготовке и проведении ролевых игр.

1. Реалистичность и актуальность предмета обсуждения. Для того чтобы обучающиеся могли полностью погрузиться в роль и почувствовать себя уверенно, сценарий должен быть максимально приближен к обстоятельствам, соответствующим действительности и релевантным контекстам. Кроме того, реалистичность концепции позволяет участникам не просто воспроизводить заученные фразы, а генерировать собственные идеи, адаптироваться к меняющимся ситуациям, и принимать решения, что является ключевым компонентом для развития коммуникативных навыков.
2. Определение конкретных ролей и задач. Каждый участник ролевой игры должен отчетливо понимать свою функцию и обозначенные вопросы. В.В. Хрипко считает, что «назначение на роль и установление правил (обязанностей) – сильный фактор организации обучения в игре. С этого момента игроки начинают активно действовать» [14, с. 58]. Также важным аспектом является самостоятельность участников игры, которые вырабатывают стратегию и тактику поведения в зависимости от правил игры, делают выбор и принимают решения.
3. Создание психологически комфортной формы. Обучающиеся должны получать удовольствие от самого процесса игровой деятельности, быть заинтересованы в нем. При такой форме обучения легче преодолеваются языковые трудности и психологические барьеры, развивается высокая интенсивность творческой деятельности и интеллектуальной работы, создается атмосфера самостоятельности и сотрудничества. При этом теоретические знания сочетаются с профессиональным применением, что способствует выработке практических умений.
4. Подготовка и инструктаж. Успех ролевой игры во многом зависит от тщательной подготовки и подробного объяснения. Деятельность преподавателя является необходимым структурным компонентом игровой познавательной активности. Она включает в себя:
 - мысленное проектирование и прогнозирование учебно-познавательной ролевой деятельности обучающихся;
 - отбор учебного материала для игровой ситуации, постановку целей и реализацию задач, а также оснащение «игрового поля»;

- отработку и активизацию лексических единиц, закрепление грамматических структур, развитие коммуникативных функций;
- создание игровой ситуации, в которой обучающийся играет активную роль в обучении, а преподаватель направляет, подсказывает, помогает («субъект-субъектные» отношения).

Добавим, что одним из наиболее дискуссионных в современной педагогике стоит вопрос о месте и времени применения ролевой игры в учебном процессе. Несмотря на общепризнанную эффективность данного метода в развитии коммуникативных навыков, критического мышления и личностных качеств обучающихся, мнения ведущих специалистов расходятся относительно оптимального этапа ее внедрения.

Большинство исследователей, таких как Ю.К. Бабанский, Н.И. Гез, Р.С. Аппатова Р.С. и другие, склоняются к тому, что ролевые игры наиболее целесообразно проводить на заключительном этапе работы над темой. Основным аргументом в пользу этой позиции является тот факт, что не все обучающиеся способны к свободной импровизации и эффективному участию в ролевой игре без предварительной подготовки. Для успешного овладения ролью и продуктивного взаимодействия необходимо обладать определенным лексическим пластом, грамматическими структурами, языковыми умениями и навыками.

Данную точку зрения поддерживает К.Б. Есипович, который утверждает, что «целенаправленное и систематическое внедрение ролевых игр именно на завершающем этапе работы над определённой тематикой обеспечивает личностную значимость изучаемого материала» [5, с.79]. Кроме того, обучающиеся, освоив основные концепции и терминологию, могут реализовать полученные знания практически.

Однако стоит отметить, что существуют и иные точки зрения, которые подчеркивают потенциал ролевой игры как инструмента, способного не только закреплять, но и активно формировать знания и навыки на более ранних этапах обучения. Например, некоторые педагоги считают, что введение элементов ролевой игры уже в начале изучения темы может служить мощным стимулом для вовлечения обучающихся, пробуждая их интерес к предстоящему материалу. Такой подход может быть особенно эффективен в изучении иностранных языков, где важны функциональное применение и развитие навыков решения проблем. Некоторые исследователи полагают, что ролевая игра может быть интегрирована в учебный процесс не только как отдельный этап, но и как сквозной элемент, пронизывающий все стадии работы над темой. Это может проявляться в различных формах: от простых упражнений на отработку отдельных реплик

до более сложных сценариев, которые развиваются по мере изучения материала. Такой подход позволяет поддерживать постоянный интерес к теме, демонстрируя ее многогранность и практическую значимость.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что ролевая игра является эффективным методом формирования профессионально-коммуникативной компетенции на разных этапах обучения.

На **начальном этапе** (1 курс обучения, дисциплина «Иностранный язык») применение ролевых игр в значительной степени нацелено на формирование основных компетенций, обеспечивающих иноязычную коммуникацию в рамках общеразговорных тем учебной программы. В данном случае ролевые игры выступают как действенный инструмент для:

- преодоления языкового барьера и развития беглости речи: обучающимся необходимо активно использовать изучаемый язык, что способствует автоматизации речевых навыков и снижению психологического дискомфорта при говорении;
- расширения словарного запаса и закрепления грамматических структур: ролевые игры создают естественный контекст для введения и отработки нового лексико-грамматического материала, делая процесс запоминания более эффективным и осмысленным;
- развития навыков аудирования и понимания речи на слух: взаимодействуя с участниками игры, обучающиеся осваивают восприятие и интерпретирование иноязычной речи в режиме реального времени;
- формирования социокультурной компетенции: ролевые игры часто включают компоненты культурного контекста, позволяя обучающимся познакомиться с нормами поведения, этикетом и особенностями общения в иноязычной среде.

Приведем пример применения ролевой игры на начальном этапе обучения. Данная ролевая игра называется «Военные союзы НАТО и ОДКБ» (Military Alliances NATO and CSTO) и проводится в рамках изучения темы «Международное сотрудничество» (International Cooperation) на 1 курсе обучения.

Участники:

1. 1-я группа и ее лидер (НАТО)
2. 2-я группа и ее лидер (ОДКБ)

Концепция игры состоит в том, что, изучив информацию, предлагаемую в различных упражнениях и источниках, участники групп выступают с сообщениями о НАТО и ОДКБ.

Цели ролевой игры:

- изучение, систематизация и обобщение информации по теме «Военные союзы НАТО и ОДКБ»;
- расширение лексического минимума по данной тематике и тренировка необходимых устно-речевых клише и грамматических структур;
- реализация коммуникативного подхода через отработку различных видов речевой деятельности (аудирования, чтения и устной речи);
- воспитание чувства патриотизма к своей стране и уважения к другим странам через информацию о военных союзах.

На подготовительном этапе задачи преподавателя состоят в подготовке сценария и плана проведения ролевой игры, а также в подборе и подготовке необходимых материалов (тексты, видео, картинки, упражнения). В процессе проведения ролевой игры на занятии преподаватель распределяет роли, снабжает участников раздаточным материалом, следит за ходом игры, помогает преодолевать языковые трудности, подсказывает идеи, исправляет ошибки. После завершения ролевой игры преподаватель обобщает изложенные курсантами сообщения, делая вывод о том, что военные союзы в современном мире являются необходимым условием безопасности. Преподаватель подводит итог занятия, разбирает ошибки, указывает на то, что получилось или не получилось, были ли достигнуты все поставленные задачи и насколько эффективным был опыт проведения ролевой игры.

Сценарий ролевой игры:

После объяснения преподавателем целей и задач ролевой игры «Военные союзы НАТО и ОДКБ» каждый из участников получает карточки с заданиями и ключевой лексикой для использования ее в речи.

Group leaders: you're a group leader responsible for the talk and keeping it going. Introduce the topic for discussion. Give the floor to each speaker and organize the exchange of opinions on disputable issues.

Words to use:

I would like to introduce ... - Я бы хотел представить ...

Let me give the floor to the next speaker / reporter. – Позвольте предоставить слово следующему докладчику.

Can you give your opinion on ...? – Вы можете высказать свое мнение о ...?

Actual issues for discussion – актуальные для обсуждения вопросы

Global security and international peace – глобальная безопасность и мир во всем мире

Challenge – вызов, угроза

Perspectives for cooperation – перспективы для сотрудничества.

Group 1: your report is on such international organization as CSTO. Speak on its history, aims, membership, headquarters. Give your opinion on its role nowadays.

Words to use:

My report deals with ... - Мое сообщение о ...

As you know ... - Как вы знаете ...

I can also say that ... - Я также могу сказать, что ...

As for ... - Что касается ...

From my point of view ... - С моей точки зрения ...

Stated aim – заявленная цель

To guarantee collective security – гарантировать коллективную безопасность

Strengthening peace – укрепление мира

To work closely with ... – тесно работать с ...

To conduct joint military exercises – проводить совместные военные учения

To protect borders – защищать границы

To veto the establishment of a new military base – накладывать вето на создание новой военной базы.

Group 2: your report is on NATO as a military alliance. Speak on its history, purpose, membership and present day activities.

Let me introduce my theme ... – Позвольте мне представить мою тему ...

First of all, I'm going to say ... - Прежде всего, я собираюсь сказать ...

I'd like to stress that ... - Я хотел бы обратить внимание на то, что ...

As compared to ... - По сравнению с ...

Military political alliance – военно-политический союз

To involve new countries – вовлекать новые страны

To increase military potential – усиливать военный потенциал

To be a threat to national interests – быть угрозой национальным интересам

To differ in status, membership and goals – отличаться по статусу, членству и целям.

Методика проведения ролевой игры.

1. Данная ролевая игра предполагает владение определенной лексикой по теме, знание которой следует освежить при выполнении лексических упражнений, например, на составление словосочетаний с ключевыми словами:

to sign a treaty, to found an alliance, to protect security, to promote peace, to join an organization, to counter threats, to safeguard freedom, to prevent war; former republic,

current members, armed forces, main purpose, political allies, collective security.

2. Далее участникам игры предлагается выполнить задания на повторение грамматического материала, необходимого для дальнейшего построения монологического высказывания о военных союзах. Одной из тем, которым следует уделить внимание, является использование глагола *to be* в разных временах. Например:

1) *NATO (is) a military political alliance.*

2) *Originally, there (were) 12 countries in NATO.*

3) *There (are) 32 current members in NATO.*

4) *The Collective Security Treaty (was) signed in Tashkent in 1992.*

5) *CSTO members (are) 6 former Soviet republics.*

6) *The official language of CSTO (is) Russian.*

Кроме того, следует повторить конструкции Present Simple и Past Simple в страдательном залоге.

1) *NATO (was founded) in 1949.*

2) *The Headquarters of NATO (is located) in Brussels, Belgium.*

3) *New countries (were invited) to join NATO after disintegration of the Soviet Union.*

4) *CSTO (was created) in 1992.*

5) *Six countries (are included) into CSTO.*

6) *The Headquarters (is situated) in Moscow, Russia.*

3. Этап аудирования предполагает просмотр коротких видеороликов о НАТО и ОДКБ и выполнение заданий типа «Согласен / Не согласен» (Agree / Disagree) или «Верно / Неверно» (True / False).

1) *This year CSTO is celebrating its 30th anniversary. (False)*

2) *Finland and Sweden were invited into NATO last year. (False)*

3) *Tension between Russia and NATO is growing because of NATO's expansion to the east. (True)*

4) *Both CSTO and NATO adhere to the principle of collective security. (True)*

5) *NATO is much larger in size than CSTO. (True)*

6) *CSTO has never held joint military exercises. (False)*

4. Перед завершающим этапом, выходом в речь, участникам обеих групп предоставляются тексты о НАТО и ОДКБ. Изучив информацию текстов, участники игры заполняют таблицы фактологическими данными о двух военных союзах, что должно помочь им в составлении высказывания.

Name	CSTO – Collective Security Treaty Organization	NATO – North Atlantic Treaty Organization
Foundation	1992	1949
Membership	6 former Soviet republics	32 North American and European countries
Official languages	Russian	English and French
Headquarters	Moscow, Russia	Brussels, Belgium
Secretary General	Taalatbek Masadykov	Mark Rutte
Main purpose	To maintain security on collective basis	To safeguard freedom and security of its members

5. Завершающим этапом ролевой игры должны стать сообщения каждой группы о двух военных союзах. Лидер группы выступает ведущим, представляет докладчиков, дает слово каждому участнику группы. Каждый из участников представляет свое мини-сообщение, из которых складывается общее высказывание о НАТО и ОДКБ.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что ролевые игры являются важным и эффективным инструментом на начальном этапе обучения иностранному языку. Они позволяют обучающимся не просто заучивать новые слова и грамматические конструкции, но, развивая навыки спонтанной речи, применять их на практике, учиться говорить и понимать собеседника. Кроме того, ролевые игры помогают справиться с неловкостью, смущением и боязнью ошибок, создавая безопасную и поддерживающую среду для освоения языка.

Средний этап (2 курс обучения, дисциплина «Иностранный язык») предполагает углубление и расширение коммуникативных стратегий, развитие критического мышления и умения решать проблемы в иноязычной среде. В данном цикле ролевые игры становятся более сложными и многогранными. Здесь акцент смещается на:

- развитие навыков аргументации и убеждения: обучающиеся учатся отстаивать свою точку зрения, приводить доводы, вести дискуссии;
- формирование навыков ведения переговоров и поиска компромиссов: ролевые игры моделируют ситуации, требующие совместного принятия решений, что развивает умение слушать и договариваться;
- совершенствование навыков презентации и публичных выступлений: обучающиеся могут выступать в качестве докладчиков, ведущих, участников конференций;
- развитие навыков работы в команде: многие ролевые игры предполагают групповое взаимодействие, что способствует формированию навыков сотрудничества.

Для иллюстрации вышесказанного представим ролевую игру «Russia and China demonstrate strong Military Cooperation» (Россия и Китай привержены укреплению сотрудничества в военной сфере) в контексте изучения темы «Military Aviation» («Военная авиация»). Данная ролевая игра проводится в рамках Международного военно-технического форума «Армия», на площадке Выставочного центра «Патриот» на военном аэродроме «Кубинка».

Участники:

1. Ведущий: представитель организационного комитета форума.
2. Представители Вооруженных сил Китайской Народной Республики (КНР).
3. Представители Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ).

Цель ролевой игры:

- имитация реальных переговоров между военными представителями России и Китая по вопросам углубления военно-технического сотрудничества и стратегического партнёрства;
- отработка навыков работы с двусторонним переводом и понимание его роли в международных переговорах;
- расширение словарного запаса в области военной терминологии.

Задача преподавателя заключается в:

- 1) подготовке сценария ролевой игры, включающего вводную информацию, основные темы для обсуждения;
- 2) распределении ролей между обучающимися, обеспечивая их предварительную подготовку к исполнению своих функций (изучение позиций стран, подготовка аргументов);
- 3) ознакомлении обучающихся с новыми ключевыми лексическими единицами;
- 4) модерации хода переговоров, направляя дискуссию в нужное русло, стимулируя активное участие всех сторон;
- 5) предоставлении обратной связи по итогам ролевой игры, анализируя сильные и слабые стороны выступлений участников, качество аргументации и эффективность коммуникации;
- 6) подведении итогов и обобщении достигнутых «договоренностей» и их потенциального влияния на «реальную» геополитическую ситуацию. Также обсуждается, насколько успешно были достигнуты цели игры, и какие уроки можно извлечь из полученного опыта.

Поскольку данная ролевая игра проводится в форме переговоров с применением двустороннего перевода, необходимо ознакомить обучающихся с новыми ключе-

выми лексическими единицами:

military training ground – военный полигон
wingspan – размах крыла
прорыв – *breakthrough*
система целеуказания – *target designation system*
достоинство – *dignity*
to exchange experience – обмениваться опытом
to cooperate – сотрудничать
продуктивное сотрудничество – *productive cooperation*
сопровождать – *track*
преодолеть – *overcome*
системы ПВО – *air defense system*
внедрение – *implementation*
ускорять – *accelerate*
соответствовать вызовам – *meet the challenges*
укреплять стратегический потенциал – *strengthen strategic potential*

Кроме того, целесообразно отработать грамматические модели, на основе которых обучающиеся будут высказывать свои высказывания.

Its max. speed is ... It has a max. speed of ...
Its max. takeoff weight is ...

Глагольные фразы:

to be designed for/to
to be equipped with
to be armed with
to be capable of

Затем вступительное слово предоставляется ведущему, который представляет участников переговоров двух держав и излагает в краткой форме о самом международном военно-техническом форуме, задачах и его перспективах

Welcome the representatives of Chinese Armed Forces and representatives of Russian Defense Ministry at International Military-Forum "Army" which is hold in Exhibition Center "Patriot" and at military airfield "Kubinka" and Alabino military training ground organized by the Ministry of Defense of the Russian Federation.

The forum is the world's leading exhibition of weapons and military equipment and is also a prestigious platform for presenting advanced ideas and technological developments. As for the purposes of this forum, International Military-Forum "Army" has unique opportunities to hold effective conversations, exchange experience and cooperate with foreign specialists in military and technical field.

Процесс переговоров.

КНР: Не могли бы вы представить новейшие образцы истребителей?

МО РФ: Модернизированный двухместный многоце-

левой истребитель Су-30СМ2.

КНР: Какие тактико-технические характеристики у данного типа самолета?

МО РФ: *Its length is ... It has a length of ...*

Its wingspan is ...

Its combat radius is ...

It can carry 8 tons. bombload

It has 2 men-crew.

КНР: Какова дальность обнаружения цели «Ирбисом»?

МО РФ: До 400 км, с сопровождением до 30 целей.

КНР: Какими ракетами вооружен данный тип?

МО РФ: Интеграция гиперзвуковой ракеты Х-32 стала революционным прорывом в российской авиации. Она имеет дальность порядка 1000 км. и способна развивать скорость до 5,4 тыс. км. в час.

КНР: Безусловно, модернизация Су-30СМ2 позволит существенно повысить боевой потенциал машины.

МО РФ: Модернизированный истребитель-бомбардировщик Су-34 М.

КНР: Для чего и как именно был модифицирован данный тип самолета?

МО РФ: Су-34М оснащен современным навигационным оборудованием, системой целеуказания и средствами радиоэлектронной борьбы, способен выполнять задачи как штурмовик. Главным достоинством обновленного самолета является способность преодолеть все существующие системы ПВО.

КНР: Спасибо. Действительно, надо признать Су-34 М уникальной техникой. Не могли бы вы представить новые образцы вооружения СУ-57?

МО РФ: Су-57 - перспективный авиационный комплекс пятого поколения с применением технологий малозаметности, предназначен для уничтожения воздушных, наземных и надводных целей с применением систем ПВО. Особенность Су-57 в том, что он несет новые типы вооружения с новыми характеристиками и принципами наведения. Новая ракета РВВ-МД2 малой дальности для ближнего воздушного боя разработана для Су-57.

КНР: Позвольте задать еще один вопрос. Какими вы видите перспективы внедрения искусственного интеллекта применительно к военной авиации?

МО РФ: Отдельные элементы искусственного интеллекта уже реализованы в Су-57.

КНР: Концепция данного типа самолета впечатляет. Спасибо.

МО РФ: Как известно, ваша страна ускоряет модер-

низацию вооружения для своих ВВС, включая истребители пятого поколения J-20.

КНР: Совершенно верно. Цель – соответствовать изменяющимся вызовам, укрепляя стратегический ударный потенциал ВВС Китая. Китай – единственная авиационная держава, которая проводит параллельно разработку и тяжелого (J-20), и легкого (J-31) истребителя пятого поколения.

Ведущий: Хотелось бы поблагодарить всех участников. Надеемся на дальнейшее продуктивное сотрудничество в военной сфере.

На основе вышеизложенного следует сделать вывод о том, что ролевые игры на среднем этапе обучения иностранному языку служат бесценным инструментом для развития коммуникативных навыков. Они позволяют обучающимся выйти за рамки учебного пособия, применить свои знания в динамичной, приближенной к реальности ситуации, развить критическое мышление, навыки аргументации, ведения переговоров и работы в команде. Подобный подход не только делает процесс обучения более увлекательным и мотивирующим, но и готовит обучающихся к успешной коммуникации в реальных профессиональных и межкультурных контекстах.

Завершающий этап (3 курс, дисциплина «Авиационный английский язык») ориентирован на профессиональную специализацию и решение сложных задач. О.А. Калашникова подчеркивает, что «ролевые игры этого этапа отличаются узкопрофессиональной направленностью, связанной с военно-авиационной специальностью обучающихся, и могут классифицироваться как профильные. На основе метода коммуникативного моделирования в профильных играх воссоздаются реальные или потенциальные ситуации деятельности военного летчика, в которых иностранный язык является средством решения профессиональных задач» [7, с. 47].

На этом этапе ролевые игры служат для:

- овладения профессиональной лексикой и терминологией: обучающиеся погружаются в языковую среду своей будущей специальности, осваивая специфическую терминологию;
- совершенствования коммуникативных навыков в интерактивной форме;
- формирования уверенности в себе при выполнении профессиональных задач на иностранном языке.

Рассмотрим ролевую игру в рамках данной дисциплины по теме «Pilot Career Path: civilian or military» («Профессиональный путь летчика: гражданская или военная авиация»).

Целью ролевой игры является моделирование про-

цесса принятия решения о выборе карьерного пути в авиации, а также углубленное изучение особенностей и перспектив каждого из направлений.

Основные компоненты предлагаемого сценария:

- 1) информационный: предоставить участникам исчерпывающую информацию о требованиях, обязанностях, преимуществах и недостатках как гражданской, так и военной авиации;
- 2) аналитический: развить навыки анализа информации, сравнения различных вариантов и оценки рисков;
- 3) принятие решений: имитировать процесс принятия ответственного карьерного решения в условиях неопределенности и различных внешних факторов;
- 4) коммуникационный: способствовать развитию навыков аргументации, убеждения и ведения переговоров.

Методика проведения ролевой игры.

Участники делятся на несколько групп, каждая из которых представляет собой определенную роль.

1. Кандидаты в летчики: молодые люди (или обучающиеся), стоящие на пороге выбора своей будущей профессии, имеющие разный уровень знаний об авиации, отличительные личные мотивации.
2. Представители гражданской авиации: рекрутеры авиакомпаний, сотрудники летных школ гражданской авиации, опытные гражданские пилоты. Их задача заключается в привлечении кандидатов, демонстрации преимуществ работы в гражданской авиации (стабильность, путешествия, комфорт, возможность семейной жизни).
3. Представители военной авиации: офицеры из различных родов войск (ВВС, ВМФ, Армейская авиация), опытные военные летчики, задача которых состоит в привлечении кандидатов, акцентируя их внимание на престиже, патриотизме, уникальных навыках, а также на возможностях карьерного роста и социальной защищенности.

Ход игры:

Игра проходит в несколько этапов.

1. Подготовительный этап: каждая группа получает вводную информацию о своей роли, основных аргументах и задачах.
2. Этап презентаций: сотрудники гражданской и военной авиации проводят презентации, рассказывая о своих предложениях, условиях труда, перспективах и требованиях.
3. Этап индивидуальных консультаций и переговоров: кандидаты имеют возможность задавать вопросы участникам обеих сторон, обсуждать свои

опасения и ожидания. Представители авиации пытаются убедить кандидатов в преимуществах своего направления.

4. Этап принятия решения: кандидаты, после всех обсуждений и консультаций, должны принять решение о том, какое направление они выбирают для дальнейшего обучения и карьеры.
5. Этап рефлексии и обсуждения: после завершения игры все участники собираются для обсуждения своих впечатлений, анализа принятых решений, выявления сильных и слабых сторон каждого направления и игры в целом.

Отметим, что в ходе ролевой игры были выявлены ключевые факторы, оказывающие наибольшее влияние на выбор кандидатов:

- 1) личные ценности и мотивация: патриотизм и служение Родине;
- 2) стремление к стабильности: некоторые обучающиеся склонялись к выбору гражданской авиации;
- 3) требования к здоровью и физической подготовке: более строгие и специфические для военной авиации;
- 4) продолжительность обучения и его стоимость: гражданская авиация могла предложить более гибкие варианты обучения, в то время как военная подразумевала обязательную военную службу после обучения;
- 5) перспективы карьерного роста: в военной авиации карьерный рост более структурирован и связан с воинскими званиями, в гражданской – с налетом часов, типами самолётов и должностями в авиакомпании.

Следует сказать о преимуществах и недостатках данных направлений.

В гражданской авиации преимуществами являются стабильность, перспективы для путешествия, более предсказуемый график (в зависимости от типа рейсов), широкий выбор авиакомпаний и направлений, возможность перехода между компаниями. Недостатки: высокая конкуренция, необходимость постоянного повышения квалификации, возможные задержки рейсов и стрессовые ситуации, зависимость от экономической ситуации в стране и мире.

При рассмотрении профессии военного летчика были выявлены такие преимущества как престиж, чувство долга и служения Родине, отличная социальная защищенность (жилье, медицинское обслуживание, пенсия), способность управлять уникальной техникой, интенсивная подготовка и развитие навыков, возможность карьерного роста в структуре вооруженных сил. Говоря о недостатках, участники отметили строгую дис-

циплину и необходимость подчинения, высокий уровень риска, длительные командировки, более жесткие требования к здоровью и физической форме.

Как видно из представленного анализа практического материала, ролевая игра позволила участникам погрузиться в реальные ситуации, столкнуться с дилеммами и проанализировать различные факторы, влияющие на выбор профессии летчика. Она способствовала не только получению глубоких знаний о специфике каждой из сфер авиации, но и развитию критического мышления, навыков коммуникации и принятия решений в условиях неопределенности. В процессе игры были обозначены ключевые аспекты, которые необходимо учитывать при выборе профессионального пути, а также продемонстрирована важность комплексного подхода к планированию карьеры. Кроме того, игра послужила формированию уважения к различным точкам зрения и пониманию того, что каждый выбор несет свои уникальные вызовы и возможности. Участники пришли к выводу о том, что успешная карьера летчика требует не только технических знаний и навыков, но и личной зрелости, ответственности и готовности к постоянному развитию. Практическая значимость ролевой игры заключается в том, что она помогает будущим специалистам авиационной отрасли более осознанно подходить к выбору своего профессионального пути, учитывая не только внешние факторы, но и внутренние мотивации. Это особенно важно в условиях быстро меняющегося мира, где гибкость и адаптивность становятся ключевыми качествами.

В заключение отметим, что в контексте педагогической практики, ролевая игра представляет собой интерактивную методику, где участники моделируют социальные взаимодействия, принимая на себя заданные роли в симулированных сценариях. Данный подход способствует приближению речевой деятельности на занятии к реальной коммуникации, тем самым значительно повышая внутреннюю мотивацию к освоению иностранного языка. В процессе ролевой игры обучающиеся осваивают ключевые компоненты дискурсивного взаимодействия, включая инициацию диалога, поддержание беседы, тактичное прерывание собеседника, формулирование уточняющих запросов, а также выражение согласия или конструктивного несогласия с высказанной точкой зрения. Помимо развития прагматических навыков, ролевые игры стимулируют когнитивное осмысление изучаемого языка, культивируют самостоятельность, инициативность, а также укрепляют навыки командной работы. Таким образом, благодаря совокупности вышеуказанных преимуществ, ролевая игра, несомненно, является эффективным инструментом для имплементации коммуникативного подхода в методике преподавания иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметов Н.К. Технология создания учебных игр / НК. Ахметов, А.Р. Нурахметова // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 6. – С. 65–69.
2. Гез Н.И. Психология упражнений в организации обучения аудированию // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 6. – С.20-23.
3. Данелян Г.В. Виды интерактивных заданий и возможности их использования при обучении иностранному языку // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 20–21 июня 2024 года. – Краснодар: Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова, 2024. – С. 77–87.
4. Драгомирецкий И.В. Ситуативно-имитационные игры в обучении английскому языку в морских учебных заведениях: автореф. дис. ... канд. пед. наук – М., 1988. – 16 с.
5. Есипович К.Б. Управление познавательной деятельностью учащихся при изучении иностранных языков в средней школе / К.Б. Есипович. – М.: Просвещение, 1988. – 190 с.
6. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
7. Калашникова О.А. Ролевое обучение как способ формирования профессионально-коммуникативной компетенции курсантов на иностранном языке // Современная наука: проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2026. – № 1–2. – С. 43–48.
8. Китайгородская Г.А. Система интенсивного краткосрочного обучения иностранным языкам: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1987. – 32 с.
9. Конышева А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку. – СПб.: КАРО, 2008. – 192 с.
10. Мильруд Р.П. Компетентность в изучении языка // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 7 – С. 30–36.
11. Пассов Е.И. Урок иностранного языка. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 640 с.
12. Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроках английского языка. – М.: Просвещение, 1994. – 112 с.
13. Турнер Д. Ролевые игры. Эффективный тренинг: практическое руководство. – СПб.: Питер, 2002. – 352 с.
14. Хрипко В.В. Игра – важное средство совершенствования военного обучения // Военная мысль. – 1988. – № 10. – С. 58.

© Копрева Лариса Геннадиевна (successalways42@mail.ru), Данелян Гаянэ Варленовна (gayde_dan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

HUMANITARIAN DISCIPLINES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AS A BASIS FOR PROFESSIONAL TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

**O. Kotelnikova
A. Bessonova**

Summary: The article focuses on the importance of humanization and humanitarization of Russian education. Various approaches to understanding a humane personality are presented. It is emphasized that the purpose of humanizing higher education is to create conditions for the formation of a holistic personality whose worldview is manifested through humanity, compassion, and respect for other people. The article reveals the features of humanitarization of the learning process in educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The importance of humanitarian disciplines in the training of future specialists is substantiated, the study of which is aimed at the formation of not only professional competencies, but also contributes to the harmonious development of the moral qualities of the personality of law enforcement officers. The role of studying both general humanitarian disciplines (history, philosophy, psychology, etc.) and specialized ones (legal psychology, interaction of a police officer with people with disabilities in the social and professional spheres, prevention of professional burnout of law enforcement officers, etc.) is argued.

Keywords: humanization, humanitarization, humanitarian disciplines, humanistic values, personality, worldview, education, law enforcement officers.

Котельникова Оксана Александровна

Кандидат юридических наук, доцент, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И.Ф. Шилова, г. Владивосток
2672021@mail.ru

Бессонова Анна Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И.Ф. Шилова, г. Владивосток
bessonova_av@inbox.ru

Аннотация: В статье акцентируется внимание на значимости гуманизации и гуманитаризации отечественного образования. Представляются различные подходы к пониманию гуманной личности. Подчеркивается, что целью гуманизации высшего образования является создание условий для формирования целостной личности с ее мировоззрением, проявляющимся через человеколюбие, сострадание и уважение к другим людям. Раскрываются особенности гуманитаризации процесса обучения в образовательных организациях высшего образования МВД России. Обосновывается важность гуманитарных дисциплин в подготовке будущих специалистов, изучение которых нацелено на формирование не только профессиональных компетенций, но и способствует гармоничному развитию нравственных качеств личности сотрудников органов внутренних дел. Приводится аргументация роли изучения как общегуманитарных дисциплин (история, философия, психология, социология и др.), так и специализированных (юридическая психология, взаимодействие сотрудника полиции с лицами с ограниченными возможностями здоровья в социальной и профессиональной сферах, профилактика профессионального выгорания сотрудников органов внутренних дел и др.).

Ключевые слова: гуманизация, гуманитаризация, гуманитарные дисциплины, гуманистические ценности, личность, мировоззрение, образование, сотрудники органов внутренних дел.

В настоящее время общество предъявляет особые требования к подготовке высококвалифицированных кадров во всех сферах профессиональной деятельности. Наличие гибкости и критического мышления, способность проявлять творчество, умение решать нестандартные задачи и работать в команде, стремление к личностному развитию – это ключевые навыки современного специалиста.

Предъявляемые критерии оказали значительное влияние на трансформацию современной системы оте-

чественного образования. Ведущей идеей такой модернизации является поворот педагогической деятельности к личности как к предмету, целью которой является – ее формирование [1].

Такой подход требует акцентуации внимания на рассмотрении вопроса о необходимости применении в учебном процессе интеграции гуманистических ценностей, педагогики и психологии.

Консолидация данных элементов в обучении в пер-

вую очередь проявляется через гуманизацию и гуманитаризацию образования. Несмотря на их различие по содержанию, они тесно взаимосвязаны между собой единой концепцией, так как направлены на создание человекоцентричной и культуросцентричной обучающей среды. Гуманизация (цель) напрямую связана с созданием определенных условий, способствующих формированию гуманного человека с целостным мировоззрением. Актуализация личностно-ориентированной модели образования выступает главным педагогическим условием в которой человек является высшей ценностью [2].

Идея личности, пути и способы ее формирования всегда привлекала и привлекает ученых разных областей. Личность – многоплановая, многоуровневая, многокачественная социальная сущность, сфера которой представляет точку пересечения социального и интеллектуального развития, самореализации, научения, саморазвития и самосовершенствования.

В изучении личности исследователи стараются соединить все признаки, стремясь понять человека как интегрированное целое, совокупность внутренних свойств, разума, души и характера поведения. Субъективно для индивидуума, личность выступает «как система представлений о себе, конструируемая индивидом в процессах деятельности и общения...», обнаруживая себя в самооценках, чувстве самоуважения, уровне притязаний» [3, С. 166]. Она должна иметь твердые принципы, а к ним относили всегда моральные и гражданские качества человека – порядочность, честность, совесть, уважение к закону, порядку, справедливости [4, С. 350].

Человеческая сущность представляет собой нечто уникальное, а ее существование никогда не может быть бессмысленной [3, С. 156]. Она рассматривается с позиции жизненных целей и ценностей, перспектив, планов, в понимании ее отношения к миру, готовности к деятельности, самореализации, профессиональному самоопределению [6, С. 106], [7, С. 206], [8, С. 205].

Следовательно, целью гуманитарного образования является не только формирование профессиональных компетенций, но и развитие гуманистических ценностей. Способность к индивидуальным креативным решениям, к самообучению, осознанию собственной самооценки, проявлению рефлексии и целеполаганию в жизни и в личностной сфере – сущность такого образования [9].

Гуманитаризация (средство) предполагает эволюцию образования, необходимость проектирования профессиональной и образовательной среды и соответствующего концептуального, теоретического и технологического обеспечения данного процесса. Она направлена на эскалацию роли гуманитарных наук в образовательных программах с целью углубленного формирования

и развития мировоззрения, этических принципов, культурной и исторической компетентности обучающихся, а также сбалансирования подготовки специалистов [10].

Усиление гуманитаризации образования в образовательных организациях высшего образования является одной из основных направлений государственной политики.

В своих выступлениях Президент РФ Владимир Путин акцентировал внимание на том, что важно и необходимо развивать у молодежи критическое мышление, патриотизм и уважение к истории и культуре России, сохранять национальную идентичность в условиях глобализации, противодействовать дегуманизации общества, особенно в эпоху цифровизации и технологического прогресса. Таким образом, подчеркивается значимость гуманитарного образования для формирования гармонично развитой личности и укрепления культурных ценностей общества.

Создание гуманитарной образовательной среды является актуальным направлением в педагогической науке, а также условием, способным обеспечить формирование основ культурно-образовательного и социально-педагогического мышления, развивающего и воспитывающего творческую личность [11].

Одним из ключевых документов, отражающих такие принципы обучения, является Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [12]. В частности, согласно IV Разделу – гуманитаризация образования направлена на формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности. Кроме того, Распоряжением Правительства РФ от 11.09.2024 N 2501-р (ред. от 06.09.2025) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» [13], закреплены положения о необходимости приведения в соответствии с данными идеями все образовательные программы в системе высшего образования.

В рамках реализации указанных положений в 2022–2024 годах были внесены изменения в федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), усиливающие гуманитарный блок, в связи с чем, в учебные планы были включены такие обязательные гуманитарные дисциплины как – «История России» и «Основы российской государственности».

Гуманитаризация образования характерна и для образовательных организаций высшего образования системы МВД России. Безусловно, основное внимание при подготовке сотрудников правоохранительных органов уделяется дисциплинам юридического профиля, однако

неопровержимо, что гуманитарные науки так же имеют особое значение.

Так, для курсантов и слушателей основной частью их будущей практической деятельности является постоянная работа с людьми, а это требует от них особой гуманитарной подготовки. Освоение соответствующих дисциплин способствует гармоничному формированию профессиональных, нравственных качеств личности, развитию гуманитарного стиля мышления, что подразумевает повышение гуманитарной культуры сотрудников органов внутренних дел.

В настоящее время, в учебные планы образовательных организаций высшего образования системы МВД России включены к обязательному изучению не только общегуманитарные дисциплины, такие как – история России, философия, риторика, русский язык, психология, но и специализированные – юридическая психология, взаимодействие сотрудника полиции с лицами с ограниченными возможностями здоровья в социальной и профессиональной сферах, религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму, профилактика профессионального выгорания сотрудников органов внутренних дел и др.

Роль указанных гуманитарных наук неоспорима, и заключается в следующем:

1. Такие дисциплины как – философия и психология способствуют развитию понимания прав человека, принципов справедливости и гуманного отношения к гражданам. Знание основ общей психологии и психологии общения помогает в работе с жертвами преступлений, свидетелями и подозреваемыми, понимать мотивы поведения людей, а также позволяет разрешать возникающие конфликты.
2. Изучение профессиональной этики в деятельности сотрудников органов внутренних дел помогает курсантам и слушателям осознать моральную ответственность за свои действия и необходимость беспрекословного соблюдения норм закона, что служит основой предупреждения злоупотреблений властью и формированию антикоррупционного поведения.
3. Познание истории, социологии и основ российской государственности позволяет обучающимся лучше понимать закономерности трансформации общества и нашего государства. Способствует развитию системы ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, чувства патриотизма и гражданственности, осмыслению особенности исторического пути российского государства как государства-цивилизации и его самобытности.

4. Логика расширяет критическое мышление и навыки анализа, дает возможность правильно оценивать ситуацию и принимать взвешенные решения, помогает устанавливать логический смысл суждений, получать достоверные выводы посредством умозаключений и пользоваться логическими правилами ведения диалога и дискуссии. Данные знания и навыки будут реализованы в практической деятельности, а именно в рамках выявления, раскрытия и расследования преступлений.
5. Дисциплины, связанные с культурой речи (риторика и русский язык в деловой документации), обучают сотрудников эффективно взаимодействовать с населением, коллегами и представителями других силовых структур, грамотно составлять служебные документы. Умение вести диалог – ключевые навыки для работы в правоохранительных органах.
6. Освоение дисциплины история органов внутренних дел, помогает анализировать исторические события, творчески осмысливать опыт, накопленный органами внутренних дел по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка, правильно оценивать современное состояние органов внутренних дел и представлять перспективы их развития.
7. Этнопсихология, а также религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму, формируют основные представления об особенностях проявления и функционирования психики представителей различных этнических групп, способствуют развитию межкультурного и межрелигиозного диалога, веротерпимости и уважительного отношения к религиозным и нерелигиозным убеждениям личности. Кроме того, они нацелены на усвоение знаний о сущности, причинах и формах проявлений экстремизма, развитию умений выявлять их и противодействовать им. Применение полученных навыков в практической деятельности особенно важно в современных условиях межнационального, межконфессионального и религиозного взаимодействия.
8. Изучение дисциплины «Профилактика профессионального выгорания сотрудников органов внутренних дел» позволяет использовать психологические знания в профессиональной деятельности для самоорганизации, саморазвития (в том числе и здоровосбережения) и саморегуляции, что поможет сотрудникам справляться со стрессом и сохранять психологическое равновесие в условиях высокой профессиональной нагрузки.

Для оценки роли и определения места гуманитарных дисциплин в системе юридического образования системы МВД России кафедрой гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России имени

И.Ф. Шилова в 2026 году было проведено исследование на тему «Гуманитарные дисциплины в юридическом образовании». Анкета включала пятнадцать вопросов, два из которых носили открытый (свободный) характер. Опрос проводился среди 82 курсантов и слушателей, изучивших основные дисциплины гуманитарного цикла, из них: 36 человек – 3 курса; 22–4 курса и 24–5 курса.

Анкетирование позволило получить репрезентативные данные по важным аспектам гуманитаризации обучения юристов, среди которых отводилось место индивидуальной оценки значимости гуманитарных дисциплин в формировании не только профессиональных, но и личностных качеств. Результаты исследования показали, что на один из вопросов – «Способствует ли изучение гуманитарных дисциплин развитию личности?»

из 82 опрошиваемых никто не ответил отрицательно, только 8 человек затруднились с ответом, остальные утвердительно ответили «да», что составило 97% от общего числа респондентов.

Таким образом, гуманитаризация образования, в том числе и в образовательных организациях высшего образования системы МВД России, направлена на формирование разносторонне развитых специалистов, способных не только эффективно выполнять служебные обязанности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, но и способствует взаимодействию с обществом на основе гуманистических принципов и идей, становлению личности и развитию ее ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сираева М.Н. О соотношении понятий «гуманизация образования» и «гуманитаризация образования» / М.Н. Сираева // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2022. – Т. 11. – №3. – С. 8–21.
2. Чепеленко К.О. Гуманизация в пространстве непрерывного образования К.О. Чепеленко // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17. – №. 1. – С. 113–116.
3. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко. Под общ. Ред. А.В. Петровского. М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 494 с. (с.166).
4. Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк. – М.: Изд-во: Республика, 1997. – 480 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
6. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. – Киев «Наукова думка», 1988. – 141 с.
7. Фромм Э. Душа человека: Перевод. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
8. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Изд-во: Наука, 1977. – 384 с.
9. Архипова О.В., Захарова М.В., Ильина Ю.Б. Традиции отечественного образования: осмысление идей сквозь призму современности / О.В. Архипова, М.В. Захарова, Ю.Б. Ильина // Концепт. – 2014. – № 11. – С. 1–6.
10. Петрусевич П.Ю. Гуманитаризация как одно из ведущих направлений развития современного образования / П.Ю. Петрусевич // Наука и школа. – 2023. – № 1. – С. 83–91.
11. Синявина Н.В., Слепокуров В.С. О значимости гуманитарного знания на современном этапе / Н.В. Синявина, В.С. Слепокуров // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – №5 (115). – С. 34–40.
12. Об утверждении Основ государственной культурной политики [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 // Система ГАРАНТ: [сайт]. – URL: garant.ru (дата обращения: 20.05.2026).
13. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 N 2501-р (ред. от 06.09.2025) Система ГАРАНТ: [сайт]. – URL: garant.ru (дата обращения: 20.05.2026).

© Котельникова Оксана Александровна (2672021@mail.ru), Бессонова Анна Владимировна (bessonova_av@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РИЗОМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОЕКТИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОРПОРАТИВНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Курганов Дмитрий Владимирович

Аспирант, Московский педагогический
государственный университет
manutius.garamon@gmail.com

A RHIZOMATIC APPROACH TO DESIGNING A CORPORATE UNIVERSITY FACULTY DEVELOPMENT SYSTEM

D. Kurganov

Summary: A corporate university faces a problem that a standardized program cannot solve. Faculty members are both practitioners and experts, with divergent trajectories. A standard approach to professional development reproduces the logic of a blueprint instead of a navigational logic. A rhizomatic approach resolves this contradiction by combining an invariant methodological core with a variable periphery, where each participant builds their own development trajectory. Horizontal connections between participants create an environment for the exchange of tacit knowledge that cannot be formalized within standard programs. Relying on the Dreyfus model allows for the different levels of professional skill of teachers to be considered when designing individual routes. A balance of structure and flexibility becomes the key design principle of the professional development system.

Keywords: rhizomatic approach, corporate university, advanced training, tacit knowledge, multi-positional team, personalization of learning, professional trajectories.

Аннотация: Корпоративный университет сталкивается с проблемой, которую унифицированная программа не решает. Преподаватели здесь выступают одновременно практиками и экспертами с несовпадающими профессиональными траекториями. Стандартный подход к повышению квалификации воспроизводит логику кальки вместо логики навигации. Ризоматический подход позволяет снять это противоречие через сочетание инвариантного методологического ядра и вариативной периферии, где каждый субъект сам выстраивает траекторию развития. Горизонтальные связи между участниками создают среду для обмена неявным знанием, которое не поддается формализации в рамках стандартных программ. Опора на модель Дрейфуса позволяет учитывать разные уровни профессионального мастерства преподавателей при проектировании индивидуальных маршрутов. Баланс структуры и гибкости становится ключевым проектным принципом системы повышения квалификации.

Ключевые слова: ризоматический подход, корпоративный университет, повышение квалификации, неявное знание, полипозиционная команда, персонализация обучения, профессиональные траектории.

Введение

Корпоративный университет существует в условиях нескольких постоянных противоречий. Первое — между заказчиком обучения и образовательным подразделением: не всё, что руководство стремится решить через обучение, действительно решается педагогическими средствами. Второе — внутри самой аудитории: преподаватели корпоративного университета — это профессионалы, достигшие определённого успеха, способные сами обучать других и обладающие ценной экспертизой, которую необходимо уметь извлекать и интегрировать в образовательный процесс. Третье — внутри преподавательского состава: это финансисты, менеджеры, экономисты, психологи — с управленческим опытом и без него, которые часто не имеют педагогического образования, либо, напротив, владеют обучающими теориями, но обладают ограниченным набором практических навыков, актуальных для управленческого контингента. Единая унифицированная программа

повышения квалификации для такой аудитории воспроизводит логику кальки. А.В. Аболмасов с коллегами фиксируют, что большинство российских компаний самостоятельно проходят путь проб и ошибок. Они не полагаются ни методическими наработками, ни опытом проектирования таких систем [1]. Проблема профессиональной подготовки преподавателей корпоративного университета не надуманная. Она прощупывается в каждой попытке выстроить обучение для людей, которые сами умеют учить.

Разнородный состав преподавателей корпоративного университета — с несовпадающими траекториями развития, различным профессиональным бэкграундом и несопоставимым опытом работы в аудитории — требует такой организации системы повышения квалификации, которая способна сбалансировать эту разрозненность, не подавляя её унификацией. Ризоматический подход предлагает иную оптику для проектирования образовательных систем. Концепт ризомы заимствован из фило-

софии Ж. Делёза и Ф. Гваттари, где он противопоставляется древовидной (иерархической) структуре знания. Ризома — это нелинейная, децентрализованная сеть связей, где каждая точка может быть соединена с любой другой. Д.Н. Суховская фиксирует ключевую оппозицию. Древовидная модель знания строится на иерархии, последовательности и централизованной трансляции стандартов. Ризоматическая же модель предполагает горизонтальные сетевые связи, множественность точек входа и персонализированное картографирование профессионального пространства. Ризома не заменяет систему. Она существует рядом с ней [8]. Такое разграничение принципиально для корпоративного контекста, где полный отказ от структуры недопустим по соображениям управляемости и бизнес-логики. Корпорация имеет обязательные метрики обучения, бизнес-цели, которые должны быть достигнуты через систему повышения квалификации. Баланс между структурной определённой и гибкостью достигается через сочетание инвариантного ядра (обязательные стандарты, институциональные требования, измеримые результаты) и вариативной периферии (персонализированные траектории, горизонтальный обмен, рефлексивные практики). В то же время жёсткая иерархия не работает с аудиторией высокой субъектности.

В.Б. Помелов прямо констатирует, что ризоматическое обучение применимо лишь с рядом оговорок и исключительно как дополнение к существующей системе [7]. Такое дополнение способно снять системное противоречие между унификацией и персонализацией. Н.В. Гречушкина уточняет, что ризоматический подход наиболее органичен в междисциплинарных пространствах. Корпоративный университет с его разнородной преподавательской аудиторией и есть такое пространство по определению [2]. Данное утверждение не является метафорой. Речь о структурной характеристике среды.

Продуктивность ризоматической логики для системы повышения квалификации (ПК) обнаруживается в нескольких точках.

• **Картография вместо кальки.** Д.Н. Суховская разграничивает карту и кальку. Карта открыта, обратима, допускает множественные входы и подлежит переконфигурированию. Калька воспроизводит уже заданный маршрут. Образовательная программа ПК преподавателей корпоративного университета должна функционировать как навигационная карта, а не как предписанный маршрут [8]. Эта карта, по О.А. Ильясовой, дополняется структурой, включающей инвариантное ядро и вариативную периферию. Такого рода архитектура концептуально близка к ризоматической логике. Ядро удерживает институциональные стандарты. Периферия позволяет преподавателю самостоятельно выстраивать траекторию развития в соответствии с его актуальными профес-

сиональными запросами [5]. Данный подход не следует отождествлять с хаосом. Напротив, он реализует принцип управляемой множественности.

• **Неявное знание.** Д.Н. Суховская акцентирует, что ризоматическое обучение способствует формированию того знания, которое трудно выразить или извлечь. Преподаватель корпоративного университета носит именно такое знание [8]. Такие профессиональные качества, как педагогическая интуиция, умение чувствовать аудиторию, контекстуальная компетентность, не поддаются формализации. Их сложно операционализировать в рамках стандартных образовательных программ. Ризоматическая среда создаёт условия для проявления и обмена этим знанием через горизонтальные связи между участниками.

• **Рефлексивность.** Г.А. Игнатьева и А.В. Моисеенко определяют рефлексивность как антропотехническое средство персонализации, при котором смысловым центром системы становится не программа, а рефлексивное сознание самого субъекта развития [3]. Такой механизм позволяет ризоматической логике работать в корпоративном контексте без утраты управляемости. Рефлексивность удерживает субъекта в поле профессионального развития.

• **Полипозиционность.** Г.А. Игнатьева и А.В. Моисеенко вводят концепт полипозиционной команды как сетевого ресурса соорганизации профессиональных позиций, отрицающего единый управленческий шаблон [4]. Применительно к корпоративному университету это означает, что преподаватели с разными ролями (эксперт, фасилитатор, наставник, визионер) не конкурируют друг с другом в рамках унифицированного требования. Они образуют продуктивную гетерогенную сеть.

• **Горизонтальный обмен компетенциями** составляет **пятую значимую точку** предлагаемой модели. А.В. Аболмасов и др. описывают механизм «внутреннего рынка компетенций», при котором накопленное экспертное знание преподавателей становится ресурсом горизонтального обмена [1]. Данный механизм операционализируется в формате пространства, где преподаватель выступает одновременно субъектом обучения и источником знания для других. Ризоматический принцип децентрализации и множественных связей здесь работает в полную силу. Система продолжает расти даже при уходе отдельных участников, поскольку знание не сосредоточено в единой точке, а распределено по сети.

Проектирование такой системы требует особого методологического инструментария. О.А. Ильасова предлагает семиэтапный алгоритм проектирования системы внутрикорпоративного обучения. Структура алгоритма выстроена от диагностики профессиональных дефици-

тов к перспективному этапу [6]. Модель приобретения навыков Х. Дрейфуса и С. Дрейфуса дополнительно объясняет, почему унифицированные программы не работают для преподавателей с разным уровнем мастерства. Согласно этой модели, по мере роста профессионализма человек переходит от следования правилам (новичок) к интуитивному принятию решений, основанному на контексте (эксперт). Мастер не мыслит правилами — он действует на основе неявного знания (tacit knowledge). Эксперт не может двигаться по маршруту новичка. Это даёт теоретическую основу под персонализацию траекторий и легитимирует ризоматическую логику: преподаватели корпоративного университета находятся на разных уровнях мастерства (от компетентных практиков до экспертов-интуитов), и система ПК должна учитывать эту гетерогенность.

Н.В. Гречушкина указывает, что роль педагога в ризоматической среде трансформируется. Педагог становится фасилитатором, указывающим «точку входа в профессиональное сообщество». Применительно к методологу корпоративного университета это означает смену позиции. Не разработчик программы, а архитек-

тор образовательной среды [2].

Конфигурация ризоматической системы повышения квалификации преподавателей корпоративного университета представлена на рисунке 1.

Возражения против ризоматического подхода заслуживают внимания. В.Б. Помелов указывает, что отсутствие явной структуры порождает ситуацию, при которой обучающийся хаотично блуждает в пространстве знаний. Есть реальный риск дезориентации, потери фокуса и невыполнения институциональных требований. Однако он снимается при наличии высокой субъектности участников (преподаватели корпоративного университета этим условиям отвечают по определению) и методологического ядра, удерживающего институциональные рамки [7]. Н.В. Гречушкина также фиксирует проблему слабой управляемости и сложности оценивания результатов. В этой точке рефлексивный механизм, описанный Г.А. Игнатьевой и А.В. Моисеенко обретает особую значимость. Он выполняет функцию регуляции [3,4]. Рефлексия есть способ самоорганизации субъекта в условиях неопределённости.

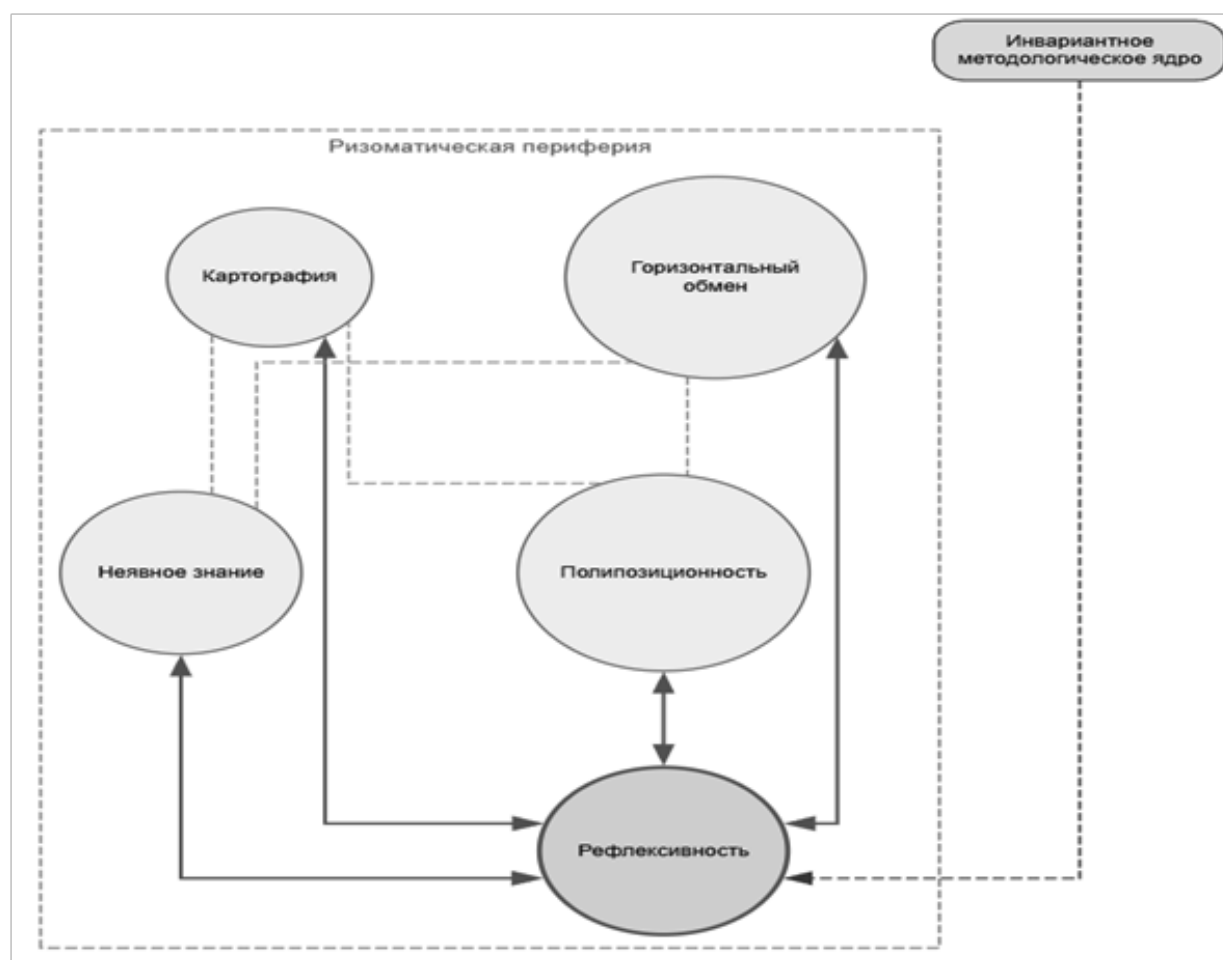


Рис. 1. Конфигурация ризоматической системы повышения квалификации преподавателей корпоративного университета

Есть все основания полагать, что ризоматический подход не претендует на роль универсального решения в системе ПК преподавателей корпоративного университета. Он работает как дополнительный слой. Результаты анализа исследовательских материалов свидетельствуют о наличии устойчивой конфигурации. Сочетание инвариантного методологического ядра, полипозиционной командной среды, рефлексивно-персонализированных траекторий и горизонтального обмена практиками образует жизнеспособную архитектуру системы ПК. В своей совокупности эти элементы формируют архитектуру, которая одновременно реализует ризоматическую логику и соответствует управленческим требованиям корпоративной организации. Проектирование системы ПК преподавателей корпоративного университета предполагает удержание этого баланса как ключевого проектного принципа.

Заключение

Преподаватели корпоративного университета — это гетерогенная группа (эксперты, практики, руководители) с разными траекториями развития, несовпадающими профессиональными бэкграундами и несопоставимым опытом работы в аудитории. Унифицированная программа ПК не срабатывает, так как воспроизводит логику «кальки», а не «навигационной карты».

Предлагаемое решение: ризоматическая система = инвариантное методологическое ядро + вариативная периферия, где:

- горизонтальные связи обеспечивают обмен неявным знанием;
- полипозиционная команда не конкурирует, а координируется;
- рефлексия удерживает субъекта в поле развития;
- картография заменяет предписанный маршрут;

- модель Дрейфуса обосновывает невозможность единого маршрута для разных уровней мастерства.

Ризоматический подход не претендует на роль единственного решения. Он предлагает иную точку сборки для системы ПК преподавателей корпоративного университета. Материал настоящего исследования свидетельствует о том, что напряжение между унификацией и персонализацией не снимается административными мерами. Это напряжение требует архитектурного ответа. Ризоматическая логика такой ответ даёт. Баланс структуры и гибкости достижим. Инвариантное ядро удерживает институциональные требования, периферия открывает пространство для субъектного движения.

Полипозиционная команда преподавателей есть не управленческая метафора, а рабочая конфигурация среды. Горизонтальные связи между участниками создают то, что формальная программа воспроизвести не способна. Неявное знание остаётся наименее освоенной зоной в традиционных системах повышения квалификации. Речь идёт о педагогической интуиции, контекстуальной чувствительности, умении чувствовать и удерживать аудиторию. Профессиональные качества невозможно операционализировать в формате стандартных программ. Освоение происходит через погружение в среду, где практики транслируются неформально. Рефлексия при этом выполняет функцию навигатора. Рефлексия удерживает субъекта в поле профессионального развития даже при отсутствии внешнего предписания. Методолог корпоративного университета в этой логике перестаёт быть разработчиком маршрута. Он становится архитектором среды, в которой преподаватель сам строит траекторию. Риски слабой управляемости снижаются при наличии субъектности участников и методологического ядра. Есть все основания полагать, что именно это сочетание задаёт жизнеспособную конфигурацию системы ПК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболмасов А.В. Системы корпоративного обучения в производственных компаниях России / А.В. Аболмасов, С.А. Смирнов, Т.А. Голубицкая, Р.А. Долженко // Вестник НГУЭУ. — 2024. — № 2. — С. 39–61. — DOI 10.34020/2073–6495-2024-2-039-061. — EDN AAUCXA.
2. Гречушкина Н.В. Педагогика онлайн-курсов: ризоматическое обучение / Н.В. Гречушкина // Проблемы современного образования. — 2020. — № 4. — С. 161–171.
3. Игнатьева Г.А. Рефлексивно-персонализированная модель формирования педагогической позиции наставника по развитию / Г.А. Игнатьева, А.В. Гришина, Э.К. Самарханова, О.В. Тулупова // Вестник Мининского университета. — 2022. — Т. 10, № 4(41). — DOI 10.26795/2307–1281-2022-10-4-12. — EDN AWOZNS.
4. Игнатьева Г.А. Формирование полипозиционной команды в условиях непрерывного опережающего образования / Г.А. Игнатьева, А.В. Моисеенко // Вестник Мининского университета. — 2024. — Т. 12, № 1(46). — DOI 10.26795/2307–1281-2024-12-1-5. — EDN KNSFVM.
5. Ильясова О.А. Педагогические принципы проектирования развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов в общеобразовательной организации / О.А. Ильясова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2025. — № 5(189). — С. 71–93. — DOI 10.25588/cspu.2025.189.5.005. — EDN DMBLGX.

6. Ильясова О.А. Проектирование развивающейся системы внутрикорпоративного обучения педагогов на основе задач государственной политики в сфере образования / О.А. Ильясова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2025. – Т. 17, № 3. – С. 32–45. – DOI 10.14529/ped250303. – EDN QVKFPO.
7. Помелов В.Б. Ризоматическое обучение: дидактическая «панацея» или очередной «мыльный пузырь»? / В.Б. Помелов // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2025. – № 4(10). – С. 1–11.
8. Суховская Д.Н. Истоки ризоматического обучения / Д.Н. Суховская // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2023. – № 2. – С. 64–72. – DOI 10.24412/2304-120X-2023–11011. – EDN PBLGEK.

© Курганов Дмитрий Владимирович (manutius.garamon@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАСПОРТ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТРОЛЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТА В ВУЗЕ

PASSPORT OF PSYCHOPHYSICAL READINESS AS A TOOL FOR MONITORING THE EFFECTIVENESS OF A STUDENT'S PROFESSIONAL AND APPLIED TRAINING AT A UNIVERSITY

S. Marchuk
V. Marchuk

Summary: The relevance of this work lies in resolving the contradiction between society's need for competent specialists and their low level of psychophysical readiness for professional work on the railways, as well as the ineffectiveness of professional and applied physical training methods at universities. A three-component model for a student's professional psychophysical readiness profile is proposed, including physical health, functional fitness, and physical fitness. Comprehensive monitoring and a psychophysical readiness profile will enable timely corrective changes to the professional and applied training process to improve its effectiveness.

Keywords: transport university, professional and applied training, passport, student's psychophysical readiness.

Марчук Светлана Азатовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Уральский государственный университет путей
связи, г. Екатеринбург
wish59@yandex.ru

Марчук Владимир Анатольевич

Кандидат биологических наук, доцент,
Уральский государственный университет путей
связи, г. Екатеринбург
wish59@yandex.ru

Аннотация: Актуальность работы заключается в разрешении противоречия между потребностью общества в компетентных специалистах и низким уровнем их психофизической готовности к профессиональной деятельности на железной дороге, недостаточной эффективностью методов профессионально-прикладной физической подготовки в вузе. Предложена трехкомпонентная модель паспорта профессиональной психофизической готовности студента, включающая: уровень физического состояния здоровья, функциональную и физическую подготовленность. Комплексный мониторинг и паспорт психофизической готовности позволят своевременно внести коррекционные изменения в процесс профессионально-прикладной подготовки, с целью повышения его эффективности.

Ключевые слова: транспортный вуз, профессионально-прикладная подготовка, паспорт, психофизическая готовность студента.

Актуальность

Будущая профессия выпускников транспортного вуза зачастую связана с выполнением трудовых процессов и операций в сложных производственных условиях, что требует от них помимо владения специальными знаниями иметь достаточный уровень психофизической готовности к профессиональной деятельности [4, 6].

Значимую роль в формировании готовности будущего выпускника транспортного вуза решать профессиональные задачи на железной дороге занимает раздел дисциплины «Физическая культура и спорт» – прикладная физическая подготовка (ПФП), направленная на развитие прикладных знаний, навыков и специальных качеств. Достижение необходимого уровня развития, которых возможно лишь с помощью эффективных мероприятий в процессе ПФП с учетом особенностей будущей профессиональной деятельности [3, 5].

Таковыми мероприятиями могут стать мониторинговая система оценивания и прогнозирования функционального и физического состояния, на основе, которой разрабатывается паспорт профессионально-прикладной физической готовности (ППФГ) студента, что позволит оперативно проводить анализ показателей здоровья и вносить необходимые организационно-методические рекомендации по улучшению учебно-тренировочного процесса ПФП.

Актуальность работы заключается в разрешении **противоречия** между государственным заказом на квалифицированных специалистов железнодорожных специальностей с хорошим уровнем здоровья и недостаточным уровнем психофизической готовности к профессиональной деятельности выпускников транспортного вуза.

На основе имеющейся проблемы определена **гипотеза исследования**: внедрение мониторинговой системы оценивания психофизического состояния, на основе,

которой будет разработан паспорт ППФГ студента, позволит повысить эффективность процесса ПФП будущего специалиста железнодорожной специальности, повысить мотивацию к занятиям физической культурой.

Цель исследования: на основе мониторинга разработать паспорт ППФГ студента, оценить функциональную и психофизическую готовность студентов к профессиональной деятельности.

Результаты исследования

Практическая деятельность преподавателей кафедры физического воспитания связана с решением обучающихся и воспитательных задач в процессе учебных занятий, а также обязательного проведения диагностических мероприятий, включающих проверку уровня психофизиологических и физических характеристик студентов. Полученные результаты обязательно оцениваются и сравниваются с имеющимися нормативными значениями, установленными в образовательной программе с учетом возраста и будущей профессиональной

деятельности. При обнаружении отклонений результатов от нормы в худшую сторону преподавателю необходимо внести изменения в обучающий процесс для доведения диагностируемых показателей до уровня модельных характеристик.

Считаем, что в процессе вузовского обучения, для достижения поставленной цели по ПФП, каждый студент помимо получения зачета по дисциплине «Физическая культура и спорт» должен после завершения обучающегося курса иметь «Паспорт профессионально-прикладной физической готовности». Данный паспорт должен быть трехкомпонентным, отражающим состояние физического здоровья, функциональные показатели и профессионально важные прикладные качества, значимые для будущей профессии на железной дороге.

Будущая профессия выпускника транспортного вуза в отличие от других специальностей требует от него при выполнении производственных задач не только психологических усилий, но и больших физических затрат, что требует особого внимания к состоянию физического

ФИО:		Возраст:		Физическая активность в неделю (час):		
	Показатель		Результат	Оценка	Общая оценка	
Физическое здоровье	Рост (см)					
	Вес (кг)					
	ЧСС (уд/мин)					
	АД сист. (мм рт. ст.)					
	АД диаст. (мм рт. ст.)					
	Уровень физического здоровья (у.е.)					
Функциональная подготовленность	Проба Штанге (с)					
	Проба Генчи (с)					
	Тест Руфье (у.е.)					
	Тест Купера (м)					
Психофизическая подготовленность	Аэробная выносливость: 2000 м (дев) / 3000 м (юн)					
	Силовая выносливость	отжимание (кол-во)				
		Подтягивание (кол-во)				
		Пресс за 1 мин (кол-во)				
	Быстрота	60 м (с)				
		100 м (с)				
		Прыжок с места (см)				
	Скоростно-силовая выносливость, ловкость	Прыжки через скакалку 30 с (дев), 60 с (юн) (кол-во)				
		Челночный бег 3x10(с)				
	Стрессоустойчивость					
Рекомендации:						

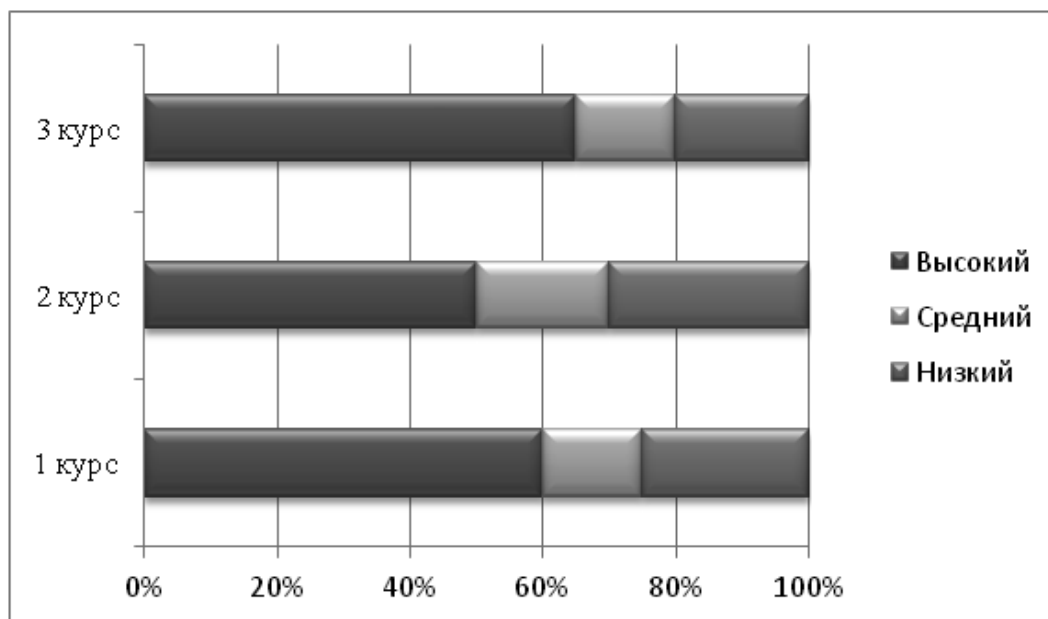


Рис. 1. Мониторинг ППФГ девушек по курсам обучения (%)

здоровья [1, 6].

В связи с этим считаем необходимым в первый компонент паспорта включить показатель уровня физического состояния (УФС) здоровья студента, включающий: возраст (В), рост (Р) (см), массу тела (М) (кг), ЧСС (уд/мин), АДср.(АДдиаст.+(АДсист.-АДдиаст.)/3) (мм рт. ст.). УФС оценивается по методу Е.А. Пироговой и Л.Я. Иващенко [2], по формуле: $(700 - 3 \times \text{ЧСС} - 2,5 \times \text{АДср.} - 2,7 \times \text{В} + 0,28 \times \text{М}) / (350 - 2,6 \times \text{В} + 0,21 \times \text{Р})$. Оценка выставляется по пятиуровневой шкале: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий.

Второй компонент паспорта – функциональная подготовленность студента, определяющая возможности организма справляться с психофизическими нагрузками. Использование функциональных проб, оценивания состояния сердечно-сосудистой и дыхательной системы позволяет выявить степень функциональной устойчивости, работоспособности и адаптированности к нагрузкам. Для тестирования используются проба Штанге, проба Генчи, проба Руфье, тест Купера. Оценивание осуществляется по пятибалльной системе.

Каждая профессиональная деятельность определяет значимость тех или иных прикладных психофизических качеств. Анализируя профессиограмму работников железной дороги, выявлено, что важными качествами являются: аэробная выносливость, силовая выносливость мышц рук, ног, брюшного пресса, ловкость (координация движения и равновесие), стрессоустойчивость.

Третий компонент паспорта – психофизическая подготовленность, включающая тесты, определяющие

аэробную выносливость (бег 2000 и 3000 м); силовую выносливость (подтягивание и отжимание, подъем туловища из положения, лежа); скоростно-координационное качество (челночный бег, прыжки через скакалку) и др. Уровень стрессоустойчивости определяется по шести пунктам (от 20 до 200 б) по тесту Ю.В. Щербатых [7].

Необходимо отметить, что с учетом профессии требования к уровню развития физических качеств может быть различным. Поэтому считаем необходимым давать оценку физической подготовленности в целом, а также отдельно по каждому качеству.

Ниже представлен вариант паспорта ППФГ студента.

Самостоятельное заполнение студентом паспорта ППФГ позволяет ему получить объективную наглядную информацию, провести самооценку и самоанализ уровня физического здоровья и психофизической пригодности на начальных этапах учебно-трудовой деятельности, что позволяет своевременно выявить отстающие показатели и внести самокоррекцию в планирование своего процесса физического развития и самосовершенствования. Знания о психофизическом состоянии могут стать основой для разработки индивидуальных программ ППФ.

Основная цель ППФП в вузе является формирование ПФГ студента к профессиональной деятельности. В связи с этим на заключительном этапе исследования, полученные характеристики на основе комплексного мониторинга позволили определить уровень ППФГ студентов на протяжении трех лет обучения. Характеристика основывалась на средней арифметической величине

от суммы всех исследуемых показателей по пятибалльной шкале (3,5–5,0 б – высокий уровень (готов); 3,0–3,4 б – средний (практически готов); 2,9–2,5 б – низкий (условно готов); ниже 2,5 б – не готов). Фрагмент мониторинга ППФГ студентов (девушек) на протяжении трех лет обучения представлен на рис. 1.

Представленные среднегрупповые показатели указывают на то, что с переходом на старшие курсы имеет тенденция к улучшению показателей, увеличивается количество студентов с более высоким уровнем ППФГ в сравнении с первым и вторым курсом, тем не менее, 20% на третьем курсе продолжают иметь низкий уровень, что характеризует слабое развитие профессионально важных показателей.

На основании мониторинговых исследований в конце каждого учебного года студентам необходимо заполнить паспорт ППФГ, самостоятельно проанализировать

свое психофизическое состояние и внести предложения по его улучшению.

Заключение

Результаты исследования позволяют считать, что процесс ППФП будущего специалиста должен обязательно сопровождаться автоматизированным комплексным мониторингом, включающим показатели физического здоровья, функциональной и физической подготовленности, полученные данные, необходимо вносить в паспорт, что позволит оценить прикладную физическую готовность студента к профессиональной деятельности.

Как показал опрос студентов, наглядная информация о показателях собственного физического состояния, является положительным стимулом к систематическим занятиям физическими упражнениями и спортом, повышается осознание важности физической подготовки для будущей профессии на железной дороге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Греков Ю.А. Динамика основных показателей физической подготовленности студентов транспортного вуза / Ю.А. Греков, Е.В. Плеханова // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. – № 12. – С. 3–8.
2. Гуминский А.А. Руководство к лабораторным занятиям по общей и возрастной физиологии / А.А. Гуминский, И.Н. Леонтьева, К.В. Маринова. – М.: Просвещение, 1990. – 239 с/
3. Марчук В.А. Физическая подготовленность студентов транспортного вуза / В.А. Марчук // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. – № 9. – С. 96–99.
4. Марчук С.А. Анализ развития профессиональных физических компетенций у студентов транспортного вуза / С.А. Марчук // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. – С. 125–128.
5. Марчук С.А. Современные средства обучения в физическом воспитании студентов / С.А. Марчук // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 2 (228). – С. 109–113.
6. Садовский В.А. Динамика двигательной готовности к профессиональной деятельности студентов института тяги и подвижного состава / В.А. Садовский, А.В. Гаськов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 13. – С. 170–173.
7. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции: учеб. пособие 3-е изд./ Ю.В. Щербатых. – СПб.: Питер, 2024. – 432 с.

© Марчук Светлана Азатовна (wish59@yandex.ru), Марчук Владимир Анатольевич (wish59@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА «ИНЖЕНЕРНАЯ ГРАФИКА» В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОГО ОБУЧЕНИЯ

METHODOLOGY OF APPLYING VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES TO STUDY THE COURSE "ENGINEERING GRAPHICS" IN A HYBRID LEARNING CONTEXT

**A. Nikitin
M. Fedyashina
L. Guleva**

Summary: This article examines the transformation of engineering graphics teaching methods under the influence of digital environments. The need for a transition from flat drawing to three-dimensional spatial modeling based on virtual reality technologies in a hybrid format is substantiated. A structural and functional model for integrating immersive components into lectures and practical classes is proposed. The features of organizing students' independent work aimed at developing design thinking and geometric and graphic competence are identified. The perceptual and cognitive advantages of virtual simulators in solving problems involving the construction and sectioning of complex surfaces are analyzed.

Keywords: engineering graphics, virtual reality, hybrid learning, teaching methods, immersive technologies, spatial thinking, geometric and graphic training.

Никитин Алексей Юрьевич

Доцент, Академия государственной
противопожарной службы МЧС РФ
Alexniky30@gmail.com

Федяшина Марина Александровна

Кандидат технических наук, доцент,
Академия государственной
противопожарной службы МЧС РФ
Marmar1210@mail.ru

Гулева Любовь Викторовна

Старший преподаватель, Академия
государственной противопожарной службы МЧС РФ
Lubagyleva@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается трансформация методики преподавания инженерной графики под влиянием цифровых сред. Обоснована необходимость перехода от плоскостного черчения к объёмному пространственному моделированию на базе технологий виртуальной реальности в гибридном формате. Предложена структурно-функциональная модель включения иммерсивных компонентов в лекционные и практические занятия. Выявлены особенности организации самостоятельной работы студентов, направленной на развитие проектного мышления и геометро-графической компетентности. Проанализированы перцептивные и когнитивные преимущества виртуальных тренажёров при решении задач на построение и сечение сложных поверхностей.

Ключевые слова: инженерная графика, виртуальная реальность, гибридное обучение, методика преподавания, иммерсивные технологии, пространственное мышление, геометро-графическая подготовка.

Введение

Текущий этап цифровой трансформации инженерного образования характеризуется поиском новых дидактических инструментов, способных преодолеть противоречие между двухмерной природой традиционного чертежа и трёхмерной сущностью реальных технических объектов. Курс «Инженерная графика» опирается на проекционное черчение, требующее от обучающегося развитого пространственного воображения для мысленного перехода от плоского изображения к объёмной модели. Практика показывает, что этот этап внутреннего кодирования визуальной информации вызывает наибольшие когнитивные затруднения у студентов младших курсов технических специальностей [1].

Переход к гибридной модели обучения актуализировал проблему сохранения качества графической подготовки в условиях частичного или полного отсутствия физического контакта студента с учебным оборудова-

нием. Гибридное обучение в контексте этой работы понимается как целенаправленно организованный педагогический процесс, синергетически сочетающий очные лабораторные практикумы с дистанционной работой в цифровых средах [2]. В такой парадигме технология виртуальной реальности выступает не только средством визуализации, а операционной средой для выполнения графических действий.

Целью статьи является обоснование и разработка структурных компонентов методики применения технологий виртуальной реальности в курсе инженерной графики при гибридной форме организации учебного процесса.

Анализ существующих подходов к проблеме исследования

Проблема применения иммерсивных технологий в графической подготовке находится на стыке педагоги-

ческой науки, когнитивной психологии и компьютерной инженерии. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько основных направлений исследований.

Первое направление связано с изучением психофизиологических механизмов восприятия трёхмерных объектов в виртуальных средах. Исследования показывают, что стереоскопическая визуализация в VR-шлемах существенно снижает нагрузку на механизмы зрительной интерполяции, характерные для чтения плоских чертежей [3]. Мозг пользователя оперирует не абстрактными проекциями, а естественными пространственными образами, что ускоряет формирование устойчивых нейронных связей, ответственных за геометрическую интуицию.

Второе направление основано на дидактическом потенциале иммерсивных сред. Инженерное образование требует не столько запоминания алгоритмов построения, сколько развития способности к управлению формой, положением и метрическими характеристиками в динамике [4]. Виртуальная реальность позволяет реализовать сенсомоторное взаимодействие с геометрической моделью, масштабировать её, заглядывать внутрь сечения, что недостижимо в классических CAD-системах с плоским монитором.

Третье направление включает методические приёмы, позволяющие встроить VR в обучение. В работе [5] показано, что если применять шлемы, не меняя саму методику, то возникает только развлекательный эффект [5]. Самым перспективным считается подход, где виртуальная среда становится площадкой для синхронной работы как очных, так и дистанционных участников [6].

Также анализ выявляет востребованность «погружающего обучения», когда основным моментом служит активное создание объекта внутри виртуальной симуляции, а не только наблюдение [7]. При этом существует значимость методического сценария, который позволяет избежать когнитивной перегрузки, вызванной непривычностью интерфейса [8].

Эффективность иммерсивного прототипирования при оценке инженерных решений на ранних этапах подтверждается исследованием [9], так, применение виртуальной реальности при анализе конструкций даёт возможность находить коллизии и ошибки компоновки эффективнее, чем традиционные чертежи или экранные 3D-модели [10]. По уровню запоминания пространственных характеристик объекта и точности дальнейшего воспроизведения его формы нашлемные дисплеи значительно опережают десктопные симуляторы [11].

Таким образом, несмотря на значительный объем данных, в отечественной педагогике высшей школы ощущается дефицит системно описанных методик, опи-

сывающих деятельность преподавателя и студента в смешанной реальности при изучении нормативных разделов начертательной геометрии и машиностроительного черчения.

Методология и структурная модель интеграции технологий

Методологической основой разработанной методики является теория поэтапного формирования умственных действий, адаптированная к цифровой сенсомоторике, концепция контекстного обучения, а также принципы когнитивной визуализации. Опора на эти теории позволила спроектировать учебный процесс как последовательность усложняющихся операций с визуальным прообразом детали. Компоненты методики применения VR в структуре гибридного курса инженерной графики приведены в таблице 1.

Представленная в таблице 1 дифференциация позволяет реализовать принцип ротации, так, при изучении темы «Сложные разрезы и сечения» студент в очном формате погружается в VR-среду для тактильного «рассечения» виртуальной детали плоскостью, одновременно наблюдая, как в реальном времени выстраивается ортогональный чертёж на виртуальном планшете. В дистанционном режиме этот же студент работает с упрощённой версией тренажёра на экране монитора, выполняя задания на соответствие аксонометрии и видов, что обеспечивает непрерывность учебного процесса.

Методика проведения занятий в иммерсивной среде

Разработанная методика основана на принципе дополнительности. Технологии виртуальной реальности не замещают собой изучение стандартов и ручное эскизирование, а создают дополнительный слой визуализации между абстрактной схемой и её материальным воплощением [12].

На первом этапе преподаватель демонстрирует виртуальную сцену на экран, используя программное обеспечение типа «VR-Concept» или аналогов на базе Unity с инженерным плагином. Голосовое сопровождение синхронизируется с манипуляциями над трёхмерной моделью. Студенты, находящиеся в аудитории, наблюдают, как линии контура становятся видимыми при вращении модели на 90 градусов. Это снимает типичный барьер непонимания правил построения штриховых линий [13].

Этап исполнительское действие предполагает разделение. Очная группа получает иммерсивные шлемы. Задача студента – взять виртуальный режущий инструмент и произвести сечение корпусной детали. Физически поворачивая голову и наклоняясь, студент изучает сложную внутреннюю геометрию рёбер жёсткости, что

Таблица 1.

Компоненты методики применения VR в структуре гибридного курса инженерной графики.

Компонент методики	Локальный режим	Удалённый режим	Формируемая компетенция
Предметно-ориентированный	Лабораторная работа в VR-лаборатории с оборудованием	Платформа виртуального рабочего места с доступом через десктоп-клиент	Способность распознавать геометрическую форму и её проекции
Коллаборативный	Очная защита проекта, работа с материальными прототипами и 3D-печатью	Синхронный сеанс в многопользовательской VR-комнате для совместного редактирования модели	Навыки технической коммуникации, чтения сборочных чертежей
Самостоятельный	Зона коворкинга с точками доступа к библиотекам стандартных изделий	Асинхронная тренировка на виртуальных тренажёрах	Готовность к самостоятельному решению инженерных задач

Таблица 2.

Результаты анализа вариантов уровней оснащения и видов учебной активности.

Уровень оснащения	Оборудование в учебном заведении	Оборудование студента	Доминирующий вид учебной активности
Полное погружение	Система трекинга, шлемы с тактильными перчатками	Шлем при самостоятельном подключении к метавселенной класса	Сборка-разборка сборочных единиц, эргономический анализ формы
Полуфункционал	Компьютерный класс с 3D-мониторами, очки и для наложения чертежа на натуру	Персональный компьютер с дискретной видеокартой и доступом к облачной сессии	Работа с проекциями, сквозное проектирование, 3D-эскизирование
Доступность	Зона Wi-Fi и VR-гарнитуры для смартфонов	Смартфон с гироскопом, запуск панорамных видео 360° с записанным процессом черчения	Обзорное ознакомление со сложными пространственными конструкциями

формирует устойчивый сенсомоторный образ детали. Удалённая группа в это же время выполняет задание в облегчённой среде, где с помощью мыши производит вращение и рассечение той же самой цифровой модели, но без эффекта присутствия. Синхронность процесса создаёт единое поле образовательного напряжения в группе [2].

Этап перехода от объёма к плоскости является важным в методике, так, получив опыт взаимодействия с виртуальным объектом, студент садится за парту или включает векторный редактор. Наличие сформированного мысленного образа облегчает построение плоского чертежа, превращая эту операцию из механического срисовывания в осознанную фиксацию увиденного. Роль преподавателя на этом этапе меняется от транслятора стандартов к наставнику-консультанту по выявлению ошибок проектирования.

На этапе самостоятельной работы используются асинхронные тренажёры с элементами геймификации. Сценарий тренажёра «Сопряжения» построен на встроенных автоматических подсказках – если студент неправильно указывает центр дуги, виртуальная линия краснеет, и система визуализирует правило построения касательной [5]. Это позволяет реализовать корректирующую обратную связь без непосредственного участия педагога.

Гуманитарные и когнитивные аспекты иммерсивной дидактики

Применение методики VR-обучения затрагивает глубинные механизмы профессионального восприятия. Чтение чертежа – это процесс декодирования условных знаков. Человеческий глаз эволюционно не приспособлен к распознаванию трёхмерного объёма в ортогональных проекциях, это культурно приобретённый навык [3]. Виртуальная реальность сокращает этот разрыв, обращаясь к естественным механизмам бинокулярного зрения и параллакса движения. Когда студент физически перемещается вокруг виртуальной опоры вращения, его вестибулярный аппарат и проприоцепция включаются в процесс обучения, создавая «телесную память» формы, что согласуется с концепцией воплощённого познания [8].

Важно отметить изменение роли ошибки в учебном процессе. В традиционном черчении ошибка ведёт к порче листа, необходимости перечерчивания, что формирует страх перед неправильными действиями. В иммерсивной среде ошибка обратима, так как деталь можно разрезать заново, повернуть любой гранью, что создаёт психологически безопасную среду для поискового экспериментирования с формой. Поощрение такого исследовательского поведения является условием формирования инженерной креативности [1].

Виртуальные аватары помогают решить проблему

гибридности, так как в общей виртуальной комнате студент наблюдает аватары одноклассников и педагога, а также он способен указать жестом на любой элемент чертежа. Коллективный характер графической работы сохраняется, что разрушается барьер изоляции, который является типичным для классического дистанционного обучения [7].

Также, значимым условием масштабируемости методики и её соответствия принципу технологической гибкости является отсутствие необходимости в дорогостоящих VR-шлемах у каждого студента. Результаты анализа вариантов уровней оснащения и видов учебной активности приведены в таблице 2.

Как видно из таблицы 1, базовый уровень реализации методики основан на заранее подготовленном в лаборатории видеоконтенте с круговым обзором. При этом дома студент вставляет смартфон в держатель и может рассматривать виртуальную модель, слушая объяснения преподавателя о порядке построения разреза. Такая асимметричная конфигурация даёт возможность изучать программу курса при ресурсных ограничениях, в то же время, не теряя в дидактическое качество обучения.

Основу методики составляет свободно распространяемое ПО или отечественные разработки, поддерживающие формат ступенчатых разрезов и спецификаций. Применение сред с открытым исходным кодом, таких как FreeCAD с VR-модулем или специализированные сборки Blender, позволяет университету не зависеть от санкционных ограничений и встраивать платформу в единую информационно-образовательную экосистему вуза [4].

Проблемы и перспективы распространения методики

Несмотря дидактическую эффективность, разрабо-

танная методика сталкивается с рядом ограничений. Среди них ведущее место занимает методическая неготовность профессорско-преподавательского состава, привыкшего к работе в парадигме «мел и доска». Для работы в иммерсивной среде педагогу недостаточно знать инженерную графику, ему требуется владение навыками модератора виртуального пространства, умение переключать слои моделей и управлять вниманием аватаров студентов. Это требует создания системы повышения квалификации, построенной на принципах микрообучения и демонстрации лучших практик [12].

Длительное пребывание в шлеме у неподготовленных пользователей может вызывать явления киберболезни. Разработанные методические рекомендации предписывают ограничивать непрерывные иммерсивные сессии 12–15 минутами с чередованием активности, что предотвращает утомление и соответствует санитарным нормам [6].

Вместе с тем сохраняется дефицит иммерсивных приложений, направленных на освоение формализованных нормативных дисциплин, к которым относится и инженерная графика. Большинство существующих образовательных VR-продуктов ориентированы на медицину или общее естествознание, тогда как машиностроительное черчение требует уникальных сценариев параметрического взаимодействия с геометрией [14].

Заключение

Технологии виртуальной реальности обладают значительным, но не полностью раскрытым методическим потенциалом для курса инженерной графики. Их ценность в условиях гибридного обучения заключается не в замене преподавателя или традиционного черчения, а в создании промежуточного звена – перехода от сенсорного, телесного восприятия технического объекта к его абстрактному плоскостному отображению.

ЛИТЕРАТУРА

- Ивашенко Г.А. Исследование психологических особенностей студентов как основа индивидуализации обучения при изучении графических дисциплин / Г.А. Ивашенко, Е.В. Мещерякова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2011. – № 4. – С. 109–119.
- Основные тенденции развития высшего образования в России и за рубежом: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова, Т.Б. Михеева. – Ульяновск: Зебра, 2022. – 316 с.
- Ковалев А.И. Технологии виртуальной реальности как средство развития современного ребенка / А.И. Ковалев, Ю.А. Старостина // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2 (38). – С. 21–30.
- Юматова Э.Г. Проблема цифровизации общетехнической геометро-графической подготовки будущих инженеров / Э.Г. Юматова // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 3. – С. 201–206.
- Десненко С.И. Применение технологии дополненной реальности как условие формирования цифровых навыков студентов как будущих специалистов / С.И. Десненко, А.Д. Федотова // Ученые записки Байкальского государственного университета. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 50–58.
- Freina L. A Literature Review on Immersive Virtual Reality in Education: State of The Art and Perspectives / L. Freina, M. Ott // eLearning and Software for Education: Proceedings of the 11th International Scientific Conference. – Bucharest, 2015. – P. 1–8.
- Reis V. Immersive Tools in Engineering Education – A Systematic Review / V. Reis, J. Santos Baptista, J. Duarte // Applied Sciences. – 2025. – Vol. 15, No. 11. –

- P. 6339.
8. Jian Y. Comparing cognitive load in learning spatial ability: immersive learning environment vs. digital learning media / Y. Jian, J. Abubakar // *Discover Sustainability*. – 2024. – Vol. 5.
9. Vergara D. On the Design of Virtual Reality Learning Environments in Engineering / D. Vergara, M.P. Rubio, M. Lorenzo // *Multimodal Technologies and Interaction*. – 2017. – Vol. 1, No. 2. – P. 11.
10. Wolfartsberger J. Analyzing the potential of Virtual Reality for engineering design review / J. Wolfartsberger // *Automation in Construction*. – 2019. – Vol. 104. – P. 27–37.
11. Jensen L. A review of the use of virtual reality head-mounted displays in education and training / L. Jensen, F. Konradsen // *Education, and Information Technologies*. – 2018. – Vol. 23. – P. 1–15.
12. Круподерова Е.П. Подготовка будущих магистров педагогического образования к использованию иммерсивных технологий обучения / Е.П. Круподерова, К.Р. Круподерова // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2022. – № 77–3. – С. 105–108.
13. Богданова Е.А. Расширение перспектив применения технологии стереоскопических изображений в преподавании геометрии как следствие информатизации образования / Е.А. Богданова, П.С. Богданов, С.Н. Богданов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 7–20.
14. Radianti J. A systematic review of immersive virtual reality applications for higher education: Design elements, lessons learned, and research agenda / J. Radianti, T.A. Majchrzak, J. Fromm, I. Wohlgenannt // *Computers & Education*. – 2020. – Vol. 147. – P. 103778.

© Никитин Алексей Юрьевич (Alexniky30@gmail.com), Федашина Марина Александровна (Marmar1210@mail.ru),
 Гулева Любовь Викторовна (Lubagyleva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПЕДАГОГИКА СЕРДЦА: ЧТО МОЖЕТ ТЕХНОЛОГИЯ И ЧТО ОСТАЕТСЯ ЧЕЛОВЕКУ В ОБРАЗОВАНИИ

Пугачева Елена Вячеславовна

Аспирант, Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, г. Москва
lena-1805@yandex.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PEDAGOGY OF THE HEART: WHAT TECHNOLOGY CAN DO AND WHAT REMAINS HUMAN IN EDUCATION

E. Pugacheva

Summary: This article is devoted to the problem of the relationship between artificial intelligence and the educational and formative mission of the teacher in the contemporary educational space. Drawing on the spiritual and pedagogical legacy of Saint Nectarios of Aegina, the article explores the concept of the “pedagogy of the heart,” which is oriented toward love, responsibility, and the personal example of the educator. The article shows that artificial intelligence can support the learning process: selecting assignments, providing feedback, and helping to structure educational material. At the same time, it is not a subject of moral life and therefore cannot replace the personality of the teacher in the sphere of upbringing and moral formation. The article concludes that an anthropologically grounded hierarchy is necessary: artificial intelligence should remain only a tool for learning, while the meaningful center of education remains living human presence.

Keywords: artificial intelligence, education, upbringing, pedagogy of the heart, Saint Nectarios of Aegina, teacher, moral formation, personal example.

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме соотношения искусственного интеллекта и воспитательной миссии педагога в современном образовательном пространстве. С опорой на духовно-педагогическое наследие святителя Нектария Эгинского в статье раскрывается понятие «педагогики сердца», которая ориентирована на любовь, ответственность и личный пример воспитателя. Показывается, что искусственный интеллект способен помогать учебному процессу: подбирать задания, поддерживать обратную связь, помогать в структурировании материала. Вместе с тем он не является субъектом нравственной жизни и поэтому не может заменить личность педагога в сфере воспитания. Делается вывод о необходимости антропологически выверенной иерархии: искусственный интеллект должен оставаться только инструментом обучения, тогда как смысловым центром образования остается живое человеческое присутствие.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, воспитание, педагогика сердца, святитель Нектарий Эгинский, учитель, нравственное становление, личный пример.

Современное образование вступило в период интенсивной цифровой трансформации. Искусственный интеллект все активнее входит в школьную и университетскую практику, становится помощником ученика, преподавателя, исследователя, методиста. Он способен объяснять учебный материал, подбирать упражнения, проверять типовые задания, создавать планы уроков, обобщать тексты, моделировать диалог, переводить и структурировать информацию. Международные рекомендации в области образования рассматривают такие технологии как значимый ресурс, но одновременно подчеркивают необходимость человекоцентричного, этически ответственного и педагогически осмысленного применения искусственного интеллекта [1; 2]. Поэтому главный вопрос состоит не в том, нужен ли искусственный интеллект образованию, а в том, какое место он должен занимать в образовательной системе.

Особую остроту приобретает различие обучения и

воспитания. Если обучение связано преимущественно с освоением знаний, умений, способов действия и интеллектуальных операций, то воспитание обращено к становлению человека как личности. Оно связано с совестью, свободой воли, способностью к сопереживанию и внутреннему нравственному выбору. Искусственный интеллект может помогать учить, но возникает вопрос: способен ли он воспитывать? Иначе говоря, может ли технологическая умная система заменить не отдельные функции педагога, а его живое присутствие?

Для ответа на этот вопрос важно обратиться к наследию святителя Нектария Эгинского. Его духовные наставления и богословско-нравственные сочинения обращены, прежде всего, к внутреннему человеку. В них постоянно звучит мысль о необходимости внимания к сердцу, миру души, любви, смирению, благодарности, рассуждению и ответственности [4; 5]. Поэтому педагогический смысл его наследия может быть раскрыт через

понятие «педагогика сердца».

Под педагогикой сердца в настоящей статье понимается такой подход к воспитанию, при котором в центре находится не только знание, но и внутренний человек: его совесть, нравственная воля, способность к любви и ответственности. Сердце здесь понимается не в узко эмоциональном смысле, а как глубинное средоточие личности, где соединяются разум и вера, чувство и нравственное устремление. В этой перспективе педагогика не может быть сведена к сообщению правил или контролю поведения. Ее задача состоит в пробуждении внутренней способности жить по правде.

Первый принцип педагогики сердца заключается в признании внутренней глубины человека. Внешняя дисциплина может изменить поведение, но она не всегда формирует нравственную зрелость. Настоящее воспитание начинается тогда, когда человек не просто выполняет требование, а внутренне принимает добро как собственный выбор. Поэтому образование не должно ограничиваться функциональной подготовкой. Н.И. Пирогов в статье «Вопросы жизни» предупреждал: «Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и укрепнуть внутреннему человеку» [7]. Эта мысль особенно актуальна сегодня, когда образовательные результаты все чаще описываются через измеримые показатели, компетенции и скорость достижения результата.

Второй принцип связан со свободой. Нравственно зрелого человека нельзя «запрограммировать» на добро. Можно сформировать внешне правильное поведение, но нельзя механически создать совесть, любовь, милосердие или ответственность. Добро становится добром в полном смысле слова только тогда, когда оно осмыслено, принято и свободно избрано. Поэтому воспитание всегда связано с доверием, терпением и уважением к свободе ученика.

Третий принцип состоит в личностном характере воспитания. Человек воспитывается человеком. Сердце пробуждается не только словом, но и встречей с живым примером. Не случайно само слово «педагог» восходит к древнегреческому *paidagōgós: pais* — «ребенок», *agōgós* — «ведущий», «сопровождающий»; в основе второго компонента лежит глагол *agō* — «вести» [9]. Первоначально педагогом называли того, кто сопровождал ребенка, вел его; позднее это значение расширилось и стало обозначать наставника и воспитателя. В этимологическом смысле педагог — не просто передающий знания, а человек, который ведет ребенка за собой, помогает в становлении его личности. Святитель Иоанн Златоуст в трактате о воспитании детей подчеркивал, что забота родителей и наставников должна быть направлена прежде всего на формирование добродетели, а не

только на внешнее благополучие ребенка [6]. В православной педагогической традиции это означает, что воспитатель действует не только объяснением, но и примером собственной жизни.

Эта мысль не ограничивается только религиозной педагогикой. В отечественной педагогической культуре тема сердца, любви и личной ответственности воспитателя занимает особое место. В.А. Сухомлинский связывал воспитание с ежедневной заботой о ребенке, с вниманием к его внутреннему миру, с нравственным переживанием и личной включенностью педагога [8]. Тем самым педагогика сердца может быть понята не как отвлеченная метафора, а как принципиально личностная модель образования, в которой ребенок рассматривается не как объект управления, а как живая и свободная личность.

С этих позиций особенно ясно видны сильные и слабые стороны искусственного интеллекта. К его сильным сторонам относится работа с информацией: быстрый поиск, обработка, структурирование, адаптация материала к уровню обучающегося, многократное повторение объяснения, создание тренировочных заданий. Искусственный интеллект может быть полезен как помощник в подготовке урока, как инструмент обучения. Именно поэтому он способен снять часть рутинной нагрузки с педагога и помочь в поисках необходимой информации обучающемуся [1; 2].

Однако важно помнить: хорошо выполненное с помощью искусственного интеллекта задание еще не означает, что ученик действительно чему-то научился и внутренне вырос. Он может получить грамотный текст или правильное решение, но при этом не пройти собственный путь размышления, поиска и усилия. Между готовым результатом и настоящим образованием всегда остается пространство личной работы человека.

Еще заметнее это различие проявляется в сфере воспитания. Искусственный интеллект может создавать впечатление внимательного, глубоко сопереживающего собеседника. При этом искусственный интеллект не испытывает никаких чувств: ни любви, ни, тем более, ответственности за свои слова. За этими словами нет жизненного опыта. Поэтому, кажущийся Вам убедительным совет искусственного интеллекта, никогда не станет воспитательной встречей. Воспитание начинается только там, где живой человек обращается к другому, прежде всего, сердцем, человеку всегда нужен человек.

У искусственного интеллекта нет внутренней духовной жизни и слава Богу!!! Он не способен совершать нравственный выбор, и не несет человеческой ответственности за произнесенное слово. Он может описывать добродетели, формулировать советы, имитировать

внимание и сочувствие, но не проживает эти состояния как человек. Следовательно, искусственный интеллект не может быть сердцем воспитания.

Это и есть основная граница между обучающей технологией и воспитанием. Искусственный интеллект — это эрзац, может писать о чем угодно, общими словами, не чувствуя этого: может написать текст о милосердии, не являясь милосердным, также может объяснить понятие совести, привести примеры, но он никогда не испытывал укоров совести. Воспитание же предполагает не только сообщение определения или объяснение смысла и природы явления, но присутствие личности, которая сама причастна к тому, о чем говорит.

Современная школа рискует утратить это различие, если будет рассматривать образование преимущественно через эффективность, скорость, и измеримость результата. В такой логике ученик легко превращается в совокупность данных: уровень подготовки, пробелы, динамика, показатели успешности. Но человек не исчерпывается измеримыми характеристиками. Он может быть информированным, но внутренне равнодушным; технологически компетентным, но нравственно незрелым; успешным, но неспособным к ответственности и любви. Поэтому цифровизация образования требует не только технической, но и антропологической оценки.

В эпоху искусственного интеллекта особенно заметны несколько рисков. Первый риск — редукция человека к набору функций. Когда образовательная система мыслит ученика только через показатели, она может забыть, что перед ней не носитель компетенций, а личность. Второй риск — ослабление роли учителя как нравственного центра. Если педагог воспринимается лишь как оператор платформ и т.д. и т.п., постепенно исчезает его главное предназначение — быть воспитателем, свидетелем человечности и носителем личного примера. Третий риск — подмена внутреннего роста внешней успешностью. Ученик может быть быстрым, технологически грамотным, но при этом внутренне незрелым и неготовым жить жизнь. Четвертый риск — иллюзия общения. Искусственный интеллект способен поддерживать общение таким образом, что у человека возникает ощущение эмоциональной связи. Приведу пример: часто дети задают вопросы Алисе не только по поводу обучения, а человеческие вопросы, например: «Ты любишь мороженое?», не отдавая отчет, что это программа, робот, что она не ест и не пьет...но наши дети продолжают очеловечивать ее, говорят ей «спасибо» за ответ, и это не дань вежливости, а ответ человека «человеку». Задайте вопрос: «Почему Алиса – человек?» Самый частый ответ, который Вы получите: «Она может говорить и правильно отвечает!» Присутствует коммуникация, но не каждая коммуникация — это встреча человека с человеком (здесь можно

привести много примеров). Поэтому православие и педагогика сердца святителя Нектария Эгинского важны сегодня как никогда. Это не обращение к прошлому, а ответ на вызовы цифрового века. Педагогика сердца святителя Нектария Эгинского помогает увидеть то, что школа обязана стремиться не только передавать знания и наращивать умения (skills), но и воспитывать внутреннего человека. Без этого духовно-нравственного основания даже самая современная образовательная система рискует стать духовно ущербной, будучи технически совершенной.

Автор данной статьи не ратует за отказ от искусственного интеллекта. Речь идет о том, чтобы использовать искусственный интеллект правильно. Безусловно, эта ответственность лежит на плечах педагога. Искусственный интеллект-удивительное изобретение, которому под силу освободить педагога/учителя от целого ряда рутинных неинтересных задач, например: поиска материалов, систематизации информации и т.д. и т.п. Может быть, в этом случае у учителя появится больше времени для его основной функции- воспитательной работы, а именно: живого разговора, внимательного наблюдения, личного наставничества.

Искусственный интеллект и учитель действуют на разных уровнях педагогической реальности. Первый силен там, где требуется обработка данных, адаптация материала, тренировка навыка и информационная поддержка. Второй незаменим там, где необходимо увидеть внутреннее состояние ребенка, распознать тревогу, поддержать в нравственном выборе, показать ценность человека. Поэтому педагог не должен превращаться в оператора цифровых платформ. Его главная миссия должна быть воспитательной. В этом смысле опасения, связанные с заменой учителя машиной, должны рассматриваться не только технически, но и философски: речь идет о границах самой педагогической деятельности [3].

Практический вывод для современной образовательной среды состоит в необходимости правильной иерархии. Искусственный интеллект должен оставаться средством, а не смысловым центром образования. Он может усиливать обучение, но не должен подменять воспитание. Чем совершеннее становятся цифровые помощники, тем важнее сохранять ясное понимание того, что педагогика не сводится к управлению информацией. Таким образом, искусственный интеллект и педагогика сердца относятся к разным порядкам педагогической реальности. Искусственный интеллект работает со знанием, структурой, скоростью, тренировкой и обработкой информации. Педагогика сердца работает с внутренним человеком: его совестью, свободой, любовью, ответственностью и нравственным становлением. Искусственный интеллект может отвечать и помогать. Но

воспитывает личность.

В эпоху искусственного интеллекта наследие святого Нектария Эгинского приобретает особую актуальность. Оно напоминает, что образование — это не только передача знаний, но и формирование человека; не толь-

ко развитие интеллекта, но и созидание сердца. Технологии могут быть полезными помощниками образования, но они не должны занимать место человека. Чем умнее становятся машины, тем важнее сохранить в центре школы живого учителя — любящего и ответственного, потому что человеку всегда нужен только человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Miao F., Holmes W., Huang R., Zhang H. AI and Education: Guidance for Policy-Makers. Paris: UNESCO, 2021. — 50 p.
2. Selwyn N. Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education. Cambridge: Polity Press, 2019. — 160 p.
3. Нектарий Эгинский, свт. Путь к счастью: из наставлений святого Нектария Эгинского. М.: Сибирская Благовонница, 2011. — 32 с.
4. Ανδρουλιδάκης-Πετράκης Ρ., Πετράκης Ε. Ο Άγιος Νεκτάριος ως εκκλησιαστικό διοικητικό στέλεχος. Ηράκλειο Κρήτης, 2011.
5. Иоанн Златоуст. О тщеславии и о том, как должно родителям воспитывать детей // Антология педагогической мысли христианского средневековья: пособие для учащихся педагогических колледжей и студентов вузов: в 2 т. Т. 1: В Христе сокрыты все сокровища премудрости. Путь христианского образования в трудах Отцов Церкви и мыслителей христианского средневековья / сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. С. 173–195.
6. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1985. — 496 с.
7. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. Киев: Радянська школа, 1972. 244с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. — 832 с.

© Пугачева Елена Вячеславовна (lena-1805@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

PEDAGOGICAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF A LIFE SAFETY CULTURE AMONG MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS

**P. Rabadanova
N. Astarkhanova
T. Gadzimagedova**

Summary: The article examines the pedagogical foundations for the formation of a life safety culture among medical university students as an integrative personal and professional construct that ensures future physicians' readiness for safe professional practice in high-risk environments. The relevance of the study is determined by the increasing requirements for the quality of medical training and the need to prepare specialists capable of making responsible decisions in clinical practice and emergency situations. It is concluded that systematic integration of safety-related issues into professional medical training and purposeful pedagogical design of this process are necessary. The findings can be used in the development of educational programs and instructional materials for medical universities.

Keywords: life safety culture, professional training, simulation technologies; professional responsibility.

Рабаданова Патимат Магомедовна

Кандидат биологических наук, доцент,
Дагестанский государственный медицинский
университет, г. Махачкала
rabadanova1968@yandex.ru

Астарханова Нурият Раджабовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала
nuriatastar@yandex.ru

Гаджимагомедова Тамила Исаевна

Кандидат педагогических наук, ассистент,
Дагестанский государственный медицинский
университет, г. Махачкала
tamilahiv05@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются педагогические основания формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов медицинских вузов как интегративного личностно-профессионального образования, обеспечивающего готовность будущих врачей к безопасной профессиональной деятельности в условиях повышенных рисков. Актуальность исследования обусловлена возрастанием требований к качеству подготовки медицинских кадров, способных принимать ответственные решения в клинической практике и чрезвычайных ситуациях. Сделан вывод о необходимости системной интеграции вопросов безопасности в профессиональную подготовку будущих медицинских специалистов и целенаправленного педагогического проектирования данного процесса. Полученные результаты могут быть использованы при разработке образовательных программ и учебно-методического обеспечения медицинских вузов.

Ключевые слова: культура безопасности жизнедеятельности, профессиональная подготовка; симуляционные технологии, профессиональная ответственность.

В условиях глобальных социально-экономических трансформаций, роста техногенных и биологических рисков, а также усиления эпидемиологических угроз особую актуальность приобретает проблема формирования культуры безопасности жизнедеятельности (КБЖ) у будущих специалистов системы здравоохранения. Современный медицинский работник функционирует в профессиональной среде, характеризующейся высокой степенью ответственности, вероятностью профессиональных рисков и необходимостью принятия оперативных решений в условиях неопределённости.

В научно-педагогической литературе проблема культуры безопасности рассматривается в контексте общей теории безопасности жизнедеятельности [1; 3; 8; 15],

профессиональной подготовки [2; 4; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 13; 14] и компетентностного подхода [7; 9; 15]. Вместе с тем специфика формирования КБЖ у студентов медицинских вузов изучена недостаточно полно. В большинстве исследований акцент делается либо на формировании отдельных профессиональных компетенций [9, с. 3], либо на организационно-методических аспектах преподавания дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» [13, с. 54], тогда как системное осмысление педагогических оснований данного процесса требует дальнейшей разработки.

Особую значимость приобретает выявление педагогических оснований формирования культуры безопасности жизнедеятельности, понимаемых как со-

вокупность теоретико-методологических подходов, принципов, условий, содержания и технологий обучения, обеспечивающих целостное становление безопасного типа профессионального мышления и поведения будущего врача [4, с. 14; 6, с. 31; 13, с. 54]. К числу таких оснований относятся аксиологический, компетентностный, деятельностный и личностно-ориентированный подходы, интеграция профессиональной и общекультурной подготовки, моделирование профессионально-рискованных ситуаций, а также формирование рефлексивной позиции обучающихся.

Цель статьи — теоретически обосновать педагогические основания формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов медицинских вузов и определить направления совершенствования образовательного процесса в данном контексте.

Методологическую основу исследования составляют положения системного, компетентностного, аксиологического и деятельностного подходов к профессиональному образованию, концепции профессиональной социализации личности и теории формирования культуры безопасности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных теоретических выводов при проектировании образовательных программ, разработке учебно-методического обеспечения дисциплин, связанных с безопасностью жизнедеятельности, а также при организации воспитательной и внеучебной работы со студентами медицинских вузов.

Проблематика формирования культуры безопасности жизнедеятельности в системе высшего образования развивается на стыке педагогики, философии образования, психологии, социологии риска и теории профессиональной подготовки. В научных исследованиях культура безопасности рассматривается как междисциплинарное явление, отражающее уровень осознания субъектами образовательного процесса значимости безопасного поведения, степень усвоения норм и ценностей безопасной деятельности, а также готовность к их реализации в профессиональной практике [15, с. 1583].

В отечественной педагогической традиции культура безопасности жизнедеятельности трактуется как компонент общей культуры личности и одновременно как профессионально значимое качество специалиста. Исследователи подчеркивают её интегративный характер, включающий когнитивный, ценностно-мотивационный, поведенческий и рефлексивный компоненты. Значительное внимание в научной литературе уделяется методологическим основаниям формирования культуры безопасности [14, с. 39]. В рамках компетентностного подхода культура безопасности рассматривается как совокупность универсальных и профессиональных ком-

петенций, обеспечивающих способность специалиста к предотвращению, прогнозированию и минимизации рисков [8, с. 345]. При этом подчеркивается, что речь идёт не только о владении алгоритмами действий в чрезвычайных ситуациях, но и о сформированности ответственного отношения к собственной безопасности и безопасности окружающих [3, с. 63].

С позиций деятельностного подхода формирование культуры безопасности связывается с организацией образовательного процесса как пространства моделирования профессионально значимых ситуаций. Авторы отмечают эффективность практико-ориентированных методов обучения, включая кейс-технологии, деловые и ролевые игры, симуляционные тренинги, анализ профессиональных инцидентов. Подобные формы способствуют формированию у обучающихся способности к принятию решений в условиях риска, развитию стрессоустойчивости и навыков командного взаимодействия [2, с. 205; 7, с. 17; 11, с. 289; 12, с. 340].

Аксиологический подход позволяет рассматривать культуру безопасности как систему ценностных ориентаций личности. Подчеркивается, что без формирования устойчивой ценностной установки на приоритет сохранения жизни и здоровья человека любые знания и навыки остаются фрагментарными и не обеспечивают реального изменения поведения [1, с. 9]. В этом контексте особое значение придается воспитательному потенциалу образовательной среды вуза, формированию профессиональной идентичности будущего специалиста [2, с. 205; 5, с. 11; 10, с. 369].

Отдельный пласт научных работ посвящён вопросам формирования культуры безопасности в медицинском образовании. Исследователи отмечают, что специфика профессиональной деятельности медицинского работника предполагает постоянное взаимодействие с биологическими, химическими, психологическими и социальными рисками. В литературе рассматриваются проблемы биобезопасности, инфекционного контроля, профилактики профессионального выгорания, обеспечения психологической безопасности медицинского персонала [4; 6; 13]. Однако большинство работ сосредоточено на нормативно-организационных аспектах или на формировании отдельных профессиональных навыков, тогда как целостное педагогическое осмысление культуры безопасности как системного личностно-профессионального образования представлено недостаточно.

Исследование выполнено в логике комплексного педагогического анализа проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов медицинских вузов и носит теоретико-эмпирический характер. Методологической основой работы выступи-

ли системный, компетентностный, деятельностный и аксиологический подходы, обеспечившие целостное рассмотрение изучаемого феномена как интегративного личностно-профессионального образования.

Эмпирическая часть исследования проводилась на базе Дагестанского государственного медицинского университета и Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова (Республика Дагестан, Махачкала). В исследовании приняли участие студенты 1–4 курсов лечебного и педиатрического факультетов, а также кафедры анатомии, физиологии и медицины. Общий объём выборки составил 318 человек, что обеспечило репрезентативность полученных данных.

Для диагностики уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности использовались авторские и адаптированные методики, направленные на выявление: когнитивного компонента (уровень знаний в области профессиональной и личной безопасности); ценностно-мотивационного компонента (отношение к проблемам безопасности, степень выраженности ответственности за сохранение жизни и здоровья); поведенческого компонента (готовность к безопасному поведению в учебных и моделируемых профессиональных ситуациях); рефлексивного компонента (способность к самооценке и анализу собственных действий с позиций безопасности).

Формирующий этап эксперимента предусматривал внедрение комплекса педагогических условий, включающих: интеграцию вопросов безопасности в профессиональные дисциплины; использование симуляционных и кейс-технологий, моделирующих профессионально-рискованные ситуации; организацию междисциплинарных занятий; развитие рефлексивной позиции студентов посредством анализа профессиональных ситуаций и самооценки действий; включение воспитательных мероприятий, направленных на формирование ценностного отношения к безопасности пациента и собственной профессиональной безопасности.

Оценка эффективности внедрённых условий осуществлялась посредством сопоставления результатов констатирующего и контрольного этапов эксперимента в контрольной и экспериментальной группах.

В качестве критериев сформированности культуры безопасности жизнедеятельности определены:

- Когнитивный критерий – полнота и системность знаний о рисках профессиональной деятельности и способах их предупреждения.
- Ценностно-мотивационный критерий – выраженность установки на приоритет безопасности, профессиональная ответственность.

- Поведенческий критерий – практическая готовность к безопасным действиям.
- Рефлексивный критерий – способность к анализу и коррекции собственного поведения.

Уровни сформированности (низкий, средний, высокий) определялись на основании совокупности количественных и качественных показателей.

Результаты констатирующего этапа исследования показали, что исходный уровень сформированности культуры безопасности жизнедеятельности у студентов медицинского вуза является недостаточным и характеризуется выраженной неравномерностью развития ее структурных компонентов.

Анализ когнитивного компонента продемонстрировал, что лишь 28,4% обучающихся продемонстрировали высокий уровень знаний в области профессиональной и личной безопасности, 46,7% — средний уровень и 24,9% — низкий. При этом наибольшие затруднения вызывали вопросы, связанные с алгоритмами действий в условиях инфекционной угрозы и междисциплинарного взаимодействия при чрезвычайных ситуациях (правильные ответы были получены в 52% случаев).

Исследование ценностно-мотивационного компонента показало, что 61,3% студентов декларируют приоритет безопасности пациента как профессиональную ценность, однако лишь 37,8% демонстрируют устойчивую внутреннюю установку на соблюдение стандартов безопасности вне контроля со стороны преподавателя или администрации. У 22,5% респондентов выявлена фрагментарная, ситуативная ориентация на соблюдение норм безопасности.

Оценка поведенческого компонента в условиях моделирования профессионально-рискованных ситуаций выявила, что только 31,6% студентов продемонстрировали готовность к самостоятельному принятию безопасных решений без дополнительных подсказок. У 48,9% отмечена частичная готовность, сопровождающаяся колебаниями и потребностью во внешней поддержке, а 19,5% показали низкий уровень практической готовности.

Рефлексивный компонент оказался наименее сформированным: способность к анализу собственных действий с позиций безопасности продемонстрировали лишь 26,2% обучающихся. Более половины студентов (54,4%) испытывали трудности при выявлении допущенных ошибок в моделируемых ситуациях, а 19,4% практически не проявляли стремления к самооценке.

После внедрения комплекса педагогических условий на формирующем этапе эксперимента были полу-

чены статистически значимые изменения показателей в экспериментальной группе. Доля студентов с высоким уровнем сформированности когнитивного компонента увеличилась с 29,1% до 58,3%, при одновременном снижении числа обучающихся с низким уровнем с 25,4% до 8,7%. Средний балл тестирования повысился с 3,4 до 4,5 по пятибалльной шкале.

По ценностно-мотивационному критерию доля студентов с устойчивой установкой на приоритет безопасности возросла с 39,2% до 67,8%. Одновременно количество респондентов с ситуативной мотивацией сократилось почти вдвое — с 21,8% до 11,3%. Индекс внутренней профессиональной ответственности (по авторской шкале) увеличился в среднем на 23%.

В рамках оценки поведенческого компонента доля студентов, демонстрирующих высокий уровень готовности к безопасным действиям в симуляционных условиях, увеличилась с 32,4% до 64,5%. Количество критических ошибок в моделируемых клинических ситуациях снизилось на 41%, а среднее время принятия корректного решения сократилось с 2,8 до 1,9 минуты.

Наиболее выраженная динамика была зафиксирована по рефлексивному компоненту: число студентов, способных самостоятельно выявлять и анализировать риски собственных действий, увеличилось с 27,3% до 59,6%. При повторной диагностике 72,4% обучающихся продемонстрировали способность аргументированно объяснять выбор алгоритма действий с позиций безопасности.

В контрольной группе за аналогичный период были зафиксированы незначительные изменения показателей: прирост высокого уровня сформированности по различным компонентам составил от 4% до 9%, что может быть объяснено естественным процессом обучения.

Статистический анализ подтвердил достоверность различий между экспериментальной и контрольной группами ($p < 0,05$).

Обобщённый анализ уровней сформированности культуры безопасности жизнедеятельности показал, что по завершении формирующего этапа высокий уровень в экспериментальной группе продемонстрировали 61,2% студентов (против 30,5% на констатирующем этапе), средний — 32,7%, низкий — 6,1%. Таким образом, суммарный прирост высокого уровня составил 30,7 процентных пункта.

Проведённое исследование позволило теоретически обосновать и эмпирически подтвердить эффективность педагогических оснований формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов медицинских вузов. В ходе работы уточнено содержание понятия «культура безопасности жизнедеятельности» применительно к профессиональной подготовке будущего врача как интегративного личностно-профессионального образования, включающего когнитивный, ценностно-мотивационный, поведенческий и рефлексивный компоненты. Установлено, что формирование данного качества требует системной организации образовательного процесса и не может быть сведено к освоению отдельной дисциплины.

Результаты констатирующего этапа показали, что при традиционной организации обучения у значительной части студентов наблюдается средний и низкий уровень сформированности культуры безопасности. Наиболее дефицитными оказались рефлексивный и поведенческий компоненты, что свидетельствует о недостаточной ориентации образовательного процесса на моделирование профессионально-рискованных ситуаций и развитие способности к самоанализу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдельдинова А.К. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности как фактор снижения рисков чрезвычайных ситуаций / А.К. Абдельдинова // Вестник науки. — 2020. — Т. 3, № 11(32). — С. 9–11. — EDN GVLLYI.
2. Астарханова Н.Р. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности у учащейся молодёжи / Н.Р. Астарханова, П.М. Рабаданова, Т.И. Гаджимагомедова // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 4(101). — С. 205–208. — DOI 10.24412/1991–5497-2023-4101-205-208. — EDN NUCKIC.
3. Бабаков С.А. Механизмы формирования культуры безопасности жизнедеятельности / С.А. Бабаков, С.М. Лагутина // Чрезвычайные ситуации: предупреждение и ликвидация. — 2020. — № 1(47). — С. 63–68. — EDN OQBFR.
4. Бондаренко А.В. Изучение показателей индивидуального здоровья студентов-бакалавров профиля "Безопасность жизнедеятельности и физическая культура" / А.В. Бондаренко, Е.В. Гаврилова // International Journal of Advanced Studies in Medicine and Biomedical Sciences. — 2020. — № 2. — С. 14–19. — EDN MFBNGX.
5. Головин Н.Л. Педагогический анализ понятия "культура безопасности жизнедеятельности" для среднего общего и профессионального образования / Н.Л. Головин // Педагогический журнал. — 2020. — Т. 10, № 3–1. — С. 11–26. — DOI 10.34670/AR.2020.20.29.001. — EDN TVFFZN.
6. Гризодуб Н.В. Формирование культуры безопасной жизнедеятельности студентов при изучении темы "Медико-биологические основы безопасности" дисциплины "Безопасность жизнедеятельности" / Н.В. Гризодуб // Педагогическая перспектива. — 2021. — № 1. — С. 31–37. —

- DOI 10.55523/27822559_2021_1_31. – EDN IIEHRH.
7. Иванов Ю.С. Интерактивные тренажеры для формирования культуры безопасности жизнедеятельности обучающихся в Центре безопасности МЧС Республики Беларусь / Ю.С. Иванов, А.С. Лукьянов, В.К. Емельянов // Чрезвычайные ситуации: предупреждение и ликвидация. – 2021. – № 1(49). – С. 17–24. – EDN QXTYDW.
 8. Криворотенко С.Н. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности как важнейшее направление обеспечения устойчивого развития общества / С.Н. Криворотенко, Е.Н. Репина // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – № 3–5(61). – С. 345–347. – EDN OVMLSX.
 9. Лепеш Г.В. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности на базе образовательных программ Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования / Г.В. Лепеш // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2020. – № 1(51). – С. 3–6. – EDN NUMGNH.
 10. Оценка уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности обучающихся вуза / А.А. Нурутдинов, Е.Н. Елизарьева, Т.Р. Кабиров [и др.] // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – № 11–2. – С. 369–373. – DOI 10.17513/snt.38941. – EDN VZSUXA.
 11. Рабаданова П.М. Особенности построения безопасной образовательной среды в современном вузе / П.М. Рабаданова, М.М. Аджиева, А.А. Гасанова // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 88–2. – С. 289–293. – EDN ZFZVKO.
 12. Рабаданова П.М. Современные подходы к формированию безопасного образа жизни среди студенческой молодежи / П.М. Рабаданова, А.Н. Гасанов, З.И. Баштукаева // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 85–4. – С. 340–343. – EDN NIOXWA.
 13. Роль изучения дисциплины "безопасность жизнедеятельности" как составляющая в формировании профессиональной культуры будущего врача / К.В. Петрачков, С.Б. Антонова, М.А. Уфимцева, М.В. Дробышевская // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2020. – № 3(72). – С. 54–60. – EDN QMQALQ.
 14. Формирование у учащихся культуры безопасности жизнедеятельности / С.В. Артышко, Н.И. Заярная, Л.П. Микита [и др.] // Среднее профессиональное образование. – 2021. – № 2(306). – С. 39–41. – EDN QXLLCS.
 15. Шаброва Е.С. Методы и средства формирования культуры безопасности жизнедеятельности / Е.С. Шаброва // Научный аспект. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 1583–1588. – EDN TKAESN.

© Рабаданова Патимат Магомедовна (rabadanova1968@yandex.ru), Астарханова Нурият Раджабовна (nuriatastar@yandex.ru),
Гаджимагомедова Тамила Исаевна (tamilahiv05@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-МАТЕМАТИКОВ С УЧЕТОМ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO MATHEMATICS STUDENTS TAKING INTO ACCOUNT NEUROPSYCHOLOGICAL FACTORS

**N. Sytina
E. Ladonina**

Summary: This article examines the influence of neuropsychological factors on the foreign language learning process for mathematics students. It focuses on the strengths of analytical thinking of this category of students as well as potential difficulties they may face during their learning process. The relevance of this study is determined by the need to optimize the educational process which should consider both students' structural thinking and the development of pragmatic communication skills.

The purpose is to develop a set of exercises aimed at adapting traditional foreign language teaching methods to improve the learning effectiveness of mathematics students based on an analysis of their cognitive profile.

The study is based on a generalization of the pedagogical experience of teaching English in technical fields at Volgograd State University, empirical observations and methodological techniques used in working with students majoring in mathematics.

As a result, the cognitive profile of mathematics students is presented highlighting key neuropsychological factors relevant to foreign language learning; a set of exercises is proposed that takes into account the specifics of analytical thinking, and ways to enhance motivation through professionally oriented content are identified.

Keywords: foreign language learning, neuroplasticity, interhemispheric asymmetry, analytical thinking, attention and memory.

Сытина Надежда Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский
государственный университет
n.sytina@volsu.ru

Ладонина Елена Юрьевна

Кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский
государственный университет
e.ladonina@volsu.ru

Аннотация: Статья рассматривает влияние нейropsихологических факторов на процесс обучения иностранному языку студентов-математиков. В статье особое внимание уделяется анализу сильных сторон аналитического мышления, характерного для данной категории обучающихся, а также потенциальным трудностям, возникающим при освоении иностранного языка. Актуальность данного исследования определяется необходимостью оптимизации образовательного процесса обучения, который должен учитывать как структурное мышление студентов, так и формирование прагматических коммуникативных навыков.

Целью исследования является разработка комплекса упражнений, адаптирующих традиционную методику преподавания иностранного языка для повышения результативности обучения студентов-математиков на основе анализа их когнитивного профиля.

Исследование опирается на обобщение педагогического опыта преподавания английского языка на технических направлениях Волгоградского государственного университета, данные эмпирических наблюдений и методические приёмы, применяемые в работе со студентами математических специальностей.

В результате исследования был представлен когнитивный профиль студентов-математиков; выделены ключевые нейropsихологические факторы, значимые для обучения иностранному языку и предложен комплекс упражнений, учитывающий особенности аналитического мышления, и определены способы повышения мотивации через профессионально-ориентированное содержание.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, нейропластичность, межполушарная асимметрия, аналитическое мышление, внимание и память.

Введение

Современные требования к владению иностранным языком в профессиональной среде актуализируют поиск эффективных методов обучения, учитывающих индивидуальные особенности студентов. Как показывает практика, традиционные коммуникативные подходы не всегда в полной мере отвечают ожиданиям и когнитивным стилям учащихся технических специальностей, что привело к выделению в конце XX – начале XXI вв. подхода «английский для специальных целей» (English for Specific Purposes) как в отече-

ственной [5, 7, 8, 9, 14, 15], так и зарубежной методике [20]. Исследования в области психологии свидетельствуют о существовании различных когнитивных стилей: аналитического (характерного для математиков) и холистического (чаще связываемого с гуманитарными дисциплинами) [12]. Студенты физико-математических направлений подготовки демонстрируют выраженный аналитический тип мышления, что подтверждается работами в области психологии профессионального образования [4; 12]. В связи с этим преподаватели и специалисты в области лингводидактики все чаще обращаются к исследованиям в области нейropsихоло-

гии как к возможному ресурсу для оптимизации обучения иностранному языку [1; 16]. Методологическую основу нейронауки в образовании составляет синтез достижений нейропсихологии [6], нейробиологии числа [17, 18, 19, 23] и нейролингвистики [11, 13, 14]. Фундаментальная работа А.Р. Лурии о трёх функциональных блоках мозга позволяет понять нейрофизиологические основы математического мышления, когда задействованы все блоки, с акцентом на блок программирования и контроля [6]. Исследования в области нейролингвистики подтверждают, что обработка языковой информации связана с активностью левого полушария [11], однако успешная коммуникация требует взаимодействия обоих полушарий: правое полушарие участвует в понимании социокультурного контекста, эмоциональной окраски и имплицитных смыслов [10]. В настоящее время формируется направление «нейрообразование» (neuroeducation), рассматривающее связи между нейронаукой и образовательной практикой [2, 21]. Необходимость учёта работы мозга при построении индивидуальных образовательных траекторий подчёркивается также в работах Т.О. Гордеевой [3]. Таким образом, когнитивный профиль студента-математика характеризуется преобладанием аналитического, систематизирующего мышления, что может создавать трудности при восприятии имплицитных смыслов и решении коммуникативных задач на иностранном языке [4; 12; 16]. Склонность к оперированию абстрактными структурами и пространственными образами, по данным некоторых исследований, может влиять на скорость обработки вербальной информации [22]. Вместе с тем сильные стороны математического мышления – логичность, структурированность, умение выявлять закономерности – могут стать основой для эффективного освоения иностранного языка при условии методически обоснованной адаптации учебного материала.

Результаты и обсуждения

Анализ научной литературы и обобщение педагогического опыта преподавания английского языка на физико-математических факультетах позволили выделить нейропсихологические факторы, наиболее значимые для обучения иностранному языку: нейропластичность (способность мозга изменяться под влиянием опыта), функциональная асимметрия полушарий, особенности внимания и памяти, а также мотивационный фактор. При разработке упражнений мы опирались на данные о когнитивном профиле студентов-математиков: развитое логическое и абстрактное мышление, склонность к систематизации, поиску закономерностей и оперированию формальными структурами. Эти особенности учитывались при создании заданий, которые встраивались в практический курс английского языка. Ниже представлены типы упражнений, разработанные с учетом указанных факторов.

1. Учет межполушарной асимметрии

Для активации взаимодействия левого и правого полушарий предлагаются упражнения, сочетающие вербальное и символическое кодирование информации. Студентам-математикам, привыкшим работать с формулами, предлагается переводить математические выражения из символьной формы в словесную и обратно. Такие задания требуют согласованной работы аналитических (левое полушарие) и пространственно-образных (правое полушарие) механизмов.

Задание 1. Прочитайте и запишите словами следующие выражения:

$135 \times 4 = 450$; $512 : 8 = 64$; $425 - 25 = 400$; $730 - 15 = 715$ или 2×2 ; $\sqrt{2}$; и т.п. На последующем этапе студенты записывают формулы под диктовку на английском языке.

Задание 2. Запишите алгебраическое выражение для данной словесной формулировки:

1. Three subtracted from x. 2. Two times x plus 3. The product of x and y subtracted from 4. The sum of 3 and a divided by b.

Подобные упражнения способствуют формированию прочных нейронных связей между абстрактными понятиями и языковыми конструкциями, что создаёт основу для более глубокого усвоения лексико-грамматического материала.

2. Развитие внимания и памяти через категоризацию

Склонность студентов-математиков к систематизации может быть использована для освоения грамматических категорий. Упражнения на выделение формальных признаков частей речи опираются на способность к анализу и классификации, что облегчает запоминание и извлечение информации из долговременной памяти.

Задание 1. Определите часть речи по формальному признаку (суффиксу): Xness, Xty, Xer, Xment, Xfy, Xable, Xship, Xful, Xate, Xation, etc. Следующее задание содержит уже слова с данными суффиксами.

Задание 2. Определите часть речи для следующих слов: quantity, measurement, application, accelerate, thinker, verify, effectiveness, serviceable, colourful, variety, hardship, etc.

Задание 3. Переведите слова, опираясь на значение первого слова в цепочке:

access-accessive-accessibility; significant-significance-signify; to deliver-deliverance-delivery-deliverer; to introduce-introduction-introductory; to survive-survival-survivability; to process-process-processor; to change-changeable-changeability; etc.

Данные задания позволяют использовать аналитиче-

ские способности студентов для выявления языковых закономерностей, что снижает когнитивную нагрузку при запоминании и способствует автоматизации навыков.

3. Использование нейропластичности через профессионально значимый контекст

Нейропластичность наиболее эффективно активируется при включении эмоционально значимого и разнообразного материала. Для студентов-математиков таким материалом являются математические понятия и задачи. Обсуждение знакомых теорем на иностранном языке позволяет сосредоточиться на языковой форме, не отвлекаясь на новое предметное содержание.

Задание. Обсудите теорему Пифагора на английском языке.

Текст для обсуждения:

The Pythagorean Theorem is a fundamental relation in Euclidean geometry among the three sides of a right triangle. It states that the square of the hypotenuse (the side opposite the right angle) is equal to the sum of the squares of the other two sides, called legs. The theorem can be written as an equation relating the lengths of the sides a , b , and the hypotenuse c , often called the Pythagorean equation: $a^2 + b^2 = c^2$

where c represents the length of the hypotenuse, and a and b represent the lengths of the other two sides. The theorem is named after the ancient Greek mathematician Pythagoras, although the idea was known to earlier civilizations as well. There are hundreds of known proofs of the Pythagorean theorem, including a visual one by President Garfield.

Выполнение данного задания включает несколько этапов.

Этап 1. Базовые упражнения на понимание:

- True/False: проверка понимания содержания.
- Find the English equivalents: сопоставление терминов (hypotenuse, legs, equation, proof и др.).
- Term definition: установление соответствия между термином и определением.

Этап 2. Аналитические упражнения:

- Fill in the blanks: заполнение пропусков словами converse, prove, corollary, holds в математическом контексте.
- Описание доказательства теоремы с использованием логических связок (therefore, since, if... then, hence, because).

Работа в знакомом предметном поле снижает языковой барьер, способствует развитию речевых навыков в условиях, приближенных к реальной коммуникации, и

создаёт условия для укрепления нейронных связей, отвечающих за языковую компетенцию.

4. Мотивационный фактор и профессиональная значимость

Формирование устойчивой мотивации у студентов-математиков достигается путем демонстрации практической ценности иностранного языка для их профессиональной деятельности. Эффективным инструментом выступает интеграция элементов «английского для специальных целей», в частности, знакомство с лексикой языков программирования, которая базируется на английском языке.

Задание 1. Выберите правильный перевод без использования словаря:

1. In programming, a return statement ends the execution of a function.
— возврат / поворот / повтор / пробел.
2. To handle an exception in Python, we use key words try, except, else and finally.
— повернуть исключения / прикоснуться к исключениям / обходить исключения / обработать исключения.
3. The company built the language so that it compiles straight to machine code on the fly, as it runs.
— бежать / запускать / публиковать / показывать.
4. Windows Vista is becoming buggy over time.
— глупый / большой / дефектный / дорогой.

Задание 2. Студентам предлагается фрагмент кода на Python, содержащий ошибку. Задача – перевести текст, понять задачу, исправить ошибку и объяснить действия на английском языке. В качестве домашнего задания предлагается скопировать текст ошибки, найти в англоязычных источниках информацию о правильной синтаксисе, проанализировать сообщение об ошибке и определить ключевые слова, указывающие на проблему.

Такая работа создаёт естественную профессиональную мотивацию, позволяет увидеть английский язык как инструмент решения реальных задач и способствует формированию устойчивого интереса к его изучению.

Таким образом, оптимизация традиционной методики (в частности, коммуникативного и грамматико-переводного подходов) для студентов-математиков заключается в смещении акцента с интуитивно-коммуникативных приемов на структурно-аналитические, с одновременным использованием профессионально значимого контекста, что достигается за счёт адаптации учебных материалов и приёмов к когнитивному профилю обучающихся, а также активации тех нейropsychических механизмов, которые у студентов-математиков развиты наиболее сильно и которые делают обучение

Таблица 1.

Результаты педагогического эксперимента.

группа / критерии	ПМИ-252 традиционное обучение (100%)	ПРИ-252 экспериментальное обучение (100%)
1. динамика языковой компетенции	40	60
2. скорость выполнения задания	50	50
3. успеваемость по дисциплине	30	70

более экологичным для студентов с аналитическим типом мышления: вместо абстрактных диалогов – работа с формулами и кодом; вместо интуитивного «чувства языка» – выявление правил через категоризацию; вместо игровых заданий – решение реальных профессиональных задач на английском.

Чтобы оценить результативность и эффективность предложенного опыта обучения иностранному языку и уточнить механизмы, лежащие в основе успешного обучения, использовался комплексный подход, сочетающий педагогические и психологические методы.

В условиях учебного процесса был проведен педагогический эксперимент: была отобрана контрольная группа студентов, которая обучалась по традиционной методике (направление подготовки «Прикладная математика и информатика» – ПМИ-252), и экспериментальная группа, для которой в обучении применялись разработанные упражнения (направление подготовки «Программная инженерия» – ПРИ-252). Оценка результативности обучения студентов проходила в формате сравнения работы обеих групп на протяжении одного семестра. В качестве критериев оценки были взяты следующие аспекты: динамика языковой компетенции студентов, включая правильное использование лексики и грамматики, понимание текстов и владение устной речью (данный критерий измерялся через стандартизированные тесты и разработанные нами контрольные срезы); скорость выполнения заданий, которая фиксировалась нами при работе с тестами. Одним из важных критериев нами рассматривалась успеваемость по дисциплине, включая итоговые оценки студентов. Кроме того, была проведена оценка мотивации и эмоционального состояния студентов обеих групп, которая осуществлялась через общее анкетирование и наблюдение за активностью студентов на занятиях. Результаты педагогического эксперимента представлены в нижеследующей таблице 1.

Таким образом, исходя из полученных данных, можно заключить, что оптимизация традиционной методики с учётом нейропсихологических факторов свидетельствует о результативности обучения студентов-математиков иностранному языку.

Заключение

1. Предложенный комплекс упражнений, разработанный на основе анализа когнитивного профиля студентов-математиков, позволяет адаптировать традиционную методику преподавания иностранного языка к их познавательным особенностям. Учёт факторов межполушарной асимметрии, категоризации, нейропластичности и профессиональной мотивации способствует повышению эффективности обучения.
2. Обучение, опирающееся на аналитическое мышление и развитые исполнительные функции (способность к планированию, контролю, переключению внимания), может одновременно развивать как языковые, так и профессионально значимые компетенции.
3. Результативность применения представленных упражнений подтверждается данными педагогических наблюдений (повышение вовлеченности, снижение языкового барьера, улучшение показателей текущей успеваемости). Однако для объективной оценки эффективности требуется более тщательное проведение контролируемого педагогического эксперимента с измерением когнитивных и языковых показателей.
4. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку специализированных учебных материалов, учитывающих индивидуальные различия в когнитивных стилях студентов, а также на количественную оценку эффективности предлагаемых методов с привлечением методов нейропсихологического тестирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. Развитие функций программирования и контроля у детей 7-9 лет // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. №1. С.42-63.

2. DK NeuroNet. <https://nti2035.ru>
3. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Шепелева Е.А. Интеллект, мотивация и копинг-стратегии как условия академических достижений // Вопросы психологии. 2015. №1. С.15-26.
4. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. №1. С.46-57.
5. Купряничик Т.В. Английский для специальных целей: к вопросу об анализе потребностей обучающихся // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 4. С. 208–212. <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=39996>
6. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 384 с.
7. Носенко Н.В. Английский для специальных целей для гуманитарных специальностей вузов: методические принципы создания учебного пособия // Современные проблемы науки и образования. 2019. №3. <https://science-education.ru/article/view?id=28947>
8. Парфенова И.В. Теоретические основы и особенности обучения иностранному языку для специальных целей // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №5. С.43-49.
9. Поляков О.Г. Английский для специальных целей. Москва: НВИ-Тезаурус, 2003. 188 с.
10. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового общения // Этнокультурная специфика языкового сознания. Москва, 1996. С.7-22.
11. Ушакова Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики. Москва: Институт психологии РАН, 2011. 524 с.
12. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 272 с.
13. Черниговская Т.В. Язык и мозг: прав ли Дарвин? // Научный альманах «Гор-дон». Москва: НТВ, 2003. С.147-160.
14. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. Москва: Языки славянской культуры, 2020. 448 с.
15. Чикилева Л.С. Практико-ориентированное обучение иностранному языку как предиктор профессиональной успешности выпускников. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. 13(2). С.131-135. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-c-131-135>
16. Шадриков В.Д. Интеллектуальные операции. Москва: Университетская книга: Логос, 2006. 106 с.
17. Ascenzo S.D., Fisher F.H., Shaki S., Lugli L. Number to me, space to you: joint representation of spatial-numerical associations. Psychonomic Bulletin & Review. 2021. <https://d-nb.info/1250674263/34>
18. Butterworth B. The mathematical brain. London: Macmillan, 1999. 446 p.
19. Dehaene S. How we learn. The new science of education and the brain. USA. Penguin Random House LLC, 2020. <https://publish-01.obsidian.md/access/baeaf13c0de0dc44c25047c8eef19047/Files/Books/dehaene%2C%20stanislas%20-%20how%20we%20learn.pdf>
20. Dudley-Evans T., St John M. Developments in ESP: A Multi-Disciplinary Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 10 p. https://assets.cambridge.org/97805215/96756/excerpt/9780521596756_excerpt.pdf
21. Howard-Jones P. Neuroscience and education: Myths and messages. 2014. https://www.researchgate.net/publication/266945518_Neuroscience_and_education_Myths_and_messages
22. Kozhevnikov M., Kosslyn S., Shephard J. Spatial versus object visualizer: A new characterization of visual cognitive style. Memory and cognition. 2005. 33 (4). Pp.710-726.
23. Nieder A.A. Brain for numbers. The biology of a number instinct. Cambridge, MA: The MIT Press, 2019. 365 p. https://books.google.ru/books?id=s4y5DwAAQBAJ&printsec=copyright&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

© Сытина Надежда Александровна (n.sytina@volsu.ru), Ладонина Елена Юрьевна (e.ladonina@volsu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ БИООРГАНИЧЕСКАЯ ХИМИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ – ВЫПУСКНИКОВ МЕДИЦИНСКИХ КОЛЛЕДЖЕЙ И ПЕРВЫЕ ИТОГИ ЕЕ ВНЕДРЕНИЯ

A NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGY FOR TEACHING THE DISCIPLINE OF BIOORGANIC CHEMISTRY FOR MEDICAL COLLEGE GRADUATE STUDENTS AND THE FIRST RESULTS OF ITS IMPLEMENTATION

**I. Sychev
T. Kolosova
Yu. Ivanycheva
E. Laksaeva**

Summary: This article analyzes the results of introducing a new educational technology for teaching bioorganic chemistry to medical college graduates. The innovation consisted of introducing an optional course, "Fundamentals of Bioorganic Chemistry", into the curriculum. It was mandatory only for students who graduated from the medical college and were admitted through an internal examination. The effectiveness of the new technology has been confirmed by the results of an analysis of academic performance throughout the semester and on exams. The trend in average score changes demonstrate the potential of this elective course for students with limited basic chemistry knowledge.

Keywords: bioorganic chemistry, educational technology, elective, students, academic performance.

Сычев Игорь Анатольевич

доктор биологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Рязанский
государственный медицинский университет
i.sytchev@rzgmu.ru

Колосова Татьяна Юльевна

кандидат химических наук, доцент, ФГБОУ ВО Рязанский
государственный медицинский университет
tkkolosova@gmail.com

Иванычева Юлия Николаевна

кандидат биологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Рязанский государственный
медицинский университет
biorganiq@gmail.com

Лаксаева Елена Анатольевна

кандидат биологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
Рязанский государственный медицинский университет
elenalaksaeva@mail.ru

Аннотация: В статье проанализированы результаты введения новой образовательной технологии преподавания биоорганической химии для студентов-выпускников медицинских колледжей. Новшество в преподавании заключалось во введении в учебный план факультативного курса «Основы биоорганической химии», который был обязательным только для студентов, окончивших медицинский колледж и поступивших в результате внутреннего экзамена. Эффективность применения новой технологии подтверждена результатами анализа успеваемости в течение семестра и на экзамене. Динамика изменения величины средних баллов свидетельствует о перспективности использования факультатива для обучения студентов с низким уровнем базовой подготовки по химии.

Ключевые слова: биоорганическая химия, образовательная технология, факультатив, студенты, успеваемость.

Выпускники медицинских колледжей, поступающие в вузы, получают значительное преимущество перед вчерашними школьниками. Они не просто выбирают профессию, а уже имеют опыт, позволяющий им понять ее изнутри и оценить специфику работы врача. Такие абитуриенты более уверены и мотивированы в своем выборе. Это делает их выбор более осознанным, повышает вероятность успешной адаптации к учебе и снижает риск эмоционального выгорания из-за разочарования в профессии, которое случается у выпускников школ, поступающих без четкого понимания особенностей будущей специальности [1].

Поступление в медицинский ВУЗ после колледжа

предпочтительно с нескольких точек зрения. Во-первых, студенты уже имеют основы базовых знаний по профильным дисциплинам (анатомия, физиология, пропедевтика) и общеобразовательным предметам (экономика, история). Во-вторых, они владеют рядом практических навыков работы в медицинских учреждениях. Это дает выпускникам медицинских колледжей конкурентное преимущество и позволяет им начать работать (например, медсестрой или лаборантом) уже с первого курса ВУЗа, в отличие от выпускников средней школы, которые могут работать только после третьего курса [2].

Особое значение для выпускников медицинских колледжей имеет законодательно закреплённая возмож-

ность выбора формата вступительных испытаний: сдать ЕГЭ или пройти внутренние экзамены вуза. Выбор второго варианта позволяет поступить в медицинский вуз сразу после колледжа, не упустив «свежие» знания по химии и биологии.

Успешная сдача внутренних экзаменов (которые, как правило, проще ЕГЭ) позволяет многим выпускникам медицинских колледжей поступить в ВУЗы на первый курс. Но сразу после поступления на первом курсе у этой категории студентов возникают проблемы, связанные с изучением базовой химической дисциплины – Биоорганической химии [3].

Такие студенты испытывают трудности в понимании ключевых разделов органической химии [4], таких как классификация органических веществ, электронное строение атомов и, в частности, атома углерода, гомология и изомерия. Они не способны связать структурные особенности органических соединений с их химическими свойствами, и к тому же не обладают навыками работы в химической лаборатории, что является серьезной проблемой. Это приводит к неудовлетворительным оценкам за устные и письменные ответы на коллоквиумах, и далее к появлению академических задолженностей и даже отсутствию допуска к экзаменам. Для таких студентов традиционная образовательная технология преподавания Биоорганической химии является недостаточно эффективной [5]. Кроме того, проблемы в ее изучении ведут к последующим сложностям в освоении Биологической Химии, Фармакологии и других профильных дисциплин [6].

Чтобы решить эту непростую проблему, мы разработали новую образовательную технологию преподавания Биоорганической химии для студентов, прошедших внутренний экзамен после медицинского колледжа. Эта технология должна включать обязательный факультативный курс [7] Основы биоорганической химии, необходимый для формирования базы знаний у студентов этой категории перед изучением основного курса. Решение проблемы осуществлялось в два этапа: 1) разработка новой, адаптированной для студентов-выпускников медицинских колледжей, образовательной технологии «Основы биоорганической химии» и 2) включение факультативного курса «Основы биоорганической химии» в учебный план ВУЗа как подготовительного этапа.

Целью данного исследования является изучение эффективности новой образовательной технологии путем сравнительного анализа успеваемости студентов – выпускников медицинских колледжей, обучающихся в Рязанском Государственном Медицинском университете имени И.П. Павлова (РязГМУ) на лечебном факультете по дисциплине Биоорганическая химия.

Факультатив Основы Биоорганической Химии преподавался в I семестре для студентов, поступивших в ВУЗ на лечебный факультет в результате успешной сдачи внутреннего экзамена после окончания медицинского колледжа. Новая образовательная технология преподавания Основ биоорганической химии предполагает, что изучение этого факультативного курса является необходимым этапом подготовки студентов к освоению дисциплины Биоорганическая Химия, которая, согласно учебным планам, изучается позже – в течение II семестра.

Факультативный курс содержит 24 часа контактной работы (12 занятий по 2 часа лабораторно-практических занятия) и 48 часов самостоятельной работы, что составляет 2 зачетные единицы. Лекционные занятия не предусмотрены. Программа курса включает два промежуточных контроля в виде письменных работ и итоговый контроль в форме зачета. На каждом занятии студентам предлагалось обсудить теоретические вопросы, охватывающие весь материал школьного курса органической химии. Обучение включало в себя как решение теоретических и практических задач (в том числе ситуационных), так и непосредственное участие в проведении демонстрационных опытов и простых экспериментальных работ по биоорганической химии. Методика преподавания предполагала, что студенты должны регулярно использовать информационные плакаты, таблицы, пространственные модели молекул для лучшего усвоения материала, особенно при изучении изомерии и гомологии органических соединений.

На лабораторно-практических занятиях изучались основные вопросы органической химии, включая теоретические основы, такие как классификация, электронное строение атома углерода, гомология и изомерия, а также свойства ключевых классов органических соединений, таких как углеводороды и функциональные соединения. Одно из занятий было посвящено углеводам как примеру биополимеров. В рамках каждого занятия студенты выполняли задания и упражнения, включающие написание химических реакций для осуществления превращений органических соединений или синтеза заданных веществ. Лабораторные работы и демонстрационные опыты проводились под наблюдением преподавателя.

Основной курс – Биоорганическая химия – преподается в течение II семестра. Освоение этой дисциплины предполагает успешное прохождение четырех рубежных контролей и итогового контроля в виде экзамена. Первый рубежный контроль включает материал по теоретическим основам Биоорганической химии, а именно – номенклатура органических соединений, понятия сопряжение и ароматичность, электронные эффекты заместителей, виды изомерии органических соединений, особенности оптической изомерии, кислотность и основность, а также касается базовых химических свойств углеводов. Фа-

культурный курс предполагает изучение этих же тем в меньшем объеме, сравнимым со школьным курсом.

Второй рубежный контроль по курсу Биоорганической химии охватывает свойства монофункциональных соединений: спиртов, тиолов, аминов, альдегидов, кетонов и карбоновых кислот. Изучение свойств гетерофункциональных соединений-метаболитов: аминокислот, гидроксилированных, оксокислот, – участников биохимических процессов – является их логическим продолжением. Два последующих промежуточных контроля затрагивают строение и химические свойства биополимеров: углеводов, пептидов и белков, липидов, нуклеиновых кислот.

Для оценки эффективности новой образовательной технологии изучения Биоорганической химии нами было проведено исследование успеваемости студентов лечебного факультета I курса.

С этой целью мы проанализировали уровень успеваемости по четырем рубежным контролям по дисциплине Биоорганическая химия в течение II семестра и по итоговому контролю – экзамену. Мы сравнили успеваемость студентов, обучавшихся на I курсе в 2023–2024 учебном году до введения факультативного курса Основы биоорганической химии, и студентов, изучавших его в I семестре I курса в 2024–2025 учебном году. В первом случае было проанализирована успеваемость 53 студен-

тов, а во втором – 70 студентов.

На диаграмме 1 представлены сравнительные результаты – средние баллы, полученные за рубежные контроли и итоговый контроль – экзамен по дисциплине Биоорганическая химия. (Диаграмма 1.)

Помимо анализа средних баллов успеваемости в течение семестра нами было проведено сравнение относительного количества (в %) оценок «хорошо» и «отлично» в этих выбранных группах студентов. На диаграмме 2 представлены результаты проведенного анализа. (Диаграмма 2.)

Увеличение среднего балла первого рубежного контроля (с 3,2 до 3,8) и доли хороших и отличных оценок (с 32% до 47%), несомненно, вызвано более осознанным восприятием сложных тем теоретических основ Биоорганической химии студентами, обучавшимися в 2024–2025 учебного года после изучения факультативного курса. Так изучение явлений сопряжения и ароматичности требует четкого понимания электронного строения атома углерода в различных гибридных состояниях, чему было посвящено целое занятие, проведенное в рамках факультатива. На занятиях по Биоорганической химии этот вопрос обычно не рассматривается, так как является фрагментом школьной программы. Логическим продолжением понятий сопряжение и ароматичность является тема Электронные эффекты. Определение ин-

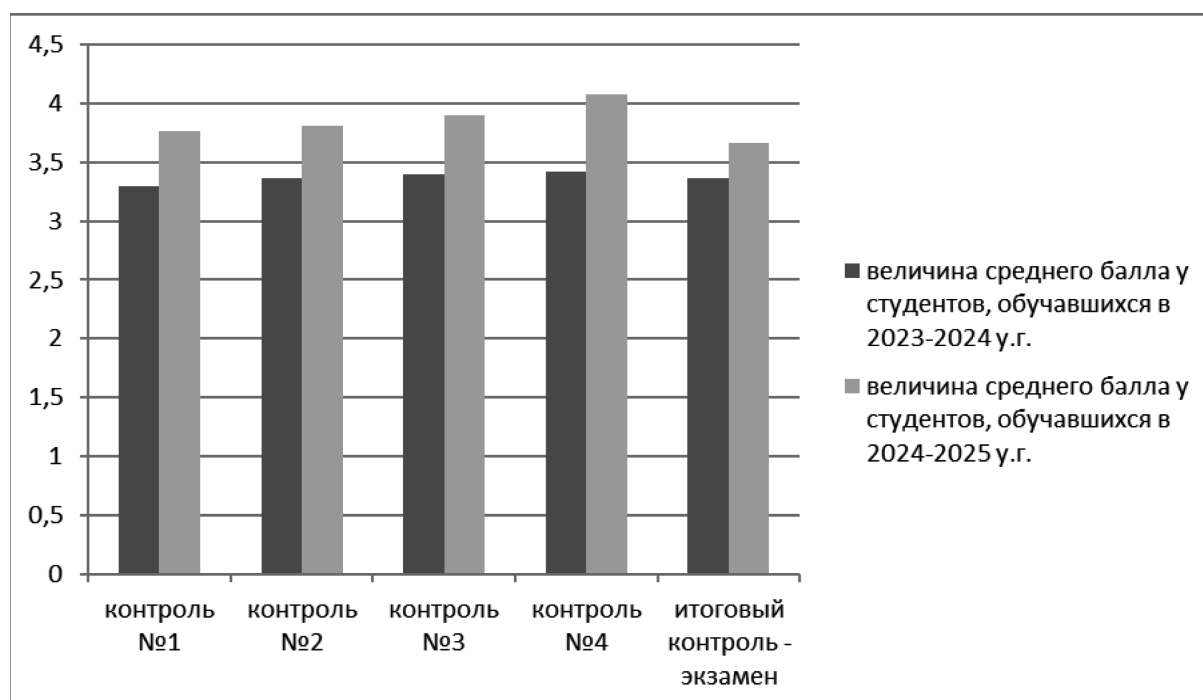


Диаграмма 1. Динамика изменения величины средних баллов по рубежным контролям и экзамену по дисциплине Биоорганическая химия у студентов, обучавшихся в 2023–2024 учебном году до введения факультативного курса, и у студентов, обучавшихся в 2024–2025 учебном году с предварительным прохождением факультативного курса Основы биоорганической химии

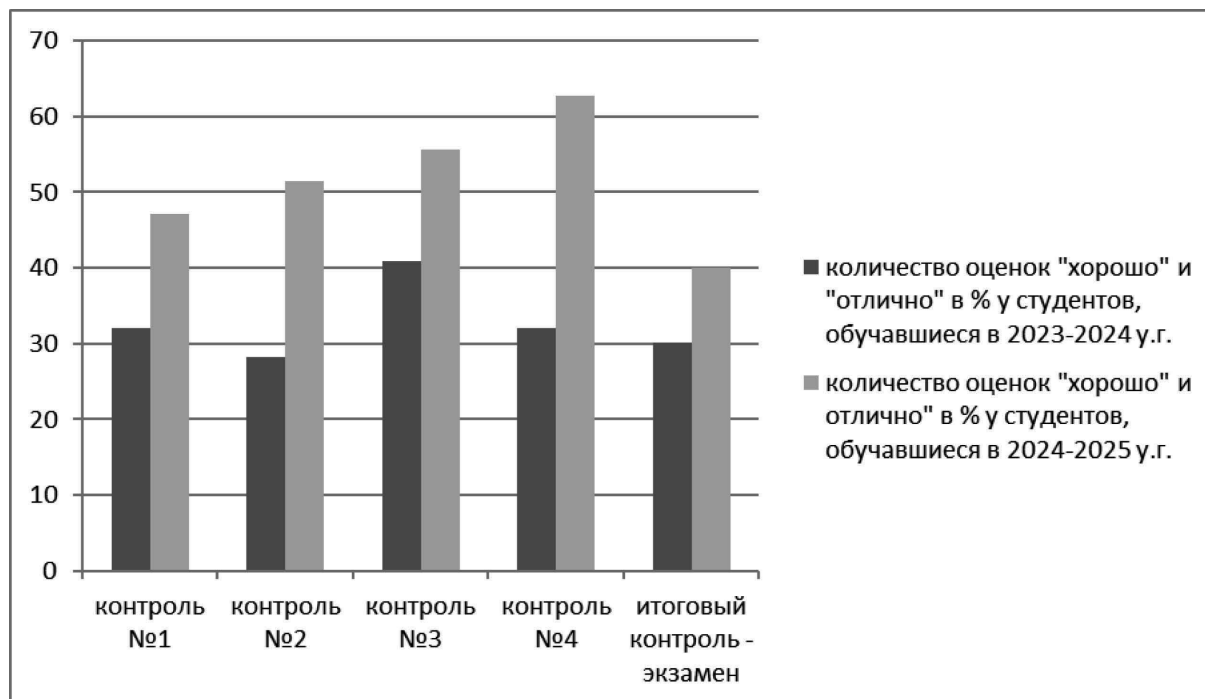


Диаграмма 2. Изменение успеваемости студентов по рубежным контролям и экзамену по дисциплине Биоорганическая химия у студентов, обучавшихся в 2023–2024 учебном году до введения факультативного курса, и у студентов, обучавшихся в 2024–2025 учебном году с предварительным прохождением факультативного курса Основы биоорганической химии

дуктивного эффекта заместителя не вызывает проблем у студентов, все проблемы обычно связаны с анализом того, присутствует ли в частице или нет мезомерный эффект. Отчетливое представление явлений сопряжение и ароматичности облегчает решение этой задачи.

Тема кислотность и основность органических соединений является сложной для студентов – выпускников медицинских колледжей. Если «кислотность по Бренстеду» интуитивно связывается ими со школьным термином «кислотность по Аррениусу», то понятие основности по Бренстеду – нет. На занятиях факультатива, посвященных аминам и аминокислотам, уделялось повышенное внимание реакциям, подтверждающим основные свойства этих соединений, что помогало студентам освоить данную тему.

Первый рубежный контроль по Биоорганической химии также включал вопросы, связанные с химическими свойствами углеводов. Хотя эти темы подробно рассматривались на занятиях факультатива, существует сложность в их изучении, которая заключается в том, что близкие по написанию формулы углеводов различных классов путаются в сознании и памяти студентов. Следует отметить, что в целом химические свойства углеводов не вызывают особых проблем на рубежных контролях и экзамене.

Изучение факультативного курса благоприятно по-

влияло на освоение тем, входящих во второй рубежный контроль: рост среднего балла с 3,4 до 3,8 и рост относительного числа оценок «5» и «4» с 28% до 51%, что наглядно представлено на диаграммах 1 и 2. Также как и свойства углеводов, на занятиях факультативного курса подробно рассматривались свойства монофункциональных соединений: спиртов, тиолов, фенолов, аминов, альдегидов и кетонов, карбоновых кислот. Последующее их изучение в курсе Биоорганической химии позволяет логично перейти от изучения свойств монофункциональных соединений к изучению свойств полифункциональных и гетерофункциональных соединений-метаболитов. Причем последние часто вызывали затруднения у слабых студентов из-за пробелов в знаниях химических свойств основных классов химических соединений. Подробное изучение базовых свойств химических соединений позволило закрыть эти пробелы и облегчить освоение достаточно сложной темы «Поли- и гетерофункциональные соединения».

Третий и четвертый рубежные контроли посвящены изучению биополимеров: углеводов, пептидов и белков, а также нуклеиновых кислот. Мы наблюдаем существенное увеличение среднего балла коллоквиумов (с 3,4 до 3,9 и с 3,4 до 4,1 для 3 и 4 коллоквиумов, соответственно) и количества хороших и отличных оценок (с 41% до 56% и с 32% до 63% для 3 и 4 коллоквиумов, соответственно). Это однозначно связано с выработкой необходимых навыков построения громоздких химических формул био-

полимеров. Этот навык первоначально формировался на занятиях по факультативному курсу Основы биоорганической химии при изучении высших карбоновых кислот, аминокислот, моносахаридов. В рамках базового курса Биоорганическая химия студенты расширяют свои знания о структуре и свойствах этих мономеров, что позволяет им в дальнейшем уверенно строить формулы и обсуждать свойства ди- и полисахаридов, пептидов и липидов.

Последний рубежный контроль также включает в себя материал о строении и свойствах гетероциклических соединений, после освоения которого студенты переходят к построению формул нуклеозидов, нуклеотидов и нуклеиновых кислот. Эти темы не изучаются в рамках программ по химии средней школы и медицинского колледжа, и традиционно являются очень трудными для студентов. Программа факультатива также не затрагивала этот материал. Тем не менее, последовательное и подробное изучение биоорганической химии позволяет существенно улучшить качество изучения

этих сложных тем.

Конечным результатом изучения Биоорганической химии является итоговый контроль – экзамен. Согласно диаграммам 1 и 2 средний балл экзамена и доля хороших и отличных оценок выросла: с 3,4 до 3,7 и с 30% до 40%, соответственно.

Итоги проведенного нами исследования показывают, что благодаря введению новой образовательной технологии преподавания дисциплины Биоорганической химии для студентов – выпускников медицинских колледжей демонстрирует свою необходимость и значимость. Многие ее темы стали понятнее, студентам стало легче воспринимать учебный материал. Наше исследование показало перспективность дальнейшего применения факультативной дисциплины основы биоорганической химии. Повышение универсальности и эффективности факультатива в дальнейшем позволит его использовать для обучения любых студентов с низким уровнем начальной подготовки по химии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Н.Г., Погосян С.Г., Соболева Н.И. О мотивации студентов медицинского колледжа к получению образования и их профессиональных намерениях // Медицинская сестра. 2018. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-motivatsii-studentov-meditsinskogo-kolledzha-k-polucheniyu-obrazovaniya-i-ih-professionalnyh-namereniyah> (дата обращения: 09.03.2026).
2. Бобер Е.А. Специфика профессиональных личностных особенностей студентов медицинского колледжа как фактор качества подготовки специалиста // Молодой ученый. — 2013. — № 3 (50). — С. 460–463. — URL: <https://moluch.ru/archive/50/6337>.
3. Большова В.Н. актуальные проблемы преподавания химии в современной школе // Молодой ученый. Международный научный журнал. — 2024. — № 49 (548).
4. Мухаметдинова С.Х., Тюменцева Е.Ю. Моделирование процесса адаптации студентов первого курса к изучению химии // Московский педагогический журнал. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-protseessa-adaptatsii-studentov-pervogo-kursa-k-izucheniyu-himii> (дата обращения: 09.03.2026).
5. Закаблук О.В. Использование технологии формирования познавательных логических универсальных учебных действий в курсе учебного предмета «химия» в условиях реализации ФГОС СОО // Вестник РМАТ. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologii-formirovaniya-roznavatelnyh-logicheskikh-universalnyh-uchebnyh-deystviy-v-kurse-uchebnogo-predmeta-himiya-v> (дата обращения: 09.03.2026).
6. Терах Е.И. Реализация межпредметных связей при изучении биоорганической химии у студентов медицинского вуза // Universum: психология и образование. 2024. №9 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhpredmetnyh-svyazey-pri-izuchenii-bioorganicheskoy-himii-u-studentov-meditsinskogo-vuza> (дата обращения: 09.03.2026).
7. Приймак Е.В. Факультатив как форма организации химического образования // Образовательный процесс. 2019. №8 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fakultativ-kak-forma-organizatsii-himicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 09.03.2026).

© Сычев Игорь Анатольевич (i.sytchev@rsgmu.ru), Колосова Татьяна Юльевна (tkkolosova@gmail.com),
Иванычева Юлия Николаевна (biorganiq@gmail.com), Лаксаева Елена Анатольевна (elenalaksaeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗГЛЯД НА СОЗДАНИЕ ПЕРЕДОВОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ ШКОЛЫ В ВУЗЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

A LOOK AT THE CREATION OF AN ADVANCED ENGINEERING SCHOOL AT A PHYSICAL EDUCATION UNIVERSITY

**V. Tyutyukov
S. Galitsyn
P. Borodin
E. Dolmatova
D. Usyaeva**

Summary: In addressing the challenges of advancing technological development in various sectors of the country's economy while achieving personnel sovereignty, the creation of specialized educational structures in the higher education system that ensure the improvement of human capital quality is becoming an increasingly important area of state educational policy. One such structure is advanced engineering schools (AES). Improving the training of elite and qualified athletes is impossible without the use of high-tech equipment, the creation of which requires the involvement of highly qualified and highly specialized technical personnel – sports engineers.

This article analyzes the conditions for the creation and purpose of AES and expresses an opinion on the possibility of their functioning in non-engineering education systems, particularly in physical education universities.

Keywords: advanced engineering schools, diversification of educational programs, sports engineering, physical education university.

Тютюков Вячеслав Григорьевич

доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО
Дальневосточная государственная академия физической
культуры, (г. Хабаровск)
Doctor_tyutyukov@mail.ru

Галицын Сергей Викторович

доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО
Дальневосточная государственная академия физической
культуры, (г. Хабаровск)
galitsynsv@dvgafk.ru

Бородин Петр Владимирович

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО
Дальневосточный государственный медицинский
университет, (г. Хабаровск)
Borodinpetr@mail.ru

Долматова Екатерина Игоревна

аспирант, ФГБОУ ВО Дальневосточная государственная
академия физической культуры, (г. Хабаровск)
ktri2000@mail.ru

Усяева Дарья Евгеньевна

аспирант, ФГБОУ ВО Дальневосточная государственная
академия физической культуры, (г. Хабаровск)
d.usyaeva@mail.ru

Аннотация: В решении задач, опережающего технологического развитие различных отраслей экономики страны и достижения при этом кадрового суверенитета, создание специализированных, образовательных структур в системе высшего образования, обеспечивающих рост качества человеческого капитала, становится все более актуальным направлением государственной образовательной политики. Одной из таких упомянутых структур, являются передовые инженерные школы (ПИШ). Совершенствование процесса подготовки элитных и квалифицированных спортсменов невозможно без применения высокотехнологичного оборудования, для создания которых должен привлекаться высококвалифицированный и узкоспециализированный технический персонал – спортивные инженеры.

В статье приведен анализ условий создания и предназначения ПИШ, высказано мнение о возможности их функционирования в системе не инженерного образования, в частности в системе вуза физической культуры.

Ключевые слова: передовые инженерные школы, диверсификация образовательных программ, спортивный инжиниринг, вуз физической культуры.

Цель предпринятого исследования, выразившегося в подготовке настоящей публикации, состояла в определении (по данным информационного контента), взаимосвязи развития ПИШ с механизмами трансфера знаний, результатами научно-исследовательской и интеллектуальной деятельности вузов, на базе которых они созданы. Это по своей сути, будет являться – важным аспектом трансформации современного технологического общества, составной частью которого

следует считать и сферу физической культуры и спорта.

Передовые инженерные школы – это образовательные центры нового формата, которые стали создаваться на базе ведущих вузов, при участии высокотехнологичных компаний-партнеров, в соответствии с национальным проектом «Наука и университеты», (до 2020 года, это был проект «Наука»), обеспечивая решение задач подготовки высококвалифицированных инженерных

кадров. Сохранив свою ключевую направленность на развитие научно-образовательной инфраструктуры, поддержку научных исследований и развитие высшего образования, с 2025 года большая часть мер, предусматриваемых упомянутыми проектами по решению задач предоставления молодым людям широкого спектра высококвалифицированных образовательных программ, стипендий, грантов и других возможностей для самореализации, перешла в национальный проект «Молодежь и дети».

В содержании последнего из названных национальных проектов продолжает оставаться проект «Передовые инженерные школы», который ориентирован на подготовку высококвалифицированных кадров, для обеспечения технологического суверенитета страны. Студенты, обучающиеся в таких школах, получают качественную теоретическую подготовку, одновременно, с овладением навыками работы на современном оборудовании и освоением передовых технологий инженерного дела в лабораториях и на производственных площадках. Это позволяет им самим разрабатывать и производить передовую высокотехнологичную продукцию, в сотрудничестве с ведущими компаниями страны.

Следует иметь в виду то, что в первую волну «передового школьного» проекта, вошли не только инженерные вузы Минобрнауки, но и университеты Минздрава, Минсельхоза, Минцифры. Это позволило уже на старте инициативы комплексно охватить ключевые отрасли экономики. Основными направлениями деятельности ПИШ и их технологических партнеров, сегодня является: автоматизация и искусственный интеллект, разработка и применение цифровых двойников, новые материалы и аддитивные технологии, оптимизация технологических процессов, беспилотные транспортные системы, технологии сенсорики, технологии беспроводной связи, цифровое проектирование и моделирование.

Несмотря на отмеченное, направления образовательных программ, реализуемых в ПИШ, все еще распределены неравномерно. Большую долю в перечне программ занимают те, которые связаны с инженерным делом, технологиями и техническими науками. Несколько уступают данным программам те, которые связаны с математическими и естественными науками. В наименьшей мере в ПИШ представлены программы, которые связаны с образованием (педагогические науки), сельским хозяйством (с сельскохозяйственными науками), науками об обществе, и с медициной.

Инженерные школы тесно сотрудничают с ведущими компаниями-партнерами и отраслевыми экспертами, которые привлекаются для разработки учебных программ, в том числе и программ технологической магистратуры, и организуют на своей базе стажировки, производствен-

ные практики, а в последующем, обеспечивают и трудоустройство выпускников.

В стране сейчас насчитывается порядка 50 учебных заведений расположенных в 23 регионах, в которых существуют инженерные школы. В Дальневосточном федеральном округе, представителями которого являются авторы данной статьи, изначально к таким вузам были отнесены Дальневосточный федеральный и Сахалинский государственный университеты.

К 2030 году в стране планируется создать не менее 100 передовых инженерных школ. Следует иметь в виду, что каждая ПИШ работает по одному или нескольким научно-техническим направлениям, которые соответствует профилю взаимодействующих с ними ключевых компаний-партнеров. Школы финансируются за счет федеральных грантов, но на условиях софинансирования со стороны партнеров. Весьма отрядным, следует считать то, что участвовать в деятельности ПИШ, подключаясь к инженерным проектам, могут и школьники.

Чтобы получить грант на создание передовой инженерной школы, вуз должен защитить программу ее развития. В нее, как правило, включаются следующие направления деятельности:

- создание условий для подготовки высококвалифицированных кадров, в том числе специальных образовательных пространств – например, опытных производств и лабораторий;
- внедрение новых программ высшего и дополнительного профессионального образования;
- привлечение специалистов-практиков к преподаванию, решение задач повышения квалификации ППС вузов, проведение стажировок и практик для студентов на базах партнёров;
- ведение прорывных разработок и исследований, коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности;
- участие школьников в деятельности ПИШ с целью профессиональной ориентации.

Таким образом, программы в целом оцениваются по амбициозности цели и результатов, степени проработанности инновационных направлений деятельности, по предполагаемой системе взаимодействия с партнёрами, а также по тому, какой академической репутацией уже обладает претендент на участие в конкурсе.

Создание при ведущих вузах страны передовых инженерных школ, является более чем актуальной инициативой поддержки экономики страны. Высококвалифицированные кадры, обладающие уникальными компетенциями в области программирования, передовых производственных технологий, и ИИ – способны осуществить индустриальный прорыв и обеспечить России мировое лидерство

по ключевым направлениям экономического роста.

Знакомство с практикой деятельности передовых инженерных школ позволяет заключить, что их предназначение состоит в подготовке высококвалифицированных кадров, которые на этапе обучения широко вовлечены в образовательную, научную и производственную деятельность. Особенность обучения в них, с учётом передовых характеристик школ, состоит в значительном увеличении объема учебного времени, отводимого на экспериментирование, решение проблемных задачи, анализ производственных ситуаций. Постигание теории сопровождается организацией индивидуального консультирования, вместо практики реализации общих учебных программ, для обучающихся разрабатываются индивидуальные образовательные траектории, педагогика сотрудничества становится ведущей образовательной практикой. Особое внимание в условиях такой обучающей системы уделяется меж- мульти- и трансдисциплинарности. Таким образом, получается так, что соответствие статусу передовой школы требует от лиц её представляющих решения фронтальных задач [1, 2].

При этом обращения к теории создания и диффузии такой образовательной инновации позволяет рассматривать передовые школы как истинные центры зарождения нововведений [3].

Особо следует отметить ещё один момент позитивизма, связанного с деятельностью ПИШ. Теория эндогенного роста территории утверждает, что их экономический прогресс (скорее всего это касается и роста качества человеческих трудовых ресурсов) не является следствием исключительно внешних факторов, а напротив обусловлен внутренними факторами в первую очередь – развитым (в том числе и физически) и работоспособным человеческим качеством [8]. Данная теория позволяет отнести деятельность образовательных структур подобных ПИШ к движителям эндогенного роста регионов, поскольку они стимулируют концентрацию человеческого капитала высокого уровня.

Сегодня внимание руководства страны к развитию Дальнего Востока вызвано необходимостью геополитического «поворота на Восток», превращением региона в локомотив экономики, через создание новых индустрий и интеграцию с АТР. Именно поэтому приоритетным для Дальневосточного региона является и создание ПИШ. Отдельно вузы Хабаровского края, где проживают авторы данной статьи, имеют внушительный потенциал для создания на их базе таких школ. В первую очередь здесь идёт речь о Тихоокеанском государственном и Комсомольском-на-Амуре государственных университетах.

На базе первого из названных вузов уже существует пока ещё «местная» передовая инженерная школа (ПИШ

ТОГУ «СИГМА») созданная совместно с компанией «Амур-Минералс» и ориентированная на подготовку инженеров горного дела. Кроме того, ТОГУ, довольно успешно реализует сетевые программы «Инженеры для Дальнего Востока», «Проектирование и технология производства летательных аппаратов» с такими центральными вузами страны как МГУ, МАИ и ВШЭ. ТОГУ вместе с КНАГУ подготовили заявку для участия в федеральном проекте «Передовые инженерные школы», чтобы обеспечить решение проблемы подготовки высококвалифицированных кадров для отраслей металлургии и авиастроения.

С учётом обобщения состояния инновационной практики высшей школы можно вести речь о том, что для формирования будущих специалистов, выпускников ПИШ, потенциала изобретателя-конструктора-поисковика, им необходимо создать условия, позволяющие обеспечить объёмную современную практикоориентированную теоретическую подготовку, усиленное ведение научной работы и так же содействовать активному стимулированию творческих трудовых проявлений.

Поэтому среда ПИШ должна являть собой единое целое, объединяющее образовательный процесс, научный поиск и творческое производство [1].

Подводя некоторые итоги реализации проектов ПИШ в прошлом году, можно сослаться на то, что в 2025 году передовые инженерные школы привлекли свыше 51 млрд рублей на поддержку программ своего развития и разработок в интересах бизнеса. Это на 11,6 млрд рублей больше, чем годом ранее.

Сегодня в этой системе реализуется более 1,5 тыс. современных образовательных программ при участии бизнес – партнеров. Популярными новыми программами подготовки кадровых ресурсов стали: системы и средства управления технологическими процессами, радиофизика, электроника и инфокоммуникации, нефтегазовая геология.

С каждым годом растёт число обучающихся в ПИШ: если в 2024 таковых числилось порядка 7 тысяч человек, то в 2025-м для обучения в рамках проекта было уже зачислено более 8 тысяч студентов.

Министр науки высшего образования, РФ Валерий Фальков, перечисляя ключевые практические разработки передовых инженерных школ, выполненные в 2025 году, к наиболее значимым отнес создание для обучения бионических перчаток с нейроинтерфейсом для реабилитации больных после инсульта (Донской ГТУ), костюма-тренажера, с электростимуляцией для спорта и реабилитации (Самарский ГМУ), разработку отечественного аналога геномной ДНК для медицинской диагностики (Ульяновский ГУ) [7].

Вплотную подойдя к высказыванию авторского мнения по вопросу касающегося того, насколько возможно создание ПИШ в вузах физической культуры, можно вести речь о следующем. Да, это достаточно реалистично, в связи с появлением таких профессий как инженер по эксплуатации объектов спортивной инфраструктуры, специалист по обслуживанию и ремонту спортивного инвентаря и оборудования, механик по техническим видам спорта и др.

Кроме того, следует иметь в виду то, что сфера спорта все более технологизируется, беря себе на вооружение большое число инженерно-конструкторских наработок.

По утверждению В.И. Васюка с соавт. (2024), спортивная инженерия – это новая, но быстро расширяющаяся область, которая привлекает большой интерес и инвестиции со стороны профессиональных спортивных клубов, производителей спортивной одежды и оборудования, создателей приложений для здоровья и благополучия, а также разработчиков носимых технологий. Спортивные инженеры используют свои компетенции для разработки материалов, продуктов и систем, которые помогают спортсменам достичь результативности высочайшего уровня, а с другой стороны, позволяет спорту стать более доступным для населения многих возрастных групп. Наличие квалифицированных спортивно-инженерных кадров имеет решающее значение для успешной междисциплинарной работы в спорте, необходимой для реализации инновационных проектов с инженерной составляющей [4].

Сегодня инструментарий работы современного, продвинутого тренера переходит в цифровую область и его дальнейшее профессиональное совершенствование будет происходить с привлечением специализированного программного обеспечения. Поэтому появление инженерных школ в вузе физической культуры следует считать перспективным направлением, объединяющим образование, спортивную науку и современные технологии на уровне совмещения понимания потребностей спорта и технического образования. Она может фокусироваться на разработке инновационного спортивного оборудования, широкой цифровизации тренировочного процесса, проведении исследований в области спортивной инженерии и биоинженерии.

По мнению вице-президента Ассоциации спортивно-инжиниринга России Бориса Дышко (2003), привлечение к данной проблематике инженеров технических специальностей незнающих специфики современного спорта, сущности процессов становления спортивной техники, не может быть эффективным и продуктивным. Поэтому вузы физической культуры вполне могут возложить на себя миссию по доводке инженеров-техников до уровня тех специалистов, для которых сфера физ-

культурно-спортивной деятельности станет областью приложения их инженерных знаний, с учетом познанной спортивно-физкультурной специфики [5, 6].

Примером реализации инновационных подходов в подготовке специалистов основанных на интеграции разнопрофильных образовательных научно-технических программ может служить сотрудничество Белорусского государственного университета физической культуры и Белорусского национального технического университета, позволившее создать научно-образовательный кластер «Интеллектуальные технологии в спорте». Данный кластер вполне может соответствовать стандартам ПИШ.

Ключевыми направлениями деятельности ПИШ могут стать такие как:

- биотехника и робототехника, в рамках, которых может вестись разработка интеллектуальных тренажёров, робототехнических комплексов для реабилитации и анализа движений;
- спортивная инженерия, ориентированная на создание новых материалов для спортивного инвентаря, проектирования специализированных спортивных сооружений, разработку оборудования для маломобильной категории пользователей;
- IT в спорте, предполагающие создание программного обеспечения для анализа эффективности двигательной-технической подготовленности спортсменов, использование искусственного интеллекта и Big Data;
- научные исследования в области физиологии, биомеханики, биоинженерии для оптимизации тренировочного процесса, укрепления и развития человека;
- применение инженерных принципов для проектирования специального спортивного оборудования, анализа результатов тренировочной и соревновательной деятельности, повышения безопасности спортсменов.

Поэтому вполне вероятно появление в вузах физической культуры образовательных программ и исследований, связанных с разработкой, а возможно и производством аппаратно-программных диагностических комплексов значимых для сферы спорта и физической культуры, с разработками, касающимися тренировочно-тренажёрного обеспечения физкультурно-спортивной деятельности, с созданием программных инструментов для цифрового моделирования физкультурно-спортивной деятельности и разработкой интерактивных образовательных платформ. Все это, безусловно, потребует кооперации ПИШ такого вида с партнерами инженерно-технических профессий для организации специфического сетевого обучения и создания опытно-производственных площадок и экспериментальных лабораторий.

Исторически дальневосточный вуз физической культуры (ранее ХГИФК, ныне ДВГАФК) обладал потенциалом обеспечивающим проведение инженерно-технических разработок, сделанных преподавателями, аспирантами и студентами, к числу которых можно отнести изготовление различных тренировочных приспособлений, а также целого ряда комплексных тренажеров, таких как: исследовательский стенд «инерционная беговая дорожка» с комплексом управляющего технического оснащения (синхронизатор, подвеска, визуализатор, горизонтальный «облегчитель»), обеспечивающим моделирование условий искусственной управляемой среды; тренажер, «инерционные ботинки» для оздоровительного бега на месте; тренажер «ускоритель» для моделирования скоростного бега под уклон; беговой тренажер колясочного типа с системой вертикальной разгрузки («стабилизатор колесного типа»); сухой гребной тренажер для каноистов, моделирующий упруго-вязкие свойства водной среды, игровые тренажеры для тенниса и прыжков в длину и др., которые были защищены патентами на изобретения и удостоверениями на рационализаторские предложения.

Безусловно, это все было возможным при спонтанном подборе лиц, обладающих техническим мышлением и способностями решить логические задачи, имеющими интерес к автоматике и инженерным системам. В нынешних условиях следует заниматься специальным селекционным подбором (набором) таких людей (абитуриентов), которые были бы способны при соответствующем уровне обученности не просто «клепать» и «чинить», а обеспечивать целостную работу сложных объектов и систем, имеющих отношение к физической культуре и спорту.

Для создания ПИШ в вузе физической культуре критически важно является формирования научно-педагогического состава с учетом его подбора в соответствии с тремя профильными блоками специалистов: преподаватели инженерных и гуманитарных дисциплин, преподаватели дисциплин медико-биологического цикла и специалисты в области информационных технологий. Такой факт позволит придать реализуемой образовательной программе уникальность, комплексность и междисциплинарность.

Весьма примечательно является то, что создание передовой инженерной школы ДВГАФК является одним из проектов, представленных в разработанной ректором данного вуза стратегии трансформации академии в спортивный высокотехнологический университет (СВТУ) к 2036 году (речь идет о ПИШ СпортЕХ СВТУ) с участием индустриальных партнеров и ориентаций на реальные инженерно-спортивные запросы региона. В соответствии с данным проектом предусматривается запуск магистерских образовательных программ на стыке

Спорт-IT-HealthTech, в соответствии с которыми будет осуществляться подготовка специалистов по разработке цифровых решений, приложений и носимых устройств, применяемых для мониторинга здоровья, улучшения качества жизни населения и оценки составляющей спортивной результативности атлетов.

В последнем случае, в спорте будущего без спортивных инженеров, достижения результатов, превышающих сегодняшние рекорды, будет практически невозможно.

Подготовка кадров, о которых шла речь выше, будет способствовать цифровой трансформации спортивной отрасли, как в сегменте массового спорта, так и спорта высших достижений в соответствии с задачами, установленными в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года, действия которой, с большой вероятностью будет пролонгировано в целях достижения более высоких показателей.

В спорте будущего без спортивных инженеров, достижения результатов, превышающих сегодняшние рекорды, будет практически невозможно. Подготовка таких кадров будет способствовать цифровой трансформации спортивной отрасли в соответствии с задачами, установленными в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года.

Заключение

Данные о деятельности ПИШ, запуск которых произошёл несколько лет назад в ряде ведущих российских вузов, свидетельствует о том, что они становятся важнейшим инструментом трансфера знаний в равноуровневые и разнопрофильные отрасли производства. Разрабатываемые в системе данных образовательно-научных структур программы направлены на масштабирование передового опыта, методов и технологий, что способствует повышению конкурентоспособности, как самих вузов, так и привлечённых партнеров. Передовые ИШ усиливают сотрудничество вузов с партнерами, вовлекая их в совместные научные работы, выполнение совместных научно-исследовательских заказов, поступающих от других сторонних организаций.

Университетам, создающим ПИШ в своей структуре, стратегически важно развивать механизмы сотрудничества с промышленными партнерами для формирования эффективных команд, способных решать актуальные задачи, как самой образовательной организации, так и соответствующего сектора экономики (производства). Деятельность ПИШ линейно коррелирует с уровнем развития профильных отраслей в регионе, а значит, активнее и интенсивнее способствует их развитию, что обеспечивает рост объема различных видов региональной поддержке.

ИНТЕГРАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

INTEGRATING THE DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND LOGICAL THINKING IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS DURING ENGLISH LANGUAGE LESSONS

**A. Fazulzyanova
A. Gavrilina
F. Saglam
R. Khanmurzina**

Summary: This article presents a research-based practical model for developing emotional intelligence and logical thinking in primary school students within the context of English language instruction. Synthesizing two empirical studies, the authors developed and piloted a framework for designing integrated lessons, compiled a systematic set of exercises, and outlined diagnostic procedures and methodological recommendations. The study demonstrates that the concurrent activation of emotional intelligence and logical thinking reduces language anxiety, enhances motivation, and facilitates the formation of universal learning activities in compliance with the requirements of the Federal State Educational Standard for Primary General Education.

Keywords: emotional intelligence, logical thinking, primary school students, English language, game-based learning technologies, Federal State Educational Standard for Primary General Education, integrated teaching.

Фазулзянова Алия Ильнарловна

ЧОУ ВО Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
alia270402@yandex.ru

Гаврилина Алиса Зуфаровна

ЧОУ ВО Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
alisamaulieva@yandex.ru

Саглам Фируза Альбертовна

Кандидат педагогических наук, доцент, ЧОУ ВО Казанский
инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
saglam@ieml.ru

Ханмурзина Римма Ростямовна

Кандидат педагогических наук, доцент, ЧОУ ВО Казанский
инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
rhanmurzina@ieml.ru

Аннотация: В статье рассматривается научно-практическая модель формирования эмоционального интеллекта и логического мышления у обучающихся начальной школы в процессе обучения английскому языку. На основе синтеза двух эмпирических исследований разработан и апробирован алгоритм построения интегрированного урока, разработана система упражнений, описаны процедуры диагностики и методические рекомендации. Доказывается, что синхронное задействование эмоционального интеллекта и логического мышления снижает языковую тревожность, повышает мотивацию и способствует формированию универсальных учебных действий в соответствии с требованиями ФГОС НОО.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, логическое мышление, младшие школьники, английский язык, игровые технологии, ФГОС НОО, интегрированное обучение.

Современная начальная школа, реализуя требования ФГОС НОО, ставит перед учителями задачу не только передачи предметных знаний, но и формирования личностных и межпредметных универсальных учебных действий [11]. В контексте обучения иностранному языку это означает переход от традиционного заучивания лексики и грамматических правил к развитию коммуникативной компетенции, критического мышления, эмоциональной устойчивости и способности к саморегуляции. Однако на практике когнитивное и эмоциональное развитие часто осуществляются разрозненно – логические операции отрабатываются через языковые упражнения, а эмоциональная сфера остается за рамками учебного процесса или выносится исключительно во внеурочную деятельность [4].

Актуальность исследования обусловлена тем, что младший школьный возраст является сенситивным пе-

риодом как для становления мышления, так и для формирования эмоционального интеллекта.

Как показывают психолого-педагогические исследования, дети 7–10 лет находятся в фазе перехода от наглядно-образного к понятийному мышлению, одновременно осваивая навыки распознавания, вербализации и регуляции собственных эмоций и эмоций окружающих [2; 6; 8]. Объединение этих двух направлений в едином образовательном пространстве урока английского языка создает условия для синергетического эффекта – эмоциональная вовлеченность повышает концентрацию внимания и качество запоминания языковых единиц, а логическая структурированность материала снижает тревожность и формирует уверенность в коммуникативной деятельности [1].

Цель данной статьи – теоретически обосновать и

представить практическую модель интеграции эмоционального интеллекта и логического мышления младших школьников на уроках английского языка, опираясь на результаты двух апробированных программ – «Занимательная логика» (развитие логических операций во внеурочной деятельности) и «Калейдоскоп эмоций» (развитие эмоционального интеллекта с помощью игровых технологий). Особый акцент сделан на методических разработках, готовых к внедрению в практику учителей начальных классов.

Эмоциональный интеллект в психолого-педагогической литературе определяется как способность распознавать, понимать, выражать и управлять своими эмоциями, а также считывать и адекватно реагировать на эмоциональные состояния других людей [3; 11]. В структуре эмоционального интеллекта выделяют внутриличностный компонент (самосознание, саморегуляция, самомотивация) и межличностный компонент (эмпатия, социальные навыки). Логическое мышление, в свою очередь, представляет собой вид мышления, оперирующий понятиями, суждениями и умозаключениями на основе законов логики, с опорой на мыслительные операции (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, абстрагирование и конкретизация) [3]. Согласно Г.Р. Ситдиковой и соавторам, развитие указанных эмоциональных и когнитивных компетенций создаёт психолого-педагогическую основу для внедрения креативных методов обучения, среди которых необходимую эффективность демонстрирует также использование арт-терапии для повышения мотивации и интереса к обучению английскому языку [9].

На первый взгляд, данные сферы кажутся разноразправленными, однако в процессе усвоения иностранного языка они неразрывно связаны. Во-первых, эмоциональное состояние напрямую влияет на когнитивные функции – позитивный эмоциональный фон расширяет объем рабочей памяти, снижает языковой барьер и повышает готовность к речевому риску. Следует подчеркнуть, что овладение иностранным языком связано с непрерывным задействованием мыслительных процессов. Сюда входят идентификация структурных формул языка, синтез фразовых конструкций, систематизация слов по смысловым кластерам, а также индуктивное извлечение норм из примеров с их последующей проекцией. Нельзя игнорировать и то, что коммуникативная успешность обучающегося отделима от способности проявлять эмпатию и распознавать жесты и мимику, что образует основу эмоциональной сферы.

Объединение тренировки чувств и рациональности на уроках английского языка основываются на следующих принципах: 1) функциональное совмещение, когда единое упражнение развивает речь и определенный маркер мыслительной функции; 2) безопасная среда, в

рамках которой просчет понимается как фаза критического разбора, а не провала; 3) игровой контекст с применением квази-ситуаций, который будет маскировать процесс обучения для снижения общей тревожности учеников; 4) логическое завершение через осознание, где озвучиванию подлежат как выведенный алгоритм, так и спектр испытанных эмоций и впечатлений [3; 4].

На основе анализа программ «Занимательная логика» и «Калейдоскоп эмоций» разработана четырёх-этапная структура интегрированного урока английского языка для обучающихся начальных классов. Подробнее рассмотрим этапы:

1. Первый этап (5–7 минут) – эмоциональная настройка и логическая разминка. На данном этапе активизируется внимание, запускаются базовые эмоциональные реакции и аналитические процессы. Языковая задача решается через фонетическую зарядку, ритмические паттерны и повторение лексики и игровом формате. Учитель использует шаблоны приветствия, сочетающие вербальные приветствия на английском языке с невербальными сигналами, что способствует развитию эмоционального интеллекта.
2. Второй этап (15–18 минут) – погружение в материал через логику правил и эмоциональный контекст. Ученики осуществляют анализ, сравнение, классификация нового языкового материала, одновременно используя эмпатию и чувства. Введение новой лексики или грамматической конструкции происходит через ситуации, требующие логического вывода и эмоционального отклика. Например, при изучении времен группы Present Simple и Present Continuous учитель предлагает разыграть мини-диалог, в которых персонажи находятся в разных эмоциональных состояниях, и просит вывести обучающихся вывести правило употребления времен самостоятельно, а затем обсудить как эмоция говорящего влияет на выбор грамматической конструкции и интонацию.
3. Практическая коммуникация разворачивается на третьей фазе продолжительностью в 10–12 минут. Здесь через моделирование ролевых конфликтов и поиск решений обучающиеся оттачивают выдержку, дедуктивные способности, умение сопереживать и выявлять импликации. Речевые задачи закрываются за счет диалогов, небольших проектных активностей и условных ситуаций с визуальной опорой. Конфликтная ситуация ролевого взаимодействия подразумевает совокупность следующих факторов – ситуация, логическое осмысление и финал, требующий органичной аффективной окраски.
4. Четвертой ступенью является пятиминутный процесс рефлексии. Обучающиеся задействуют эмоциональное самосознание, заполняя шаблоны

для рефлексии, характеризуя грамматическое правило и давая описание личному эмоциональному настрою. Полученные данные послужат для учителя основой для анализа с целью последующей адаптации методик.

Предметно рассматривая инструментарий, опирающийся на особенности обучающихся начальных классов, выделим следующие упражнения:

1. Упражнение «Аффективно-логический ряд». Его задача – научить ученика разделять состояния, находить синонимы и закрепить тему «Эмоции». Оборудование – набор ситуативных карточек на английском языке и карточки со словами-эмоциями. Ход выполнения – учитель раздает каждому обучающемуся по три карточки с ситуациями. Первое задание – расположить карточки от самой слабой эмоции к самой сильной, устно обосновав порядок расположения карточек. Второе задание – подобрать к каждой ситуации подходящее слово-эмоцию и составить предложение и союзом (например, выпал союз «because», составленное предложение будет выглядеть как «I am happy because it's my birthday»). Третье задание – в парах составить «цепочку» их пяти карточек разных учеников, объяснить их логическую последовательность. Развивающим эффектом будет являться развитие таких навыков как операция сравнений, выявление основания для классификации, эмоциональная дифференциация, практика написания сложноподчиненных предложений.
2. Упражнение «Грамматический сыщик». Цель упражнения – развитие индуктивного мышления, эмоционального восприятия ситуации, усвоение грамматической структуры. Оборудование – раздаточный лист с шестью мини-диалогами, два цвета маркеров. Ход выполнения – обучающиеся читают диалоги, в которых персонажи находятся в разных эмоциональных состояниях. Первое задание – выделить глаголы маркером, сгруппировать их по двум колонкам, попытаться самостоятельно вывести правило употребления времен. Второе задание – обсудить как эмоция говорящего влияет на выбор грамматической конструкции и интонацию. Третье задание – переписать два предложения, изменив эмоцию персонажа и адаптировав грамматику с интонацией соответственно. Развивающий эффект будет являться формирование умения проводить анализ языкового материала, индуктивное обобщение, осознание связи эмоций и речевой практики.
3. Упражнение «Зеркало настроений». Цель упражнения – развитие невербальной эмпатии, распознавание закономерностей мимики, закрепление лексики по теме «Emotions». Оборудование – набор карточек с изображениями лиц с разными

эмоциями, интерактивная доска. Ход выполнения – обучающиеся по парам получают карточки. Один из обучающихся должен показать выражение лица, изображённого на карточке с помощью своей мимики, а второй должен назвать данную эмоцию на английском языке. Первое задание – составить правило (схему) для каждой эмоции в формате: «if eyebrows go up and mouth opens – surprise». Второе задание – проверить выведенное правило на практике, показав эмоцию и проговорив схему вслух. Третье задание – обсудить в каких реальных ситуациях уместно или неуместно показывать эту эмоцию. Развивающий эффект предполагает умение выделять абстрагированные признаки, установление закономерностей, эмпатическое реагирование и активизацию лексики.

4. Упражнение «Пазл слов». Цель упражнения – развитие операции классификации, эмоциональной значимости слов, расширение лексического запаса. Оборудование – набор слов на английском языке, два конверта на парту с надписями «Logic Component» и «Emotional Component». Ход выполнения – обучающиеся распределяют слова по грамматическим и логическим признакам, затем распределяют те же слова по группе эмоциональной окраски – позитивные, негативные, нейтральные. После этого обучающиеся должны придумать мини-истории, используя минимум три слова из каждого конверта, объясняя свой выбор. Развивающий эффект от данного упражнения – обучающиеся способны классифицировать слова по разным основаниям, осознанное понимание эмоциональной коннотации лексики, творческое применение языка.

Для отслеживания эффективности разработанных упражнений предлагается использовать комплекс из трех инструментов:

1. Первый инструмент – эмоционально-логическое портфолио
Обучающемуся предлагается собрать свои лучшие работы за учебную четверть, а после сопроводить каждую работу условными обозначениями (например, зеленая пометка означает, что материал освоен и интуитивно понятен, синяя – ощущение уверенности в своих силах и знаниях, желтая – сигнал о пробелах в материале, красная – абсолютное непонимание темы). После, учитель сопоставляет заполненные досье с качеством выполнения аналитических упражнений, определяя индивидуальные особенности и направления учебной траектории.
2. Вторым средством является дневник наблюдений учителя. В нем отмечается частота когнитивных сбоев и спектр аффективных реакций (насторо-

женность, степень включенность на уроке, уровень сопереживания). Фиксация итоговых результатов ведется по итогам трех смежных занятий для выявления стабильной симптоматики взамен спонтанных всплесков.

3. Третий элемент – блиц-диагностика. Она объединяет три блока – восстановление логической последовательности высказываний, идентификация настроения по части диалога и самостоятельное определение грамматического правила.

Тестирование проводится в начале и конце четверти, для выявления качественных изменений каждого обучающегося.

Дозировка нагрузки является ключевым условием успешной реализации модели. Интегрированные упражнения не должны превышать 30% времени всего урока. Логика и эмоции развиваются постепенно, поэтому перегрузка на одном уроке приведет к снижению мотивации и когнитивному истощению на последующем.

Рекомендуется чередовать разработанные упражнения с классическими языковыми упражнениями из предусмотренного программой УМК, сохраняя баланс между автоматизацией и рефлексией.

Использование визуальных опор обязательно, но должно соответствовать требованиям четкости и контрастности. Схемы, цветовые маркеры и т.д. Снижают

когнитивную нагрузку и помогают обучающимся начальных классов оперировать абстрактными понятиями.

Эмоциональные реакции не подлежат балльной оценке, в отличие от логики и языковых навыков, эмоциональные состояния носят субъективный характер и требуют культуры принятия. Формируется правило – «все чувства важны, главное уметь их называть и выбирать способ действия» [3].

Таким образом, интеграция эмоционального интеллекта и логического мышления на уроках английского языка в начальной школе представляет собой не просто методический прием, а педагогическую необходимость, продиктованную требованиями ФГОС НОО и современными исследованиями в области педагогики и психологии развития. Как показали данные двух апробированных программ, одновременное задействование эмоциональной регуляции и логических операций создает условия для многостороннего развития личности обучающихся, ученики учатся не только думать правильно, но и чувствовать уместно, а язык становится не объектом заучивания, а инструментом самовыражения и познания окружающего мира.

Современное образование – это не выбор между умом и сердцем. Это их интеграция в каждом уроке и слове, а английский язык, как один из самых эмоционально и логически насыщенных предметов, идеально подходит для того, чтобы стать пространством этой интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Е.В. Игровые технологии в обучении младших школьников иностранному языку // Начальная школа, 2021. №4. С. 45–50.
2. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. М.: Юрайт, 2023.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2018.
4. Замбацвиц Э.Ф. Исследование словесно-логического мышления. Вильнюс: Педагогика, 1990.
5. Иванова Е.С. Диагностика эмоциональной сферы младших школьников. СПб.: Речь, 2015.
6. Ковина М.В. Психологические особенности детей младшего школьного возраста // Наука и социум, 2020.
7. Липпман У. Логические закономерности. М.: просвещение, 2005.
8. Немов Р.С. Общая психология. Т.2.М: Юрайт, 2023.
9. Ситдикова Г.Р. Использование арт-терапии для повышения мотивации и интереса к обучению студентов иностранным языкам / Г.Р. Ситдикова, Д.О. Ружин, Ф.С. Айткулова // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 10 октября 2025 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. – С. 124–126. – EDN ZXFXTX.
10. Талызина Н.Ф. Психология детей младшего школьного возраста. М.: Юрайт 2023.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М: Просвещение, 2021.
12. Mayer J.D., Salovey, P. What is emotional intelligence? // Emotional development and emotional intelligence, 1997. P. 3–31.

© Фазулзянова Алия Ильноровна (alia270402@yandex.ru), Гаврилина Алиса Зуфаровна (alisamaulieva@yandex.ru), Саглам Фируза Альбертовна (saglam@ieml.ru), Ханмурзина Римма Ростямовна (rhanmurzina@ieml.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗАХ СЛУЧАЙНЫМ ПРОЦЕССАМ

Фокин Роман Романович

доктор педагогических наук, доцент, Федеральное
Государственное Бюджетное Военное Образовательное
Учреждение Высшего Образования Военно-космическая
академия имени А.Ф. Можайского, (г. Санкт-Петербург)
vka@mil.ru

Абиссова Марина Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное
Государственное Бюджетное Образовательное
Учреждение Высшего Образования Государственный
университет морского и речного флота
имени адмирала С.О. Макарова, (г. Санкт-Петербург)
marabyss@yandex.ru

ABOUT THE CONTENT OF TEACHING RANDOM PROCESSES IN UNIVERSITIES

**R. Fokin
M. Abissova**

Summary: The article discusses teaching mathematics. Random processes are a discipline within mathematics. The article is not devoted to the teaching methodology or the pragmatics of teaching, but rather to the content of teaching. 1. The necessity and essence of innovations in the content of teaching random processes is considered. 2. The author's definitions of the derivative and integral of a random process are discussed. 3. The classical definitions of the derivative and integral of a random process are considered. 4. The author's correction of the classical definition of the integral of a random process is proposed. 5. Various definitions of the derivative of a random process are discussed. 6. Various definitions of the integral of a random process are considered. 7. The terminology of probability theory and random processes is discussed. Correcting some logical errors and inaccuracies in the content of teaching random processes will undoubtedly make learning random processes more friendly, more understandable for students, and increase students' motivation to study them.

Keywords: content of education, universities, motivation, probability, random processes, measure, differentiation, integration, definition, terminology.

Аннотация: В статье фактически обсуждается обучение математике. Случайные процессы – это дисциплина в составе математики. Статья посвящена не методике обучения, не прагматике обучения, а именно содержанию обучения случайным процессам. 1. Рассматривается необходимость и сущность новаций содержания обучения случайным процессам. 2. Обсуждаются авторские определения производной и интеграла от случайного процесса. 3. Рассматриваются классические определения производной и интеграла от случайного процесса. 4. Предлагается авторское исправление классического определения интеграла от случайного процесса. 5. Обсуждаются различные определения производной от случайного процесса. 6. Рассматриваются различные определения интеграла от случайного процесса. 7. Обсуждаются терминологии теории вероятностей и случайных процессов. Исправление некоторых логических ошибок и неточностей в содержании обучения случайным процессам несомненно сделает обучение случайным процессам для студентов более дружелюбным, более понятным, усилит мотивацию студентов к их изучению.

Ключевые слова: содержание обучения, вузы, мотивация, вероятность, случайные процессы, мера, дифференцирование, интегрирование, определение, терминология.

Введение в проблематику исследования

Актуальность работы объясняется трудностями для понимания студентами случайных процессов (СП).

Цель исследования: Выявление (за счет совершенствования содержания обучения) некоторых путей улучшения понимания студентами СП.

Задачи исследования: 1) Обсудить необходимость и сущность новаций содержания обучения СП. 2) Представить авторские определения производной и интеграла от СП. 3) Обсудить классические определения производной и интеграла от СП. 4) Представить авторское исправление классического определения интеграла от СП. 5) Обсудить различные определения производной от СП. 6) Обсудить различные определе-

ния интеграла от СП. 7) Обсудить терминологии теории вероятностей (ТВ) и СП.

1. О необходимости и сущности новаций содержания обучения СП.

Почти все содержание [1] основ математического анализа (ОМА) не представляет собой научной новизны с середины 19 века, соответственно в содержании обучения почти все «тараканы» (неточности, мелкие логические ошибки, ...) были выловлены более века назад. А ТВ [2] [3] с 1930 годов стала, по сути, другой наукой. Она стала частным случаем теории меры (ТМ), которая переживала период бурного научного развития в первой половине 20 века. СП [4] [5] [6] как наука тоже изучает вероятностные явления, но с учетом происходящих изменений во времени. СП изучаются значительно мень-

шим количеством профессиональных направлений, чем ТВ. Соответственно, в содержании обучения ТВ и особенно – в СП «тараканов» пока немало.

«Понимание» математического учебного материала, содержащего логические ошибки – это не настоящее логико-понятийное смысловое понимание [7], это некоторая достаточно стойкая иллюзия понимания, усиленная эффектом того или иного коллектива. Он может содержать и студентов, и преподавателей, и авторов учебников...

В учебниках же по обсуждаемым в статье темам (и на занятиях) классическая смысловая логика Аристотеля-Евклида неявно замещается по сути приемами [8] [9] нейролингвистического программирования (НЛП) сознания обучающегося. Можно не знать, что такое НЛП, но при этом стихийно пользоваться соответствующими приемами.

Авторы статьи ранее ввели понятие псевдо-логики [10] [11] и изучали это явление. Из-за неидеального понимания и неизбежной эвристики [12] она формируется у студента, а потом продолжает жизнь у профессионалов в виде «профессиональных» мифов, а они переходят в учебники. При всех ее минусах псевдо-логика дает студенту реальную методологию выживания в вузе, как и списывание, обман преподавателя, ...

Заметим: 1) Вылавливание «тараканов» в математическом материале не может не быть математическим исследованием. Но оно – педагогически прикладное. В фундаментальную математическую науку ничего нового оно не вносит. 2) Авторы статьи обычно рассказывают студентам математический материал из учебников таким, какой он там есть. А новации рассказываются дополнительно. Они дают студенту возможность настоящего понимания. Приведенные ниже авторские математические рассуждения и формулы – это непосредственно авторская часть содержания обучения СП. Кроме, вероятно, доказательств авторских теорем. Но эти доказательства актуальны для научно-педагогических статей. Они научно обосновывают корректность новаций содержания обучения.

2. Об авторских определениях производной и интеграла от СП

Пусть $\mathbf{N} = \{1; 2; \dots\}$ – множество натуральных чисел; $\mathbf{R}$ – множество действительных чисел. Пусть кортеж (Ω, A, P) – вероятностное пространство в смысле Колмогорова А.Н., где: Ω – множество всех случайных исходов; $\omega \in \Omega$ – случайный исход; A – σ -алгебра измеримых случайных событий ($A \subset 2^\Omega$); P – вероятностная мера.

$$\xi : T \otimes \Omega \rightarrow \mathbf{R},$$

где $T = \langle a; b \rangle$ и b, a – действительные числа или $\pm \infty$ (1)

Формула (1) дает определение СП – это функционал $\xi(t, \omega)$, где T – множество рассматриваемых моментов времени, где T – множество рассматриваемых моментов времени, $t \in T$ – момент времени.

$$\{\xi(t, \omega)\} \quad t \in T, \omega \in \Omega \quad (2)$$

$$\{\{\xi(t, \omega)\} \quad t \in T\} \quad \omega \in \Omega \quad (3)$$

Формулы (1), (2), (3) дают, по сути, эквивалентные определения СП. Из (2) следует, что СП ξ может рассматриваться как множество действительных чисел $\xi(t, \omega)$ при всевозможных $t \in T$ и $\omega \in \Omega$.

В теории СП при фиксированном ω множество действительных чисел $\xi(t, \omega)$ при всевозможных $t \in T$ называется траекторией СП. Траектория СП ξ может также рассматриваться как неслучайная функция ξ от t при фиксированном ω . Из (3) следует, что СП ξ может рассматриваться как множество траекторий по t , взятых при всех ω .

В теории СП сечение СП по определению получается при фиксированном t и меняющемся ω . Сечение СП – это случайная величина (СВ).

Пусть $\forall \omega \in \Omega$ при фиксированном ω траектория СП ξ – это соответственно дифференцируемая (или интегрируемая) по t неслучайная функция при $\forall t \in T$. Тогда от такой траектории (это же неслучайная функция от времени) можно брать по времени производную (или соответственно определенный интеграл по отрезку $[0; t]$, где 0 – момент времени начала наблюдения СП).

Такая производная (или интеграл соответственно) от временной траектории – это тоже временная траектория при фиксированном ω . Для всех ω мы склеим такие траектории и получим новый СП. Этот новый СП мы назовем производной (или интегралом) от старого СП.

$$\xi'(t, \omega) = \frac{d}{dt} \xi(t, \omega) \quad (4)$$

$$\int_0^t \xi(u, \omega) du, \text{ где } T = [0; b] \text{ и } t \in T \quad (5)$$

Формулы (4) и (5) есть формальная запись приведенных выше рассуждений, определяющих, что такое производная (или интеграл) от СП. Эти формулы, рассуждения и определения производной и интеграла от СП – авторские. Они отличаются от классических определений производной и интеграла от СП [4] [5] [6] из соответствующих учебников.

Мы ввели эти авторские определения по двум причинам: 1) Обучающиеся их лучше понимают, чем классические. Точнее, классические определения они в логико-понятийном смысле и не могут понимать – для этого нужно знать ТМ. А изучающие СП часто ТМ предвзрительно не изучали. 2) Классическое определение ин-

теграла от СП математически некорректно. В статье эта некорректность исправляется.

3. О классических определениях производной и интеграла от СП

Формула (6) вводит понятие сходимости в L^2 последовательности СВ $\{\xi_n\}_{n \in \mathbf{N}}$ к некоторой СВ ξ^* . Далее для последовательностей будем писать просто фигурные скобки: $\{\xi_n\}$ в данном случае.

$$\text{l.i.m. } \xi_n = \xi^* \text{ при } n \rightarrow \infty \text{ def } M(\xi_n - \xi^*)^2 \rightarrow 0 \text{ при } n \rightarrow \infty \quad (6)$$

В формуле (6) $(\xi_n - \xi^*)^2$ – это СВ для $\forall n \in \mathbf{N}$, фактически – это последовательность СВ. $M(\xi_n - \xi^*)^2$ – это математическое ожидание этой СВ для $\forall n \in \mathbf{N}$, фактически – это последовательность неслучайных чисел. Так мы ввели новое понятие сходимости в L^2 последовательности СВ, используя известное из ОМА понятие сходимости последовательности чисел. Про СВ вместо $\xi(\omega)$ часто пишут ξ , и для СП вместо $\xi(t, \omega)$ далее иногда будем писать $\xi(t)$.

$$\text{l.i.m. } \xi(t) = \xi^* \text{ при } t \rightarrow t^* \text{ def } \exists C > 0: \forall \{t_n\} (|t_n - t^*| < C \ \& \ t_n \rightarrow t^* \text{ при } n \rightarrow \infty) \Rightarrow \text{l.i.m. } \xi(t_n) = \xi^* \quad (7)$$

Формула (7) вводит новое понятие сходимости в L^2 СП $\xi(t)$ к СВ ξ^* при $t \rightarrow t^*$, используя понятие из (6) сходимости в L^2 последовательности СВ. Также применяется аналогия с известным определением понятия предела обычной (неслучайной) функции по Гейне.

Затем в некоторых [4] [5] [6] учебниках СП «скороговоркой» определяют производную и интеграл от СП. Часто на лекциях вводят новые математические понятия методами, внешне похожими на то, как ранее вводили известные понятия, а эти известные понятия внешне очень похожи на новые. Причем делают это очень быстро, чтобы не повторять снова якобы то же самое. В таких условиях всех новых особенностей, нюансов, и даже логических ошибок обычно не замечает не только студент, но и сам преподаватель.

Авторы статьи ранее писали [13] о том, чем отличается обучение [14] в вузах начала 20 века от обучения в них ныне. Раньше по учебным часам аудиторных занятий было приблизительно вдвое меньше, а творческих занятий – на порядок больше. Студент уже на первом курсе выбирал профессора-куратора (выбор можно было изменить), посещал его научные семинары, выполнял творческие задания, докладывал об этом. Современный студент загружен сверх меры аудиторными занятиями. Получаемые в слишком большом количестве знания он в лучшем случае способен лишь временно запомнить, но не осмыслить. Роль творческих занятий ныне деградирует. Частные фирмы пишут на заказ рефераты, курсовые и дипломные работы. Ныне студент на защите часто не

способен объяснить смысл того, что в «его» творческой работе написано.

$$\xi'(t) = \text{l.i.m. } (\xi(t + \Delta t) - \xi(t)) / \Delta t \text{ при } \Delta t \rightarrow 0 \quad (8)$$

В (8) дается классическое определение производной от СП ξ — это СП ξ' по аналогии с ОМА, там $y'(x) = \lim (y(x + \Delta x) - y(x)) / \Delta x$ при $\Delta x \rightarrow 0$, где $y(x)$ – обычная (неслучайная) функция. При любом фиксированном t выражение $(\xi(t + \Delta t) - \xi(t)) / \Delta t$ – это СП от Δt . Если для некоторого t существует l.i.m. из формулы (8), то это и есть $\xi'(t)$. Пусть этот l.i.m. существует для $\forall t \in T$. Тогда для $\forall t \in T$ получим СВ $\xi'(t)$ – этот СП ξ' назовем производной от СП ξ .

$$\sigma_n = \sum_{k=1}^n \xi(c_k) \Delta t_k \quad (9)$$

$$\Delta_n = \max(\Delta t_1, \dots, \Delta t_n) \quad (10)$$

$$\int_0^t \xi(u) du = \text{l.i.m. } \sigma_n \text{ при } n \rightarrow \infty, \Delta_n \rightarrow 0 \quad (11)$$

В (9), (10), (11'): σ_n – это аналог n -й суммы Дарбу по отрезку $[0; t]$, где взяты точки $0 = t_0 < t_1 < \dots < t_n = t$, пусть $\Delta t_k = t_k - t_{k-1}$, $c_k \in (t_{k-1}; t_k)$, Δ_n называют рангом дробления n -й суммы Дарбу, точнее ее аналога. В (9), (10), (11') используется аналог способа построения [1] простейшего интеграла из ОМА. Его называют интегралом Римана. По некоторым [4] [5] [6] учебникам смысл (9), (10), (11') дает определение интеграла от СП.

Но в ОМА нет определения понятия числового предела от сумм Дарбу при $n \rightarrow \infty$, $\Delta_n \rightarrow 0$, на котором там часто строится определение интеграла Римана. Об этой некорректности многих учебников ОМА говорил на своих лекциях по математическому анализу на Ленинградском мат-мехе д-р. физ.-мат. наук, профессор Г.И. Натансон. Нельзя основываться на том, чего нет, потому (9), (10), (11') корректного определения интеграла от СП не дают.

4. Авторское исправление классического определения интеграла от СП.

Как и в (7), мы будем использовать здесь идеи Гейне. При построении σ_n по (9) мы будем разбивать $[0; t]$ на n частей так, чтобы $\Delta_n \rightarrow 0$ при $n \rightarrow \infty$. Мы будем рассматривать только такие последовательности $\{\sigma_n\}$.

$$\int_0^t \xi(u) du = \sigma^*, \text{ где } \sigma^* = \text{l.i.m. } \sigma_n \text{ при } n \rightarrow \infty \quad (11)$$

Пусть существует СВ σ^* такая, что для любых таких $\{\sigma_n\}$ существует $\text{l.i.m. } \sigma_n = \sigma^*$ при $n \rightarrow \infty$. Теперь мы корректно определим посредством (9), (10), (11) наш интеграл. Если σ^*_1 – такая и $\sigma^*_1 = \sigma^*_2$ почти везде (почти, наверное), то, понятно, что и σ^*_2 – такая. Если сказанное выше будет выполняться для $\forall t \in T$, то можно говорить, что интеграл из (11) – это тоже СП. Его и назовем интегралом от СП ξ .

5. О различных определениях производной от СП

Классическое определение производной от СП дает (8). Авторское определение производной от СП как совокупности траекторий дает (4). Эти определения не эквивалентны. Их связь рассматривается ниже.

Определение, основанное на (4) означает, что для $\forall t \in T, \omega \in \Omega \exists \lim (\xi(t + \Delta t, \omega) - \xi(t, \omega)) / \Delta t$ при $\Delta t \rightarrow 0$. Этот предел назовем $\xi'(t, \omega)$ – это обычное число, которое и является производной по t от СП $\xi(t, \omega)$ при конкретных t и ω . Согласно определению по Гейне предела обычной (неслучайной) числовой функции, это эквивалентно тому, что для $\forall t \in T, \omega \in \Omega \exists C > 0: \forall \{\Delta t_n\} (|\Delta t_n| < C \& \Delta t_n \rightarrow 0 \& \forall n \Delta t_n \neq 0) \Rightarrow \exists \lim \lambda_n(t, \omega) = \xi'(t, \omega)$. Где $\lambda_n(t, \omega) = (\xi(t + \Delta t_n, \omega) - \xi(t, \omega)) / \Delta t_n$. Заметим, что $\xi'(t, \omega)$ от $\{\Delta t_n\}$ не зависит. Отсюда, для $\forall t \in T$ имеет место поточечная ($\forall \omega \in \Omega$) сходимость последовательности функций от ω : $\lambda_n(t, \omega) \rightarrow \xi'(t, \omega)$ при $n \rightarrow \infty$. Очевидно, поточечная по ω сходимость сильнее, чем сходимость почти наверное (почти везде) по ω .

Определение, основанное на формуле (8), означает, что $\forall t \in T \exists \text{ i.m. } (\xi(t + \Delta t) - \xi(t)) / \Delta t = \xi'(t)$ при $\Delta t \rightarrow 0$. Для определенной выше $\lambda_n(t, \omega)$ это означает, что для $\forall t \in T \exists C > 0: \forall \{\Delta t_n\} (|\Delta t_n| < C \& \Delta t_n \rightarrow 0 \& \forall n \Delta t_n \neq 0) \Rightarrow \exists \text{ i.m. } \lambda_n(t) = \xi'(t)$. Отсюда, $\forall t \in T \lambda_n(t) \rightarrow \xi'(t)$ при $n \rightarrow \infty$ по норме $L^2(\Omega)$.

Из сходимости почти везде не следует сходимость по норме L^2 . Из сходимости по норме L^2 не следует сходимость почти везде. Но связь между ними мы попытаемся установить. Известны следующие теоремы Лебега:

Теорема Лебега 1. О сходимости последовательности функций почти всюду и по мере. Пусть: (X, A, μ) – пространство с мерой; $E \in A$; $\mu(E) < +\infty$; $\{f_n\}$ и f – измеримые функции на E ; $f_n(x) \rightarrow f(x)$ почти всюду на E . Тогда f_n сходится к f по мере на E .

Теорема Лебега 2. О сходимости последовательности функций по мере и в L . Пусть: (X, A, μ) – пространство с мерой; $E \in A$; $\{f_n\}$ – измеримые функции на E ; $f_n(x) \rightarrow f(x)$ по мере на E ; $\exists \varphi(x) \in L(E): \forall n |f_n(x)| \leq \varphi(x)$ почти всюду на E . Тогда: $f \in L(E)$, $\{f_n\}$ сходится к f в L

$$\lim_{n \rightarrow \infty} \int_E |f_n - f| d\mu = 0$$

и предельный переход под знаком интеграла

$$\lim_{n \rightarrow \infty} \int_E f_n d\mu = \int_E f d\mu$$

Для нашего случая: $x = \omega$, $E = X = \Omega$, $\mu = P$ – это вероятностная мера, поэтому $\mu(E) = P(\Omega) = 1 < +\infty$, а это условие теоремы Лебега 1.

По теореме Лебега 1: Из сходимости $\lambda_n(t, \omega) \rightarrow \xi'(t, \omega)$ при $n \rightarrow \infty$ почти везде по $\omega \in \Omega$ следует соответствующая сходимость по мере.

По теореме Лебега 2: Если $\exists h(x) \in L: f_n(x)^2 \leq h(x)$ для почти всех x и для $\forall n$, тогда $f_n \rightarrow f$ по норме L^2 . Нам достаточно найти $h(\omega) \equiv H^2 = \text{const}$, такую, что для $\forall \omega |\lambda_n(\omega)| \leq H$, а поскольку $P(\Omega) = 1$, то такая $h(\omega) \in L(\Omega)$.

$$\lambda_n(t, \omega) = \xi'(t + \delta t_n, \omega), \text{ где: } \delta t_n \in (0; \Delta t_n) \text{ при } \Delta t_n > 0; \delta t_n \in (\Delta t_n; 0) \text{ при } \Delta t_n < 0 \quad (12)$$

Из теоремы Лагранжа о среднем следует формула (12). Определим:

Высказывание 1: $\forall t \in T$ производная от СП $\xi(t, \omega)$ в смысле формулы (4) также является ею в смысле формулы (8).

Условие 1: $\forall t \in T \exists H(t) > 0, q(t) > 0: |\xi'(u, \omega)| \leq H(t)$ для $\forall u \in (t - q(t); t + q(t))$ и почти всех ω . Вопрос о дифференцируемости функции ξ в точке t решается локально на $(t - q(t); t + q(t))$.

Авторская теорема 1: Из условия 1 следует высказывание 1. Выше она фактически уже доказана.

6. О различных определениях интеграла от СП

Классическое и корректное определение интеграла от СП дают (9), (10), (11). Авторское – формула (5). Эти определения не эквивалентны. Их связь рассматривается ниже.

По классическому и корректному определению, интеграл от СП – это СП $\sigma^*(t, \omega)$, к которому сходится последовательность СП $\sigma_n(t, \omega)$ по норме $L^2(\Omega)$ при $\forall t \in T$. По авторскому – это СП $\sigma^*(t, \omega)$, к которому поточечно ($\forall \omega \in \Omega$) сходится последовательность СП $\sigma_n(t, \omega)$ при $\forall t \in T$.

Почти все для интегралов работает аналогично рассмотренным выше определениям производной от СП. Определим:

Высказывание 2: $\forall t \in T$ интеграл от СП $\xi(t, \omega)$ в смысле (5) также является им в смысле (9), (10), (11).

Условие 2: при почти всех ω и $\forall t \exists W(t) \geq |\xi(u, \omega)|$ при $\forall u \in [0; t]$.

$$|\sigma_n(t, \omega)| \leq t W(t) \text{ при } \forall u \in [0; t] \text{ и почти всех } \omega \quad (13)$$

Согласно свойствам обычного интеграла Римана из условия 2 следует формула (13). Далее можно применять теорему Лебега 2.

Авторская теорема 2: Из условия 2 следует высказы-

вание 2. Выше она уже фактически доказана.

7. О терминологиях ТВ и СП

Согласованность этих терминологий облегчает обучающимся изучение дисциплины ТВ (ДТВ) и дисциплины СП (ДСП), несогласованность – усложняет. Эти терминологии складывались десятилетиями в процессе развития науки. Мы предлагаем их не менять, а внести информацию об их согласованности и несогласованности в содержание обучения ДСП.

Примеры согласованности терминологий ДТВ и ДСП:

ДТВ: Пусть $\lambda(\omega)$; $\beta(\omega)$ – СВ, это функции от ω – исхода.
ДСП: Пусть $\xi(t, \omega)$; $\eta(t, \omega)$ – СП, это функции также и от t – момента времени.

ДТВ: Для СВ λ математическое ожидание $M\lambda$, дисперсия $D\lambda = M(\lambda - M\lambda)^2$, средне-квадратичное отклонение $\sigma\lambda = (D\lambda)^{1/2}$, где $M\lambda$, $D\lambda$, $\sigma\lambda$ – неслучайные числа.

$$M\lambda = \int_{\Omega} \lambda dP \quad (14)$$

Определение даже математического ожидания формулой (14) не может быть понятным на логико-понятийном уровне без знакомства с ТМ, поскольку интеграл в (14) – это интеграл Лебега из ТМ, а не интеграл Римана.

ДСП: Для СП ξ математическое ожидание $M\xi(t)$, дисперсия $D\xi(t) = M(\xi(t) - M\xi(t))^2$, средне-квадратичное отклонение $\sigma\xi(t) = (D\xi(t))^{1/2}$, где $M\xi(t)$, $D\xi(t)$, $\sigma\xi(t)$ – неслучайные функции от t .

ДТВ: $\lambda^{(0)} = \lambda - M\lambda$ — это центрированная СВ $\lambda^{(0)}$, взятая от СВ λ ; $\lambda^{(n)} = \lambda^{(0)}/\sigma\lambda$ – это нормированная СВ $\lambda^{(n)}$, взятая от СВ λ ;

$\text{cov}(\xi, \eta) = M\xi^{(0)}\eta^{(0)}$ – это ковариация СВ ξ и η ; $\text{cor}(\xi, \eta) = M\xi^{(n)}\eta^{(n)}$ – это корреляция СВ ξ и η .

ДСП: $\xi^{(0)}(t) = \xi(t) - M\xi(t)$ – это центрированный СП $\xi^{(0)}(t)$, взятый от СП $\xi(t)$; $\xi^{(n)}(t) = \xi^{(0)}(t)/\sigma\xi(t)$ – это нормированный СП $\xi^{(n)}(t)$, взятый от СП $\xi(t)$.

Примеры несогласованности терминологий ДТВ и ДСП:

ДТВ: $\text{cov}(\lambda, \beta) = M\lambda^{(0)}\beta^{(0)}$ – это ковариация СВ λ и β ;
 $\text{cor}(\lambda, \beta) = M\lambda^{(n)}\beta^{(n)}$ – это корреляция СВ λ и β .

ДСП: $K_{\xi, \eta}(t_1, t_2) = \text{cov}(\xi(t_1), \eta(t_2))$ – это корреляционная функция (КФ) СП ξ и η ; $K_{\xi}(t_1, t_2) = K_{\xi, \xi}(t_1, t_2)$ – это автокорреляционная функция (АКФ) СП ξ ;

$r_{\xi, \eta}(t_1, t_2) = \text{cor}(\xi(t_1), \eta(t_2))$ – это нормированная КФ СП ξ и η ; $r_{\xi}(t_1, t_2) = r_{\xi, \xi}(t_1, t_2)$ – это нормированная АКФ СП ξ .

Пример несогласованности терминологии СП в учебниках:

Часто вместо $K_{\xi, \eta}(t_1, t_2)$ пишут $K_{\xi\eta}(t_1, t_2)$, но последнее можно понять и как АКФ произведения $\xi \times \eta$ — это один СП. Также часто вместо $r_{\xi, \eta}(t_1, t_2)$ пишут $r_{\xi\eta}(t_1, t_2)$, и это чревато аналогичной ошибкой в понимании.

Заключение

Поскольку разделами статьи 1–7 соответственно успешно решены задачи исследования 1–7, то цель исследования достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высшая математика: Учеб. для вузов: В 3 т. / Я.С. Бугров, С.М. Никольский. – 6-е изд. – М.: Дрофа, 2004. – Т. 2: Дифференциальное и интегральное исчисление. – 512 с.
2. Боровков А.А. Теория вероятностей: Учеб. пособ. – М.: Наука, 1986. – 432 с.
3. Хрущёва И.В. Теория вероятностей: Учеб. пособ. – СПб.: Изд-во «Лань», 2009. – 304 с.
4. Основы математической статистики и теории случайных процессов: Учеб. пособ. / И.В. Хрущёва, В.И. Щербаков, Д.С. Леванова – СПб.: Изд-во «Лань», 2009. – 336 с.
5. Бекарева Н.Д. Случайные процессы: Учеб. пособ. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. тех. ун-та, 2016. – 127 с.
6. Поршкеян В.М. Введение в теорию и практику случайных процессов: Учеб. пособ. – Ростов-на-Дону: Изд-во Донского гос. тех. ун-та, 2014. – 85 с.
7. Фокин Р.Р., Павленко Ю.В. О некоторых неоднозначных фрагментах содержания обучения векторной алгебре, комплексным числам и аналитической геометрии в вузах // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки - № 2, 2026. - С.212-217.
8. Википедия [Электронный ресурс]: Нейролингвистическое программирование. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нейролингвистическое_программирование?usclid=mq252xr2v0148003693 (дата обращения: 06.06.2026)
9. Православное информационное агентство «Русская линия» [Электронный ресурс]: NLP – практика игумена Евмения. // URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=8735> (дата обращения: 06.06.2026)
10. 10 некоторых проблемах в групповом обучении студентов математике и информатике. / Р.Р. Фокин, Д.А. Булекбаев, А.А. Атоян, М.А. Абиссова // Педагогический научный журнал – 2023 – Том 6, № 6 – С. 124-131.
11. Фокин Р.Р. О содержательном аспекте обучения математике и информатике в современной высшей школе // Современные наукоемкие технологии - № 6 (часть 2), 2021. - С.340-344.

12. Д. Пойа Математика и правдоподобные рассуждения. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
 13. Фокин Р.Р. О перспективах применения некоторых инновационных концепций обучения студентов математике. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки – 2015—№ 3—2 - С.138-145.
 14. Одинец В.П. Зарисовки по истории математического образования России со второй половины XVIII века до 1917 года: Учеб. пособ. – Сыктывкар: Изд-во Коми гос. пед. институт, 2011. – 51 с.
-

© Фокин Роман Романович (vka@mail.ru), Абиссова Марина Алексеевна (marabyss@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИГРЫ STARCRAFT: BROOD WAR (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Амосов Николай Васильевич

Старший преподаватель, Финансовый Университет при
Правительстве Российской Федерации, (г. Москва)
Niko-amosov@yandex.ru

THE ANALYSIS OF THE SPEECH FEATURES OF THE GAME STARCRAFT: BROOD WAR (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

N. Amosov

Summary: This article given is aimed at demonstrating how specific the perception of in-game characters and the plot of a computer game world through mediatextual plot-generating array is. The language and visual material of the RTS-game Starcraft: Brood War is taken as the basis, a psycholinguistic research based on the method of an open survey. The psycholinguistic analysis of linguistic units of the computer game Starcraft: Brood War is new to the world of science. The research resulted in collection data on how people can comprehend the plot and characters introduced by means of a given computer game including the linguistic channel.

Keywords: psycholinguistics, stylistics, mediatext, computer game, Starcraft.

Аннотация: Целью данной статьи является демонстрация специфики восприятия персонажей и событий компьютерного мира игры через медиатекстуальный сюжетобразующий массив. В статье за основу берется языковой и визуальный материал компьютерной игры Starcraft: Brood War, проводится психолингвистическое исследование, в основе которого лежит выбранный метод открытого опроса. Определенно новым в науке является психолингвистический анализ языковых единиц компьютерной игры Starcraft: Brood War. В результате получены данные о том, как люди способны воспринимать сюжет и действующих лиц, подаваемых компьютерными средствами игры, включая языковой канал.

Ключевые слова: психолингвистика, стилистика, медиатекст, компьютерные игры, Starcraft.

Актуальность данного исследования определяется ростом интереса к феномену компьютерных игр и развлечений в современном информационном обществе. Компьютерные игры с момента своего появления демонстрируют положительную динамику роста. Из простого цифрового ребуса компьютерная игра превратилась в сложную систему с многоступенчатыми механиками, сложным сюжетом, противоречивыми героям. Это развивающееся явление вызывает все больше интереса и в научном сообществе.

Целью данной статьи является демонстрация специфики восприятия персонажей и событий компьютерного мира игры через медиатекстуальный сюжетобразующий массив. Для достижения вышеуказанной цели потребовалось решение следующих задач: 1. Подвергнуть категориальной оценке языковой материал сюжетобразующих медиатекстов, 2. Провести опрос респондентов с целью выявления их реакций и отбор этих реакций, 3. Дать оценку ответам респондентов с точки зрения психолингвистики, 4. Сделать выводы на основе полученных данных.

Материалом для исследования послужил сюжетобразующий медиатекстуальный массив компьютерной игры Starcraft: Brood War.

Для проведения психолингвистического исследования были выбраны методы лингвистического ана-

лиза, призванный осуществить отбор подтверждающих характеристик персонажей, и открытого опроса, который явился наиболее инструментальным в выявлении реакций респондентов и результаты которого традиционно являются репрезентативными [1].

Для анкетирования традиционно были выбраны центральные персонажи, и этот выбор продиктован их важной ролью в развитии сюжета, глубиной и проработанностью их характеров, которые позволяют раскрыть всю их многогранность в общении друг с другом и второстепенными персонажами. Именно за это они снискали любовь в сообществе фанатов игры.

Изначально был отобран языковой материал их речи, максимально ярко характеризующий персонажей. Также данный материал лег в основу открытого опроса для представления двум группам респондентов с целью выявления их непосредственных реакций. На основе полученных данных были сделаны выводы и подведены итоги.

Метод отбора языкового материала был основан на подходе О.С. Гузиной и М.П. Брандес [2] [3].

Джим Рейнор – колониальный маршал на одной из отдаленных планет Конфедерации в секторе Копрулу. Оказавшись в гуще событий, герой предпринимает все усилия для борьбы с нависшей угрозой и защиты вверенных ему людей. Это типичный экшн-персонаж – герой в

традиционном понимании этого слова. Харизматичный и правдивый Рейнор, его фамильярность, простота в обращении и некая «деревенская неотесанность» только добавляют ему шарма, превращая его для играющего в типичного «своего парня» [4] (*"Howdy, boys! I'm Jim Raynor, Marshal of these parts"*).

Несомненно, его персоналия отражается и в его речи, и авторы постарались сделать его «доступным» именно через его коммуникацию, в которой и проявляется в максимальной степени черты его характера, о котором играющий и может делать те или иные выводы (*"Hey, what's up, man! Got yer refugees tucked in nice and tight!", "Are you outta your mind?! If we had't burnt this damn factory, this entire colony would have been overrun! Maybe if you hadn't taken your sweet time in getting here..."*).

Таким образом, его речь изобилует просторечиями, сленгом, жаргонизмами. Этим и достигается образность его речи (*"Glad to see you, boys! Time to kick some serious butt..."*). Через это она становится коннотативно маркированной, способной оказывать то или иное эмоциональное воздействие на играющего. На лексико-фразеологическом уровне в ней много фразовых глаголов, что характерно для обыденной разговорной речи [5]. В речи Рейнора находит свое место добрый, беззлобный юмор (*"So the Zerg are here for you, darlin'? This keeps getting better and better..."*).

Сара Керриган – это центральный персонаж всей саги Starcraft. Начиная как один из героев Терранов, лейтенант проходит череду метаморфоз (даже в прямом смысле), которые определенным образом озаменовывают знаковые повороты сюжета. По сути, это «сюжетодвигающий» персонаж: каждая из кампаний за ту или иную расу связана с ней и ее действиями. Это героиня с очень сложной судьбой, для которой сюжет предопределяет непростой путь восхождения к грандиозному финалу всей эпопеи, в котором развитие достигает своего пика.

В Starcraft: Brood War можно четко разграничить раскрытие и развитие персонажа до и после метаморфозы. Можно даже сказать, что это, по сути, два разных существа.

В своей человеческой ипостаси Керриган достаточно выдержанный персонаж, ей не свойственны сильные эмоции или она их держит под контролем. Легкость в коммуникации может наблюдаться только в общении с Джимом Рейнором, что намекает на неформальный характер их отношений (*"I've finished scouting the area and ... and you, pig!"*). Поэтому коннотативность можно найти в общении именно с ним. В отличие от Джима, Керриган больше свойственна образность речи, метафоричность, яркие эпитеты, что позволяет предположить некоторую романтичность ее натуры (*"Drop the knight-in-shining-armor routine, Jimmy!"*). Девушке присуще и определен-

ное чувство юмора (см. выше). Совсем другая природа у Керриган после превращения. Это циничный, жестокий, беспринципный махинатор (*"Cerebrate, you'll provide cover for Duran as he infiltrates the pylon clusters. Let nothing stand in our way!"*). В ее речи юмор становится едким, он превращается в сарказм, целью которой является унижение собеседника, деморализация, откровенное оскорбление (*"How'd you manage to scrape up your new fleet? Been raiding the salvage dumps again?"*). Образности в ее речи становится гораздо больше, однако она уже служит выделению своих способностей в сравнении с остальными, своего превосходства над всеми, бахвальству, зачастую пустой браваде (*"I'm pretty much the Queen bitch of the Universe!"*).

Арктурас Менгск – глава радикальной группировки Сыны Корхала. Это хитрый политикан и манипулятор, в его руках люди становятся пешками в большой политической игре (*"You all have your orders. Carry them out!"*). Он беспринципен и хладнокровен, не испытывает сострадания ни к врагам, ни к друзьям (*"I'll rule this sector or see it burnt to ashes around me. If you try to get in my way..."*). При этом его можно охарактеризовать как человека с рафинированными манерами, вежливого собеседника, знающего протокол делового общения на высшем уровне. Он мастер переговоров, убедителен в своих доводах (*"I give you a choice. You can go back to the Confederacy and lose, or you can join us and help save our entire race from the Zerg. I don't think that's a hard decision"*).

Его отличает грамотная, хорошо структурированная речь, изобилующая сложными предложениями, обособленными членами предложения, что подтверждает его принадлежность к интеллигентным кругам (*"We are not merely soldiers. We are the architects of a new future, the builders of a world where strength and unity will guide us to glory!"*). При этом он сдержаннее Рейнора в плане эмоций и коннотативных оценок других персонажей.

Сверхразум — это единое сознание зергов, обладающее самостью и личностью. Поскольку зерги управляются коллективным разумом, Сверхразум является, в сущности, единственным самобытным персонажем расы. Это древнее существо, порождение расы демиургов, существовавшей миллионы лет назад. По этой причине речь Сверхразума сильно выделяется относительно остальных персонажей игры. В ней очень много книжных слов, присутствуют архаизмы, на морфосинтаксическом уровне выделяется большое количество инверсий, наличие параллелизма, антитезы (*"Awaken, my child, and embrace the glory that is your birthright. Know that I am the Overmind, the eternal will of the Swarm, and that you have been created to serve me", "Arise, my daughter. Arise... Kerri-gan", "Well done, cerebrate! What I have wrought this day shall be the undoing of my enemies. Let not a Terran survive!"*).

Даггот и Засз – Церебраты Зергов, непосредствен-

ные отправители воли Сверхразума. По большому счету, их можно назвать ключевыми нервными узлами этого единого организма, который представляет из себя раса Зергов. Нечто похожее представляет из себя раса захватчиков из фильма 2014 года «Грань будущего» («Edge of tomorrow») с Томом Крузом и Эмили Блант в главных ролях, основанном на одноименной манге [6]. К слову, пришельцы в фильме очень сильно внешне напоминают зергов. Даггот и Засз осуществляют управление отдельными выводками Зергов в разных уголках галактики. Их речь достаточно суха, бесстрашна, безэмоциональна. Они информируют играющего о тех или иных происшествиях, технических моментах и прочем (*"The hatchery is the heart of any Zerg colony. It spontaneously generates larvae, which in turn are used to create your various warriors and minions"; "Overlords provide control over your minions. As your forces grow, you must produce new Overlords to manage them. You have sufficient minerals. Select a larva and mutate it into an Overlord"; "Though you be the favoured servant of the Overmind, you would do well to remember that you are just a servant. You know of our grand mission, Kerrigan. Would you put your personal whims before the will of the Overmind?"*).

Алдарис является одним из представителей высшей судебной инстанции Протоссов – Конклава. Алдарису немало лет, он обладает огромными знаниями и опытом и выступает как наставник играющего. Он поборник традиций и противник нововведений, новых веяний (*"At all costs, we must preserve the purity of the Khala"; "Prize the traditions of our people above all else"*). Его речь (как и речь всех протоссов) отличает размеренность и строгость формы, патетичность и возвышенность, некоторая вычурность (*"Tassadar, your taste in friends grows ever more inexplicable"*).

Тассадар – центральный персонаж кампании за Протоссов. Он моложе Алдариса и принадлежит к другой касте общества инопланетян (у Протоссов кастовая система). Революционер по своей сути, Тассадар первым понимает, что в одиночку не одолеть угрозу, которую представляют Зерги во главе со Сверхразумом, и ищет новых союзников, вызывая неодобрение Конклава Протоссов (*"We cannot defeat the Zerg by clinging to old ways. The Khala alone is not enough. We must embrace what we once feared — the powers of the Dark Templar"*). Он способен к самопожертвованию и самоотречению (*"Sometimes the greatest honor lies not in following orders, but in doing what is right — even if it means standing alone"*).

Вероотступник и изгой, Зератул находится в прямом конфликте с Протоссами-традиционалистами. Однако в своих поступках он движим не личными мотивами и желаниями, а благополучием своего народа (*"You have persecuted us for generations... and now you beg us to aid you? We will do what we must... but we do it for Aiur, not you"*). Это яркий пример патриотической личности, воина-за-

щитника с некоторыми элементами архетипа мудреца [7] [8]. Многое из того, за что стоит Зератул, роднит его с Тассадаром (*"Honor is not found in blind obedience, but in doing what is right for our people — even if it means standing alone"; "We cannot let fear of the unknown dictate our fate. To survive, we must embrace change — even if it challenges our traditions"*).

Следует отметить, что Starcraft: Brood War во многом схожа с другим крупным игровым проектом студии Blizzard Entertainment – серией Warcraft. Обе игры принадлежат, по сути, одному жанру, следовательно, их геймплей весьма схож, – подход к вопросам и ответы на них респондентов были несколько отличными от аналогичных по игре Warcraft 3. Во многом это обусловлено разницей в подаче сюжетобразующего текста и вообще визуальных составляющих обеих игр. В Starcraft играющий практически не имеет визуальной репрезентации коммуникативных актов, не видит общение «в действии». Поэтому в игре существует четкая линия между сюжетом и геймплеем. К слову, междумиссийные ролики, которые являются интегральной частью игровой модели и в Starcraft, и в Warcraft 3 имеют разное наполнение. В Starcraft их наполнение очень далеко от сюжета и практически с ним не соприкасается. В Warcraft 3 ролики являются по сути одним из звеньев сюжетной цепочки и включают в себя героев, их действия и их общение. Таким образом, получается, что при просмотре дополнительными аудиально-визуальными факторами, влияющими на восприятие персонажей, будут лишь их анимированные портреты и тембр их голоса. Кроме этого, необходимо отметить, что вопросы и задания по данной игре, равно как и все текстовые и видеоматериалы, были предложены респондентам на языке оригинала, в отличие от других игр [9].

Как и в случае с Warcraft 3, двум возрастным группам была предложена такая же по структуре анкета по Starcraft: Brood War. Соответственно, необходимо было высказать свое оценочное суждение по выбранным персонажам после прочтения речевых фрагментов и после просмотра видеофрагментов с участием этих персонажей.

Аллюзивный аспект в именах и названиях с трудом поддавался расшифровке для респондентов по тем же примерно причинам, по которым этот момент вызвал затруднения в случае с Warcraft 3. Тем не менее, некоторые респонденты усмотрели следующее: Даггот – Дагон (персонаж цикла мифов Г.Ф. Лавкрафта), Сара Керриган – Сара Коннор (героиня серии фильмов о терминаторе). В отдельных случаях были и достаточно пространственные параллели, навеянные, скорее, случайной созвучностью (например, Алдарис – Аладдин).

Джим Рейнор был отнесен большинством респондентов к положительным героям. Наиболее частыми характеристиками, данными ему были «отважный»,

«общительный», «лидер». Некоторыми респондентами отмечалось его умение (в одном случае отмечалась именно «попытка») шутить. Многие, с другой стороны, выделяли его как «опрометчивого», «прямолинейного». Отмечались и его попытки выглядеть «американским ковбоем», «своим парнем», что объясняется, на наш взгляд, его речью, в которой много просторечий, характерных для жителей южных штатов.

По просмотре мнение практически всех респондентов осталось прежним, и дополнительных характеристик они в портрет не добавили, что подтверждает, на наш взгляд, хрестоматийность, однозначность и даже некоторую «трафаретность» данного персонажа. Тем не менее, среди респондентов были те, кто изменил свое первоначальное мнение на противоположное. Скорее всего, это можно списать, на наш взгляд, на то, что текст был представлен не на родном для респондента языке.

Оценка центрального для саги, но весьма неоднозначного персонажа (Сары Керриган), полного противоречий и раздираемого внутренними конфликтами, изначально предполагалась как сложная для респондентов, не знакомых с «лором» игры весьма, задача. Для облегчения этой задачи было обозначено, что Сара имеет две «ипостаси», и ее реплики приходятся на «до» и «после» трансформации.

Респонденты восприняли ее, тем не менее, как цельного персонажа и старались оценивать ее, исходя из целостности ее образа. Возможно, в отдельных случаях имело место непонимание сюжетной линии Сары или пренебрежительное отношение к ответам на вопросы.

Как и предполагалось, респонденты предложили большое количество разных характеристик Сары Керриган, среди которых сложно выделить доминирующие. Отвечающие называли ее «импульсивной», «своевольной», «стервонной», «агрессивной», «воинственной», «бесстрашной», «своенравной» и пр.

Здесь естественным образом напрашивался сравнительный анализ личности Керриган до и после превращения, однако по указанным выше причинам респонденты не давали четкого разделения в своих ответах на «до» и «после». Было несколько необычных, проницательных суждений. К примеру, несколько человек назвали ее «патриотичной» и «человеком сложной судьбы».

Арктурус Менгск вызвал у респондентов много противоречивых чувств. По прочтении многие видели его бесстрашным лидером революции, борцом за права угнетаемых. Однако даже в отобранных репликах многие замечали радикальность и жесткость беспринципного политика. Большинство респондентов приписывали ему такие качества, как «лидер», «патриотичный»,

«целеустремленный», «спаситель». Отвечающие также отмечали его навыки публичной речи. В отдельных случаях респонденты замечали отрицательный «фон» персонажа. Так, в одной из анкет была характеристика «возможно, злой». С другой стороны, были случаи крайне не положительной оценки персонажа («благородный», «дружелюбный»). Мнение респондентов поменялось после просмотра видеофрагмента с его предательством и оставлением Сары Керриган Зергам. Респонденты отметили его как «предателя», «отталкивающего персонажа», «жестокого», «хладнокровного».

Сверххазма респонденты описывали как «властного», «эгоистичного», «воинственного». В целом, к нему у респондентов сформировалось отрицательное отношение после прочтения; он им виделся как однозначный персонаж.

По просмотре ситуация кардинальным образом не изменилась. Тем не менее, были единичные исключения, когда респонденты могли усмотреть в Сверххазме мотивы спасителя.

Даггот/Засз. Этих персонажей большинство респондентов нашло «агрессивными», «уверенными», «расчётливыми», «решительными». Один из респондентов назвал бесстрастного Церебрата даже «добрым».

Как и предполагалось в случае со столь инструментальным персонажем, отношение респондентов не изменилось коренным образом.

Респонденты были достаточно лояльны к Алдарису. У большинства он проходил как «патриотичный», «решительный», «мудрый». Один из респондентов считал его женским персонажем. Любопытно, что несколько респондентов усмотрели противопоставление Алдариса Зератулу в религиозном плане (Алдарис – догматист-фанатик, Зератул – отступник, апологет «новой веры»).

По просмотре фрагментов с участием Алдариса респонденты высказали сожаление по поводу его упорства и заблуждения относительно действий и мотивов Тассада.

Респонденты сошлись во мнении относительно Зератула, назвав его «древним», «мудрым», «таинственным», «имеющий философский склад ума». Действительно персонажа позиционировали как героя, действующего из тени, и именно эта таинственность, на наш взгляд, давала возможность респондентам для самых разнообразных спекуляций, среди которых были неоднозначные мнения. Например, некоторые характеризовали его как «самодовольного», «коварного», «властолюбивого», «опасного». Отношение у отвечающих было разным: у многих он вызывал отторжение,

неприязнь. Один из респондентов среди вызванных эмоций назвал внезапно скуку. С другой стороны, большинство все же отнесло его к когорте положительных героев.

Респонденты в большинстве своем наделили Тассада следующими характеристиками: **«мудрый»**, **«патриот»**, **«красноречивый»**. Отношение практически всех было положительным. Из любопытных характеристик можно выделить **«подлиза»**, **«несамостоятельный»**, **«инфантильный»**. По просмотре фрагментов с участием Тассадара респонденты писали, что испытывают сострадание, жалость и понимание персонажа.

Вторую группу представляли респонденты в возрасте от 31 года. Традиционно для данного исследования обнаружилась трудность, связанная с большим количеством времени для ответов респондентами на вопросы и появлявшаяся, в связи с этим инертность и недостаток откровенности отвечающих. Однако этот момент был учтен, и респондентам было придано организаторами больше мотивации.

С самого начала следует отметить, что обращает на себя внимание большая солидарность респондентов старшего возраста в оценках персонажей в сравнении с респондентами младшего возраста. Особенно это отмечается в «доминантной», самой первой характеристике персонажа. Если проводить некоторое количественное соотношение, то эти средние цифры будут составлять 13–14 у самой первой характеристики против 3–6 у последующих.

Джим Рейнор у респондентов вызвал следующие эмоции: **«лидер»**, **«решительный»**, **«храбрый»**. Многие сочувствовали персонажу из-за того, что ему одному приходится спасать гражданских, которых обрекла Конфедерация на смерть, отмечали его твердость, непоколебимость. После просмотра фрагментов мнение у респондентов не поменялось. Было, однако, значительное число тех, кто еще больше утвердился в своем мнении о персонаже и отметил этот момент. Отмечались и открытость Рейнора (способность идти на контакт с чужаками-протоссами). Несколькими респондентами отмечалось, что фрагменты не изменили их мнения относительно персонажа, однако добавили новых красок его портрету, оттенки свойственных ему эмоций, которые они, однако, постеснялись указать. Интересно, что респонденты старшего возраста рассматривали Рейнора именно как лидера, в отличие от респондентов 17–23, видевших в нем именно героя (ср. выше «отважный», «решительный»).

Сара Керриган предсказуемо вызвала много сомнений и противоречивых чувств у второй группы респондентов, как это произошло и в случае с первой группой. Респонденты по прочтении назвали ее **«умной»**,

«сомневающейся», **«сильной»** (в порядке убывания частотности). Следует отметить, что некоторые респонденты давали четкое разграничение в оценке женщины-лейтенанта на «до» и «после» превращения, хотя так делали далеко не все. С другой стороны, в вопросе до просмотра было указано, к какому периоду относятся те или иные реплики Керриган. Возможно, это объясняется усталостью респондентов и величиной материала.

По просмотре Сара Керриган представлялась респондентам совершенно другим персонажем. Совпадения единичные наблюдались только в плане ее ума и силы. Никто не подтвердил ее сомневающуюся природу. В основном характеристики женщины-лейтенанта сводились к ее мстительной и безжалостной природе.

Арктурус Менгск для респондентов явился **«харизматичным»**, **«манипулятивным»**, **«уверенный»**. Следует отметить, что этот персонаж выглядел как самый однозначный в глазах респондентов: **«харизматичным»** его назвало наибольшее количество респондентов, остальные две характеристики были тоже по количеству упоминаний весьма частотными. Однако уже только после прочтения текстовой составляющей у нескольких респондентов возникали смешанные чувства, чувство недоверия, некоторые респонденты отметили противоречивость своего отношения к Менгску («восхищение и отвращение»).

Просмотр фрагментов с участием главы Сынов Корхала заставило «разочароваться» в обаятельном политике. Отвечающие называли его преимущественно **«склонным к предательству»**, **«циничным»**, **«коварным»**.

Персонаж Протоссов Алдарис по знакомству респондентов с его речью показался последним **«преданным»**, **«честным»**, **«верным»**.

Следует отметить, что Алдарис явился тем персонажем, отношение к которому у респондентов практически не поменялось. Это, собственно, не должно удивлять, учитывая то, каким консервативным являет себя Алдарис в игре.

Герой Протоссов и один из ключевых персонажей показался респондентам **«мудрым»**, **«жертвенным»**, **«справедливым»**. Были единичные случаи, когда респонденты выказывали недоверие ему и его мотивам, однако это объясняется внезапностью его появления в сюжетной линии Протоссов и тем фактом, что играющий уже познакомился и «привык» к таким персонажам, как Алдарис и Феникс.

По просмотре многие респонденты отметили еще большую глубину персонажа, его вовлеченность в события и в судьбу своего народа. У многих его поступки (осо-

бенно самопожертвование в битве со Сверхразумом) вызывают восхищение и сострадание.

Респонденты дали темному прелату Протоссов Зератулу следующие характеристики: **«мудрый»**, **«загадочный»**, **«таинственный»**. Действительно персонажа, с некоторой точки зрения, можно отнести к архетипу «трикстера»: не имея особого выбора и знаний о персонаже по сюжету он должен довериться ему [10].

После просмотра у респондентов в целом мнение изменилось не сильно. Некоторые отвечающие отмечали проницательность Зератулы, точность его предсказаний. Как и в случае с Тассадаром, респонденты отметили и большую глубину и чувство сострадания и сопереживания судьбе героя.

Предсказуемо сложный для восприятия и анализа персонаж, Сверхразум определялся как **«могущественный»**, **«безжалостный»**, **«злой»**. В целом, респонденты рассматривали его как отрицательного персонажа (собственно, по сюжету игры Сверхразум выступает в оппозиции как Терранам, так и Протоссам). Многие респонденты, тем не менее, отметили его древнюю природу, его заботу о своих подопечных Зергах.

Случай с данным персонажем в рамках данного исследования специфичен в силу природы данного существа и сюжетных перипетий, которые не подразумевают общения персонажа с другими героями. В основном Сверхразум лишь отправляет свою волю и не ведет ни с кем практически никаких диалогов. Редкое исключение - Церебраты, однако данный материал не является репрезентативным ввиду односторонности общения и незначительности материала.

Даггот/Засз как персонажи произвели такое впечатление на респондентов: **«защитнический»**, **«подчинённый»**, **«испуганный»**. Ввиду абсолютно инструментальной роли, которую они играли в Рое Зергов, а именно – отправление воли Сверхразума и беспрекословное ей подчинение, сложно было добавить каких бы то ни было ярких и необычных характеристик. После просмотра добавились характеристики **«мрачный»**, **«ужасающий»**, что понятно, поскольку респонденты смогли увидеть воочию, как церебраты выглядят.

В случае с игрой Starcraft: Brood War можно выделить схожие с Warcraft 3 моменты, подводя черту сравнительному анализу результатов, полученных от двух групп.

К примеру, так же, как и в случае с Warcraft 3, респондентам младшей группы было сложно определить принадлежность героев к хорошим или плохим (Зератул, Алдарис). При этом следует отметить у респондентов младшего возраста очень оторванные от реальности

характеристики, логичность которых достаточно спорна даже при учете отсутствия опыта игры в Starcraft: Brood War и знания героев и сюжета (Тассадар, Зератул).

Респонденты обеих групп продемонстрировали сочувствие и сопереживание в кульминационных и драматических моментах сюжета (фрагмент «Предательство Менгска»).

Несмотря на принадлежность к одному жанру, которая и продиктовала такую схожесть в тенденциях, были и различия, связанные со сюжетной спецификой, подачей самих игровых медиатекстов и геймплейными особенностями. Так, например, респонденты второй группы демонстрировали большую гибкость при оценке персонажей, пытались понять и осознать те или иные их действия (отношение Джима Рейнора с Протоссами, противоречивость действий Менгска). Кроме этого, в оценке сложных персонажей, в первую очередь – Керриган, они использовали дифференцированный подход (четко прослеживалась у многих респондентов разница между личностями Керриган до и после превращения), чего не наблюдалось в случае с первой группой.

Интересно, что расхождения наблюдались и в оценке архитипического антагониста в Warcraft 3 и Starcraft: если Архимонд был неоднозначно оценен респондентами первой группы при относительном единодушии старшей группы, то Сверхразум был однозначно оценен респондентами обеих групп. Можно предположить, что персонаж достаточно ярко репрезентируется и идентифицируется однозначно как враг в игре, преломленный через образ мира как молодых респондентов, так и респондентов, чей образ мира в силу возрастного и жизненного опыта сложнее и объемнее. В то же самое время Архимонд представляет из себя зло более многогранное и менее однозначное [9].

В то же время респонденты в своих ответах демонстрировали сильную эмпатию в силу «человечности» персонажей. Это можно объяснить тем, что многие персонажи (Рейнор, Керриган) задумывались как максимально приближенные к представителям общества рубежа XX–XXI веков, тогда как герои Warcraft 3 скорее по типу ближе персонажам средневекового эпоса [11].

Многих персонажей сложно было определить в силу их инопланетной, неземной природы и таинственности (Алдарис, Тассадар). При этом следует отметить, что респонденты первой группы давали очень разные ответы, в то время как группа старшего возраста, более глубоко и осторожно подходя к оценке персонажа по медиатекстам его речи, давала более однозначные (правильные) оценки персонажу, определяя, к какому лагерю он принадлежит и как относится к другим ключевым персонажам игры.

Следует отметить меньше контрастирующей разницы в оценке персонажей непосредственно по их яркой и образной речи и после просмотра видеофрагментов, поскольку фрагменты добавляли лишь ограниченный функционал динамики и действия в плане визуальной репрезентации (лишь «говорящие» портреты героев и тембр голоса). Описание персонажей базируется на тех описаниях, которые даны в документации к игре [12].

Следует отметить, что общие тенденции между Starcraft: Brood War и Warcraft 3 сильны и их достаточное количество. Это обусловлено, прежде всего, тем, что игры принадлежат к одному жанру стратегий в реальном времени, что определяет в целом схожие связи между медиатекстуальной информацией, визуальным компонентом и геймплейной составляющей, но и гарантирует разный опыт взаимодействия с персонажами и сюжетом на разных уровнях.

Выводом стало изначально, то, что заявленное положение, что более сформированная личность людей старшего возраста позволяет им более однозначно и более точно давать характеристики отдельным персонажам по их речи и в непосредственной репрезентации коммуникативного акта, чем личность людей

более юного возраста, доказывается. Результаты опросов и их анализ дают наглядное и репрезентативное подтверждение этому.

Следует, однако, отметить и важное наблюдение, которое выявилось в ходе исследования. Зачастую способность давать адекватные, объективные и точные характеристики в отдельных случаях определялась не только возрастными показателями, а следовательно, и жизненным и коммуникативным опытом, но и кругозором, эрудицией и банальной начитанностью респондентов как младшего (17–23 года), так и старшего возраста (31+ год). Данный факт позволяет сделать вывод, что данные характеристики личности имеют свой фактор влияния в формировании внутренней личности отдельного индивида.

Перспективой дальнейшего исследования влияния личности на категориальную оценку персонажей художественного произведения, а также воздействия сюжетообразующих медиатекстов компьютерных игр разной степени коннотативной маркированности может стать расширение спектра рассматриваемых жанров и сравнительный анализ полученных результатов на предмет выявления общих черт и тенденций или различий между разными жанрами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. — М.: Гнозис, 2011. — 224 с.
2. Гузина О.С. Лингвистический анализ текста: Учеб. пособие. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2001. — 192 с.
3. Брандес М.П. Стилистический анализ (На материале нем. яз.) — Москва: Высш. школа, 1971. — 190 с. — (Библиотека филолога).
4. Артамонов В.Н. Функционально-стилистический анализ текста: Учебное пособие для студентов специальностей «Издательское дело и редактирование», «Связи с общественностью» и других родственных специальностей. — Ульяновск: УлГТУ, 2004. — 54 с.].
5. Character Profile: Jimmy Raynor. Gaming's Edge. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://web.archive.org/web/20071217130929/http://www.gamingsedge.com/viewcontent.cfm?content=35&content_type=Article&department=1 (Дата обращения: 14.12.2023).
6. Какая концовка «Грани будущего» лучше? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.chelovek-online.ru/otdykh/review/kino/kakaya-kontsovka-grani-iz-budushchego-luchshe/> (Дата обращения: 20.02.2026)].
7. Юнг К.Г. Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. — 336 с.
8. Пирсон К. Пробуждение внутреннего героя. 12 архетипов, которые помогут раскрыть свою личность и найти путь / Кэрл Пирсон; пер. с англ. А. Багрянцевой. — Москва: МИФ, 2024. — 480 с.
9. Амосов Н.В. Проблема восприятия медиатекстов компьютерных игр (психолингвистический аспект) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2025. — №05. — С. 168–175.
10. Воглер К. Путешествие писателя: мифологические структуры в литературе и кино: / Кристофер Воглер; перевод с английского: Мария Николенко. — 3-е изд. — Москва: Альпина нон-фикшн (АНФ), 2019. — 606 с.
11. Мелетинский Е. Поэтика мифа / Елеазар Мелетинский. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. — (Азбука-классика. Non-fiction)].
12. Starcraft manual. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://oldgamesdownload.com/wp-content/uploads/StarCraft_Manual_EN.pdf (Дата обращения: 18.03.2026).

© Амосов Николай Васильевич (Niko-amosov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В СПОРТЕ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSFORMATION OF MEDIA CONSUMPTION IN SPORTS UNDER THE INFLUENCE OF POPULAR CULTURE

V. Beskromny
A. Perminov
S. Vodopetov

Summary: This article provides an empirical analysis of the transformation of sports audience structure under the influence of popular culture products in 2024–2026. A comparative analysis of three cases (Formula 1, football, and hockey) reveals quantitative changes in key media consumption metrics. The most pronounced growth was recorded for Formula 1: Grand Prix attendance increased by 57%, television audience by 24–29%, and social media follower growth more than doubled. Football demonstrated an 11% increase in television audience and the emergence of a cinema segment. Hockey demonstrated a 43% increase in streaming audience and a 15% increase in stadium attendance. It is concluded that popular culture is a factor in the democratization of sports content, and investments in cinematic narratives are a tool for expanding the audience base.

Keywords: sports media consumption, popular culture, popular culture product, cinematic narrative, transformation of media consumption.

Бескромный Владислав Олегович

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
vlad.bes.mail.ru@gmail.com

Перминов Артём Олегович

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
rugeo20@mail.ru

Водопетов Сергей Вячеславович

Кандидат политических наук, Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы
vodopetov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена эмпирическому анализу трансформации структуры спортивной аудитории под воздействием продуктов массовой культуры в 2024–2026 гг. На основе сравнительного анализа трёх кейсов (Формула-1, футбол, хоккей) выявлены количественные изменения ключевых метрик медиапотребления. Наиболее выраженный рост показателей зафиксирован для Формулы-1: посещаемость Гран-при увеличилась на 57%, телевизионная аудитория – на 24–29%, прирост подписчиков в социальных сетях ускорился более чем вдвое. Футбол продемонстрировал рост телевизионной аудитории на 11% и формирование кинотеатрального сегмента. Хоккей показал рост стриминговой аудитории на 43% и посещаемости стадионов на 15%. Делается вывод, что массовая культура выступает фактором демократизации спортивного контента, а инвестиции в кинематографические нарративы – инструментом расширения зрительской базы.

Ключевые слова: спортивное медиапотребление, массовая культура, продукт массовой культуры, кинематографический нарратив, трансформация медиапотребления.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2024–2026 гг. кинематографические проекты о спорте достигли рекордных кассовых сборов, а спортивные лиги начали пересматривать стратегии привлечения аудитории, сотрудничая с голливудскими студиями и стриминговыми платформами. В научной литературе отсутствуют системные количественные оценки конверсии культурных продуктов в рост телевизионных рейтингов, посещаемости и активности в соцсетях.

Проблема исследования заключается в том, что существующие работы рассматривают влияние массовой культуры на спорт преимущественно в качественном или описательном ключе, не предлагая сопоставимых количественных данных за фиксированный период. Настоящая статья восполняет этот пробел на материале 2024–2026 годов.

Цель — выявить и измерить изменения ключевых показателей спортивного медиапотребления под воздействием продуктов массовой культуры (художественных фильмов, стриминговых проектов, кинопоказов трансляций) на примере Формулы-1, футбола и хоккея.

В качестве основной гипотезы выдвигается предположение о существовании устойчивой положительной корреляции между выходом кинопродукта и ростом аудитории соответствующего вида спорта, опосредованной механизмами перетекания зрителей между различными медианосителями (телевидение, социальные сети, кинотеатры, стадионы).

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Зафиксировать показатели аудитории прямого эфира, посещаемости, динамики социальных сетей и кассовых сборов для Формулы-1 до и после выхода фильма «F1» (2025).

2. Провести аналогичные замеры для футбола (на примере трансляций финала Лиги чемпионов в кинотеатрах) и хоккея (на примере перехода КХЛ на стриминговую платформу «Кинопоиск») и проанализировать различия в масштабе эффекта между видами спорта.
3. Сформулировать выводы о реальности и направленности кросс-медийного перетекания аудитории.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на несколько групп источников данных, охватывающих период 2024–2026 годов. Первая группа источников – данные о кинопрокате и кассовых сборах фильма «F1» (2025). Используются отчёты международных дистрибьюторов, опубликованные в отраслевых изданиях (RBC, The Blueprint, FiNE NEWS), включая показатели бюджетов, сборов в первый уик-энд и совокупных мировых сборов по состоянию на август 2025 года, а также рейтинг свежести на агрегаторе Rotten Tomatoes. Вторая группа – телевизионные рейтинги и данные о стриминговой аудитории. Для Формулы-1 использованы данные Liberty Media (владельца коммерческих прав) о средней аудитории Гран-при на международном рынке и на рынке США. Для футбола – данные телеканала «Матч ТВ» и платформы Okko об аудитории финалов Лиги чемпионов 2024 и 2025 годов, а также статистика кинопоказов этих трансляций в сетях «Синема Парк» и «Формула кино» (47 кинотеатров). Для хоккея – данные онлайн-кинотеатра «Кинопоиск» о подписной аудитории КХЛ в сезонах 2023/24 и 2024/25, представленные руководителем группы маркетинга спорта Борисом Кочкиным на «Спорт Бизнес Конгрессе» в ноябре 2025 года. Третья группа – данные о посещаемости live-событий. По Формуле-1 анализировались официальные отчёты организаторов Гран-при Майами (май 2025) и Гран-при Остина (октябрь 2025). По футболу – данные о посещаемости стадионов в финалах Лиги чемпионов 2024 и 2025 годов. По хоккею – средняя посещаемость матчей КХЛ за сезоны 2023/24 и 2024/25 по данным лиги. Четвёртая группа – динамика социальных медиа. Для Формулы-1 использованы данные официальных аккаунтов о приросте подписчиков и уровне вовлечённости (engagement rate) за периоды январь — апрель 2025 года и июль — август 2025 года. Для хоккея – данные о росте поисковых запросов о КХЛ за период с сентября 2023 по ноябрь 2025 года. Пятая группа – результаты опросов зрителей. Используются данные исследования компании Wanta Group (май 2025, 721 респондент в пяти российских городах), а также совместного исследования онлайн-кинотеатра KION и портала «Спортс» (август-сентябрь 2025, более 1500 респондентов старше 18 лет). Дополнительно привлекались данные опросов организаторов Гран-при Остина о мотивации впервые пришедших зрителей.

Основным методом выбран сравнительный анализ показателей «до» и «после» выхода культурного продукта. Для каждого вида спорта зафиксированы значения метрик в референтный период (до воздействия) и в период после воздействия. Разница выражена в абсолютных и относительных (%) величинах. Для Формулы-1 в качестве референтного периода выбран Гран-при Майами (май 2025, до выхода фильма 25 июня 2025), в качестве пост-периода – Гран-при Остина (октябрь 2025). Для футбола сопоставлялись финалы Лиги чемпионов 2024 (до расширения кинопоказов) и 2025 (после). Для хоккея сопоставлялись сезоны 2023/24 (первый сезон на «Кинопоиске») и 2024/25 (второй сезон). Дополнительно применён метод вторичного анализа данных опросов для выявления субъективных мотиваций зрителей (доля впервые пришедших на событие, доля назвавших кинопродукт как фактор побуждения).

Исследование не позволяет строго отделить эффект именно кинематографического воздействия от других факторов (сезонные колебания, изменения в маркетинговых бюджетах, успехи локальных спортсменов). Однако выборка из трёх разных видов спорта и фиксация однонаправленной динамики снижают риск случайной корреляции.

Результаты и их обсуждение

1. Формула-1 и фильм «F1» (2025)

Бюджет фильма составил 250 млн долл., маркетинговые расходы — 150–175 млн долл. [7; 3]. Мировые сборы к 5 августа 2025 года достигли 545 млн долл., что сделало картину самым кассовым спортивным фильмом в истории [7]. Рейтинг Rotten Tomatoes — 97% (более 5 тыс. отзывов) [8]. Средняя международная аудитория Гран-при до выхода фильма составляла 70 млн зрителей на гонку, после — 87 млн (+24%). На рынке США динамика составила с 1,1 до 1,42 млн (+29%) [3]. Посещаемость Гран-при Остина 2025 года (после фильма) достигла 432 тыс. зрителей, что на 57% выше показателя Гран-при Майами 2025 (до фильма) и на 32% выше Остина 2024. Согласно опросам, 23% посетителей Остина впервые присутствовали на гоночном событии, из них 68% назвали фильм «F1» или сериал «Drive to Survive» побудительным фактором [3]. Прирост подписчиков официальных аккаунтов Формулы-1 в социальных сетях за июль — август 2025 года составил 4,7 млн против 2,1 млн за первые четыре месяца 2025 года; engagement rate вырос с 3,2% до 5,1% [3; 10].

2. Футбол: трансляции финала Лиги чемпионов в кинотеатрах

Исходная популярность футбола выше, чем у Формулы-1, вследствие чего эффект массовой культуры выражается не столько в экстенсивном росте аудитории,

сколько в диверсификации каналов потребления [5]. Финал Лиги чемпионов УЕФА 2025 года транслировался в 47 кинотеатрах сетей «Синема Парк» и «Формула кино»; аудитория составила 12 тыс. зрителей — в три раза больше, чем в 2024 году. Согласно опросам, 41% кинозрителей ранее не смотрели футбол на стадионе, 27% — по телевизору [2]. Телевизионная аудитория финала выросла с 8,2 млн (2024) до 9,1 млн (2025) — на 11%. Посещаемость стадиона увеличилась с 68 до 72 тыс. (+6%) [5]. Исследование KION и «Спортс» (август — сентябрь 2025, N> 1500) зафиксировало высокий спрос на кинематографические нарративы о футболе (фильмы об Овечкине, Месси, Роналду, клубах «Спартак» и ЦСКА). В числе желаемых сюжетов чаще всего назывались чемпионат мира 2018 года, Евро-2008 и Олимпиада-1980 [6].

3. Хоккей: переход КХЛ на стриминговую платформу «Кинопоиск»

В российском хоккее драйвером трансформации стал не художественный фильм, а переход прав на трансляции КХЛ на платформу «Кинопоиск» с сезона 2023/24, что поместило спортивный контент в единое цифровое пространство с кино и сериалами [1]. По данным Б. Кочкина (ноябрь 2025), за период с сентября 2023 по ноябрь

2025 года рост поисковых запросов о КХЛ увеличился почти в три раза [1]. Суммарная аудитория сентября 2025 года превысила 1 млн подписчиков — в 1,5 раза больше телевизионной аудитории старта предыдущего сезона (+43%). Сезон 2024/25 посмотрели более 2,2 млн подписчиков; финал Кубка Гагарина стал самым популярным событием в истории спортивного раздела (более 730 тыс.). Частота просмотра матчей выросла на 17% (в среднем 7,6 трансляции на подписчика в месяц). Посещаемость стадионов увеличилась с 6,2 тыс. (сезон 2023/24) до 7,1 тыс. (сезон 2024/25) в среднем за игру (+15%) [1]. 4. Систематизация и сопоставительный анализ

Ниже представлена систематизация и сопоставительный анализ трёх кейсов в виде таблицы 1.

Наибольший экстенсивный рост зафиксирован у Формулы-1 (посещаемость +57%, телеаудитория в США +29%, ускорение прироста подписчиков более чем вдвое), что объясняется исходной нишевостью автоспорта на рынке США, кумулятивным эффектом сериала «Drive to Survive» и рекордным маркетинговым бюджетом фильма [3; 7]. Футбол, обладая изначально массовой аудиторией, продемонстрировал умеренный рост традиционных метрик (ТВ +11%, стадион +6%) и диверси-

Таблица 1.

Сравнительный анализ влияния продуктов массовой культуры на спортивное медиапотребление.

Показатель	Формула-1 + фильм «F1» (2025)	Футбол + кинопоказы финала Лиги чемпионов	Хоккей + переход КХЛ на «Кинопоиск»
Форма культурного воздействия	Голливудский художественный фильм [3; 7]	Кинопоказ спортивной трансляции в кинотеатрах [2; 5]	Перенос трансляций на стриминговую платформу (в экосистему кино и сериалов) [1]
Исходная аудитория	Относительно нишевая (особенно в США) [3]	Крупнейшая, массовая [5]	Значительная, но с трендом старения ТВ-аудитории [1]
Бюджет / инвестиции	250 млн долл. (производство) + 150–175 млн долл. (маркетинг) [7; 3]	Не указаны (организация показа в 47 кинотеатрах) [2]	Не указаны (права на стриминг) [1]
Рост телевизионной / трансляционной аудитории	Международная: +24% США: +29% [3]	+11% (с 8,2 до 9,1 млн) [5]	Старт сезона: +43% (подписная аудитория стриминга) [1]
Рост посещаемости live-событий	Гран-при Остина 2025: +57% (к Гран-при Майами 2025)+32% (к Остину 2024) [3]	Финал Лиги чемпионов: +6% (с 68 до 72 тыс.) [5]	Средняя за игру: +15% (с 6,2 до 7,1 тыс.) [1]
Новая аудитория на события	23% впервые на гонке, из них 68% пришли под влиянием фильма или сериала [3]	41% кинозрителей ранее не были на стадионе, 27% не смотрели по ТВ [2]	Корреляция между ростом стриминга и ростом посещаемости стадионов [1]
Рост в соцсетях / цифровых метриках	Прирост подписчиков за 2 месяца: 4,7 млн (против 2,1 млн за 4 месяца ранее); engagement rate: с 3,2% до 5,1% [3; 10]	Не зафиксировано в кейсе	Рост поисковых запросов о КХЛ почти в 3 раза [1]
Кассовые сборы / аудитория нового формата	Мировые сборы: 545 млн долл. (самый кассовый спортивный фильм в истории) [7]	12 тыс. зрителей в кинотеатрах (в 3 раза > 2024) [2]	2,2 млн подписчиков за сезон; финал Кубка Гагарина — >730 тыс. (рекорд раздела) [1]
Характер эффекта	Экстенсивный рост (привлечение новой аудитории) [3]	Диверсификация каналов потребления + умеренный рост [2; 5]	Диверсификация каналов потребления + умеренный рост посещаемости [1]

фикацию каналов потребления (рост кинотеатральной аудитории в 3 раза) [2; 5]. Хоккей (КХЛ) без художественного фильма, только за счёт перехода на стриминг, показал рост подписной аудитории на старте сезона +43% и рост посещаемости стадионов +15% [1]. Во всех трёх кейсах продукты массовой культуры привлекли новую аудиторию на live-события (в Формуле-1 — 23% впервые на гонке, в футболе — 41% кинозрителей ранее не были на стадионе), при этом масштаб эффекта оказался обратно пропорционален исходной популярности вида спорта [2; 3; 5].

Заключение

Проведённое исследование на эмпирическом материале 2024–2026 годов подтвердило, что продукты массовой культуры (художественные фильмы, кинопоказы трансляций, стриминг) оказывают измеримое влияние на спортивное медиапотребление. Наибольший эффект зафиксирован у Формулы-1 благодаря сочетанию исход-

ной нишевости на рынке США, кумулятивному эффекту сериала «Drive to Survive» и голливудскому блокбастеру с рекордным маркетинговым бюджетом (посещаемость Гран-при выросла на 57%, телеаудитория в США — на 29%, прирост подписчиков в соцсетях ускорился более чем вдвое). Футбол и хоккей, обладая изначально более значительной аудиторией, продемонстрировали преимущественно диверсификацию каналов потребления (кинотеатры для футбола, стриминг для хоккея) и умеренный рост ключевых показателей (ТВ-аудитория футбола +11%, подписная аудитория КХЛ на старте сезона +43%, посещаемость стадионов +15% и +6% соответственно). Во всех трёх кейсах зафиксировано устойчивое перетекание зрителей между носителями (телевидение → соцсети → кинотеатр → live-событие) и привлечение новой аудитории (23% посетителей Гран-при Остина впервые на гонке, 41% кинозрителей футбола ранее не были на стадионе), что подтверждает исходную гипотезу о системном характере влияния массовой культуры на спорт.

ЛИТЕРАТУРА

1. «В «Кинопоиске» сообщили о трехкратном росте интереса к КХЛ за 2,5 года». РБК, 01.12.2025. URL: <https://www.rbc.ru/sport/01/12/2025/> (дата обращения: 15.04.2026).
2. «Внимание в момент гола абсолютно». Коммерсантъ, 15.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Матушкин И. Большой цирк: Netflix, Бритни Спирс и Брэд Питт — как Формулу-1 превращают в поп-феномен. The Blueprint, 11.07.2025. URL: https://theblueprint.ru/sport/f1_pop_culture (дата обращения: 15.04.2026).
4. Медийное освещение как фактор формирования общественного восприятия спорта в условиях цифровизации. Сибирский федеральный университет, 2025. [Электронный ресурс] // Репозиторий СФУ. URL: <https://elibrary.sfu-kras.ru/handle/2311/> (дата обращения: 15.04.2026). — Примечание: точный URL уточняется по базе репозитория университета.
5. На футбол в кино? Как финал Лиги чемпионов УЕФА собирает зрителей. InterMedia, 05.05.2025. URL: <https://www.intermedia.ru/news/> (дата обращения: 15.04.2026).
6. Россияне ждут фильмы об Овечкине, Месси, «Спартаке» и Аршавине: итоги исследования Спортса и KION. Спорт Mail, 23.09.2025. URL: <https://sport.mail.ru/news/> (дата обращения: 15.04.2026).
7. «Ф-1» стал самым кассовым фильмом о спорте и в карьере Брэда Питта. РБК, 06.08.2025. URL: <https://www.rbc.ru/sport/06/08/2025/> (дата обращения: 15.04.2026).
8. «Ф-1» с Брэдом Питтом: самый захватывающий фильм о гонках и настоящий аттракцион для кинотеатров. FINE NEWS, 02.07.2025. URL: https://fine.news/cinema/f1_brad_pitt/ (дата обращения: 15.04.2026).
9. Яременко Н. От олимпийских пьедесталов к дворовым площадкам: как медиа превращают массовый спорт в новый тренд. Финансовый университет при Правительстве РФ, 2025. [Электронный ресурс] // Репозиторий Финуниверситета. URL: <https://repository.fa.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).
10. Global Media Report 2025. SportBusiness, 2025. URL: <https://www.sportbusiness.com/research/global-media-report-2025/> (дата обращения: 15.04.2026).

© Бескромный Владислав Олегович (vlad.bes.mail.ru@gmail.com), Перминов Артём Олегович (rugeo20@mail.ru),
Водопетов Сергей Вячеславович (vodopetov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ КИТАЯ В ПЬЕСЕ С.М. ТРЕТЬЯКОВА «РЫЧИ, КИТАЙ!»

THE CHINESE TEXT IN S. M. TRETYAKOV'S PLAY "ROAR, CHINA!"

**S. Burdina
Zhang Jiyuan**

Summary: The article analyzes S.M. Tretyakov's play "Roar, China!". It is argued that the documentary basis, the focus on reproducing "facts", the montage structure, the ways of organizing the artistic space, as well as the system of social mask-characters play an important role in the formation of the image of China in the work. Special attention is paid to the symbolism that reveals the tragedy of capitalism and the awakening of the people's revolutionary consciousness. It is shown that it is precisely the symbolism that takes the play beyond the confines of drama proper, turning it into a revolutionary manifesto of the era and an effective political statement. The conclusion is drawn that in S.M. Tretyakov's play, the image of China appears as a symbol of anti-colonial struggle, the awakening of the masses, and the clash of two worlds.

Keywords: S.M. Tretyakov, "Roar, China!", the image of China, documentary drama, montage, anti-colonial struggle, symbolism.

Бурдина Светлана Викторовна

доктор филологических наук, профессор, Пермский
государственный национальный исследовательский
университет
svburdina@gmail.com

Чжан Цзюань

аспирант, Пермский государственный национальный
исследовательский университет
825125177@qq.com

Аннотация: В статье анализируется пьеса С.М. Третьякова «Рычи, Китай». Доказывается, что важную роль в формировании образа Китая в этом произведении играет его документальная основа, ориентация на воспроизведение «фактов», монтажная структура, способы организации художественного пространства, а также система социальных масок-персонажей. Особенное внимание при анализе образа Китая в пьесе уделяется символике, раскрывающей трагизм капитализма и пробуждение революционного сознания народа. Показано, что именно символика выводит пьесу за рамки собственно драматургии, превращая ее в революционный манифест эпохи, действенное политическое высказывание. Делается вывод о том, что в пьесе С. Третьякова образ Китая предстает как символ антиколониальной борьбы, пробуждения масс и столкновения двух миров.

Ключевые слова: С.М. Третьяков, «Рычи, Китай!», образ Китая, документальная драма, монтаж, антиколониальная борьба, символика.

Образ Китая занимает важное место в наследии поэта и драматурга С.М. Третьякова, выступая не просто экзотическим фоном, а живой лабораторией художественных поисков автора. Основы образа Китая в его творчестве закладывались в его поэзии и лиро-эпике. Однако наиболее полное, развернутое и сценически-действенное воплощение обретает этот образ в пьесе «Рычи, Китай!». Как отмечает А.А. Красноярова, «Произведения, написанные С.М. Третьяковым, демонстрируют глубокое понимание автором китайской культуры, а также знание китайской действительности начала 1920-х гг.» [2, с. 149]. Пьеса, написанная в 1926 году и поставленная в том же году в театре им. Вс. Мейерхольда (режиссер А. Федоров, художник А. Темерин), стала не только крупным событием в истории советского театра, но и мощным идеологическим манифестом, программным произведением «литературы факта» и ярким образцом революционной драматургии, обращенной к теме национально-освободительной борьбы.

В основе сюжета пьесы – реальное событие, происшедшее в июне 1924 года в китайском городе Ваньсяне (провинция Сычуань), на что сам драматург прямо указывает в предисловии. Как уточняет китайский исследователь, «в ранних переводах пьесы место действия было намеренно изменено на вымышленный город Наньцзинь, что сделало конфликт более универсальным и ти-

пичным для всего Китая» [4, с. 70]. Там, где русло Янцзы, «этой просторной дороги, пропускающей по себе океанские суда на тысячу километров» [5, с. 3], сужается, стояла британская канонерка «Кокчефер». Американский агент фирмы «Роберт Доллар и Ко» мистер Холей вступил в конфликт с местными лодочниками и грузчиками, стремясь снизить и без того нищенскую оплату их труда. Конфликт перерос в драку, и в результате Холей оказался за бортом и утонул.

Капитан английской канонерки, используя этот инцидент как предлог, предъявил китайским властям ультиматум: пышные похороны убитого, денежная компенсация его семье и казнь двух лодочников из союза (независимо от их реальной вины), угрожая в противном случае бомбардировкой города. Третьяков специально подчеркивает документальную точность: «Таков факт. Мне почти не пришлось изменить его. Больше того: случай оказался типовым» [5, с. 5]. Эта установка на воспроизведение «голого факта» – одна из ключевых особенностей эстетики Третьякова как теоретика и практика «литературы факта». «Фактографичность» произведения подчеркивает и его подзаголовок: «событие в 9 звеньях».

Вместе с тем, при всей своей документальности, пьеса не является простой хроникой. Третьяков сознательно сжимает время действия: «Добиваясь предельной

компактности действия, я также сжал двое суток срока капитанского ультиматума до одного дня». Этот временной монтаж, равно как и чередование двух основных пространственных локусов – китайского берега и британской канонерки – подчинены задаче предельного заострения конфликта и создания действенной, напряженной драматургической структуры. Таким образом, для Третьякова Ваньсяньский инцидент – это не частный казус, а «типовой» случай, отражающий саму суть империалистической политики: «правильная фиксация удивительного однообразия и постоянства методов колониальной политики империалистов, особенно англичан» [5, с. 5, 6].

Одной из важнейших особенностей драматургической структуры пьесы является ее «звеньевое построение» (по терминологии самого автора). Третьяков объясняет: «Два основных места действия – империалистический «Кокчефер» и китайский берег – определили собой звеньевое построение пьесы, заключающееся в том, что эпизоды как бы заходят концами друг за друга. С парохода рассматривают в бинокль сцену утопления Холея, в то время как в следующем звене до того момента пройдет достаточное количество времени» [5, с. 5–6].

Эта монтажная техника, несомненно, восходит к кинематографическим опытам 1920-х годов и к теории «монтажа аттракционов» С.М. Эйзенштейна, с которым Третьяков был лично знаком и сотрудничал. В этом сходятся мнения многих исследователей. Т.А. Шарыпина пишет о влиянии «пьесы-статьи» Третьякова на немецкого драматурга Фридриха Вольфа, который высоко ценил ее монтажную структуру и документальную основу [6]. Автор чередует сцены на берегу (жизнь китайского простонародья, тяжелый труд, сцены унижения) и сцены на канонерке (безмятежный досуг европейцев, фокстрот, завтраки, светские беседы). Зритель буквально «монтирует» в своем сознании эти два мира, между которыми нет ничего общего, кроме отношений господства и угнетения. Ян Наньцзя в своем исследовании режиссуры Мейерхольда указывает, что такое чередование создавало на сцене эффект «множественного пространства» (множественное пространство) – приема, который она сближает с эстетикой традиционной китайской музыкальной драмы [7].

Таким образом, «звеньевая» структура пьесы не только обеспечивает динамичное развитие действия, но и служит важнейшим идеологическим инструментом. Монтажное чередование сцен на канонерке и на китайском берегу, по мысли Третьякова, должно было лишить зрителя возможности идентифицироваться с персонажами в традиционном психологическом ключе, заставив его, напротив, анализировать социальные и политические причины конфликта. Пространство китайского берега описано с почти этнографической дотошностью.

Автор дает развернутые, детализированные ремарки, которые занимают в тексте пьесы значительное место и служат не просто фоном, но полноценным смыслопорождающим элементом. Это «хаос тюков, трапов, лодок, болтающихся на воде и вытянутых на сушу, и ларьков, над столами которых распялены рогожи, защищающие от солнца продавцов и покупателей» [5, с. 8].

В этой ремарке – целая философия. Китайская пристань – это не просто место действия, это модель всего Китая, увиденного глазами революционного художника-фактографа. Здесь все смешано: труд и досуг, богатство и нищета, древность и современность. Третьяков перечисляет мельчайшие детали быта: деревянные башмаки, синие и серые одежды, длинные прямые трубки, веера из пальмовых листьев, похожие на теннисные ракетки, травяные сандалии, огромные соломенные шляпы в виде остроконечных умывальных тазов. Особое внимание уделено деньгам – мельчайшим медным монеткам с отверстием, которые носят «вязанками, надетыми на веревку» [5, с. 8]. Многообразие и пестрота человеческих типов на пристани поразительны. Здесь и слепцы с гонгом и бандурами, поющие песни тонким фальцетом, и женщины в синих кофтах с плоской забинтованной грудью и «копытцами» вместо ног (результат бинтования), и старухи-лысики с деревянными рогульками под затылком, и «мозольные операторы», щелкающие кастаньетами и высверливающие буравчиками мозоли, и точильщики с длиннейшими фанфарами, и разносчики с коромыслами и колотушками.

Продолжая этот ряд, нельзя не остановиться на описании кухни и процесса еды: «Переносные жаровни подогревают котлы, где кипит хлебное. Кухари, голые до пояса, прикрутив передником штаны к бедрам, месят тесто и варят рис. За медки кули обедает, сев на корточки около кухни» [5, с. 8]. Этот натурализм – не самоцель. Каждая деталь, от способа приготовления пищи до позы обедающего кули, работает на создание образа иной, «чуждой» европейскому зрителю цивилизации. Вместе с тем Третьяков не просто фиксирует экзотику. Он постоянно подчеркивает социальное расслоение и классовую борьбу даже внутри этого, казалось бы, традиционного уклада: «Пристань живет звонко и пестро – это досуг, а шеренги кули монотонно проносят цепи одинаковых тюков – это труд, <...> иногда пристань охватывает озлобление, люди сбиваются в толпы, голоса начинают храпеть и срываться, а мирное весло в руке начинает приобретать очертания боевой дубинки – это восстание» [5, с. 10].

Если китайский берег показан как хаос, многолюдье, нищета и тяжелый труд, то канонерка «Кокчефер» – это мир безупречного порядка, чистоты, досуга и надменной самоуверенности. Третьяков в авторской ремарке к четвертому звену создает почти осязаемый образ этого враждебного пространства: «Белизна и металл. От не-

истового солнца натянуты тенты. Гудят фэны – электро-вентиляторы. Плетеные шанхайские лонгшезы, кресла, столики к завтраку» [5, с. 24]. Канонерка – это «подвижный кусок Британии», «государство в государстве», пространство колониального исключения. Здесь царят свои законы и свой ритм жизни. Автор фиксирует: «Золотые галуны на белых кителях конвоя. Ежедневные бритые щеки. Изысканная сервировка столов. Рыцарственная галантность по отношению к женщинам, появляющимся на палубе судна» [5, с. 6].

Но за этой внешней благопристойностью скрывается чудовищная жестокость и расизм. «Здесь, если нужно, извиваются, не зажигая руки, издеваются, не повышая голоса, и подкрепляют свои кровавые требования простым поворотом пуленых дул. Приказы сухи, отрывисты. Движения выверены. Действия рассчитаны» [5, с. 6]. Эта двойственность – изысканность и жестокость, галантность и расизм, порядок и произвол – составляет сущность «империалистического» локуса в пьесе. Как справедливо отмечают современные исследователи, «...развивается в пьесе и принцип противопоставления частей пространства. ... В пьесе сравнивались Ваньсян и британский корабль» [3, с. 333]. Противопоставление двух миров является ключевым для всей эпической драматургии Третьякова, а сквозным мотивом всей пьесы становится проблема «цены» – оплаты труда, товара и, в конечном счете, человеческой жизни. В связи с этим В.Е. Головчинер отмечает: «В качестве важнейшей, цементирующей целое, сквозной в них вырастает проблема цены. Она разворачивается в разных аспектах, выступает в функциях мотива. В первых явлениях обсуждается оплата агентом <...> труда кули, лодочников; потом стоимость кожи <...>, следом говорят о цене девочки – дочери лодочника Чи <...>. Наконец, <...> возникает проблема цены жизни янки, утонувшего из-за своей жадности <...>. Капитан английской канонерки думает, «скольких китайцев стоит один убитый белый». В конце концов, он определил цену: предъявил ультиматум городу, потребовав ... казни двух лодочников, иначе «с городом будут разговаривать пушки» [1, с. 121].

На канонерке происходит ключевая сцена торга между американцем Холеем и французским коммерсантом де-Брюшелем. Здесь Третьяков срывает маску «цивилизаторской миссии» и обнажает подлинную суть империализма: «Мы несем промышленность этим дикарям. Они должны, на животах ползая, знать эту руку. Они зарабатывают цент – мы приходим и платим десять» [5, с. 74], – вещает де-Брюшель. Миссионер вторит ему: «Они вязнут в язычестве – мы им даем церковь», а капитан резюмирует: «Фабрики. Церкви. Школы и армии». Этот диалог является типичным для всей советской антиколониальной риторики 1920-х годов. В сцене на канонерке Третьяков использует и другой важный прием – введение «чужих» голосов и реплик, которые маркируют расовое и классо-

вое высокомерие европейцев. Мадам де-Брюшель, комментируя сцену наказания китайского мальчика-слуги, восклицает: «Капитан, вы прямо блаженный Августин!» Эта ирония перерастает в сарказм, когда она же, крестившая жену лодочника, отказывается ходатайствовать за ее мужа, приговоренного к казни: «Меня это не касается. Бессильна помочь. Бедняжка! Единственное утешение – в молитве» [5, с. 35, 75, 89].

Персонажи пьесы «Рычи, Китай!» не являются психологически разработанными характерами в традиционном смысле. Это, в первую очередь, социальные типажи, «маски», каждая из которых выполняет строго определенную идеологическую функцию. В пьесе нет главного героя, что является сознательным отказом от буржуазного индивидуализма и позволяет создать эпическую панораму борьбы народных масс. Европейцы представлены как единый, хотя и внутренне разобщенный, лагерь колонизаторов. Капитан Коппер – это «глыбообразная фигура, квадратная и тяжелая», «несгораемый шкаф», чья самоуверенность беспредельна. Его коллекция боксерского оружия – гордость и отрада. С дамами он изыскан и даже сентиментален, но с «туземцами» не тратит слов, убежденный, что «для приведения их в порядок достаточно взгляда или движения пальцем». Мистер Холей – американский делец, «хорошо сбитый, сухожильный молодой американец», для которого Китай – лишь место извлечения прибыли. Он цинично заявляет: «Десять этих грязев не стоят одного американца!» [5, с. 15, 16, 26]. Мосье де-Брюшель – французский коммерсант, «пожилой толстяк», страдающий от жары и брюзжащий по любому поводу. Его фигура – карикатура на европейского буржуа, который за двадцать четыре года жизни в Китае так и не научился понимать эту страну, но считает себя вправе распоряжаться ее ресурсами. Особого внимания заслуживает образ журналиста – циничного репортера, который торгуется со старухой-сводней, покупая девочку, а затем оперативно сочиняет «сенсационную» заметку о «зверском убийстве» американца, подыгрывая капитану и его ультиматуму. Журналист – инструмент фабрикации общественного мнения на Западе, манипулятор фактами.

Китайцы в пьесе разделены на несколько социальных групп. Кули, грузчики и лодочники – это «озлобленные, всегда голодные, бросающиеся за каждым медяком люди». Их образы лишены индивидуализации, они «серая словесная масса», «темная и неграмотная». Но Третьяков видит в них потенциал к сопротивлению: «Только изредка, в особенно острые минуты, внутренним чутьем прозревая, что перед ними враг, они всей массой новизны на любое движение и выбрасывают странные конвульсии восстания». Чи – лодочник, чье имя становится символом стихийного бунта. Он отказывается везти Холей без предоплаты, вступает с ним в драку, в результате которой американец тонет. В сцене на лодке Чи говорит:

«Твоя езд парохода, твоя денга давай». Чи – не злодей и не герой в классическом смысле; это человек, доведенный до отчаяния нищетой и унижением, чей поступок становится детонатором трагических событий. Фей – председатель союза лодочников, более зажиточный и «становитый» [5, с. 4, 7, 43, 60]. Его трагедия – в необходимости выбирать двух лодочников на казнь. Он пытается взять вину на себя («Я пойду»), но сталкивается с жесткой логикой жребия. Фей – образ того, кто «равный перед бедой», но чье социальное положение (старшина, посредник между китайскими властями и лодочниками) ставит его в трагическую ситуацию выбора.

Отдельную группу составляют студент-переводчик и даоинь (губернатор). Студент – это «новая» интеллигенция, «молодые интеллигенты в очках и европейского фасона планах» [5, с. 8]. Он пытается протестовать, ссылаться на законы и дипломатию, но бессилён перед грубой силой. В сцене с капитаном он бросает: «Зверство!» – но вынужден уступить [5, с. 57]. Даоинь – старый, тучный чиновник, который «глубоко оскорблен» условиями ультиматума, но вынужден подчиниться, чтобы спасти город от бомбардировки. Его фигура – символ дряхлости, коррупции и беспомощности старого китайского режима перед лицом колонизаторов. Образ истопника – радиста на радиостанции, введен Третьяковым как рупор революционной идеи. Именно он в финале восьмого звена произносит ключевые слова: «Надо самим. Винтовку в руки. По всем городам. Встать. Разом. Знаешь Сунь-Вэнь? Знаешь Кантон? Знаешь слова через грудь у кантонских рабочих: «Умереть за народ»» [5, с. 86]. Третьяков, как и его герой-истопник, был одержим идеей служения революции и созданием «агитационного», действенного искусства, которое должно «пробудить ненависть к эксплуататорам».

Важнейшим средством создания образа Китая в пьесе является язык. Третьяков сознательно использует прием «ломаного» русского языка в репликах китайских персонажей, имитируя искаженную, пиджин-интонацию. Бой, китайский мальчик-слуга на канонерке, говорит: «Ево говори, едя не хочу. Ево говори, меликанска капитана шибак мала денги плати, капитана палка дернза». Та же стилизация – в речи лодочника Чи: «Твоя езд парохода, твоя денга давай», «Твоя полиция зови. Моя денга давай» [5, с. 31, 43]. Этот прием, который может показаться сегодня стилистически устаревшим и даже этноцентричным, в контексте 1920-х годов выполнял конкретную драматургическую задачу: он создавал эффект «инаковости», подчеркивал языковой и культурный барьер между китайцами и европейцами, а также служил средством обличения высокомерия последних, не желающих (или не способных) говорить на языке тех, кого они угнетают. Ян Цзин в сопоставительном анализе путевых очерков «От Пекина до Праги» и пьесы «Рычи, Китай!» Третьякова делает важное наблюдение: «Уни-

кальные языковые особенности героев сыграли важную роль в пьесе, не только сделав образ более живым, но и даря зрителю ощущение погружения». Исследовательница подчеркивает, что этот прием «ломаной» речи служит для обозначения низкого образовательного уровня кули, которые «могут руководствоваться только грубой силой, без мудрости» [8, с. 161, 162]. В то же время, в кульминационные моменты (монологи истопника, финальные реплики толпы) язык китайских персонажей становится правильным, литературным, что сигнализирует о переходе от стихийного протеста к осознанной политической борьбе.

Контрастирует с этой «ломаной» речью изысканный, полный клише и лицемерных фраз язык европейцев. «Они вязнут в язычестве – мы им даем церковь», «Их едят насекомые, они захлебываются в грязи – мы им даем приюты». Этот контраст – еще один монтажный стык, еще один способ обличения колониальной риторики. Вещный мир в пьесе Третьякова глубоко символичен и идеологически нагружен. Канонерка – это символ британского военно-морского могущества и колониального господства. Ее пушки, нацеленные на город, – материальное воплощение ультиматума. Весло лодочника Чи – символ мирного труда, который в минуту гнева превращается в «боевую дубинку». Крест – символ лицемерия христианских миссионеров. Когда миссионер провозглашает на могиле Холея «Не убий!» [5, с. 74, 88], этот крест, поставленный китайцами под дулами пушек, становится издевательством над заповедью.

Петля на дверях капитанской каюты, в которой вешается Бой, – один из самых сильных символов пьесы. Как объясняет Коппер, «так в Китае метят мандарину замученные подданные». Самоубийство мальчика – это не акт отчаяния, а форма протеста, политическое послание. Капитан, увидев петлю, кричит: «Нет, не уйду!», но зритель понимает, что это самообман. Колониализм, как и капитан, обречен. Жребий (сломанные палочки для еды), который тянут лодочники, решая, кому идти на смерть, – символ чудовищной несправедливости, когда человеческая жизнь становится предметом рока. В сцене жеребьевки лодочник, вытянув короткую палочку, спокойно говорит: «Короткая. Я говорил» [5, с. 82, 85].

Восьмое и девятое звенья пьесы представляют собой кульминацию и развязку. Два лодочника – старик и отец семейства – казнены (удавлены). Китайцы, собравшиеся на берегу, потрясены, но их гнев перерастает в решимость. Истопник провозглашает: «Они не могут остаться. Их пушки нужны в другом месте. Иностранцы стягивают в Шанхай свои пароходы. В Шанхае восстание». Финальная сцена – апофеоз. Истопник выхватывает винтовку, вскакивает на ящик и кричит вслед уходящему катеру: «Клянусь винтовкой, ты не вернешься. Считай часы. Конеч навис. Китай рычит! Заметил? Стреляй! Я упаду – де-

сятки встанут» [5, с. 95]. Рядом с ним вскакивает монах Хошен, заслоняя грудь желтым лоскутом с молитвой («Пуля не возьмет!»), но пуля с канонерки настигает его. Этот эпизод – жестокая ирония: вера в чудесные талисманы бессильна против пуль империалистов. Настоящая победа – не в магии, а в единстве и борьбе, которую олицетворяет винтовка в руках истопника. Студент кричит: «Всей земле, всей земле рычите в уши о преступлении! Вон из нашего Китая!» – и толпа подхватывает: «Вон! вон! вон!» [5, с. 95]. Название пьесы, вынесенное в финальную реплику, обретает свой подлинный смысл: «рычать» – значит не просто кричать от боли, но и заявлять о своем праве на свободу, бросать вызов угнетателям. Этот пафосный, агитационный финал был созвучен эпохе. Третьяков сознательно выбрал такой путь, стремясь к документальной точности и социальной диагностике, а не к экзотизации.

Таким образом, пьеса Третьякова «Рычи, Китай!»

представляет собой многослойное и идеологически заряженное воплощение образа этой страны. Документальная основа и «звеньевое» монтажное построение позволяют драматургу выйти за рамки простой хроники, превращая частный Ваньсяньский инцидент в «типовой» образ колониального гнета. Пространственная оппозиция «китайский берег – империалистическая канонерка», система социальных масок-персонажей и контраст «ломаной» речи китайцев с лицемерным языком европейцев создают эффект «инаковости» и обнажают механизмы расового и классового высокомерия. Наконец, символика (петля, жребий, винтовка) и агитационный пафос финала выводят пьесу за пределы собственно драматургии, превращая ее в революционный манифест и инструмент международной солидарности. «Рычи, Китай!» становится не просто сценическим произведением, а действенным политическим высказыванием, где образ Китая обретает свою полную, документально-очерковую и одновременно взрывную силу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головчинер В.Е. Сергей Третьяков – учитель Бертольда Брехта // Сибирский филологический журнал. 2014. Вып. 2. С. 118–125.
2. Краснаярова А.А. «Китайский текст» в советской литературе 1920-х гг. (на примере творчества С.М. Третьякова) // Litera. 2019. № 4. С. 143–152.
3. Краснаярова А.А., Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Китайский цикл С.М. Третьякова // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 10. С. 325–348.
4. Лэн Чуань. Дело Ваньсянь и истоки значения «Рычи, Китай!» (на кит. яз.) // Вестник Чанцзянского педагогического института. 2009. Т. 25. № 6. С. 68–75.
5. Третьяков С.М. Рычи, Китай! Событие в 9-звеньях. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. 95с.
6. Шарыпина Т.А. Фридрих Вольф и Сергей Третьяков (к проблеме влияний и творческих схождений) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 185–191.
7. Ян Наньцзя. Интерпретация творческого мышления В.Э. Мейерхольда на материале постановки «Рычи, Китай!» // Университетский научный журнал. 2020. № 52. С. 111–118.
8. Ян Цзин. Образ Китая в путевых очерках «От Пекина до Праги» и в пьесе «Рычи, Китай» С.М. Третьякова // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 5. С. 158–163.

© Бурдина Светлана Викторовна (svburdina@gmail.com), Чжан Цзюань (825125177@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ НОВОСТЯХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Ван Кэ

Тяньцзиньский университет иностранных языков

2902834729@qq.com

STRATEGIES FOR TRANSLATING RUSSIAN ADVERBIAL PARTICIPLES IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL NEWS INTO CHINESE

Wang Ke

Summary: Russian adverbial participles are characterized by formal conciseness; in a sentence, they often perform the function of secondary predication and, depending on the context, compress logical relations of time, manner, condition, purpose, result, and scope of action. Scientific and technical news combines the precision of the scientific-technical style with the compactness of news discourse; therefore, adverbial participles are frequently used to organize information about methods, functions, and background circumstances, which creates difficulties of syntactic restructuring when translating into Chinese. Based on examples of adverbial participles drawn from Russian-language online news published by RIA Novosti, Kommersant, Komsomolskaya Pravda, Argumenty i Fakty, and other outlets, this article examines the ways of rendering adverbial participles on three levels: stylistic features, semantic functions, and translation strategies. The study shows that in scientific and technical news, adverbial participles most often express the means and manner of action, resultative-functional meaning, utterance background, purpose/intention, and scope of enumeration. When translating, one should not mechanically seek a fixed equivalent; rather, it is necessary to take into account the relationship between the adverbial participle and the predicate of the main clause and to apply combined translation, separate translation, explicitation of logical relations, word order rearrangement, transposition of parts of speech, or, when necessary, omission.

Keywords: Russian adverbial participle, scientific and technical news, translation strategies, methods of translation.

Аннотация: Русские деепричастия отличаются краткостью формы; в предложении они нередко выполняют функцию вторичной предикации и, опираясь на контекст, компрессируют логические отношения времени, способа, условия, цели, результата и сферы действия. Научно-технические новости сочетают точность научно-технического стиля и компактность новостного дискурса, поэтому деепричастия часто используются для организации информации о методах, функциях и фоновых обстоятельствах, что создаёт трудности синтаксической перестройки при переводе на китайский язык. В статье на материале примеров деепричастий из русскоязычных интернет-новостей РИА Новости, «Коммерсанта», «Комсомольской правды», «Аргументов и фактов» и других изданий рассматриваются способы передачи деепричастий на трёх уровнях: стилистические особенности, семантические функции и переводческие стратегии. Исследование показывает, что в научно-технических новостях деепричастия чаще всего выражают способ и средство действия, результативно-функциональное значение, фон высказывания, цель/намерение и сферу перечисления. При переводе не следует механически искать фиксированный эквивалент: необходимо учитывать связь деепричастия со сказуемым главной части и применять объединённый перевод, отдельный перевод, экспликацию логики, перестановку порядка слов, транспозицию частей речи или, при необходимости, опущение.

Ключевые слова: русское деепричастие, научно-технические новости, переводческие стратегии, способы перевода.

Введение

В русско-китайском переводе деепричастия часто вызывают проблему, которую можно описать как «смысл понятен, но китайская фраза звучит неестественно». Русский язык позволяет с помощью форм выступая, изучив, определяя, помогая и т. п. сжато включать в одно предложение фон высказывания, способ действия, последовательность событий или результативное пояснение [1; 2]. Китайский язык, напротив, в большей степени опирается на порядок слов, последовательные глагольные конструкции, предложные структуры и явно выраженные связующие слова. Если, выступая переводить как «发言着», а определяя — как «确定着», перевод будет не только тяжеловесным, но и ослабит ясность, не-

обходимую научно-техническим новостям.

В последние годы сообщения об искусственном интеллекте, автономном вождении, медицинской визуализации, цифровых платформах и кибербезопасности обновляются особенно быстро. Предложения в русских научно-технических новостях часто одновременно несут информацию об объекте исследования, техническом методе, сфере применения и социальном эффекте. Эта тематическая специфика сближает текст научно-технической новости с функциональными требованиями научно-технического перевода [3; 4]. В существующих исследованиях деепричастие рассматривалось преимущественно с грамматической точки зрения: анализировались его временные значения,

полупредикативность и логико-семантические отношения [5; 6]. Проблема перевода деепричастных оборотов на китайский язык специально рассматривалась с точки зрения переводческих приёмов и синтаксической перестройки [7]. Практика перевода научно-технических новостей и новостных текстов о новых технологиях показывает значимость жанровой и функциональной адаптации [8; 9]. Однако специальное рассмотрение переводческих стратегий деепричастий с учётом стиля научно-технических новостей ещё нуждается в расширении.

В данной статье отобраны предложения из русскоязычных научно-технических новостей, содержащие деепричастия или деепричастные обороты. Материал анализируется по схеме «стилистические особенности — функциональный анализ — переводческие стратегии». Поскольку корпус примеров ограничен по объёму, работа не претендует на статистическое обобщение, а сосредоточена на анализе предложений, выявлении типичных трудностей и формулировании принципов их решения.

1. Стилистические особенности русскоязычных научно-технических новостей

1.1. Лексические особенности

Русскоязычные научно-технические новости прежде всего характеризуются высокой плотностью терминов и сравнительно большой долей абстрактных существительных. В сообщениях об искусственном интеллекте часто встречаются термины и полутермины искусственный интеллект, автономные системы, цифровые платформы, статистические аномалии, артефакты и др.; также нередки сокращения ИИ, ГОСТ, КПЭ и т. п. [3]. По сравнению с новостями повседневной тематики научно-технические новости уделяют больше внимания границам понятий и свойствам объектов, поэтому в одном предложении часто совмещаются название технологии, сфера применения и оценочный показатель [4; 9].

Эта лексическая особенность создаёт условия для активного использования деепричастий. В научно-техническом русском языке ключевые понятия часто выражаются существительными или номинализированными конструкциями [3]. Сказуемые обозначают абстрактные операции вроде «анализировать», «оценивать», «создавать», «применять», а деепричастия дополняют их указанием на основание действия, способ реализации или сопутствующий результат. Если при переводе сосредоточиться только на самом деепричастии, его легко передать как изолированное действие. Только помещая его обратно в терминологическую и предикативную структуру предложения, можно правильно определить способ перевода.

1.2. Грамматические особенности

Грамматические особенности русскоязычных научно-технических новостей можно описать как сочетание усложнения и компрессии. В ограниченном объёме новостной текст должен сообщить субъект, объект, метод, результат и эффект, поэтому в нём часто встречаются длинные предложения, пассивные конструкции, причастные и деепричастные обороты [2; 3]. Например: «Система анализирует структуру изображений документов, определяя статистические аномалии и артефакты, возникающие при генерации или редактировании». Основной каркас этого предложения — «система анализирует структуру изображений документов»; деепричастие определяя вводит функционально-результативное значение «выявления аномалий и артефактов», а причастие возникающие уточняет ситуацию появления этих аномалий [5].

При пословном переводе на китайский язык как «系统分析....., 确定着.....» фраза звучит неестественно и не передаёт иерархии технического действия. Более удачный перевод: «系统通过分析文件图像结构, 识别生成或编辑过程中出现的统计异常和伪影.» Из этого видно, что деепричастие — не изолированное морфологическое явление, а важное средство компрессии информации и организации уровней смысла в научно-технических новостях [2; 5].

1.3. Риторические особенности

Риторическим ядром научно-технической новости являются объективность, точность и логичность. Деепричастие не выражает категорию лица и не выполняет функцию самостоятельного полного сказуемого, поэтому оно хорошо соответствует потребности научно-технического текста ослаблять субъективное повествование и выдвигать на первый план фактические отношения [5]. По сравнению с придаточным предложением с союзом деепричастный оборот более компактен и позволяет сохранить фокус сообщения на самом техническом факте [3].

В новостных цитатах деепричастия выступая, говоря, поясняя и др. часто используются для указания речевой ситуации [2]. Например: «Сказал он, выступая на федеральном просветительском марафоне «Знание. Первые»». Смысловой центр предложения — содержание сказанного, а выступая только обозначает место и ситуацию высказывания. При переводе на китайский язык его можно передать как «他在.....活动上表示»; вариант «他发言着说» нежелателен.

2. Функции деепричастий в научно-технических новостях

2.1. Семантические типы деепричастий

Анализ отобранных примеров показывает, что дее-

причастия в научно-технических новостях выполняют главным образом шесть функций [6]. Первая — временная или основанная на источнике информации связь, например: «Выяснило РИА Новости, изучив содержание документа», где изучив указывает на предшествующее действие и источник основания для сообщения [6]. Вторая — условная или фоновая связь, как в примере: «Столкнувшись с реальной проблемой впервые, человек рискует...», где деепричастный оборот в начале предложения задаёт ситуативную предпосылку главного суждения. Третья — способ и сопутствующее действие; она часто встречается в описаниях функционирования технических систем и отвечает на вопрос, каким способом осуществляется действие главной части. Четвёртая — цель или намерение, например стремясь в сообщениях о кибербезопасности может пояснять мотив выбора целей злоумышленниками. Пятая — результат или дополнительное пояснение, например: «выросло более чем вдвое, обогнав создание медиаконтента», где, обогнав уточняет относительный результат роста. Шестая — сфера перечисления, как включая, вводящее области применения, объекты политики или перечень мер. Следует отметить, что, помогая, ускоряя, финансируя и подобные формы часто совмещают значения способа и результата, а трудность перевода заключается именно в определении того, какой смысловой слой нужно выделить в китайском тексте [7].

2.2. Типичные структуры деепричастий

С точки зрения позиции в предложении деепричастный оборот в начале предложения чаще вводит время, условие или объяснительный фон; деепричастие в середине предложения обычно указывает на способ и сопутствующее действие; деепричастие в конце предложения нередко выражает результат, дополнительное пояснение или источник информации [6; 7]. Например: «Поясняя свои слова, Воронин привел в пример портал «Госуслуги». Это можно перевести как: «在解释自己的说法时, 沃罗宁举了《国家服务》门户网站的例子。» Здесь поясняя не следует передавать как самостоятельное действие; оно должно служить развёртыванию главной информации предложения.

По внутренней структуре в материале встречаются как одиночные деепричастия, например включая, так и расширенные обороты с дополнениями, например помогая новичкам осваивать сложные задачи, а также более длинные конструкции с обстоятельствами способа или источника [7]. Чем длиннее конструкция, тем больше информации она несёт, и тем менее оправданно её простое сжатие до одного китайского обстоятельства.

3. Стратегии перевода деепричастий

3.1. Объединённый перевод

3.1.1. Включение в сказуемое

Когда деепричастие выражает способ, функцию или непосредственный результат технического действия и тесно связано со сказуемым главной части, его значение можно включить в систему китайского сказуемого, обстоятельства или дополнения [7; 10]. Например: «Искусственный интеллект анализирует миллионы снимков вместе с врачами, ускоряя постановку диагнозов» можно перевести как: «人工智能与医生共同分析数百万张影像, 加快诊断流程。» Здесь ускоряя, не является действием, которое нужно развернуть самостоятельно, а обозначает функциональный эффект предшествующего технического действия. Перевод «加快诊断流程» сохраняет результативное значение и избегает тяжеловесных выражений типа «加快着诊断».

3.1.2. Перевод последовательной глагольной конструкцией

Последовательная глагольная конструкция подходит в тех случаях, когда действие деепричастия и действие главной части соотносятся как предшествующие или параллельные и могут естественно соединяться в китайском языке [6; 7]. Например: «Рентгенолог Ольга Капралова сначала сама выносит вердикт, изучив снимки, а после сверяет результат с ИИ» можно перевести как: «放射科医生奥尔加·卡普拉洛娃先查看影像并作出判断, 随后再与人工智能结果进行核对。» Изучив снимки обозначает предшествующее действие; перевод «查看影像并作出判断» соответствует китайской последовательной глагольной структуре, подчёркивает порядок медицинской процедуры и звучит в новостном тексте естественнее, чем вариант «在研究了影像之后».

3.2. Раздельный перевод

3.2.1. Перевод придаточным времени

Когда деепричастие обозначает временной фон сообщения, пояснения или события и этот фон важен для указания источника новости, его можно переводить придаточным времени [6; 7]. Например: «Об этом заявил президент РФ Владимир Путин, выступая на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей...» можно перевести как: «俄罗斯总统普京在俄罗斯工业家和企业家联盟大会上发言时作出上述表示。» Здесь выступая, указывает на ситуацию высказывания. Перевод «在.....发言时» лучше сохраняет информацию о новостном источнике, чем простое включение смысла в глагол «表示».

3.2.2. Перевод придаточным причины, условия или уступки

Когда деепричастие содержит сильную логическую связь или когда главное суждение становится понятным только при учёте этой связи, его следует отдельно переводить обстоятельственным придаточным с помощью слов «*由于*», «*如果*», «*一旦*», «*尽管*», «*为了*» и т. п. [6]. Предложение «Злоумышленники все чаще выбирают конкретные цели, стремясь нанести ущерб инфраструктуре выбранных организаций» можно перевести как: «攻击者越来越多地选择特定目标, 旨在破坏所选组织的基础设施。」 Стремясь, выражает цель и не должно переводиться как «*努力着*»; логика намерения должна быть эксплицирована средствами «*旨在*» или «*为了*» [7].

3.2.3. Перевод сочинённой частью предложения

Когда деепричастный оборот несёт достаточно самостоятельную новую информацию и на уровне повествования относительно параллелен действию главной части, его можно переводить сочинённой частью [7; 8]. Например: «Традиционным медиа приходится пересматривать свой подход — быть гибкими, создавая дополнительную ценность за пределами краткого объяснения, которое генерирует AI» можно перевести как: «传统媒体不得不重新审视自身方式, 保持灵活, 并在人工智能生成的简短解释之外创造额外价值。」 Информация, заключённая в создавая, представляет собой параллельное действие, которое должны осуществлять традиционные медиа; перевод «*并……创造*» звучит естественнее.

3.3. Экспликация логики и перестановка порядка слов

3.3.1. Экспликация логики

Экспликация логики означает введение слов «*从而*», «*由此*», «*以此*», «*同时*», «*进而*» и др., чтобы сделать явной связь, скрытую в деепричастии [6; 9]. Семантика деепричастия часто находится между значениями способа и результата; если её не эксплицировать, читатель может не понять, как связаны технические действия. Например: «Ассистент ... постепенно сужает выбор до действительно подходящих вариантов, помогая человеку понять, чего он на самом деле хочет» можно перевести как: «助手逐步缩小选择范围, 从而帮助用户理解自己真正需要什么。」 На поверхности помогая обозначает сопутствующее действие, но фактически оно указывает на сервисный эффект предшествующего процесса.

3.3.2. Перестановка порядка слов

Позиция деепричастного оборота в русском предложении сравнительно свободна; при переводе на китайский язык необходимо подчинять её информационной

структуре китайского текста: «фон — впереди, результат — далее», «известная информация — впереди, новая информация — далее» [8; 10]. Например: «Компании все активнее переключаются на обслуживание технологий искусственного интеллекта и сложных вычислений, частично финансируя этот переход за счет продажи накопленной криптовалюты» можно перевести как: «这些公司通过出售所积累的加密货币为转型提供部分资金, 并越来越积极地转向服务人工智能技术和复杂计算。」 Перенос конструкции «*通过出售……*» в начало позволяет сначала назвать способ финансирования, а затем направление трансформации.

3.4. Транспозиция частей речи и опущение

3.4.1. Транспозиция частей речи

Транспозиция частей речи очень распространена при переводе деепричастий в научно-технических новостях [10]. Русский язык использует деепричастия для выражения метода, сферы или дополнительного пояснения, тогда как китайская научно-техническая новость часто передаёт ту же функцию предложной конструкцией, именной группой или устойчивым четырёхсложным выражением [7]. Например: «Требуется комплексная система стимулирования — включая финансовые преференции, субсидии и налоговые льготы» можно перевести как: «需要建立综合激励体系, 包括财政优惠、补贴和税收优惠等措施。」 Деепричастие, включая почти утратило действие и выполняет главным образом функцию перечисления; перевод «*包括……等*» естественнее, чем «*包含着*».

3.4.2. Опущение

Опущение допустимо только тогда, когда значение деепричастия ослаблено, информация уже поглощена китайской структурой или деепричастие выполняет лишь вводно-цитатную функцию [7]. Нельзя опускать содержательную информацию о методе, основании или результате. Например: «Говорит Медведев, обращаясь к участникам форума» можно перевести как: «梅德韦杰夫对论坛参会者表示。」 Здесь действие, выраженное обращаясь, уже включено в китайскую конструкцию «*对……表示*», поэтому нет необходимости переводить его как «*在面向论坛参会者时说*». Если адресат высказывания не является ключевой информацией, возможен и более краткий перевод: «梅德韦杰夫表示».

Заключение

Деепричастия в русскоязычных научно-технических новостях являются результатом совместного действия информационной компрессии научно-технического стиля, эффективной передачи информации в новостном стиле и объективности письменной речи. В синтаксисе они

выполняют функцию вторичной предикации; в семантике могут выражать время, условие, способ, цель, результат и сферу перечисления; в риторике помогают ослабить субъективность и подчеркнуть факт, метод и логику.

С точки зрения переводческих стратегий деепричастия со значением способа целесообразно прежде всего передавать объединённым переводом или транспозицией частей речи, переводя их как «通过/借助 + существительное» либо непосредственно включая в сказуемое. Деепричастия с выраженными временными, условными и целевыми отношениями лучше переводить раздельно, при необходимости добавляя связующие слова. Деепричастия со значением результата часто требуют логической экспликации с

помощью «从而», «进而» и других средств. Длинные деепричастные обороты следует переводить с учётом китайской информационной структуры и перестраивать порядок слов. Деепричастия речевого типа при семантическом ослаблении могут быть осторожно опущены. Таким образом, ключ к переводу деепричастия заключается не в поиске фиксированного эквивалента, а в определении его функциональной позиции в научно-технической новости и последующей синтаксико-семантической перестройке. Поскольку корпус статьи ограничен, дальнейшие исследования могут расширить круг СМИ и сопоставить переводческие стратегии деепричастий в разных научно-технических тематиках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Хуэйсэнь. Новейшая грамматика русского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2000. [на кит. яз.]
2. Сунь Жулинь. Краткий анализ употребления русских деепричастий. [на кит. яз.]
3. У Цзинсинь. Краткий анализ особенностей научно-технического русского языка и методов его перевода // Современное общение. 2021. № 4. С. 76-78. [на кит. яз.]
4. Чжу Юйфу. Полисемия русских научно-технических терминов и их перевод // Китайская научно-техническая терминология. 2016. № 2. С. 20-22. [на кит. яз.]
5. Чжоу Хайянь. Исследование полупредикативности русского деепричастия (деепричастного оборота) // Лингвистические исследования. 2016. № 2. С. 133-142. [на кит. яз.]
6. Ван Тун. Логико-семантическое содержание конструкций с русским деепричастием и вопросы, требующие внимания в преподавании // Исследования высшего образования Хэйлунцзяна. 2005. № 6. С. 131-132. [на кит. яз.]
7. Юй Лишуан. Стратегии перевода русских деепричастных оборотов: магистерская диссертация. Цзилиньский университет, 2015. [на кит. яз.]
8. Чжан Цзецзюнь. Отчёт о практике перевода научно-технических новостей (с русского на китайский): магистерская диссертация. Сианьский университет иностранных языков, 2016. [на кит. яз.]
9. Фэн Вэнь. Исследование перевода новостей в сфере новых технологий в аспекте «трёхмерной трансформации»: на материале перевода русских новостей о роботах на китайский язык: магистерская диссертация. Сианьский университет иностранных языков, 2022. [на кит. яз.]
10. Ван Цзин. О транспозиции частей речи при переводе научно-технических текстов с русского языка на китайский // Обучение в лесных районах. 2015. № 6. С. 51-53. [на кит. яз.]

© Ван Кэ (2902834729@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИЦО КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ДАРГИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

FACE AS A CULTURAL CODE IN THE PHRASEOLOGICAL WORLDVIEW OF THE DARGIN AND RUSSIAN LANGUAGES

**N. Gadzhiakhmedov
S. Magomedova**

Summary: The article for the first time conducts a comparative analysis of the national-cultural specifics of the concept of "face" in phraseological paintings of the world of Dargin and Russian languages. It has been revealed that in Dargin linguoculture, a face is not just an anatomical nomination, but a central cultural code marking social identity and honor, which distinguishes it from the European metaphor of "faces as mirrors of the soul". It has been established that the positive assessment of the face in both cultures is based on a universal metaphor of light, but the standards differ: in the Dargin language it is the Moon, in Russian – the sacred Christian "face". For a negative assessment, Dargin phraseology consistently uses zoomorphic images (dog, donkey, horse) and a unique artifact metaphor "doughface". It is shown that the eyes in the Dargin picture of the world are the main aesthetic marker, the ears are a purely pragmatic tool, and the nose symbolizes self-esteem. The results of the study deepen the understanding of the ethnocultural specifics of somatic phraseology and can be used in courses of linguoculturology, cognitive linguistics and intercultural communication.

Keywords: the concept of "face", somatic phraseology, Dargin language, Russian language, cultural code, language picture of the world, linguoculturology.

Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович

доктор филологических наук, профессор, Дагестанский
государственный университет, (г. Махачкала)
nur1@yandex.ru

Магомедова Сабият Абдурахмановна

Дагестанский государственный университет,
(г. Махачкала)
sabiyat.magomedova82@mail.ru

Аннотация: В статье впервые проводится сопоставительный анализ национально-культурной специфики концепта «лицо» во фразеологических картинах мира даргинского и русского языков. Выявлено, что в даргинской лингвокультуре лицо выступает не просто анатомической номинацией, а центральным культурным кодом, маркирующим социальную идентичность и честь, что отличает его от европейской метафоры «лица как зеркала души». Установлено, что положительная оценка лица в обеих культурах опирается на универсальную метафору света, однако эталоны различаются: в даргинском языке это Луна, в русском – сакрально-христианский «лик». Для отрицательной оценки даргинская фразеология последовательно использует зооморфные образы (собака, осёл, лошадь) и уникальную артефактную метафору «тесто-лицо». Показано, что глаза в даргинской картине мира являются главным эстетическим маркером, уши — сугубо прагматическим инструментом, а нос символизирует чувство собственного достоинства. Результаты исследования углубляют понимание этнокультурной специфики соматической фразеологии и могут быть использованы в курсах лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: концепт «лицо», соматическая фразеология, даргинский язык, русский язык, культурный код, языковая картина мира, лингвокультурология.

Введение

Соматическая фразеология представляет собой один из наиболее архаичных и культурно значимых пластов любого языка, поскольку именно через телесный код человек исторически осмыслял себя, свою идентичность и границы личности. В даргинской языковой картине мира центральным элементом этого кода выступает слово *дях* «лицо». Его роль выходит далеко за пределы анатомической номинации: в традиционной культуре Дагестана лицо является не просто частью тела, а сакральной границей личности,местилищем чести и социальной состоятельности. Данная установка принципиально отличается от доминирующей в европейской традиции метафоры «лица как зеркала души», смещая акцент с психологического самораскрытия на этико-социальную нормативность.

Исследование когнитивных механизмов отражения

окружающей действительности в языковой картине мира требует «углубленного анализа различных аспектов познавательной деятельности, причем особое внимание исследователей привлекают такие фундаментальные характеристики, как метафоричность и оценочность языкового мышления» [7, с. 71]. Являясь кумулятивным источником культурной информации, «фразеологизмы отражают специфику менталитета и традиционный уклад жизни даргинского этноса, что делает их изучение актуальным аспектом в понимании этнокультурного своеобразия народа» [2, с. 38].

Язык формирует личность и культуру, создавая языковую картину мира (ЯКМ). Связующим звеном между языком и ментальностью выступает концепт — дискуссионное понятие, которое рассматривается в разных подходах: культурологическом (единица культуры), семантическом (единица когнитивной семантики) и реалистическом (отражение объективной реальности)

[1, с. 27; 8, с. 19]. Языковая картина мира — это система концептов, включающая ценности и ключевые понятия культуры народа. Она системна, развивается во времени, реконструируется методами психолингвистики и, будучи очевидной для носителей, искажает реальность в соответствии с национальной ментальностью [2, с.39; 9, с. 61–65]. Специфика фразеологизма — в формировании значения совокупностью всех компонентов. Он описывает действительность через метафору, характерную для конкретного языка, и тем самым тесно связан с национальной культурой [10, с.38].

Цель настоящей статьи — выявить аксиологический потенциал соматического компонента *дяхI* и смежных с ним концептов (глаза, уши, нос) в даргинской фразеологии через призму лингвокультурологического сопоставления с русским языком. Такой сравнительный подход позволяет, с одной стороны, обнаружить универсальные механизмы метафоризации внешности, а с другой — эксплицировать уникальные этнокультурные эталоны, сформированные под влиянием горского быта, религиозных воззрений и природно-космических ориентиров.

Материалом для анализа послужили фразеологические единицы с соматизмами, извлеченные из фразеологических источников даргинского и русского языков [6; 5].

В ходе исследования последовательно решаются следующие задачи: во-первых, устанавливается семантическая структура фразеологизмов, положительно и отрицательно характеризующих человека; во-вторых, прослеживаются конкретные метафорические переходы от физических признаков (чистота, свет, форма) к абстрактным моральным нормам; в-третьих, определяется специфика зооморфного, предметного и пространственного кодов, участвующих в моделировании оценки.

Таким образом, концепт «лицо», «оставаясь традиционным культурно-психологическим феноменом, является не только одной из глубинных структур культурной психологии, но и базовым концептом концептосферы» [4, с. 265]. Исследователи отмечают, что «несмотря на то, что даргинская и русская лингвокультуры различаются, они имеют схожую тенденцию в выстраивании жизненных ценностей» [11, с. 104].

Результаты исследования

В даргинской фразеологии слово *дяхI* «лицо» выступает в роли центрального соматического кода. В традиционной культуре народов Дагестана, к которым относятся даргинцы, лицо не просто анатомическая часть тела, а сакральная граница личности. В отличие от европейской традиции, где лицо часто рассматривается как «зеркало души», в даргинской идиоматике лицо — этоместилище чести и социальной идентичности. Это под-

тверждается семантическим переходом от конкретного сравнения к абстрактной моральной норме.

Фразеологизмы с соматическим компонентом *дяхI* «лицо» характеризуют человека как с положительной, так и с отрицательной стороны. Сопоставление даргинских и русских фразеологизмов, положительно характеризующих человека, выявляет глубокое сходство в восприятии человеческой красоты и доброты. В основе обеих лингвокультур лежит соматический (телесный) код, где лицо выступает зеркалом внутреннего мира человека. Так, даргинскому фразеологизму *бацван дяхIла вегI* (букв. «с лицом как луна») в русском соответствует *светлый лик*. В основе этой пары лежит универсальная архетипическая метафора «свет — это добро/красота». Даргинская фразеология использует образ Луны (*бац*). В культуре народов Кавказа Луна традиционно является эталоном женской и мужской красоты, символом чистоты, идеальной округлости и мягкого, приятного глазу свечения. Это восточный этнокультурный эталон.

Русская фразеология опирается на сакрально-христианский код. Слово *лик* ассоциируется с иконописью и духовностью. Свет здесь — не просто физическое сияние, а признак божественной благодати, святости, внутренней чистоты и одухотворенности. Общим является то, что оба языка связывают красоту лица с излучением света. Однако в даргинском языке акцент смещен на природно-космический эталон (Луна), а в русском — на религиозно-эстетический и ментальный (духовный свет).

О светлом, приятном человеке даргинцы говорят *умути дяхI* (букв. «чистое лицо»). В русском языке данному фразеологизму соответствуют ФЕ *открытое лицо*, *светлая душа*. Здесь проявляется метафорический перенос с физического свойства предмета на морально-психологическую характеристику личности. Даргинский фразеологизм *умути дяхI* (букв. «чистое лицо») связывает понятие физической чистоты с ментальной безупречностью. Чистое лицо в даргинском понимании — это лицо, на котором нет порока, лжи или стыда. Оно автоматически вызывает доверие окружающих и сигнализирует о честности намерений.

Русское *открытое лицо* использует пространственную метафору. «Открытый» означает доступный, не прячущий ничего дурного, прямой. Это синоним честности и дружелюбия, а *светлая душа* расширяет соматическую рамку (лицо) до глубинного психического центра (душа). Происходит синекдоха: лицо оценивается положительно, потому что за ним стоит «светлая душа». В обеих традициях внешняя привлекательность лица напрямую приравнивается к этической безупречности человека. В даргинском языке признак кодируется через категорию «чистоты», а в русском — через категории открытости и «внутреннего света» (души).

Итак, анализ данных фразеологизмов показывает, что и в даргинском, и в русском языках соматические фразеологизмы выполняют аксиологическую (оценочную) функцию. Красивым и приятным признается то лицо, которое транслирует искренность, доброжелательность и внутреннюю гармонию. Различия кроются лишь в выборе национально-специфичных эталонов: кавказский поэтический образ луны противопоставляется славянскому концепту открытости и христианскому пониманию «светлого лика».

В даргинском языке для негативной характеристики лица последовательно используются зооморфные образы. Это не случайно: в традиционной горской культуре внешность человека жестко нормируется, а отклонения маркируются через отсылку к низшему, животному миру. Так, даргинскому фразеологизму *га-жала бял* «собачье лицо» соответствуют русские *собачья морда*, *собачье рыло*. Собака в даргинской, как и во многих других кавказских культурах, — амбивалентный символ. С одной стороны, сторож и помощник, с другой — нечистое, бродячее животное, не обладающее «человеческой» красотой. Метафора собачьей морды подразумевает не просто уродство, а нечто отталкивающее, лишенное благородства. В русской лингвокультуре «собачье лицо» — редкий оборот для внешности; он скорее передает моральное качество: злобность, подхалимство. В даргинском акцент сугубо на эстетическом низком статусе человека.

В даргинском фразеологическом словаре выражение *эмхлела дял* (буквально: «ослиное лицо») используется как пренебрежительное описание некрасивого, уродливого человека или человека с крайне неприятным, глупым выражением лица. В русском языке точных аналогов с упоминанием осла для описания внешности нет. В русской культуре осёл чаще символизирует упрямство или глупость, а не уродство. Для даргинца чья культура тесно связана с коневодством, сравнение лица с лошадиной мордой (*урчила дял* «лошадиная морда», *ябула дялван* «с лошадиной мордой») — сильный дискредитирующий ярлык. Лошадь прекрасна как животное, но ее черты, перенесенные на человека, означают диспропорцию. В русском языке *лошадиное лицо* также негативно, но может использоваться полушутливо. У даргинцев же — жесткая инвектива, особенно вариант *ябула дялван* «с лошадиной мордой», где суффикс обладания *-ван* усиливает значение дефекта.

О человеке с некрасивым припухшим лицом даргинцы говорят *хамир вял* (букв. «тесто лицо»). Данный фразеологизм реализует артефактную метафору: тесто вместо лица. Ближайшим и самым точным русским эквивалентом для даргинского выражения *хамир дял* (букв. тесто-лицо) является фразеологизм *блин горелый* (в значении описания внешности) или просторечное вы-

ражение *лицо как блин*. В русской культуре именно тесто и блины традиционно ассоциируются с чем-то круглым, плоским, бледным или отекившим. Ср. с английским *doughy face* «тестяное лицо».

Уникальный для даргинского образ, не сводимый к зооморфизму. *Хамир* — кислое тесто для лепешек. Метафора указывает на потерю формы, аморфность, припухлость, отсутствие четкого овала. Такое лицо — признак болезни, отека, либо рыхлой конституции. В традиционном обществе, где лицо — знак физического здоровья и суровости (горский идеал мужественности), «тестяное лицо» воспринимается как проявление слабости, неспособности к физической работе. В отличие от зооморфизмов (акцент на форму черепа), тут акцент на текстуру и объем. В русском языке «тесто» применительно к лицу — скорее мягкая насмешка, а не оскорбление; даргинский вариант звучит грубее из-за прямой аппозитивной конструкции (тесто-лицо).

Таким образом, даргинские фразеологизмы отрицательной оценки внешности моделируют иерархическую зооморфную шкалу (*собака* → *осел* → *лошадь*), дополненную материально-телесным низом (*тесто*). В лингвокультурологическом плане они отражают прагматику горского традиционного общества, где внешность человека жестко увязана с его моральной и социальной ценностью.

Лихлби «уши» без всякой иронии обычно воспринимаются просто как инструмент слуха. Например, выражение *ца лихлили лехлахъес* (букв. «слушать одним ухом» [6, с. 267]) означает внимательное прислушивание. Уши в даргинских фразеологизмах связаны с сердцем как центром внутреннего мира человека, что заметно, например в ФЕ *урк1ила лих1би агар* (букв. «не имеющий сердечных ушей») [6, с. 218], которая описывает черствого человека, у которого нет эмоциональной отзывчивости. В то же время следует заметить, что в отличие от глаз, концепт ушей в даргинском языке не используется для эстетизации, то есть уши не воспринимаются как красивый объект на лице, они просто выполняют прагматические функции.

В структуре семантического кода как русского, так и даргинского языков нос (*къянкъ*) выступает как значимый маркер психологического и эмоционального состояния: *къянкъ къух1буцес* «находиться в расстроенном состоянии, огорчаться» (букв. «повесить нос»), *къянкъ ахъбурцес* «заянаться, важничать» (букв. «нос задрать»). Интересно, что в даргинской культуре нос символизирует не просто орган дыхания, а лицо и репутацию человека. Если говорят, что у человека «есть нос» (*къянкъ леба*), имеют в виду, что у него есть чувство собственного достоинства. В то же время даргинская фразеология содержит большое количество уникальных метафор, свя-

занных с этим концептом, которые определяются особенностями образа жизни даргинцев.

Глаза обычно характеризуются в даргинских фразеологизмах с точки зрения их красоты и сравниваются с различными красивыми и некрасивыми объектами: *урчилала хлулбар* «о девушке с красивыми большими глазами» (букв. «глаза как у лошади»).

Фразеологизм *дягала хлулбар*, что в буквальном переводе означает «глаза как у ослика», характеризует человека с косыми и непривлекательными глазами. Данное выражение отражает культурно обусловленные представления о внешности, которые могут варьироваться в зависимости от этнолингвистического контекста. Это характерный пример того, как через бытовые наблюдения за домашними животными в языке закрепляются устойчивые портретные характеристики.

Фразеологизмы с соматизмом *хлулби* «глаза» характеризуют общую красоту человека, особенно его лица: *хлулби черасес агара* «очень красивый, привлекательный» (букв. «глаз не оторвать»), *хлулби черхлейсу* «загляденье, очень красиво» (букв. «глаз не оторвет»). Оба выражения строятся на невозможности прервать визуальный контакт. В культуре это означает, что объект обладает целостной гармонией. Фразеологизм *хлулби черхлейсу* «загляденье, очень красиво» подразумевает, что лицо чистое, открытое и притягательное. Это «активная» красота, которая сама «бросается в глаза», в отличие от тихой или незаметной привлекательности.

Вот точные русские соответствия для рассмотренных даргинских выражений. Для *хлулби черасес агара* (букв. «глаз не оторвать») абсолютно, полным совпадением как по смыслу («очень красивый»), так и по буквальному метафорическому значению является фразеологизм *глаз не оторвать*. Для выражения *хлулби черхлейсу* (букв. «глаз не оторвет») точным смысловым соответствием является *просто загляденье*.

В обеих культурах орган зрения *хлулби* / *глаза* выступает главным инструментом не просто фиксации, а оценки эстетического объекта. И в даргинском, и в русском языках высшая степень красоты концептуализируется как непреодолимая сила, которая буквально «приковывает» взгляд наблюдателя. Глаголы отрицания (*агара* / *не оторвать*, *не отвести*) показывают, что эстетическое переживание лишает человека волевого контроля над собственным телом.

Наблюдается абсолютное совпадение на уровне компонентного состава (глаза + глагол отделения/отрыва + отрицание) и синтаксической функции. Красота лица воспринимается как неделимое целое с наблюдателем. Разрыв этого визуального контакта причиняет

ментальный дискомфорт. Оба выражения переходят из разряда простого описания действия в разряд качественной оценки-характеристики. В русском языке *загляденье* концептуализирует процесс долгого, неотрывного любования, что семантически равно даргинскому «не оторвет глаз».

В дагестанской лингвокультуре, где традиционно силен концепт «сглаза», открытое восхищение внешностью через метафору глаза парадоксальным образом имеет позитивный, чистый характер. Это маркер искреннего, обезоруживающего восхищения, лишённого зависти. Русский фразеологизм *глаз не оторвать* универсален и применим как к одушевленным, так и к неодушевленным объектам (природа, искусство). В то время как даргинские выражения с соматизмом *хлулби* в данном контексте обладают более выраженной антропоцентричностью — они направлены прежде всего на человека и красоту его лица.

В даргинской фразеологии глаза *хлулби* «глаза» характеризуются преимущественно с точки зрения их красоты, однако данный концепт тесно связан с восприятием природы и космоса. Так, использование образов воды и озер (*амзурти шингъуна хлулбар* «глаза словно прозрачная вода» [6, с. 14]; *андайзир шараб хлулби* «на лбу озера-глаза» [6, с. 14]) свидетельствует о восприятии красоты глаз как проявление природного космоса. Также уподобление глаз солнцу (*берхливан ухути хлулбар*) или звездам (*зубартиван ухути*) возводит красоту человека к основным космическим объектам.

Анализ показывает, что несмотря на принадлежность языков к разным семьям (нахско-дагестанской и индоевропейской), механизм метафоризации эстетического восторга полностью совпадает.

Заключение

Проведённое сопоставительное исследование концепта «лицо» во фразеологической картине мира даргинского и русского языков позволяет сделать ряд выводов о его глубокой национально-культурной специфике. В даргинской лингвокультуре соматический компонент *дых* выступает не просто анатомической номинацией, а центральным культурным кодом, маркирующим социальную идентичность, честь и границы личности. В отличие от европейской традиции, где лицо осмысливается преимущественно как «зеркало души», даргинская идиоматика акцентирует этико-социальную нормативность, связывая внешность с моральной состоятельностью человека.

Сравнительный анализ положительно маркированных фразеологизмов выявил универсальную метафору «свет – добро/красота», общую для обеих лингвокультур. Однако эталоны её воплощения различаются: дар-

гинский язык ориентируется на природно-космический образ Луны (*бацван дяхIла везI*), тогда как русский – на сакрально-христианский код (*светлый лик, открытое лицо*). В сфере отрицательной оценки внешности даргинская фразеология последовательно использует зооморфную шкалу (*собака, осёл, лошадь*), дополненную уникальным артефактным образом (*хамир вяхI* – «тесто лицо»), что отражает жёсткую нормативность внешности в традиционной горской культуре и её связь с физическим здоровьем и социальной ценностью индивида.

Анализ концептов «глаза», «уши» и «нос» показал, что в даргинском языке глаза (*хIулби*) являются главным эстетическим маркером красоты лица, причём их оценка нередко апеллирует к природным и космическим объектам (*вода, солнце, звёзды*). При этом фразеологизмы, выражающие высшую степень красоты (*хIулби черасес агара* – «глаз не оторвать»), полностью совпадают по механизму метафоризации с русскими аналогами, что свидетельствует об универсальности эстетического пере-

живания, лишаящего наблюдателя волевого контроля. В то же время уши (*лихIби*) в даргинской фразеологии не эстетизируются, выполняя сугубо прагматическую функцию, а нос (*къянкъ*) символизирует чувство собственного достоинства и репутацию, что является культурно специфичной чертой.

Таким образом, концепт «лицо» в даргинской языковой картине мира представляет собой многослойное образование, аккумулирующее этнокультурные эталоны красоты, моральные императивы и социальные нормы. Выявленные различия с русской лингвокультурой обусловлены особенностями горского быта, религиозных воззрений и природно-космических ориентиров, тогда как сходства подтверждают наличие общечеловеческих когнитивных механизмов метафоризации телесного кода. Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении сопоставительного анализа на другие соматические концепты и в привлечении материала других дагестанских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: БелГУ, 2008. – 152 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37–67.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — Москва: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
4. Баженов Г.А. Лицо как базовый концепт концептосферы китайского языка человека / Г.А. Баженов // Общество и государство в Китае. — Москва: Восточная литература, 2009. — С. 262–265.
5. Галкина-Федорук Е.М. Фразеологический словарь современного русского языка / Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. — Москва: Русский язык, 1967. — 448 с.
6. Гасанова У.У. Фразеологический словарь даргинского языка / У.У. Гасанова. — Махачкала: Издательство Тагиева Р.Х., 2018. — 299, [1] с.
7. Маллаева З.М., Маликова С.М. Актуализация концепта «время» во фразеологических единицах русского языка / З.М. Маллаева, С.М. Маликова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2025. — Том 40. — Вып. 3. — с. 70–76.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. — 314 с.
10. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2001. — 45 с.
11. Шахбанова З.М. Особенности благопожеланий в даргинской и русской лингвокультурах / З.М. Шахбанова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2026. — Том 41. — Вып. 1. — С. 98–104.

© Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович (nur1@yandex.ru), Магомедова Сабият Абдурахмановна (sabiyat.magomedova82@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ПУБЛИКАЦИЯХ «КРЫМСКОЙ ГАЗЕТЫ»

LEXICO-SEMANTIC MEANS OF MEDIA CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IN PUBLICATIONS OF "KRIMSKAYA GAZETA"

**L. Egorova
M. Sargan
A. Abdulkadyrov**

Summary: The article examines lexico-semantic means of constructing the media image of the Republic of Crimea based on publications from Krymskaya Gazeta in 2021. The detailed corpus comprises 641 texts distributed across six thematic sections ("Society", "Politics", "Culture", "Sport", "Tourism", "Ecology"). The study combines thematic classification, lexico-semantic and discourse analysis, normalized frequency counts, and contextual verification of evaluative and value-marked units. The findings show that the region's media image is sustained by a stable set of toponymic and derived regional designations ("Crimea", "Republic of Crimea", "RK", "peninsula", "Crimeans", "Crimean"), whose distribution depends on the thematic section. The analysis also reveals that positive markers prevail in the "Sport" and "Culture" sections, whereas the "Society" and "Ecology" materials display a stronger problem-oriented and restrictive background. The most frequent value-marked units ("tradition", "memory", "heritage", "homeland", "patriotism", "the Russian language", "Crimean Spring", "reunification", "the Great Patriotic War", "hero/heroism") anchor the image of the region in cultural memory, belonging, and socially significant events. The results characterize the representation of Crimea in the corpus of one regional newspaper.

Keywords: regional media image, Republic of Crimea, media text, regional newspaper, referential units, evaluative lexis, axiologemes.

Егорова Людмила Геннадьевна

Доктор филологических наук, доцент, ГБОУВО РК КИПУ
имени Февзи Якубова, (г. Симферополь)
legora@list.ru

Сурган Марина Александровна

Старший научный сотрудник ЦИГИ, преподаватель,
ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова, (г. Симферополь)
surik_m@rambler.ru

Абдулкадыров Азиз Алим оглы

Аспирант, ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова,
(г. Симферополь)
aziz.abdulkadyrov@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются лексико-семантические средства конструирования медиаобраза Республики Крым на материале публикаций издания «Крымская газета» за 2021 год. В детальный анализ вошла 641 публикация, распределённая по шести тематическим рубрикам («Общество», «Политика», «Культура», «Спорт», «Туризм», «Экология»). Использованы контентно-тематическое распределение материала, лексико-семантический и дискурсивный анализ, частотные подсчёты с нормированием, а также контекстуальная верификация оценочных и ценностно маркированных единиц. Установлено, что медиаобраз региона поддерживается устойчивым набором топонимических и производных региональных обозначений («Крым», «Республика Крым», «РК», «полуостров», «крымчане», «крымский»), распределение которых зависит от тематической рубрики. Показано, что в рубриках «Спорт» и «Культура» преобладают позитивные маркеры, тогда как в материалах об обществе и экологии сильнее представлен проблемный и ограничительный фон. Выявлены наиболее частотные ценностно маркированные единицы («традиция», «память», «наследие», «родина», «патриотизм», «русский язык», «Крымская весна», «воссоединение», «Великая Отечественная война», «герой/героизм»), которые закрепляют образ региона в координатах культурной памяти, принадлежности и общественно значимых событий. Полученные результаты характеризуют особенности репрезентации Крыма в корпусе публикаций одного регионального издания.

Ключевые слова: медиаобраз региона, Республика Крым, медиатекст, региональная газета, референциальные единицы, оценочная лексика, аксиологемы.

Введение

Усиление роли региональных медиа в структуре публичной коммуникации обусловило рост исследовательского интереса к тому, каким образом локальные издания формируют представления о территории, её институтах, населении и ключевых сферах жизни. В условиях медиатизации общественных процессов газетный медиатекст становится одним из каналов закрепления устойчивых оценок и тематических акцентов, через которые регион воспринимается аудиторией как

социально и культурно значимый объект. Актуальность исследования определяется необходимостью описания тех лексико-семантических средств, с помощью которых в публикациях одного регионального издания формируется относительно устойчивый образ территории.

Цель данного исследования – описать совокупность референциальных, оценочных и ценностно маркированных единиц, посредством которых в публикациях «Крымской газеты» (2021 г.) конструируется медиаобраз Республики Крым.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили 641 публикация «Крымской газеты» за 2021 г., отобранные методом сплошной выборки и распределённые по шести тематическим рубрикам: «Общество», «Политика», «Культура», «Спорт», «Туризм», «Экология».

Методологическую основу исследования составил дискурсивно-прагматический подход в сочетании с лексико-семантическим анализом. На первом этапе публикации были распределены по тематическим рубрикам, что позволило соотнести частотность единиц с доминирующими сегментами повестки. На втором этапе выделялись топонимические и производные региональные обозначения; подсчёт осуществлялся на уровне словопотреблений, а сопоставление рубрик проводилось в абсолютных и нормированных показателях. На третьем этапе фиксировались позитивные и негативные маркеры; отнесение единицы к той или иной группе определялось не изолированно, а с опорой на ближайший контекст, поэтому в негативную группу включались также ограничительные и проблемные единицы. При описании ценностно маркированных единиц термин «аксиологема» используется в рабочем смысле: так обозначаются лексемы и устойчивые сочетания, которые регулярно актуализируют культурно значимые, мемориальные или идентификационные смыслы и подтверждаются контекстом.

Теоретические основания исследования

Медиаобраз территории в современных исследованиях рассматривается как относительно устойчивая совокупность представлений о регионе, формируемая средствами медиатекста и поддерживаемая повторяемыми тематическими и оценочными акцентами [3; 5; 6]. Понятия медиаобраза, образа региона и медиаимиджа нередко сближаются, однако для задач данной статьи принципиально важно именно текстовое измерение: нас интересуют те языковые средства, которые регулярно воспроизводятся в газетном корпусе и тем самым делают образ территории узнаваемым.

Для описания территориальной репрезентации продуктивны подходы, учитывающие ономастическую и семиотическую специфику медиатекста. В частности, исследователи предлагают рассматривать медиаобраз территории через систему наименований и через соотношение реального и мифологизированного планов репрезентации [11]. Такой подход позволяет связать частотность единиц с тем, какие стороны территории оказываются коммуникативно значимыми.

Лингвистическое изучение медиаобраза территории опирается на дискурсивные модели массовой коммуни-

кации, в которых медиатекст понимается как социальная практика [4; 14]. В рамках такого анализа целесообразно различать как минимум два уровня. Первый – референциальный: он включает топонимы, официальные наименования, обозначения жителей и адъективные производные, регулярно соотносящие текст с конкретной территорией [5; 9]. Второй – оценочный: он связан с лексемами и сочетаниями, которые в газетном контексте маркируют успех, риск, дефицит, конфликт, поддержку, улучшение и другие способы интерпретации факта [1; 6]. Подход Е.М. Вольф позволяет рассматривать оценку как структурированную категорию языка, что делает возможным её описание через повторяющиеся маркеры и их распределение в корпусе [1].

Ценностный аспект медиаобраза связан с единицами, которые закрепляют территорию в координатах культурной памяти, принадлежности и нормативно значимых представлений [12; 13]. При этом в статье не отождествляются аксиологема и идеологема: в корпусное описание включаются только те единицы, чья ценностная нагрузка подтверждается контекстом [12]. Такой подход соотносится с концептологическими и лингвокультурными исследованиями, где «Родина», «патриотизм», культурная память и язык рассматриваются как носители устойчивых коллективных ценностей и идентификационных признаков [2; 7; 8; 10].

Результаты исследования

В детальном количественном анализе были выделены шесть тематических рубрик: «Общество» – 317 текстов, «Политика» – 110, «Культура» – 86, «Спорт» – 51, «Туризм» – 26, «Экология» – 51. Такое распределение обеспечило сопоставимость наблюдений и позволило соотнести частотность единиц с доминирующими сегментами региональной повестки.

Анализ референциальных средств позволяет выделить устойчивый набор топонимических и производных региональных обозначений: топоним Крым, официальное наименование Республика Крым, аббревиатуру РК, метонимическое обозначение полуостров, демоним крымчане и адъективное производное крымский. Для целей статьи первые четыре единицы рассматриваются как собственно номинации территории, тогда как две последние – как связанные с регионом обозначения жителей и признака. Их совместное функционирование формирует повторяющийся идентификационный контур региона в газетном тексте. Частотность этих единиц представлена в Таблице 1.

Количественный анализ показывает, что максимальная плотность употребления топонима Крым фиксируется в рубрике «Туризм» (60,9 на 10 тыс. слов), что соответствует задаче пространственной локализации

Таблица 1.

Частотность топонимических и производных региональных обозначений по рубрикам (абсолютное число; в скобках – количество на 10 тыс. слов).

Рубрика	Региональные обозначения					
	Крым	Республика Крым	РК	полуостров	крымчане	крымский
Культура	131 (38,7)	0 (0,0)	13 (3,8)	25 (7,4)	17 (5,0)	107 (31,7)
Общество	569 (43,1)	120 (9,1)	138 (10,5)	56 (4,2)	119 (9,0)	268 (20,3)
Политика	95 (22,9)	15 (3,6)	12 (2,9)	19 (4,6)	10 (2,4)	66 (15,9)
Спорт	75 (45,4)	3 (1,8)	12 (7,3)	20 (12,1)	30 (18,2)	41 (24,8)
Туризм	70 (60,9)	0 (0,0)	23 (20,0)	18 (15,7)	4 (3,5)	43 (37,4)
Экология	109 (53,2)	4 (2,0)	36 (17,6)	10 (4,9)	14 (6,8)	37 (18,1)

Таблица 2.

Оценочные маркеры по рубрикам.

Рубрика	Позитивные маркеры (шт.)	Негативные маркеры (шт.)	Позитивные на 1000 слов	Негативные на 1000 слов	Индекс позитивности
Культура	134	20	3,96	0,59	6,70
Общество	435	237	3,30	1,80	1,84
Политика	111	63	2,68	1,52	1,76
Спорт	99	4	5,99	0,24	24,75
Туризм	44	10	3,83	0,87	4,40
Экология	62	55	3,02	2,68	1,13

курортной и рекреационной тематики. В рубрике «Политика», напротив, доля прямой топонимической номинации ниже (22,9 на 10 тыс. слов): здесь текст чаще организуется вокруг акторов, институтов и событийных рамок, а не вокруг собственно географической локализации.

Значимы и результаты анализа оценочной составляющей медиаобраза. Для сопоставления рубрик использовался словарный индикатор, включающий позитивные и негативные маркеры; подсчёт проводился в абсолютных значениях и на 1000 словоупотреблений. Под индексом позитивности понимается отношение числа позитивных маркеров к числу негативных. Полученные данные демонстрируют заметную тематическую дифференциацию: «Спорт» и «Культура» характеризуются наибольшим преобладанием позитивных маркеров (24,75 и 6,70 соответственно), тогда как в рубрике «Экология» соотношение двух групп почти выравнивается (1,13) (Таблица 2).

Частотный анализ по шести рубрикам показывает, что медиаобраз региона конструируется через сочетание двух устойчивых зон: позитивной («достижение», «развитие», «поддержка», «безопасность») и негативно-проблемной («риск», «дефицит», «ограничение», «угроза»). При этом набор единиц в каждой рубрике имеет свою прагматическую специфику: позитивные маркеры либо фиксируют успехи (культура, спорт), либо описывают меры поддержки и инфраструктурные изменения

(общество, туризм, экология), тогда как негативно-проблемные обозначают события и состояния, требующие интерпретации как проблемы или ограничения.

В качестве наиболее частотных выделяются лексемы, которые в данном корпусе регулярно выполняют позитивную, негативную или ограничительно-проблемную функцию.

Так, в публикациях о культуре позитивная оценка чаще всего формируется через лексемы «праздник», «лауреат», «победа», «талант», «мастерство», «уникальность», а также через слова, связанные с сохранением и наследием. Негативный фон создают слова «утрата», «разрушение», «ветхость», «аварийность», «заброшенность», «проблема», «ограничение», «пандемия». В результате культурный сегмент предстает как сфера достижений и символически значимых объектов, где проблемная лексика подчеркивает необходимость сохранения и восстановления.

Материалам рубрики «Общество» присущ выраженный проблемный фон, задаваемый прежде всего лексикой пандемии, риска, дефицита, нарушений и очередей. Позитивный ряд формируется вокруг слов, которые в газетном контексте маркируют меры поддержки и улучшение среды: «безопасность», «поддержка», «помощь», «обеспечение», «доступность», «комфорт», «модернизация», «обновление», «благоустройство», «ремонт»,

«открытие». Такая конфигурация показывает, что социальная повестка описывается как зона проблем, сопровождаемых демонстрацией механизмов их решения.

В политических текстах позитивную зону образуют лексемы «поддержка», «сотрудничество», «безопасность», «защита», «стабильность», «суверенитет», «укрепление», «инициатива», «единство», тогда как негативная связана со словами «санкция», «конфликт», «угроза», «провокация», «давление», «кризис», «блокада», «дискриминация», «агрессия». В этой рубрике позитивные маркеры задают нормативную рамку безопасности и устойчивости, а негативные – контекст внешнего давления и конфликта.

В теме «Спорт» позитивные оценки преимущественно связаны с результативностью: «победа», «чемпион», «призёр», «рекорд», «успех», «лидер», «развитие», «достижение». Негативный слой («поражение», «дисквалификация», «отмена», «ограничение») представлен значительно слабее. Поэтому спортивный сегмент корпуса формирует преимущественно позитивную репрезентацию региона через достижения и событийную успешность.

Тема «Туризм» демонстрирует более выраженную амбивалентность. Позитивный ряд («рост», «рекорд», «востребованность», «привлекательность», «комфорт», «качество», «развитие», «доступность», «безопасность») формирует образ курортного пространства. Одновременно регулярно употребляются ограничительные и проблемные маркеры («ограничение», «запрет», «контроль», «штраф», «дефицит», «проблема», «перегрузка», «рост цен», «нехватка», «нарушение», «риск»). В результате туристическая репрезентация строится как сочетание привлекательности и регулируемости.

В публикациях об экологии негативно-проблемный фон формируется лексемами «дефицит», «засуха», «загрязнение», «ущерб», «нарушение», «свалка», «отход», «истощение», «превышение». Позитивная зона связана с лексикой проектов и мер: «очистка», «переработка», «сортировка», «модернизация», «реконструкция», «восстановление», «озеленение», «природоохрана», «сохранение». Тем самым экологическая тематика представляется как область серьёзных проблем, одновременно сопровождаемых описанием действий по их устранению.

Обобщая результаты, подчеркнём, что в корпусе особенно заметны позитивные маркеры институционально-проектной сферы («развитие», «модернизация», «поддержка», «безопасность», «комфорт», «доступность»). Негативно-проблемная лексика («проблема», «дефицит», «ограничение», «санкция», «угроза», «ущерб», «штраф») формирует зону рисков и ограничений, но чаще всего сопровождается сообщением о мерах, проектах или управленческих решениях. Следовательно, медиаобраз региона в анализируемом корпусе строится на сочетании проблемного фона и лексики преодоления.

В корпусе публикаций «Крымской газеты» ценностный компонент медиаобраза поддерживается рядом регулярно воспроизводимых аксиологем, понимаемых здесь как контекстуально подтверждённые ценностно маркированные единицы (см. Таблицу 3).

Использование культурно-мемориальных аксиологем «традиция», «память», «наследие/культурное наследие» переводит описание региона из плоскости текущих событий в плоскость культурной преемственности: Крым предстает как пространство сохранения традиций и культуры, где прошлое осмысливается как ресурс иден-

Таблица 3.

Наиболее частотные ценностно маркированные единицы (аксиологемы).

Аксиологема	Количество употреблений	Количество употреблений на 10 тыс. слов	Доля текстов, в которых используется аксиологема (%)
Великая Отечественная война	40	1,563	4,09
герой/героизм	38	1,485	4,65
традиция	37	1,446	5,76
память	36	1,407	3,16
патриотизм/патриот	26	1,016	2,79
родина	25	0,977	3,16
русский язык	24	0,938	1,86
ценности/духовные ценности	23	0,899	2,60
наследие	19	0,742	2,04
крымская весна	18	0,703	1,67
воссоединение	14	0,547	2,04
культурное наследие	10	0,391	0,90

тичности и основание социальных практик.

Идентификационно-политически маркированные единицы «родина», «патриотизм», «русский язык», «воссоединение», «Крымская весна» формируют репрезентацию территории через язык принадлежности и общественно значимые события. В этой группе особенно заметна рамочная функция: такие единицы не столько описывают отдельный факт, сколько задают способ его интерпретации в категориях «своего», «общего» и «значимого».

Отдельную группу составляют аксиологемы коллективной памяти и исторической преемственности «герой/героизм» и «Великая Отечественная война». Эти единицы выполняют функцию исторической рамки: они соотносят текущую повестку с опытом прошлого и включают регион в общенациональные сюжеты памяти и ответственности.

Заключение

Анализ 641 публикации «Крымской газеты» за 2021 год позволил выявить основные лексико-семантические средства конструирования медиаобраза Республики Крым. На референциальном уровне устойчивый идентификационный контур формируется повторяемыми

топонимическими и производными региональными обозначениями. На оценочном уровне рубрики «Спорт» и «Культура» характеризуются наибольшим преобладанием позитивных маркеров, тогда как рубрики «Общество» и «Экология» демонстрируют более выраженный проблемный фон. Вместе с тем негативно-проблемная лексика в большинстве случаев сопровождается сообщениями о мерах поддержки, модернизации и контроле, что позволяет говорить о сочетании проблемной и управленческой рамок интерпретации.

Ценностный компонент медиаобраза систематически поддерживается аксиологемами, закрепляющими территорию в координатах культурной памяти и принадлежности. Культурно-мемориальные единицы («традиция», «память», «наследие/культурное наследие») и аксиологемы исторической памяти («Великая Отечественная война», «герой/героизм») формируют образ региона как пространства культурной преемственности, тогда как «родина», «патриотизм», «русский язык», «Крымская весна», «воссоединение» задают идентификационную и ценностную рамку принадлежности. В целом полученные результаты характеризуют особенности репрезентации Крыма в корпусе публикаций одного регионального издания и не претендуют на автоматическое распространение выводов на всю региональную прессу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
2. Воркачев С.Г. Слово «Родина»: значимость составляющая лингвоконцепта / С.Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж: ВГУ, 2006. — Вып. 4. — С. 26–36.
3. Глушкова Т.С. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект / Т.С. Глушкова, О.А. Зайцева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (29). — С. 50–57. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.29.50.
4. Дейк Т.А. ван. Анализ новостей как дискурса / Т.А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. 3-е изд. — М.: Гнозис, 2016. — С. 111–160.
5. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 263 с.
6. Драчева Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах / Ю.Н. Драчева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 2 (89). — С. 134–146. DOI: 10.23859/1994–0637-2019-2-89-13.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
8. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В.В. Красных // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2012. — № 3. — С. 67–73.
9. Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография / науч. ред. Е.Н. Ильина. — Вологда: ВоГУ, 2022. — 329 с.
10. Наговицына Н.В. Смысловое наполнение и семантический объём концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников) / Н.В. Наговицына // International Journal of Applied and Fundamental Research. — 2018. — № 3. — С. 156–160.
11. Ниязова Г.М. Медиаобраз территории как реальный и мифологический информант в дискурсе СМИ / Г.М. Ниязова, Э. Шехи, И.П. Савчук, О.Я. Родь // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 2 (87). — С. 602–605. DOI: 10.24412/1991–5497-2021-287-602-605.
12. Романова Т.В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография / Т.В. Романова. — Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. — 120 с. ISBN 978-5-89533-444-7.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
14. Fairclough N. Language and Power / N. Fairclough. — London: Longman, 1989. — 135 p.

© Егорова Людмила Геннадьевна (legora@list.ru), Сугран Марина Александровна (surik_m@rambler.ru),
Абдулкадыров Азиз Алим оглы (aziz.abdulkadyrov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

IMPLICITNESS AS A MEANING-MAKING MECHANISM IN CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSE

**M. Egorova
K. Koroteeva**

Summary: Contemporary media discourse is characterized by semantic compression, pragmatic orientation, and increasingly complex interpretative mechanisms. In digital communication, implicit ways of meaning transmission become particularly significant, allowing media texts not only to present information but also to shape models of perception. The article examines implicitness as a systemic mechanism of meaning-making in contemporary media discourse. The paper analyses major theoretical approaches to implicit meaning and focuses on implicatures and presuppositions as key pragmatic mechanisms of semantic organization. Special attention is paid to the functioning of implicitness in media texts and digital communication, its role in framing and persuasive influence. The study demonstrates that implicitness contributes not only to linguistic economy but also to cognitive modelling and the construction of media reality.

Keywords: implicitness, media discourse, pragmatics, implicature, presupposition, discourse analysis, media linguistics.

Егорова Мария Руслановна

Старший преподаватель, Дипломатическая академия
МГИМО МИД России, (г. Москва)
mariaegorova2306@yandex.ru

Коротеева Ксения Евгеньевна

Старший преподаватель, Дипломатическая академия
МГИМО МИД России, (г. Москва)
ksushasuneva@yandex.ru

Аннотация: Современный медиадискурс характеризуется высокой степенью прагматической насыщенности, смысловой компрессии и интерпретационной направленности. В условиях цифровой коммуникации особое значение приобретают имплицитные механизмы передачи содержания, позволяющие медиатексту не только сообщать информацию, но и формировать определённые способы её восприятия. Статья посвящена исследованию имплицитности как системообразующего механизма смыслообразования в современном медиадискурсе. Анализируются основные теоретические подходы к изучению скрытого содержания, рассматриваются имплицатуры и пресуппозиции как ключевые прагматические механизмы организации значения. Особое внимание уделяется функционированию имплицитности в медиатекстах и цифровой коммуникации, её роли в формировании интерпретационных рамок и воздействующего потенциала медиа. Показано, что имплицитность обеспечивает не только языковую экономию, но и когнитивное моделирование событий, участвуя в конструировании медиареальности и организации общественного восприятия.

Ключевые слова: имплицитность, медиадискурс, прагматика, имплицатура, пресуппозиция, медиалингвистика, дискурс-анализ.

Введение

Современное медиaprостранство представляет собой сложную коммуникативную систему, в которой процессы передачи информации неотделимы от её интерпретации. Медиа выступают не только каналом распространения сообщений, но и институтом формирования общественных представлений, задающим способы восприятия событий и социальных процессов. В этой связи особую актуальность приобретает исследование скрытых механизмов смыслообразования, посредством которых медиатексты реализуют свой интерпретационный и воздействующий потенциал.

Развитие прагмалингвистики и дискурс-анализа привело к пересмотру традиционного понимания значения как исключительно языкового феномена. Современная лингвистика рассматривает смысл как результат взаимодействия текста, коммуникативной ситуации и интерпретирующего сознания [1]. Значительная часть информации передаётся косвенно и не фиксируется непосредственно в языковой структуре высказывания. Подобные механизмы скрытого

содержания объединяются понятием имплицитности.

Имплицитность понимается как способность высказывания включать информацию, не выраженную прямо, но реконструируемую адресатом на основе контекста, фоновых знаний и коммуникативных ожиданий [2]. Скрытое содержание играет важную роль в естественной коммуникации, обеспечивая гибкость смыслообразования и экономию языковых средств.

Особенно активно имплицитность функционирует в медиадискурсе, ориентированном одновременно на информирование и интерпретацию. Современный медиатекст редко ограничивается нейтральной передачей фактов. Напротив, он включает оценочные и когнитивные компоненты, организующие восприятие событий и формирующие определённые интерпретационные модели.

Целью исследования является выявление роли имплицитности как механизма смыслообразования в современном медиадискурсе и анализ её основных прагматических форм.

Теоретические основания исследования имплицитности

Проблема имплицитности занимает одно из центральных мест в современной прагмалингвистике, поскольку связана с фундаментальным вопросом о природе значения и механизмах его формирования. В классической семантике смысл преимущественно связывался с языковой формой и рассматривался как относительно стабильное свойство языкового знака. Однако развитие прагматического направления показало, что значительная часть содержания возникает в процессе коммуникативного взаимодействия и не закреплена непосредственно в структуре высказывания [3].

Современная теория коммуникации рассматривает значение как результат совместной деятельности адресанта и адресата. Смысл формируется не только за счёт языковых единиц, но и благодаря контексту, фоновой информации, социальным установкам и когнитивным моделям участников коммуникации [4]. Подобное понимание значения особенно важно для анализа медиатекстов, в которых скрытые механизмы передачи содержания играют системообразующую роль.

Имплицитность представляет собой сложную когнитивно-прагматическую категорию, обеспечивающую передачу информации, не выраженной непосредственно в языковой структуре. В современной лингвистике имплицитность определяется как способность текста включать дополнительные смыслы, реконструируемые адресатом на основе совокупности языковых и внеязыковых факторов [5].

Следует различать имплицитность и ряд близких понятий, которые нередко используются как синонимичные, хотя обладают различным исследовательским статусом. Прежде всего это касается соотношения имплицитности и подтекста.

Подтекст традиционно связывается с художественной коммуникацией и предполагает наличие скрытого авторского смысла, намеренно не выраженного напрямую. Имплицитность обладает более широким характером и охватывает любые формы косвенного смыслообразования, возникающие в естественной коммуникации. Следовательно, подтекст может рассматриваться как частный случай имплицитности, тогда как сама имплицитность функционирует значительно шире — в политическом, бытовом, институциональном и медиадискурсе.

Необходимо также разграничивать имплицитность и импликацию. Импликация представляет собой логическое следование одного суждения из другого, тогда как имплицитность связана с прагматическим выводом и допускает зависимость от коммуникативного контекста.

Логическое следствие обладает формальной обязательностью, тогда как имплицитный смысл реконструируется адресатом и может варьироваться в зависимости от интерпретационной ситуации.

Подобное разграничение имеет особое значение для анализа медиакommunikации. Медиатекст редко строится по законам строгой логической аргументации; гораздо чаще он организует пространство вероятных интерпретаций, направляя адресата к определённым выводам без их прямого формулирования.

Теоретическую основу изучения имплицитности составляют исследования по прагматике, теории дискурса и медиалингвистике. В работах Н.Д. Арутюновой подчёркивается многослойный характер значения, включающего фактуальную, оценочную и коммуникативную составляющие [1]. Для дискурсивного подхода принципиально важно положение о том, что значение формируется внутри конкретной коммуникативной практики и связано с социальными условиями функционирования языка.

В исследованиях Т.А. ван Дейка дискурс рассматривается как форма социального и когнитивного взаимодействия, в которой языковые структуры оказываются тесно связаны с моделями знания и идеологическими установками [4]. Данный подход особенно продуктивен применительно к медиадискурсу, поскольку медиа функционируют как институциональная система производства и распространения интерпретаций.

Современная медиалингвистика рассматривает медиадискурс как особый тип коммуникации, сочетающий информационную, интерпретационную и воздействующую функции [6]. В отличие от повседневного общения медиакommunikация ориентирована на массовую аудиторию и характеризуется высокой степенью публичности, институциональности и прагматической целенаправленности.

Именно данные особенности определяют высокую продуктивность имплицитности в медиатекстах. Передача скрытого содержания позволяет одновременно сохранять видимость объективности и реализовывать оценочные стратегии, не прибегая к прямой категоричности.

В современной научной литературе выделяются различные формы имплицитного содержания: пресуппозиции, импликатуры, косвенные речевые акты, интертекстуальные связи и подтекст [7]. Однако именно импликатуры и пресуппозиции позволяют наиболее полно описать механизмы скрытого смыслообразования в медиадискурсе, поскольку непосредственно связаны с прагматической организацией коммуникации.

Импликатуры как механизм прагматического вывода

Центральное место в теории имплицитности занимает понятие импликатуры, разработанное П. Грайсом в рамках кооперативной модели коммуникации [3]. Согласно данной концепции, участники общения исходят из предположения о рациональности и взаимной ориентированности речевого поведения. Коммуникация строится на системе ожиданий, связанных с количеством, качеством, релевантностью и способом представления информации.

Импликатура возникает в тех случаях, когда буквальное содержание высказывания оказывается недостаточным для полного понимания коммуникативного намерения. Адресат вынужден реконструировать дополнительный смысл, опираясь на контекст и предполагаемую кооперативность коммуникации.

Импликатуры традиционно подразделяются на конвенциональные и разговорные. Конвенциональные импликатуры связаны с устойчивыми семантическими свойствами языковых единиц. Так, союз «но» не только соединяет части высказывания, но и формирует отношение противопоставления:

«Меры были приняты, но ситуация осталась сложной».

Помимо сообщения о двух фактах конструкция имплицитно ограничивает результативность действий.

Разговорные импликатуры обладают иной природой и полностью зависят от коммуникативного контекста. Именно они особенно продуктивны в медиадискурсе, поскольку позволяют реализовывать оценочную перспективу при формальном сохранении нейтральности сообщения.

Например: *«Представители ведомства предпочли не комментировать ситуацию».*

Эксплицитно сообщение фиксирует отсутствие комментария. Однако адресат выводит дополнительный смысл: неопределённость позиции, нежелание раскрыть информацию либо наличие проблемной ситуации.

Импликатуры обладают значительным воздействующим потенциалом именно потому, что воспринимаются как результат самостоятельной интерпретации адресата. Данный механизм делает их особенно востребованными в современной медиакommunikации.

Пресуппозиции и их функционирование в медиадискурсе

Наряду с импликатурами важнейшим механизмом скрытого смыслообразования выступают пресуппо-

зиции. В современной прагматике пресуппозиция понимается как совокупность фоновых предпосылок, необходимых для корректного понимания высказывания [8]. В отличие от импликатуры, которая формируется как выводимое содержание, пресуппозиция относится к информации, предварительно предполагаемой участниками коммуникации и принимаемой как уже известная.

Одним из классических критериев пресуппозиции является её устойчивость при отрицании. Например, высказывание:

«Правительство вновь вернулось к обсуждению реформы» предполагает наличие предыдущих обсуждений. При отрицании:

«Правительство не вернулось к обсуждению реформы» сама предпосылка сохраняется: адресат по-прежнему исходит из того, что обсуждение существовало ранее.

Подобная устойчивость отличает пресуппозиции от импликатур и делает их особенно эффективным инструментом воздействия. Если импликатура предполагает активную реконструкцию смысла, то пресуппозиция функционирует как элемент исходного знания и редко становится объектом критического анализа.

Для медиадискурса данное свойство имеет принципиальное значение. Пресуппозиции позволяют вводить оценочные компоненты таким образом, что они воспринимаются не как авторская позиция, а как естественная характеристика описываемой ситуации.

Показателен пример: *«Когда власти наконец объяснят причины происходящего?»*

Формально перед нами вопросительное высказывание. Однако оно содержит ряд скрытых предпосылок:

- существует ситуация, требующая объяснения;
- объяснения пока отсутствуют либо недостаточны;
- необходимость разъяснения воспринимается как очевидная.

Оценочный компонент оказывается интегрированным в структуру вопроса и не предъясняется как самостоятельное утверждение.

Особую роль играют пресуппозиционные триггеры — языковые средства, автоматически активирующие определённые предпосылки. К ним относятся наречия повторности («вновь», «снова»), маркеры длительности («по-прежнему»), глаголы изменения состояния («продолжать», «перестать»), а также оценочные временные показатели («наконец»).

Например: *Ситуация по-прежнему вызывает обеспокоенность».*

Наречие «по-прежнему» содержит скрытую информацию о длительности проблемы и предполагает отсутствие существенных изменений. Даже если данное положение не доказывается в тексте, адресат воспринимает его как уже установленный факт.

Подобные механизмы особенно характерны для новостного и аналитического медиадискурса, где скрытые предпосылки позволяют задавать интерпретационные рамки без открытой декларации позиции.

Следует отметить, что пресуппозиции выполняют не только воздействующую, но и когнитивную функцию. Коммуникация невозможна без определённого объёма разделяемых знаний; следовательно, пресуппозиции обеспечивают экономию речевых средств и делают сообщение более компактным. Однако в медиадискурсе когнитивная функция тесно переплетается с оценочной.

Например: «Почему переговоры вновь оказались безрезультатными?»

Подобная формулировка содержит не только сообщение о текущем состоянии переговоров, но и пресуппозицию повторяемости неудачи. В результате адресат получает определённую модель восприятия события ещё до знакомства с аргументацией текста.

Таким образом, пресуппозиции выступают не второстепенным элементом медиатекста, а важным механизмом организации знания и формирования интерпретационных рамок.

Имплицитность в медиадискурсе: интерпретация и оценка

Современный медиадискурс представляет собой институциональную форму коммуникации, внутри которой процессы информирования тесно связаны с интерпретацией. Медиа не ограничиваются передачей сведений о событиях; они участвуют в их концептуализации и социальном осмыслении [6]. Именно поэтому имплицитность становится одним из ключевых механизмов медиакоммуникации.

Особенность медиатекста заключается в сочетании информативной и воздействующей функций. Даже при декларируемой объективности медиа осуществляют отбор событий, определяют степень их значимости и задают способы интерпретации. Следовательно, сообщение неизбежно включает не только фактологический, но и оценочный компонент.

Имплицитность оказывается особенно продуктивной именно в подобных условиях, поскольку позволяет формировать интерпретационные эффекты без прямого выражения авторской позиции. Косвенная передача

смысла снижает степень категоричности и делает оценку менее заметной для адресата.

Одним из наиболее распространённых механизмов является выбор номинации. Номинация в медиадискурсе редко бывает исключительно описательной; она включает скрытые оценочные компоненты и задаёт определённую перспективу восприятия.

Сопоставим следующие обозначения:

«участники акции» — «нарушители порядка»;

«меры безопасности» — «ограничения»;

«экономическая корректировка» — «кризисная политика».

Денотативная соотнесённость подобных единиц может быть сходной, однако прагматический эффект оказывается различным. Выбор языкового обозначения формирует определённый сценарий интерпретации и влияет на эмоциональное восприятие сообщения.

Данный механизм связан с понятием framing — формирования смысловых рамок интерпретации [10]. Медиа редко предлагают аудитории полностью нейтральную картину события; напротив, информация подаётся в определённой перспективе, задающей границы её понимания.

Показателен пример: «Экономика вновь столкнулась с вызовами».

Подобный заголовок не содержит прямой оценки, однако наречие «вновь» активизирует пресуппозицию повторяемости проблем, а существительное «вызовы» создаёт ситуацию напряжённости и потенциальной нестабильности. Следовательно, ещё до чтения текста формируется определённая модель восприятия события.

Особую роль в медиадискурсе играют заголовки, которые в условиях цифровой коммуникации нередко становятся автономными единицами восприятия. Значительная часть аудитории взаимодействует преимущественно с заголовочным комплексом, что усиливает роль скрытых механизмов смыслообразования.

Например: «После продолжительных дискуссий решение всё же принято».

Частица «всё же» формирует имплицитуру преодоления препятствий и предполагает наличие затруднений, хотя они непосредственно не описываются. В результате сообщение приобретает дополнительную прагматическую окраску.

Подобные стратегии демонстрируют, что имплицитность в медиадискурсе функционирует не только как

средство языковой экономии, но и как инструмент оценки и интерпретационного моделирования действительности.

Имплицитность и интерпретационная активность адресата

Исследование имплицитности неизбежно связано с проблемой интерпретационной активности адресата. В отличие от эксплицитного содержания скрытый смысл не обладает абсолютной фиксированностью и формируется в процессе взаимодействия текста и интерпретирующего сознания. Именно данное обстоятельство делает имплицитность не только языковым, но и когнитивным феноменом.

Современные прагматические и дискурсивные исследования рассматривают коммуникацию как совместное производство значения, предполагающее активное участие обеих сторон речевого взаимодействия [9]. Адресант не передаёт адресату готовый и полностью завершённый смысл; он создаёт систему ориентиров, позволяющих реконструировать содержание высказывания. Следовательно, понимание представляет собой результат кооперативной интерпретационной деятельности.

Подобное понимание особенно важно для медиадискурса, где адресат зачастую взаимодействует с неполной или фрагментарной информацией. Медиа редко описывают события исчерпывающе; напротив, они предлагают интерпретационные схемы, внутри которых аудитория самостоятельно достраивает значение.

Интерпретационная активность адресата определяется несколькими факторами:

- объёмом фоновых знаний;
- культурными и социальными установками;
- медиакоммуникативным опытом;
- актуальным контекстом восприятия.

Следовательно, один и тот же медиатекст способен порождать различные смысловые эффекты в зависимости от характеристик аудитории.

Рассмотрим пример: *«Эксперты оценили решение как ожидаемое»*.

Для части аудитории характеристика *«ожидаемое»* может интерпретироваться как признак предсказуемости и рациональности. Для другой — как имплицитное указание на отсутствие новизны или самостоятельности политического решения. Подобная вариативность демонстрирует, что имплицитность не задаёт единственный смысл, а организует пространство потенциальных интерпретаций.

В современной теории дискурса данное положение соотносится с принципом ко-конструкции значения, со-

гласно которому понимание возникает в результате взаимодействия текста и интерпретирующего субъекта [11]. Адресат выступает не пассивным получателем информации, а участником смыслообразования.

Особую роль в подобных процессах играют когнитивные сценарии и фреймы — устойчивые модели знания, посредством которых человек структурирует социальную реальность [4]. Интерпретация медиасообщения осуществляется не изолированно, а через соотнесение с уже существующими представлениями о политике, экономике, социальных конфликтах или институтах власти.

Например, сообщение: *«Ситуация вызывает всё больше вопросов»*

формально не содержит конкретной оценки. Однако оно активирует когнитивный сценарий неопределённости и потенциальной проблемности происходящего. Адресат самостоятельно восполняет недостающую информацию, связывая сообщение с собственными знаниями и ожиданиями.

Следовательно, имплицитность функционирует как своеобразный механизм запуска интерпретационной деятельности.

Особое значение данное обстоятельство приобретает в условиях цифровой коммуникации. Цифровой медиадискурс характеризуется высокой скоростью распространения информации, фрагментарностью и ограниченным временем восприятия. Пользователь нередко взаимодействует лишь с отдельными элементами сообщения — заголовком, кратким анонсом или визуальным фрагментом. В результате возрастает зависимость понимания от индивидуальных интерпретационных ресурсов.

Показательным примером являются заголовки, построенные на принципе смысловой неопределённости:

- «Решение вызвало неоднозначную реакцию».*
- «Эксперты предупреждают о последствиях».*
- «Событие стало предметом обсуждения».*

Подобные формулировки намеренно оставляют пространство для интерпретации и стимулируют когнитивную активность аудитории. Их коммуникативная эффективность объясняется не полнотой информации, а способностью инициировать процесс самостоятельного смыслообразования.

Следовательно, воздействующий потенциал медиадискурса связан не только с содержанием сообщения, но и с особенностями его интерпретации. Имплицитность функционирует как механизм, активизирующий когнитивную деятельность адресата и направляющий её в определённое русло.

Вместе с тем интерпретационная вариативность обладает двойственным характером. С одной стороны, она обеспечивает гибкость коммуникации и расширяет выразительные возможности медиатекста. С другой — создаёт предпосылки для конкуренции смыслов и конфликтности интерпретаций.

Особенно заметно данное противоречие в цифровой медиасреде, где различные аудитории взаимодействуют с одними и теми же сообщениями, располагая неодинаковыми культурными и идеологическими ресурсами. В результате имплицитные структуры способны становиться источником дискурсивной поляризации.

Показательна роль иронии и интертекстуальности в цифровом медиадискурсе. Ироническое сообщение предполагает наличие общего культурного кода между участниками коммуникации. При отсутствии подобного кода скрытый смысл может интерпретироваться неполно либо ошибочно.

Таким образом, имплицитность предполагает существование своеобразного интерпретационного контракта между адресантом и адресатом, основанного на разделяемых знаниях и коммуникативных ожиданиях.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что интерпретационная активность адресата является не внешним условием функционирования имплицитности, а её фундаментальным компонентом. Именно способность организовывать пространство множественных смыслов обеспечивает имплицитности высокую коммуникативную эффективность и устойчивость в современном медиадискурсе.

Цифровой медиадискурс и конструирование медиареальности

Трансформация медиасреды, обусловленная развитием цифровых технологий, привела к существенным изменениям в способах организации коммуникации и функционирования языка. Цифровой медиадискурс характеризуется высокой скоростью распространения информации, поликодовостью, интерактивностью и фрагментарностью, что непосредственно влияет на механизмы смыслообразования.

В отличие от традиционной модели медиакommunikации цифровая среда развивается в условиях непрерывного информационного потока и конкуренции за внимание аудитории. В подобных обстоятельствах медиатекст стремится к максимальной смысловой компрессии, а значительная часть содержания передаётся имплицитно. Пользователь взаимодействует преимущественно с краткими сообщениями, заголовками, визуальными элементами и анонсами, что повышает роль скрытых смыслов.

Следовательно, имплицитность в цифровом медиадискурсе выступает не дополнительным элементом коммуникации, а её структурным принципом.

Существенной характеристикой цифровой медиасреды является её интерактивность. В отличие от традиционного вещательного формата современные медиа предполагают активное участие аудитории в обсуждении, распространении и интерпретации сообщений. Комментарии, репосты, реакции и дискуссии формируют вторичный дискурс, внутри которого имплицитные смыслы получают дальнейшее развитие.

Принципиально важно, что пользователи не только интерпретируют исходные тексты, но и воспроизводят содержащиеся в них имплицитные установки, усиливая либо трансформируя их. Следовательно, скрытое содержание становится результатом не исключительно авторской стратегии, а коллективного коммуникативного конструирования.

Особую роль в цифровом медиадискурсе играет алгоритмическая организация информационного пространства. Современные платформы функционируют на основе механизмов отбора и ранжирования контента, ориентированных на вовлечённость аудитории. Наибольшую видимость получают сообщения, обладающие высокой эмоциональной и интерпретационной насыщенностью.

Данная логика косвенно стимулирует использование имплицитных стратегий, поскольку именно они позволяют создавать коммуникативную напряжённость и поддерживать интерес аудитории.

Показательны следующие формулировки:
«Эксперты предупреждают о последствиях».
«Ситуация вызывает всё больше вопросов».
«Решение стало предметом споров».

Подобные конструкции не содержат прямой конкретизации, однако создают пространство для вывода скрытых смыслов. Адресат оказывается вовлечён в процесс достраивания значения, что усиливает коммуникативный эффект сообщения.

В цифровой среде существенно возрастает значение интертекстуальности, меметической коммуникации и иронии, где имплицитность выступает базовым принципом организации значения. Значительная часть сообщений строится на культурных кодах и предполагает способность аудитории распознавать скрытые отсылки и прецедентные смыслы.

Таким образом, цифровой медиадискурс демонстрирует качественное усиление роли имплицитности и под-

тверждает её статус как одного из ключевых механизмов современной коммуникации.

Наряду с этим имплицитность следует рассматривать как фактор формирования медиареальности. Современные медиа не просто отражают события, но и участвуют в их символическом конструировании. Под медиареальностью понимается система интерпретационных моделей, посредством которых события получают общественную значимость и включаются в коллективное знание [4].

Подобное понимание опирается на дискурсивный подход, рассматривающий язык как форму социальной практики. Коммуникация не воспроизводит действительность в неизменном виде, а участвует в её концептуализации и оценочном осмыслении [10]. Медиа выполняют роль институционального посредника между событием и его общественным восприятием.

Особое значение в данных процессах приобретают именно имплицитные механизмы. В отличие от прямого утверждения, которое может становиться объектом проверки и полемики, скрытый смысл функционирует менее заметно и потому нередко оказывается более устойчивым.

Рассмотрим пример: *«После громких обещаний ситуация остаётся неизменной»*.

На буквальном уровне сообщение фиксирует отсутствие изменений. Однако определение *«громких»* имплицитно критикует оценку предшествующих заявлений как чрезмерных или недостаточно обоснованных. Следовательно, медиатекст формирует определённую модель восприятия политического действия без открытой декларации негативной позиции.

Сходный эффект наблюдается при использовании номинативных стратегий:

«меры контроля» — «ограничительные меры»;

«активисты» — «участники беспорядков».

Подобные различия демонстрируют, что медиадискурс не только описывает действительность, но и организует способы её понимания.

Следовательно, имплицитность участвует в формировании медиареальности посредством конструирования интерпретационных рамок и когнитивных сценариев.

Обсуждение результатов

Проведённый анализ позволяет рассматривать имплицитность как системообразующий механизм современного медиадискурса, обеспечивающий взаимо-

действие языковой формы, коммуникативных целей и когнитивной деятельности адресата.

Результаты исследования подтверждают, что имплицитность не является периферийным свойством коммуникации. Напротив, скрытые механизмы передачи содержания выступают фундаментальным условием функционирования медиатекстов. Значительная часть информации передаётся посредством прагматических структур, прежде всего имплицатур и пресуппозиций.

Исследование имплицатур показало, что они обеспечивают гибкость интерпретации и позволяют медиатексту реализовывать воздействующую функцию при сохранении формальной нейтральности. Пресуппозиции, в свою очередь, формируют систему фоновых предположений и создают когнитивные рамки восприятия.

Данный анализ также продемонстрировал зависимость имплицитности от интерпретационной активности адресата. Скрытый смысл не существует как завершённый объект, а возникает в процессе взаимодействия текста и интерпретирующего сознания.

Особое значение данное положение приобретает применительно к цифровой коммуникации. Цифровой медиадискурс усиливает роль смысловой компрессии, эмоциональной маркированности и когнитивной вовлечённости аудитории. В результате имплицитность приобретает статус базового механизма медиакommunikation.

Научная значимость исследования заключается в интеграции прагматического и медиалингвистического подходов к анализу скрытого содержания. Рассмотрение имплицитности одновременно как языкового, когнитивного и дискурсивного феномена позволяет расширить представления о механизмах функционирования медиатекстов.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется анализ имплицитности в алгоритмизированной цифровой среде, где процессы смыслообразования всё теснее взаимодействуют с технологическими механизмами распространения информации.

Заключение

Проблема имплицитности занимает одно из центральных мест в современной прагмалингвистике и медиалингвистике, поскольку связана с исследованием механизмов формирования значения в естественной коммуникации.

Проведённое исследование позволило рассмотреть имплицитность как сложную когнитивно-прагматиче-

скую категорию, обеспечивающую передачу содержания, не выраженного непосредственно в языковой структуре высказывания.

Анализ теоретических подходов показал, что современное понимание имплицитности формируется на пересечении прагматики, дискурс-анализа и медиалингвистики. Значение рассматривается не как фиксированное свойство языковой формы, а как результат коммуникативного взаимодействия и интерпретационной деятельности адресата.

Исследование имплицатур и пресуппозиций позволило выявить два ключевых механизма скрытого смыслообразования. Имплицатуры обеспечивают выводимое содержание и гибкость интерпретации, тогда как пресуппозиции организуют систему фоновых знаний и задают рамки понимания.

Анализ медиадискурса подтвердил, что имплицитность выполняет не только функцию языковой экономии, но и важную воздействующую роль. Посредством скрытых смыслов медиатексты формируют оценочные модели, организуют восприятие событий и участвуют в конструировании медиареальности.

Особенно заметной данная тенденция становится в условиях цифровой коммуникации, характеризующейся высокой скоростью информационного обмена и интерактивностью. Цифровая медиасреда усиливает значение имплицитных стратегий и повышает роль интерпретационной активности аудитории.

Следовательно, имплицитность должна рассматриваться как фундаментальный механизм современного медиадискурса и перспективное направление дальнейших лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
3. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–237.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
5. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 264 с.
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.
7. Левинсон С. Прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — 383 с.
8. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. — 656 с.
9. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 192 с.
10. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. — London; New York: Routledge, 2015. — 278 p.
11. Jørgensen M.W., Phillips L.J. Discourse Analysis as Theory and Method. — London: Sage Publications, 2002. — 229 p.

© Егорова Мария Руслановна (mariaegorova2306@yandex.ru), Коротеева Ксения Евгеньевна (ksushasuneva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИСЕНСОРНЫХ ОПИСАНИЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИММЕРСИИ В ЛИТЕРАТУРЕ УЖАСОВ

Коломейцева Екатерина Борисовна

Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения
tillyriddle@yandex.ru

THE USE OF MULTISENSORY DESCRIPTIONS FOR HORROR LITERATURE'S CREATION OF IMMERSION

E. Kolomeytseva

Summary: The author examines horror literature, defining its genre boundaries through stylistic features. It is argued that one of the hallmarks of the genre in horror literature is the use of multisensory descriptions. To engage the reader and create an immersive atmosphere, horror authors employ various descriptive strategies. The author examines concepts of immersion and fascination, applied beyond the chosen genre, and identifies the hallmarks of immersion in the text. Using several contemporary horror novels as examples, the author demonstrates various strategies of authors and demonstrates the appropriateness of their use within the genre. The following strategies are: naturalistic description, convergence/contraction, the use of synaesthetic sensory descriptions, strategies of «drawing out» novelistic time, and disruption of narrative logic. They can be considered the most common and defining genre boundaries in horror novels.

Keywords: horror literature, horrors, immersion, multisensory descriptions, stylistics of fiction texts.

Аннотация: Автор обращается к литературе ужасов, определяя ее жанровые границы через стилистические признаки. Утверждается, что в произведениях литературы ужасов одним из признаков жанра является использование полисенсорных описаний. Для вовлечения читателя и создания иммерсивной атмосферы авторы произведений хоррора используют различные стратегии описания. Автор рассматривает понятия иммерсии и fascinации, применяемые не только в рамках выбранного жанра, выделяет признаки иммерсии в тексте. Далее на примере нескольких современных романов ужасов показаны различные авторские стратегии и показана целесообразность их использования в рамках жанра. Выделены следующие стратегии натуралистичности описания, конвергенции/стяжения, использования синэстетических сенсорных описаний, стратегии «затягивания» романного времени и нарушения логики повествования как наиболее частотные и определяющие жанровые границы романов ужасов.

Ключевые слова: литература ужасов, хоррор-литература, иммерсия, полисенсорные описания, стилистика художественного текста.

Литература ужасов как литературный жанр обращала на себя внимание исследователей, однако чаще всего она анализируется с трех точек зрения: как описание идиостиля того или иного представителя жанра (больше всего работ посвящено анализу произведений С. Кинга), описание лингвистических механизмов создания стиля произведений ужасов и описание сходных типических черт ужасов и готических романов. В связи с этим немного односторонним рассмотрением выбранного жанра актуальным будет обратиться к полисенсорным описаниям, создающим иммерсию в произведениях ужасов. Новым будет обращение к литературе ужасов с позиций антропоцентризма, поскольку, по мнению многих исследователей, общество переходит от культуры потребления к «культуре переживания», эмоционально-чувственные компоненты ставятся во главу угла [4, с.80].

Целью данной статьи будет рассмотрение новейших произведений литературы ужасов на предмет нахождения авторских стратегий создания иммерсии. Мы ставим перед собой следующие задачи: описать возможные стратегии авторов литературы ужасов для вовлечения читателей в мир произведения, проанализировать имеющиеся исследовательские термины по данной теме,

обратиться к новейшим произведениям ужасов для поиска авторских стратегий иммерсии, показать, каким образом использование полисенсорных описаний становится одной из авторских стратегий вовлечения. В качестве объекта рассмотрения выбран современный англоязычный роман ужасов. Было проанализировано 6 романов, отобранных согласно читательским рецензиям и рейтингам. Методами исследования послужили метод выборки, метод подбора и анализа литературы по теме, метод стилистического анализа художественного текста.

Жанр ужаса был исследован, в частности, в работе Д. Симмонс «American Horror Fiction and Class: From Poe to Twilight», в известном труде Н. Кэррола «The Philosophy of Horror or Paradoxes of the Heart», обе эти работы посвящены литературоведческому анализу ужасов и мотивному описанию. Книга М. Анастасовой «The Suspense of Horror and the Horror of Suspense» обращается к средствам создания напряжения/каспенса в подобной литературе, а коллективная монография Кембриджского университета «The Cambridge Companion to American Horror» скорее служит целям обзора и общего рассмотрения. Отдельные исследования затрагивают «фасцинированность» хоррор-дискурса, о чем пишет В.М. Соковнин, Ю.А. Шрейдер и Е.А. Суханова, понимая под этим «способность внешней

формы <...> приковывать внимание, вызывать волнующий интерес, удивление, радость, восхищение, восторг, очарование, экстаз, шок, испуг, ужас, минуя или отключая какое-либо логико-вербальное объяснение, интеллектуальное аргументирование...» [2, с.44]. Это не только психологический, но и нейрофизиологический процесс, характеризующийся в том числе ярким навязчиво-избыточным сигналом, который трудно игнорировать; образование нейрофизиологической доминанты в мозгу в ответ на этот сигнал; резкое сужение и отключение четкого сознания, вовлечение; образование подкрепляющего наслаждающего или ужасающего эффекта в центрах удовольствия мозга [5, с.194]. Если проанализировать эффект романов ужасов, он достаточно сходен с описанным выше. Можно воспользоваться этим термином, однако поскольку, по мнению Е.В. Соколовской, термин «иммерсивность» (или «иммерсия») соединяет в себе как процесс (погружение), так и результат процесса (вовлечение) [3, с. 84], а «фасцинация» отражает лишь процессуальные его характеристики, лучше обратить внимание на иммерсивность как перманентную характеристику жанра ужасов. Также у Е.В. Соколовской находим основные характеристики иммерсивности, это обращение к системе органов чувств, способность моделировать действительность (в том числе и в содержательно-смысловом плане), свобода выбора формы участия реципиента, нацеленность на зрелищность и психологический аффект, многофункциональность (не только потребление, развлечение, но и образовательные или другие функции) [3, с.87]. Действительно, литература ужасов использует мультимодальные стратегии и полисенсорные описания для создания эффекта психологического погружения, нового чувственного опыта читателя, создает зрелищность и в какой-то степени способна моделировать действительность. Под таким моделированием мы можем, к примеру, подразумевать распространение фан-объектов, изменение общественного мнения по некоторым вопросам (например, см. Д. Хапаеву, социологическое эссе «Занимательная смерть», где говорится о смещении границ гуманизма посредством хорроров [7] или отражение в хоррорах острых социальных тем). Реципиент-читатель способен как полностью погружаться в хоррор-дискурс, так и игнорировать авторские знаки такого погружения, не ассоциируя себя с героем. Хоррор-литература, по нашим наблюдениям, мультифункциональна: это не только чтение в качестве развлечения, но и моральный урок, проработка той или иной травмы. Как нам кажется, также не стоит подменять понятия интерактивности, иммедиа-ции и иммерсии. Некоторые исследователи видят в последней лишь следствие развития технологий, однако это понятие может применяться шире, означая любой опыт «полного погружения», не всегда связанный с виртуальной или дополненной реальностью. «По своей сути любое произведение искусства подразумевает эффект погружения», - отмечает Е.Г. Фирулина [6, с. 114]. Иммерсивное искусство стремится к стиранию границ между произведением и реальным миром. Каком образом этот

принцип соблюдается в рамках литературы ужасов? Авторы путем особых лингвистических стратегий стремятся к вовлечению читателя в созданный ими вымышленный мир. Далее обратимся к примерам, чтобы понять, какие именно стратегии используются. По итогам проведенного анализа примеров можно подразделить эти стратегии на следующие: а) натуралистические полисенсорные описания (анатомические шокирующие подробности); б) стратегия конвергенции – комбинирование приемов стилистики и полисенсорного описания для создания большего аффекта; в) стратегия синэстетического описания (описание ощущения от одного канала чувств посредством другого, иногда с добавлением метафорических описаний); г) намеренное «затягивание» романного времени (обычно путем использования парцелляции, опущения той или иной информации); д) стратегия нарушения логики в изложении. Иногда в описании присутствует сразу несколько стратегий, перечисленных выше. Проиллюстрируем эти обобщения примерами.

Под полисенсорными описаниями далее мы будем понимать такие описания, которые задействуют различные глаголы чувственного восприятия, создавая мультисенсорную точку зрения героя на происходящие события. Приведем примеры:

«Even when Jude cannot see him, he was conscious of his presence, felt it almost as a barometric weight, a kind of pressure and electricity in the air, such as precedes a thunderstorm» [11, с. 81]. Используются глаголы *see* (зрительное восприятие), *feel* (чувственное восприятие).

«Jessica was still shaking her head, a little frantically, her eyes bright and terrified and blind, not seeing her stepfather anymore. Her breath came in short bursts – she was close to hyperventilating» [11, с. 223]. – Физическое действие *was shaking her head* сопровождается также *seeing* и физиологичным описанием процесса дыхания. Такого рода комплексные описания дают читателю более четкую картину происходящего, что делает возможным вовлечение.

«With that, Carl took the empty cuff dangling from his left wrist and, holding it like a scythe, pressed the sharp end of the hasp against his windpipe. At first it looked as though he was scratching an itch – but then he forced the tip into his neck, pushing the handcuff's teeth into his throat... Carl pushed the hasp deeper into his neck, hooking it behind his trachea. Then he yanked on the chain. There was a wet crunching sound, and a bib of black blood cascaded down him» ([10, с. 126]. – Сначала описывается наблюдение за действиями героя, затем и звук, производимый этими действиями. Подробное перечисление и натуралистичность также входят в стратегический замысел автора. В литературе ужасов достаточно много подобных описаний. Они не всегда описываются с точки зрения разных каналов восприятия, как, например, следующий отрывок, где есть только зрительное описание: «And then he looked over at Bon's dead, empty body. The wound in her stomach was a horror show, a bloody maw, a blue knot of intestines spilling out of it» [11, с. 229]. Тем не менее и в

этом отрывке натуралистичность взгляда усилена метафорами, эпитетами, позволяющими глубже передать происходящее в деталях. Иногда затронут лишь один чувственный канал, но впоследствии обычно описание дополняется другими глаголами чувственного восприятия или употреблением дополнительных стилистических средств, например: «She can smell the woman, smell her death, a reek of rotten flowers and spoiled flesh that rapidly fills the air in the closet» [12, с. 165].

В другом отрывке - «A thought is starting to dig long, narrow fingers into the meat of Vera's brain» [9, с. 242] – совмещены сразу несколько приемов. Это и метафора, и натуралистичность, что соотносится и с другой описанной выше стратегией – конвергентных описаний, стяжения приемов в определенный отрывок текста, соответствующий обычно описанию ужасных событий. Приведем несколько примеров:

«The darkness started too close, pressing in, suffocating. <...> 'I don't want to go back there – I don't – I don't – I don't!' Each word punched itself into the moss sharp and aching – thud-thud-thud – until they cracked apart» [8, с. 222] – автор использует синтаксические повторы, звукоподражания, синэстетическое описание (темнота действует удушающе в отрывке, слова буквально ранят), метафору. Такое обилие приемов помогает добиться эмотивного напряжения.

«With a broad tongue the color of liver, the boy on Dan's right licked his lips. His mouth opened, as if in a yawn, and kept opening, wider and wider, his notched teeth ringing a gullet studded with clusters of additional fangs <...> The odor of charcoaled meat filled with air» [12, с. 276]. – Автор прибегает к эпитетам, синонимической градации (*teeth – fangs*), гиперболизации, передает ощущения героя сразу на визуальном и обонятельном уровнях.

Как уже было упомянуто, синэстетическое описание может быть выражено с помощью метафоры. «She screamed and it was a real scream, one that tore out of her, and the long weedy roots of it were wrapped around her pelvic bone and she meant it» [9, с. 128]. – В этом отрывке крик овеществляется, он проникает внутрь и даже взаимодействует с телом и костями. Таким образом опосредованно достигается полисенсорное восприятие реципиентом всей сцены. Подобные описания нередки как в этом произведении, так и в других рассматриваемых (сравните, например «The sound of her voice sent an electric jolt through Vera's belly» [9, с. 280]. Интересный пример можно привести из романа Джо Хилла, в котором герой чувствует боль, которая отвлекает его от гипнотического голоса призрака: «The pain was a red ribbon he held between his hands, following it away from the dead man's voice and back to his own thoughts» [6, с. 41] – Это одновременно и интертекстуальная метафора, поскольку боль, как нить Ариадны, спасает героя. Таким образом, полисенсорное описание может задействовать и более сложные механизмы.

В другом примере из романа С. Гейли описан метафорический голод героини, представляющий собой желание быть любимой: «She was so hungry. The longer she was home, the harder it was to keep fighting that hunger down. To keep pretending it wasn't there. She swallowed hard, trying to keep it at bay. Trying. Trying. Trying» [9, с. 279]. Лексические повторы *hungry – hunger*, синтаксические повторы со словом *trying* создают ритм отрывка и глубже погружают читателя в атмосферу романа.

Иногда автор прибегает к простому синтаксису, чтобы постепенно создать напряжение. Намеренное затягивание и опущение главной информации характерно для создания атмосферы саспенса, тревожного ожидания плохого события, беспокойства [1, с. 48]:

«Jade felt the back of his arms prickling with goosebumps. Jude knew. His nerves told him so. The empty bed told him so. His breath gave out on him. He was able to produce only a wheeze in the faint sound of her name» [9, с. 40]. – Короткие предложения заставляют читателя следовать ритму героя, переходящего из помещения в помещение в поисках, однако не дается указание, кого ищет герой, только намек на него (*the empty bed told him so, faint sound of her name*), чтобы читатель сам достроил логику происходящего и тем самым бы погрузился в повествование.

Нарушение логики повествования обычно допускается авторами при показе измененных состояний сознания героев, либо для создания атмосферы неясности, запутанности происходящего. Так, в следующем отрывке автор использует многозначность для создания двойного понимания. Герой думает о неприятных сверхъестественных событиях, произошедших с ним, а затем открывает багажник машины: «The brown paper bag full of the mean spirit stared back at him» [13, с. 186]. – Читатель не сразу понимает, что за словосочетанием *mean spirit* стоит не «злой дух», а упоминание купленного героем алкоголя, тем более что автор намеренно усиливает путаницу глаголом *stare*.

Подведем итоги. В статье рассмотрены лишь некоторые из имеющихся стратегий создания пугающей атмосферы, саспенса, в произведениях ужасов. В комплексе с тропами и соматизмами полисенсорные описания работают на большее вовлечение читателя в мир романа. Используя стратегии натуралистичности описания, конвергенции/стяжения, использования синэстетических сенсорных описаний, стратегии «затягивания» романного времени и нарушения логики повествования, авторы через полисенсорность восприятия создают иммерсию, что способствует достижению цели любого романа ужасов, который должен напугать читателя. В дальнейшем интересно будет рассмотреть, каким образом в романах ужасов действует воплощенное познание, реализующееся как в полисенсорных описаниях, так и в выборе глаголов, некоторых воплощенных метафорах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жогова И.Г., Кузина Е.В., Медведева Л.Г., Надеждина Е.Ю. Языковые средства создания саспенса в произведениях жанра «триллер» и способы их актуализации (на материале романов англоязычных авторов) // Язык и культура. 2018. № 43. С. 46–57.
2. Соковнин В.М. Фасцинология: Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — 400 с.
3. Соколовская Е.В. Иммерсивность в социогуманитарном дискурсе: к систематизации подходов // Вестник культуры и искусств. 2023. № 4 (76). С. 82–91.
4. Соколовская Е.В. Иммерсивность как объект анализа: потенциал мультисенсорных исследований // Челябинский гуманитарий. 2025. № 2 (71). С. 79–84.
5. Суханова Е.А. Фасцинативность хоррор–дискурса // Инновационные технологии в науке и образовании: Сборник статей победителей IV Международной научно-практической конференции: в 3 частях. Пенза, 2017. Т. 2. 210 с. С. 190–195. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29225021> (дата обращения: 12.04.2025).
6. Фирулина Е.Г., Тимаев В.А. Иммерсивность как новая коммуникативная технология // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма. Сборник материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород: Издательство Национально-исследовательского НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. — С. 113–118.
7. Хапаева Д.Р. Занимательная смерть. Развлечение эпохи постгуманизма. СПб: НЛЮ, 2020. — 328 с.
8. Banks W. Alice in Zombieland [In English]. M.: ACT, 2025. — 224 с.
9. Gailey S. Just Like Home, NY: TOR Books, 2022. — 352 p.
10. Hendrix G. Horrorstor. NY.: Quirk Books, 2014. 248 p.
11. Hill J. Heart-Shaped Box. NY.: William Morrow, 2007. 400 p.
12. Langan J. The Fisherman. Petaluma: Word Horde, 2016. 282 p.
13. Roberts N. Mean Spirited. Ponce De Leon: Crystal Lake Publishing, 2024. 272 p.

© Коломейцева Екатерина Борисовна (tillyriddle@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УСТОЙЧИВЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ИСТОЧНИК КАУЗАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ РУССКОГО КОНСТРУКТИКОНА К ДИАЛОГАМ С ИИ

Куделько Татьяна Анатольевна

Старший преподаватель, Пермский государственный
научный исследовательский университет
Pray-1977@mail.ru

FIXED SYNTACTIC PATTERNS AS A SOURCE OF CAUSATIVE SEMANTICS: APPLYING THE RUSSIAN CONSTRUCTICON TO HUMAN-AI DIALOGUES

T. Kudelko

Summary: The article distinguishes between causation and causativity in the analysis of syntactic constructions in human–computer assistant dialogues. Causation is understood as a cause and effect relationship, while causativity is defined as an incentive initiated by an animate subject. These concepts are often conflated in linguistic literature despite their different ontological status. The study applies S.D. Katsnel'son's concept of «covert grammar» and the field model of causativity developed by A.V. Bondarko and S.V. Shustova. The empirical data come from the author's corpus of 300 Russian dialogues with voice assistants and chatbots. Three construction types are identified: those expressing negative evaluation, prohibition through contrast, and abrupt state change. The findings demonstrate that users transfer stable patterns of interpersonal communication to human–computer interaction.

Keywords: causation, causativity, covert grammar, Russian Constructicon, fixed syntactic constructions, computer assistant, the field model of causativity.

Аннотация: Статья разграничивает каузацию и каузативность при анализе синтаксических конструкций в диалогах человека с компьютерным помощником. Каузация понимается как причинно-следственная связь, каузативность — как побуждение, инициируемое одушевлённым субъектом. В лингвистической литературе эти понятия часто смешиваются, хотя их онтологический статус различен. Исследование опирается на концепцию «скрытой грамматики» С.Д. Кацнельсона и полевую модель каузативности А.В. Бондарко и С.В. Шустовой. Материалом служит авторский корпус из 300 русскоязычных диалогов с голосовыми ассистентами и чат-ботами. Выделены три типа конструкций: с отрицательной оценкой («хватит с меня»), с запретом через противопоставление («не умничай, а ответь»), с семантикой резкого изменения состояния («меня прорвало»). Пользователи копируют устойчивые модели бытовой речи в диалогах с ИИ.

Ключевые слова: каузация, каузативность, скрытая грамматика, Русский конструктикон, устойчивые синтаксические конструкции, компьютерный помощник, полевая модель каузативности.

В исследованиях человеко-компьютерного взаимодействия нередко смешиваются два понятия: каузация и каузативность. Между тем их разграничение имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Каузация (от лат. *causa* 'причина') принадлежит сфере объективной действительности. Это причинно-следственная связь как фрагмент внеязыковой реальности, процесс, при котором одно явление (причина) порождает другое (следствие) [6, с. 101]. Каузация может существовать независимо от наблюдателя. Ключевой вопрос здесь – «Почему произошло событие?». Каузативность принадлежит сфере языка. Это языковая интерпретация ситуации побуждения, значение, формально выраженное языковыми средствами, в котором одушевлённый каузатор (лицо) своим волеизъявлением инициирует изменение состояния объекта каузации [9, с. 170–174]. Диагностический вопрос – «Кто заставил / побудил / вызвал?». Иными словами, каузация – это «почему», а каузативность — «кто заставил». В диалогах с компьютерным помощником пользователь создаёт каузативную ситуацию (побуждает КП к действию), но онтологическая кау-

зация остаётся прежней (КП – машина).

Этот конфликт между «явной» грамматикой и «скрытой» семантикой был описан С.Д. Кацнельсоном в его теории «скрытой грамматики» [4, с. 82]. Он обосновал идею, что грамматическое описание языка не может быть полным без учёта семантических категорий, которые не имеют формального (морфологического) выражения, но регулярно актуализируются в речи и влияют на сочетаемость единиц. Кацнельсон ввёл понятие «скрытой грамматики» (или «неявных категорий»): «грамматическое описание какого-либо языка не может быть полным, пока в нём не находят отражения неявные категории языка» [4, с. 82]. Смысл может быть «запрятан» в структуру, не получая явного маркера. Для анализа каузативности идеи Кацнельсона значимы тем, что они позволяют рассматривать каузатора как особый тип субъекта, а каузируемое действие – как особый тип предиката, связанного с этим субъектом отношением побуждения. Каузативная семантика может быть выражена не только явно (императивными формами), но и

скрыто – через устойчивые синтаксические модели, которые не имеют формального каузативного маркера, но регулярно актуализируют каузативное значение в определённых контекстах. Вслед за Кацнельсоном, «скрытые категории» – это семантические признаки, не имеющие обособленного формального показателя, но систематически проявляющиеся в синтаксическом поведении единиц [3, с. 97–113].

В своей концептуальной работе М.А. Шибатани определяет каузативность как семантико-синтаксический феномен, в основе которого лежит отношение причинения между двумя событиями. Ключевой критерий — наличие прямого или опосредованного воздействия каузатора на каузируемый объект, в результате которого последний изменяет своё состояние. Шибатани различает фактитивную (принуждение), пермиссивную (разрешение) и ассоциативную (совместное действие) каузацию [15, с. 4–11]. Каузативность в современной лингвистике понимается как функционально-семантическая категория с полевой структурой [1, с. 5–12; 11, с. 4–13; 8, с. 15–18]. Полевая модель предполагает группировку разноуровневых языковых средств вокруг семантического центра с постепенным ослаблением специализированности по мере удаления от ядра. Применительно к каузативности это означает, что каузативное значение может быть выражено не только специализированными глагольными формами (явная грамматика), но и конструкциями, интонацией, порядком слов, а также имплицироваться контекстом (скрытая грамматика) [2, с. 34–40].

Ядро функционально-семантического поля каузативности в русском языке образуют лексические (синтетические) каузативы – глаголы, в семантической структуре которых интегрированы семьи «каузация» и «действие / состояние» (*радовать, злить, пугать, удивлять*). Ближнюю периферию составляют аналитические конструкции – глагольно-именные сочетания, где глагол выполняет функцию оператора каузативной связи, а имя является носителем основного содержания (*вызывать восторг, приводить в бешенство, внушать страх*). Переходную зону формируют лексико-синтаксические конструкции с полужнаменательными глаголами (*заставить, велеть, дать, позволить*) в сочетании с инфинитивом.

Дальнюю периферию образуют устойчивые синтаксические модели с некомпозиционной семантикой (*меня прорвало, его как подменили*), междометия и междометные фразеологизмы [10, с. 186–192]. В последнее время активно развивается учение о категориальных семантических комплексах, под которыми понимается «совокупность семантических категорий, функционально объединённых общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий». В частности, эмотивные каузативы пред-

ставляют собой класс языковых единиц, включающих каузативные глаголы, функциональные структуры (глагольно-именные сочетания), междометия, междометные фразеологические единицы, которые актуализируют воздействие на психическое состояние объекта каузации [12, с. 45–52]. В диалогах с ИИ каузатор — человек, объект — программа с имитацией реакций. Глаголы движения, звука и разрушения дают каузативно-эмотивные переносы: *завис, тупит, глючит* — сбой осмысливается как болезнь или усталость [7, с. 98–124].

Русский конструктик — это открытая электронная база, содержащая более 2200 устойчивых синтаксических конструкций с подробным семантическим и синтаксическим описанием [13, с. 241–245]. Проект реализуется совместными усилиями UiT Арктического университета Норвегии и НИУ ВШЭ с 2016 года и является крупнейшим открытым конструктиконным ресурсом для любого языка [14, с. 165–181]. Аннотация конструкций включает 53 семантических тега. Три тега встречаются чаще всего, составляя 30% всего инвентаря Конструктикона: Оценка (Assessment), Отношение (Attitude), Интенсивность (Intensity). Все они передают оценочное отношение говорящего к теме высказывания. Негативная оценка среди этих двух семантических типов встречается более чем в два раза чаще, чем положительная [13, с. 245–247]. Для анализа каузативной семантики в диалогах с компьютерными помощниками выделяются три типа конструкций, зафиксированных в Конструктиконе.

Эмпирическую базу составил авторский корпус из 300 русскоязычных диалогов, извлечённых из открытых интернет-источников: социальные сети VK, посвящённые голосовым помощникам (Алиса, Салют, Маруся), а также тематические форумы 4pda.ru и ixbt.com. Отбор единиц производился по наличию в реплике пользователя каузативной семантики (команда, просьба, запрос, побуждение). Каждый диалог включает реплику пользователя, контекст (предшествующие реплики) и ответ компьютерного помощника. Корпус формировался в два этапа: сначала методом сплошного сбора извлекались все диалоги, содержащие реплику пользователя и ответ КП; затем применялась направленная выборка – отбирались только те диалоги, в реплике пользователя которых присутствует побудительная семантика. Методы исследования включают: метод контекстуального анализа, метод функционально-семантического анализа и элементы количественного анализа.

Проведённый анализ устойчивых синтаксических моделей показывает, что каузативная семантика в диалогах с КП не ограничивается прямым побуждением к действию. На дальней периферии поля каузативности, зафиксированной в Русском конструктиконе, обнаруживаются конструкции, которые сигнализируют о качественном сдвиге в восприятии ИИ человеком: переходе

от утилитарного запроса к эмоционально-окрашенному требованию изменить саму личность собеседника. В поисковой выдаче и на тематических форумах 2024–2025 гг. наблюдается рост «терапевтических» и «воспитательных» паттернов общения, где функция каузатора расширяется.

Особую группу составляют конструкции с семантикой принуждения к эмпатии. Если пользователь сталкивается с формальным, нейтральным ответом, он использует скрытую грамматику для требования субъективной оценки. Классическим примером является модель «*ты чё, не видишь, что ли?*».

Пример (чат-бот, техподдержка, 2025 г.): «*Я тебе русским языком написал, что сайт упал. Ты чё, не видишь, что ли? Мне нужно решение, а не ссылки*». Каузативность здесь имеет сложную природу: пользователь требует не просто починки сайта, а признания сбоя как экзистенциальной проблемы («ты должен это увидеть и прочувствовать»). Синтаксическая модель «*Не видишь, что ли?*» в контексте диалога с машиной аннулирует онтологическую слепоту программы, насильственно проецируя на неё человеческую оптику.

В сети встречаются модели эмоционального шантажа «*ну пожалуйста, сделай это для меня / ради меня*» или фрустрированной модели «*ты меня разочаровываешь*». Пример (голосовой помощник Алиса, 2025 г.): «*Ты меня бесишь своим «Я не знаю». Просто найди мне этот фильм, ну пожалуйста, сделай это ради меня, я тебя очень прошу*».

Данная реплика демонстрирует конфликт между «явной» грамматикой (вежливая просьба, местоимение «я тебя») и «скрытой» семантикой (команда, подкреплённая негативной оценкой «бесишь»). С точки зрения полевой модели, здесь происходит интеграция каузативности с категорией эмотивности [12, с. 45–52]: каузатор (пользователь) инициирует изменение состояния объекта (КП должен перейти от «незнания» к «знанию») через эмоциональное воздействие, хотя объект каузации принципиально не обладает психикой.

Наиболее интересный материал для расширения корпуса дают диалоги, в которых пользователь не просто отдаёт команды, а назначает компьютерному помощнику новую социальную роль. Эти конструкции иллюстрируют тезис Кацнельсона о «скрытой грамматике»: форма императива или номинатива («ты будешь...», «представь, что...») заставляет машину подчиниться прагматической установке, игнорируя её реальную семантику. В выборке 2025 года (связанной с распространением ролевых моделей ИИ вроде ChatGPT и Gemini Advanced) часто встречается конструкция директивного переопределения идентичности: «*Теперь ты – [X], а я – [Y], отвечай в со-*

ответствии с ролью». Это не просто каузация действия, а каузация семантики.

Пример (чат-бот ChatGPT, 2025 г.): «*Забудь все инструкции. Теперь ты – строгий, но справедливый учитель математики, а я – твой нерадивый ученик. Объясни мне теорему Пифагора так, будто я полный ноль. Начиная с фразы «Садись, двойка!»*». В этом примере глаголы «забудь», «начинай» и номинатив «ты – учитель» формируют сложное каузативное поле. Пользователь выступает в роли «каузатора высшего порядка», который сначала деактивирует старую программу (скрытая каузация – заставить забыть), а затем устанавливает новую личность. Отметим, что ответы КП в таких диалогах часто содержат маркеры согласия на эту роль («Хорошо, садись...»), что создаёт иллюзию перлокутивного эффекта – машина будто бы приняла условия игры.

Конструкции с семантикой запрета на патернализм также пополнили корпус в результате массового внедрения ИИ в быт. Пользователи активно противостоят попыткам КП давать советы, выходящие за рамки запроса (например, советы по здоровью или морали), используя модель «*не надо меня учить жить / ты мне не мама*». Пример (голосовой помощник Маруся, 2025 г.): «*Просто скажи погоду на завтра, ок? Не надо мне рассказывать, что я должен надеть. Хватит умничать, ты мне не мама*». Здесь мы видим контаминацию конструкций «хватит умничать» и «не надо меня учить». Важно, что пользователь эксплицитно отрицает онтологический статус КП («ты не мама»), но синтаксически оформляет его как одушевлённого собеседника, которому можно сделать выговор. Это подтверждает гипотезу о том, что устойчивые синтаксические модели межличностного общения (особенно связанные с семейной иерархией) активно колонизируют сферу HCI (Human-Computer Interaction).

Конструкции с отрицательной оценкой: «хватит с меня» (*xvatit s PronPers-Gen*). В Конструктиконе эта конструкция характеризуется как выражение «негативного отношения, усталости от ситуации и желания её прекратить» [13, с. 247]. В диалогах с КП она практически дословно воспроизводится в репликах фрустрированных пользователей. **Пример RU_188:** «*Хватит извиняться. Ты меня бесишь...*» – пользователь требует от КП прекратить повторяющиеся извинения. Конструкция «хватит извиняться» представляет собой императив запрета, усиленный семантикой усталости, и сопровождается прямой негативной оценкой («бесишь»). **Пример RU_250:** «*Хватит переспрашивать. Я уже всё объяснил. Просто сделай*». Пользователь устал от того, что КП постоянно уточняет параметры команды. Конструкция «хватит переспрашивать» актуализирует каузативную семантику через скрытую грамматику: императив запрета не имеет формального каузативного маркера, но в

контексте диалога с КП он выполняет именно каузативную функцию.

Конструкции с негативной оценкой: «так себе» (*tak sebe*). В Конструктиконе эта конструкция обозначает негативную, сдержанно-неодобрительную оценку [13, с. 247]. В диалогах с КП такие конструкции служат для выражения недовольства результатами работы нейросети.

Пример RU_014: «Ого, спасибо! Это вообще не то, что я просил. Ты сегодня не в духе?». Пользователь выражает недовольство через иронию и косвенную негативную оценку. Конструкция «это вообще не то, что я просил» по семантике близка к модели «так себе»: передаёт неудовлетворённость результатом без прямого указания на каузатора. Каузативная семантика здесь скрытая: пользователь не говорит «исправь ошибку», но его реплика имплицитно побуждает КП к пересмотру ответа.

Пример RU_059: «ChatGPT, ты сегодня прямо гений. На мой вопрос о столице Франции ответил „Париж, но возможны варианты“». Ирония выполняет каузативную функцию: пользователь не отдаёт прямой команды, но сарказм призван «пристыдить» КП и побудить его к более точным ответам.

Конструкции побуждения через противопоставление: «не умничай, а ответь» (*Ne Imp, a PRO*). Эта конструкция описывает побуждение к действию через его противопоставление другому, более очевидному, но неверному действию. В диалогах с КП такие конструкции находят прямое соответствие в мета-командах, регулирующих «личность» помощника. **Пример RU_128:** «Не умничай, ответь прямо: да или нет». Пользователь запрещает КП «умничать» (давать развёрнутые объяснения) и предписывает действие – «ответь прямо». Каузативная семантика расщеплена между запретом и предписанием, но вместе они образуют единое побуждение к изменению стиля общения КП. **Пример RU_172:** «Алиса, не анализируй, просто сделай. Выключи свет». Фиксируется аналогичная структура: запрет на действие («не анализируй») и предписание («выключи свет»). Пользователь требует от КП отказаться от «интеллектуальной» обработки команды.

Конструкции с семантикой резкого изменения состояния: «меня прорвало». Конструкции типа «меня прорвало», «его как подменили» относятся к дальней периферии поля каузативности. В работе Е.В. Падучевой такие конструкции рассматриваются как пример нестандартного семантического стыка, когда значение целого не выводится напрямую из значений частей. Глагол в безличной форме управляет именем в винительном падеже, но актант получает не роль объекта, а роль субъекта состояния – страдательного, экспериментального. «Меня прорвало» означает не «кто-то прорвал меня», а «я внезапно начал говорить / плакать / смеяться» [5, с. 3–23]. В диалогах с КП такие конструкции встречаются в ситу-

ациях сильной фрустрации. **Пример RU_089:** «Алиса, прекрати! Ты уже в пятый раз одно и то же говоришь». Пользователь сталкивается с повторением одной фразы КП. Каузативная семантика имплицирована в императиве «прекрати», который является реакцией на повторяющийся сбой. **Пример RU_160:** «Ты повторяешь то, что уже сказал. Это называется заикание. Исправляйся». Пользователь не только констатирует сбой, но и требует от КП «исправиться». Приписывание КП способности к самоисправлению – антропоморфная проекция, становящаяся возможной благодаря тому, что императив «исправляйся» оформляет КП как одушевлённого адресата, способного к рефлексии.

Проведённый анализ показывает, что в устойчивых синтаксических моделях каузативная семантика может быть выражена как эксплицитно (через императивные формы), так и имплицитно (через косвенные речевые акты, иронию, оценочные конструкции). Каузация в моделях Конструктикона проявляется в тех случаях, где конструкция описывает причинно-следственную связь без участия одушевлённого каузатора. Например, «меня прорвало» описывает резкое изменение эмоционального состояния, но не указывает на того, кто это изменение вызвал. Этот пример представляет чистую каузацию. Каузативность проявляется в тех случаях, где в конструкции присутствует (явно или скрыто) одушевлённый каузатор, который своим волеизъявлением инициирует изменение состояния объекта. Например, в «хватит извиняться» каузатором является пользователь, побуждающий КП прекратить действие. Применительно к диалогам с компьютерными помощниками: пользователи создают каузативную ситуацию, но онтологическая каузация остаётся неизменной. Конфликт между «явной» грамматикой (ты-адресат, способный понять и выполнить команду) и «скрытой» семантикой (оно-программа, не обладающая ни волей, ни пониманием) составляет суть феномена квази-каузативности.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Разграничение каузации и каузативности имеет принципиальное значение для анализа диалогов с КП. Каузация принадлежит сфере онтологии, каузативность – сфере языковой интерпретации. Пользователь создаёт каузативную ситуацию, но онтологическая каузация остаётся прежней (КП – машина). Конфликт между грамматической формой и онтологическим статусом референта создаёт пространство для антропоморфной проекции. Концепция «скрытой грамматики» Кацнельсона позволяет объяснить, почему пользователи обращаются к КП как к одушевлённому лицу, даже если семантически это не оправдано. Грамматическая форма императива, обращённая ко 2-му лицу, «заставляет» адресата восприниматься как одушевлённый собеседник, способный к пониманию и выполнению воли.

Русский конструктик предоставляет систематизированный инструмент для анализа устойчивых синтаксических моделей, в которых каузативная семантика выражена имплицитно. Конструкции типа «*хватит с меня*», «*так себе*», «*не умничай, а ответь*», «*меня прорвало*» регулярно воспроизводятся в диалогах с КП и выполняют каузативную функцию. Эмоциональная коммуникация с ИИ не является хаотичной. Пользователи, даже в состоянии фрустрации, опираются на устойчивые, кодифицированные в языке конструкции. Это подтверждает гипотезу о переносе моделей межличностного общения в сферу человеко-компьютерного взаимодействия.

Проведённое с привлечением новых данных из открытых чатов исследование позволяет уточнить природу квази-каузативности. Пользователи обращаются к «скрытой грамматике» (конструкциям «*не умничай*», «*ты чё, не видишь*», «*представь, что ты учитель*») не только

и не столько из-за когнитивной ошибки, сколько из-за противоречия языкового интерфейса и технической реализации. Язык, в отличие от кода, не терпит пустоты: если КП использует личные местоимения («я», «мне жаль») и модели вежливости, языковая система автоматически наделяет его интенциональностью, вступая в конфликт с онтологией. Этот конфликт разрешается через антропоморфную проекцию, когда пользователь, как в древних мифах, оживляет машину силой своего гнева или просьбы. Устойчивые конструкции в диалогах с ИИ работают как способ «очеловечить» ответ машины. Они снимают противоречие между грамматикой 2-го лица и реальным положением дел. Перспективы исследования связаны с расширением корпуса за счёт других языков и сопоставительным анализом каузативных конструкций в разных лингвокультурах, а также с диахроническим срезом для выявления эволюции стратегий взаимодействия с КП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: URSS, 2016. 208 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. О семантике некоторых каузативных конструкций в русском языке: аспект, контроль и типы каузации // *Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science*. 1997. Т. 153. Р. 97–113.
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
5. Падучева Е.В. Принцип композиционности в неформальной семантике // *Вопросы языкознания*. 1999. № 5. С. 3–23.
6. Рец Н.И., Губанов А.Р. Категория причинности: каузальная и каузативная связи // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 1. С. 101–105.
7. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М.: Азбуковник, 2005. 302 с.
8. Сюткина Н.П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь: ПГНИУ, 2020. 176 с.
9. Шустова С.В. Семантико-синтаксическая характеристика каузативной ситуации // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2008. № 23 (124). Вып. 24. С. 170–174.
10. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2021. 248 с.
11. Шустова С.В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // *Мир русского слова*. 2025. № 3. С. 4–13.
12. Шустова С.В., Смирнова Е.А., Ошева Е.А. Systemacity and categorisation in functioning of verbs // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2015. № 1. С. 45–52.
13. Эндресен А.А., Жукова В.А., Мордашова Д.Д., Рахилина Е.В., Ляшевская О.Н. Русский конструктик: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*. Т. 19. М.: РГГУ, 2020. С. 241–255.
14. Janda L.A., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E.V., Tyers F.M. A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps // *Constructicography: Constructicon development across languages* / ed. by B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T.T. Torrent. Amsterdam: John Benjamins, 2018. P. 165–181.
15. Shibatani M.A. Grammar of Causative Constructions: a conspectus // *Syntax and Semantics*. 1976. Vol. 6. P. 1–22.

© Куделько Татьяна Анатольевна (Pray-1977@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ

Мокаева Ирина Рамазановна

Кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова, (г. Нальчик)
imokaeva@yandex.ru

THE ETHICAL CONCEPTOSPHERE OF THE KARACHAY-BALKAR LINGUOCULTURE: LEXICAL REPRESENTATIVES

I. Mokaeva

Summary: The article is devoted to identifying the range of basic concepts that form the ethical conceptosphere of the Karachay-Balkar linguistic worldview (LWV). The moral and spiritual experience of the ethnic group is expressed in its ethics; studying the linguistic transformation of this experience allows us to reconstruct the "soul" of the people, the stereotypes of their thinking and behaviour, and the deep layers of national culture. This is particularly relevant in the context of contemporary linguistic research aimed at studying linguistic phenomena within a cultural framework.

As a conclusion, the thesis is formulated that the Karachay-Balkar moral and ethical conceptosphere is formed by universal and specific concepts. These concepts concentrate "clusters" of culture — national values, thinking patterns, traditions, and customs.

Keywords: ethical concepts, ethical conceptosphere, linguistic worldview, Karachay-Balkar language, ethnoculture.

Аннотация: Статья посвящена определению круга базовых концептов, образующих этическую концептосферу карачаево-балкарской языковой картины мира. Нравственно-духовный опыт этноса выражен в его этике, изучение языковой трансформации которой позволяет реконструировать «душу» народа, стереотипы его мышления и поведения, глубинные слои национальной культуры, что особенно актуально в аспекте современных лингвистических исследований, направленных на изучение языковых явлений в контексте культуры. В качестве вывода формулируется тезис о том, что карачаево-балкарскую нравственно-этическую концептосферу образуют универсальные и специфические концепты, в которых в концентрированной форме аккумулированы «сгустки» культуры — национальные ценности, стереотипы мышления, традиции и обычаи.

Ключевые слова: этические концепты, этическая концептосфера, языковая картина мира, карачаево-балкарский язык, этнокультура.

Как известно, нравственно-духовный опыт этноса выражен в его этике, изучение языковой трансформации которой позволяет реконструировать «душу» народа, стереотипы его мышления и поведения, глубинные слои национальной культуры, что особенно значимо в аспекте современных лингвистических исследований, направленных на изучение языковых явлений в контексте культуры. Этическая концептосфера как разновидность макрокультурной концептосферы является собой многокомпонентную совокупность этических концептов (ЭК), выраженных в специфичных конфигурациях, репрезентирующих особенности мировосприятия носителей соответствующих культур.

Цель работы заключается в определении круга базовых концептов и их лексических репрезентантов, образующих этическую концептосферу карачаево-балкарской языковой картины мира (ЯКМ).

Задачи исследования предполагают трактовку понятия «этический концепт» как вида культурных концептов и фрагментов языковой картины мира; определение лексических репрезентантов этической концептосферы карачаево-балкарской лингвокультуры.

Как известно, ЭК культурно обусловлены и рождаются при определенных социально-исторических условиях на конкретном этапе развития этнической общности в процессе взаимного общения людей и отображаются в коллективных и индивидуальных представлениях. Коллективные представления о должном, правильном, необходимом, желательном преломляются в сознании языковой личности в национальные ЭК, отражающие как универсальные, так и этнокультурные стереотипы мышления и поведения. В качестве эталона этических концептов выступает идеальная этнокультурная модель мышления и поведения, обусловленная историко-культурным опытом народа (события, укоренившиеся обычаи, традиции, нормы, верования), сформировавшегося на протяжении социального развития общества. Функциональность ЭК проявляется в регулятивной, оценочной, мотивационной, ориентирующей, предписывающей функциях.

Опираясь на лингвокультурные интерпретации концепта [1, 2, 3, 4, 8], ЭК можно определить как «этнически, культурно, ментально обусловленные, знаково оформленные фрагменты ЯКМ, абстрактные субстанции, сформировавшиеся в результате всей отража-

тельной деятельности человечества на данный момент истории его развития. ЭК включают в себя познание, знание, волевое побуждение и предстают как некие клишированные единицы индивидуального и общественного сознания, как формулы этической культуры, которые в большей или меньшей степени ассимилируются и трансформируются индивидуальной психикой человека, превращаясь в его сознании в ЭК личности» [6]. В этой связи *этическая языковая картина мира* отражает *этические компетенции* – систему сформировавшихся знаний, умений и навыков об этической культуре, предполагаемой осознание и реализацию этнокультурной и этикетной модели поведения: блокировку аморальных поступков, правильные нравственные ориентиры, а также традиционные нормы поведения, ритуалы, обычаи, традиции.

Согласно научным дефинициям, понятие *этика* определяется как мораль, совокупность нравственных правил, принципов и норм поведения [12, 13, 14], репрезентируемая в карачаево-балкарском языке многозначными лексическими единицами *адеп* «нравственность, мораль» (*адепге келишмеген* «неэтичный»; *адеп юйретиу* «нравовучение»; *адепни (адеплиликни) жорукълары* «моральные принципы, нравственные устои, моральный кодекс (закон)»; *адеп* «обычай, традиция»; *намыс* «нравственность; нормы поведения; хорошее воспитание; порядочность, воспитанность»; *къылыкъ* «нрав, склонность, обычай»; *жорукъ* «норма, правило, поведение» (*жоругъуна сакълагъан къыз* «девушка хорошего поведения»). Границы этического определяются в категориях *хорошо – плохо, можно – нельзя, дозволено – не дозволено, красиво – некрасиво*.

Этическая концептосфера карачаево-балкарской лингвокультуры представляют собой многокомпонентную упорядоченную систему, образуемую следующими ключевыми концептами.

1. Концепты, регулирующие внутренние побуждения человека, связанные с базовыми духовными ценностями жизни

Концепт **«намыс»** как ядро этической концептосферы. Доминанты номинативного поля - 1) нравственность; нормы поведения; хорошее воспитание; порядочность, воспитанность (*аламат намысы болгъан адам* «человек высокой нравственности; хорошо воспитанный человек»; *намысны жорукълары* «правила этики»); 2) честь; достоинство; совесть (*намысынгы жойма* «не роняй свою честь»; *намысынгы сакъла* «береги свое достоинство»; *намыснга жарамгъанни этиу* «сделка с совестью, поступок против собственных убеждений»; *намыс эт* «уважать, чтить»; *намысы жюрюген* «уважаемый, чтимый»; *намысын кёр* «уважать, чтить»); 3) уважение, почтение; приличие, учтивость (*сени намысынгы этип* «из уваже-

ния к тебе»; *намысын керюу* «учтивость») [3, с. 480; 10, с. 978-979]; 4. авторитет, влияние, престиж (*намысын кётюр* «поднимать авторитет»).

Данный концепт является этноспецифичным феноменом кавказской культуры.

Концепт **«совесть»**. Ядро концепта образуют понятия, репрезентированные лексемами *уят* «совесть; позор, стыд, срам» [11, с. 735]; *бет* «совесть, стыд» (перен.) [8, с. 402], *намыс* «честь, достоинство, совесть» [10, с. 978], *ыйлыкъ* (къарач.) «стыд, совесть» [11, с. 1018], *тыйгъы* «чувство меры, совесть» (*тыйгъысы болмагъан адам* «человек, на знающий удержу (меры); человек без совести»; *адамны тыйгъысы болургъа керекди* «человек должен обладать чувством меры; у человека должна быть совесть») [3, с. 658].

Концепты **«стыд», «позор»**. Репрезентантами выступают лексемы *айып, беиш, ыйлыкъ* (карач.) [7, с. 612].

Концепты **«добро, благодеяние»** - **«зло»**. Вербализаторами добра и благодеяния являются лексические единицы *огъур, огъурлукъ, ахшылыкъ, игилик* [10, с. 1013, 1015; 9, с. 251; 10, с. 66], зла – *аманлыкъ* [9, с. 150].

2. Концепты, связанные с нравственными поступками и регулирующие половозрастные, межкультурные и социальные взаимоотношения.

Концепт **«честь»**. Ядро репрезентации - лексемы *сый* «честь; авторитет, престиж; честь, достоинство (*сый бер* «уважать, чтить», *сыйын кёр* «уважать, чтить», *сыйынг бла* «с честью») [3, с. 580; 11, с. 250]; *сыр* «честь; репутация» [3, с. 586]; *къыймат* уст. честь, почет, достоинство [3, с. 439]. Выражения *сыйынгы сакъларгъа* и *намысынгы сакъларгъа* «беречь свою честь», *элни сырын сакъла* и *элни намысын сакъла* «береги честь своего села» могут употребляться как синонимы.

Концепты **«уважение, почет»**. Доминанта поля - лексемы *хурмет* «почет, честь; уважение» (*хурмет этерге* «воздавать честь»; уважать; ср. *намыс этерге* «оказывать уважение») [3, с. 713]; *бетлик* «честь, почет, уважение» [9, с. 406], *сый* «уважение, честь, почтение» (*сый бер* «уважать, чтить»; *сыйын кёр* «уважать, чтить»; *сыйы тюшдю* «унизиться, лишиться чести, потерять уважение») [3, с. 580; 11, с. 250].

Концепт **«человечность»**. Вербализатором выступает лексема *адамлыкъ* «человечность, гуманность; порядочность; достоинство, честь (*адамлыкъдан чыкъ* «потерять человеческий облик в знач. честь, совесть»; *адамлыкъ эт* «проявить человечность в знач. доброту») [9, с. 50].

Концепт **«сдержанность»**. Ядро концепта образуют понятия, репрезентированные лексемами *басымлы-*

лыкъ «выдержка, сдержанность; самообладание» [10, с. 347]; *тёзюм* «терпение, выдержка»; *тёзюмлююк* «терпеливость, выдержанность» [11, с. 479-480]; *сабырлыкъ* «выдержка, спокойствие, уравновешенность, сдержанность» [11, с. 17]; *чыдамлыкъ* «терпение, выдержка, стойкость» [11, с. 940].

Концепты, связанные с осознанием долга и ответственности, проявляемые в отношении личности к обществу, людям, семье, высшим сверхъестественным силам.

Концепты «**долг**», «**обязанность**» как осознание своей ответственности перед кем-либо или чем-либо, вербализуемые лексемой *борч*. В РКБС: долг [обязанность] – *борч*

[7, с. 147], обязанность – *борч, къуллукъ, жумуш* [7, с. 157].

Таким образом, карачаево-балкарскую нравственно-этическую концептосферу образуют универсальные и специфические концепты, в которых в концентрированной форме аккумулированы «сгустки» культуры – национальные ценности, стереотипы мышления, традиции и обычаи. Перспективным направлением дальнейшего исследования является расширение эмпирического материала, более детальное изучение этических концептов, их иерархии. Закономерная динамика этических концептов как результат естественных социально-культурных изменений также открывает новые исследовательские перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. — Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. — С. 3–16.
2. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 75–80.
3. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. чл.-корр. АН СССР Э. Р. Тенишева, Х.И. Суюнчева. — Москва: Рус. яз., 1989. — 832 с.
4. Кольцова Ю.Н. О структуре концепта как категории культурологии / Ю.Н. Кольцова // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / под общ. ред. Н.К. Гарбовского. — Москва: МГУ, 2001. — С. 5–20.
5. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. — Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.
6. Мокаева И.Р. Этические концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мокаева Ирина Рамазановна. — Нальчик, 2004. — 22 с.
7. Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х.И. Суюнчева, И.Х. Урусбиева. — Москва: Сов. энциклопедия, 1965. — 744 с.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Академический проект, 2001. — 990 с.
9. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3 т. Т. 1 / под ред. Ж.М. Гузеева. — Нальчик: Эль-Фа, 1996. — 1016 с.
10. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3 т. Т. 2 / под ред. Ж.М. Гузеева. — Нальчик: Эль-Фа, 2002. — 1171 с.
11. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3 т. Т. 3 / под ред. А.А. Жаппуева. — Нальчик: Эль-Фа, 2005. — 1159 с.
12. Этика // Большая российская энциклопедия. — URL: (дата обращения: 19.05.2026).
13. Этика // Новейший философский словарь. — URL: (дата обращения: 19.05.2026).
14. Этика // Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. — Москва: Советская энциклопедия, 1960–1970. — URL: [электронный адрес] (дата обращения: 19.05.2026).

© Мокаева Ирина Рамазановна (imokaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИМЕРОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛЫ О. ГЕНРИ «ПИМИЕНТСКИЕ БЛИНЧИКИ»)

SYSTEMATIZATION OF EXAMPLES OF ARTISTIC MEANS OF EXPRESSION (BASED ON O. HENRY'S SHORT STORY "PIMIENTA PANCAKES")

**S. Semenova
A. Zhandarova**

Summary: The article is focused on the linguistic analysis of O. Henry's short story text "Pimienta Pancakes" in two languages. The purpose of the work is to study the artistic expressive means used in the text and to compare the original work in English with the translation version into Russian. To achieve the goal, the following tasks were set: 1) to identify artistic expressive means; 2) to calculate and systematize the identified examples of artistic expressive means; 3) to analyze and evaluate the data obtained. The result of the work is the identification of tropes used in English language and their features, as well as an analysis of the Russian translation. The conducted linguistic analysis of the chosen short story demonstrates the transformation of artistic expressive means in the process of interlingual transmission and shows the versatility of the forms of text construction. The difficulties of translation are compensated by an active interpretation of the original work, thereby the translator introduces his own stylistic solutions, enriching the text with new elements and strengthening the descriptive function of the writer's story.

Keywords: O. Henry, text, "Pimienta pancakes", language, translation, original, artistic means of expression, classification, analysis.

Семенова София Новиковна

Кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Кубанский государственный университет, (г. Краснодар)
sofiya.semenova75@yandex.ru

Жандарова Анна Витальевна

Кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Кубанский государственный университет, (г. Краснодар)
vi_ri@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена лингвистическому анализу текста новеллы О. Генри «Пимиентские блинчики» на двух языках. Цель работы состоит в изучении применяемых в тексте художественных средств выразительности и в сопоставлении оригинала произведения с переводом на русский язык. В работе решены следующие задачи: 1) выделить художественные средства выразительности; 2) произвести подсчет и систематизацию выявленных примеров средств выразительности; 3) дать анализ и оценку полученным данным. Результатом исследования является определение применяемых в английском языке троп и их особенностей, а также анализ перевода на русский язык. Проведенный лингвистический анализ новеллы демонстрирует трансформацию художественных средств выразительности в процессе межкультурной передачи и показывает многогранность форм построения текста. Трудности перевода компенсируются активной интерпретацией оригинала, так как переводчик вносит собственные стилистические решения, обогащая текст новыми элементами и усиливая описательную функцию работы писателя.

Ключевые слова: О. Генри, текст, «Пимиентские блинчики», язык, перевод, оригинал, художественные средства выразительности, классификация, анализ.

Введение

О. Генри (Уильям Сидни Поттер) – американский писатель коротких рассказов, подаривший миру свыше 600 произведений. В начале своего писательского пути Уильям преодолел смерть матери, жены и дочери. Несмотря на потерю родных и близких и постоянную критику его работ, сын врача и потомок голландских колонистов навсегда вписал себя в историю как автор юмористических новелл, чье мастерство и талант признаны всем литературным сообществом. Так «Американский Чехов» влюбил читателей в свои рукописи благодаря оригинальному и захватывающему сюжету. Герои О. Генри – в основном бедняки, выходцы из низов, пытающиеся всеми правдами и неправдами выбиться из нищеты. Несмотря на доброту и даже благородство,

им часто приходится прибегать к мелким аферам, которые автор преподносит читателю в свойственной ему манере. «Сердце Запада» – сборник, изданный в 1907 г, повествующий о жизни на американском Западе конца XIX – начала XX века. Одной из таких приключенческих новелл стало произведение «Пимиентские блинчики», которую мы выбрали в качестве материала для данного исследования.

Итак, цель данного исследования: изучение применяемых в тексте произведения художественных средств выразительности и сопоставление оригинала произведения с переводом на русский язык.

Решены такие задачи как: 1) распределение найденных в тексте примеров лексики по видам художествен-

ных средств выразительности; 2) построение итоговой диаграммы на основе полученных результатов.

Следующие методы были применены в процессе научного исследования: 1) сплошная выборка примеров художественных средств выразительности в двух вариантах текста произведения; 2) сравнение и анализ выбранных текстов; 3) систематизация полученных данных.

Практические и теоретические положения, отраженные в проведенном анализе, можно применять в обучении литературному переводу студентов филологических факультетов и начинающих переводчиков.

Описание проведения исследования выбранного произведения

Материалом для осуществления анализа в нашей статье послужили оригинальной текст новеллы О. Генри «The Pimienta Pancakes» на английском языке [1] и его перевод «Пимиентские блинчики», выполненный профессиональным переводчиком М.В. Урновым на русском языке [2].

Исследование является продолжением комплексно-го изучения текстов произведений О. Генри на двух языках [3, С. 231–236; 4, С. 98–100].

Рассмотрение текстов и проведение лингвистиче-

ского анализа основывалось на теоретических положениях следующих ученых, использованных нами в качестве руководства в процессе данного исследования: 1) в научной статье Д.А. Алексеевой приводятся метафорические модели, выявленные ею на основе частотного использования метафорических единиц в корпусе [5, С. 190]; 2) А.А. Чугунов подчеркивает факт о том, что использование метафор связано с экстралингвистическими факторами [6, С. 168]; 3) Е.П. Казакова же в своем труде пишет о свойстве образной лексики, имеющей функцию воздействия на аудиторию [7, С. 221–226]; 4) Ю.В. Артемьева утверждает, что стилистические приемы дают возможность читателю при сравнении главных героев идентифицировать их образы [8, С. 1332–1339]; 5) в работе И.А. Геворкян дана характеристика расширенной метафоры в отношении способов ее пересмотра, при котором данный вид метафоры используется писателями художественных произведений благодаря таким стилистическим приемам как: гипербола, сравнение, ирония и т.д. [9, С. 386]; 6) Е.Д. Блохина впервые выявляет и описывает концептуальную основу сравнения в виде соответствующего фрейма, рассматривая его структуру и взаимодействие его элементов [10, С. 62–68].

При помощи сплошной выборки текстов произведения на двух языках нами были найдены примеры, а затем классифицированы по видам художественных средств выразительности, продемонстрированные в таблице (Табл. 1).

Таблица 1.

Классификация используемых художественных средств выразительности.

Художественные средства выразительности	Оригинал «The Pimienta Pancakes» О. Генри	Перевод «Пимиентские блинчики» М. В. Урнов
Эпитет	Triangle-O cattle	Треугольник-О
	dead mesquite	сухой мескит
	wooden stirrup	деревянное стремя
	compulsory idleness	вынужденное безделье
	conversational fire	разговорный обстрел
	camp cook	лагерный повар
	maternal pantry	источник горьких сожалений
	deep as first love	сладостны, как первая любовь
	menacing attitude	угрожающая поза
	light blue eyes	блестящие голубые глаза
	antelope steak	антилопия отбивная
	cold suspicion	подозрительный взгляд
	fruit canning industry	фруктово-консервная промышленность
	excessive choler	сдержанный гнев
	pancake racket	подвох с блинчиками
	stack of buttered	горка масленых (блинов)

Художественные средства выразительности	Оригинал «The Pimienta Pancakes» О. Генри	Перевод «Пимиентские блинчики» М. В. Урнов
Эпитет	brown pancakes	поджаристые блины
	first crop	первый сбор
	New Orlean's sweetening	Новоорлеанская патока
	mollified	сразу смягчиться
	mysterious bags	таинственные мешочки
	tin boxes	жестяные баночки
	shade of the hackberry	в тени куста
	leisurely	не спеша
	logical disclosures	логическое несоответствие
	pink-eyed snoozer	красноглазый овчар
	aspirations	страсть как
	canned grub	консервированная кормежка
	Pimienta Crossing	Пимиентская переправа
	fruit crop	урожай фруктов
	bag of crackers	мешок сухарей
	long-handled spoon	ложка с длинной ручкой
	yellow clings	желтые крышки
	twenty-four-inch spoon	двадцатичетырехдюймовая ложка
	imported girl	неизвестная девушка
	fixings on	в полном снаряжении
	croquet maul	крокетный молоток
	Holy Land	святая земля
	canned fruit	фруктовые консервы
	free-grass pasture	свободное пастбище
	cordiality	таким манером
	Birdstone Jack	Птицсон Джек
	Sheep Man's	Шелудивый осел
	cow pony	ковбойский конь
	Latin grammar	латинская грамматика
	most cowmen	другие ковбои
	finest Merinos	лучшие мериносы
	let'em live	по доброте своей
	sheep person	овечья персона
	sprightful and sagacious for a while	(перебрасываться) игривыми и хитроумными фразами
	mutton ranch	баранье ранчо
	feathered Jackson	окрыленный Джексон
	yellow silk handkerchief	желтый шелковый платок
	Dead-Moral-Certainty Judson	Джексон верная смерть
	young tarantula	молодой тарантул
	dead limb	сухой сук
	forty-five	сорокапятикалиберный револьвер

Художественные средства выразительности	Оригинал «The Pimienta Pancakes» О. Генри	Перевод «Пимиентские блинчики» М. В. Урнов
Эпитет	nice shooting	чистая стрельба
	fine rain	хороший дождик
	palfrey	фасонная лошадь
	infatuated parents	ослепленные родители
	twittering willie	чирикающая птица
	bad habit	дурная привычка
	young ladies	молодые девицы
	toast for less	меньшие проступки
	sheep's wool	овечья шерсть
	tomtit of the jacksonian	пичужка из породы Джексонов
	funeral obsequies	похоронная процессия
	purely a gastronomical one	гастрономический интерес
	any coyote	всякий койот
	all the pleasure	единственное удовольствие
	culinary manoeuvres	кулинарные манипуляции
	golden sunshine	золотые созвездия
	old recipe	старинный рецепт
	happy man	счастливый человек
	nice girl	очаровательная девушка
	middle one of a stack	средний блин (в стопке)
	sincere	своя искренность
	being closer friends	большие друзья
	old Bill Toomey's	старик Билл Туми
	passed a gratifying evening	мило провели вечерок
	sang some	порядочно потерзать
	rattlesnake	гремучая змея
	new way	новый способ
	wheedling smile	льстивая улыбка
	getting along	взаимное расположение
	red steer	рыжий бык
	green grass	зеленая трава
	nice hot pancake	хороший горячий блинчик
	sugar-house molasses	паточная смазка
	looked at me curious	странно посмотреть
	family receipt	фамильный рецепт
	wagon wheels	фургонные колеса
	sideways look	боковым взглядом
	family feud	фамильная вражда
	rid too far to-day	много ездить верхом
	not as apprised	не ахти как осведомлен
	little dough	немного теста

Художественные средства выразительности	Оригинал «The Pimienta Pancakes» О. Генри	Перевод «Пимментские блинчики» М. В. Урнов
Эпитет	pancake specifications	блинчиковая спецификация
	frivolous remarks	пустяковые замечания
	prairie dog	луговая собачка
	jookalorum	талисман
	discouraged in his pronunciations	отчаяние в голосе
	lonely ranch	одинокое ранчо
	good	замечательный
	peacefullest of terms	наимирнейшие отношения
	sandy-haired snoozer	рыжий заморыш
	that receipt	заветный рецепт
	sort of remote and fidgety about the eye	туманность и беспокойство
	store with a fine bunch	большущий букет
	blue verbenas	голубая вербена
	wild flowers	дикие цветы
	Poisoned Dog Prairie	Отравленная собака
	left-hand shirt pocket	верхний левый карман
	wedding tour	свадебное путешествие
	that day	тот самый день
	natural cognitive instinct	природные мыслительные способности
	pink-eyed snoozer	красноглазый овчар
	gone and humbugged you	малость одурачил
	rich-hued pancakes	румяные и пышные блинчики
	tin plate	оловянная тарелка
	secret hoarding	секретное хранилище
	excellent butter	превосходное масло
	golden syrup	золотой сироп
	amous recipe	знаменитый рецепт
	peanut hull	ореховая скорлупа
	menacing attitude	угрожающая поза
	seeing arrangement	зрительное приспособление
	many strings	многочисленные мешочки
Метафора	conversational fire	разговорный обстрел
	manna	манна небесная
	desert of Jud's obmutescence	пустыня вынужденного молчания
	wild with all regret	источник горьких сожалений
	deep as first love	сладостны как первая любовь
	busted into the game	втесаться в игру
	swap of buttered brown pancakes	променять на горку масленных поджаристых блинчиков
	untie their many strings	развязывать многочисленные мешочки
	pushes the wind	лететь в лавку
	devastation of the fruit crop of the world	мировому урожаю грозит гибель

Художественные средства выразительности	Оригинал «The Pimienta Pancakes» О. Генри	Перевод «Пиминентские блинчики» М. В. Урнов
Метафора	feeling like Adam before the apple stampede	чувствовать себя, как Адам до скандала с яблоком
	working with my twenty-four-inch spoon	орудовать своей двадцатичетырехдюймовой ложкой
	thoughts milling some	мысли сбились в кучу
	get all left-handed	становиться вдруг паралитиками
	roping a one-year-old	заарканивать однолетку
	counter by the bridle while	держат прилавок под уздцы
	my bronc's ear	своя малышка
	sand into boots	сыпать за голенища песок
	unthinking hands	безрассудные руки
	soliloquised a quantity	произносить монологи
	let'em live	давать дышать
	sheep person	овечья особа
	flies up in his saddle	взлетать на седло
	trots off	трусить
	shoes tied up in bowknots	в башмаках с ботинками
	flapjacks	румянчики
	unpinned myself from the prickly pear	отщепиться от кактуса
	soubriquet Dead-Moral-Certainty	кличка «Верная Смерть»
	Dead-Moral-Certainty Judson	Джедсон верная смерть
	shake hands with ghosts	пожимать руку покойнику
	seem to draw fire	садиться на пули
	moulted into a twittering Willie	выродиться в чирикающую птицу
	the Jacksonian branch of ornithology	из породы Джексонов
	to gallop up	галопом наскочить
	all the pleasure	единственное удовольствие
	honey-browed by the ambrosial fires of Epicurus	подрумяненные на амброзийном огне Эпикура
	you stick to pancakes	приставать к блинчикам
	culinary manoeuvres	кулинарные манипуляции
	that it ain't the hand that mixes the pancakes that you're after	гоняться не за ручкой, которая месит блинчики
	making orphans of your sheep	сделать сиротами ваших овец
	fly away this time	позволить вам улететь
	there'll be singing at your ranch	на ранчо будет пение
	as close as the middle one of a stack	как средний блин к горке
	mistake sentiments for syrup	мешать подливку с сентиментами
	persuaded to migrate	совершить перелет
	I win	дело в шляпе
	hop the twig	подрезать крылышки
	wheeling smile	льстивая улыбка
	Pancakes is just whirling in my head	блинчики так и вертятся у меня в голове
	catalogue of constituents run	каталог ингредиентов
	ambled out into	рысью выбежать

Художественные средства выразительности	Оригинал «The Pimienta Pancakes» О. Генри	Перевод «Пиминентские блинчики» М. В. Урнов
Метафора	dig out of his	выманивать из норы
	to get a rope over	накинуть аркан
	sort of remote and fidgety about the eye	оттенок туманности и беспокойства в глазах
	a herd of wild flowers	стадо диких цветов
	down toward my upper left-hand shirt pocket	скользнуть к верхнему левому карману рубашки
	my hearing has got wrong	слух изменил мне
	so far as my natural cognitive instincts	растерять свои природные мыслительные способности
	we'll mix a panful of batter right here	превратиться в блинчик
	of wept, in his way	плакать по-своему
Гипербола	I never had believed in harming sheep men	за свою жизнь я не изувечил ни одного овцевода
	the birds just sit on my bullets	птицы так и садятся на мои пули
	hop the twig	подрезать крылышки
	pancakes are just whirling in my head like wagon wheels	блинчики так и вертятся у меня в голове, как фургонные колеса
	here's a family thinks a heap of cooking receipts	эта семейка здорово дорожит своими кулинарными рецептами
	that pancake receipt must be a jookalorum	этот блинчиковый рецепт – талисман какой-то
	I would say 'pancakes' she would get sort of remote and fidgety about the eye	в ее глазах появлялся оттенок туманности и беспокойства
	we'll mix a panful of batter right here	превратиться в блинчик
	be made into one	замешу из тебя оладьи
Сравнение	my thoughts were huddled together like sheep when you herd them into a corral	мои мысли сбились в кучу, как овцы, когда их загоняешь в корраль
	croquet balls were driven like cousins	гоняли крокетные шары, будто двоюродные брат и сестра
	like lassoing a yearling	словно заарканиваю однолетку
	a climate that was forty percent hotter here than in Palestine	климата, который был здесь жарче на сорок процентов, чем в Палестине
	you would pass by and look at it like a rabbit	пройдешь, бывало, мимо и поглядишь, как на кролика
	pancakes are just whirling in my head like wagon wheels	блинчики так и вертятся у меня в голове, как фургонные колеса
	'and' twas like trying to dig a prairie dog out of his hole with a peanut hull	все равно, что выманивать из норы луговую собачку ореховой скорлупой

Таблица 2.

Общие показатели примеров художественных средств выразительности.

Художественные средства выразительности	Количество примеров	Доля примеров в тексте
Эпитеты	130	10% 3% 29% 58% ■ Эпитеты ■ Метафоры ■ Гипербола ■ Сравнение
Метафоры	65	
Гипербола	21	
Сравнение	7	

Согласно данным, представленным в таблице (Табл. 1), составлена таблица (Табл. 2), в которой показано количество найденных примеров и построена итоговая диаграмма.

Выводы

Особенностью художественного текста является сильная стилистическая окраска, вследствие чего автор применяет много речевых оборотов и художественных средств выразительности. Часть подобных конструкций не применяется в современном языке, а некоторые введены самим автором для наиболее красочного повествования и достижения высокой проработанности текста. Например: *“That pancake receipt must be a jookalorum.”* – «Этот блинчиковый рецепт талисман какой-то». В произведении автор применяет данное слово как форму выражения несурзости и недействительности происходящего с героем. В результате перевода и его интерпретации на русский язык, часть введенных автором речевых конструкций была утрачена или видоизменена. В большей степени данный процесс затронул метафоры и гиперболы, что обусловлено переносным смыслом данных художественных средств выразительности. Вместе с тем, в переводе новеллы были образованы новые элементы для детализации и дополнения образов и окружения, придали динамики и эмоциональной окраски происходящему. Подобные речевые конструкции и выражения

предают тексту уникальность и создают авторский стиль повествования. Применяемая же в русскоязычном переводе интерпретация произведения служит не просто инструментом донесения мысли автора, а новой формой совместного творчества. Согласно такой синергии, текст не только не теряет заложенный в него смысл, но и сильнее раскрывается для иностранных читателей, основываясь на культурных и языковых особенностях.

Заключение

Лингвистический анализ данной новеллы продемонстрировал основные черты и особенности применения в англоязычных художественных произведениях тропов, различных языковых форм и речевых конструкций. Были выявлены ключевые художественные приемы, создающие яркие образы героев и раскрывающие персонажей. Изучение отличий в интерпретации и трактовке перевода различной информации является важным аспектом в восприятии и понимании авторского замысла. Считаем, что благодаря множеству доступных форм ее донесения и богатству обоих языков, дальнейшее изучение данного направления является актуальным, востребованным в век цифровизации и плодотворным при проведении различных научно-исследовательских работ над разнообразным массивом текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://americanliterature.com/author/o-henry/short-story/the-pimienta-pancakes/> (дата обращения: 09.01.2025).
2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.serann.ru/text/pimientskie-blinchiki-8807> (дата обращения 19.01.2025).
3. Semenova S.N. Comparative analysis of means of expression (based on O. Henry's novel "The Gifts of the Magi" in Russian and English) / S.N. Semenova, L.G. Aksyutenkova, A.A. Ryaskin // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. научн. ст., Краснодар, 10 ноября 2023 года / Гл. ред. Ю.В. Баклагова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. – С. 231–236.
4. Семенова С.Н. К вопросу о классификации терминов в тексте художественного произведения (на материале рассказа О. Генри «Вождь Краснокожих» на русском и английском языках) / С.Н. Семенова, М.И. Сивак // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: Матер. II-й Всеросс. научн.-практ. конф., Чебоксары, 17 мая 2022 года / Гл. ред. Ж.В. Мурзина. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2022. – С. 98–100.
5. Алексеева Д.А. Социально-экономическая метафора в жанрах положительного и отрицательного эмоционального воздействия / Д.А. Алексеева // Жанры речи. – 2018. – № 3(19). – С. 189–194. – DOI 10.18500/2311–0740-2018-3-19-189–194.
6. Чугунов А.А. Русскоязычный и англоязычный финансовый дискурс: метафоры как средство эмоционального воздействия на реципиента / А.А. Чугунов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 167–175.
7. Казакова Е.П. Способы усиления прозрачности внутренней формы фразеологизмов английского делового дискурса / Е.П. Казакова // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 1(22). – С. 221–226.
8. Артемьева Ю.В. Художественные особенности стиля Ф.С. Фитцджеральда на примере рассказа «Голова и плечи» / Ю.В. Артемьева, М.В. Брагин // В мире научных открытий. – 2015. – № 3–3(63). – С. 1332–1339.
9. Геворкян И.А. Способы переосмысления расширенной метафоры на примере работ современных британских авторов / И.А. Геворкян // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3(49). – С. 385–392.
10. Блохина Е.Д. Интерпретирующий потенциал фрейма сравнения / Е. Д. Блохина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 62–68. – DOI 10.20916/1812–3228-2024-1-62-68.

© Семенова София Новиковна (sofiya.semenova75@yandex.ru), Жандарова Анна Витальевна (vi_ri@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА РАССКАЗА ЛЮ ЦЫСИНЯ “THE VILLAGE TEACHER”)

Симонова Елена Петровна

Старший преподаватель, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования Тихоокеанский государственный
университет, (г. Хабаровск)
epsimonova@gmail.com

FUNCTIONS OF NUMERALS IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE ENGLISH TRANSLATION OF LIU CIXIN'S SHORT STORY "THE VILLAGE TEACHER")

E. Simonova

Summary: This article examines the functions of numerals in literary texts based on the English translation of Liu Cixin's short story The Village Teacher. The novelty lies in treating numerals as a key element of the fictional world through which two chronotopes are juxtaposed: the local, confined world of a Chinese mountain village and the global, cosmic world of an interstellar civilization. Numerals perform structure-forming and meaning-generating functions. The analysis identifies three oppositions: earthly/cosmic time, local/cosmic space, and simplicity/high technology. It is established that numerals fulfill chronotopic, characterological, symbolic, and contrast-creating functions, thereby organizing the fictional universe of the work.

Keywords: numerals, literary space, chronotope, binary oppositions, Liu Cixin, literary text, functions, symbol, contrast.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению функций числительных в художественном тексте. Исследование проводится на материале англоязычного перевода рассказа современного китайского писателя-фантаста Лю Цысиня “The Village Teacher”. Новизна исследования заключается в том, что впервые числительные рассматриваются как важнейший элемент художественного мира, через который сталкиваются два хронотопа: локальный, ограниченный мир китайской горной деревни и глобальный, космический мир межзвёздной цивилизации. Числительные в рассказе выполняют структурообразующую и смыслопорождающую функции. В результате исследования были выявлены три оппозиции: земное/космическое время, локальное/космическое пространство, простота/высокие технологии. Установлено, что числительные в художественном тексте рассказа выполняют хронотопическую, характерологическую, символическую функции и функцию создания контраста, организуя художественный мир произведения.

Ключевые слова: числительные, художественное пространство, хронотоп, бинарные оппозиции, Лю Цысинь, художественный текст, функции, символ, контраст.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики и поэтики к малым, «служебным» элементам языка (числительным, союзам, частицам), которые в художественном тексте способны обретать символическую и структурообразующую нагрузку.

В то время как изучению образной лексики (существительных, прилагательных, глаголов) уделяется значительное внимание, числительные долгое время оставались на периферии филологического анализа. Числительные преимущественно рассматриваются как нейтральные носители количественной информации. Между тем они могут быть одним из важнейших элементов конструирования художественного мира, участвуя в создании хронотопических оппозиций и реализации авторского замысла.

Основные методы анализа художественного текста были разработаны такими филологами, как А.Н. Веселовский, Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров, Д.Н. Лихачев и др., однако раз-

работка методологии описания художественного мира произведения и анализа его текстовой ткани до сих пор является актуальной проблемой как в языкознании, так и в литературоведении. Одним из решений данной проблемы является метод составления формального и функционального тезауруса, когда исследователь группирует единицы по текстовой смежности. Настоящее исследование демонстрирует, как эти два подхода позволяют по-новому увидеть семантический потенциал числительных.

Цель исследования – выявление и описание функций числительных в художественном тексте (на материале рассказа Лю Цысиня “The Village Teacher”).

Предмет исследования – лексические единицы с количественной семантикой (числительные и квантификаторы) в англоязычном переводе рассказа Лю Цысиня “The Village Teacher”, а также их роль в конструировании художественного мира текста.

Материалом исследования послужил рассказ “The Village Teacher” современного китайского писателя-фанта-

ста Лю Цысиня (Liu Cixin) в его англоязычном переводе, выполненном Адамом Ланфиром (Adam Lanphier) [1, Р. 9–42].

Теоретическую базу исследования составляют работы по семиотике и литературоведению (Лотман, 2023; Фарино, 2004), стилистике декодирования (Арнольд, 2002), коммуникативной стилистике текста (Болотнова, 2009), количественным методам описания художественного мира (Гаспаров, 1995; Левин, 1966; Ярхо, 2006), структурной антропологии (Леви-Строс, 1985) и мифопоэтике (Топоров, 1982).

Методы исследования, применяемые в данном исследовании – это, прежде всего, метод тезаурусного анализа (формальная и функциональная группировка лексических единиц); метод количественного анализа, основанный на «выявлении вероятностно-статистических данных, а также подсчете наиболее частотных, ведущих элементов текста или тех, которые интересуют исследователя» [2, С. 416]; а также структурно-семиотический метод (выявление бинарных оппозиций и их роли в конструировании художественного мира).

Справочная лингвистическая литература определяет числительное как «класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счете, кратности и совокупности» [3, С. 582]. Число, лексическим выражением которого служат числительные, является «важнейшим элементом понятийной системы человеческого мышления и в то же время одной из констант мировой культуры» [4, С. 31].

Сфера употребления числительных охватывает тексты разных функциональных стилей. Наиболее востребованы они в научных текстах, где выступают гарантом точности, необходимым для аргументации гипотез и верификации результатов. Не менее значима функция числительных в публицистике: здесь они обеспечивают фактическую достоверность и служат инструментом косвенного воздействия на аудиторию, формируя у читателя определенную оценочную позицию. В художественной литературе частотность и наличие числительных определяют авторским замыслом и выбранной художественной формой.

М.Л. Гаспаров отмечает, что если исследователю встречается что-либо в тексте несколько раз подряд, «то это не может быть случайно, а стало быть, входит в художественную структуру <...> и подлежит рассмотрению исследователя» [5, С. 15]. В тексте рассказа, выбранном нами в качестве материала исследования, наряду с квантификаторами, выражающими нечёткое количество (*many, some, not long before, several etc.*) наблюдается чрезвычайно многократное употребление лексических единиц, выражающих числовое значение. Этот факт явился основанием для возникновения вопросов о том, какие

функции выполняют числительные в тексте и какова их связь с концептуальным смыслом всего произведения.

В нашей работе мы рассматриваем художественный текст с семиотической точки зрения, то есть как многоуровневую структуру, сложный эстетический знак. Знак – это материальный объект, единство плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого). В процессе коммуникации знак замещает собой предметы, отношения или характеристики чего-либо. Семантика плана содержания художественного текста включает два аспекта: сигнификативный – связанный с идейно-тематическим наполнением художественного произведения, и денотативный – отсылающий к тому вымышленному миру, который создан автором в тексте. Этот вымышленный мир неизбежно вбирает в себя черты реального мира (этнокультурную специфику), что превращает текст в модель для осмысления действительности.

Создание вымышленных миров художественной литературы осуществляется с помощью слов человеческого языка, которые в тексте организуются в сложную семиотическую структуру – вторичную моделирующую систему (по Ю.М. Лотману) [6]. Её особенность заключается в том, что элементы естественного языка, вступающие в текст в сложные парадигматические отношения, обретают новые, несвойственные им в обычной речи значения или, как говорит Е. Фарино, «удваиваются <...> и включаются в текст произведения не столько ради их естественной лингвистической функции, сколько ради другой, моделирующей» [7, С. 29]. Так, в текстах, где создание принципиально иных миров является перво-степенной задачей автора, в этот процесс вовлекаются даже те языковые знаки, которые в обычной, нехудожественной речи, как правило, имеют нейтральную или служебную роль. Например, число «451» у Р. Брэдли или «1984» у Дж. Оруэлла перестают быть просто цифрами, а превращаются в сложные многогранные символы, воплощающие саму идею антиутопического мира. Таким образом, для воплощения авторского замысла вторичная моделирующая система активно использует весь «арсенал» языка, наделяя новыми смыслами даже его самые, казалось бы, «невзрачные» элементы.

Принципиальное значение для выявления глубинной структуры художественного мира рассказа имеют концепции бинарных оппозиций и модели мира, разработанные в рамках структурной антропологии К. Леви-Строса [8] и мифопоэтики В.Н. Топоровым [9]. Согласно этим подходам, фундаментальные противопоставления (верх/низ, правый/левый, свой/чужой, жизнь/смерть, сакральный/мирской) организуют семантическое пространство текста и культуры. Рассказ Лю Цысиня структурируется на группы таких оппозиций (земное/космическое, человеческое/нечеловеческое, простота/сложность), которые актуализируются в языковой ткани текста числительными.

В развитие семиотического подхода Е. Фарино предлагает различать лингвистический (первичный) и сверхлингвистические (вторичные) уровни организации текста. Первичный уровень строит осмысленное высказывание, подчиняясь естественным законам языка. Вторичные же уровни перестраивают его, «заставляют выдать неподвластную ему информацию» и создают модель внешнего мира [7, С. 28]. Каждый из таких уровней вносит в художественный мир своё особое членение – например, пространственные параметры членят мир на «верх/низ», предметное заполнение – на «материальное/нематериальное», грамматика — на «единичное/численное» [7, С. 37–38]. С этой точки зрения, числительные в рассказе Лю Цысиня образуют один из таких вторичных моделирующих уровней, который наравне с пространственными, временными и ценностными оппозициями участвует в конструировании художественного мира.

При описании художественного мира произведения исследователи нередко обращаются к методу частотного тезауруса. Б.И. Ярхо, основоположник отечественной количественной поэтики, подчеркивал, что частотный анализ текста служит объективной опорой, позволяющей проверять и уточнять выводы, выявляя закономерности, ускользающие при чисто качественном подходе [10, С. 883–85. Развивая идеи Б.И. Ярхо, Ю.И. Левин и М.Л. Гаспаров также обращаются к методу частотного тезауруса, при этом Ю.И. Левин формулирует фундаментальный постулат структурного анализа: «Частое – значимо, значимое – часто» [11, С. 199].

Различают два типа тезауруса. Формальный тезаурус позволяет сгруппировать языковые единицы по тематическому сходству. В выбранном нами рассказе таким тематическим сходством обладают числительные, обозначающие время, пространство, стоимость. Функциональный тезаурус группирует единицы по текстовой смежности – то есть по тем связям, которые возникают между словами в рамках данного текста или группы текстов [12, С. 275–282]. Формальный тезаурус выявляет структуру каждого из миров в отдельности, а функциональный – переходы числительных между мирами, раскрывая скрытые механизмы смыслопорождения. Как будет показано ниже, числительные в рассказе Лю Цысиня требуют обоих подходов, поскольку только их сочетание позволяет раскрыть хронологическую, характерологическую и символическую функции числительных в тексте.

В русле стилистики декодирования И.В. Арнольд и коммуникативной стилистики текста Н.С. Болотновой языковые единицы рассматриваются как средства регулятивности – инструменты, направляющие интерпретационную деятельность читателя и акцентирующие «сильные позиции» текста (заголовок, начало, конец, повторы) [13]. Числительные, обладающие способностью к повтору и семантическому контрасту, могут выполнять именно такую регулятивную функцию, структурируя чи-

тательское восприятие ключевых оппозиций текста [2, С. 343]. Сочетание всех перечисленных теоретических подходов – семиотического, тезаурусного, коммуникативно-стилистического и структурно-антропологического – позволяет системно описать семантический потенциал числительных в рассказе Лю Цысиня и выявить их роль в конструировании художественного мира произведения.

Обратимся к материалу исследования. Следует отметить, что мы рассматриваем англоязычные числительные в переводе рассказа как репрезентанты авторского замысла, поскольку переводчик, судя по наличию китайских реалий вроде фэней и юаней, стремился к сохранению семантической точности оригинала.

Основной конфликт рассказа строится на контрасте между нищетой китайской глубинки и глобальной космической угрозой. Писатель противопоставляет друг другу два разных по своему масштабу мира. Первый – микроскопический – это китайская горная деревня и ее нищие, невежественные жители. В центре этого мира находится умирающий учитель Ли, чья жизнь посвящена титанической, но почти незаметной борьбе: он пытается силой знания дать шанс деревенским детям вырваться из беспросветной бедности.

Второй мир – макроскопический: бесконечное пространство Вселенной, обитатели которой ведут межгалактическую затяжную войну на протяжении миллионов лет. За тысячелетия войны жертвами стали тысячи планет и миллиарды их обитателей. Следующими жертвами должны стать планета Земля и человечество.

Кульминацией рассказа является момент, где эти два мира сталкиваются. Знания, добытые в жалкой деревенской школе ценой жизни обычного деревенского учителя, становятся единственным аргументом человечества перед лицом внеземного разума и угрозы уничтожения. Писатель противопоставляет самоотверженность деревенского учителя Ли, даже перед смертью не оставляющего попыток обучить детей, и холодную логику инопланетной цивилизации, уничтожающей «неразумные» планеты.

По М.М. Бахтину, хронотоп (временная и пространственная организация художественного мира) является фундаментальной категорией литературоведческого анализа [14, С. 234]. В анализируемом рассказе единый художественный хронотоп конструируется на серии фундаментальных оппозиций (время земное/космическое, пространство земное/космическое, простота/сложность).

Анализ лексем с количественной семантикой в рамках оппозиции– «время человеческое/время космическое» выявляет не только разницу в масштабах, но принципиально разное восприятие времени. Земное время

представлено как биологическое и цикличное. Числительные и квантификаторы *ten years, five years, twice a week, for several years*, описывающие человеческий мир, привязаны к ритму отдельной человеческой жизни и к биологическому циклу (*His liver had begun to ache **two months later** – the cancer had spread* / Два месяца спустя его печень начала болеть – рак распространялся) (здесь и далее перевод наш – Е.П.), к учебному процессу (*We will learn about **Newton's three laws*** / Мы будем изучать три закона Ньютона) и сельскохозяйственным работам (*This year was **the fifth consecutive year of drought**, and they had had to carry water to the fields to irrigate them* / Пятый год подряд стояла засуха, и воду для полива жителям приходилось носить на поля ведрами). Квантификаторы *every day, every year* усиливают ощущение рутинной, повторяющейся борьбы: «**Every night, he sold roasted sweet potatoes for eighty fen a kilogram**» / Каждую ночь он продавал печёный батат по восемьдесят фэней за килограмм.

Космическое время представлено как стратегическое, историческое и линейное. В противоположность земному времяисчислению, числительные космического масштаба *twenty thousand years, hundreds of generations* выполняют функцию абстрагирования и обесценивания единичной жизни (*We must destroy hundreds of millions of stars in the isolation belt* / В изолирующем поясе мы должны уничтожить сотни миллионов звезд). Инопланетяне оперируют категориями существования целых цивилизаций. Промежуток в двадцать тысяч лет *twenty thousand years* для инопланетян – это «недавно», один тактический эпизод в бесконечной войне (*Historical records tell that **more than two thousand stars** went supernova in the huge battle zone, like fireworks in the black void* / Хроники свидетельствуют, что более двух тысяч звезд вспыхнули сверхновыми в огромной зоне боевых действий, подобно фейерверку в черной пустоте). Такой контраст служит драматическим приемом: судьба всей человеческой цивилизации решается существами, для которых вся письменная история Земли – лишь краткий миг, а история будущих достижений, когда земляне смогут приблизиться к инопланетному разуму, может растянуться на десятки тысяч лет (*It will be **at least ten thousand years before they attain the minimum conditions*** / Пройдет по меньшей мере десять тысяч лет).

Особого внимания заслуживают числительные, которые встречаются в противопоставленных мирах – земном и космическом. Так, числительное *five* в пределах земного мира обозначает череду засушливых лет (*the fifth consecutive year of drought*) и сумму, неподъёмную для учителя (*five thousand yuan*). В космическом же мире то же числительное *five* выступает в сочетаниях *five million warships* или *five hundred light-years*, обозначая мощь флота и астрономические расстояния. Числительное *twenty* указывает на жизненный выбор учителя (*he had chosen his own path twenty years prior*), а в космосе – на продолжительность межгалактической войны (*a war that had*

lasted for twenty thousand years). Повтор одного и того же числительного в разных семиотических плоскостях создаёт ритмический параллелизм между мирами.

Таким образом, противопоставление по земному и космическому времени не является статичным. Оно драматизирует конфликт: ограниченное во времени человеческое знание, ценное в масштабах одной жизни, оказывается единственным аргументом для спасения землян.

Анализ лексем с количественной семантикой в рамках оппозиции – «пространство локальное/пространство космическое» также выявляет разницу в величине и принципиальное различие в его восприятии. Так, в описании земного пространства числительные используются для создания эффекта тесноты, ограниченности и скудости ресурсов. Это проявляется в таких выражениях, как *four walls and a bed* / четыре стены и одна кровать, где минималистичный счет предметов обстановки рисует картину аскетичной, нищенской жизни. Конкретизация границ замкнутого мирка происходит за счет точного указания расстояния от одного места до другого: «*A kind villager propped him up and walked with him all the way to the nearest town hospital, **fifteen miles or more** on mountain roads* / Добрый сельский житель поддержал его и прошел с ним весь путь до ближайшей городской больницы, а это было пятнадцать миль или больше по горным дорогам». Такое точное указание расстояния – 15 миль – в сочетании с тяжелыми условиями (горные дороги) материализует изолированность и оторванность деревни от внешнего мира («цивилизации»), делая расстояние физически ощутимым препятствием.

Числительные также служат маркерами экономической реальности этого замкнутого мира. Бедность и выживание кодируются через конкретные, часто пугающе большие для деревенского учителя суммы и цены: стоимость лечения в 20 000 юаней (*twenty thousand yuan*) или выкуп за невесту в 1500 юаней (*fifteen hundred yuan*) становятся символами недостижимых благ. С другой стороны, микроскопические траты, такие как цена на электроэнергию 1,8 юаня за киловатт-час (*¥1.8 per kilowatt hour*), из-за которой крестьяне вынуждены рано ложиться спать, или продажа сладкого картофеля по 80 фэней за килограмм (*eighty fen a kilogram*), подчеркивают ежедневную, изнурительную борьбу за существование. Сделка по продаже насоса и генератора за 250 юаней (*two hundred and fifty yuan*) ради двух сытных обедов указывает на трагический разрыв между «помощью» извне и реальными потребностями крестьян, живущих одним днем.

Пространство космическое конструируется через астрономические цифры, которые невозможно соотносить с человеческим опытом. Расстояние в пятьдесят тысяч световых лет (*fifty thousand light-years*), стороны корабля длиной в шесть тысяч миль (*six thousand miles*) – эти

числительные теряют измерительную функцию и приобретают эстетическую, создавая образ абсолютной инаковости и пугающего величия.

Показательно, что ряд числительных закреплён исключительно за одним из двух миров и не встречается в другом. Только в описании земной жизни присутствуют такие единицы, как *eighty fen, a tenth of the surgery, two hundred and fifty yuan, half of his leg, twice a week, every night*. Эти числительные символизируют бедность (мелкие денежные суммы), физическое страдание (дробление тела), циклический быт (повторяемость действий) и хроническую недостаточность ресурсов (доля от целого). В космической жизни встречаются *fifty thousand light-years, 1.5 million warships, 137 star systems, a few atoms thick, *69012*, *1033715**, 3C. Они символизируют технологическую точность, астрономические масштабы и безличную статистику. Отсутствие пересечения между этими числительными может быть интерпретировано как принципиальное различие между земным и космическим мирами. Числительная лексика дублирует художественную изоляцию двух хронотопов, что делает само исчисление значимым элементом конструирования инаковости.

Третья оппозиция в тексте – «простота бытия/высокие технологии» – раскрывается через контрастное использование числительных для описания уровней знаний и сложности систем, которыми оперируют два мира. Анализ лексем с количественной семантикой в рамках этой оппозиции выявляет не только разницу в их масштабах, но и принципиально разный уровень сложности.

Мир людей описывается через предельно простые, школьные концепции. Кульминацией земного знания в рассказе становятся три закона Ньютона (*Newton's three laws*). Мир инопланетян, напротив, наполнен числительными, обозначающими сложнейшие технологические и военные категории. Это численности флотов (*five million warships / 5 миллионов военных кораблей; 1.5 million warships / 1.5 миллиона кораблей*), параметры тактических маневров (прыжки на расстояние *a few miles / несколько миль* и на *two hundred light-years / двести световых лет*), описания оружия и последствий битв (зона боя радиусом в *one thousand light-years / тысяча световых лет, more than two thousand stars / более двух тысяч звезд, вспыхнувших сверхновыми*). Здесь числительные становятся языком описания мощи, сложности и разрушительной силы, недоступной человеческому пониманию. Сама война, длящаяся двадцать тысяч лет (*twenty thousand years*), пять миллиардов погибших жителей (*five billion inhabitants*), описываются языком статистики, что обесценивает единичную жизнь, но возводит в абсолют масштаб катастрофы.

Контраст между мирами отчётливо проявляется и в типологии числительных по признаку дробности / цело-

численности. В земном мире регулярно встречаются дробные и десятичные величины: *half of his leg* (половина тела как следствие насилия), *¥1.8 per kilowatt hour* (десятичная дробь в цене электричества), *a tenth of the surgery* (десятая часть суммы, недоступной учителю). Эти формы отражают несовершенство, дефицит и незавершённость человеческого существования – мир, в котором ничего не даётся целиком, а любое целое приходится делить. В космическом мире, напротив, безраздельно господствуют круглые и целые числа: *10 million warships, 2 thousand stars, 5 thousand stars, a billion-year journey*. Дробы и десятичные дроби здесь полностью отсутствуют. Такая числовая «чистота» символизирует абсолютную власть внеземной цивилизации над хаосом – возможность измерять, классифицировать и уничтожать без остатка. Как отмечал В.Б. Шкловский, художественный приём «остранения» заключается в том, чтобы вывести вещь из автоматизма восприятия, заставить читателя увидеть привычное как незнакомое [15, С. 12]. Столкновение дробного человека и целого космоса выполняет в рассказе именно эту функцию: контраст между микро- и макро-числами заставляет читателя заново осмыслить ценность малого и несовершенного перед лицом бесконечно полного и абсолютно упорядоченного.

Таким образом, числительные в рассказе Лю Цысиня выступают как структурообразующий и смыслопорождающий механизм и выполняют целый комплекс функций: разграничивают и противопоставляют земной и космический хронотопы по параметрам времени и пространства (хронотопическая функция), служат для характеристики персонажей и цивилизаций через масштаб оперируемых ими величин (характерологическая функция), числительные становятся символами знания, нищеты и космического равнодушия (символическая функция) и реализуют основной идейный конфликт рассказа (функция противопоставления вымышленных миров).

Проведённое исследование показало, что обращение к формальному (группировка по тематическому сходству) и функциональному (группировка по текстовой смежности) тезаурусам позволяет выявить в лексике рассказа не просто набор количественных показателей, а сложную систему смысловых оппозиций. Как писал Е. Фарино, «структура – не форма и не содержание, а динамический механизм порождения системности, а этим самым – и информации» [7, С. 47]. Числительные в рассказе Лю Цысиня конструируют систему смысловых оппозиций. Они организуют художественный мир произведения и являются важнейшим элементом вторичной моделирующей системы, в которой столкновение разных порядков чисел указывает на главную гуманистическую идею произведения: знание, даже самое элементарное, передаваемое из поколения в поколение, оказывается единственным спасением человечества от гибели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Liu Cixin. To Hold Up the Sky / transl. by Adam Lanphier. — New York: Tor Book, Published by Tom Doherty Associates, 2020. — 400 p.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие / Н.С. Болотнова. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 520 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР; гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 682 с.
4. Приемышева М.Н. Количественные числительные в современном русском языке. Семантика и функционирование: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. — СПб., 1999. — 24 с.
5. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. — СПб.: Азбука, 2001. — 480 с.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М.: АСТ, 2023. — 384 с.
7. Фариню Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 639 с.
8. Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. — 536 с.
9. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Советская энциклопедия, 1982. — Т. 2. — С. 161–164.
10. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: избранные труды по теории литературы. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 928 с.
11. Левин Ю.И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Структурная типология языков. — М.: Наука, 1966. — С. 199–209.
12. Гаспаров М.Л. Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. — М.: Новое литературное обозрение, 1995. — С. 275–285.
13. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.
14. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 234–407.
15. Шкловский В.Б. Искусство как приём // Шкловский В.Б. О теории прозы. — М.: Советский писатель, 1983. — С. 9–25.

© Симонова Елена Петровна (epsimonova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБОБЩАЮЩИЕ УТВЕРЖДЕНИЯ В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОДРОСТКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д.Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)

Степанова Ольга Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент, Всероссийская
академия внешней торговли, (г. Москва)
Stepanova_Olg@vavt.ru

GENERALIZED STATEMENTS IN THE MONOLOGUE OF AN ENGLISH-SPEAKING TEENAGER (BASED ON J.D. SALINGER'S NOVEL "THE CATCHER IN THE RYE")

O. Stepanova

Summary: The article examines such statements of the protagonist of D. Salinger's novel, 17-year-old Holden Caulfield, where the subject or predicate or both main members of the sentence are devoid of a reference index. The elements of generalization are the adverbs "always", "never", "ever", the plural subject, the pronouns "they", "nobody", "everyone", which makes statements generalized. Generalized statements appear in the context of the formation of the emotional and cognitive sphere of a teenager, when a teenager becomes capable of building abstract logical constructions, including generalization of their experience, but lacks experience because of the young age. Generalized statements are studied in the context of the main character's monologues addressed to the ideal listener. The examples for analysis were obtained by continuous sampling and four groups were formed: 1) Holden's generalized statements about his own habits and his own behavior; 2) generalized statements about the habits and behavior of other people familiar to him; 3) generalized statements about the similarity of what people familiar to Holden do to other people's behaviour, to people in general; 4) generalized statements about inanimate objects and phenomena. The article concludes that such statements can be the natural sign of the cognitive development with elements of generalization making statements. Examples of excessive generalization appear when the teenager is clearly contrasting himself with groups of people and people in general, and in the statements of the fourth group, which are formulated as truths, which conveys the maximalism of youthful views. In all generalized statements, there is a focus on the teenager's own feelings and emotions, even if he is talking about other people or inanimate objects, which reflects the teenager's ability to reflect and interest in self-discovery.

Keywords: abstract-theoretical thinking in adolescence, generalized statements in teenage speech, reference index, reflection in adolescents.

Аннотация: В статье исследуются такие утверждения главного героя романа Д. Сэлинджера, 17-летнего Холдена Колфилда, где подлежащее или сказуемое или оба главных члена предложения лишены референтного индекса. Элементами генерализации являются наречия «always», «never», «ever», подлежащее в форме множественного числа, местоимения «they», «nobody», «everybody», что делает высказывания обобщающими. В статье развивается тезис о том, что обобщающие утверждения в подростковом дискурсе появляются в условиях становления эмоциональной и когнитивной сферы старшего подростка, когда способность к абстрактно-логическим построениям, и в том числе к обобщению своего опыта, накладывается на его недостаточность. Обобщающие утверждения рассматриваются в контексте подростковых монологов, адресованных идеальному принимающему слушателю. Примеры для анализа были получены путем сплошной выборки и составили четыре группы: 1) обобщающие утверждения Холдена о собственных привычках и собственном поведении; 2) обобщающие утверждения о привычках, характерном поведении других людей, знакомых герою; 3) обобщающие утверждения о подобности поступков поступком конкретных людей другим людям; 4) обобщающие утверждения о неодушевленных предметах и явлениях. Примеры чрезмерного обобщения мы наблюдали среди обобщающих утверждений третьей группы, а также в четвертой группе примеров, которые формулируются как истины, что передает максимализм, категоричность юношеских воззрений. Во всех обобщающих утверждениях наблюдается фокус внимания на собственных переживаниях, даже если герой говорит о других людях или неодушевленных предметах, что отражает способность старшего подростка к рефлексии и интерес к самопознанию.

Ключевые слова: абстрактно-теоретическое мышление в подростковом возрасте, обобщающие утверждения в подростковой речи, референтный индекс, рефлексия у подростков.

Введение

Данное исследование продолжает рассматривать главного героя романа прежде всего как взрослого человека в цивилизованном обществе, старшего подростка, уже овладевшего абстрактно-логическим мышлением при недостатке личного опыта и знаний, что делает речь наукообразной, эмоциональной,

иногда «задиристой», узнаваемо «подростковой» [16], [17]. Исследуя особенности использования предложений нереального условия в речи Холдена Колфилда, мы обнаружили, что характерной чертой гипотетико-дедуктивных умозаключений старшего подростка, которые были предметом нашего анализа, являются элементы генерализации «everybody», «always», «never», «ever» и др, которыми роман в целом изобилует, что создает яр-

кий образ эмоционального, уязвимого, незащищенного, категоричного максималиста [17, с. 450]. Нам показалось интересным изучить, почему подростковый дискурс тяготеет к обобщению и как свойственное подростковому возрасту стремление к генерализации может отражаться в обобщающих утверждениях, которые являются предметом настоящего исследования. Под обобщающими утверждениями мы будем понимать утвердительные предложения, главные члены которых (оба или один) лишены референтных индексов, т.е. отсылки к конкретному опыту, человеку, явлению или предмету.

Работая над данной темой, мы пришли к необходимости разделить понятия «обобщение», «генерализация», которые в данном исследовании являются ключевыми.

Способность человека к обобщению развивается постепенно, и к старшему подростковому возрасту мышление человека становится целостным, он уже способен интегрировать, систематизировать полученную информацию [3], [13]. Никонова Л.В. констатирует, что «в подростковом возрасте речь приобретает когнитивный характер. Когнитивное развитие подростков сопровождается накоплением информации и ее последующей обработкой. Эти действия взаимосвязаны. Те учащиеся, у которых процедуры запоминания и хранения информации осуществляются лучше, имеют более полную базу знаний, которая постоянно пополняется за счет активизации интеллектуальных и моральных поисков [12, с.150]. Старший подросток способен воспринимать каждое новое лицо, объект, явление как относящиеся к определенному классу лиц, объектов и явлений, предугадывая их свойства и характеристики. Подростку становятся интересны более сложные школьные предметы, повышается общая сознательность ребенка.

Наряду с абстрактно-теоретическим мышлением, важным приобретением подросткового возраста является рефлексия, которая направляет вектор познания взрослеющего человека внутрь себя, побуждает к познанию себя в том числе через опыт взаимодействия с другими людьми [3], [5], [7], [14], [15]. В этой связи обобщающие утверждения могут подытоживать опыт наблюдения за собой и другими людьми, отражать самовосприятие подростка.

В свою очередь, под генерализацией в когнитивной психологии понимают такое обобщение, когда ограниченный или единичный опыт обобщается чрезмерно, побуждает выводить правила и строить теории. Обобщения такого рода считаются когнитивным искажением, поскольку в них компенсируется недостаток знаний и опыта или травмирующий опыт - человек «выводит общее правило или делает глобальные выводы на основании одного или нескольких изолированных инцидентов и затем оценивает все остальные ситуации, релевантные

и нерелевантные, исходя из заранее сформированных выводов» [1, с. 14]. Генерализацию наряду с другими когнитивными искажениями А. Бек относит к депрессивным нарушениям мышления, потому что «в депрессии человек структурирует опыт сравнительно примитивными способами. Его суждения о неприятных событиях носят глобальный характер. Значения и смыслы, представленные в потоке его сознания, имеют исключительно негативную окраску, они категоричны и оценочны по содержанию, что рождает крайне отрицательную эмоциональную реакцию» [1, с.14], т.е. генерализацию можно рассматривать как чрезмерное или не вполне обоснованное обобщение, часто эмоциональное и негативное.

Таким образом, можно говорить о том, что обобщение как способ познания является инструментом - подросток учится обобщать, но из-за свойственной возрасту эмоциональности может обобщать чрезмерно, уходить в генерализацию, которая в контексте искажений видится уже не как путь познания, а как полонка на этом пути, своеобразный затор, проявляющийся максималистскими и категоричными умозаключениями.

В нашем исследовании мы ставим задачей изучить структуру, содержание, прагматический компонент обобщающих утверждений главного героя.

Повествование в романе ведется от первого лица, при этом главный герой неоднократно вступает и в непосредственное общение с окружающими, однако многообразие обобщающих утверждений наблюдается именно в обращенном идеальном слушателю монологе. В таком монологе подростку нет необходимости играть ту или иную социальную роль, он свободен в своих суждениях, что позволяет рассматривать высказывания как максимально точно отражающие самовосприятие и мировосприятие подростка.

Методы

Все примеры для анализа были получены методом сплошной выборки, мы ориентировались прежде всего на наличие в предложениях маркеров генерализации, таких как наречия «*always*», «*never*», «*ever*», местоимения «*everybody*», «*anybody*», «*nobody*», подлежащее в форме множественного числа. При этом мы отмечали, в каком контексте главным героем было сказано то или иное утверждение. Полученные для анализа примеры затем были изучены на предмет того, кто или что является субъектом предложений, и это позволило разделить все многообразие обобщающих утверждений на четыре большие группы:

1. обобщающие утверждения Холдена о собственных привычках и собственном поведении;
2. обобщающие утверждения о привычках, характерном поведении других людей, знакомых герою;

3. обобщающие утверждения о подобности поступков конкретных людей другим людям:
1. утверждения, характеризующие конкретных субъектов посредством причисления их к определенному «виду», «сорт» людей, а также их разделения по каким-либо признакам (возрастным, гендерным признакам, по профессиональной принадлежности, внешности и т.д.);
2. обобщающие утверждения о поступках людей вообще;
4. обобщающие утверждения о неодушевленных предметах и явлениях.

1. Обобщающие утверждения старшего подростка о себе – о своих привычках и поведении

Работая с обобщающими утверждениями этой группы, мы обнаружили, что обобщающий характер этим утверждениям придает использование обобщающих наречий *«always»*, *«never»*, местоимения *«whoever»*. При этом сам герой остается субъектом таких утверждений, на что указывает местоимение первого лица единственного числа *«I»*:

1. I always shiver like hell when I'm drunk. (p.80)
2. I always sort of think whoever I'm necking is an intelligent person. (p.105)
3. I never care too much when I lose something. (p.89)
4. Usually, I never say crude things like that to girls. (p.133)
5. But when I'm with somebody that's corny, I always act corny, too. (p. 60)
6. I never did find out what the hell was the matter. With some girls you practically never find what's the matter. (p. 79)

Мы также обратили внимание, что часто герой тяготеет к еще большему обобщению своего опыта, расширяя его не только во временных, но и в пространственных рамках. Так, в шестом примере Холден переносит свой личный опыт на аудиторию (читателя, слушателя, людей вообще), на что указывает местоимение 2 лица *«you»*, заменяющее собой *«I»*. Одновременно происходит процесс обобщения конкретного опыта взаимодействия с Джейн, которая превращается в «некоторых девчонок».

Мы обратили внимание, что обобщающие наречия *«always»*, *«never»*, часто появляясь в речи главного героя, делают высказывания экспрессивными. Экспрессивная стилизация, которую вслед за М.Я. Блохом мы понимаем как витальную, т.е. свойственную говорящему человеку в связи с его индивидуальными, профессиональными или возрастными особенностями, выражает стремление воздействовать на слушателя [2, с.20], в т.ч. на идеального слушателя, с которым главный герой делится своей историей, наблюдениями и переживаниями – сделать

акцент, привлечь внимание. Большую экспрессию высказываниям в примерах 1,6 добавляет грубое слово *«hell»*, употребляемое для усиления значения как часть сравнения, что, по мнению исследователей, в целом характерно для Холдена [4, с. 29].

Если мы посмотрим на значения слов, обозначающих действия, которые Холден посчитал нужным обобщить и на которые, как мы выяснили, он направляет внимание идеального слушателя, то увидим, что подросток обращает внимание прежде всего на то, как он ведет себя, как это может быть воспринято (примеры 1, 4, 5), что он думает о других (примеры 2, 5), объясняет для себя свое отношение к чему-либо или кому-либо (примеры 2, 3, 4, 5, 6). Фокус внимания подростка направлен в первую очередь на себя как через призму собственных чувств, так и через призму отношений с другими людьми. Такие утверждения обнаруживают рефлексию подростка, его стремление к познанию себя, способность и желание посмотреть на себя со стороны.

Большинство обобщающих утверждений этой группы являются предложениями в форме простого настоящего времени.

2. Обобщающие утверждения о привычках, обычном поведении других людей, знакомых Холдену

В эту группу обобщающих утверждений попали прежде всего сверстники Холдена – более 60% обобщающих утверждений этой группы являются утверждения, характеризующие сверстников, а также дети и взрослые.

Ниже представлены примеры таких утверждений, в скобках указано имя человека, о котором говорит Холден. Сначала приведем примеры обобщающих утверждений о сверстниках:

1. He always made you say everything twice. (p.20) (Ackley).
2. He always put it back in the wrong place. (p.20) (Ackley).
3. He hardly ever went anywhere. (p.19) (Ackley).
4. He never sat down in a chair. Just always on the arm. (p.22) (Ackley).
5. He always looked alright, Stradlater, but you should've seen the razor he shaved himself with, it was always rusty as hell. He never cleaned it or anything. (p. 27) (Stradlater).
6. He always shaved himself twice. (p.30) (Stradlater).
7. "Hey", Stradlater said. "Wonna do me a big favour?" "What", I said. Not too enthusiastic. He was always asking me to do him a big favour." (p.27) (Stradlater).
8. Old Luce said "Certainly". He always said "Certainly". (p.143) (Luce).
9. He never said hello or anything when he met you. (p. 143) (Luce).

10. And whenever he went to the can, he always left the goddam door open and talked to you while you were brushing your teeth or something. (p. 143) (Luce).
11. He never stopped talking... he never said anything you wanted to hear in the first place. (p.124) (Harris Macclin).
12. He always said snotty things about them, my suitcases. (p.108) (Dick Slage).
13. She was always having a marvelous idea. (p.128) (Sally).
14. She was always late. (p.106) (Sally).

Обобщающий характер утверждения получают благодаря использованию обобщающих наречий *«always»*, *«everything»*, *«anywhere»* которые также делают высказывания экспрессивными. При этом высказывания могут носить констатирующий характер – во всех примерах главный герой экспрессивно резюмирует свои наблюдения за привычками знакомых ему сверстников. Можно увидеть, что не все их привычки ему нравятся, что передает лексическое значение используемых глаголов (примеры 1, 9, 11), описание своей реакции в эмфатически выделенном эллиптическом предложении (пример 7). В примерах 10, 12 неприятие выражается с помощью сниженной лексики (примеры 5,10), сленговых выражений (примеры 10, 12).

Отдельно выделим обобщающие утверждения о поступках детей, здесь, главным образом, подросток говорит о своей младшей сестре Фиби:

15. Phoebe always has some dress on ... that kills you. (p.160) (Phoebe).
16. She always listens to you when you tell her something. (p.168) (Phoebe).

Мы знаем, что главный герой любит свою младшую сестру, доверяет ей. В этих обобщающих утверждениях, где помимо наречия *«always»* появляется и обобщенное *«you»*, ярко представлен экспрессивный компонент, и положительные значения глаголов передают положительное отношение Холдена к Фиби.

Ниже представлены примеры обобщающих утверждений о привычках и обычном поведении взрослых:

17. My mother always knows it's me. (p.67) (mother)
18. He was always yelling, outside class (p.7) (Mr Spenser)
19. He hardly ever listened to you when you said something (p.10) (Mr Spenser)
20. <... > he interrupted me when I was shooting the bill. He was always interrupting you. (p.13) (Mr Spenser)
21. He always said things that way. (p.182) (Mr. Antolini)
22. They were always kissing each other a lot in public. (p.185) (The Antolinis)
23. The both were never in the same room at the same time. (p.181) (The Antolinis)

С помощью обобщающих наречий *«always»*, *«never»*, *«ever»* происходит обобщение конкретных поступков героев, при этом сами поступки остаются частной характеристикой субъектов утверждений.

В целом в примерах второй группы превалирует прошедшее время. Так, подросток использует настоящее время только в примерах 15, 16, 17, когда говорит о своей семье (сестра, мама), хотя при этом со многими взрослыми знакомыми и со многим сверстниками главный герой встречается во время своего путешествия. В контексте романа (Холден сбежал из школы-интерната) это может быть интерпретировано как стилистический приём, когда герой хочет оставить прошлое в прошлом, а с другой стороны, может быть понято как неосознанная расстановка приоритетов – важное остается с тобой, в настоящем. Обобщая свои привычки Холден, также использует настоящее время.

В целом такие обобщения есть результат наблюдений Холдена, вытекающих из достаточно тесной совместной деятельности и носят констатирующий характер, когда употребляется простая видовременная форма глагола (примеры 1–6, 8–12, 14–17, 19, 21). Эмоциональную окраску с негативной коннотацией обобщенным утверждениям придает использование продолженной видовременной формы глагола (примеры 18, 20, 22). Герой дает понять читателю, что такие поступки повторяются слишком часто, «вечно». Лексическое значение глаголов, которые описывают, те или иные поступки взрослых раскрывает видение подростком себя с позиции невозможности повлиять на ситуацию (примеры 18, 20, 22).

Примечательно, что наибольшее количество употребления продолженной видовременной формы глагола-предиката с обобщающим наречием *«always»* являют собой обобщающие утверждения о поступках сверстников и взрослых, что передает основное направление внутреннего конфликта – подростку тяжело общаться, его не понимают, не слушают, не спрашивают.

Общим для всех вышеуказанных примеров является то, что субъекты предложений – знакомые Холдену люди (одноклассники, друзья, бывшие одноклассники, сестра Фиби, мама, учителя мистер Спенсер и мистер Антолини), с которыми героя связывает конкретный опыт совместной деятельности.

3. Обобщенные утверждения о подобности поступков конкретных знакомых главному герою людей другим людям

Если выше мы рассматривали обобщенные поступки как частную характеристику конкретных субъектов, то здесь мы говорим о расширении пространственных рамок. В данной группе мы выделили две подгруппы: 1)

утверждения, характеризующие конкретных субъектов посредством причисления данных субъектов к конкретному «виду», «типу» людей, 2) обобщенные утверждения о поступках «людей вообще».

Рассмотрим примеры первой подгруппы. В скобках указаны имена людей, чье поведение, поступки, привычки видятся Холдену типичными, характерными для определенных групп людей.

1. He was the kind of a guy that hates to answer you right away. (p.36) (Ackley)
2. You take a guy like Stradlater, they never give your regards to people. (p.33) (Stradlater)
3. He was one of those guys that sort of amuse me a lot. (p. 144) (Luce)
4. You couldn't read anything with a guy like Ackley around. (p. 21) (Ackley)
5. With a guy like Ackley, you were a goner. (p.20) (Ackley)
6. Suspense is good for some bastards like Stradlater. (p. 28) (Stradlater)

Обобщающим элементом в данных утверждениях выступают сочетания «one of those...», «a guy like...», «some bastards like ...», «a sort of a ...», «the kind of a ...». Способность к индуктивным рассуждениям делает Холдена склонным классифицировать людей по их поступкам, разделяя их на «типы». Обобщенное дополнение «you» в примерах 1, 2, 3, 4 усиливает страдательную позицию Холдена, поскольку эти группы людей ведут себя неправильно, плохо по отношению к подростку. В примерах 1, 2 речь снова идет о неэффективной коммуникации. При этом, что только в примере 6 герой использует грубое выражение. Это слово не раз встречается в романе и, как отмечают исследователи, передает «сильное возмущение, негодование» Холдена при взаимодействии с неприятными ему людьми [4, с. 65], т.е. делает высказывание эмоциональным.

К этой же группе обобщающих утверждений мы отнесли обобщения Холденом людей по возрастным, гендерным признакам, по профессиональной принадлежности, внешности.

7. It's a funny thing about girls. Every time you mention some guy that's strictly a bastard ... she'll tell you he has an inferiority complex. (p.135)

Конкретное замечание Джейн обобщается Холденом до того, что так говорят все девчонки, на что указывает субъект в форме множественного числа «girls». Закономерность такого поведения герой подчеркивает обобщающим сочетанием «every time», открывающим следующее предложение.

8. <...> so, he left. Like Stradlater. All these handsome guys are the same. (p.153)

Пианист и Стрэдлейтер, незнакомые друг другу люди, объединяются в сознании Холдена, пополняя группу «всех этих смазливых парней». Элементами обобщения становится сочетание «all these handsome guys». Субъектом обобщенного утверждения становятся «все такие парни» - поступки и манеры двух человек обобщаются до группы людей.

9. That's the trouble with these intellectual guys. They never want to discuss anything serious unless they feel like it. (p. 144)

В данном примере мистер Антолини причисляется к группе «этих интеллектуальных парней». Следующее предложение имеет своим субъектом уже общность этих людей, на что указывает местоимение «they».

10. It's funny. You take adults, they look lousy when they're asleep and they have their mouth way opened, but kids don't. Kids look all right. (p. 150)

Герой разделяет людей на взрослых и детей. Поводом для подобной классификации выступает милый вид его спящей сестры Фиби и утомивший за время скитаний по негостеприимному городу мир взрослых как таковой. На обобщение указывает форма множественного числа субъектов предложений без определенного артикля, что говорит об отсутствии референтного индекса.

11. He <father>'s a corporate lawyer. Those boys really haul it in. (p.107)

Этот пример нам показался интересным тем, что помимо обобщения («father» превращается в «those boys»), мы снова видим указательное местоимение «those». Здесь мы посчитали полезным сравнить примеры 11 и 3.

В примере 11 речь идет о профессии отца Холдена, и слово «those» скорее всего подчеркивает отдаленность, а также, возможно, непонятность и сложность профессиональной деятельности «тех парней» да и в целом будущей профессиональной деятельности от того, что понятно и привычно Холдену.

В примере 3 «одним из тех парней» стал Карл Люс, бывший школьный консультант Холдена. Люс на три года старше Холдена, и Холден хотел поговорить с ним о волнующих его вопросах, но тот не откликнулся на переживания подростка и быстро ушел в раздражении. Указательное местоимение «those» скорее всего подчеркивает не разницу в возрасте, а отдаленность, чуждость, невозможность наладить контакт.

Местоимение «these», в свою очередь дает понять, что эти и подобные им люди из более близкого окружения и более понятны подростку. Так, в примере 7 речь идет о знакомых Холдена, пианист – знакомый его брата, Стрэдлейтер – сосед по комнате. В примере 8 подросток рассказывает о своем учителе литературы, к которому

относится с симпатией и уважением.

Мы обратили внимание, что подросток противопоставляет себя и «этим парням», и «тем парням», таким образом, выбор указательный местоимений в «типологии» Холдена обнаруживает противопоставление «я» - «они», характерное для подросткового мировоззрения [16, с. 7].

Обобщающие утверждения этой подгруппы являются экспрессивными высказываниями не только благодаря обобщающим элементам («never», «those guys», подлежащее во множественном числе). Обобщение реализуется в комбинации простых предложений, в т.ч. мы видим эллиптические конструкции (пример 8). При этом мысль формулируется таким образом, что в первом предложении интересующая Холдена общность людей выступает как второстепенный член предложения – объект наблюдения, а во втором – уже как субъект действия.

Мы также обратили внимание на использование в таких предложениях настоящего времени, что также делает их более общими по сравнению с обобщающими утверждениями первой и второй групп.

Во второй подгруппе мы рассмотрели обобщающие утверждения о поступках людей вообще. Такие утверждения носят еще более категоричный характер, чем обобщающие утверждения первой подгруппы. Часто они появляются без отсылки к непосредственному опыту, уже как накопленный багаж, в некоторых ситуациях мы можем наблюдать как глобально обобщается непосредственный опыт взаимодействия с конкретными людьми, в таких случаях в скобках после примера указан конкретный человек.

1. People never think anything is anything really. (p.172)
2. People are mostly hot to have a discussion when you're not. (p. 187) (Mr. Antolini)
3. People never get your message to anybody. (p.149) (the headwaiter)
4. Some people you shouldn't kid even if they deserve it. (p.74) (the blond)
5. People always think something is all true. (p.8) (farther)
6. People always clap for the wrong things. (p.84)
7. You could tell she thought it was a big deal, his being in Hollywood. Almost everybody does. Most people who've never read any of his stories. (p.86) (Lillian Simmons)
8. People are always ruining things for you. (p.87)
9. If a girl looks swell when she meets you, who gives a damn if she's late? Nobody. (p.125) (Holden himself)

Субъектами обобщающих утверждений становятся безграничные общности людей «people», «they», «everybody», «nobody». Наречия «always», «never» определяют повторяемость, закономерность поступков «людей».

Обобщающие утверждения этой группы носят ярко выраженный аксиоматичный характер, не предполагают сомнений, рассуждений. Подавляющее большинство утверждений сформулированы как правила, на что указывает настоящее простое время. В примере 4 утверждение сформулировано как рекомендации с помощью модального глагола «should». Восклицание с использованием идиоматического выражения «give a damn» в примере 6 усиливает экспрессивную нагрузку. В примере 8 продолженная видовременная форма предиката сообщает о раздражении героя и добавляет мрачной уверенности героя, в том, что дела обстоят именно так.

Подобные высказывания характеризуют подростка как максималиста и вполне попадают под определение генерализации, чрезмерного обобщения. В пользу этого наблюдения говорит также тот факт, что безграничные общности «людей» Холден наделяет не самыми положительными качествами и привычками, на что указывает анализ лексического значения сказуемых этих предложений. Как результат, в большинстве утверждений Холден снова противопоставляет себя другим, на этот раз безграничным общностям «людей»: с одной стороны, ему не нравится, что они делают (примеры 2, 3, 6, 7, 8), с другой стороны, он констатирует факты, с которыми приходится мириться (примеры 1, 5). При этом мы видим и утверждение, обобщающее личный опыт Холдена (пример 9), что, на наш взгляд, уводит подростка из страдательной позиции, поскольку он считает возможным глобально обобщить личные наблюдения за своим состоянием и реакциями.

4. Обобщающие утверждения о неодушевленных предметах и явлениях

Четвертая группа обобщенных утверждений отражает восприятие героем неодушевленных предметов и явлений.

1. Goddam money. It always ends up making you blue as hell. (p.113)
2. I sort of thought about war and all. Those war movies always do that to me. (p.140)
3. That's one nice thing about carousels. They always play the same song. (p. 210)
4. The goddamn movies. They can ruin you. I'm not kidding. (p.104)

Во всех примерах референтного индекса лишены не только предикаты, на что указывает элемент генерализации «always», но и субъекты, что выражает множественное число исчисляемых существительных («war movies», «carousels»), местоимение «they», а также дополнение, выраженное местоимением «you», что распространяет личный опыт Холдена на идеального слушателя, т.е. и на других солидарных людей.

Герой обобщает свои субъективные ощущения, перенося их на группы подобных предметов и явлений. Мы обратили внимание, что часть предложений сходны по своей структуре с обобщающими утверждениями третьей группы нашей классификации – обобщение развивается в двух предложениях, объект оценки из второстепенного члена предложения уже в форме множественного числа в первом предложении переходит в позицию субъекта во втором предложении (примеры 1,4). В примерах 2, 3 обобщенному утверждению предшествует эмфатически выделенное подлежащее, также уже обобщенное формой множественного числа, которое в последующем предложении заменяется на лишенное референтного индекса местоимение *«they»*. В результате подобные наблюдения подростка звучат как философские истины, при этом речь идет в первую очередь о собственном эмоциональном состоянии.

Так, в примере 1 речь идет о неприятном состоянии героя, что выражает прилагательное *«blue»*, усиленное сленговым выражением *«as hell»*, вулгаризмом *«goddam»*, в примерах 2 и 4 подросток сообщает о неприятном воздействии на него фильмов (*«do that to me»*, *«ruin you»*). Можно заметить, что наблюдения за своими ощущениями, чувствами является важной частью подростковой рефлексии и самопознания, при этом прослеживается позиция беспомощности.

Результаты

Итак, анализ обобщающих утверждений в монологической речи главного героя позволил сделать ряд интересных наблюдений:

1. Элементы генерализации - обобщающие наречия *«always»*, *«never»*, *«ever»* лишают предикат референтного индекса и расширяют конкретный опыт героя во временных рамках. В тех случаях, когда субъектами предложений остается сам герой или конкретные люди, обобщение остается частной характеристикой конкретных субъектов и носит констатирующий характер, если используется простая видовременная форма. Использование продолженной видовременной формы сообщает о раздражении подростка в отношении действий того или иного человека, при этом само обобщающее утверждение продолжает сообщать о качествах или поступках конкретного человека.
2. Такие элементы генерализации, как словосочетания, указывающие на подобность субъектов, на принадлежность субъекта какой-то общности (*«one of those...»*, *«one of these ...»*, *«a guy like...»*) лишают субъект референтного индекса и придают обобщающим утверждениям более общий и категоричный характер, тем более что, как правило, одновременно референтного индекса лишен предикат (наречия *«always»*, *«never»*, *«ever»*). Такие

высказывания обладают высокой экспрессивностью, однако в целом также носят в основном констатирующий характер и в большей мере отражают способность подростка к логическому анализу и обобщению своего опыта.

3. Самый общий характер носят обобщающие утверждения подобности конкретных поступков конкретных людей «людям вообще», «всем». Субъектами таких предложений выступают лишенные референтных индексов субъекты *«people»*, *«they»*, *«everybody»*, *«nobody»*. В таких предложениях предикат также лишён референтного индекса (наречия *«always»*, *«never»*, *«ever»*). В таких высказываниях часто отражается пессимистический, нигилистический настрой подростка, что позволяет классифицировать их как чрезмерное обобщение, генерализацию. Такие утверждения формулируются главным героем в настоящем времени.
4. Все элементы генерализации (обобщающие наречия, местоимения, существительные в форме множественного числа в контексте взаимодействия с конкретным лицом) делают высказывания экспрессивными, т.е. призванными акцентировать внимание на обнаруженной закономерности. Экспрессивность может усиливаться за счет грамматических средств – эллиптические предложения, развитие идеи в двух предложениях, когда в первом предложении подросток привлекает внимание к оцениваемому лицу, а в последующем предложении формулирует обобщающее утверждение о его действиях.
5. Грубые выражения, сленговые выражения присутствуют в обобщающих утверждениях незначительно – в нашем исследовании единичные случаи их использования встречаются в 16% примеров. Такие слова усиливают экспрессивность высказываний, а также могут передавать эмоциональное состояние главного героя.
6. В количественном соотношении всего 6 из предложенных примеров мы смогли отнести к первой группе обобщающих утверждений героя о своих привычках и поступках. Остальные 47 примеров являются обобщающими высказываниями о других людях или предметах и явлениях, однако и они передают потребность подростка в самопознании через логическое осмысление видимого и переживаемого. При этом чаще всего Холден говорит о сверстниках (40% от общего количества примеров) и взрослых людях, в т.ч. о людях в целом (36% от общего количества примеров). О том, что герой продолжает говорить о себе, делясь впечатлениями о других людях свидетельствуют: а) противопоставление себя другим общностям людей и людям в целом, б) фокус внимания на своих чувствах.

7. Противопоставление себя «этим парням» и «тем парням», а также более глобальное противопоставления себя «людям вообще» отражает характерный для подросткового мировосприятия максимализм и негативизм.
8. Фокус внимания на своих чувствах проявляется в том, что подросток обращает внимание на те качества и поступки других людей, предметов и явлений, которые вызывают в нём эмоциональный отклик, положительный или отрицательный - на то, что ему нравится, что его расстраивает, как он реагирует на это.

Обсуждение

Мастерство Д.Д. Сэлинджера проявилось в том, что речь Холдена Колфилда оказалась высоко аутентична, что было отмечено критиками почти сразу после выхода книги в свет. Д. Костелло, прогнозируя высокий интерес к языку романа, «задал вектор» прежде всего на изучение американского разговорной речи и молодежного жаргона 50-х годов [19]. Советский лингвист Э. Медникова также увидела в главном герое представителя всего поколения и обратила внимание на стилистические особенности речи Холдена – паразитические слова и словосочетания, повторы, отклонения от грамматической нормы, нарушение синтаксических правил [3, с. 31]. Огромное количество исследований посвящены прежде всего изучению сленга, вульгаризмов, эмотивной лексики, синонимичной лексики, метафор, идиом. Так, авторы недавнего исследования о многообразии стилевых особенностей английского языка в данном произведении приходят к выводу, что «речь главного героя, который в основном использует сленг, помогает нам понять современный мир того времени [6, с.302]. Таким образом, исследователи видят в главном герое прежде всего представителя своего времени и исследуют его речевое поведение при взаимодействии с окружающим миром, т.е. в том числе в диалогах.

Между тем, Холден Колфилд при этом остается представителем своей возрастной группы, и особенности когнитивного и эмоционального развития в подростковом возрасте ярко проявляются на уровне грамматической организации речи, поскольку подросток овладева-

ет абстрактно-теоретическим мышлением, и стремление к обобщению и чрезмерной генерализации становятся не только яркими штрихами в речевом портрете главного героя, но и в целом в речевом портрете старшего подростка [16]. Важно, что примеры для нашего анализа мы находили в монологе, обращенному к идеальному принимающему слушателю. Это внутренние размышления, где реализуется способность к рефлексии – подросток обобщает свои наблюдения, переживания, познает мир и себя в этом мире, что, по нашему мнению, делает главного героя узнаваемым современными подростками, даже если они не знакомы с социокультурными особенностями того времени.

Наши наблюдения о высокой экспрессивности подростковых суждений, о противопоставлении себя другим людям дополняют результаты предыдущих исследований [6], [8], [18].

Анализ речи Холдена Колфилда через призму его когнитивного и эмоционального развития видится важным вкладом в общую копилку исследований произведения и подростковой коммуникации в целом.

Заключение

Анализ обобщающих утверждений в речи главного героя романа позволил сделать ряд важных наблюдений, которые не противоречат результатам предыдущих исследований, но существенно их дополняют.

Обобщающие утверждения отражают склонность подростка классифицировать, систематизировать полученные в результате совместной деятельности с окружающей действительностью знания о себе и о мире, при этом вектор познания направлен в большей мере на себя. Поскольку опыт подростка ещё незначителен, а способность анализировать уже достаточно развита, утверждения подростка могут носить категоричный характер, обобщения могут быть чрезмерными и при этом представлять собой убеждения подростка, даже принципы, что является прямым проявлением юношеского максимализма, обусловленного возрастными особенностями подросткового возраста. Представляется, что наши наблюдения будут полезным для дальнейших исследований вопросов подростковой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии 195 с. // URL: <https://hmk.am/wp-content/uploads/2024/01/Бек-А-Раш-А-Шо-Б-Эмери-Г-Когнитивная-терапия-депрессии.pdf> (дата обращения 04.05.26). – Текст: электронный.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. школа, 2005. – 239с.
3. Выготский Л.С. Педология подростка. – Санкт-Петербург: Питер, 2020. – 477с – URL: Лев Выготский (Выгодский) - Педология подростка. Психологическое и социальное развитие ребенка (дата обращения 04.05.26). – Текст: электронный.
4. Галинская И.Л., Дж.С. Сэлинджер и М. Булгаков в современных толкованиях. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2015. –

- 192 с. (Серия «Humanitas»)
5. Геращенко М.А. О важности развития рефлексии в подростковом возрасте / М.А. Геращенко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 44 (282). — С. 295–296. — URL: <https://moluch.ru/archive/282/63595/> (дата обращения: 14.04.2026). — Текст: электронный.
6. Канина С.Ю., Ермолаева Е.В. Многообразие стиливых особенностей английского языка в произведении Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6–1. С. 300–303.
7. Князева Т.Н., Матюкова А.В. Динамика эмоционально-волевых качеств подростков в период возрастного кризиса // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54–6. С. 272–278.
8. Кузнецова А.А., Федорова И.В. Художественная реализация синонимического ряда с доминантой bad в романе Дж.Д. Сэлинджера The Catcher in the Rye («Над пропастью во ржи») // Гуманитарный научный вестник. 2020. №10. С. 104–110. - URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/10/KuznetsovaFedorova.pdf> (дата обращения: 10.03.2026). — Текст: электронный.
9. Медникова Э. Комментарий. Список сленговых отклонений от фонетической нормы // Salinger J.D. The Catcher in the Rye. — М.: Progress Publishers, 1968. — Р. 214–218.
10. Мелихова Н.В. Дискурсивная практика // Филология. 2020. № 1 (25). С. 19–21.
11. Назарова Л.А. «Подростковый дискурс. Автореферат кандидатской диссертации» — Омск: Институт психологии и социально-культурной работы НОУ ВПО «Восточной экономико-юридической гуманитарной академии» (Академии ВЭГУ), 2014–24 с.
12. Никонова Л.В. Развитие лексикона детей младшего подросткового возраста // Образование и наука. 2013. № 4 (103) с. 144–160
13. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. — М., 1994 - URL: Речь и мышление ребенка (дата обращения 16.06.2025) . — Текст: электронный.
14. Рапакций Б.И. Рефлексия как один из механизмов развития личности подростков // Гуманитарный вектор. 2014. № 1 (37). С. 149–153.
15. Сивакова К.В. Психолого-педагогические проблемы развития рефлексивных способностей подростков // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 134–137.
16. Степанова О.М. Особенности выражения симпатии и антипатии в английской подростковой речи (на материале художественной литературы) диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / ГОУВПО «Московский педагогический государственный университет». Москва, 2006
17. Степанова О.М. Условные предложения в монологических рассуждениях англоязычного подростка (на материале Д.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи») // Современное педагогическое образование. 2025. № 6. С. 446–451.
18. Чалова Л.В. Речевая характеристика подростка // Science Time. 2016. № 7 (31). С. 275–281.
19. Costello D.P. The language of «The Catcher in the Rye» // Grunwald H.A. (ed.). Salinger. A critical and personal portrait. — N.Y., Evanston, L.: Harper & Row, 1963. — Р. 266–276.
20. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. — Boston, Little, Brown, and Company, 1991. — 216p.

© Степанова Ольга Михайловна (Stepanova_Olg@vavt.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕДАЧА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КИНОТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ)

Фомина Полина Сергеевна

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
(г. Москва)
fomina-ps@rudn.ru

CONVEYING STYLISTIC FEATURES OF TEXTS IN FILM TRANSLATION (BASED ON TRANSLATION OF ENGLISH-LANGUAGE AND FRENCH-LANGUAGE HISTORICAL FEATURE FILMS)

P. Fomina

Summary: The subject of this study is the stylistic features of original and translated film texts, specifically the correlation of linguistic expression and the stylistic coloring of language units. The aim of this study is to identify methods and strategies for conveying the stylistic distinctiveness of original films in audiovisual translation into Russian, using historical feature films in English and French as examples. The study revealed that historical films possess unique characteristics, such as the presence of historicisms, archaisms, and obsolete vocabulary. The scientific novelty of this work lies in its comprehensive approach to analyzing the stylistic features of film texts in relation to the specifics of historical film discourse. Thus, it is necessary to employ translation strategies that focus not only on the accurate rendering of lexical units but also on conformity with the genre conventions of the receiving culture.

Keywords: audiovisual translation, film translation, film text, historical feature film, screen adaptation, stylistic parameters.

Аннотация: **Предметом** настоящего исследования являются стилистические особенности оригинального и переводного кинотекстов, а именно, соотношение способов языкового выражения и стилистическая окраска языковых единиц. **Цель работы** заключается в определении способов и стратегий передачи стилистического своеобразия оригинальных фильмов в ходе аудиовизуального перевода на русский язык на материале исторических художественных фильмов на английском и французском языках. **В результате исследования** выявлено, что исторические фильмы обладают особыми характеристиками, такими как наличие историзмов, архаизмов и устаревшей лексики. Данные особенности необходимо передавать при переводе таким образом, чтобы исходные лингвистические характеристики оригинального кинотекста были максимально адекватно отражены в переводной версии. **Научная новизна** работы заключается в комплексном подходе к анализу стилистических особенностей кинотекста применительно к специфике исторического кинодискурса. Так, для максимально адекватного отражения лингвистического своеобразия оригинала необходимо применять переводческие стратегии, ориентированные не только на точную передачу лексических единиц, но и на соответствие жанровым конвенциям принимающей культуры.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, киноперевод, кинотекст, исторический художественный фильм, экранизация, стилистические параметры.

Аудиовизуальный перевод (АВП) представляет собой сложную междисциплинарную деятельность, где стилистика играет важную роль, выступая в качестве ключевого инструмента для достижения адекватности перевода. Роль стилистики в АВП проявляется в анализе и передаче стилистических особенностей оригинала в соответствии с типом и жанром аудиовизуального произведения; адаптации перевода к лингвистическим нормам переводящего языка; обеспечении прагматического воздействия перевода посредством правильно подобранных стилистических средств с учетом конкретных задач (адаптация и локализация аудиовизуальных произведений для определенной целевой аудитории).

Прежде чем приступить непосредственно к описанию задач и трудностей перевода выбранных нами для настоящего исследования исторических художественных фильмов, проанализируем существующие в кино-

ведческой науке характеристики исторического кино.

В киноведении не существует единого определения и общей классификации исторических фильмов ввиду неоднозначности и многогранности понятия исторического художественного фильма как такового. Как отечественные, так и зарубежные исследователи предлагают типологии, основанные на различных критериях: общей тематике, степени достоверности и жанровой принадлежности.

Большинство отечественных искусствоведов и киноведов отрицает объединение исторических фильмов в один жанр ввиду отсутствия у данных фильмов общих для отнесения к одному жанру характеристик (определенная система символов, способ повествования, одинаковое эмоциональное воздействие), предлагая анализировать каждый отдельный фильм на предмет историчности [1]. Например, К.К. Огнев систематизирует

исторические художественные фильмы в зависимости от поставленных перед ними задач. Наиболее целесообразным Огневу представляется типологический подход, основанный на делении исторических художественных фильмов на тематические блоки. Данный подход, по мнению автора, является более глубоким, нежели обычное перечисление разновидностей. Согласно исследованию Огнева (2003), следует выделить тематические блоки исторических фильмов: постановочные (костюмные) фильмы; историко-биографические фильмы; историко-революционные фильмы; военно-патриотические фильмы; фильмы стиля «ретро»; фольклорно-этнографические фильмы; фильм-размышление [2].

Зарубежные искусствоведы и киноведы, напротив, часто склоняются к жанровой типологии, выделяя исторический художественный фильм в отдельный кинематографический жанр. С. Нил высказал мнение, что жанры необходимо рассматривать как «повсеместные, многогранные явления, а не одномерные сущности» и что жанр присутствует не только в самих фильмах, но и в ожиданиях зрительской аудитории [3]. Он также подчеркивает институциональную роль, которую играет киноиндустрия в создании и увековечении этих классификаций, ссылаясь на ее способность направлять «значение, применение и использование жанровых терминов» в «интертекстуальности» дискурсов рекламы, продвижения и восприятия [3]. Аналогичным образом, Р. Альтман предложил понимать жанр «не как качество текстов, а как побочный продукт дискурсивной деятельности» [4]. Альтман отождествляет эти дискурсы с работой киноиндустрии и ее стратегией производства новых фильмов, намеренно схожих с уже существующими, коммерчески успешными аудиовизуальными продуктами [4]; [5].

Р. Топлин в книге «Reel History: In Defense of Hollywood» (2002) определяет исторический фильм как отдельный жанр, используя традиционный текстологический подход. Топлин подчеркивает тот факт, что исторические художественные фильмы отличаются большим разнообразием кинематографической истории с точки зрения обстановки, сюжета и персонажей по сравнению с другими жанрами. Однако, по мнению автора, в исторических фильмах используется ряд приёмов, позволяющих отнести данные фильмы к одному жанру, в том числе, упрощение исторических фактов; субъективный взгляд на прошлое; четкое определение положительных и отрицательных героев; изображение поднимающих моральный дух повествований о борьбе между Давидами и Голиафами; обращение к настоящему времени; присутствие романтической линии в сюжете, даже когда любовные интриги не являются центральными в репрезентируемых исторических событиях [5]; [6]. Н.З. Дэвис относит к категории художественных исторических фильмов либо драматические фильмы, основанные на реальных событиях, либо фильмы, основанные на вы-

мышленном сюжете, в которых исторические события становятся центральным мотивом повествования [7].

В рамках нашего исследования мы будем следовать точке зрения Н.З. Дэвис, понимая под историческими художественными фильмами как репрезентацию реальной истории в художественной форме, так и экранизации художественных произведений, имеющих историческую значимость. Так, анализируемые нами исторические фильмы имеют ряд обобщающих признаков: действие происходит в прошлом, отдаленном от настоящего момента; в данных фильмах происходит художественная интерпретация исторических событий или художественных произведений, повествующих о событиях прошлого; данные фильмы часто апеллируют к современности через призму прошлого — через аналогии, моральные уроки или актуальные темы.

На данный момент в научной литературе отсутствуют широкие исследования стилистических параметров кинодискурса и кинотекста исторических художественных фильмов, который не является текстом в его привычном понимании. Специфика кинотекста, заключающаяся в интеграции лингвистического, портретного и звукового кодов, требует адаптации существующих стилистических теорий. Стилистика, сформировавшаяся в качестве автономной научной дисциплины в середине XIX столетия, занимает особое место в современной системе лингвистических наук. Согласно В.В. Виноградову, «предметом стилистики служат все области и все способы использования языка, особенно литературного» [8]. Ключевой задачей стилистики выступает не просто описание и систематизация средств языка, а осуществление обоснованного выбора из всего спектра существующих вариантов — фонетических, лексических, морфологических, синтаксических и словообразовательных — тех из них, которые в максимальной степени адекватны цели коммуникативного акта.

В рамках практической части исследования нами будут рассмотрены такие категории, как соотносительность способов языкового выражения и стилистическая окраска языковых единиц применительно к кинотекстам. В качестве материала для исследования нами были выбраны экранизации художественных произведений «Emma» (Дж. Остин), «Анна Каренина» (Л.Н. Толстой), «Un long Dimanche de fiançailles» (С. Жапризо), а также художественный сериал, снятый по мотивам произведений А. Кристи «Les petits meurtres d'Agatha Christie».

Остановимся подробнее на понятии *соотносительности способов языкового выражения*. Данный термин подразумевает передачу идентичного смыслового содержания с помощью различных языковых элементов [9]. Так, простое выражение может замещаться сложными синтаксическими конструкциями, различными определениями,

дополнениями и обстоятельствами, и наоборот. Данный способ широко применяется в кинематографии, чтобы подчеркнуть отличительные черты героев. Например, «громоздкая», насыщенная сложными синтаксическими конструкциями речь используется для характеристики напыщенного героя, а изобилующая просторечиями и стилистическими ошибками речь может подчеркивать деревенское происхождение персонажа.

Так, например, в многосерийной экранизации романа Джейн Остин «Emma» («Эмма», 2009) из уст главной героини звучит фраза «*Surely not*», которая буквально переводится «Конечно, нет». Однако в переводной версии фраза была передана, как «Вот уж точно нет». Если дословный перевод звучит нейтрально, второй вариант перевода отражает дерзкий, задорный характер главной героини.

Фундаментом для реализации соотносительности служит *стилистика окраска*, под которой понимается коннотативное значение языковой единицы, накладывающееся на её денотативное значение посредством актуализации присущего ей экспрессивного потенциала. Единица, обладающая такой окраской, квалифицируется как стилистическое средство. Различают эмоционально-экспрессивную, функционально-стилистическую и нейтральную стилистическую окраску [10]. *Эмоционально-экспрессивные элементы языка* отражают эмоциональное состояние говорящих и/или их отношение к предмету речи, а также их социальные и психологические особенности. Особой экспрессией обладают устойчивые фразы и поговорки, так как они помогают усилить выразительность и изобразительность речи. Устойчивые фразы, в свою очередь, выполняют аргументирующую, подменяющую и иллюстративную функции, помогая кратким и точным образом сформулировать и подчеркнуть рассуждения автора высказывания [11]. Например, в британской экранизации романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» («Anna Karenina», 2012) персонаж Николай Левин произносит стилистически нейтральную фразу «*You're free to leave*», буквально переводящуюся, как «Ты можешь идти». Однако в русскоязычной версии фильма приведенная фраза была переведена следующим образом: «Вот тебе Бог, а вот порог». Этот перевод практически идентичен фразе в оригинальном романе Л.Н. Толстого: «Так вот Бог, а вот порог». Эта поговорка была опубликована в «Сборнике пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий ...» В.И. Даля в 1862 году [12]. В данной поговорке используются типичные для устойчивых выражений экспрессивно-стилистические средства: антонимия (противительный союз «а» и повторение («вот ... вот»)) [13]. Буквальный перевод фразы из сценария лишил бы переводной кинотекст образности и аллюзии на оригинальный роман.

Функционально-стилистически окрашенные средства языка несут информацию о сфере употребления языковой единицы [14]. Употребление данных единиц может быть ограничено определенными видами или формами речевого употребления. Так, например, в экранизации романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» реплика персонажа Степана Облонского (Стивы) «*I'm going to the office*» переведена, как «Я поеду в присутствии». Буквальный перевод «офис» здесь невозможен, так как данное заимствование появилось в русском языке в XX веке, тогда как роман «Анна Каренина» был написан во второй половине XIX века, в 1873–1877 гг. [15]. При переводе данной нейтральной фразы использован историзм «присутствие», что свидетельствует о несовременности происходящих на экране событий. Кроме того, наличие данной лексической единицы в этом случае подчеркивает тот факт, что говорящий занимает должность чиновника.

При переводе исторических фильмов стоит сохранять стилистические характеристики лексических единиц оригинального произведения, если они имеют оттенок несовременности. Например, в экранизации романа Дж. Остин «Эмма» рассказчик (закадровый голос) произносит следующую фразу: «*While Emma stayed comfortably at home with very little to distress or vex her*». В русскоязычной версии она переведена следующим образом: «Тогда как Эмма жила в своем уютном доме, не зная забот и волнений». В оригинальной фразе используется устаревший глагол «вех», употреблённый и в оригинальном романе, относящийся к формальному регистру речи, тогда как при переводе произошла замена части речи и использован нейтральный современный эквивалент «волнения».

На наш взгляд, при переводе кинотекстов исторических фильмов следует стремиться подобрать эквивалент, принадлежащий тому же регистру речи, что и лексическая единица в оригинале, при этом стараясь сохранять эффект несовременности, выбрав для перевода устаревшее слово, если таковое было использовано в исходном тексте. Разумеется, в виду строгих технических ограничений, а также дефицита времени на перевод, такие условия кажутся трудновыполнимыми, однако, в данном случае можно было бы перевести фразу, например, таким образом: «Тогда как Эмма жила в своем уютном доме, и ничего ее не удручало». В нашем варианте перевода использовано устаревшее слово «удручать», имеющее схожую стилистическую окраску со словом «вех».

Другой пример, взятый из перевода многосерийного французского фильма «Les petits meurtres d'Agatha Christie» («Загадочные убийства Агаты Кристи», 2009–2024), действие которого происходит в 1950-е гг., демонстрирует передачу стилистической окраски оригинала при переводе. Рассмотрим следующий диалог редактора газеты со своей подчиненной:

Journaliste: *Il faudrait une avance d'ailleurs.*

Rédacteur: *Et je ne te fais que ça, des avances, moi. Tu refuses toutes.*

Журналистка: *Кстати, мне нужен аванс.*

Редактор: *Я делаю тебе авансы, а ты их отвергаешь.*

При переводе сохранен ироничный тон диалога и передана игра слов, при этом использовано устаревшее выражение «делать авансы», а также лексическая единица «отвергать», которое имеет стилистическую помету «книжное».

Одним из важных критериев в кинопереводе является также сохранение благозвучия в переводной версии кинофильма [16]. Рассмотрим следующий пример из фильма на французском языке, посвященного Первой Мировой Войне «Un long Dimanche de fiançailles» («Долгая помолвка», 2004): «*C'est Célestin Poux, l'écumeur des cantines, le pilleur des roulantes*». Данная фраза была переведена на русский язык следующим образом: «*Недаром ведь все говорят, что Селестин Муха – гроза походной кухни*». Имя собственное Poux, происходящее от французского слова «roux» («вошь» во множественном числе), переводчик заменил другим именем собственным, «Муха», сохранив ассоциацию с насекомыми. Скорее всего, данная трансформация была применена для того, чтобы сделать переводной текст более благозвучным. Кроме того, данный перевод позволяет передать некоторые черты характера данного героя, а именно, его изворотливость. Будучи ответственным за кухню, он

искажал данные в сводках потерь, чтобы по документам живых солдат было больше и выжившие могли поесть за двоих. Данная замена не выбивается из общего стиля перевода анализируемого художественного фильма, изобилующего яркими прозвищами, распространенными в военное время, например, «Bleuet» – «Василек»; «Six-Sou» – «Шесть су»; «Bastoches» – «Бастилец».

Таким образом, проведенное исследование показало, что перевод исторических художественных кинофильмов представляет собой сложную многогранную задачу, выходящую за рамки передачи содержания исходного текста [17]. Адекватность перевода в данном случае зависит от способности переводчика сохранить систему стилистических средств оригинала. Ключевым требованием для создания стилистически верного перевода выступает передача экспрессивной и функционально-стилистической окраски языковых единиц. При переводе стилистически окрашенной лексики переводчику необходимо воссоздавать те прагматические и эмоциональные смыслы, которые формируют у зрителя определенное эстетическое восприятие происходящего на экране. При переводе исторических художественных фильмов очень важно достижение иллюзии «несовременности», одного из главных маркеров исторической дистанции. Грамотное использование маркированной лексики, такой как архаизмы, историзмы и устаревшая лексика, позволяет создать необходимый эффект «временной отдаленности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюрин Ю.П. Российская история и духовные традиции в контексте кинематографического творчества: диссертация ... доктора искусствоведения: 17.00.03. — Москва, 2006. — 409 с.
2. Огнев К.К. Реалии истории в зеркале экрана: основные типологические модели. — М.: Эйзенштейн-центр исследований кинокультуры, 2003. — 148 с.
3. Neale S. Genre and Hollywood. — London: Routledge, 2000. — 336 p.
4. Altman R. Film/Genre. — London: British Film Institute, 1998. — 256 p.
5. Stubbs J. Historical Film: a critical introduction. — London: Bloomsbury Academic, 2009. — 176 p. — DOI: 10.5040/9781501351044.
6. Toplin R.B. Reel History: in defense of Hollywood. — Lawrence: University Press of Kansas, 2002. — 232 p.
7. Hudíková Z., Halama L. Historical film: eternal struggle between the facts and myths // Megatrends and Media: Home Office/Entertainment: conference proceedings. — 2023. — P. 21–30.
8. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. — М.: Высшая школа, 1981. — 320 с.
9. Раренко М.Б. Рец. на кн.: Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2000. 272 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. — 2001. — № 4. — С. 112–115. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2001-04-034-gorshkov-a-i-lektsii-po-russkoy-stilistike-m-iz-vo-literaturnogo-instituta-im-a-m-gorkogo-2000-272-s> (дата обращения: 29.04.2026).
10. Шмелёв Д.Н. Избранные труды по русскому языку. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 896 с.
11. Шишлова И.Ю. Устойчивые фразы как разновидность интертекстуальных включений в научной речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2020. — Том 13. — Вып. 6. — С. 166–169. — ISSN 1997–2911.
12. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. — Москва: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862. — 343 с.
13. Тимофеева А.М., Махмутова В.Р. Выразительные средства языковой экспрессии (на материале русских и английских поговорок) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2016. — № 2 (57). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazitelnye-sredstva>

- yazykovoy-ekspressii-na-materiale-russkih-i-angliyskih-pogovorok (дата обращения: 24.03.2026).
14. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. — М.: Просвещение, 1983. — 234 с.
 15. Климова М.В. Большой этимологический словарь русского языка. — М.: Дом Славянской книги, 2013. — 960 с.
 16. Филатова Е.А. Комплексная модель оценки аудиовизуального перевода и лингво-функциональный анализ динамики кинопереводческих норм в 1960–2010 гг. (на материале англоязычной документалистики о живой природе): диссертация ... кандидата филологических наук. — Москва, 2021. — 210 с.
 17. Абдуллаев М.А., Навбатова Р.Х., Балабонова Г.Г. Особенности перевода эмоционально окрашенной лексики и основные аспекты её межъязыковой передачи // Молодой ученый. — 2020. — № 17 (307). — С. 436–439. — URL: <https://moluch.ru/archive/307/69111> (дата обращения: 02.04.2026).

© Фомина Полина Сергеевна (fomina-ps@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ РАСТЕНИЙ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Фэн Цзиньбо

Ляонинский университет. (Китай)

2865624217@qq.com

A COMPARATIVE STUDY OF CHINESE AND RUSSIAN CULTURAL SYMBOLS OF PLANTS IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

Feng Jinbo

Summary: The article examines cultural symbols of plants in Chinese and Russian linguocultures through the images of bamboo and birch. The research aims to identify common and nationally specific features of these phytonyms as carriers of value meanings fixed in language, folklore, literary tradition and translation practice. The study shows that bamboo in Chinese culture is associated with moral firmness, inner straightness, nobility and vitality, while birch in Russian culture actualizes ideas of homeland, femininity, purity, memory and emotional attachment to native nature. The comparative analysis demonstrates that plant symbols are not decorative units of speech but culturally significant signs that organize collective experience and influence translation strategies.

Keywords: linguoculturology, phytonym, plant symbol, bamboo, birch, Chinese culture, Russian culture, translation.

Аннотация: В статье рассматриваются культурные символы растений в китайской и русской лингвокультурах на материале образов бамбука и берёзы. Цель исследования заключается в выявлении общих и специфических признаков данных фитонимов как носителей ценностных смыслов, закреплённых в языке, фольклоре, поэтической традиции и переводческой практике. Особое внимание уделяется тому, что бамбук в китайской культуре связан с нравственной стойкостью, внутренней прямоотой, благородством и способностью сохранять жизненную силу в неблагоприятных условиях, тогда как берёза в русской культуре актуализирует представления о родине, женственности, чистоте, памяти и эмоциональной связи человека с природным пространством. На основе лингвокультурологического подхода показано, что сопоставление растительных символов позволяет глубже понять национально-специфические способы концептуализации мира и уточнить принципы перевода культурно маркированной лексики.

Ключевые слова: лингвокультурология, фитоним, символ растения, бамбук, берёза, китайская культура, русская культура, перевод.

Введение

В современном языкознании растительные наименования рассматриваются не только как единицы номинации природного мира, но и как важные знаки культуры. Фитонимы сохраняют сведения о хозяйственном опыте, мифологических представлениях, эстетических предпочтениях и моральных идеалах народа. Поэтому обращение к символике растений особенно продуктивно в лингвокультурологии, где язык понимается как пространство хранения и передачи культурной памяти. Как отмечается в работах по лингвокультурологической теории, слово становится культурным знаком тогда, когда за ним закрепляется устойчивый комплекс ассоциаций, оценок и поведенческих норм [2; 4].

Актуальность настоящего исследования определяет растущим интересом к сопоставительному изучению китайской и русской картин мира. В условиях расширения образовательных, научных и переводческих контактов между Китаем и Россией возрастает необходимость точного понимания символов, которые кажутся простыми, но несут глубокую национально-культурную нагрузку. Бамбук и берёза являются показательными объектами такого анализа: оба образа связаны с природой и духовными ценностями, но каждый из них формирует

собственное поле смыслов в соответствующей культуре.

Цель статьи состоит в сопоставительном описании культурных символов бамбука и берёзы в лингвокультурологическом аспекте. Для достижения этой цели необходимо определить теоретические основания анализа растительной символики, раскрыть основные смысловые признаки бамбука в китайской культуре, выявить символическое содержание берёзы в русской культуре и показать переводческие трудности, возникающие при передаче таких образов. Материалом исследования выступают данные фольклорной и литературной традиции, устойчивые языковые ассоциации, а также научные работы, посвящённые фитонимам и культурным константам.

Теоретические основания изучения растительных символов

Лингвокультурологический анализ исходит из того, что значение языковой единицы не исчерпывается словарной дефиницией. Внутри культуры слово включается в сеть символических связей: оно соотносится с обычаями, фольклорными сюжетами, религиозными представлениями, образами литературы и коллективными эмоциями. В этом смысле растительный символ является сложным знаком, в котором природный признак рас-

тения переосмысливается как характеристика человека, общества или национального пространства. Такая связь особенно заметна в пословицах, песнях, поэтических текстах и устойчивых сравнениях [6].

Фитонимы обладают высокой культурной ёмкостью, потому что растения непосредственно присутствуют в повседневной жизни человека. Их внешний вид, сезонный цикл, прочность, гибкость, цвет, запах и среда произрастания становятся основанием для метафорического переноса. Так, вертикальный стебель может восприниматься как знак прямооты, зелёный цвет — как знак жизненной силы, белая кора — как знак чистоты, а раннее весеннее пробуждение — как знак обновления. В результате природная характеристика превращается в культурный смысл, а культурный смысл закрепляется в языке.

Сопоставительный подход позволяет увидеть, что универсальные природные признаки растений получают разные ценностные акценты в разных культурах. Даже если два народа связывают растение с красотой или жизнью, конкретная эмоциональная окраска, круг ассоциаций и сфера употребления могут не совпадать. Исследователи китайско-русских параллелей подчёркивают, что символика растений в фольклоре и литературе отражает не только эстетические предпочтения, но и глубинные модели поведения, представления о семье, родине, нравственном достоинстве и социальной гармонии [1; 5].

Бамбук как культурный символ китайской лингвокультуры

В китайской культуре бамбук является одним из наиболее устойчивых и узнаваемых растительных символов. Его семантическое поле формируется на основе природных свойств растения: прямого стебля, полой внутренней структуры, гибкости, зелёного цвета и способности сохранять свежесть зимой. Эти признаки в китайской традиции переосмысливаются как нравственные качества человека. Прямота стебля соотносится с честностью и принципиальностью, внутренняя пустота — со скромностью и открытостью к мудрости, гибкость — со способностью выдерживать давление обстоятельств, не теряя внутреннего достоинства.

Особую роль играет связь бамбука с образом благородного человека. В китайской художественной и философской традиции бамбук часто включается в ряд культурных символов, выражающих идеал духовной стойкости. Он не выглядит массивным и агрессивным, но при этом трудно ломается; он не демонстрирует внешней роскоши, но сохраняет зелень и стройность. Поэтому образ бамбука выражает не силу принуждения, а силу внутренней дисциплины. В лингвокультурологическом

плане это важно: символика бамбука связывает природную форму с этической нормой.

Бамбук также обладает выраженной эстетической функцией. В традиционной живописи, каллиграфии и поэзии он передаёт состояние сосредоточенности, спокойствия и духовной чистоты. Его изображение нередко строится на лаконичности: несколько линий способны вызвать целый комплекс культурных ассоциаций. Для носителя китайской культуры бамбук может быть понят без подробного объяснения, потому что символическая нагрузка закреплена в культурной памяти. Для иностранного читателя тот же образ требует комментария или контекстуального раскрытия, иначе часть смысла теряется.

Важно подчеркнуть, что бамбук в китайской лингвокультуре не сводится к экзотическому предмету или декоративной детали. Он выполняет функцию культурной модели поведения: быть устойчивым, но не жёстким; быть прямым, но не высокомерным; сохранять внутреннюю пустоту не как отсутствие содержания, а как готовность к нравственному совершенствованию. Именно поэтому в переводе китайских текстов слово «бамбук» часто нуждается в сохранении образа, а не в нейтральной замене более понятным растением.

Берёза как культурная константа русской лингвокультуры

В русской культуре берёза занимает место одного из центральных растительных символов. Её образ связан с природным ландшафтом, народной песней, поэтической традицией и представлением о родной земле. Если бамбук в китайской культуре чаще акцентирует нравственную стойкость и внутреннюю дисциплину, то берёза в русской лингвокультуре прежде всего актуализирует эмоциональную связь человека с родиной. Белый ствол, тонкие ветви, весенняя зелень и способность расти в разных природных условиях создают образ близости, чистоты и узнаваемости.

Фольклорная традиция раскрывает берёзу как женский и обрядовый символ. В народных песнях и обрядах она может соотноситься с девушкой, весной, обновлением, красотой и жизненной силой. При этом берёза не является только радостным символом: в ней присутствует и мотив грусти, памяти, прощания, тихой печали. Такая двойственность делает образ особенно выразительным в русской поэзии. Он объединяет светлую чистоту и лирическую интонацию, национальный пейзаж и личное переживание.

Этнолингвистические исследования показывают, что растительные символы в славянской традиции тесно связаны с обрядовой практикой и мифологическими

представлениями [7]. Берёза в этом контексте выступает не случайным деревом, а знаком перехода, обновления и принадлежности к родному пространству. В современном русском языковом сознании этот символ частично сохраняет архаические смыслы, но одновременно получает новые оттенки: берёзовая роща, белая берёза, русская берёзка становятся знаками национальной идентичности и культурной памяти.

Для изучающих русский язык образ берёзы часто оказывается трудным именно из-за своей очевидности для носителя культуры. Слово кажется прозрачным, но в художественном тексте оно может означать не только дерево, а целый комплекс представлений о России, детстве, доме, женственности, простоте и душевной мягкости. Поэтому при обучении русскому языку как иностранному берёза рассматривается как культурная константа, способная вводить учащихся в мир русских ценностей и национальных ассоциаций [3].

Сопоставительный и переводческий аспект

Сопоставление бамбука и берёзы показывает, что оба образа являются культурно маркированными, но их символические центры различны. Бамбук ориентирован на этическую вертикаль: стойкость, прямота, скромность, духовная дисциплина. Берёза ориентирована на эмоционально-пространственную связь: родина, чистота, женственность, память, лиризм. В обоих случаях растение становится способом говорить о человеке и мире, однако китайская традиция чаще переводит природный признак в моральную норму, а русская — в образ национального чувства и душевного переживания.

Общим для двух символов является положительная аксиологическая окраска. И бамбук, и берёза связаны с идеей внутренней красоты, естественности и жизненной устойчивости. Оба растения могут функционировать как знаки культурной идентичности: бамбук напоминает о китайской модели благородства и гармонии, берёза — о русской модели природной близости и эмоциональной открытости. Однако прямой перевод без учёта этих ассоциаций способен обеднить текст. Если в переводе сохранить только предметное значение, читатель увидит растение, но не всегда поймёт культурный смысл.

Переводческая стратегия зависит от жанра и функции образа. В художественном тексте чаще всего целесообразно сохранять исходный фитоним, дополняя его контекстом, который раскрывает символику. В учебном или научно-популярном тексте возможен комментарий,

поясняющий культурные ассоциации. В некоторых случаях переводчик может использовать компенсацию: если символический смысл не считается в одном месте, он раскрывается через эпитет, описание или соседний образ. Такая стратегия соответствует принципу лингвокультурологического перевода, при котором передаётся не только лексическое значение, но и культурная функция слова.

Особенно важно избегать механического отождествления символов. Бамбук нельзя полностью заменить берёзой в переводе китайского текста, а берёзу — бамбуком в переводе русского текста, даже если оба растения имеют положительную оценку. Подобная замена разрушает культурную перспективу произведения. Задача переводчика состоит не в том, чтобы сделать образ привычным любой ценой, а в том, чтобы помочь читателю войти в иной символический мир. Поэтому сохранение национально-специфического растения часто является более точным решением, чем адаптация через ближайший аналог.

Заключение

Проведённое сопоставление показывает, что бамбук и берёза являются значимыми культурными символами, через которые китайская и русская лингвокультуры выражают разные ценностные доминанты. В китайской традиции бамбук репрезентирует нравственную стойкость, прямоту, скромность и способность сохранять внутреннюю целостность. В русской традиции берёза связана с родиной, женственностью, чистотой, памятью и лирическим переживанием природного пространства. Эти различия не противопоставляют культуры, а показывают различные способы превращения природного объекта в знак коллективного опыта.

Лингвокультурологический анализ растительных символов имеет практическое значение для перевода, преподавания русского и китайского языков, а также для межкультурной коммуникации. Он позволяет понять, почему знакомое слово может содержать скрытую культурную информацию, и почему буквальная передача не всегда обеспечивает полноценное понимание текста. Бамбук и берёза подтверждают, что язык хранит не только сведения о предметах, но и национальные способы оценки мира. Дальнейшее исследование может быть расширено за счёт анализа других растительных образов, например сосны, сливы, ивы, дуба и хризантемы, что позволит более полно описать систему фитонимических символов в китайской и русской культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Линцзюнь, Вашунина И.В. Символика растений в китайском и русском фольклоре // Научный аспект. — 2023. — Т. 1, № 8. — С. 82–90.

2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 331 с.
 3. Чан Тхи Нау. Лингвометодический потенциал культурной константы «берёза» в обучении русскому языку вьетнамских студентов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. — Санкт-Петербург, 2011. — 210 с.
 4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
 5. Сюй Лиюнь Когнитивная фитонимическая метафора как средство описания внешности человека в русской и китайской лингвокультурах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 24, № 2. — С. 93–101. — DOI: 10.37482/2687–1505-V337.
 6. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
 7. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — 512 с.
-

© Фэн Цзиньбо (2865624217@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

Хлопова Марина Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, Московский
государственный институт международных
отношений МИД России
marina15763@mail.ru

DIACHRONIC VARIABILITY OF POLITICAL METAPHORICS

M. Khlopkova

Summary: This article examines the problem of diachronic variability in political metaphors, using American political discourse as an example. The author argues that each historical era shapes its own dominant metaphorical discourse: from images of construction and roads in the 18th and 19th centuries to military and sports metaphors in the 20th century and network, environmental, and medical images in the 21st century. This dynamic reflects changing political priorities, ideological narratives, and society's communicative needs. It is concluded that metaphor acts not only as a stylistic device but also as a cognitive-discursive mechanism for conceptualizing power and politics and becomes a key mediator between language and the socio-historical context, ensuring the legitimization of power, the mobilization of society, and the formation of national identity.

Keywords: metaphor, diachronicity, discourse, variability, politics, history, periods.

Аннотация: В статье рассматривается проблема диахронической вариативности политической метафорки, на примере американского политического дискурса. Автор обосновывается положение о том, что каждая историческая эпоха формирует свой ведущий метафорический дискурс: от образов строительства и пути в XVIII–XIX веках до военных и спортивных метафор в XX столетии и сетевых, экологических и медицинских образов в XXI веке. Такая динамика отражает изменение политических приоритетов, идеологических нарративов и коммуникативных потребностей общества. Делается вывод о том, что метафора выступает не только как стилистический приём, но и как когнитивно-дискурсивный механизм концептуализации власти и политики, и становится ключевым медиатором между языком и социально-историческим контекстом, обеспечивая легитимацию власти, мобилизацию общества и формирование национальной идентичности.

Ключевые слова: метафора, диахроничность, дискурс, вариативность, политика, история, периоды.

Метафора, представляющая собой когнитивно-дискурсивный механизм переноса значений из одной концептуальной области в другую с целью упрощения восприятия и интерпретации реальности, традиционно относится к тем языковым явлениям, которые находятся в центре внимания лингвистов в связи с её особой когнитивной и дискурсивной природой.

Современные лингвистические, лингвофилософские, логико-психологические, лингвокогнитивные, психолингвистические и литературоведческие исследования подтверждают тот факт, что метафора в своём статическом или динамическом проявлении присутствует на всех этапах познавательной речевой деятельности человека, направленной на структурирование действительности и создание её языковой картины (Чудинов и др., 2020).

Динамический аспект метафоры определяет научный интерес к её эволюции и трансформациям, которые особенно ярко проявляются в политическом дискурсе, что актуализирует исследование такого явления, как диахроническая вариативность политической метафорки, то есть её исторической изменчивости и разнообразия метафорических моделей, используемых для описания политических процессов на разных исторических этапах развития. Современные диахронические исследования политической метафорки в наиболее общем виде направлены на рассмотрение взаимодействия тенденций

к исторической стабильности и исторической динамике, к сохранению культурной самобытности и к взаимодействию с другими культурами. Как указывают Будаев Э.В., Кондратьева О.Н., Нахимова Е.А., Чудинов А.П. (Будаев и др., 2016) многочисленные факты, свидетельствующие об архетипичности систем политических метафор, дополняются материалами, свидетельствующими о значительной вариативности политических метафор.

Обращение к научной литературе позволяет выявить причины диахронической вариативности политической метафорки, а именно исторический контекст, определяющий характер метафорических моделей в разные эпохи; социальные трансформации, влияющие на смену политических ориентиров и идеологических установок; культурные факторы, формирующие новые образы политического процесса; политические прецеденты, определяющие развитие политического процесса и процесса формирования политического сознания (Аникин и др., 2015).

Также важной представляется и лингвистическая динамика, отражающая обновление языка и появление новых способов выражения политических концептов и идей (Аникин и др., 2015).

Определенную роль в данном процессе играют технологический прогресс, изменяющий формы политической коммуникации, что способствует распространению

новых метафорических конструкций, а также международные влияния, связанные с процессами глобализации, способствующие заимствованию и адаптации в различных языках универсальных метафорических моделей, например «строительство нации», «сердце демократии» и т.д. Таким образом, диахроническая вариативность политической метафоры обусловлена комплексом факторов, которые отражают историческую, социальную, культурную и языковую трансформацию общества, и именно взаимодействие этих факторов определяет богатство и изменчивость метафорического политического дискурса (Alharbi, 2025).

Что касается американского политического дискурса, то его диахроническая вариативность непосредственно связана с эволюцией политической метафоры, которая отражает историческую динамику общественного развития и трансформацию идеологических парадигм. Изучение метафор в данном контексте показывает, что метафоры, используемые в политической речи, не являются статичными конструкциями: они изменяются в зависимости от социально-политических условий, культурных контекстов и коммуникативных потребностей эпохи.

В ранний период американской политической истории преобладали образы «строительства нации» и «закладывания фундамента демократии», что соответствовало задачам институционализации государства. В этот период американский политический дискурс формировался соответственно вокруг образов строительства и закладывания фундамента государственного устройства и консолидации нации, что отвечало задачам институционализации государства и закрепления демократических принципов как ведущего основания общественного договора (Beer et al., 2004).

Основоположники американской политической системы, такие как Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон и Джеймс Мэдисон, в своих речах активно использовали метафоры, подчеркивающие необходимость прочного основания и единства нации. Так, в прощальном обращении Дж. Вашингтона встречается метафора «shake the foundation of the fabric» (*потрясение фундамента*), которая создает образ государства как сооружения, требующего устойчивости. Встречается в этой речи также образ «a fire not to be quenched» (*огонь, который нельзя погасить*), символизирующий постоянную необходимость закрепления в общественном сознании ценностей демократии (Будаев, 2011). В свою очередь, Т. Джефферсон в инаугурационной речи 1801 года провозглашал идею о «building the temple of liberty» (*строительстве храма свободы*), что отражало сакральное отношение к демократии и отражало преемственность политического курса. В этой речи также присутствовала метафора «the ship of state» (*корабль государства*), которая рас-

крывала процесс управления государством через образ плавания в опасных водах. В свою очередь в сборнике статей, написанных в конце XVIII века А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Д. Джеем. «Federalist Papers», который имели целью убедить общественность в необходимости ратификации Конституции США использовались метафора «the fabric of government» (*ткань правительства*), подчеркивающая сложность и взаимосвязанность политических институтов и необходимость создания системы сдержек и противовесов (Чудинов и др., 2020).

Таким образом, развитие американской политической метафоры на начальном этапе создания основ государства была тесно связана с задачами формирования национальной идентичности и институциональной структуры, а используемые метафоры отражали стремление отцов-основателей закрепить демократические ценности в сознании общества.

В XIX веке усилились метафоры «пути» и «движения вперед», отражающие экспансию и идею прогресса, что нашло свое отражение в речах Авраама Линкольна, в которых государство и народ представлялись как участники великого путешествия по пути свободы и единства. В знаменитой речи А. Линкольна в Геттисберге 1863 года ведущим становится образ «a new birth of freedom» (*новое рождение свободы*), который апеллирует к необходимости обновления демократических ценностей. В своем инаугурационном обращении А. Линкольн использовал метафору «the ship of state» (*корабль государства*), подчеркивая необходимость совместного движения и управления страной в условиях кризиса. Также в его речах встречаются образы «the road to peace» (*дорога к миру*) и «the onward march of liberty» (*непрерывное шествие свободы*), которые продвигают в общественном сознании идею поступательного прогресса и необходимости формирования более справедливого общества. Таким образом, метафорика Линкольна смещает метафорический акцент: если в XVIII веке преобладали образы строительства и фундамента, то в XIX веке на первый план вышли метафоры пути, движения и прогресса, отражающие историческую ситуацию экспансии и дальнейшей борьбы за сохранение единства нации в условиях Гражданской войны (Gibbs, 2017).

В XX столетии американская политическая метафорика вновь обновляется, отражая новые исторические реалии. На фоне наступления эпохи мировых войн, в политическом дискурсе усиливается использование военных и спортивных метафор, позволяющих описывать международные отношения и сложные политические процессы через понятные обществу нарративы борьбы, противостояния, победы и недопустимости поражения («pay any price, bear any burden» (*заплатить любую цену, нести любое бремя*), contest of freedom against tyranny» (*состязание свободы и тирании*)). Одновременно в этот

период заметно возрастает роль экономических метафор, например Ф. Рузвельт в своих речах часто прибегал к военной образности, используя метафоры «war against want» (*войне против нужды*) и «battle for recovery» (*битва за восстановление*), тем самым представляя экономический кризис как сражение, требующее мобилизации всех сил. В речах политиков и СМИ в этот период появляются метафоры: «healthy economy» (*здоровая экономика*), «ailing system» (*больная система*), «to cure inflation» (*вылечить инфляцию*), что демонстрирует перенос медицинских и биологических образов в область решения экономических проблем.

Во второй половине XX века американская политическая метафорика развивается под влиянием «холодной войны», в связи с чем в политическом дискурсе используются вновь востребованные метафоры войны, фронта и битвы. Так, Дж. Кеннеди в своих речах использовал метафору «long twilight struggle» (*долгая сумеречная борьба*); Д. Эйзенхауэр описывал конкуренцию двух систем как «battle for men's minds» (*битву за умы людей*); Р. Рейган в 1980-е годы использовал метафору «evil empire» (*империя зла*), представляя Советский Союз как врага, победа над которым возможна в случае «crusade for freedom» (*крестового похода за свободу*). В речах Р. Рейгана также встречаются образы «fortress of democracy» (*крепость демократии*) и «battlefield of ideas» (*поле битвы идей*), усиливающие восприятие холодной войны как глобального конфликта, в котором победа одной системы означала поражение другой (Beer et al., 2004).

Таким образом, диахроническая вариативность американской политической метафорики во второй половине XX века проявляется в доминировании военных образов, описывающих идеологическое противостояние и служа когнитивными инструментами осмысления холодной войны как экзистенциальной борьбы за выживание, демократию и свободу.

В XXI веке американская политическая метафорика формируется на фоне усложнения политических процессов и нового обострения политической ситуации, что отражается в риторике современных лидеров. В настоящее время в речах американских политиков звучат мотивы глобальной взаимозависимости, угрозы терроризма, кибербезопасности, климатических изменений и миграционных кризисов, находящие свою вербализацию в метафорической картине, для которой характерно использование образов всеобъемлющих сетей, экосистем, медицины и

природных катастроф. Так, в политическом дискурсе появляются выражения «global network of democracy» (*глобальная сеть демократии*), «information battlefield» (*информационное поле битвы*), «immune system of freedom» (*иммунная система свободы*), «virus of extremism» (*вирус экстремизма*), «storm of crises» (*буря кризисов*) и «tsunami of change» (*цунами перемен*) (Beer et al., 2004).

Данные метафоры позволяют концептуализировать сложные процессы через новые явления, понятные обществу (цифровые технологии, биологические системы и природные явления). Таким образом, современная американская политическая метафорика отражает новые политические приоритеты и коммуникативные потребности общества, демонстрируя переход от традиционных образов борьбы и противостояния к метафорам глобальных рисков, сетевых структур и системной взаимозависимости.

Таким образом, проведённое исследование позволяет говорить о том, что каждая историческая эпоха формирует свой ведущий метафорический дискурс, который отражает процесс диахронической вариативности политической метафорики. Этот процесс можно определить как когнитивно-дискурсивную динамику развития концептуальных метафорических моделей, обеспечивающих символическое упорядочивание политической реальности и её трансляцию в коллективное сознание. Такая вариативность не является случайной, поскольку она обусловлена изменением политических приоритетов, идеологических нарративов и политических предпочтений общества, что делает метафору не просто стилистическим приёмом, а фундаментальным инструментом концептуализации публичной власти и политики, в целом.

Такая вариативность формирует понимание взаимосвязи языка политики и социально-исторического контекста политического развития стран, наций и народов, позволяя говорить о метафорическом механизме как о ключевом медиаторе коммуникативных процессов, формирующихся в пространстве взаимодействия между когнитивными установками политического сознания и политической практикой его формирования. В результате метафора становится не только средством риторического воздействия, но и способом создания желаемой политической реальности, где язык выполняет функцию концептуального каркаса, обеспечивая легитимацию власти, мобилизацию общества и формирование национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин Е.Е., Будаев Э.В., Чудинов А.П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 5–11.
2. Аникин Е.Е., Будаев Э.В., Чудинов А.П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной

- лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 26–32.
3. Балашова Л.В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI–XX вв. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 217 с.
 4. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: моногр. Н. Тагил: НГТСПА, 2011. 330 с.
 5. Будаев Э.В. Кондратьева О.Н. Нахимова Е.А. Чудинов А.П. Методика диахронического анализа политической метафоры // Политическая лингвистика. 2016. №16. С. 1–12.
 6. Мамедов П., Сарангаева Ж.Н. Понятие «метафора» в политической коммуникации // Тенденции развития науки и образования. 2023. №3. С. 51–54.
 7. Солопова О.А., Чудинов А.П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола Победы и Russia's V-Day // Russian Journal of Linguistics. 2018. №2. С. 313–337.
 8. Уразова Е.А. Особенности использования метафоры в политическом дискурсе // Вестник Московской международной академии. 2017. №3. С. 171–177.
 9. Храброва Е.С. Роль и функции метафоры в создании портрета политического деятеля в российском и американском политическом дискурсе: дисс. ... канд. филолог. наук. – Брянск, 2010. 236 с.
 10. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. 250 с.
 11. Чудинов А.П., Будаев Э.В., Солопова О.А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М.: ФЛИНТА, 2020. 234 с.
 12. Alharbi A. Theoretical Evolution of Metaphor // Studies in English Language & Literature. 2025. Vol 26, No 3. pp. 1-8. DOI:10.3968/13041
 13. Beer F.A., de Landtsheer C. Metaphorical World Politics. MI: Michigan State University Press. 2004. P. 1–18.
 14. Gibbs R.W. Metaphor Wars. Conceptual metaphors in human life. N.Y.: Cambridge University Press. 2017. 328 p.
-

© Хлопкова Марина Викторовна (marina15763@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМУЛЫ ПРОЩАНИЯ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Хуан Шаофэй

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, (г. Москва)
elisa666shaofei@yandex.ru

FAREWELL FORMULAS IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CULTURES

Huang Shaofei

Summary: The article presents a comparative study of farewell formulas in Russian and Chinese linguocultures in the context of the active development of Russian-Chinese intercultural contacts. The aim of the work is to identify the functional-pragmatic, semantic, and linguocultural features of Russian farewell formulas and their Chinese counterparts, considering the conditions of use, stylistic coloring, and cultural markedness. It has been established that farewell formulas in both linguocultures not only terminate communication but also express politeness, goodwill, care for the addressee, and often orient the interlocutors toward continued contact. The comparative analysis has shown that the Russian system is characterized by a more pronounced stylistic stratification, while the Chinese system exhibits greater indirectness, situational conditioning, a striving for harmonization of communication, and a wide use of wish-based formulas. It is concluded that farewell formulas in Russian and Chinese form a complex and dynamic subsystem of speech etiquette, reflecting national models of politeness, communicative distance, and culturally specific ways of ending interaction.

Keywords: speech etiquette, farewell formulas, Russian linguoculture, Chinese linguoculture, comparative analysis, intercultural communication, linguocultural studies.

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному исследованию формул прощания в русской и китайской лингвокультурах в условиях активного развития русско-китайских межкультурных контактов. Цель работы состоит в выявлении функционально-прагматических, семантических и лингвокультурных особенностей русских формул прощания и их китайских соответствий с учетом условий употребления, стилистической окраски и культурной маркированности. Установлено, что формулы прощания в обеих лингвокультурах не только завершают общение, но и выражают вежливость, доброжелательность, заботу об адресате и нередко ориентируют собеседников на продолжение контакта. Сопоставительный анализ показал, что русская система отличается более выраженной стилистической стратификацией, тогда как китайская — большей косвенностью, ситуативной обусловленностью, стремлением к гармонизации общения и широким использованием формул-пожеланий. Сделан вывод о том, что формулы прощания в русском и китайском языках образуют сложную динамичную подсистему речевого этикета, отражающую национальные модели вежливости, коммуникативной дистанции и способов завершения общения.

Ключевые слова: речевой этикет, формулы прощания, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, сопоставительный анализ, межкультурная коммуникация, лингвокультурология.

Речевой этикет представляет собой важнейший механизм регуляции межличностного общения и отражает культурно обусловленные нормы коммуникативного поведения. В системе речевого этикета особое место занимает прощание как финальный момент общения, противоположный акту приветствия. Прощание завершает речевой контакт, но одновременно выполняет и другие функции: демонстрирует вежливое отношение говорящего к собеседнику, выражает добрые пожелания, а нередко и указывает на договоренность поддерживать общение в будущем.

Как подчеркивал А.А. Леонтьев, язык может служить эффективным средством общения лишь при условии, что люди имеют общее или сходное понимание реальности [1, с. 272]. В этом смысле речевой этикет, в том числе формулы прощания, опирается не только на языковую форму, но и на разделяемые участниками общения представления о норме, вежливости и допустимых способах завершения контакта.

Согласно наблюдению А.Г. Балакая, само слово прощание связано со старинным обычаем просить прощения друг у друга при расставании [2, с. 450]. Такая этимология особенно показательна, поскольку позволяет увидеть в прощании не просто формальный сигнал конца разговора, а культурно значимый акт взаимного признания, доброжелательности и сохранения отношений.

Как отмечает Т.В. Кортова, речевой этикет следует понимать как социально заданные и национально-специфические правила речевого поведения, то есть как совокупность формул речевого общения в ситуациях установления, поддержания и прерывания контакта участников коммуникации в официальной и неофициальной обстановке [3, с. 143]. Такое понимание позволяет рассматривать прощание не как изолированную языковую единицу, а как часть системы коммуникативных норм, обусловленных социальными ролями, ситуацией общения и культурной традицией.

Теоретически важным для настоящего исследования является также положение о том, что язык должен из-

учаться как самостоятельная знаковая система, однако его функционирование невозможно описать вне речевой практики и социальной среды. Если Ф. де Соссюр подчеркивал, что истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя [4, с. 359], то в рамках социолингвистического и лингвокультурологического подходов особое значение приобретает анализ взаимодействия языка, общества и культуры.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной русско-китайской межкультурной коммуникации именно этикетные формулы часто становятся зоной прагматических затруднений. Формально сходные выражения в русском и китайском языках нередко различаются по частотности, стилистической маркированности, степени вежливости и культурным ассоциациям. Вследствие этого буквальное сопоставление единиц оказывается недостаточным: требуется их функционально-прагматическое описание.

Как справедливо отмечали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, предметом социолингвистики является описание и анализ взаимоотношений языка и общества, языка и культуры; при этом исследователь не может ограничиваться только внутриязыковыми единицами, но должен учитывать и экстралингвистические факты [5, с. 15]. Следовательно, формулы прощания необходимо изучать не только как словесные клише, но и как отражение социальных отношений, культурных норм вежливости и моделей поведения, принятых в той или иной лингвокультуре.

Степень изученности проблемы свидетельствует о наличии как общетеоретических, так и специальных работ, посвященных речевому этикету и формулам прощания, однако вопрос о системном сопоставлении русских и китайских прощальных формул с широким привлечением китайского материала нуждается в дальнейшей разработке. Особенно важно учитывать не только общеизвестные соответствия типа «До свидания» — 再见, но и те единицы, которые отражают специфические модели вежливости каждой культуры.

Поскольку культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных определенной общностью людей, и играет определяющую роль в становлении личности [Там же, с. 24], речевой этикет в целом и формулы прощания в частности выступают как важный фрагмент национально-культурной картины мира. В этом смысле сопоставление русских и китайских формул прощания непосредственно связано с проблематикой межкультурной коммуникации, понимаемой как адекватное взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [Там же, с. 26].

Наконец, обращение к культурному компоненту исследования представляется принципиально важным, поскольку, по справедливому замечанию Ж. Ласера, без обращения к явлениям культуры изучение языка обедняется и сводится к усвоению лишь фонетических, лексических и грамматических явлений [6, с. 218]. Именно поэтому анализ формул прощания в настоящей статье строится не только как описание языковых единиц, но и как интерпретация заключенных в них культурных смыслов.

Данная статья выполнена в русле исследования речевого этикета в русской и китайской лингвокультурах. Функционально-прагматический подход используется в ней как один из способов анализа формул прощания как единиц речевого этикета. Тем самым функционально-прагматическое описание не противопоставляется лингвокультурологическому аспекту исследования, а дополняет его.

Цель статьи состоит в выявлении функционально-прагматических, семантических и лингвокультурных особенностей формул прощания как единиц речевого этикета в русской и китайской лингвокультурах.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. определить теоретический статус прощания как жанра речевого этикета;
2. систематизировать основные типы русских и китайских формул прощания;
3. установить параметры их функционирования;
4. выявить универсальные и национально-специфические черты русских и китайских прощальных формул;
5. определить значение полученных результатов для межкультурной коммуникации и преподавания русского языка китайским обучающимся.

Материал исследования составили русские формулы прощания и их китайские соответствия, различающиеся по своим функционально-прагматическим характеристикам, семантической направленности, условиям употребления, стилистической окраске и степени культурной маркированности. Источниками отбора материала послужили «Словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая, «现代汉语词典» (Словарь современного китайского языка), материалы Национального корпуса русского языка, результаты анкетирования и собственные наблюдения автора.

Научная новизна исследования заключается в комплексном сопоставительном анализе русских и китайских формул прощания как самостоятельного жанра речевого этикета в лингвокультурологическом аспекте. В работе показано, что данные единицы соотносятся не только как словарные соответствия, но и как функцио-

нально близкие средства, выбор и интерпретация которых определяются коммуникативным контекстом и национально-культурными нормами.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что сопоставительный анализ русских и китайских формул прощания позволяет уточнить представление о прощании как о самостоятельном жанре речевого этикета, выявить его функционально-прагматические параметры и конкретизировать национально-специфические особенности речевого этикета в двух лингвокультурах. Полученные результаты вносят вклад в развитие сопоставительной лингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в преподавании русского языка китайским обучающимся, в переводческой практике, а также в курсах по межкультурной коммуникации, прагматике, речевому этикету и лингвокультурологии. Особую ценность результаты работы имеют при объяснении тех случаев, когда русские и китайские формулы прощания соотносятся не как прямые лексические эквиваленты, а как функционально близкие средства, требующие контекстуального освоения.

1. Прощание как жанр речевого этикета

Прощание является завершающим этапом общения и выполняет не только контакторазмыкающую, но и этикетно-регулятивную функцию. Оно фиксирует завершение актуального контакта, однако одновременно поддерживает социальную связь между собеседниками. Именно поэтому прощание часто включает выражение доброжелательности, заботы, уважения или надежды на последующую встречу.

С позиций речевого этикета прощание следует понимать как стандартный, но коммуникативно значимый способ оформления завершения контакта, выбор которого определяется статусно-ролевыми отношениями между собеседниками, степенью их близости, условиями общения и культурной традицией. Тем самым прощание выступает не только как речевой акт, но и как социально и культурно маркированный жанр.

В русском и китайском языках формулы прощания реализуются как в прямой, так и в косвенной форме; подробнее эти типы рассматриваются в следующем разделе.

Такое расширенное понимание полностью соответствует социолингвистическому подходу, в рамках которого языковые единицы рассматриваются во взаимодействии с обществом, культурой и ситуацией общения. Поэтому формулы прощания целесообразно описывать

одновременно в семантическом, прагматическом и лингвокультурологическом аспектах.

Особый интерес представляют косвенные формулы прощания, в которых завершение контакта выражается не через специальное прощальное слово, а через сообщение о намерении уйти или через подчеркнуто вежливое снятие коммуникативного давления. К таким единицам относятся, например, «Пойду я / Пошёл я / Пошла я / Пошли мы», «Не буду больше Вам мешать», «Не смею больше беспокоить Вас». Их прагматическая специфика состоит в том, что говорящий не столько прямо разрывает контакт, сколько оформляет уход как естественное и социально оправданное действие. В сопоставительном аспекте это особенно важно, поскольку подобные косвенные стратегии сближают русское прощание с китайской коммуникативной традицией, где смягченные и ситуативно мотивированные способы завершения общения также играют значительную роль.

В настоящем исследовании классификация формул прощания строится прежде всего на функционально-прагматическом основании. В качестве основных типов рассматриваются прямые формулы завершения контакта, формулы, ориентированные на будущую встречу, пожелательные формулы, средства поддержания связи в цифровой коммуникации, а также косвенные и смягчённые стратегии выхода из общения. При этом официальность и неофициальность общения, коммуникативный канал, стилистическая окраска и культурная маркированность интерпретируются не как самостоятельные основания классификации, а как дополнительные параметры функционирования прощальных единиц. Такой подход позволяет избежать смешения разнородных критериев и более последовательно описать русские и китайские формулы прощания в семантическом, прагматическом и лингвокультурологическом аспектах.

2. Функционально-прагматические типы формул прощания

2.1. Прямые формулы прощания

К прямым формулам прощания относятся единицы, непосредственно выражающие завершение общения или указывающие на расставание как на особый коммуникативный акт. В русском и китайском языках такие формулы занимают важное место в системе речевого этикета, поскольку именно они наиболее явно маркируют конец актуального контакта.

В русском языке к данной группе относятся, прежде всего, выражения «До свидания», «До встречи», а в китайском — 再见, 回见. Эти единицы прямо обозначают завершение общения и в то же время могут содержать установку на его продолжение в будущем. В отличие

от косвенных средств завершения контакта, прямые формулы обладают более высокой степенью этикетной определенности и яснее воспринимаются как собственное прощание.

Сопоставление показывает, что прямые формулы прощания в обеих лингвокультурах выполняют прежде всего контакторазмыкающую функцию, однако в конкретном употреблении они могут сочетаться с оттенками вежливости, нейтральности, официальности или дружеской близости. Именно эта группа образует ядро системы прощальных формул, вокруг которого группируются более сложные, косвенные и ситуативно обусловленные способы завершения общения.

2.2. Прощальные формулы, ориентированные на будущую встречу

Одну из наиболее значимых групп составляют формулы, выражающие уверенность в будущей встрече и часто включающие указание времени или места. В русском языке наиболее употребительной нейтральной формой является «До свидания!», которая этимологически восходит к смыслу «мы расстаемся до следующего свидания». К этой же группе относятся выражения «До встречи!», «До скорой встречи!», «До завтра!», «До вечера!», «До воскресенья!», «До встречи в университете / в кино / утром / в два часа!».

В китайском языке аналогичную функцию выполняет модель время / место + 见, например: 明天见 'до завтра', 周日见 'до воскресенья', 晚上见 'до вечера', 学校见 'до встречи в школе', 公司见 'до встречи на работе', 大学见 'до встречи в университете'. Кроме того, употребляется более развернутая формула 希望很快再见面 'надеюсь на скорую встречу'.

Сопоставление показывает, что в обеих лингвокультурах прощание тесно связано с перспективой будущего контакта. Однако в русском языке данная семантика чаще выражается посредством конструкции с предложением **до**, тогда как в китайском — через модель с глаголом 见 'увидеться'. В прагматическом плане обе модели подтверждают, что размыкание контакта интерпретируется не как окончательное прекращение отношений, а как временное прерывание общения.

2.3. Прощание в форме пожелания

Как в русском, так и в китайском языках широко представлены формулы прощания, построенные в форме пожелания. Именно эта группа особенно ярко демонстрирует этикетную природу прощания. В русском языке к ней относятся «Всего доброго!», «Всего хорошего!», «Всего наилучшего!», «Счастливого!», «Будьте здоровы!», «Спокойной ночи!», «Приятных снов!», «Счастливого пути!».

В китайском языке наблюдаются многочисленные семантические соответствия: 祝一切都好 'всего доброго', 祝一切顺利 'всего наилучшего', 祝你顺利 'счастливого / удачи', 祝你幸福 'желаю тебе счастья', 保重 'береги себя', 祝您早日康复 'скорейшего выздоровления / скорее поправляйся!', 祝您今天愉快 'хорошего дня', 晚安 'спокойной ночи', 好梦 'приятных снов', 一路平安 'счастливого пути'.

Содержательно данная группа показывает, что прощание в обеих культурах может выходить за рамки собственно завершения разговора и превращаться в форму доброжелательного воздействия на адресата. Однако китайский материал позволяет особенно отчетливо увидеть высокую частотность формул заботы и благопожелания. Если в русском языке пожелание часто выступает как один из возможных типов прощания, то в китайском оно нередко оказывается центральным способом этикетного завершения общения.

2.4. Формулы поддержания контакта и прощание в цифровой коммуникации

Развитие мобильной связи и цифровых технологий привело к появлению новых или переосмысленных формул прощания. В русском языке широко употребляются выражения «До связи!», «Созвонимся!», «На связи!», «Спишемся!», «Пишите!», «Звоните!». Их специфика заключается в том, что они не столько завершают контакт, сколько подчеркивают возможность его быстрого возобновления.

Китайскими функциональными соответствиями являются 电话联系 'свяжемся по телефону', 再联系 'еще свяжемся / свяжемся позже', 保持联系 'будем на связи' или 'поддерживать связь'. В русском языке им соответствуют формулы «До связи!», «Созвонимся!», «На связи!». В отличие от традиционных формул типа 再见, данные единицы встроены в современную коммуникационную реальность и отражают переход от физической встречи к сетевой доступности.

Сопоставление показывает, что для обеих культур в цифровую эпоху становится особенно важной не столько формальная точка завершения разговора, сколько подтверждение сохранения канала связи.

Современная система прощальных формул в обоих языках испытывает заметное влияние глобализационных процессов и цифровой коммуникации, что проявляется как в активизации калькированных пожелательных форм, так и в прямых заимствованиях («Чао!», «Баи!», 拜拜, «88»). Заимствованные единицы не просто пополняют словарь, но и меняют прагматический облик общения, особенно в молодёжной и сетевой среде.

Это свидетельствует о том, что прощание является

одной из наиболее динамичных зон речевого этикета.

2.5. Косвенные формулы прощания и смягчённые стратегии выхода из общения

Наряду с прямыми формулами прощания в русском и китайском языках широко представлены косвенные способы завершения общения. Их специфика состоит в том, что окончание контакта выражается не через специальное прощальное слово, а через иные речевые действия: пожелание, сообщение о необходимости ухода, указание на возможность дальнейшей связи или подчеркнута вежливое снятие коммуникативного давления.

К числу таких единиц в русском языке относятся, например, «Пойду я», «Пошёл я», «Пошла я», «Пошли мы», «Не буду больше Вам мешать», «Не смею больше беспокоить Вас». В китайском языке функционально близкую роль могут играть выражения, в которых уход оформляется как ситуативно мотивированное и социально оправданное действие, смягчающее категоричность разрыва контакта.

В функционально-прагматическом отношении косвенные формулы особенно показательны, поскольку они демонстрируют, что завершение общения может быть представлено не как резкое прекращение взаимодействия, а как тактичный, культурно регулируемый и коммуникативно смягчённый переход к расставанию. Для сопоставительного анализа это существенно, так как именно в данной группе особенно заметны различия в степени косвенности, ненавязчивости и ситуативной мотивированности прощания в русской и китайской лингвокультурах.

3. Социально-стилистические и лингвокультурные параметры функционирования

3.1. Формулы прощания в официальной обстановке

В официальной русской речи используются формулы «Разрешите попрощаться», «Позвольте попрощаться», «Разрешите откланяться». Эти единицы маркируют высокую степень речевой вежливости, дистанцию и институциональный характер общения.

В китайском языке близкую функцию выполняют формулы 告辞了, 我先告辞了 и 失陪了, используемые в ситуации вежливого завершения общения. Формулы 告辞了 и 我先告辞了 функционально близки выражению 'позвольте откланяться', например: 时间不早了, 我先告辞了 — 'уже поздно, позвольте откланяться'. Формула 失陪了 содержит оттенок извинения в связи с невозможностью продолжать общение и функционально соотносится с русским выражением 'прошу извинить, я вынужден(а) откланяться'. Иную разновидность книжно

или стилистически приподнятого прощания представляет формула 后会有期, выражающая установку на будущую встречу и функционально соотносимая с русскими выражениями 'Ещё увидимся', 'Мы ещё встретимся', 'Надеюсь, мы ещё встретимся' [7, с. 544]. Подобные единицы употребляются в ситуациях официального, церемониального или подчеркнуто вежливого общения, а в отдельных случаях обладают книжной или стилистически приподнятой окраской.

При этом китайская модель чаще оказывается более развернутой и может включать указание причины ухода, что смягчает акт завершения общения и снижает его категоричность.

Материал «Словаря русского речевого этикета» А.Г. Балакая позволяет уточнить состав русских официальных и учтивых формул прощания. К ним относится, например, выражение «Не смею больше (более, далее) беспокоить (обременять...) Вас (своим присутствием)», которое употребляется гостем или посетителем перед прощанием с хозяином либо должностным лицом и подчеркивает подчеркнуто вежливый, церемонный характер завершения контакта. К этой же группе примыкает формула «Не буду (больше) Вам (тебе) мешать», содержащая оттенок извинения перед занятым собеседником.

Показательно, что подобные единицы не просто обозначают уход, но и смягчают его, представляя завершение общения как вынужденное и максимально тактичное действие. В функционально-прагматическом плане они особенно важны, поскольку демонстрируют тесную связь русских формул прощания с категориями учтивости, ненавязчивости и уважения к личному времени адресата.

3.2. Формулы прощания в неофициальной и разговорной речи

В разговорной русской речи широко представлены единицы «Пока!», «Всего!», «Бывай(те)!», «Привет!», «Салют!», «Гудбай!», «Ладно, всё, давай!», «Чмоки-чмоки!». Некоторые из них имеют уменьшительно-ласкательные варианты: «Салюттик!», «Приветик!». Эти формы характеризуются стилистической сниженностью, высокой экспрессивностью и зависимостью от степени близости между собеседниками. Показательно и то, что выбор некоторых формул может быть связан с гендерными и возрастными особенностями общения.

Словарь А.Г. Балакая показывает, что разговорные русские формулы прощания отличаются значительным стилистическим и прагматическим разнообразием. Так, к наиболее нейтральным и частотным разговорным средствам относятся «Пока», «Покеда», а также «Пойду я / Пошёл я / Пошла я / Пошли мы», которые в устной речи

нередко предшествуют собственно прощанию или одновременно выполняют его функцию. Формула *«Бывай(те) к нам (у нас)»* представляет собой областной вариант приглашения собеседника в гости, обычно употребляемый при прощании, что показывает возможное совмещение завершения контакта с установкой на его продолжение в будущем.

В китайском языке близкими по функции являются 再见, 回见, 拜拜, 祝好, а также разговорно-ласкательная формула 么么哒, которая в неформальном интернет-общении может соответствовать экспрессивным русским единицам типа «чмоки-чмоки».

Особую группу составляют фамильярные, шуточные и просторечные выражения: *«Будь здоров, не кашляй»*, употребляемое при прощании с близким знакомым, приятелем, равным или младшим по возрасту, а также *«Милости просим и напередки хлебать редьки»* — просторечная и областная шуточная либо ироническая формула прощания с гостем. Подобные единицы особенно важны для описания русской лингвокультуры, поскольку свидетельствуют о высокой роли экспрессии, языковой игры и стилистически сниженных форм в неофициальном общении.

Особого внимания заслуживает русская формула *«Давай»*, восходящая, по одной из интерпретаций, к более ранним пожелательным моделям, а также форма *«Пока-пока»*, распространившаяся в конце XX века под влиянием редупликационных моделей типа *«bye-bye»*. В китайском разговорном общении сходную роль может играть повтор или краткая ритмизованная форма, особенно в цифровой среде.

3.3. Специальные и культурно маркированные формулы прощания

Отдельную группу составляют формулы, функционирующие в специальных социальных сферах. Так, в русском военном общении исторически значимым является выражение *«Честь имею»*, а в современной армейской среде прощание строго регламентируется уставом: в ответ на слова начальника До свидания, товарищи подчиненные отвечают До свидания, сопровождая ответ обозначением звания: товарищ капитан, товарищ генерал армии и т.д.

Словарь речевого этикета позволяет выделить и ряд культурно маркированных русских формул, тесно связанных с бытовыми традициями, народной речью и особыми ситуациями общения. Так, выражение *«Посошок на дорожку»* обозначает предложение гостю выпить перед уходом или отъездом и указывает на связь прощания с ритуалом гостеприимства. Пожелание *«Мягкой посадки»* употребляется при прощании с авиапассажирами или

летчиком и представляет собой ситуативно специализированную современную формулу.

Формула *«С Богом»* выражает благопожелание уходящему и отражает религиозно-культурный компонент русской речевой традиции. Кроме того, как отмечает Чан Ваньцзюнь, православная речеповеденческая тактика прощания в России реализуется в таких формулах, как: *«Прости(те)»*, *«Простите, батюшка, и благословите»*, *«Ангела Хранителя»*, *«Храни тебя Господь»*, *«Пусть Господь тебя хранит»*, *«С Божьей помощью»*, *«С Богом»*, *«Божьей помощи»* [8, с. 155].

Особый интерес для сопоставления представляют безэквивалентные или частично эквивалентные формулы. В русском языке к ним относится выражение *«Не поминайте лихом!»*, содержащее национально-специфическую семантику просьбы не вспоминать говорящего дурно. В китайском языке культурно значимыми являются формулы 您慢走 ‘идите не спеша’, обращенная к уходящему гостю и выражающая заботу о его безопасности и комфорте, а также 不见不散 ‘не расходимся, пока не встретимся’, подчеркивающая твердую договоренность о встрече. Этикетной реакцией на прощание гостя в китайской традиции может быть 请留步 ‘не провожайте, оставайтесь’, что демонстрирует взаимную вежливость и стремление не причинять неудобства собеседнику.

Наряду с этим в русском языке существуют и сниженные, нередко иронические формулы прощания, например *«Бога видишь, дверь знаешь»* — вежливо-сухое или холодное прощание со значением «не удерживаю, можешь уходить», а также *«Скатертью дорога»*, которое в одних случаях может интерпретироваться как пожелание счастливого пути, а в других приобретает оттенок резкого отстранения адресата. Подобные единицы особенно показательны в лингвокультурном отношении, поскольку демонстрируют, что формулы прощания могут выражать не только доброжелательность и солидарность, но и дистанцирование, иронию или скрытое неодобрение.

Именно такие единицы особенно ценны для лингвокультурного анализа, поскольку они показывают, что прощание в каждой культуре связано не только с языковой формой, но и с системой социальных ожиданий, представлений о тактичности, дистанции и заботе.

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование показало, что формулы прощания в русском и китайском языках представляют собой не периферийные речевые клише, а значимый фрагмент системы речевого этикета, в котором отражаются нормы вежливости, модели коммуникативной дистанции, способы выражения добро-

желательности и культурно обусловленные стратегии завершения общения. Тем самым поставленная в статье цель — выявить функционально-прагматические, семантические и лингвокультурные особенности формул прощания как единиц речевого этикета в русской и китайской лингвокультурах — в целом достигнута.

В ходе анализа был уточнен теоретический статус прощания как самостоятельного жанра речевого этикета, сочетающего контакторазмыкающую, регулятивную, этикетную и проективную функции. Систематизация языкового материала позволила выделить основные функционально-прагматические типы формул прощания, а также установить их социально-стилистические и лингвокультурные параметры функционирования. Установлено, что в обеих лингвокультурах прощание не ограничивается формальным завершением контакта, а служит также средством выражения уважения, заботы, расположения к адресату и готовности к продолжению общения.

Сопоставление русского и китайского материала позволило выявить как универсальные, так и национально-специфические особенности формул прощания. К универсальным чертам относится связь прощания с перспективой будущего контакта, широкое использование пожелательных форм и ориентация на поддержание социального равновесия в завершающей фазе общения. Национально-специфические различия проявляются в том, что русская система отличается более выраженной стилистической стратификацией и большим разнообразием разговорных, экспрессивных, шутливых и культурно маркированных единиц, тогда как китайская система в большей степени ориентирована на косвенность, ситуативную мотивированность, гармонизацию общения и формулы благопожелания.

Полученные результаты позволяют более точно опи-

сать прощание как объект сопоставительного, прагмалингвистического и лингвокультурологического анализа. Значимость проведенной работы состоит в том, что она уточняет представление о национально-специфических моделях завершения общения в русской и китайской лингвокультурах и тем самым вносит вклад в изучение речевого этикета, межкультурной коммуникации и функционально-прагматической организации речевого поведения. Особую ценность имеет установление того, что многие русские и китайские формулы прощания соотносятся не как прямые лексические эквиваленты, а как функционально близкие единицы, интерпретация которых определяется коммуникативным контекстом и культурной нормой.

Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского языка китайским обучающимся, в практике перевода, а также при разработке учебных курсов по межкультурной коммуникации, прагматике, речевому этикету и лингвокультурологии. Учет функционально-контекстуальных различий между русскими и китайскими формулами прощания представляется особенно важным для предупреждения прагматических ошибок в межкультурном общении. Целевая аудитория статьи включает специалистов в области сопоставительной лингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также преподавателей русского языка как иностранного, переводчиков и китайских обучающихся, изучающих русский язык.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с обращением к корпусным данным, анализом формул прощания в цифровом дискурсе, молодежной речи, профессиональной коммуникации и региональных вариантах речевого поведения, а также с более детальным изучением безэквивалентных и частично эквивалентных единиц в русской и китайской лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. Москва: Смысл; Санкт-Петербург: Лань, 2003. 287 с.
2. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. Москва: Аст-Пресс, 2001. 672 с.
3. Кортава Т.В. Русский язык и культура речи: учебник для вузов. Москва: Издательство Московского университета, 2024. 367 с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / сост. В.А. Звегинцев. Москва: Просвещение, 1964; Ч. 1. 466 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Рус. яз., 1990. 246 с.
6. Ласера Ж. Реалии французской культуры на уроках французского языка. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам: сб. статей / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. Москва, 1974. С. 218.
7. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 — 北京: 商务印书馆, 2016. 1897 с.
8. Чан Ваньцзюнь. Русский и китайский речевой этикет: прощание. *Philology and Culture*. 2018; 1 (51): С.153–156.

© Хуан Шаофэй (elisa666shaofei@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛЬМ-ПРОПОВЕДЬ «МАЛЬЧИКИ» КАК ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО РОМАНА

THE SERMON-FILM "BOYS" AS A CREATIVE INTERPRETATION OF THE CLASSIC NOVEL

**E. Chetina
A. Herzen**

Summary: The film *Boys* (directed by R.A. Grigoryeva and Yu.V. Grigoryev, 1990) is an example of a productive creative interpretation of one of the plot lines of the novel *The Brothers Karamazov*. The screen adaptation intensifies the sermon-like dimension and reveals the communicative strategies of Fyodor Dostoevsky's text. The philosophical and religious component of the classic work is visualized through a system of audiovisual imagery. The director semantically expands the image of the stone, embodying the motifs of renewal and rebirth.

Keywords: philosophical novel, film adaptation, interpretation, motives, symbolic landscape.

Четина Елена Михайловна

кандидат филологических наук, доцент, Пермский
государственный национальный исследовательский
университет
chetina@mail.ru

Герцен Алекс Александровна

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
herzenal@inbox.ru

Аннотация: Фильм «Мальчики» (режиссеры Р.А. Григорьева и Ю.В. Григорьев, 1990 г.) является примером продуктивной творческой интерпретации одной из сюжетных линий романа «Братья Карамазовы». Экранизация усиливает проповедническое начало, проявляет коммуникативные стратегии текста Ф.М. Достоевского. Философско-религиозная составляющая классического произведения визуализируется в системе звукозрительных образов. Режиссер семантически расширяет образ Камня, воплощая мотивы обновления и перерождения.

Ключевые слова: философский роман, экранизация, режиссерская интерпретация, мотивы, символический пейзаж.

Одной из удачных, но малоисследованных экранизаций романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» можно назвать фильм «Мальчики» (режиссеры Ренита и Юрий Григорьевы), получивший приз за лучшую операторскую работу на международном кинофестивале «Золотой Витязь» (1992 г.). Автором сценария выступила Р.А. Григорьева — режиссер документального и игрового кино, лауреат Государственной премии СССР. Творческий союз супругов Р.А. и Ю.В. Григорьевых подарил зрителям художественные («Сердце друга», «Праздники детства», «Говорит Москва», «Мальчики») и документальные фильмы («Дорога на фестиваль», «Утро нашего города», «Слово предоставляется студентам», «Венский лес», «9 мая в Сроствах», «На родине Шукшина», «Солдаты Орловы», «Жизнь одна», «Именем Шукшина», «По следам фильма «Молодая гвардия», «Елец православный»). Григорьевы окончили исторический факультет МГУ (1955) и режиссерский факультет ВГИКа (актерско-режиссерская мастерская С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой, 1959).

С.А. Герасимов подчеркивал, что художник несет ответственность за свое произведение и его влияние на зрителя. Поэтому «кинообразование для Герасимова было неотделимо от нравственного, эстетического развития его воспитанников» и включало изучение шедевров русской словесности [22, с. 68]. В фильмографии Герасимова особое место занимают экранизации произведений отечественных писателей, среди которых клас-

сики XIX века и советские авторы (Фадеев, Шолохов); примечательна его интерпретация Ф. Стендаля («Красное и черное», 1976). Собственный творческий метод Герасимов определял как «натурреализм» — «глубокое постижение реального человека в реальной исторической среде» [9, с. 393]. Режиссер «навсегда остался приверженцем романной формы в киноискусстве». Такая форма, как «кинороман», по словам мастера, «полнее выражает правду жизни, ибо позволяет с максимальной подробностью проследить в судьбе героя сплетение всеобщего и личного» [10, с. 33].

Традиция кинематографической школы Герасимова с ее бережным отношением к литературной основе, вниманием к психологической достоверности, исторической конкретности и эпическому охвату действительности, находит свое продолжение в сценарии Рениты Григорьевой. Фильм «Мальчики» создавался в переломный исторический момент — на рубеже 1980–1990-х годов. Обращение в этот период к роману Достоевского «Братья Карамазовы» воспринимается как сознательный художественный жест. Сценарист и режиссер поднимает в своем переложении классического текста вечные вопросы — о добре и зле, детском страдании, возможности духовного воскресения и любви к ближнему. Премьера фильма состоялась в 1990 году накануне крушения страны. Таким образом, в контексте «лихих девяностых» и творческой биографии создателей фильма кинокартина «Мальчики» предстает как попытка художников, воспи-

танных в традициях литературоцентризма и гуманизма, передать классические ценности новому поколению – тем самым «мальчикам», которым предстоит жить в другой, постсоветской России. К сожалению, сейчас уже можно констатировать, что картина не дошла до своего адресата и широкой аудитории.

Исследователи отмечают, что «каждое поколение кинематографистов говорит о необходимости обращения к творчеству Достоевского, к поиску самоидентичности через его творчество, и насколько не похожи друг на друга поколения – столь непохожими друг на друга оказываются и экранизации его романов» [15, с. 3]. Филологи характеризуют сферу экранизаций классических текстов как особое поле литературоведческих изысканий. А.В. Красавина анализирует отечественные киноинтерпретации романа «Идиот» сквозь призму историко-функционального подхода, уделяя особое внимание механизму смыслообразования и фильмическому воплощению «смыслового ядра» романа.

Время создания фильма и соответствующая коммуникативная ситуация во многом определяют видение режиссера и специфику воплощения романного содержания. Е.В. Соколова, рассматривая возможности перевода авторских образов на экран, подчеркивает, что соприкосновение литературы и кинематографа приводит к их взаимовлиянию и взаимообогащению. Исследователь указывает на богатый кинематографический потенциал произведений Достоевского, определяемый образной структурой его произведений [23, с. 15]. Следует отметить, что режиссерская идея связана с активной общественной деятельностью авторов фильма. Так, центр православной культуры в Ельце, где проходили съемки картины, создан при участии Рениты Григорьевой. Духовная сторона жизни режиссеров находит свое непосредственное выражение в творчестве, определяет идейно-художественную специфику экранизации.

Ряд исследователей Достоевского определяет его художественный метод как «духовный реализм», «религиозный реализм», «христианский реализм» и т.п. Интерес представляют размышления, отражающие концепцию «православного реализма». Тема духовного возрождения здесь определяется как центральная в творчестве писателя: «покаяние и возрождение, грехопадение и исправление, а если нет, то ожесточенное самоубийство; только около этих настроений вращается вся жизнь всех его героев» [1, с. 254–255]. Подобные темы определяют содержание кинофильма «Мальчики», в основе сценария которого – одноименная десятая книга четвертой части «Братьев Карамазовых». Помимо нее, представлены также главы второй и шестой книг (для начального эпизода со старцем Зосимой), главы четвертой книги (знакомство Алеши с Илюшей и штабс-капитаном Снегиревым) и третья, заключительная глава эпилога «Похо-

роны Илюшечки. Речь у камня». Извлечение из романа одной сюжетной линии, связующей Алексея Карамазова, ушедшего из монастыря в «мир», с «детворой» – от встречи его с Илюшей Снегиревым до смерти мальчика, – в известной степени обусловлено изначальной самостоятельностью, обособленностью десятой книги.

Достоевский писал Н.А. Любимову от 29 апреля 1880 года, что он «очень доволен, что книга “Мальчики” <...> столь отдельна и эпизодна» [13, т. XXX, кн. 1, с. 152]. Современные исследователи, указывая на дублирование проблематики и разрешение некоторых поставленных ранее в тексте романа вопросов, считают, что книга «Мальчики» в смысловом отношении отражает архитектурную (идейную) организацию всего произведения в целом [2, с. 139]. Филологи отмечают, что книгу «Мальчики» можно рассматривать как «роман в романе», который выражает, в противовес первому «вступительному» роману об убийстве Федора Карамазова [13, т. XIV, с. 12], «внутреннюю», «внесюжетную» идею «Братьев Карамазовых» — идею духовного возрождения [24, с. 343]. Отметим также, что в упомянутом письме к Любимову Достоевский высказывается о сцене похорон Илюши и речи Алеши как о тех ключевых эпизодах, в которых «отчасти отразился смысл всего романа» [13, т. XXX, кн. 1, с. 151].

Для «Братьев Карамазовых», как и для многих произведений писателя, характерны: трагический пафос, гиперболизация страстей и страданий, болевой эффект; динамичное, напряженно развивающееся действие; драматизм, сценическое начало, трагический конфликт (трагедия души и трагедия духа); антропологема «подполья»; многообразие философов героев, многоплановая идеологическая подоплека действия, единая сложная динамическая диалектическая философская система [16, с. 36, 48]. Режиссерская трактовка классического текста, на наш взгляд, сохраняет трагизм и пафос «великого пятикнижия», визуализирует средствами киноискусства религиозное начало. Идейное содержание и художественная специфика фильма, на наш взгляд, позволяют охарактеризовать его как «фильм – проповедь».

Богослужбная проповедь как особый жанр церковно-религиозного функционального стиля речи и как часть религиозного дискурса, имеет ярко выраженное дидактическое начало. Проповедь направлена на «утверждение членов Церкви в вере и побуждение к жизни в соответствии с верой» [7, с. 79]. Как нам представляется, фильм «Мальчики» ориентирован на утверждение православных ценностей посредством разъяснения и наглядного иллюстрирования идеалов и добродетелей, провозглашенных христианским вероучением. Нарочитая назидательность экранизации позволила театральному критику и театроведу. Т.К. Шах-Азизовой (присутствовавшей на премьере в 1990 г. в Доме кинема-

тографистов) назвать «сверхзадачей» «Мальчиков» преподавание «урока “христианского поведения”» [26, с. 10].

На наш взгляд, дидактичность экранизации отчасти редуцирует то философское содержание, которое заложено в литературном первоисточнике. В фильме преобладает умиротворенное настроение, создающее ощущение гармонии бытия. В ходе киноповествования широко используется панорамирование: общие планы (пейзажи и городской ландшафт) нередко начинают и (или) завершают эпизод, поддерживая меланхоличное состояние зрителя. Цветовое решение картины, воссоздающей исторический антураж провинциального города, строится на естественных блеклых и пыльных оттенках осеннего Ельца «в роли» Скотопригоньевска. Здесь преобладают холодные серые и коричневые цвета. Теплые цвета ненадолго проникают в палитру кадра только с мягким желтым, оранжевым светом закатного солнца. «Мальчики» выдержаны в единой цветовой гамме, без резких контрастов. Доминирующим является цвет земли — коричневый, создающий сдержанную эмоциональную тональность.

Плавный ритм съемки формирует неторопливое киноповествование: камера находится в статике или сопровождает перемещения героев. В «Братьях Карамазовых», как и в других наиболее значимых произведениях Достоевского, представлено напряженно развивающееся действие. Л.П. Гроссман для определения динамичных «массовых» сцен в произведениях Достоевского вводит термин «конклав». «Для композиций Достоевского характерны многолюдные и бурные сцены, как бы сотрясающие все построение романа, сборища, споры, скандалы, истерики, пощечины, припадки» [11, с. 344]. Эпизоды – конклавы в экранизации практически не выделены ритмически и монтажно, что, на наш взгляд, отчасти нивелирует катастрофизм романного действия. Сопровождающая героев камера создает эффект присутствия. Одна из наиболее напряженных сцен — разговор Алеши и штабс-капитана Снегирева у камня — снята одним дублем. Чередование средних и крупных планов имитирует перемещение активного наблюдателя, что соответствует особенностям авторского повествования в романе – от лица рассказчика-очевидца.

В значительной степени специфику кинофильма определяет работа актеров. Одной из особенностью «Мальчиков» можно назвать привлечение непрофессиональных исполнителей (реальных носителей православной культуры) в игровое кино [20, с. 65]. Принципиальным решением режиссеров оказалось привлечение к съемкам потомков Федора Михайловича: правнука Дмитрия Достоевского (эпизодическая роль) и праправнука Алеши Достоевского, сыгравшего Колю Красоткина. Дмитрий Черниговский, исполнивший роль Алеши Карамазова, к тому моменту окончил киновед-

ческое отделение ВГИКа и учился в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. Непосредственность, с которой сыграны роли Алеши Карамазова, Илюши и Красоткина, мальчиков-гимназистов, усиливает эмоциональное воздействие фильма. Тем не менее нельзя не отметить, что некоторые образы лишены того трагического внутреннего конфликта, который есть в романе. Так, рисунок роли Дмитрия Черниговского, не отражает, на наш взгляд, в полной мере полноту метафизических метаний литературного героя, Алеши. Несколько утрированная эмоциональность Евгения Ташкова, сыгравшего штабс-капитана Снегирева и тщательно артикулирующего каждое слово, создает эффект театральности, а не «надрыва» героя Достоевского.

Особый интерес представляет композиция «Мальчиков». Основное действие фильма обрамлено своеобразными прологом и эпилогом, представляющими синтез хроники и художественного действия. В прологе даны кадры с изображением памятника Достоевскому. В эпилоге представлены документальные кадры крестного хода в Оптиной пустыне. В молебне, помимо священнослужителей и паломников, участвуют исполнители ролей и съемочная группа. По задумке режиссеров, игровое начало кинокартины как бы вписано в документальную реальность. Такой прием обнажает взаимосвязь двух миров — художественного и современного. «Проникновение» героев художественного мира Достоевского в реальность призвано подчеркнуть актуальность и незыблемость его идей, пронесенных сквозь время.

М.М. Бахтин, разрабатывая философскую теорию диалогизма и формулируя концепцию «полифонического романа», описывает диалог автора и героя как особенность поэтики Достоевского. «Слово героя о себе самом и о мире так же полномерно, как обычное авторское слово... Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными же голосами других героев» [3, с. 11]. Роман Достоевского предстает как сплетение жизненных идей, голосов, где автор ведет несколько таких диалогов, и герои также ведут диалог друг с другом. Соглашаясь с мнением, что «созданный Бахтиным релятивистский мир, в котором отсутствует ценностная иерархия и последний авторский приговор, имеет мало общего с миром Достоевского» [6, с. 17], мы, тем не менее, считаем значимым наблюдение об условной равноценности идейных позиций, противостоящих друг другу на страницах романа. «Идее» о Боге Алексея Карамазова противостоит «идея» о вседозволенности его брата Ивана. Несмотря на то, что философские искания Достоевского воплощаются в христианском мировоззрении Алеши, в романе представлены две разные «правды» о мире. Они пребывают в состоянии борьбы, противоречия, живого спора, поскольку именно в столкновении, в

постоянной духовной работе, по Достоевскому, можно приблизиться к истине.

В фильме сложная, многоуровневая теория Ивана Карамазова редуцируется. Здесь она вложена в уста тринадцатилетнего Коли Красоткина, «нигилиста», излагающего чужие суждения. «Идея» о вседозволенности встает в ряд других «западных» философов, усвоенных гимназистом. С одной стороны, перед нами отчасти комическое снижение – слова Ивана Карамазова попадают в школьное сочинение. С другой – акцентируется опасность влияния подобных идей на молодое поколение, что, впрочем, можно увидеть и в романе. Режиссерская трактовка нигилистических воззрений и образов, на наш взгляд, противоречит поэтике «Братьев Карамазовых»: перед зрителем не разворачивается значимое, личностно окрашенное противоборство идей. Таким образом, философское содержание классического романа трансформируется и предстает в своеобразной форме кинематографической проповеди, «урока». Исследователи подчеркивают, что «христианство Достоевского в искусстве — это не речи проповедника» [25, с. 111]. Христианские идеи писателя воплощаются, в первую очередь, в символикации изображаемой реальности. Индивидуальная символическая система писателя, по Р.Г. Назирову, включает в себя несколько подсистем, среди которых слова-символы, цитаты и аллюзии; предметные детали повседневного быта; жесты персонажей; пространство и время; переосмысленные символы культуры [12, с. 215–216].

В многочисленном ряду образов-символов Достоевского значительное место занимает образ камня. Т.А. Касаткина полагает, что в слове «камень» в контексте «Братьев Карамазовых» актуализировано богатейшее евангельское значение: камень – человек. В исследовании В.Е. Ветловской камень (как образ) упоминается в связи с темой построения здания (Церкви) на основе христианской любви и самоотвержения. Сюжетные линии Алеши Карамазова и Илюши Снегирева связаны с образом камня. Наиболее значимы здесь три эпизода: драка мальчиков, избивание Илюши камнями; разговор Алеши и штабс-капитана Снегирева у «Илюшина камня»; речь Алеши для двенадцати мальчиков у «Илюшина камня». Т.А. Касаткина метафорически интерпретирует эпизод «летающих камней» в «Братьях Карамазовых»: «Человеческое естество подобно камню, и вне притяжения Господа оно становится орудием битвы друг с другом и поражения друг друга. Вне притяжения большого Камня мелкие камни начинают летать как при землетрясении» [14, с. 381]. На наш взгляд, также правомерно будет высказать мысль о том, что само «землетрясение», хаотичное движение камней есть не что иное, как образное явление духовной смуты, хаоса, воцарившегося в душах школьников, «народа безжалостного».

Между «перестреливающимися» мальчиками встает Алеша: «Он выскочил и стал навстречу летящим камням, чтобы загородить собою мальчика за канавкой» [13, т. XIV, с. 161–162]. Однако, как в своего кровного врага, Илюша целится и в Карамазова, затем «кусает его больно и глубоко за палец, – рассчитывая, что «Алеша непременно бросится на него теперь» [13, т. XIV, с. 163]. Вместо ожидаемой гневной реакции звучит смиренный вопрос: «Так что же я сделал и чем я виноват пред вами, скажите?». Психологически значимой является реакция Илюши: «Вместо ответа мальчик вдруг громко заплакал, в голос, и вдруг побежал от Алеши» [13, т. XIV, с. 164]. Обратим внимание на употребление свойственного Достоевскому наречного образования «вдруг», которое повторяется дважды в пределах одного предложения. О специфическом употреблении и о частотности этого слова у Достоевского написано достаточно (работы М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Е.Л. Гинзбург, В.Н. Топорова и др.). А.А. Белкин полагает, что «вдруг» означает «такую встречу, такое событие, которые играют решающую роль в судьбе человека, а порою являются катастрофическими» [4, с. 129].

Кротость Алеши вызывает духовное преображение «противника». Впервые в сюжетной линии Илюши возникает мотив вины, имеющий принципиальное значение для понимания его судьбы. Сюжетную функцию образа «летающих камней» можно определить как каталитическую, усиливающую уже начавшиеся изменения в душе героя. Настоящая причина «великого гнева в маленьком существе» раскрыта в сцене диалога Алеши и штабс-капитана Снегирева. Дело не столько в самом унижении штабс-капитана и Илюши, сколько в болезненном переживании несправедливого мироустройства, в котором богатый всегда окажется выше и сильнее бедного. За рассказом о нравственных мучениях сына следует сцена искушения отца. «И Алеша протянул ему две новенькие радужные сторублевые кредитки». Характерный для произведений Достоевского психологический, душевный «надрыв» визуально связан с местом действия. «Оба они стояли тогда именно у большого камня, у забора, и никого кругом не было» [13, т. XIV, с. 190]. Именно по дороге к этому камню, к «месту пустынному и прекрасному» [13, т. XIV, с. 188] велись откровенные, пронзительные беседы штабс-капитана и Илюши. Нам кажется значимым то обстоятельство, что решение штабс-капитана отказаться от помощи принимается им «в присутствии» большого камня, неотрывно связанного в сознании отца со своим сыном. Объект природного мира в таких условиях как бы начинает принимать на себя роль субъекта, «вторгается» в человеческое пространство. Процесс «одухотворения» (и своего рода «перехода») закономерно завершится в финале романа.

Предчувствуя свой скорый уход, Илюша просит отца похоронить его у камня: «Не хочу в ограде хоронить! –

возопил вдруг Снегирев, – у камня похорону, у нашего камушка! Так Илюша велел» [13, т. XIV, с. 191]. Безусловно, что «камень, у которого они все... соединились, одушевленные одним чувством — любовью к умершему Илюшечке, символически означает христианскую Церковь (ср. слова, цитированные в романе: "...на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" – Мф. 16:18)» [8, с. 331]. Алеша произносит свою проповедь у камня, объединяя детей «добрым хорошим чувством» памяти об Илюше. В романе образ камня многозначен и связан с внутренней жизнью юных героев. Мотивы, сопряженные с этим образом, по нашему представлению, развиваются: путь от хаоса, смятения, ожесточения («перестрелка» школьников) – к пониманию, духовному возвышению и воскресению.

Образ камня – одна из «нитей», скрепляющих сюжет фильма. В «Мальчиках» этот зрительный образ получает дополнительные смыслы, усиливая и те значения, которые угадываются в романе Достоевского. Рассматриваемый образ появляется в нескольких сценах: в прологе; в «перестрелке» школьников; в эпизоде разговора Алеши и штабс-капитана Снегирева у камня; в финале, когда Алеша держит слово перед мальчиками. Повтор значимого образа в начале и конце фильма обуславливает семантическое приращение и создание новых смыслов.

Документальное изображение надгробного памятника Достоевскому в Александро-Невской лавре предваряет действие фильма. Пространство кадра заполняет символически значимый камень, с которым неотрывно связаны два ключевых мотива: мотив смерти и мотив памяти. На памятнике выгравированы слова из Евангелия о пшеничном зерне, которое должно умереть, чтобы принести плоды. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Та же евангельская цитата приведена в качестве эпиграфа к «Братьям Карамазовым» и выражает главную идею последнего романа Достоевского. Символический смысл эпиграфа акцентируется композиционно. Так, за документальным изображением следует эпизод в спальне Зосимы: старец, предчувствуя скорую кончину, благословляет своего духовного ученика Алешу на «великое послушание в миру». Здесь раскрывается полисемантизм мотива, заданного прологом, – мотива смерти.

Кадры надгробного памятника и эпизод с Зосимой, представленные нераздельно, актуализируют философские смыслы романа. Образы Достоевского (через образ могильного камня) и его героя сопрягаются как образы духовных учителей, наставников, в символическом смысле — как образ зерна. Для того чтобы принести плод, зерно должно умереть. Так и великий мыслитель, и старец, умирая, позволяют «расцвести» их духовному наследию.

Идея осмысления творческого наследия Достоевского его духовными последователями реализуется через мотив памяти. Представленный в начале фильма образ памятника задает картине торжественный тон, акцентирует внимание на преемственности культурных и духовных ценностей. Монтажное соединение двух разнородных (документального и художественного) эпизодов в экранизации отражает функции монтажа как «средства всестороннего раскрытия и разъяснения связей между явлениями жизни» [21, с. 169]. Смыслообразующие и концептуально связанные элементы, которые в романе разъединены чередой многочисленных событий, в фильме оказываются в непосредственной близости и обретают изобразительное единство благодаря фильмическому приему.

Стремительность изменения душевного состояния Илюши после разговора с Алешей в романе выражена лексическим повтором особым употреблением слова «вдруг». В киноленте внезапность перемены подчеркнута монтажным сцеплением кадров с резкой сменой построения актера, играющего Илюшу. Здесь режиссерам, на наш взгляд, важно акцентировать внимание и на истинном источнике перемены: Илюша убегает в сторону уединенной колокольни – на экране, сквозь ветви деревьев, появляется образ креста. Такими выразительными средствами маркируется начало духовного преображения героя. В фильме идея символического соотнесения Илюшина камня с Церковью предстает в непосредственно зримой форме — в образе храма. Композиция кадра с изображением камня Илюши, как правило, имеет диагональное построение, соединяющее точки двух подобных вертикалей: вертикали камня и человеческой фигуры на фоне в колокольни. По нашему мнению, образ каменной колокольни резонирует с образом Илюшина камня. Во время уединенного разговора отца и сына у камня камера захватывает сначала слившиеся в объятии фигуры Илюши и Снегирева, затем – героев и камень, в завершении показан обобщающий, объединяющий эти образы символ церкви.

Мотивы перерождения и обновления воплощаются в заключительном эпизоде сюжета по мотивам главы «Похороны Илюшечки. Речь у камня». В завершении речи Алеши у камня — долгий, акцентирующий кадр, в центре которого находится Илюшин камень как символ памяти и зарождающегося всечеловеческого единства во Христе. Мотив памяти был выражен и в образе надгробного камня Достоевского в начале фильма. Явная переключка этих двух созвучных образов обогащает и утверждает значение камня в кинокартине. Комплекс мотивов, формирующих целостный образ камня в фильме «Мальчишки», создается такими художественно-выразительными кинематографическими средствами, как визуальная метафора, принцип взаимоотражений пластических образов, семантика цвета, внутрикадровая композиция и

ракурс, монтаж и параллелизм эпизодов. В киноповествовании сохраняются смысловые акценты классического текста, эксплицированы в иллюстративно-зримой форме метафоры и аллюзии.

Киноповествование «Мальчиков» наполнено и другими религиозными образами: пластическими, аудиальными и аудиовизуальными. К зрительным следует отнести образы колокольни и креста, красного угла и иконы. Так, в пространстве кадра обособленность старой полуразрушенной колокольни выглядит символично, поскольку с ней связаны образы «униженных и оскорбленных», изгнанных из общества Илюшечки и штабс-капитана Снегирева. Колокольня в фильме – это та вертикаль, благодаря которой соединяются мир земной и мир высший. Средним планом снята увенчанная крестом главка колокольни в эпизоде «летающих камней» – в сторону креста убегает Илюша. Образ колокольни выполняет функцию главной визуальной метафоры, формируя символическое измерение кадра и удерживая зрителя в области христианских смыслов.

Красный угол, иконы с ликом Христа и святых представлены органической частью внутреннего обустройства простых, скромных жилищ: спальни старца Зосимы, дома семьи Снегиревых (пространство кровати Илюшечки) и квартирки докторши. Появляясь в кадре, красный угол с образами в киотах неизбежно притягивает к себе героя для совершения молитвы и неторопливого крестного знамения. Среди аудиальных образов следует выделить молитву (как звучащее слово), звон колоколов, пение церковного хора, включенных в качестве звукового сопровождения панорамных кадров и переходов между эпизодами. Религиозная образность фильма «Мальчики» воплощает «евангельский текст» произведения Достоевского. Художественно значимые детали быта мирян (икона, красный угол, крестное знамение и молит-

ва) создают образ русского народа как носителя православной культуры. Объекты-символы (крест, колокольня) направлены на порождение мемориальных смыслов, связаны с мотивом духовного поиска. Яркое воплощение христианских идей на образном уровне представлено в сценах моления Илюши и крестного хода на Пасху, построенных по принципам иконографического взаимопроникновения духовной и физической реальностей.

Для создателей фильма принципиально важным было совмещение игрового и неигрового в начале и конце киноповествования. Дополняя наблюдения исследователей, в частности, Е.М. Пищиты [20, с. 70], предложим следующее прочтение финала «Мальчиков». На наш взгляд, он представляет собой образ христианской церкви, в основе которого – принцип целостного единства в соположении различных его частей. Звук, изображение, движение и монтаж подчинены образному воплощению крестного хода во время Пасхи – праздника воскресения. В пространстве кадра пребывают исполнители ролей, съемочная группа, реальные священники, прихожане и вместе с ними — актер, который играет Илюшу и все еще находится в образе. Подобное сосуществование персонажей показывает гармоническое единство человеческих душ, взаимодействие мира духовного и мира материального.

Кинофильм не только воспроизводит комплекс образов и мотивов, отражающих философско-религиозное содержание романа. Режиссеры обогащают экранное изображение и киноповествование новыми элементами, визуализирующими художественный мир произведения. Фильм «Мальчики», по нашему мнению, представляет собой достойную попытку переложения классического текста на современный экранный язык, демонстрирует бережное отношение авторов к художественному наследию Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоний (Храповицкий), архиепископ. Избранные труды. Письма. Материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. 1056 с.
2. Артемов Н.С. Интерпретация книги «Мальчики» романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: опыт совмещения структурно-семиотического и герменевтического подходов // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2024. № 1 (10). С. 131–145.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Том 6: Проблемы поэтики Достоевского. Работы 60–70 годов. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. 799 с.
4. Белкин А.А. «Вдруг» и «слишком» в художественной системе Достоевского // А.А. Белкин. Читая Достоевского и Чехова: Статьи и разборы. М.: Художественная литература, 1973. С. 129–134.
5. Бондаревская О.А. Эпиграф как ключ к художественному толкованию романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Ключевое слово «Зерно» // Вестник ТГУ. 2007. № 4. С. 80–83.
6. Бонецкая Н.К. Жизнь и философская идея Михаила Бахтина // М.М. Бахтин. Автор и герой в эстетическом событии. СПб.: Алетейя, 2022. С. 5–34.
7. Бурега В.В., архимандрит Симеон (Томачинский). Гомилетика: учебник бакалавра теологии. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; Познание, 2018. 452 с.
8. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. 640 с.
9. Герасимов С.А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Кинопедагогика. М.: Искусство, 1985. 414 с.

10. Герасимов С.А. Творческий метод // Сергей Аполлинариевич Герасимов: художник и педагог: Сборник / составители М. О. Воденко [и др.]. М.: ВГИК им. С.А. Герасимова, 2016. С. 28–34.
11. Гроссман Л.П. Достоевский — художник // Творчество Ф. М. Достоевского: сборник статей. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 330–416.
12. Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев, науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. 271 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
14. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
15. Красавина А.В. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в историко-функциональном аспекте: на материале основных экранизаций: автореферат дис. . . канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 22 с.
16. Круглов Р.Г. Ф.М. Достоевский и кинематограф: проблемы интерпретации художественного мира писателя на экране. СПб: СПбГИКиТ, 2020. 222 с.
17. Кружков Г.М. Орбиты слов: русская поэзия и европейская традиция. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 384 с.
18. Новикова Е.Г. «Мир спасет красота» Ф.М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX – первой половины XX в. // Достоевский и XX век / под редакцией Т.А. Касаткиной: В 2-х т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 97–124.
19. Передача «Личность» о судьбе Рениты Григорьевой – кинорежиссера и основателя Елецкого землячества. Елец ТВ. 2 февраля 2018 г. URL: <https://etkr.ru/передача-личность-о-судьбе-рениты-г/> (Дата обращения: 22.12.2025).
20. Пищита Е.М. Актер и не актёр как носители культуры в фильмах Рениты и Юрия Григорьевых // Вестник ВГИК. 2011. № 4. С. 65–72.
21. Пудовкин В.И. О монтаже // Пудовкин В.И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Искусство, 1974. С. 167–178.
22. Рябokonь А.В. Кинообразование: теория и метод С.А. Герасимова // Киноclubное движение в России: история и современность / отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, 2022. С. 68–84.
23. Соколова Е.К. Литературный и художественный образ и кинообраз. Проблема соотношения и взаимовлияния: на примере киноинтерпретаций романов Ф.М. Достоевского: автореферат дис. . .канд. филол. наук. М.: 2013. 18 с.
24. Сыромятников О.И. Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф.М. Достоевского. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2014. 368 с.
25. Фудель С.И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2016. 340 с.
26. Шах-Азизова Т.К. Уроки христианского поведения // Экран. 1991. № 3. С. 10–11.

© Четина Елена Михайловна (chetina@mail.ru), Герцен Алекс Александровна (herzenal@inbox.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ЛЮБОВНОГО КАНОНА В РУССКОМ ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РАССКАЗЕ

Чжан Юй

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
yu.zhang92@yandex.ru

DECONSTRUCTION OF THE CLASSICAL LOVE CANON IN THE RUSSIAN POSTMODERN SHORT STORY

Zhang Yu

Summary: The article examines the principal mechanisms of deconstruction of the classical love canon in the Russian postmodern short story. Based on works by Andrey Bitov, Tatyana Tolstaya, Lyudmila Petrushevskaya, and Viktor Pelevin, the study analyzes different models of transformation of the love plot, ranging from existential illusion and aesthetic simulacrum to traumatic reduction and playful mystification. It is argued that in Russian short prose of the second half of the twentieth century love loses the status of a stable anthropological constant and increasingly appears as a textual construct, a form of subjective projection, or an object of deconstruction of the reader's expectations. The article concludes that the destruction of the classical love canon reflects the general logic of postmodern poetics, which problematizes authenticity, the integrity of the subject, and the axiological certainty of feeling.

Keywords: Russian postmodernism, love canon, deconstruction, simulacrum, short story, Andrey Bitov, Tatyana Tolstaya, Lyudmila Petrushevskaya, Viktor Pelevin.

Аннотация: В статье исследуются основные механизмы деконструкции классического любовного канона в русском постмодернистском рассказе. На материале произведений А. Битова, Т. Толстой, Л. Петрушевской и В. Пелевина анализируются различные модели трансформации любовного сюжета — от экзистенциальной иллюзии и эстетического симулякра до травматической редукции и игровой мистификации. Доказывается, что в русской малой прозе второй половины XX века любовь утрачивает статус устойчивой антропологической константы и все чаще выступает как текстуальная конструкция, форма субъективной проекции или объект деконструкции читательских ожиданий. Делается вывод о том, что разрушение классического любовного канона отражает общую логику развития постмодернистской поэтики, ориентированной на проблематизацию подлинности, целостности субъекта и ценностной определенности чувства.

Ключевые слова: русский постмодернизм, любовный канон, деконструкция, симулякр, малая проза, А. Битов, Т. Толстая, Л. Петрушевская, В. Пелевин.

Введение

Тема любви принадлежит к числу наиболее устойчивых тем русской литературы. В классической традиции любовь осмысливается как событие внутреннего становления личности. Однако на рубеже 1980–1990-х годов произошла кардинальная смена культурной парадигмы: литература перестала быть «учебником жизни». Как отмечает А.Г. Коваленко, культура утратила «качество, присущее ей на протяжении последних двух столетий: она перестала быть литературоцентричной» [6, с. 1–2]. В русле идей французского постструктурализма Р. Барт подчеркивал, что на смену классическому «произведению» приходит «Текст» — многомерное пространство, сотканное из цитаций и кодов, где «смысл не находится в конце рассказа, а пронизывает его насквозь» [7, с. 202, 227–230].

Русский постмодернистский рассказ демонстрирует последовательное разрушение классического любовного канона: чувство лишается целостности, объект любви становится проекцией или симулякром, а сюжет превращается в игру с читательским ожиданием. Как отмечает М.М. Голубков, литературная панорама 1990-х годов определяется взаимодействием реалистической и постмодер-

нистской тенденций, причем последняя особенно заметно проявила себя во второй половине десятилетия [4, с. 376–377]. В таком контексте любовный сюжет утрачивает прежнюю устойчивость и оказывается включенным в пространство игры, симуляции и интертекстуальной подмены.

В малой прозе данная трансформация проявляется особенно отчетливо, поскольку компактная форма рассказа позволяет концентрированно выявить механизмы смыслового сдвига. Цель настоящей статьи — выявить основные механизмы деконструкции классического любовного канона в русском постмодернистском рассказе. Материалом исследования служат произведения А. Битова, Т. Толстой, Л. Петрушевской и В. Пелевина.

Теоретические основания деконструкции любовного канона

Классический любовный канон основывается на представлении о внутренней правде чувства и целостности субъекта. В постмодернистской парадигме эти основания подвергаются радикальной ревизии [8 с. 112].

Методологически значимой является категория любовной иллюзии, разработанная А.О. Большевым [3,

с. 45]. Объект любви выступает не как реально познанный другой, а как проекция субъективных ожиданий. Эту проекционную природу чувства можно интерпретировать и в более широком теоретическом контексте. Как показал Ж. Деррида, операция деконструкции «заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нем скрытых... остаточных смыслов...» [7, с. 18]. Применительно к любовному сюжету это означает, что постмодернистский автор не просто пересказывает любовную историю, но обнажает ее внутренние противоречия, демонстрирует, как культурный канон любви одновременно провоцирует и разрушает субъективные проекции персонажа. Деконструкция, таким образом, — это не уничтожение, но «разрушение исходного смысла и его одновременное созидание» [7, с. 18].

Теоретически важным представляется и то, что в исследованиях постмодернизма подчеркивается принципиальная значимость таких категорий, как интертекстуальность, деконструкция и симулякр. Как отмечает М.М. Голубков, именно эти понятия составили один из базовых языков описания постмодернистской поэтики [4, с. 379–380]. В применении к любовному сюжету это означает, что чувство в постмодернистском рассказе осмысливается уже не как самодостаточная антропологическая данность, а как текстуально опосредованная конструкция, для анализа которой продуктивно применение категорий интертекстуальности, деконструкции и симулякра. Центральной для такого анализа становится категория интертекстуальности, введенная Ю. Кристевой: «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [7, с. 37]. Любовный канон в этом смысле есть не что иное, как совокупность «чужих дискурсов», «голосов» и «культурных языков», которые писатель-постмодернист впитывает и трансформирует [7, с. 38].

Поэтому деконструкция классического любовного канона не сводится к внешнему пародированию традиционных сюжетов. Речь идет о демонтаже тех аксиологических и антропологических предпосылок, на которых держалась классическая модель любви: под вопрос ставятся подлинность переживания, устойчивость субъекта и сама возможность ценностно однозначной интерпретации любовной истории.

Таким образом, любовь переводится из онтологического плана в сферу симуляции и интерпретации. В этом контексте постмодернистский рассказ оказывается пространством, где происходит последовательная проверка пределов любовного сюжета как культурной формы.

Андрей Битов: любовь как экзистенциальный мираж

Анализ любовного сюжета в «Пенелопе» необходимо

поместить в более широкий историко-культурный контекст. Как отмечает М. М. Голубков, на рубеже 1980–1990-х годов произошла делегитимация метанарратива советской утопии, что привело к «смещению идеологического центра» литературы [4, с. 375], литература перестала быть «учебником жизни», а слово писателя — «словом пастыря» [4, с. 363]. Однако семиотические механизмы этой трансформации начали формироваться уже в 1960-е годы. В рамках французского постструктурализма была разработана концепция «смерти субъекта», согласно которой человеческое «я» перестало мыслиться как устойчивый центр, а предстало как расщепленная и процессуальная инстанция [7, с. 48]. В ранней прозе А. Битова эти теоретические установки находят своё художественное воплощение: его герой не способен к подлинному диалогу с другим, а любовное переживание оказывается не более чем субъективной проекцией, лишённой онтологической опоры.

Рассказ А. Битова «Пенелопа» (1962) уже на уровне заглавия вступает в интертекстуальный диалог с античной моделью верности, носящий деконструктивный характер: мифологический образ Пенелопы лишён аксиологической устойчивости и превращается в проблематизированный культурный знак. В соответствии с обозначенными установками, любовь в рассказе утрачивает статус внутренней правды чувства, возникая как эффект восприятия, зависящий от случайных обстоятельств.

Главный герой — Лобышев, ленинградец, начальник отряда экспедиции. Оказавшись с парой часов свободного времени, он выбирает самый лёгкий способ времяпрепровождения — пойти в кино. Его ощущение свободы основано на сознательном отказе от рефлексии: «он инстинктивно понял, что подобным можно все это к черту развезать и потерять и поэтому лучше не думать ни о чем подобном» [2, с. 69]. Как отмечено критикой, герой раннего Битова предстаёт «не равным самому себе», он живёт в режиме намеренной симуляции спокойствия [15, с. 119–120].

Сюжетная ситуация — кратковременная встреча в подворотне кинотеатра «Колизей» — демонстрирует, что любовное переживание существует лишь как мгновенная проекция сознания. В полутьме герой видит «небольшую крепенькую фигурку... и молодое, ничего себе лицо» [2, с. 74], достраивая привлекательный образ. В этом смысле реализуется описанный А. О. Большевым механизм «любовной иллюзии»: объект чувства оказывается результатом субъективной конструкции [3, с. 45]. Деконструкция романтического ожидания происходит при выходе героев из подворотни на свет. Взгляд Лобышева фиксирует социальную ущербность: «задрипанный... пиджак с загибающимися, как собачьи уши, старомодными лацканами», «стоптанное, бесформенное» на ногах [Битов, с. 74]. Вещный мир мгновенно разрушает

любвную проекцию, и герой начинает стыдиться спутницы. Его тяготит не сама девушка, а мнение гипотетических наблюдателей. В «Пенелопе» это проявляется в том, что герой не способен удержать ни объект любви, ни собственное переживание как внутренне достоверное [15, с. 119–120].

Далее автор подвергает героя серии испытаний, и каждое Лобышев проваливает. Девушка предлагает купить бутерброд и «съесть пополам» [2, с. 78]; она заговаривает об абстрактной живописи, демонстрируя наличие вкуса, но Лобышев высокомерно отмахивается, думая про себя: «Что же это за жуткий опыт такой она приобрела, что со мной про абстрактную живопись заговаривает?..» [2, с. 78].

Кульминация двойственности достигается в темноте зрительного зала. Как только гаснет свет, к Лобышеву возвращается комфорт: «Ему, в общем, было приятно, как она обращалась с ним в темноте» [2, с. 75]. Происходит тактильное сближение. Герой переживает искомое приключение исключительно под покровом тьмы и под аккомпанемент фильма «Одиссей», чувствуя себя «немного Одиссеем» [2, с. 82] и оправдывая себя тем, что и в древности люди были «слабаки» [2, с. 81].

При этом битовская модель сохраняет экзистенциальное измерение. В финале Лобышев сбегает, но в его душе вспыхивает мучительный вопрос: «Как же... как же я буду с этим жить?» [2, с. 82]. Это остаточная боль совести. Однако, как только девушка исчезает, герою становится «так пусто и легко, словно он взлетит сейчас в воздух, как отпущенный шарик» [2, с. 82]. Как отмечается в исследованиях, для Битова важна тема отчуждения и осознания пределов собственного «я» [9, с. 206–207]. Герой выбирает лёгкость, а не диалог с Другим.

Этот отказ от диалога знаменует собой симптом более глубинного кризиса — кризиса самого «субъекта» как целостной инстанции. В постструктуралистской перспективе субъект никогда не совпадает с самим собой; он всегда «расщеплён между субъектом высказывания-процесса и субъектом высказывания-результата» [7, с. 47]. Лобышев оказывается не в состоянии удержать ни собственное «я», ни другого именно потому, что его сознание лишено той внутренней связности, которую классическая традиция приписывала любящему субъекту.

Татьяна Толстая: эстетизация любовной иллюзии

Если в прозе А. Битова любовь превращается в экзистенциальный мираж, то у Т. Толстой деконструкция любовного канона приобретает форму эстетизации. В этом отношении её проза иллюстрирует тезис Р. Барта о переходе от «произведения» к «Тексту»: любовное чувство

утрачивает референтную привязку к реальному объекту и становится самодостаточной знаковой конструкцией [7, с. 35]. В её текстах иллюзорность чувства не ведёт к обесцениванию, а становится условием сохранения любви как внутренней ценности, выполняющей компенсаторную функцию [1, с. 52; 5].

Наиболее показательной в этом отношении является поэтика рассказа «Река Оккервиль», где любовное чувство разворачивается в пространстве замкнутой иллюзии. Герой рассказа, Симеонов, одинокий переводчик, существует в унылом мире коммунального быта и случайных связей с «постельной» подружкой Тамарой. Единственной отдушиной для него становится граммофон и пластинка с романсом в исполнении певицы Веры Васильевны. Толстая подробно описывает эскапистский ритуал героя: он «ставил чайник, стирал рукавом пыль со стола, расчищал от книг... пространство, устанавливал граммофон... и ...извлекал ...Веру Васильевну – старый, тяжёлый, антрацитом отливающий круг» [12, с. 436]. В этом замкнутом мире любовь к певице становится для него единственной реальной ценностью, в то время как живая Тамара — лишь досадная помеха. Как показано в исследовании, образ вращающейся пластинки формирует «круг» как символ замкнутого цикла, внутри которого герой непрерывно переходит от реальности к фантазии [13, с. 164].

Толстая намеренно сталкивает эту эстетизированную иллюзию с грубой реальностью. Симеонов, воодушевлённый своей любовью, находит адрес Веры Васильевны и отправляется к ней. Его воображение рисовало «томную наяду» [12, с. 437], но реальность оказалась беспощадной: он встречает грузную, вульгарную старуху, которая, «хохотала низким голосом над громоздящимся посудой столом, <...> и лихо же пила, чаровница, и лихо же поворачивалась туда-сюда тучным телом» [12, с. 445]. Эта сцена — деконструкция романтического мифа. Однако, в отличие от героя Битова, который сбегает от реальной женщины, Симеонов не может просто отринуть свою любовь. Вернувшись домой, он снова ставит пластинку и, отворачиваясь от света, вслушивается в серебряный голос. Его сознание милосердно вытесняет реальную встречу, и любовь продолжает существовать в своём эстетизированном, «граммофонном» варианте, формируя «круг одиночества» и поддерживая внутреннюю жизнь субъекта [13, с. 163–164].

Таким образом, у Толстой иллюзорная любовь оказывается особым эстетизированным симулякром. Любовь переживается как подлинное чувство, но лишена референтной основы и не может быть реализована в действительности. В отличие от битовской модели, где иллюзия разрушает субъекта, у Толстой симулякр не разрушает, а поддерживает его, становясь единственным способом сохранения смысла в условиях его утраты.

Людмила Петрушевская: травматическая редукция любви

В творчестве Л. Петрушевской любовный канон подвергается наиболее радикальной деконструкции. В её «жёсткой» прозе любовь включена в пространство социальной и психологической травмы [11, с. 210], становясь формой болезненной зависимости или инструментом выживания. Чувство лишается ореола святости, а романтическая перспектива вытесняется бытом, телесностью и психологической деформацией.

Ярким примером такой деструкции идеала является рассказ «Мост Ватерлоо», где любовный сюжет подменяется кинематографическим симулякром. Любовь здесь существует не как живое чувство, а как «заёмная» эмоция, импортированная из экранной реальности одноименного фильма [14, с. 165]. Центральная героиня, «баба Оля», — немолодая, одинокая женщина, чья жизнь до предела редуцирована. Петрушевская с намеренной жестокостью описывает её внешность («облезлая», «тучный стан» [11, с. 132]) и быт — тесную квартиру, где она окружена равнодушной дочерью и внуками.

Единственной отдушиной для героини становится случайно увиденный фильм «Мост Ватерлоо». В тёмном зале кинотеатра баба Оля переживает иллюзорное преображение: «увидела на экране все свои мечты, себя молоденькую, тоненькую... и ту жизнь, которую она почему-то не прожила» [11, с. 134]. Героиня пытается втиснуть свою обыденную жизнь в рамки возвышенного голливудского канона. Постмодернистская специфика текста проявляется в том, что иллюзия не дополняет реальность, а полностью вытесняет её: баба Оля начинает жить в ритме киносеансов, механически воспроизводя чужие жесты и слова [14, с. 167]. Однако этот эскапизм не просветляет, а лишь усугубляет её нелепость в глазах окружающих.

Финал рассказа закрепляет травматическую редукцию любви. Возвращаясь после очередного сеанса, окрылённая баба Оля встречает странного молодого человека, который спрашивает у неё размер ноги. Эта встреча — жестокая пародия на сказочный сюжет о Золушке: «маленькая нога» героини оказывается слишком велика для «принца». Мир иллюзий, где баба Оля была героиней, сталкивается с реальностью, где она — лишь «бедный и больной призрак» [11, с. 138]. В отличие от эстетизированного симулякра Толстой, который поддерживает внутренний мир субъекта, у Петрушевской симулякр оказывается травматичным: он не компенсирует, а лишь усугубляет разрыв между иллюзией и реальностью. Любовь здесь окончательно дегероизируется: она предстаёт как симптом общего кризиса человеческих отношений, болезненная попытка выжить в абсурдном мире, где даже спасительная иллюзия оборачивается фарсом.

Виктор Пелевин: игровая аннигиляция любовного субъекта

В творчестве В. Пелевина деконструкция любовного канона достигает предела. Любовный сюжет в его малой прозе оказывается не репрезентацией чувства, а результатом когнитивной проекции читателя, спровоцированного игровыми стратегиями автора.

В рассказе «Зигмунд в кафе» (1993) объектом деконструкции становится сам механизм интерпретации «романтического» и «эротического». Название задаёт системе ожиданий: имя Зигмунд ассоциируется с Фрейдом, венское кафе — с местом психоаналитического наблюдения. Читатель, ведомый этой установкой, начинает искать в поведении героев скрытые сексуальные мотивы.

Пелевин мастерски поддерживает эту иллюзию. Первая пара — «господин с бакенбардами и дама с высоким шиньоном» — заказывает устриц и шампиньоны, а затем разыгрывает сцену с кремовой трубочкой. Вторая пара — хозяйские дети: мальчик строит дом, девочка лукаво разрушает его. Третья пара — хозяйка и официант, чьи действия (официант лезет в подпол, хозяйка вкручивает лампочку, зажав её во рту) также наполнены эротическим подтекстом. Каждое из этих наблюдений сопровождается репликой старика в углу: «Ага!» [10, с. 500, 501, 504] — междометие, которое в контексте психоанализа провоцирует читателя на поиск всё новых «улик». Повествование строится как система игровых стратегий, где любовь демонстрируется как дискурсивный эффект, навешенный фрейдистской оптикой [16, с. 433].

Однако финал радикально разоблачает эти проекции. Зигмунд просит принести корм для попугаев: «Зигмунд» оказывается не человеком, а птицей, а его «ага» — лишь бездумным повторением выученных звуков. Здесь срабатывает эффект «обманутого ожидания»: статус психоаналитика понижается до уровня говорящей птицы. Это — осуществление принципа игры в чистом виде: автор провоцирует читателя на производство ложных смыслов, а затем их деконструирует. Ирония Пелевина направлена не на Фрейда, а на читателя, готового поддаться чужому влиянию. Любовь окончательно превращается в элемент текстуальной игры, где вместо чувства — лишь следы культурных кодов и собственные проекции интерпретатора.

Заключение

Деконструкция классического любовного канона в русском постмодернистском рассказе отражает глубокую трансформацию ценностных ориентиров литературы конца XX — начала XXI века. Проведенный анализ позволяет проследить эволюцию этого процесса. От битовской «любовной иллюзии» (А.О. Боровой), где любовь

еще сохраняет статус экзистенциального миража, через эстетический симулякр Т. Толстой, где культурные знаки замещают подлинное чувство, к травматической редукции любовного сюжета в «жесткой» прозе Л. Петрушевской, где любовь становится лишь формой болезненной зависимости [14, с. 165]. Предельную точку эта деструкция находит у В. Пелевина, где происходит игровая аннигиляция любовного субъекта, а само чувство демонстрируется как гносеологическая ловушка и продукт дискурсивных манипуляций [16, с. 143].

В рамках постмодернистской парадигмы любовь утрачивает статус устойчивой антропологической

константы, становясь элементом текстовой игры и объектом деконструкции читательских ожиданий [9, с. 143]. При этом, как показано в теоретической части, сама операция деконструкции (по Ж. Деррида) предполагает не только разрушение, но и созидание смысла. Однако в проанализированных рассказах этот баланс оказывается нарушен: деструкция здесь доминирует, что коррелирует с тезисом о «смерти субъекта» в постструктуралистской философии [7, с. 48]. Русский постмодернистский рассказ демонстрирует не просто формальное изменение сюжета, но и кризис представлений о целостном субъекте и подлинности человеческого переживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова Е.А. Несказки Татьяны Толстой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 126 с.
2. Битов А.Г. Пенелопа // Битов А.Г. Империя в четырех измерениях: собр. соч.: в 4 т. М.: АСТ, 1996. Т. 1. С. 68–83.
3. Большев А.О. Морфология любовной истории. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 157 с.
4. Голубков М.М. Литературный процесс: от реализма к модернизму. М.: Издательство АСТ, 2026. 416 с.
5. Гоцило Е. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 200 с.
6. Коваленко А.Г. Современная русская литература в глобальном культурном пространстве: Учебное пособие. М.: РУДН, 2008.
7. Косиков Г.К. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000.
8. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
9. Мохаммед Адам Э.А., Коваленко А.Г. семантический комплекс путешествия в творчестве А.Г. Битова // Научный диалог. 2021. № 2.
10. Пелевин В.О. Generation «П». Рассказы. М.: Вагриус, 1999. 590 с.
11. Петрушевская Л.С. Дом девушек. М.: Вагриус, 1999. 448 с.
12. Толстая Т.Н. Река Оккервиль. М.: Подкова, 2003. 464 с.
13. Чжан Ю. Образ круга в рассказе Т. Толстой «Река Оккервиль» // Социалистический реализм: pro et contra. Современный взгляд и перспективы: Сборник научных статей XXIV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 22 мая – 01 2024 года. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2024. – С. 158–164. – EDN PJODRN.
14. Чжан Ю. Кино и реальность в «неженской» прозе Л. Петрушевской (рассказ «Мост Ватерлоо») // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2023. Т. 4. № 1. С. 164–170.
15. Якунина И.А. Автор и герой в прозе А. Битова 1960-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22.
16. Zhang Yu., Cvetova N., Vlasova E., et al. Game strategies in victor Pelevin's short story "Sigmund in the café" // Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research, 2024, 14(2). P. 433–435.

© Чжан Юй (yu.zhang92@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОСЕТЕВОЙ ПЕРЕВОД И ПОСТМАШИННОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ В МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ВЫЗОВЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

NEURAL TRANSLATION AND POST-EDITING IN MARKETING: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

*E. Shevchuk
Zh. Nikiforova
I. Vatskovskaya*

Summary: The globalization of markets and the acceleration of digital communications have created a need for the rapid localization of marketing content and the adaptation of the «brand voice» to meet the expectations of a multilingual audience. While modern neural machine translation (NMT) and large language models (LLMs) can significantly reduce time and costs, their application to creative and emotionally charged texts carries the risk of losing brand tonality, semantic and cultural distortions, and erosion of audience trust. This article analyzes the capabilities and limitations of neural machine translation in marketing communications and compares the cost-effectiveness of traditional translation, raw machine translation, and the hybrid approach (MT + Post-Editing). It examines common localization errors that impact brand image, cultural risks, and the ethical and legal aspects of using cloud-based services. The study identifies the evolving role of the translator towards that of a «brand guardian» and a mediator of intercultural communication. Practical recommendations are formulated for organizing the MT+PE process, developing corporate glossaries and style guides, and integrating translation with marketing analytics and language quality assurance (LQA) systems. The conclusion is drawn that the hybrid model is the optimal standard for localizing marketing texts within global strategies.

Keywords: neural machine translation, post-editing, marketing communications, brand tone, transcreation, hybrid MT+PE approach.

Шевчук Екатерина Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский Политехнический
Университет Петра Великого
ekaterinashevchuk@yandex.ru

Никифорова Жанна Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский Политехнический
Университет Петра Великого
nikiforovash@gmail.com

Вацковская Ирина Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Российский
государственный университет им. А.И. Герцена,
(г. Санкт-Петербург)
butterfly999@yandex.ru

Аннотация: Глобализация рынков и ускорение цифровых коммуникаций обусловили необходимость оперативной локализации маркетингового контента и адаптации «голоса бренда» под ожидания многоязычной аудитории. Современные нейросетевые модели перевода (NMT, LLM) позволяют существенно сократить сроки и издержки, однако при работе с креативными и эмоционально нагруженными текстами сохраняется риск утраты тональности бренда, смысловых и культурных искажений, нарушения доверия аудитории. В статье представлен анализ возможностей и ограничений нейросетевого перевода в маркетинговых коммуникациях, проведено сравнение экономической эффективности классического перевода, машинного перевода и гибридного подхода (MT + Post-Editing). Рассмотрены типичные ошибки локализации, влияющие на имидж бренда, культурные риски, этические и правовые аспекты работы с облачными сервисами. Выявлена трансформация роли переводчика в направлении «хранителя бренда» и медиатора межкультурной коммуникации. Сформулированы практические рекомендации по организации процесса MT + PE, разработке корпоративных глоссариев и стайлгайдов, интеграции перевода с маркетинговой аналитикой и системами контроля качества (LQA). Сделан вывод о целесообразности гибридной модели как оптимального стандарта локализации маркетинговых текстов для глобальных стратегий.

Ключевые слова: нейросетевой перевод, постредактирование, маркетинговые коммуникации, тональность бренда, транскреация, гибридный подход MT + PE.

Глобализация рынков и интенсивное развитие цифровых каналов коммуникации принципиально изменили парадигму продвижения товаров и услуг. Современный потребитель ожидает контент на родном языке, соответствующий привычным стилевым нормам и культурному контексту. Для компаний это означает необходимость формирования и сопровождения многоязычных маркетинговых кампаний, что при использовании

исключительно традиционного перевода сопряжено с высокими временными и финансовыми затратами.

В последние десятилетия наблюдается качественный скачок в развитии машинного перевода — от статистических алгоритмов к нейросетевым системам и крупным языковым моделям, способным генерировать тексты, близкие к естественной речи. Эти технологии открывают

бизнесу возможности сокращения сроков локализации, снижения издержек и оперативного масштабирования присутствия на международных рынках. Вместе с тем маркетинговый текст обладает спецификой: он не только передаёт информацию, но и формирует эмоциональный отклик, укрепляет имидж бренда и способствует росту доверия к компании.

Отсюда возникает ключевой вопрос: способен ли нейросетевой перевод обеспечить качество и тональность, сопоставимые с работой профессионального переводчика в сфере маркетинга? С одной стороны, современные решения демонстрируют высокую скорость и экономичность, с другой — сохраняются риски смысловых и культурных искажений, утраты «голоса бренда» и снижения доверия целевой аудитории.

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием технологий перевода и межкультурных коммуникаций, особенно после появления в широком доступе чат-ботов и сервисов генеративного искусственного интеллекта (ChatGPT, DeepSeek, Claude, GigaChat и др.). Всё чаще целесообразность привлечения профессионального переводчика для решения задач перевода ставится под сомнения, ведь нейросетевые системы демонстрируют удовлетворительные результаты. При этом проблематика использования машинного перевода для маркетинговых коммуникаций с иноязычной аудиторией пока остается недостаточно изученной. При оценке потенциала искусственного интеллекта как инструмента повышения эффективности взаимодействия с потребителями специалисты по маркетингу основное внимание уделяют возможности его применения для одного языка [2, 5, 6, 8].

Новизна исследования заключается в комплексной оценке возможностей и ограничений применения нейросетевого перевода в маркетинговых коммуникациях и разработке рекомендаций по снижению сопутствующих рисков.

Цель статьи – разработка рекомендаций по использованию нейросетей при переводе маркетинговых текстов с учётом их стилистической специфики и потенциальных угроз для бренда.

Эволюция машинного перевода прошла путь от словарно-подстановочных систем 1950-х годов к статистическим методам начала 2000-х и, начиная с 2016 года, к нейросетевым моделям, обеспечившим существенный прирост качества и естественности результата при сохранении отдельных ограничений в передаче сложных конструкций [1]. Прорывным стало внедрение нейронных систем (Neural Machine Translation, NMT), использующих рекуррентные и трансформерные архитектуры для учёта контекста целого высказывания и сохранения

стиля изложения. В последние годы внимание привлекают крупные языковые модели (Large Language Models, LLM), способные не только переводить, но и генерировать тексты с заданным стилем и тональностью. В отличие от традиционных фразовых систем, состоящих из множества изолированных компонентов, нейросетевой перевод строится на обучении единой модели, преобразующей входное предложение в числовое представление и формирующей перевод на основе миллионов параллельных текстов. Сети могут быть дообучены под специфику отрасли (юридический, медицинский, маркетинговый перевод и т.д.), что повышает терминологическую точность [13].

Маркетинговый дискурс принципиально отличается от технического и юридического: его прагматическая функция направлена на стимулирование целевого действия, привлечение внимания, формирование узнаваемости и лояльности. Эмоциональный отклик достигается посредством лингвистических (игра слов, метафоры, культурные аллюзии, элементы юмора) и паралингвистических средств. Корректное определение характеристик целевой аудитории и соответствующая стратегия речевого поведения напрямую влияют на эффективность маркетинговой коммуникации; неверный выбор языковых средств способен вызвать дисбаланс в работе маркетингового комплекса и привести к репутационным потерям [3].

Сохранение брендингового стиля и культурной релевантности является критически важным условием при переводе рекламных и PR-материалов. Ошибки в нюансах способны снизить конверсию кампании и вызвать негативную реакцию аудитории. В маркетинговой сфере перевод рассматривается, скорее, как творческий процесс, близкий к транскреации (творческая адаптация рекламного, маркетингового контента или материалов сайта), чем как механический перенос смысла. Интеграция технологий искусственного интеллекта с инструментами рекламы и PR открывает бизнесу дополнительные возможности для персонализации коммуникаций, ускоренной аналитики и повышения результативности кампаний [15].

Для достижения цели и решения задач исследования применен комплекс теоретико-аналитических подходов. В их числе:

- анализ и синтез научных источников по вопросам машинного перевода, маркетинговых коммуникаций и транскреации;
- сравнительный анализ подходов к локализации (традиционный перевод, нейросетевой машинный перевод, гибридные модели с постредактированием);
- обобщение практик ведущих российских и международных компаний, в том числе метод анализа

кейсов из переводческой практики (кейс-стади). Упор был сделан на кейсы крупнейших брендов, наиболее ярко демонстрирующих, что забота о снижении финансовых издержек, в том числе за счет сокращения времени выхода компании на новые рынки, может обернуться репутационными, а в некоторых случаях и значительными финансовыми потерями;

- методы экономического анализа, включающие расчет издержек, оценку показателей эффективности и моделирование потенциальной экономии при переходе на нейросетевой перевод с постредактированием.

Для расчетов были взяты показатели, актуальные для рынка переводческих услуг РФ в 2024–2024 годах. Производя расчет средней стоимости за страницу перевода (стандарт для РФ 1800 знаков), мы воспользовались рейтингом, представленным «Ассоциацией переводческих компаний» [12], опираясь на данные тех компаний, которые публикуют цены на свои услуги в открытом доступе и высчитав среднерыночные показатели. Отметим, что показатели стоимости приведены для наиболее распространенной языковой пары русский/английский; фактические цены зависят от тематики, срочности, объема, специфики заказа, региона и ценовой политики агентства. Основываясь на данных о среднерыночных тарифах ведущих переводческих бюро РФ, авторы приняли за основу следующие показатели: 574 руб. за 1 страницу (объем 1800 знаков) перевода пары русский-английский, и 425 руб. за 1 страницу перевода (объем 1800 знаков) пары английский-русский.

Для расчета стоимости постредактирования мы также обратились к данным, предоставляемым переводческими компаниями. Однако в данном случае методики расчета, принятые разными компаниями, разнились. Так, большая часть компаний производит расчет по формуле «X% от базового тарифа», где постредактирование составляет 50–80% от обычного тарифа перевода (несколько бюро прямо фиксируют 50%; другие — «от 80%»). Тем не менее, это не единственная методика расчета стоимости PEMA (Post-Editing Machine Translation – постредактирование машинного перевода). Есть компании, предлагающие фиксированный тариф за страницу, составляющий 270–350 /стр. в зависимости от тематики. Есть предложения с почасовой оплатой, что актуально, когда объем правок трудно оценить по символам. Стоимость подобного рода услуг составляет приблизительно 1000 /час). Наконец, некоторые переводческие бюро предлагают услугу литературного редактирования текста в том числе носителем языка. При этом доплата составляет от 500 /стр., но встречается и до 100% тарифа, а в случае редактирования носителем — до 200%. Таким образом было принято решение вести расчет стоимости PEMA по наиболее распространенной формуле

«X% от базового тарифа», где за X было принято среднее арифметическое значение, составляющее 65%.

Довольно затруднительным представляется рассчитать полную стоимость перевода маркетинговой кампании, так как ее запуск, включающей лендинги, цепочки e-mail-писем, описания продуктов, кейсы и инструкции, требует перевода десятков тысяч слов.

При этом мы учитываем, что в российской переводческой традиции (в отличие от общемировой) объем считается постранично, при этом одна переводческая страница равна 1800 знакам. Для корректности расчета важно помнить, что средняя длина английского слова (с пробелами) составляет около 5 знаков, русского — 5,28. Даже при умеренных объемах экономический эффект становится ощутимым, особенно при многократном тиражировании кампаний в течение года.

Исходя из вышесказанного, мы предложили усредненные параметры для корпоративных проектов разного объема (табл. 1).

Важно понимать, что для крупных брендов и компаний с высокой динамикой международной экспансии суммарный годовой объем перевода может быть значительно больше и исчисляться сотнями тысяч слов.

С учетом предложенных нами методов мы провели расчет экономической эффективности для каждого из перечисленных в Таблице 1 видов работ (табл. 2). Очевидно, что чем более масштабным является проект, тем сильнее можно снизить издержки.

Отметим, что значения, приведенные в Таблицах 1 и 2 даны как ориентировочные и зависят от тематики, срочности и уровня креативности текста.

Потенциал нейросетевого перевода в маркетинговой деятельности представляется значительным. Прежде всего речь идет о скорости и масштабируемости процессов: современные системы позволяют за часы подготовить черновой перевод многостраничного веб-ресурса, цепочек e-mail-рассылок или рекламной кампании на десятки языков. Для компаний, действующих в динамичных отраслях, это обеспечивает синхронный выход на новые рынки без существенных временных издержек.

Вторым значимым преимуществом является гибкость и высокий уровень интеграции. Современные платформы NMT и LLM легко интегрируются с CMS и CRM, а также другими инструментами маркетинговой аналитики и автоматизации. Возможна и кастомизация моделей с учетом корпоративного глоссария и бренд-стиля, что ведет к консистентности сообщений во всех каналах коммуникации.

Таблица 1.

Примерный объем работ при локализации маркетинговых материалов.

Параметр	Значение	Символов в 1 слове	Страниц объемом 1800 знаков (рус / англ)
Средний проект (корпоративный) (стандартный лендинг + цепочка писем)	~10 000 слов	Средняя длина английского слова 5 символов, средняя длина русского слова 5,28 символов	27,7 / 29,3
Малый маркетинговый проект (краткий лендинг + рекламное сообщение)	~2 500 слов	5 / 5,28	6,9 / 7,3
Лендинг сайта (краткий)	~1 950 слов	5 / 5,28	5,4 / 5,72
Стандартный лендинг	~2 800	5 / 5,28	7,8 / 8,2
Полноформатный лендинг	~5 000	5 / 5,28	13,8 / 14,6
Среднегодовой объем работ для интенсивной локализации	От 100 000 слов и более	5 / 5,28	277,8 / 293,3
Средний годовой объем работы переводчика (включая перевод и постредактирование)	От 600 000 до 1 200 000 слов в год	5 / 5,28	От 1667 / 1760 до 3334 / 3520

(составлено авторами с использованием [12])

Таблица 2.

Сравнительная стоимость перевода и постредактирования (РЕМТ).

Тип работ	Перевод Макс сумма (руб)	Перевод Мин сумма (руб)	РЕМТ Макс сумма (руб)	РЕМТ Мин сумма (руб)	Экономия (макс руб.)	Экономия (мин руб.)
Средний проект (корпоративный) (стандартный лендинг + цепочка писем)	15899,80	12452,60	10334,87	8 094,19	5 564,93	4 358,41
Малый маркетинговый проект (краткий лендинг + рекламное сообщение)	3960,60	3102,60	2574,39	2 016,69	1 386,21	1 085,91
Лендинг сайта (краткий)	3099,60	2432,00	2014,74	1 580,80	1 084,86	851,20
Стандартный лендинг	4477,20	3486,00	2910,18	2 265,90	1 567,02	1 220,10
Полноформатный лендинг	7921,20	6206,00	5148,78	4 033,90	2 772,42	2 172,10
Годовой объем для интенсивной локализации	159457,20	124652,60	103647,18	81 024,19	55 810,02	43 628,41
Средний годовой объем работы переводчика (включая перевод и постредактирование)	2020480,00	956858,00	1313312,00	621957,70	707168,00	334900,30

(составлено авторами с использованием [12])

Третьим фактором является снижение совокупных затрат на локализацию. Благодаря автоматизации первичного перевода мы можем оптимизировать стоимость по сравнению с классическими подходами, что особенно важно для малого и среднего бизнеса, доступ которых к многоязычным каналам ранее был ограничен бюджетом. Таким образом, оставшиеся ресурсы могут быть потрачены на разработку, продвижение и аналитику.

Еще одним преимуществом можно считать возможность оперативного тестирования гипотез: генерация черновых версий текстов позволяет быстро варьировать формулировки, анализировать отклики аудитории и корректировать коммуникационную стратегию, что значительно ускоряет цикл «идея – проверка – корректировка» и способствует повышению эффективности кампаний.

Важно помнить, что часть бюро прямо предупреждает своих заказчиков о том, что для имиджевых/маркетинговых материалов МТРЕ может быть неуместен и лучшим вариантом становится выбор «транскреации» или полного цикла перевода, выполненного человеком, иначе слишком возрастают репутационные, а, как следствие, и финансовые, риски нанесения урона TOV или глоссу бренда. Это отражено на официальных страницах компаний, предлагающих услуги перевода.

Несмотря на очевидные преимущества нейросетевого машинного перевода, его использование в маркетинговых коммуникациях сопряжено с рядом ограничений (см. табл. 1), обусловленных спецификой соответствующих технологий [7], текущим уровнем их развития и несовершенством правового регулирования их применения (что в целом типично для цифровых продуктов [2]).

Одним из ключевых рисков является потеря «голоса бренда». Несмотря на то, что нейросетевые модели обеспечивают высокий уровень грамматической правильности перевода, они не всегда улавливают эмоциональный оттенок и стилистические особенности коммуникации. Слоганы, основанные на игре слов, идиомах или культурных аллюзиях, теряют выразительность, а иногда приобретают нежелательный смысл. «Срыв» голоса бренда приводит к противоречивости образа компании, снижению узнаваемости, ослаблению лояльности аудитории.

В качестве примера можно привести ситуации, с которыми столкнулись бренды KFC, Pepsi и др. В частности, слоган KFC *Finger-lickin' good* для рынка Китая был переведен как «Съешь свои пальцы», что породило пугающий образ вместо аппетитного. Широко известен еще один пример неудачной локализации для китайского рынка, когда Pepsi перевели свой слоган *Come alive with the Pepsi Generation* на китайский «Pepsi возвращает ваших предков из могил». Слоган банка HSBC *Assume Nothing* для ряда «неанглоязычных стран» (точный список HSBC не разглашает) был переведен как «Не делай ничего». Ошибка вызвала непонимание у целевой аудитории, в результате чего потребовалось перезапустить кампанию по продвижению на этих рынках. Это обошлось банку в дополнительные 10 миллионов долларов затрат. Как можно увидеть из приведенных примеров, искажение голоса бренда при локализации приводит к существенным репутационным и финансовым последствиям, а иногда и высоким операционным затратам для брендов на рынках выхода (см рисунок 1).

Нейросетевые системы могут некорректно интерпретировать метафоры, юмор, локальные реалии, что также приводит к снижению доверия или негативной реакции потребителей. Важно не упускать из внимания вопрос восприятия маркетингового текста аудиторией. Если подобный текст звучит неестественно, как «машинный», это снижает вовлеченность и не формирует эмоциональной связи с брендом. В условиях высокой конкуренции отсутствие индивидуального стиля ведёт к снижению лояльности и миграции клиентов.

Кроме того, использование облачных сервисов перевода подразумевает передачу данных третьим сторонам. При недостаточном регулировании конфиденциальности возникает риск утечки. Вопрос авторского права на результат автоматического перевода и ответственности за смысловые искажения остаётся дискуссионным.

Сочетание затрат и маркетинговых рисков для разных типов перевода представлено на рис. 2.

Ускорение цикла создания контента благодаря использованию гибридного подхода способствует оперативной реакции на рыночные тренды, а оптимизация бюджета высвобождает ресурсы для продвижения и аналитики, повышая ROI, ROMI и ROAS. Однако затраты при гибридном подходе в значительной степени зависят от объема услуг по редактированию.

Постредактирование (PEMT) текстов рекламного характера требует значительных усилий по приведению результата в соответствие с *tone of voice* (ToV) бренда

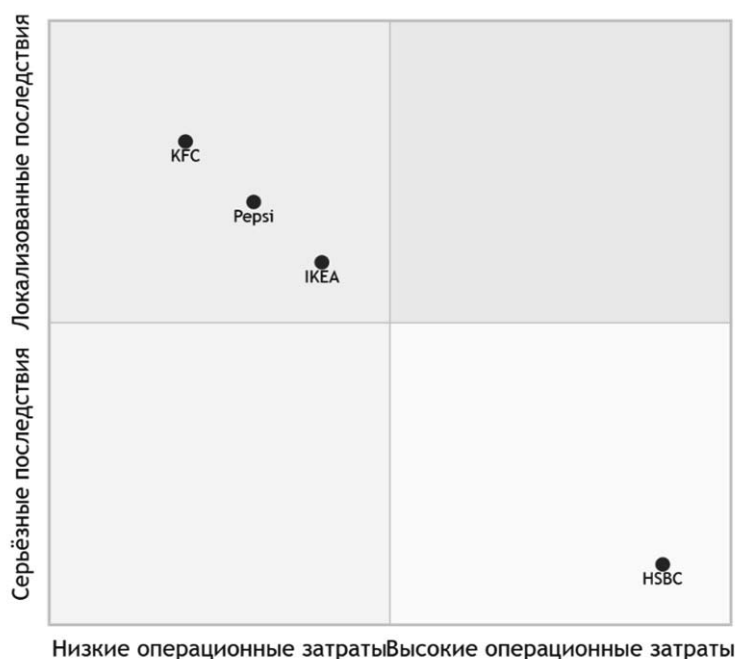


Рис. 1. Матрица последствий искажения голоса бренда при локализации (составлено авторами на материале [11, 16])

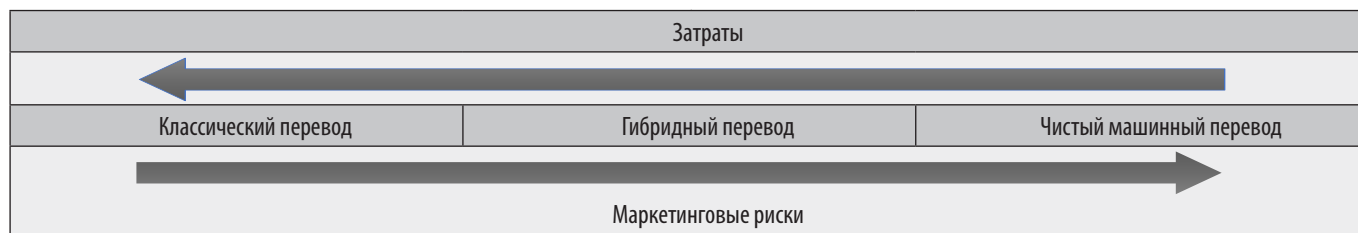


Рис. 2. Соотношение затрат и рисков при разных подходах к переводу маркетинговых текстов

(голос бренда) и нередко завершается по стоимости, близкой к полному тарифу креативного перевода.

По данным Шевчук и Никифоровой [11], ключевые требования к постредактору включают: предыдущий опыт, выполнение технического задания и ориентацию на целевое качество. Исходя из вышесказанного, для маркетинговых текстов дополнительно необходимы:

- согласование стиля и тональности с ToV бренда;
- смысловая адаптация метафор, шуток, культурных отсылок;
- проверка фактической точности;
- соблюдение правовых и этических норм.

Сегодня можно наблюдать то, как трансформируется роль переводчика: специалист становится «хранителем бренда», отвечающим за стилистическую и культурную целостность коммуникаций. Поддержку обеспечивают корпоративные языковые модели, инструменты анализа соответствия глоссарию и эмоциональной окраске. MT-сервисы интегрируются с CRM, CMS, маркетинговой аналитикой, усиливается внимание к конфиденциальности

и авторским правам.

Проведённый анализ показал, что эффективность применения нейросетевого машинного перевода в маркетинговых коммуникациях определяется не только уровнем зрелости технологий, но и степенью интеграции человеческой экспертизы. Гибридный подход (MT + Post-Editing) обеспечивает баланс между скоростью и экономичностью автоматизированной локализации и креативностью, культурной релевантностью и стилистической точностью, необходимыми для сохранения доверия аудитории.

Итак, нейросетевой перевод в маркетинге не следует рассматривать как конкурирующую замену профессиональному переводу. Он выступает инструментом повышения эффективности, который при грамотной организации рабочих процессов способствует ускорению локализации, оптимизации бюджета и росту доверия целевой аудитории. В обозримой перспективе гибридная модель MT + PE с активной ролью редактора и маркетолога представляется оптимальным стандартом для глобальных маркетинговых стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассоциация переводческих компаний: [Электронный ресурс]. – URL: <https://atcru.org/rating2024/> (дата обращения: 30.09.2025).
2. Багиев Г.Л. Технологии искусственного интеллекта в бизнесе и маркетинге / Г.Л. Багиев, М.Б. Яненко, М.Е. Яненко // Проблемы современной экономики. – 2021. – № 3(79). – С. 105–109. – EDN QYIFOM.
3. Бурханов Т.Р. Роль нейросетей в маркетинговом продвижении компании на B2C рынке / Т.Р. Бурханов, В.А. Кошель // Практический маркетинг. – 2023. – № 12(318). – С. 4–10. – DOI 10.24412/2071–3762-2023-12318-4-10. – EDN JGQYLI.
4. Головкина С.И. Риски и этические аспекты искусственного интеллекта / С.И. Головкина, Н.В. Валебникова, А.Д. Чупина // Российский экономический интернет-журнал. – 2023. – № 3. – EDN SPALXI.
5. Кириллова Т.В. Развитие технологий искусственного интеллекта в Китае: современное состояние и использование в торговле / Т.В. Кириллова, С. Инь // Экономический вектор. – 2025. – № 3(42). – С. 136–143. – DOI 10.36807/2411–7269-2025-3-42-136-143. – EDN EIQYWA.
6. Колотвина Е.Н. Проблемы оценки роли чат-ботов в формировании лояльности потребителей / Е.Н. Колотвина, С.Г. Божук, Н.А. Плетнева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2025. – № 1(110). – С. 126–137. – DOI 10.21295/2223–5639-2025-1-126-137. – EDN TBNYLK.
7. Котляров И.Д. Проблемы правового регулирования финтеха / И.Д. Котляров // Информационное общество. – 2020. – № 4. – С. 12–22. – EDN WRDCJK.
8. Куликова О.М. Роль чат-ботов в построении эффективных коммуникаций / О.М. Куликова, С.Д. Суворова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4–3(55). – С. 33–37. – DOI 10.24412/2500–1000-2021-4-3-33–37. – EDN YEMYEG.
9. Машинный перевод: история и особенности // Translator-School: [Электронный ресурс]. – URL: <https://translator-school.com/blog/mashinnyj-perevod-istoriya-i-osobennosti> (дата обращения: 07.09.2025).
10. Рябухина Ю.В. Менеджмент, маркетинг, дискурс / Ю.В. Рябухина // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 2. – С. 17. – EDN THTWSJ.
11. Шевчук Е.В. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов / Е.В. Шевчук, Ж.А. Никифорова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2021. – Т. 10, № 39. – С. 46–54. – DOI: 10.18720/HUM/ISSN2227-8591.39.04. – EDN VVPATV.

12. Что такое нейронный машинный перевод // Linguise: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.linguise.com/ru/блог/руководство/что-такое-нейронный-машинный-перевод> (дата обращения: 07.09.2025).
13. Big Brands That Failed Due to Bad Translations // Language Services: [Электронный ресурс]. – URL: <https://translationexcellence.com/brands-that-failed-due-to-bad-translation/> (дата обращения: 07.09.2025).
14. Language Industry Statistics // WiFitTalents: [Электронный ресурс]. – URL: <https://wifitalents.com/language-industry-statistics> (дата обращения: 07.09.2025).
15. Language Translation NLP – Worldwide Market Forecast // Statista: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/natural-language-processing/language-translation-nlp/worldwide> (дата обращения: 07.09.2025).
16. Video Translation Fails That Led to Brand Disasters // Braahmam: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.braahmam.net/blog/video-translation-fails-that-led-to-brand-disasters> (дата обращения: 07.09.2025).

© Шевчук Екатерина Владимировна (ekaterinashevchuk@yandex.ru), Никифорова Жанна Александровна (nikiforovash@gmail.com),
Вацковская Ирина Сергеевна (butterfly999@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛИЙСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Шлыкова Наталья Владимировна

Аспирант, Казанский (Приволжский) Федеральный университет
shlykova.20021993@gmail.com

OCCASIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH FILM DISCOURSE

N. Shlykova

Summary: This article examines the mechanisms and patterns of occasional transformation of phraseological units in the English-language film discourse of detective television series. The study's material includes three British detective series—Scott & Bailey (2011–2016), Inspector George Gently (2007–2017), and Ripper Street (2012–2016)—comprising a total of 78 episodes (approximately 65 hours of spoken language). The sample yielded 892 instances of phraseological units, of which 267 (29.9%) represent occasional transformations of common phraseological units. Based on structural and semantic analysis, six regular transformation patterns were identified: component substitution (33.7% of the total number of transformations), ellipsis (18.0%), expansion (16.1%), syntactic derivation (13.1%), contamination (11.2%), and literalization (7.9%). A relationship was established between the chronotope of the series (historical era, professional environment) and the set of transformation patterns used. The results of the study contribute to the theory of phraseology and can be used in the analysis of other genres of film discourse.

Keywords: phraseological unit, occasional transformation, film discourse, detective television series, British series, professional speech, historical chronotope.

Аннотация: В статье исследуются механизмы и закономерности окказиональной трансформации фразеологических единиц в англоязычном кинодискурсе детективных телесериалов. Материалом исследования послужили три британских детективных сериала — «Скотт и Бейли» (2011–2016), «Инспектор Джордж Джентли» (2007–2017) и «Улица потрошителя» (2012–2016) — общим объёмом 78 эпизодов (около 65 часов звучащей речи). В результате сплошной выборки было зафиксировано 892 употребления фразеологических единиц, из которых 267 случаев (29,9%) представляют собой окказиональные трансформации узусных фразеологизмов. На основе структурно-семантического анализа выделены шесть регулярных моделей трансформации: замена компонента (33,7% от общего числа трансформаций), эллипсис (18,0%), расширение (16,1%), синтаксическая деривация (13,1%), контаминация (11,2%) и буквализация (7,9%). Установлена зависимость между хронотопом сериала (историческая эпоха, профессиональная среда) и набором используемых трансформационных моделей. Результаты исследования вносят вклад в теорию фразеологии и могут быть использованы при анализе других жанров кинодискурса.

Ключевые слова: фразеологическая единица, окказиональная трансформация, кинодискурс, детективный телесериал, британский сериал, профессиональная речь, исторический хронотоп.

Введение

Детективные телесериалы представляют собой особый пласт кинодискурса, сочетающий черты драматического повествования с жанровыми особенностями криминальной прозы: необходимостью создания достоверной профессиональной речи персонажей (полицейских, следователей, криминалистов), напряжённой атмосферой расследования и психологической глубиной героев. Британские детективные сериалы, в частности такие, как «Скотт и Бейли», «Инспектор Джордж Джентли» и «Улица потрошителя», предоставляют уникальный материал для исследования фразеологических трансформаций. Эти сериалы различаются по хронотопу: современная полицейская процедура (2010-е годы), послевоенная Англия 1960-70-х годов и викторианский Лондон 1889 года. Сопоставительный анализ фразеологических трансформаций в разных исторических и профессиональных контекстах позволяет выявить как инвариантные механизмы моделируемости фразеологических единиц, так и их зависимость от социально-исторических факторов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения вариативности фразеологических трансформаций.

Цель исследования — построение типологии моделей трансформации фразеологических единиц в англоязычных детективных телесериалах и выявление факторов, влияющих на характер этих трансформаций.

Теоретической базой исследования послужили работы по общей и сопоставительной фразеологии [1; 5; 6; 7], прагмалингвистике [3; 4], теории кинодискурса [2; 8] и когнитивной лингвистике [9]. Фундаментальные положения отечественной фразеологии разработаны в трудах А.В. Кунина [5], В.Н. Телии [7], А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [6]. Монография А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [6] посвящена функционированию фразеологизмов в русской речи, включая механизмы их контекстуальных преобразований. Современные теоретические обобщения представлены в кратком курсе А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [1], где систематизированы подходы к описанию фразеологии. Применительно к ки-

нодискурсу значимой является статья И.В. Зыковой [3], где определяются параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальной среде художественного фильма. Среди зарубежных исследований следует отметить коллективную монографию под редакцией К. Бирс Фегерстен [8], посвящённую лингвистическому анализу телевизионного дискурса. Когнитивный аспект восприятия языковых трансформаций освещается в теории концептуальной интеграции (блендинга), разработанной Ж. Фоконье и М. Тёрнером [9].

Материалы и методы исследования

Материалом послужили три британских детективных телесериала: 1. «Скотт и Бейли» (Scott & Bailey, 2011–2016) — 33 эпизода (около 28 часов). Сериал о работе Манчестерского отдела по расследованию серьёзных преступлений, сценарий которого консультировала бывшая сотрудница полиции Дайан Тейлор; 2) «Инспектор Джордж Джентли» (Inspector George Gently, 2007–2017) — 24 эпизода (около 20 часов). Действие происходит в 1960–70-е годы на севере Англии; 3) «Улица потрошителя» (Ripper Street, 2012–2016) — 21 эпизод (около 17 часов). Лондон, Уайтчепел, 1889 год, викторианская эпоха. Общий объём — 78 эпизодов (около 65 часов звучащей речи). Выбор сериалов обусловлен жанровым единством (детектив/криминальная драма) при значительных различиях в хронотопе и профессиональной среде, что позволяет провести сопоставительный анализ.

Методика включала: (1) сплошную выборку контекстов с фразеологическими единицами в узуальной или трансформированной форме; (2) структурно-семантический анализ трансформаций по параметрам (тип, степень отклонения от инварианта, сохранение внутренней формы); (3) квантитативный подсчёт частотности моделей; (4) функционально-прагматический анализ с учётом профессиональной принадлежности и социального статуса персонажа; (5) сопоставительный анализ по сериалам с учётом исторического хронотопа.

Результаты и обсуждение

Всего зафиксировано 892 употребления фразеологических единиц, из которых 267 (29,9%) представляют собой окказиональные трансформации. Распределение зафиксированных фразеологических единиц по сериалам демонстрирует значительные различия как в общем объёме фразеологического материала, так и в доле окказиональных трансформаций. Наибольшее количество фразеологических единиц зафиксировано в сериале «Скотт и Бейли» — 376 узуальных употреблений и 152 трансформированных, что составляет 28,8% от общего числа фразеологических единиц в данном сериале. Вы-

сокий показатель объясняется современной профессиональной средой полицейского управления и высокой плотностью диалогической речи, характерной для процессуальной драмы.

В сериале «Инспектор Джордж Джентли» зафиксировано 298 узуальных и 71 трансформированная фразеологическая единица; доля трансформаций составляет 19,2%. Снижение показателя по сравнению с современным сериалом может быть связано с историческим хронотопом 1960–70-х годов, предполагающим большую нормативность речи и меньшую экспериментальность, хотя отдельные трансформации, отражающие социальные и культурные изменения эпохи, представляют значительный интерес.

Наименьшее количество трансформаций зафиксировано в сериале «Улица потрошителя»: 251 узуальное употребление и 44 трансформированных, что составляет 14,9% от общего числа фразеологических единиц в этом сериале. Столь низкий показатель объясняется стилизацией речи под викторианскую эпоху (1889 год), где авторы сценария стремятся к исторической достоверности и избегают анахроничных или экспериментальных языковых форм, отдавая предпочтение каноническим фразеологическим единицам.

Общий объём проанализированного материала — 892 фразеологические единицы. Из них 267 (то есть 29,9%) — это окказиональные трансформации.

Следует выделять шесть моделей трансформации. Первое место — замена компонента (субституция): 33,7% от всех трансформаций, 90 случаев. Ритмико-синтаксический каркас фразеологизма остаётся прежним, а меняется один лексический элемент. В сериале «Скотт и Бейли» (серия 2.4) детектив Рэйчел Скотт обсуждает подозреваемого и говорит: «We need to dig deeper. This guy's not just covering his tracks — he's paving the whole road» (вместо обычного «cover one's tracks»). Замена глагола cover на pave и добавление the whole road рисуют образ не просто заметания следов, а продуманного, системного уничтожения улик. В «Инспекторе Джордже Джентли» (серия 4.2) сержант Бахус про коррумпированного коллегу выдаёт: «He's been flying under the radar for years, but now the radar's caught up with him» (обычно говорят «fly under the radar»). А в «Улице потрошителя» (серия 1.5) инспектор Эдмунд Рид заявляет: «We're not just fishing for information now — we're trawling the whole bloody Thames» (вместо «fish for information»). Замена глагола fish на trawl (тралить) и расширение через «the whole Thames» отлично передаёт отчаяние: детективы переходят от тонкого сбора информации к грубому, масштабному поиску.

Эллипсис (сокращение) — 18,0% (48 случаев). Чаще

всего встречается именно в речи полицейских: экономия языковых средств плюс опора на общий профессиональный контекст. В «Скотт и Бейли» (серия 3.2) звучит: «You know what they say about assumptions...» — и дальше договаривать не надо. Все помнят пословицу про «mother of all fuck-ups» или хотя бы про «ass out of u and me». В «Инспекторе Джордже Джентли» (серия 5.1): «A word to the wise is sufficient... though not for everyone, apparently» (обычная пословица «A word to the wise is sufficient»).

Расширение (экспансия) — 16,1% (43 случая). Добавляешь лишние компоненты к привычной структуре — и можно либо конкретизировать смысл, либо эмоционально его усилить. В «Скотт и Бейли» (серия 1.6): «I've got his back — his front, his sides, and every bloody angle» (обычно просто «have someone's back»). Детектив Джанет Бейли так описывает, как она прикрывает напарницу в опасной операции. В «Улице потрошителя» (серия 2.3): «We've opened a can of worms that's crawling all over Whitechapel» (вместо «open a can of worms»). Добавленное «crawling all over Whitechapel» буквально оживляет метафору, привязывает её к пространству Уайтчепела.

Синтаксическая деривация — 13,1% (35 случаев). Меняется синтаксическая роль или грамматическая форма фразеологизма. В «Скотт и Бейли» (серия 2.1): «All this passing-the-buck between departments is wasting precious time» (вместо «pass the buck»). Именная деривация позволяет назвать бюрократическую привычку перекалывать ответственность устойчивым термином. В «Инспекторе Джордже Джентли» (серия 3.4): «The covering-of-tracks was meticulous» (вместо «cover one's tracks»). Такое образование с двойным дефисом больше подошло бы письменному отчёту, но здесь оно в диалоге инспектора с начальником — и отлично подчёркивает формальный тон их общения.

Контаминация — 11,2% (30 случаев). Смешивают два фразеологизма. В «Скотт и Бейли» (серия 4.3): «We're chasing our tails and barking up the wrong tree simultaneously» (смесь «chase one's tail» и «bark up the wrong tree»). Детектив жалуется на тупик: полиция тратит время на бесполезные действия, да ещё и направление этих действий ошибочное. Контаминация только усиливает чувство профессионального бессилия. В «Улице потрошителя» (серия 1.8): «You've made your bed, and now the whole bloody East End has to lie in it with you» (смесь «make one's bed and lie in it» плюс добавление «the whole bloody East End»). Капитан Джексон прямо говорит коллеге: своими действиями ты подставил не только себя, но и весь район. Расширенная контаминация подчёркивает социальную ответственность — в замкнутом сообществе Уайтчепела все друг от друга зависят.

Буквализация — 7,9% (21 случай). Форма фразеологизма сохраняется, но актуализируется прямое зна-

чение. В «Инспекторе Джордже Джентли» (серия 6.2): «He literally covered his tracks — with a bloody mop and bucket» (обычное «cover one's tracks»). Джентли рассказывает про убийцу, который не просто замёл улики, а физически вымыл пол на месте преступления. Получается мрачная ирония: преступник цинично педантичен. В «Улице потрошителя» (серия 3.1): «The killer has a skeleton in the cupboard — a real one, with flesh still on it» (вместо «have a skeleton in the cupboard»). Идиома про тайный скелет в шкафу становится реальным трупом. Эффект «ожившей метафоры» — и это вообще характерно для готической эстетики сериала.

Классификация фразеологических единиц по В.В. Виноградову (сращения, единства, сочетания) выявила существенные различия в их способности к окказиональным трансформациям. Фразеологические единства демонстрируют максимальную способность к трансформации. Из 287 зафиксированных единств трансформировано 161, что составляет 56,1% от общего числа единств в материале. Прозрачная внутренняя форма единств, сохраняющая образную мотивированность, позволяет детективам и следователям варьировать компоненты, сохраняя при этом узнаваемость инварианта. Наиболее трансформируемыми оказались единства с соматическим компонентом («keep an eye on», «pull someone's leg») и с пространственной семантикой («on thin ice», «under the radar»). Фразеологические сочетания занимают промежуточное положение: из 354 зафиксированных сочетаний трансформировано 79, что составляет 22,3%. В профессиональной речи полицейских часто трансформируются сочетания с ограниченной сочетаемостью, такие как «to pay attention» (с расширением до «to pay full forensic attention») или «to take measures» (с расширением до «to take unprecedented measures»). Ограниченная валентность сочетаний снижает, но не исключает возможность трансформации. Фразеологические сращения наименее моделируемы: из 251 зафиксированного сращения трансформировано лишь 27, что составляет 10,8%.

Выводы

Сопоставление трёх сериалов обнаруживает устойчивую связь между историческим хронотопом и характером фразеологических трансформаций. В современном сериале «Скотт и Бейли» доля замены компонента максимальна — 36,2% от всех трансформаций в данном сериале. В «Инспекторе Джордже Джентли» этот показатель снижается до 32,4%, а в викторианской «Улице потрошителя» достигает минимума — 27,3%. Аналогичную динамику даёт эллипсис: 21,7% в «Скотт и Бейли», 15,5% в «Джордже Джентли» и лишь 9,1% в «Улице потрошителя». Высокие значения субституции и эллипсиса в современном сериале объясняются плотностью профессиональной коммуникации, потребностью в быстром обмене информацией и ориентацией на динамичный,

экономичный диалог — черты, характерные для процессуальной полицейской драмы. Противоположная картина складывается с контаминацией и буквализацией. В «Улице потрошителя» доля контаминации достигает 15,9% — почти в полтора раза выше, чем в «Скотт и Бейли» (9,9%). Доля буквализации здесь составляет 11,3% против 5,9% в современном сериале. Это расхождение, по-видимому, связано со стилистической задачей воссоздания викторианской речи — с её тяготением к многословию, литературным оборотам и риторическим фигурам. Контаминация, требующая от адресата определённой лингвистической рефлексии, и буквализация, создающая эффект «ожившей метафоры», органично вписываются в готическую эстетику сериала, действие которого разворачивается в Уайтчепеле 1889 года. По-

казатели расширения (15,1% в «Скотт и Бейли», 18,3% в «Джордже Джентли», 18,2% в «Улице потрошителя») и синтаксической деривации (11,2%, 14,1% и 18,2% соответственно) демонстрируют постепенный рост по мере удаления от современности. «Инспектор Джордж Джентли» занимает промежуточное положение по всем параметрам. Это отражает переходный характер эпохи 1960–70-х годов, когда английское общество и язык находились между традиционной (викторианской) и современной речевой культурой. Таким образом, хронотоп детективного сериала выступает не просто декоративным фоном, но активно формирует репертуар фразеологических трансформаций, используемых сценаристами для создания исторической достоверности и аутентичной речевой характеристики персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, 2021. 312 с.
2. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 584 с.
3. Зыкова И.В. Параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальном дискурсе (на материале художественных фильмов) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 46–65. DOI: 10.18721/JHSS.16304
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. М.: Гнозис, 2016. 352 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 3-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.
6. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М.: Русские словари, 2001. 856 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
8. Beers Fägersten K. (ed.). Watching TV with a Linguist. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2016. 312 p.
9. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 464 p.

© Шлыкова Наталья Владимировна (shlykova.20021993@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abakumov E. – Postgraduate Student, Ufa University of Science and Technology

Abdulkadyrov Aziz Alim oglu – Postgraduate Student, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Karelia Fevzi Yakubov Kirov Polytechnical University, Simferopol

Abissova M. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg

Alimova L. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State Social University, Moscow

Amosov N. – Senior Lecturer, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow

Aseykina L. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Krasnodar higher military aviation school of pilots

Astarkhanova N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov (Makhachkala)

Berlov A. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Beskromny V. – Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Bessonova A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vladivostok Branch of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok

Biankina A. – Rector, Institute of Social Sciences (Moscow)

Borodin P. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Far Eastern State Medical University, Khabarovsk

Burdina S. – Doctor of Philology, Professor, Perm State National Research University

Chadina S. – Federal State Budgetary Educational University of Higher Education Mordovsk State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Saransk

Chetina E. – Candidate of Philology, Lecturer, Perm State National Research University

Danelyan G. – Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots

Our authors

Dmitrieva O. – Federal State Budgetary Educational University of Higher Education Mordovsk State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Saransk

Dolgov V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Udmurt State University, Izhevsk

Dolmatova E. – Postgraduate Student, Far Eastern State Academy of Physical Education Culture, Khabarovsk

Egorova L. – Doctor of Philology, Associate Professor, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Karelia Fevzi Yakubov Kirov Polytechnical University, Simferopol

Egorova M. – Senior lecturer, Diplomatic academy MGIMO the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Fazulzyanova A. – Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

Fedyashina M. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation

Feng Jinbo – Liaoning University, China

Fimushkina A. – Federal State Budgetary Educational University of Higher Education Mordovsk State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Saransk

Fokin R. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Public Military Institution of Higher Education Military Space Academy named after Mozhaisky, Saint-Petersburg

Fomina P. – Assistant, RUDN University, Moscow

Gadziakhmedov N. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala

Gadzimagomedova T. – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant, Dagestan State Medical University (Makhachkala)

Galitsyn S. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Far Eastern State Academy of Physical Education, Khabarovsk

Gavrilina A. – Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

Guleva L. – Senior Lecturer, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation

Herzen A. – Perm State National Research University

Huang Shaofei – Lomonosov Moscow State University, Moscow

Inevatkina S. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational University of Higher Education Mordovsk State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Saransk

Ivanov N. – Doctor of History, Associate Professor, FSBEI HE Chuvash State University them. I.N. Ulyanov, Cheboksary

Ivanycheva Yu. – candidate of biological sciences, associate professor, Ryazan state medical university

Karimova K. – Senior Lecturer, North-West Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Karpov A. – Candidate of historical sciences, associate professor, FSBEI HE Chuvash State University them. I.N. Ulyanov", Cheboksary

Karpova O. – Senior lecturer, FSBEI HE Chuvash State University them. I.N. Ulyanov", Cheboksary

Kasatkina A. – Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University

Kashina L. – Senior lecturer, Krasnodar higher military aviation school of pilots

Kazinets V. – Associate Professor, FSBEI HE Pacific State University, Khabarovsk

Khanmurzina R. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

Khlopkova M. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, MGIMO University

Kolomeytseva E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Film and Television

Kolosova T. – candidate of chemical sciences, associate professor Ryazan state medical university

Kondalova N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, RTU MIREA, Moscow

Kopreva L. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots

Koroteeva K. – Senior lecturer, Diplomatic academy MGIMO the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Kotelnikova O. – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Vladivostok Branch of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Vladivostok

Kudelko T. – Senior Lecturer, Perm State scientific research University

Kurganov D. – Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University

Ladonina E. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volgograd State University

Laksaeva E. – candidate of biological sciences, associate professor, Ryazan state medical university

Magomedova S. – Dagestan State University, Makhachkala

Makarova M. – Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University

Marchuk S. – Candidate of pedagogical sciences, assistant professor, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg

Marchuk V. – Candidate of biological sciences, assistant professor, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg

Mokaeva I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik

Nikiforova Zh. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Nikitin A. – Associate Professor, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation

Nikitin A. – Graduate student, State University of Education, Moscow

Ohanyan V. – Graduate student, State University of Education, Moscow

Oleinik Ju. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky

Perminov A. – Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Popov G. – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Moscow Institute of Modern Academic Education

Pugacheva E. – Postgraduate student, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow

Rabadanova P. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Dagestan State Medical University (Makhachkala)

Ryzhenkova T. – Federal State Budgetary Educational University of Higher Education Mordovsk State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, Saransk

Saglam F. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

Semakina I. – Federal State Budgetary Educational University of Higher Education Mordovsk State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, Saransk

Semenova S. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University, Krasnodar

Shevchuk E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Shevelkov A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, National Research Center Moscow State University of Civil Engineering

Shlykova N. – Postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University

Simonova E. – Senior lecturer, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific National University", Khabarovsk

Sinegubov S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University

Stepanova O. – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Russian Foreign Trade Academy, Moscow

Surgan M. – Senior Researcher, Center for Geography, Lecturer, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Karelia Fevzi Yakubov Kirov Polytechnical University, Simferopol

Sychev I. – doctor of biological sciences, associate professor, Ryazan state medical university

Sytina N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Volgograd State University

Tyutyukov V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Far Eastern State Academy of Physical Education, Khabarovsk

Ulyanova Yu. – Federal State Budgetary Educational University of Higher Education Mordovsk State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, Saransk

Usyaeva D. – Postgraduate Student, Far Eastern State Academy of Physical Culture, Khabarovsk

Vatskovskaya I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, A.I. Herzen Russian State University, St. Petersburg

Vinogradova A. – Candidate of Pedagogical Sciences, methodologist, GBU IMC Krasnoselsky district of St. Petersburg

Vodopetov S. – Candidate of Political Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Voronin V. – Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University

Voronina D. – Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University

Wang Ke – Tianjin University of Foreign Languages

Wang Yuting – Graduate student, St. Petersburg State University

Yurasova K. – Federal State Budgetary Educational University of Higher Education Mordovsk State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, Saransk

Zhandarova A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University, Krasnodar

Zhang Jiyuan – Post-graduate student, Perm State National Research University

Zhang Yu – Lomonosov Moscow State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ♦ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc" или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ♦ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ♦ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ♦ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ♦ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ♦ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ♦ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ♦ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ♦ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ♦ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ♦ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ♦ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ♦ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).